

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

ЮЛЬ.

1873.

8245
97-21

ДѢЛО

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ЗДОРОВЬЕ ПОДРОСТАЮЩИХЪ ПОКОЛѢНІЙ .
(Окончаніе). А. НИХАЙЛОВА.
- II. РАЗВОЙНИКЪ. Стихотвореніе. (Изъ Петефи.). . . А. Ш.
- III. СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ
ПОВОЛЖЬЯ. (Продолженіе). Д. Л. МОРДОВЦЕВА.
- IV. ИЗЪ МОНОЛОГОВЪ. Стихотвореніе. В. И. СЛАВЯНСКАГО.
- V. ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ. Романъ. (Часть вторая.
Гл. XI — XVI) Н. Н. КАРАЗІНА.
- VI. ЗАВОТЫ ОВЩЕСТВА О СУДЬБѢ МАЛОЛѢТ-
НИХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ. (Ст. первая). ФОНЪ-ДЕРЪ-ХОВЕНА.
- VII. РОМАНТИЗМЪ РУССКІЙ. (Ст. первая). Н. РАДЮКІНА.
- VIII. БРЕСТЬЯНСКІЕ ВЫБОРЫ. (Сцены.) (Окончаніе). . . Н. И. НАУМОВА.
- IX. РОДНОЙ ГОРОДЪ. Стихотвореніе. (Изъ А. Пе-
тефи.). А. Ш.
- X. ВЕЗЪ ИСХОДА. Романъ. (Гл. XL — XLV). Б. М. СТАНЮКОВИЧА.
- XI. ШИНЕАРКА. Стихотвореніе. (Изъ А. Петефи.). . . А. Ш.
- XII. СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССИИ. (Продол-
женіе). П. ПУКОВА.
- XIII. ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Гл. I — IV). . . ФР. ГЕРШТЕКЕРА.
- XIV. ЛИЛЬОМЪ ПЕТИ. Стихотвор. (Изъ А. Петефи.) . . А. Ш.

Ом. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XV. ПУШКИНЪ И ЛЕРМОНТОВЪ. (Ст. первая.) . . . С. С. ШАНКОВА.

(А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки его произведеній. П. В. Анненкова. Изд. 2-е. Спб. 1873.—Сочиненія Лермонтова; съ портретомъ его, двумя снимками съ почерка и статью о Лермонтовѣ А. Н. Пыпина. Два тома. Изданіе 3-е (Глазунова), вновь свѣренное съ рукописями и дополненное, подъ ред. П. А. Ефремова.)

XVI. ТЕНДЕНЦИОЗНЫЙ РОМАНЪ. (Окончаніе.) . . . ПОСТНАГО.

(Сочиненія А. Михайлова. 5 томовъ. Спб. 1873.)

XVII. НОВЫЯ КНИГИ.

Древнее право, его связь съ древнею исторіею общества и его отношеніе къ новѣйшимъ идеямъ. Соч. Г. С. Мэна. Перев. съ англ. П. Бѣлозерской. 1873.—Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—54 гг. Дневникъ Н. В. Буссе. Съ отвѣтомъ г-мъ Невельскому и Рудановскому Ѡ. Буссе. Спб. 1872.—Наши сосѣди въ средней Азіи: Хива и Туркменія. Съ большою картою. Изданіе редакціи журнала «Всемирный Путешественникъ». Спб. 1873.—Марко Поло. Путешествіе въ 1286 г. по Татаріи и другимъ странамъ востока. Три части. Спб. 1873.—Народное образованіе. Народныя школы, ихъ современное положеніе и отношеніе къ нимъ законодательство во всѣхъ государствахъ. Соч. Э. Давлея. Спб. 1873.—Медицина и медики. Э. Литтре. Переводъ съ французскаго подъ ред. Цебриковой. Спб. 1873.—Памятная книжка с.-петербургской губерніи, составленная секретаремъ статистическаго комитета А. Ф. Елачичемъ и изданная по распоряженію комитета (съ прилож. карты губерніи). Спб. 1873.

XVIII. КВАРТИРНЫЙ ВОПРОСЪ НА ЗАПАДѢ И У НАСЪ.

(Окончаніе.) Н. П.

XIX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Положеніе главнѣйшихъ государствъ.—Слабость средневѣковой Германіи.—Господствующая тенденція въ жизни нѣмецкой націи.—Давность идеи объединенія Германіи.—Смутныя и сбивчивыя желанія и надежды революціонеровъ 1848 года.—Реакція въ Германіи.—Неудачная попытка императора Франца-Иосифа возстановить средневѣковую священную германскую имперію.—Связь Бисмарка съ Морни.—Война съ Даніей.—Геніальное коварство Бисмарка.—Пораженіе Австріи.—Восторгъ приверженцевъ идеи объединенія Германіи.—Раздѣленіе Германіи на сѣверный и южный союзы.—Соединенный парламентъ.—Наполеонъ III попадаетъ въ западню, разставленную ему Бисмаркомъ.— Переговоры его съ Виртембергомъ.—Призрачное увеличеніе территоріи Германіи.—Всѣ выгоды достались на долю Пруссіи.—Отношеніе къ побѣдителямъ

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ф Л Р“

въ 1873 году.

Журналъ «Д.Ф.Л.Р.» будетъ выходить въ 1873 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія шесть лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р. 50 к.
съ пересылкой 16 р.
съ дост. въ Петербургъ . . . 15 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „Д.Ф.Л.Р.“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „Д.Ф.Л.Р.“, Редакція проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(Адресоваться въ Главную контору журнала «ДѢЛО», въ С.-Петербургѣ, по Надеждинской ул., д. № 30/5.)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“:

Происхожденіе человѣка, Ч. Дарвина. Три выпуска, около 80-ти печатн. листовъ, съ рисунками. Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно стоитъ 2 р.

Избранныя рѣчи Дж. Брайта. Съ биографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Перев. съ англійскаго, подъ редакц. Г. Е. Благосвѣтлова. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигиены, В. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ пересылкою 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французск. подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигиены* д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: «Безпредѣльность гигиены». Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ — не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ двухъ томахъ. Богѣе 60-ти печ. лист. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 50 к.

Уроки элементарной физиологии, Томаса Гексли. Изданіе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ перес. 1 р.; съ пересылкой 1 р. 20 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“, равно и книгопродавцамъ, дается уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

№ 7.

Книг. № 24427

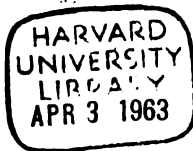
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДІНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1873.

№ 36.4 (1873)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 іюля, 1873 года.

ЗАМѢНА
ВЪ
ИНТЕРЬЕРА

ЗДОРОВЬЕ ПОДРОСТАЮЩИХЪ

ПОКОЛѢНІЙ.

IV.

Если количество свѣта, приходящееся на каждаго ученика, играетъ очень важную роль, вліяя на зрѣніе ребенка, то еще болѣе видную роль играетъ то количество воздуха, которое приходится въ классѣ на каждаго ученика. Это количество воздуха обусловливается размѣрами класса. „Величина классной комнаты, говоритъ Фаррентрапшъ, обусловливается числомъ учениковъ, величиною мѣста, занимаемого ими согласно съ ихъ возрастомъ, количествомъ пустаго мѣста передъ скамьями и позади ихъ, пространствомъ, занимаемымъ кафедру, досками, печью“. Но, зная размѣры класса въ ширину и длину, мы должны еще обратить вниманіе на высоту комнаты, такъ какъ низкая комната не можетъ быть здоровою комнатою. Классная комната не должна быть слишкомъ велика, иначе съ одной стороны ученики, сидящіе на послѣднихъ скамьяхъ, будутъ плохо различать нарисованныя или написанныя на классной доскѣ фигуры, слова и цифры, съ другой стороны—ученики, сидящіе на противоположной окнамъ сторонѣ, будутъ получать недостаточное количество свѣта, заслоняемаго другими учениками. Кроме того слишкомъ большая комната дѣлаетъ затруднительнымъ для учителя наблюденіе за учениками, учениковъ-же на послѣднихъ скамьяхъ утомляетъ необходимостью отвѣчать слишкомъ громко на вопросы учителя. Такимъ образомъ,

вопросъ о величинѣ классной комнаты довольно сложенъ. Несмотря на множество изысканій по этому предмету, доктора до сихъ поръ еще не пришли къ точнымъ заключеніямъ на счетъ опредѣленныхъ размѣровъ школьныхъ комнатъ, точно такъ-же какъ не пришли ни они, ни педагоги къ точному опредѣленію того числа учениковъ, которое можетъ быть допущено въ классѣ. Фаррентраппъ замѣчаетъ, что въ городскихъ школахъ, въ реальныхъ училищахъ и гимназіяхъ, не можетъ быть допускаемо болѣе 50 учениковъ на классъ, причемъ въ высшихъ классахъ число учениковъ не должно превышать 40 и даже 30 человекъ. Несмотря на то, что эти требованія очень умѣренны, что учителя очень не легко справиться съ 50 учениками, что трудно ожидать особенно благоприятныхъ для здоровья результатовъ отъ комнаты, наполненной 50 учениками, на практикѣ очень нерѣдко превышаетъ и это число учениковъ въ классѣ. Въ нѣкоторыхъ приходскихъ школахъ Берлина мы находимъ по 104 — 106 учениковъ въ классѣ, въ среднихъ и элементарныхъ школахъ въ Берлинѣ-же мы видимъ по 85 учениковъ въ классѣ, въ гимназіи въ Берлинѣ мы встрѣчаемъ 59,67 учениковъ въ классѣ, въ училищѣ, изслѣдованномъ казанскими врачами, во второмъ классѣ было 52 ученика, въ третьемъ 50 и т. д. Каждый ученикъ долженъ занимать за столомъ извѣстное пространство, смотря по возрасту; для воспитанниковъ младшихъ классовъ Фаррентраппъ опредѣляетъ эту площадь въ 3,6 кв. ф., для воспитанниковъ старшихъ классовъ въ 5,2 кв. ф. Рассчитывая разстояніе между столами, пространство для помѣщенія кафедры, печи и тому подобныхъ предметовъ, онъ считаетъ за минимумъ пространства на каждого ученика 14 кв. ф., тогда какъ въ великомъ герцогствѣ Гессенѣ въ тридцатыхъ годахъ, напримѣръ, требовалось на каждого ученика пространство не болѣе какъ въ 4 кв. ф., а въ новѣйшее время Монфальконъ и Вернуа требуютъ 27 кв. ф. на ученика. Но, принимая даже скромное требованіе Фаррентраппа, мы найдемъ въ большинствѣ училищъ недостаточность пространства, приходящагося на каждого ученика; такъ, напримѣръ, въ изслѣдованіяхъ казанскихъ врачей видно, что въ осмотрѣнномъ ими училищѣ только одинъ классъ имѣлъ болѣе 14 кв. ф. и одинъ имѣлъ 14 кв. ф. пространства на ученика, тогда какъ остальные классы имѣли иногда не болѣе 9,2 и даже 7,7 кв. ф. на ученика. „Тоже

можно сказать, замѣчаетъ г. Щербаковъ, и о корридорахъ, которые слишкомъ узки. Такъ во второмъ этажѣ ширина корридора 6 ф. 10 д., въ первомъ-же только 4 ф. 5 д., тогда какъ они въ школахъ не должны быть уже 8 или 11 футовъ. Эти узкіе корридоры особенно не желательны у насъ, такъ какъ въ зимнее время они служатъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ могутъ прохаживаться воспитанники во время перемѣнъ уроковъ“. Еще болѣе печальные результаты получались отъ осмотра низшихъ училищъ въ Базани. Здѣсь встрѣчались случаи, что въ классѣ на каждаго ученика приходилось не болѣе 8,3 кв. ф., 8 кв. ф., 7,3 кв. ф. 6,3 кв. ф. и даже 4,3 кв. ф. пространства.

При недостаточномъ квадратномъ пространствѣ ученики стѣсняются въ своихъ движеніяхъ, они тѣснятся и давятъ другъ друга на скамьяхъ, стараясь принять при писаньи болѣе удобное положеніе. Но хорошо еще если при недостаточности квадратнаго пространства является избытокъ кубическаго пространства, дающаго возможность свободно дышать чистымъ воздухомъ. Обыкновенно-же случается на оборотъ: маленькія комнаты большею частью бывають въ то-же время и низенькими комнатами, а при этомъ и является серьезная опасность для здоровья ученика, такъ какъ человѣку необходимо нужно для дыханія извѣстное количество воздуха.

Прежде всего мы должны здѣсь обратить вниманіе на процессъ дыханія и на обусловливаемы имъ измѣненія окружающаго насъ воздуха.

Этотъ вопросъ отлично разработанъ Петтенкоферомъ. По его исчисленіямъ на 100 частей содержится:

Въ чистомъ воздухѣ:	79,15	частей азота.
” ” ”	20,81	” кислорода.
” ” ”	0,04	” углекислоты.
Въ выдыхаем. воздухѣ:	79,55	” азота.
” ” ”	16,03	” кислорода.
” ” ”	4,38	” углекислоты.

Порча воздуха еще болѣе усиливается испареніями, состоящими изъ углекислоты, аммоніака и воды. По словамъ Петтенкофера, мальчикъ, вѣсящій 50 фунтовъ, вслѣдствіе учащеннаго дыханія, выдыхаетъ въ часъ почти столько-же углекислоты, сколько и взрослый человѣкъ, вѣсящій 100 фунтовъ. Вредное вліяніе ис-

порченнаго дыханіемъ воздуха обусловливается не однимъ увеличеннымъ количествомъ углекислоты, но главнымъ образомъ тѣми органическими веществами, которыя, выдѣляясь легочнымъ и кожнымъ дыханіемъ, сообщаютъ испорченному воздуху непріятный, вонючій запахъ, хотя и углекислота оказываетъ очень дурное вліяніе и Леблягъ, наприимѣръ, могъ пробыть только нѣсколько минутъ въ воздухѣ, содержащемъ 30% углекислоты. Опасность отъ испорченнаго воздуха для человѣка очень извѣстна. Въ незначительномъ количествѣ испорченный воздухъ не дѣйствуетъ прямо, какъ ядъ, онъ не вызываетъ какой-нибудь опредѣленной болѣзни, но онъ нарушаетъ обмѣнъ веществъ и уменьшаетъ въ организмѣ въ значительной степени способность противоудѣйствовать другимъ вреднымъ вліяніямъ. Доказано, что большое число заболѣваній и множество смертныхъ случаевъ въ казармахъ и тюрьмахъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ испорченнаго воздуха тѣхъ мѣстъ, гдѣ скучено чрезмѣрное количество народа. Смертность уменьшается здѣсь съ уменьшеніемъ числа живущихъ. То-же самое замѣчается въ больницахъ и на этомъ основаніи въ послѣднее время стараются превращать плотно закупоренныя, если можно такъ выразится, больницы въ легкіе бараки и палатки. Отъ излишняго скопленія людей зависѣла и смертность на невольническихъ корабляхъ. Подъ вліяніемъ испорченнаго воздуха въ 1755 году въ „черномъ гротѣ“ въ Лагорѣ изъ 146 военнопленныхъ съ 9 часовъ вечера до 5 часовъ утра умерло не мене 123 человѣкъ. Петтенкоферъ считаетъ воздухъ уже испорченнымъ, когда въ немъ содержится болѣе 10 частей углекислоты на 10,000 частей, и чистымъ комнатнымъ воздухомъ называетъ воздухъ, въ которомъ содержится не болѣе 6 или 7 частей углекислоты на 10,000 частей воздуха. Какъ-же велико должно быть кубическое пространство комнаты, чтобы она не вредила здоровью?

Конечно, нельзя построить классную комнату такой величины, чтобы втеченіи нѣсколькихъ часовъ подъ рядъ ученики могли удовлетворять потребность въ чистомъ воздухѣ безъ искусственной вентиляціи. Но такъ-же нельзя устраивать такихъ классныхъ комнатъ, въ которыхъ даже и при искусственной вентиляціи воздухъ не могъ-бы быть хорошимъ. Петтенкоферъ принимаетъ, что для того, чтобы въ извѣстномъ ограниченномъ про-

странствѣ воздухъ оставался годнымъ для дыханія, нужно, чтобы количество воздуха, доставляемаго въ извѣстную единицу времени, на столько превышало количество выдыхаемаго въ это-же время воздуха, на сколько содержаніе углекислоты выдыхаемаго воздуха больше разницы въ содержаніи углекислоты свободнаго воздуха и воздуха, еще считающагося годнымъ для дыханія. Дѣлая на основаніи этого правила свои исчисленія, докторъ Щербатовъ считаетъ, что минимум пространства долженъ равняться 500 куб. фут. на ученика. Но что-же онъ встрѣтилъ въ осмтрѣнномъ имъ училищѣ въ Казани? Онъ нашель, что помѣщеніе училища далеко не удовлетворяло требованіямъ гигиены: оно слишкомъ тѣсно, такъ какъ наибольшее количество воздуха было здѣсь слишкомъ въ 2 раза менѣе требуемаго количества. Онъ говоритъ, что даже если-бы было возможно уничтожить въ заведеніи всѣ корридоры, прихожія и пріемныя комнаты, физическій кабинетъ и бібліотеку, раздѣлить это помѣщеніе только на 7 классныхъ комнатъ, то и тогда училище было-бы очень и очень тѣсно. Онъ даже думаетъ, что тѣснота помѣщенія служила одною изъ причинъ усиленнаго выхода воспитанниковъ изъ заведенія ранѣе окончанія въ немъ курса ученья. Та-же недостаточность кубического пространства найдена казанскими врачами въ другихъ изслѣдованныхъ ими низшихъ училищахъ. Но не въ одной Казани, а вездѣ училища страдаютъ недостаточностью кубического пространства. При этомъ надо замѣтить, что вездѣ встрѣчается недостаточность искусственной вентиляціи, такъ что воздухъ не можетъ возобновляться и очищаться. При этомъ понятно, что свопленіе продуктовъ дыханія въ классахъ дѣлается довольно значительнымъ и не можетъ не вліять вредно на здоровье дѣтей.

Школа, по изслѣдованіямъ Ортеля, Петтенкофера, Беринга, Ланга и Роско, далеко оставляетъ за собою казармы, харчевни, рабочіе дома и даже полицейскія арестантскія помѣщенія. Только конюшня представляетъ нѣсколько худшій воздухъ, чѣмъ школа. Эти данныя очень интересны и мы выписываемъ нѣкоторые изъ нихъ изъ Фаррентраппа. Содержаніе углекислоты на 10,000 частей воздуха слѣдующее:

1) въ частной квартирѣ днемъ	5,4
2) до 7) въ частной квартирѣ послѣ многихъ часовъ пребыванія въ ней.	6,1 до 8,7

	въ частной квартирѣ послѣ многихъ часовъ пробыванія въ ней, въ среднемъ выводѣ	6,8
8)	въ спальнѣ ночью, при закрытомъ окнѣ	23,0
9)	въ спальнѣ ночью, при открытомъ окнѣ	8,2
10)	въ плохо освѣжаемой рабочей комнатѣ	19,7
11)	въ аудиторіи Либиха, при 46,000 фут. куб. пространства и 300 слушателяхъ послѣ двухъ часовой лекціи	32,2
12)	въ кабакѣ, при 6,000 фут. куб. простран- ства и 21 посѣтителѣ, черезъ два часа	38,0
13)	въ кабакѣ, при 6,000 фут. куб. простран- ства, 20 посѣтителяхъ, отчасти куращихся, послѣ 2 часовъ	49,0
14)	въ школьной комнатѣ при 10,000 фут. куб. пространства 70 ученикахъ отъ 9 до 10 лѣтъ, послѣ 2 часовъ урока	72,0
15)	въ пяти искусственно вентилированныхъ клас- сахъ	11,0 до 15,0
16)	въ пяти вентилированныхъ классахъ	23,0 до 49,0
17)	въ общественной больницѣ, въ февралѣ и апрѣлѣ	23,2 и 14,2
18)	въ родильномъ домѣ	22,2
19)	въ полицейской арестантской комнатѣ въ на- чалѣ и концѣ апрѣля	33,4 и 26,1
20)	въ рабочемъ домѣ въ началѣ и концѣ іюня	13,1 и 18,6
21)	въ казармахъ въ сентябрѣ	27,2
22)	въ казармахъ въ октябрѣ	36,2 и 42,9
23)	въ казармахъ въ ноябрѣ	49,5
24)	на гауптвахтѣ и въ помѣщеніяхъ жандармовъ	31,7 и 53,6
25)	въ протестантской школѣ въ мартѣ и іюлѣ	56,7 и 41
26)	въ гимназіи Вильгельма въ мартѣ и іюлѣ	55,8 и 22,9
27)	въ дѣвичьей школѣ въ іюлѣ	20,0
28)	въ различныхъ классахъ гимназіи въ Целле	20 до 50
29)	въ большинствѣ классовъ народныхъ школъ въ Целле	90
30)	въ одномъ классѣ народной школы	120
31)	въ порядочно-вентилированной школьной ком- натѣ черезъ два часа	34

- 32) въ плохо вентилированныхъ спальняхъ казармы, утромъ 97
- 33) въ англійскихъ военныхъ госпиталяхъ 6 до 18
- 34) въ неветилированныхъ англійскихъ казармахъ 11 до 19
- 35) въ сильно наполненныхъ спальняхъ Сальпетриера 40 до 50
- 36) въ англійскихъ школьныхъ комнатахъ 23 до 31

Итакъ, народная школа стоитъ впереди всѣхъ зданій, отличающихся дурнымъ воздухомъ. Но въ этой школѣ учатся дѣти, будущіе члены и работники общества. Ихъ организмъ еще слабъ и ему гораздо труднѣе дышать зараженнымъ воздухомъ. И какъ гибельно должно отозваться на нихъ это дурное устройство школы, которая можетъ отравить ихъ здоровье сильнѣе всякой мастерской, всякой фабрики, всякаго подвала. Объ этомъ мало думали тѣ, кому приходилось устраивать школы, и потому теперь существуетъ такая масса школъ, которыя годятся только на сломъ, на полнѣйшее истребленіе, или онѣ будутъ въ значительной мѣрѣ отравлять здоровье подростовъ поколѣній, которое и безъ того губится среди подваловъ и чердаковъ, среди фабрикъ и заводовъ наконецъ, среди нашихъ дѣтскихъ. Да, мы, люди средняго класса общества, очень заботливо устраиваемъ свои гостиницы, свои залы, свои кабинеты, но наши дѣтскія комнаты—о, объ нихъ мы думаемъ очень мало! Если, по счастливой случайности, мы и не кладемъ иногда дѣтей въ свои спальни, гдѣ мы спимъ съ нашими женами, то мы все-таки отводимъ для своихъ ребятшекъ самую маленькую комнату изъ всей нашей квартиры и въ этой комнатѣ помѣщаемъ трехъ, четырехъ дѣтей различныхъ возрастовъ и няньку, а иногда даже и дешевенькую гувернантеу третьяго сорта или кормилицу. Здѣсь нерѣдко лежитъ по недѣлямъ сложенное въ корзины подъ кровати грязное бѣлье, порою здѣсь просушивается какалъ-нибудь пеленочка. Матери не думаютъ осматривать дѣтскихъ ежедневно, онѣ даже не помышляютъ о томъ, что гдѣ-нибудь подъ кроватью лежитъ грязное бѣлье, прикрытое спускающимся до полу красивымъ бѣлымъ одѣяломъ, что гдѣ-нибудь за кроватью, поставленной, по глупому обычаю, плотно къ стѣнѣ, могъ быть зароненъ ребенкомъ какой-нибудь легко разлагающійся кусокъ лакомства или чего-нибудь подобнаго, что, на-

конецъ, чистота въ дѣтской является только кажущаяся, что воздухъ здѣсь сносенъ только еще днемъ, а не ночью, что дѣти, дышашія этимъ воздухомъ, не могутъ быть здоровыми дѣтьми. А между тѣмъ наши жены, матери нашихъ дѣтей поступаютъ именно такъ, а не иначе. Онѣ не хотятъ, не умѣютъ понять, что, лишая ребенка хотя одной какой-нибудь неизбѣжной потребности его организма, онѣ совершаютъ надъ нимъ медленное отравленіе, медленное убійство. Если-бы онѣ побольше мыслили, если-бы онѣ поглубже и построже смотрѣли на жизнь, онѣ поняли-бы все величіе своей роли и съ ужасомъ отвернулись-бы отъ того, до чего низвели онѣ ея значеніе.

V.

Величина и число оконъ, длина, ширина и вышина классныхъ комнатъ, все это тѣсно связано съ общимъ характеромъ постройки того или другого школьнаго зданія и не можетъ быть иногда передѣлано безъ радикальной перестройки всего дома. Но такъ какъ подобная перестройка потребовала-бы очень значительныхъ суммъ, нерѣдко неизмѣющихся въ распоряженіи школы, построенной еще въ тѣ времена, когда вопросъ о школьной гигиенѣ находился въ зачаточномъ состояніи, то педагоги и распорядители школы и могутъ, хотя отчасти, оправдывать себя въ томъ, что ни освѣщеніе, ни воздухъ въ школѣ не соотвѣтствуютъ гигиеническимъ требованіямъ. Правда, стоитъ только уменьшить число учениковъ и воздухъ будетъ лучше; стоитъ помѣстить этихъ немногихъ учениковъ поближе къ окнамъ и освѣщеніе будетъ лучше; но и здѣсь являются уважительныя причины, по которымъ педагоги и распорядители школы не прибѣгаютъ къ этимъ мѣрамъ. Дѣло въ томъ, что запросъ на школьное образованіе дѣлается съ каждымъ годомъ все значительнѣе, а число школъ является далеко недостаточнымъ и потому приходится или соблюдать гигиеническія правила и оставлять массу дѣтей безъ образованія или отказаться отъ соблюденія этихъ правилъ и давать образованіе болѣе значительному числу дѣтей. Большинство склоняется въ пользу послѣдняго разрѣшенія вопроса и нельзя сказать, чтобы это большин-

ство было совсѣмъ неправо. Такимъ образомъ, это зло остается если и не непоправимымъ, то, по крайней мѣрѣ, оно медленно поддается благотворнымъ измѣненіямъ. Но рядомъ съ этими идутъ другіе промахи школы, которые уже не находятъ себѣ оправданія въ трудности ихъ искорененія. Такими промахами являются, напримѣръ, дурно устроенные школьные столы и скамейки и дурное искусственное освѣщеніе классовъ.

Вопросъ о скамейкахъ и столахъ разработанъ довольно полно. Въ Америкѣ, въ Швейцаріи и въ Германіи есть цѣлая масса образцовыхъ скамеекъ, введенныхъ въ употребленіе въ тѣхъ или другихъ школахъ. Этотъ вопросъ очень важенъ, потому что здоровье ученика въ значительной степени обуславливается положеніемъ тѣла, принимаемымъ ученикомъ во время занятій въ классѣ. „При неправильномъ согнутомъ положеніи тѣла, во время сидѣнья, говоритъ Гильомъ, очень часто происходитъ давленіе на нижнюю часть туловища. Это давленіе отчасти вызываетъ неправильности пищеваренія и недостатковъ аппетита, что очень часто встрѣчается у дѣтей, посѣщающихъ школы. Органы груди тоже страдаютъ при наклоненіи туловища впередъ; они сжимаются и вслѣдствіе этого является невозможность свободнаго дыханія и правильнаго кровообращенія“. Эти неправильности отравленій тѣла вызываются, главнымъ образомъ, скамьями безъ спинокъ, крайне утомляющими ребенка, что вполне понятно, такъ какъ и взрослые люди съ болѣе сильными мускулами съ трудомъ выдерживаютъ часъ на табуретѣ безъ спинки. Такъ-же вредно дѣйствуетъ то обстоятельство, что скамьи бываютъ иногда слишкомъ высоки, такъ что дѣти сидятъ въ сущности на остромъ концѣ скамьи, желая достать ногами до полу. Это причиняетъ вредное давленіе на нервы и кровеносные сосуды ногъ и объясняетъ вполне стремленіе дѣтей болтать ногами или перемѣнять ежеминутно свое положеніе. „Причина того, что грудная часть позвоночнаго столба дѣтей почти постоянно вывернута въ правую сторону, говоритъ Мейеръ, заключается въ томъ положеніи туловища, которое усваивается изъ необходимости держать правое плечо какъ можно выше,— необходимости, встрѣчающейся вездѣ, гдѣ устроены высокіе столы“. Иногда столы бываютъ такъ далеко помѣщены отъ скамьи, что ребенокъ долженъ или сидѣть на краю скамьи или прижиматься грудью къ столу, что значительно вредитъ легкимъ. Не

мало вреда причиняетъ то обстоятельство, что скамьи устраиваются иногда для многихъ ученицъ: ученицы, пролѣзая на свои мѣста бокомъ, не замѣчаютъ, что ихъ юбки сбиваются на одну сторону и когда ученицы садятся, то подъ ними нерѣдко образуется неровность: на одной сторонѣ скапливаются складки платья и юбокъ, тогда какъ съ другой стороны платье и юбки лежатъ болѣе гладко; такимъ образомъ ихъ тѣло помѣщается неправильно, что не остается безъ вреднаго влiянiя особенно въ годы наступающей половой зрѣлости.

Нѣтъ нужды говорить здѣсь о всей массѣ болѣзней, вызываемыхъ плохимъ устройствомъ школьныхъ столовъ и скамеекъ и неправильнымъ положенiемъ тѣла дѣтей. Но педагоги мало заботились объ этомъ, а если и заботились, то не такъ, какъ слѣдовало. „Невнимательные учителя, замѣчаетъ докторъ Эрисманъ, обыкновенно не обращаютъ вниманiя на то, какъ сидятъ учащiеся въ классѣ; учителя-же, относящiеся со вниманiемъ къ своимъ ученикамъ, не перестаютъ жаловаться на то, что дѣтей трудно заставить сидѣть прямо, постоянно напоминаютъ имъ объ этомъ, сердятся на нихъ и даже наказываютъ ихъ за то, что они дурно сидятъ. Но ждать какихъ-либо полезныхъ результатовъ отъ такихъ мѣръ педагоги могли только потому, что они имѣли совершенно ложное представленiе о причинахъ вреднаго положенiя тѣла дѣтей при занятiяхъ. Впослѣдствiи большая часть учителей, вѣроятно, сама убѣждалась, что ученики, просидѣвъ подъ влiянiемъ увѣщанiй и наказанiй нѣсколько времени прямо, потомъ снова принимаютъ вредное положенiе тѣла, несмотря на то, что они съ очевиднымъ усиленiемъ стараются избѣгать этой такъ называемой дурной привычки“. Врачи первые обратили болѣе серьезное вниманiе на привычку дѣтей принимать ненормальное положенiе тѣла во время уроковъ и поняли, что она происходитъ не вслѣдствiе одной небрежности дѣтей, но обусловливается и другими болѣе серьезными и независимыми отъ дѣтей причинами. Вслѣдствiе этого начали появляться въ литературѣ статьи, указывающiя на несообразное устройство столовъ и скамеекъ въ школахъ. Финкъ, Шреберъ, Шраубе, Пассаванъ, Фрейганъ и Ланге въ своихъ статьяхъ пришли къ слѣдующимъ заключенiямъ: 1) столы и скамейки должны быть различныхъ размѣровъ въ разныхъ классахъ, 2) ноги учениковъ не должны висѣть, а должны опираться или

на пѣлесообразно устроенную подножку или на полъ, 3) сидѣнье должно быть широко, отъ 8 до 10 дюймовъ, 4) столъ долженъ быть на столько высокъ, чтобы его задній край, то есть тотъ край, который обращенъ къ ученику, доходилъ до желудочной области ученика или чтобы ученикъ, при невольномъ движеніи перпендикулярно опущеннаго плеча, могъ удобно положить на столъ локти, 5) для опоры спины должна быть устроена спинка. Но эти требованія далеко не исчерпывали вопроса. Только въ 1863 году появилось сочиненіе цюрихскаго доктора Фарнера, которое всѣ требованія относительно школьныхъ столовъ и скамеекъ основываетъ на анатомическихъ и физическихъ законахъ. Фарнеръ объяснилъ вполне, что положеніе, принимаемое учениками при сидѣннн, является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ извѣстныхъ естественныхъ законовъ, противъ которыхъ и пробовали вести борьбу педагоги, полагая, что они ведутъ борьбу съ дурными привычками дѣтей. Вотъ что пишетъ Фарнеръ: „ученики, начиная писать, кладутъ передъ собою свои доски такимъ образомъ, что лѣвый край доски лежитъ чуть-чуть лѣвѣе срединной линіи тѣла; затѣмъ они берутъ грифель и, выслушавъ совѣты сидѣть прямо, начинаютъ писать. Въ самый моментъ начала писанія всѣ ученики наклоняютъ голову нѣсколько впередъ и влѣво, не перемѣняя значительно положенія тѣла вообще. Скоро, однако, всѣ головы быстро наклоняются внизъ, такъ что шейная часть позвоночнаго столба образуетъ значительный уголъ съ его спинною частью. Послѣ короткаго времени наклоняется также и верхняя часть спинной части позвоночника и буквально виситъ на лопаткахъ, подпираемыхъ плечами. Съ этого момента ученики дѣлятся на двѣ группы, смотря по мѣсту доски, на которомъ они въ это время пишутъ. Тѣ изъ учениковъ, которые начинаютъ писать новую строку на верхней половинѣ доски, находятъ въ локтяхъ дополнительную точку опоры, грудь ихъ наклоняется все болѣе и болѣе до того, что она опирается на столъ, а спина искривляется взади и это положеніе я называю горбленіемъ, сутуловатостью. Глаза при этомъ отстоятъ отъ стола на 3—4 дюйма и смотрятъ прямо внизъ на доску. Точками опоры въ это время служатъ верхняя часть груди, лѣвый локоть (который отодвигается все болѣе внаружи и значительно отстоитъ отъ тѣла) и, наконецъ, правая рука на какомъ-либо мѣстѣ пред-

плечія. Если-же въ этотъ критическій моментъ ученикъ дописываетъ строку, или пишетъ внизу доски, то естественно, что правый локоть не можетъ служить ему точкою опоры, потому что онъ значительно отстоитъ отъ тѣла и притомъ такъ далеко сдвинутъ съ края стола, что вообще не можетъ составлять точки опоры. Ученикъ долженъ, слѣдовательно, опираться только на одинъ лѣвый локоть; отсюда возникаетъ „косость спины“, т. е. позвоночный столбъ при этомъ сгибается впередъ и поворачивается около своей продольной оси слѣва направо. Точками опоры служатъ частью лѣвая сторона груди, частью лѣвый локоть, отстоящій далеко отъ тѣла влѣво и впередъ; голова наклоняется къ лѣвому плечу; правая рука съ крылообразно-выдающейся лопаткой опирается на край стола предплечіемъ или кистью; часто глаза отстоятъ отъ стола только на 2 — 3 дюйма и сильно обращены вправо. Въ рѣдкихъ случаяхъ ученикъ кладетъ свою тетрадь косо, поворачиваетъ позвоночный столбъ влѣво и опирается на правую руку, которая отстоитъ значительно вправо и впередъ. Тогда лѣвая лопатка выдается крылообразно, лѣвая кисть руки кладется на край стола, или виситъ внизъ.“

„Ученикъ, продолжаетъ Фарнеръ, начинаетъ писать, наклоняя голову нѣсколько впередъ и влѣво. Это движеніе, при всей своей кажущейся незначительности, важно и опасно, потому что оно передвигаетъ центръ тяжести головы въ сторону отъ ея естественной опоры—позвоночнаго столба. Когда человекъ сидитъ прямо, то центръ тяжести его головы падаетъ на позвоночный столбъ, поддерживается имъ и удерживается въ равновѣсіи мышцами шеи. Но все это измѣняется отъ небольшого движенія впередъ: центръ тяжести головы переносится впередъ за свою естественную точку опоры, и потому долженъ держаться въ равновѣсіи при помощи постоянного напряженія мышцъ задней части шеи. Если мы приведемъ часть тѣла въ это, или какое-либо другое согнутое положеніе, если мы, наприимѣръ, отведемъ руку подъ какимъ-либо угломъ отъ тѣла, такъ что она должна будетъ поддерживаться дельтовидною мышцею, тогда мы скоро увидимъ, что мышца, по прошествіи короткаго времени, будетъ находиться въ состояніи утомленія и что такое положеніе совершенно невозможно безъ другихъ точекъ опоры; мы въ состояніи выдержать его не болѣе 5 минутъ и потому не должны удивляться, что мышцы задней ча-

сти шеи у дитяти не могутъ держать его головы втеченіи цѣлыхъ часовъ. Принимая во вниманіе это обстоятельство, мы можемъ легко объяснить остальные явленія. Вѣдныя мышцы уступаютъ усталости; отсюда возникаетъ быстрое толчкообразное пониженіе головы, послѣ чего трудъ поддерживанія головы передается верхнимъ спиннымъ мышцамъ, разгибающимъ позвоночникъ, и становится еще тяжелѣе, такъ какъ голова будетъ затѣмъ висѣть на болѣе длинномъ колѣннѣ рычага. По утомленіи этихъ мышцъ, верхняя часть спины сгибается еще сильнѣе и ученикъ вынужденъ искать другихъ точекъ опоры, которыми служатъ ему прежде всего одинъ или оба локтя; они поддерживаютъ плечи, поддерживаютъ лопатки, а на нихъ держится все туловище до тѣхъ поръ, пока при усиленіи усталости, даже грудь становится также точкой опоры. При этомъ извращеніи естественныхъ состояній, ученикъ не чувствуетъ, что тѣло его находится въ неестественномъ положеніи, онъ не замѣчаетъ болѣе уничтоженія нормальнаго положенія своего тѣла, и поэтому пренебрегаетъ тѣми небольшими вспомогательными средствами, при помощи которыхъ онъ могъ-бы его улучшить; онъ только тогда чувствуетъ удобство естественнаго положенія его тѣла, когда во время отдыха отъ работы онъ можетъ совершенно выпрямиться. Пріятно видѣть, съ какимъ удовольствіемъ дѣти потягиваются во время отдыха и какъ они всевозможными вращеніями позвоночнаго столба, поднятіемъ плечъ и т. д. стараются возстановить нормальное положеніе своего тѣла.

„Слѣдовательно, всѣ вышеописанныя явленія служатъ выраженіемъ борьбы между силой тяжести и силой мышцъ; такъ какъ въ этой борьбѣ не можетъ остаться побѣдителемъ мышечная сила, то мы должны стремиться къ устраненію этой борьбы, т. е. мы должны сдѣлать ненужнымъ вышеозначенное первоначальное движеніе головы учениковъ впередъ и влѣво.

„Почему-же всѣ ученики дѣлаютъ это инстинктивное движеніе? Просто потому, что они иначе не видятъ конца своего пера. Когда ученикъ начинаетъ писать страницу, то соотвѣтствующее мѣсто доски отъ него такъ отдалено, что онъ принужденъ смотрѣть на него подъ слишкомъ острымъ угломъ для того, чтобы могъ ясно видѣть буквы. Въ этомъ неудобствѣ виноваты размѣры стола.“

На основаніи своихъ многочисленныхъ наблюденій Фарнеръ вы-

работалъ планы столовъ, сообразуясь постоянно съ ростомъ учениковъ. Вслѣдъ за сочиненіемъ Фарнера явились сочиненія Цвеза, Гильома, Германа, Мейера, Кона, Фрея, Шильдбаха и другихъ ученыхъ, предлагающихъ свои планы столовъ. Несмотря на тѣ или другія различія между этими планами, всѣ они болѣе или менѣе устраняютъ тѣ или другіе недостатки старыхъ столовъ и скамеекъ, дѣлая немнѣлимымъ висачее положеніе ногъ, отдаленное положеніе стола отъ скамьи, узкость скамьи и т. д. Большая часть изслѣдователей требуетъ, чтобы столы дѣлались только на двоихъ, что даетъ возможность устроить столы цѣлесообразнѣе, даетъ болѣе простора ученикамъ, и т. д.

Признавая всю важность этого вопроса во многихъ мѣстахъ въ Германіи издали правительственные циркуляры на счетъ лучшаго устройства столовъ и скамеекъ. У насъ покуда еще почти ничего не сдѣлано по этому вопросу. Изслѣдованія гг. Вилямовскаго, Эрисмана и Щербакова показываютъ, что во всѣхъ осматрѣнныхъ этими дѣятелями учебныхъ заведеніяхъ почти ничего не сдѣлано для того, чтобы столы и скамьи хотя сколько-нибудь соответствовали современнымъ требованіямъ гигиены. Нечего говорить, что въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ столы и скамьи еще хуже, чѣмъ изслѣдованные въ гимназіяхъ. Мнѣ приходилось осматривать много мелкихъ школъ и я встрѣчалъ нерѣдко въ нихъ простые ровные столы безъ всякой покатости, окруженные узенькими скамьями безъ спинокъ. Здѣсь помѣщались дѣти различныхъ возрастовъ, роста и пола, при чемъ младшіе ученики и ученицы, не имѣя возможности достать ногами до полу, цѣплялись оконечностями ногъ за перекладки подъ скамьями. Иногда за недостаткомъ мѣста на скамьяхъ, къ столамъ приставлялись стулья, но такъ какъ у стульевъ не было перекладинъ внизу, то дѣти цѣплялись ногами за переднія ножки стульевъ. При этомъ дѣтямъ приходилось сидѣть такъ сжавшись, что они клали на столъ только правый локоть, поднявъ правое плечо, лѣвый-же локоть висѣлъ на воздухѣ, при чемъ только кисть лѣвой руки придерживала положенную наискось тетрадь. Это дурное, вовсе негигіеническое устройство столовъ и скамеекъ было замѣчено мною не въ одной, не въ двухъ школахъ, а почти во всѣхъ мелкихъ учебныхъ заведеніяхъ. А между тѣмъ это зло такъ легко устранить, обязавъ cadaго содержателя и каждую содержательницу школы

имѣть столы и скамьи, сдѣланные по извѣстному образцу, хотя отчасти устраняющему вредное вліяніе столовъ и скамеекъ на здоровье дѣтей, и не позволяя открывать школу до исполненія этого предписанія. Но до сихъ поръ не сдѣлано ничего подобнаго и инспектора совершенно упускаютъ изъ виду это обстоятельство, по крайней мѣрѣ, изъ моихъ распросовъ я убѣдился, что ни одной содержательницѣ пансіоновъ и школъ не было ни разу замѣчено, что столы и скамьи въ ея школѣ вредятъ здоровью дѣтей. Сами же содержательницы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ вопросѣ и большая часть изъ нихъ съ удивленіемъ или усмѣшкою выслушивали мои замѣчанія объ этомъ предметѣ.

Не малое значеніе имѣетъ и вопросъ объ искусственномъ освѣщеніи. По этому вопросу существуетъ множество самыхъ разнообразныхъ мнѣній: керосинъ, ламповое масло, стеариновыя свѣчи и газъ находятъ и своихъ противниковъ и своихъ поклонниковъ. Такое разногласіе очень понятно, такъ какъ при вопросѣ объ искусственномъ освѣщеніи принимаются въ расчетъ не одно достоинство свѣта, не одна ясность свѣта, но и дешевизна освѣтительныхъ матеріаловъ и, наконецъ, различныя свойства тѣхъ или другихъ глазъ. Фалькъ говоритъ, что искусственное освѣщеніе будетъ хорошо тогда, когда оно, во-первыхъ, ближе всего подходитъ къ естественному освѣщенію, давая достаточное количество свѣта и не ослѣпляя въ то-же время глаза; когда оно, во-вторыхъ, будетъ свѣтитъ равномерно и не будетъ мерцаніемъ причинять боли и раздражать глаза; когда оно, въ третьихъ, будетъ добываться легко и не будетъ грозить опасностью; когда, въ четвертыхъ, его устройство будетъ не дорого и не будетъ требовать при его введеніи полной передѣлки школы; когда, въ пятыхъ, наконецъ, процессъ горѣнія не будетъ распространять непріятнаго запаха, вреднаго для здоровья. Фалькъ приходитъ къ тому заключенію, что всѣмъ этимъ требованіямъ соотвѣтствуетъ газъ. Къ тому-же заключенію приходитъ и Фаррентрапшъ, говоря, что для искусственнаго освѣщенія долженъ употребляться безусловно газъ. Тоже говорятъ Зибенгаръ, Шмальцъ, Леманъ и т. д. „За ту-же цѣну, говоритъ Фаррентрапшъ, газъ доставляетъ самое большое количество совершенно равномернаго свѣта; устройство этого освѣщенія просто; всѣ сложныя чистки лампъ уничтожаются при немъ.“

Но посмотримъ на достоинство этого свѣта. Однимъ изъ самыхъ

серьезныхъ изслѣдованій достоинства разныхъ освѣтительныхъ матерьяловъ нужно считать изслѣдованіе Геймана. Онъ пришёлъ къ тому заключенію, что въ свѣтѣ ламповаго масла послѣ солнечнаго свѣта находится наиболѣе равномерное смѣшеніе цвѣтовъ спектра, тогда какъ свѣтъ газа и керосина наиболѣе уклоняется отъ смѣшенія цвѣтовъ въ солнечномъ свѣтѣ. Вслѣдствіе этого газъ и керосинъ дадутъ болѣе яркій, но за то и болѣе ослѣпительный свѣтъ, чѣмъ ламповое масло. Практическіе выводы, которые даётъ Гейманъ изъ своихъ опытовъ, говоритъ докторъ Эрисманъ, суть слѣдующіе: 1) для освѣщенія публичныхъ зданій наилучше употреблять такіа освѣтительныя вещества, которыя даютъ самый яркій свѣтъ, при чемъ нужно смягчать его ослѣпительность посредствомъ голубыхъ цилиндровъ. Самая яркость свѣта отъ этихъ освѣтительныхъ матерьяловъ (газъ, керосинъ) оказывается моментомъ, уменьшающимъ его ослѣпительность. 2) Заниматься при одномъ и томъ-же освѣщеніи могутъ только тѣ люди, глаза которыхъ обладаютъ одинаковою индивидуальною впечатлительностью къ свѣту; поэтому, въ школахъ не должно употребляться исключительно какой-либо одинъ способъ освѣщенія; но слѣдуетъ приспособляться къ различію въ чувствительности глазъ учениковъ и вводить различныя способы освѣщенія. „По моимъ наблюденіямъ оказывается, говоритъ Гейманъ, что глазамъ всѣхъ пріятенъ только свѣтъ ламповаго масла, что подтверждается ежедневнымъ опытомъ.“ Такъ какъ въ школахъ невозможно вводить разные способы освѣщенія, то всѣ ученые и начинаютъ въ настоящее время склоняться на сторону газа, прибавляя при этомъ, что его ослѣпительность нужно смягчать посредствомъ голубыхъ цилиндровъ, зонтиковъ и ширмъ, причёмъ нужно, по словамъ Гросса, Фаррентраппа, Кордіа, Фалька и т. п. ученыхъ, избѣгать металлическихъ колпаковъ и зонтиковъ, дѣлая ихъ изъ бумаги, стекла, фарфора и т. д. Къ подобнымъ-же заключеніямъ приходитъ и докторъ Эрисманъ. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, газъ есть самый удобный и дешевый матерьялъ освѣщенія для публичныхъ зданій; но это не исключаетъ употребленія ламповаго масла и керосина. Не должно забывать, что при употребленіи ламповаго масла необходимо большое число лампъ; въ противномъ случаѣ теряются всѣ преимущества мягкаго свѣта отъ горѣнія масла. Керосинъ нѣсколько неудобенъ для учебныхъ заведеній

только потому, что съ нимъ нужно поступать очень осторожно. Газъ менѣе опасенъ, и, по моему мнѣнiю, газъ, если для освѣщенiя имъ употребляютъ рожки Аргацда, есть самый удобный матерьялъ для освѣщенiя публичныхъ зданiй. Для правильнаго распределенiя свѣта и уничтоженiя дрожанiя пламени необходимы стеклянные цилиндры и колпаки. Наилучше употреблять, какъ уже было сказано выше, цилиндры изъ синеватаго стекла, которые ослабляютъ яркiе цвѣта восходящей скалы спектра. Для избѣженiя сильныхъ контрастовъ въ освѣщенiи комнаты, колпаки не должны быть совершенно непроходимы для свѣта. Колпаки изъ матоваго стекла и фарфора, которые, отражая главную массу свѣта на столы, пропускаютъ, однако, часть его, служащую для освѣщенiя комнаты, должны быть предпочитаемы металлическимъ. Далѣе, пламя лампы должно находиться на соотвѣтствующей высотѣ надъ головами учениковъ, но не такъ высоко, чтобы вслѣдствiе отдаленности его отъ столовъ терялась ясность свѣта. Что касается силы освѣщенiя, то Фаррентрапъ въ своей статьѣ о гигиенѣ школы требуетъ, чтобы одно газовое пламя приходилось на 4—8 учениковъ.“

Къ сожалѣнiю, и объ отношенiи педагоговъ къ искусственному освѣщенiю нужно сказать то-же, что мы говорили объ отношенiи педагоговъ ко всему, касающемуся гигиены. Это отношенiе крайне небрежно. Прежде всего нужно замѣтить, что газъ введенъ далеко не во всѣ большiя школы, не говоря уже о мелкiхъ училищахъ, гдѣ освѣщаютъ комнаты чѣмъ попало и какъ попало, начиная съ вонючей сальной свѣчи и кончая такою-же вонючею масляною лампою, причѣмъ освѣщенiе бываетъ крайне скудно и, конечно, сильно отзывается на глазахъ учениковъ. Но даже и тамъ, гдѣ существуетъ газъ, освѣщенiе является крайне неудовлетворительнымъ. „Когда вспомнишь, говоритъ Конъ,—что есть много столь темныхъ школьныхъ комнатъ, что въ нихъ горитъ ежедневно зимою газъ втеченiи 3—4 часовъ, то имѣешь полное право спросить: вездѣ-ли газовое освѣщенiе устроено такъ, чтобы книги и тетради были въ достаточной степени освѣщены. Къ сожалѣнiю, на этотъ вопросъ при разсмотрѣнiи всѣхъ классовъ приходится отвѣчать отрицательно. Въ классахъ съ 80 — 90 учениками, обыкновенно, бываютъ 2, 3 или 4 газовыхъ лампы. Эти рожки такъ плохо устроены, что тѣнь отъ верхней части тѣла многихъ

учениковъ падаетъ на бумагу и потому заставляетъ ученика слишкомъ близко наклоняться къ столу, чтобы различить буквы. Почти ни въ одномъ классѣ нѣтъ колпаковъ и зонтиковъ, такъ что свѣтъ распространяется только въ комнатѣ и остается не сконцентрированнымъ на столахъ. При этомъ мерцаніе пламени, неокруженнаго цилиндрами, причиняетъ вредное раздраженіе глазамъ“. Не лучше представилось дѣло искусственнаго освѣщенія и доктору Эрисману. „Что касается искусственнаго освѣщенія классныхъ комнатъ всѣхъ изслѣдованныхъ мною школъ, пишетъ онъ, — то изъ числа 135 комнатъ только 80 снабжены лампами, а въ 55 классахъ не существуетъ никакихъ лампъ; это тѣмъ удивительнѣе, что въ здѣшнемъ климатѣ очень часто утромъ и даже днемъ необходимо прибѣгать къ искусственному освѣщенію. Мнѣ говорили, что въ темные, пасмурные дни, учителя не заставляютъ учениковъ ни писать, ни читать; но такъ какъ въ эти часы иногда преподаются предметы, необходимо требующіе чтенія и письма, то, несмотря на желаніе начальства и учителей, ученики бывають иногда все-таки вынужденны читать и писать. Въ тѣхъ-же классныхъ комнатахъ, гдѣ существуютъ лампы, нигдѣ не соблюдалось правило Фаррентраппа, въ силу котораго на 4 — 8 учениковъ должно приходиться одно газовое пламя, а при освѣщеніи керосиномъ, слѣдовательно, одна лампа, по-крайней мѣрѣ, на 4 ученика. Почти повсюду пансіонеры работаютъ при недостаточномъ освѣщеніи, а именно: въ I-й гимназіи пансіонеры работаютъ въ классныхъ комнатахъ при трехъ-рожковой масляной лампѣ. Если въ классѣ мало пансіонеровъ, то этого освѣщенія еще достаточно; если-же въ одной комнатѣ занимается больше 8 учениковъ, то необходима еще другая лампа. Во II-й гимназіи пансіонеры работаютъ съ стѣнными керосиновыми лампами; на 4—5 человекъ приходится одна лампа. Это освѣщеніе довольно достаточно. Въ III-й гимназіи пансіонеры работаютъ на совершенно плоскихъ столахъ, при двухрожковыхъ и трехрожковыхъ масляныхъ лампахъ; въ высшихъ классахъ одна трехрожковая лампа приходится, приблизительно, на 18 учениковъ; а въ низшихъ одна двухрожковая лампа — на 14 учениковъ. Само собою разумѣется, что это освѣщеніе недостаточно. Въ IV гимназіи работаютъ при керосинѣ; въ I, II и III классахъ одна лампа приходится, приблизительно, на 10 учениковъ; въ IV и V — на 8

и въ IV классѣ—на 3. Въ низшихъ классахъ освѣщеніе необходимо удвоить, такъ чтобы на 4—5 учениковъ приходилась одна лампа. Въ VII гимназій пансіонеры работаютъ при гусиномъ жирѣ. Освѣщеніе недостаточно по малочисленности лампъ, такъ какъ въ низшихъ классахъ одна лампа приходится на 7 учениковъ, а въ высшихъ—на 6 учениковъ. Доказавъ, что при теперешнихъ способахъ и состояніи освѣщенія страдаютъ глаза учениковъ и принявъ во вниманіе, что улучшение освѣщенія не потребуетъ большихъ издержекъ, мы вправѣ требовать этого улучшения отъ каждой школы“.

VI.

Таковы главныя требованія, предъявляемыя врачами школамъ во имя здоровья подростящихъ поколѣній. Но врачи не ограничиваются только ими и идутъ гораздо дальше. Они нападаютъ на слишкомъ продолжительное—шести или семи-часовое—сидѣнье учениковъ, на отсутствіе при этомъ гимнастики, ограниченной часомъ или двумя въ недѣлю. Такъ, въ октябрѣ 1871 года, бернскій школьный синодъ обсуждалъ этотъ вопросъ. Онъ принялъ слѣдующія заключенія: школа въ своемъ устройствѣ и въ своей дѣятельности должна отвѣчать слѣдующимъ главнымъ требованіямъ: цѣлесообразное устройство школьныхъ домовъ и помѣщеній относительно пространства, освѣщенія, отопленія, скамеекъ и столовъ, и мѣсть игры и гимнастики; заботы о тѣлесномъ развитіи при помощи хорошаго держанія тѣла, педагогической гимнастики и свободныхъ движеній на вольномъ воздухѣ; обращеніе вниманія при преподаваніи на степень умственного и тѣлеснаго развитія и способностей ученика; избѣжаніе односторонности и излишняго напряженія мозга и глазъ; ограниченіе задаваемыхъ на домъ уроковъ и исключеніе работъ, даваемыхъ на каникулы; строгое соблюденіе гуманной дисциплины; осмотрительность въ дѣлѣ наказаній; возможное изгнаніе тѣлесныхъ исправленій: необходимость ознакомленія съ условіями нормальнаго развитія человѣческаго организма, что дѣлается при помощи изученія гигиены; строгое исполненіе медико-полицейскихъ предписаній, насчетъ заразныхъ

болѣзней. Въ Базелѣ существуетъ постоянная коммиссія, заботящаяся о гигиенѣ школъ. Во имя той-же цѣли основано тамъ общество гимнастовъ, которымъ читается популярный курсъ анатоміи, физиологіи и дѣтетики. Общество надѣется, что и другіе учителя не останутся глухи передъ его лекціями, такъ какъ здоровье дѣтей очень важно и каждому учителю необходимо ознакомиться съ требованіями человѣческаго организма.

Нѣмцы и англичане все болѣе и болѣе сознаютъ справедливость нападеній на школу и гимнастическія упражненія въ нѣмецкихъ и англійскихъ школахъ начинаютъ принимать все большіе размѣры. Даже въ сельскихъ школахъ англичане вводятъ если не гимнастику, то перемѣну положенія, принимаемаго дѣтьми во время уроковъ: тамъ дѣти часть уроковъ проводятъ, сидя за столами, часть—сидя безъ столовъ, облокотившись къ спинкѣ скамьи, часть—стоя. При этомъ воспитанники передвигаются при каждой перемѣнѣ и, такимъ образомъ, ихъ тѣло прннимаетъ различныя положенія и не остается въ покоѣ втеченіи нѣсколькихъ часовъ. Кроме того, въ Англійи большое значеніе имѣютъ такія игры, какъ крикетъ, введенныя во всеобщее употребленіе въ школахъ. Въ Германіи и Швейцаріи большинство молодыхъ людей является очень дѣятельными членами гимнастическихъ обществъ, кроме того, въ Швейцаріи ученики кантональныхъ школъ учатся въ лѣтнее время маршировкѣ и стрѣльбѣ. „Отъ младшихъ учениковъ, говоритъ Диксонъ,—требуется немного: они маршируютъ, поворачиваютъ фронтъ и разсыпаются стрѣлками. Потомъ имъ дозволяютъ играть, но самая игра является подспорьемъ военнаго обученія; они бѣгаютъ взапуски, прыгаютъ, бросаютъ мячъ и стараются поймать другъ друга арканомъ. Самая любимая ихъ игра бѣгать и ловить одинъ другого вокругъ воткнутыхъ въ землю сабель“.

Ничего подобнаго мы не видимъ у насъ: гимнастикой у насъ занимаются въ школахъ только разъ—два въ недѣлю, организованныхъ игръ, развивающихъ мускулы, у насъ почти не существуетъ, мы въ послѣднее время замѣчаемъ даже упадокъ танцевальныхъ классовъ, которые существуютъ обязательно только для младшихъ воспитанниковъ и бываютъ не болѣе раза въ недѣлю, тогда какъ танцы при недостаткѣ гимнастики служили-бы все-таки полезнымъ физическимъ упражненіемъ. Но у насъ, къ несчастію,

большинство воображаетъ, что танцамъ учатся только для того, чтобы быть паркетными плясунами, и потому известная часть серьезной молодежи смотритъ съ насмѣшкой на это занятіе. Но можемъ ее увѣрить, что она можетъ сохранить свою серьезность, стараясь въ то-же время развить свое тѣло, хотя при помощи танцевъ. Подспорьемъ гимнастикѣ могли-бы быть ремесленные занятія, въ родѣ столярной или токарной работы, но, къ сожалѣнію, всѣ наши школы, гдѣ были введены ремесленные занятія, поступили въ этотъ случаѣ невообразимо нелѣпо: онѣ ввели переплетное и пильное мастерства. Сами по себѣ эти мастерства очень мало приносятъ практической пользы: умѣнье переплетать книги и пилить изъ дерева разныя бездѣлушки — это роскошь. Нажить себѣ деньги этими ремеслами нельзя; не могутъ они явиться полезными человѣку и тогда, когда судьба заброситъ его въ какую-нибудь глушь. Значитъ, единственное оправданіе при введеніи этихъ ремеселъ въ школу могло быть въ развитіи этими занятіями физической силы. Но и переплетное мастерство и пиленіе почти не развиваютъ физическихъ силъ человѣка, послѣднее-же крайне вредно дѣйствуетъ на человѣка: постоянное сидѣнье за пильнымъ станкомъ, при чемъ учащено дѣйствуетъ одна нога; мельканье передъ глазами коромысла; тонкая древесная пыль, попадающая въ горло и въ носъ; слишкомъ сильное напряженіе зрѣнія, при чемъ свѣтъ постоянно приходится спереди, — все это крайне вредно для молодыхъ организмовъ. Я, интересуясь съ давнихъ поръ вопросами педагогики, довольно пристально присматривался къ этому роду занятій и могу съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что оно не только вліяетъ на слабость глазъ, не только производитъ раздраженіе нервовъ, но мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчать молодыхъ субъектовъ, у которыхъ послѣ продолжительнаго пиленья происходило половое возбужденіе, что, впрочемъ, очень легко объясняется само собою, такъ какъ пилящему приходится сидѣть слишкомъ плотно на стулѣ, не имѣя возможности опираться въ полъ обѣими ногами — это должно производить приливы крови къ сидѣнью; непрерывное легкое треніе сѣдалищныхъ частей о стулъ, при этомъ постоянное движеніе ноги, одѣтой иногда въ узкіе панталоны, все это производитъ раздраженіе на половыя части. Намъ удалось видѣть одного юношу, который успѣлъ окончательно убить свое здоровье, увлекшись слиш-

комъ сильно пиленьемъ разной дряни. Подобные результаты слишкомъ серьезны, чтобы оставлять ихъ безъ вниманія, а между тѣмъ пильныя машины не только процвѣтаютъ во многихъ училищахъ, но и начинаютъ вводиться въ изобиліи въ частныхъ домахъ для забавы подростоваго поколѣнія, несмотря на то, что это мастерство вовсе бесполезно въ жизни и крайне вредно для здоровья. Когда мода ввела въ употребленіе велосипеды, которыми, замѣтимъ кстати, маменьки и папеньки тоже очень нерѣдко награждаютъ своихъ дѣтей, г. Опольцеръ замѣтилъ: „Людямъ, повидимому, еще мало громадной смертности, господствующей у насъ, ибо иначе нельзя объяснить усердіе, съ каковымъ начали повсюду забавляться велосипедами. Не подлежитъ сомнѣнію, что чрезмѣрное напряженіе мускуловъ, необходимое при управленіи велосипедомъ, легко производитъ не только гипертрофію мышцъ и сердца, но еще причиняетъ разныя болѣзни сердца, а нерѣдко и аневризмы“. Но еще сильнѣе должно возставать противъ пильныхъ машинъ, особенно, когда эти машины находятся въ рукахъ человѣка именно въ ту пору; когда нужно устранять всѣ причины, возбуждающія слишкомъ сильно его нервы и его половую дѣятельность, принимающую въ дѣтскомъ возрастѣ всегда опасное и неестественное направленіе. Къ несчастію, педагоги, родители и даже врачи до сихъ поръ совершенно не обратили на это вниманіе и мы были-бы рады, если-бы наши слова не пропали даромъ и навели-бы врачей на мысль о строго-научномъ изслѣдованіи вопроса о вліяніи пильныхъ машинъ на организмъ дѣтей. Не придавать этому вопросу серьезнаго значенія нельзя, особенно, когда знаешь, какую массу машинъ и рисунковъ продаютъ на мѣстѣ и отправляютъ въ провинцію всѣ эти Гронмейеры, Леонтьевы, Даціаро, Бегровы, Исаковы и т. п. продавцы, когда знаешь, что во многихъ провинціальныхъ училищахъ чувствуется недостатокъ этихъ рисунковъ и машинъ и рисунки составляются на мѣстѣ самими учениками, а машины заказываются мѣстнымъ столярамъ.

Далѣе врачи нападаютъ на излишнее количество письменныхъ работъ, задаваемыхъ ученикамъ на домъ послѣ шести-семи часового сидѣнія въ школѣ. Шесть-семь часовъ сидячихъ занятій сами по себѣ не особенно благопріятствуютъ здоровью, особенно когда при этомъ не соблюдается множества гигиеническихъ усло-

вій; но какъ-же разрушительно должна вліять на здоровье сидячая работа, если она доходить до одиннадцати, до двѣнадцати часовъ въ сутки. А между тѣмъ такія явленія—не рѣдкость. Педагоги вообще не совѣтуются между собою, не справляются о томъ, что дѣлаютъ ихъ собратья, и каждый изъ нихъ задаетъ столько письменныхъ работъ, сколько ему вадумается. При этомъ нерѣдко случается, что ученику приходится къ одному дню готовить письменныя работы ко всѣмъ классамъ. Два большихъ сочиненія, кропотливый переводъ, трудная задача—все это можетъ скопиться вдругъ и у ученика поглощается весь день на сидѣнье, тогда какъ каждый педагогъ отдѣльно и не подозреваетъ, что ученикъ заваленъ работой, каждый какъ будто думаетъ, что ученикъ долженъ приготовить урокъ только для него. Это вовсе не педагогично и свидѣтельствуетъ о небрежности педагоговъ, о ихъ нежеланіи сдѣлать все возможное, чтобы организовать трудъ учениковъ болѣе правильнымъ, болѣе соразмѣрнымъ съ дѣтскими силами и тѣмъ самымъ добиться того, чтобы этотъ трудъ совершался не кое-какъ, не на скорую руку. Такое отношеніе педагоговъ къ дѣлу не только разстроиваетъ здоровье учениковъ, но и дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на ученика, пріучая его дѣлать свое дѣло небрежно и невнимательно, только-бы сбыть его съ рукъ. Особенно опасно это у насъ, такъ какъ мы и безъ того отличаемся способностью дѣлать все кое-какъ, на ходу, ни во что не вникая, ни во что не углубляясь и вѣчно надѣясь только на свое родное „авось“.

Но самая слабая сторона педагогики—это наказанія. Эта сторона педагогики страдала съ незапамятныхъ временъ. Теоретики и мыслители долго и много толковали о деморализующемъ вліяніи многихъ наказаній и въ обществѣ велись очень серьезныя споры о томъ: бить или не бить, сѣчь или не сѣчь, ставить въ уголъ или не ставить, наказывать-ли по произволу или по приговору конференціи, составить-ли кодексъ наказаній, согласный съ степенью проступковъ, или наказывать безъ кодекса по личному усмотрѣнію учителей. Если-бы мы писали сатирическіе очерки педагогики, то мы могли-бы привести здѣсь отрывки этихъ „серьезныхъ“ разсужденій и посмѣшить читателя. Но у насъ вовсе нѣтъ охоты смѣяться, такъ какъ вопросъ, занимающій насъ, слишкомъ важенъ и слишкомъ серьезенъ для насъ самихъ. Дѣло въ томъ, что нака-

занія, существовавшія до сихъ поръ—были-ли они деморализующими или не были,—были всегда противны гигиенѣ и всегда губительно, убійственно дѣйствовали на организмъ ребенка. Мы не станемъ говорить о томъ, что старый нѣмецкій педагогъ, о которомъ мы уже упоминали однажды и который на своемъ вѣку далъ ученикамъ 911,537 ударовъ палкою, 124,010 ударовъ розгами и 20,989 ударовъ линейкою по рукамъ, конечно, пареломилъ не одно дѣтское ребро. Мы просто обратимся къ разбору нѣкоторыхъ отдѣльныхъ наказаній.

Возьмемъ, наприимѣръ, карцеръ. Карцеръ, обыкновенно, бываетъ темною, тѣсною комнатою, т. е. прежде всего его устройство противорѣчитъ условіямъ гигиены. Но этого мало; обыкновенно, карцеры плохо отапливаются, въ нихъ иногда ставится какое-нибудь ведро для извѣстныхъ нуждъ ученика. Холодъ и отравленный миазмами воздухъ опять-таки не содѣйствуютъ здоровью человѣка. При этомъ узнику даются обыкновенно въ пищу хлѣбъ и вода, т. е. организмъ истощается голодомъ. Всѣ эти условія отнюдь не содѣйствуютъ развитію здоровья и не даютъ надежды, что мальчикъ, утомленный и изнуренный сидѣньемъ въ карцерѣ, съ большою энергіею примется за ученье, а не разлѣнится еще болѣе, вслѣдствіе естественнаго упадка силъ. Но пойдете далѣе: въ карцеръ обыкновенно сажаютъ ученика безъ книгъ, безъ тетрадей, да если-бы у него и были книги или тетради, то онъ не могъ-бы заниматься въ потьмахъ или въ полутьмѣ. Вслѣдствіе этого ребенокъ обрекается на бездѣйствіе втеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Это далеко не разумно и педагоги, конечно, должны-бы это понимать. Мнѣ случилось какъ-то присутствовать въ одной сельской школѣ на урокъ; учитель поставилъ ученика на колѣни и продолжалъ занятія; прошло нѣсколько минутъ, вдругъ въ избу зашла хозяйка избы, занимавшаяся стряпней. „Ты чего это поставилъ его безъ дѣла на колѣни, замѣтила она учителю, ишь онъ весь носъ расковырялъ отъ скуки, а ты ему книжку лучше-бы далъ, пусть учитъ“. Это было совершенно вѣрное замѣчаніе и педагоги могли-бы принять его въ соображеніе. Но на колѣни ставятъ дѣтей на полчаса, на часъ ставятъ ихъ въ классѣ, гдѣ находятся дѣти и учитель, а въ карцеръ сажаютъ на нѣсколько часовъ, иногда на нѣсколько сутокъ, сажаютъ безъ всякаго надзора. Что будетъ дѣлать мальчикъ или юноша, оставшійся безъ

дѣла? Спать? Но вѣдь нельзя-же спать втеченіи сутокъ, наконецъ, если и можно, то, конечно, это не особенно хорошо повліяетъ на здоровье ученика. Но если онъ не будетъ спать, если онъ не можетъ заняться никакимъ дѣломъ, то не думаете-ли вы, что онъ употребитъ праздное время на покаяніе въ своихъ грѣхахъ, на обдумыванье своего проступка? Нѣтъ, и, конечно, не объ этомъ свидѣлствуютъ тѣ надписи, которыя мы читали во всѣхъ видѣнныхъ нами карцерахъ, — а видѣли мы ихъ не мало, такъ какъ уже слишкомъ десять лѣтъ мы пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы записать свѣденіями по всѣмъ предметамъ, касающимся педагогики и потому слѣдили за разными учебными заведеніями, начиная съ уѣздной и сельской школы и кончая старыми корпусами и гимназіями. Эти надписи тщетно закрашиваются ежегодно малярами. Онѣ такого циничнаго, такого не-дозволительнаго свойства, что мы не можемъ привести здѣсь ни одной изъ нихъ; на взрослога юношу во время скучнаго, празднаго одиночества эти надписи и находящіяся тутъ-же рисунки должны производить наркотическое вліяніе; на неопытнаго ребенка они вліяютъ, какъ первый урокъ разврата. Не говоримъ, хорошия ли послѣдствія будетъ имѣть это для нравственности заключенныхъ, но скажемъ только, что и ихъ организмъ не рѣдко сильно страдаетъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ скука бездѣлья и одиночества разгоняется не однимъ писаньемъ циническихъ стиховъ и изрѣченій, а не рѣдко сопровождается и тѣми половыми злоупотребленіями, которыя такъ извѣстны каждому педагогу и которыя, къ несчастію, такъ часто вызываются устройствомъ самой школы. При устройствѣ карцеровъ не соблюдается даже то простое условіе, соблюденіе котораго признаетъ необходимымъ, напримеръ, Цвецъ, — они строятся нерѣдко въ пустомъ мѣстѣ и не находятся подлѣ помѣщенія сторожа, который могъ-бы наблюдать за узникомъ и, въ случаѣ надобности, придти къ нему на помощь, такъ какъ вѣдь нельзя-же предполагать, чтобы узнику не могло сдѣлаться дурно, не могла потребоваться какая-нибудь помощь. Вообще, согласно съ мнѣніями Гильома, Цвца и тому подобныхъ понимающихъ дѣло людей, карцеръ большею частью является бесполезнымъ, какъ исправительная мѣра, но онъ всегда является вреднымъ для здоровья и нерѣдко является гибельнымъ для нравственности.

Не лучше и другія наказанія, изъ которыхъ прежде всего нужно упомянуть о сѣченн, существующемъ de facto еще вездѣ. Удары при сѣченн, говоритъ Фалькъ, легко вызываютъ гиперемію нижнихъ частей спиннаго мозга, т. е. приливы крови къ этимъ частямъ, что вліяетъ на отправленія половыхъ частей и нижнихъ оконечностей весьма дурно. Для дѣвочекъ доктора считаютъ особенно вредными эти удары, принимая во вниманіе нѣжность женскихъ костей таза. Сѣченье юношей во время начала развитія ихъ половой зрѣлости причиняетъ половыя возбужденія, что было уже давно извѣстно и что, конечно, не можетъ остаться безъ послѣдствій и для нравственности, и для здоровья. Самый фактъ сѣченья настолько скабрёзень, на столько убиваетъ вполне естественную стыдливость юношей и еще болѣе дѣвочекъ, что нельзя не опасаться за ихъ нравственность при часто повторяющихся сѣченьяхъ, а вмѣстѣ съ нравственностью страдаетъ обыкновенно и организмъ. Это на-столько очевидно, что въ Германіи въ послѣднее время строжайшимъ образомъ запрещено правительствомъ разъ и навсегда „обнаженіе тѣла при сѣченн какъ у мальчиковъ, такъ и у дѣвочекъ“. Но и до сихъ поръ сѣченье существуетъ вездѣ и въ Германіи запрещено только употреблять толстыя палки или ремни при сѣченн и обращать сѣченье въ истязанье, при чемъ учитель можетъ преслѣдоваться законнымъ порядкомъ за чрезмѣрное злоупотребленіе правомъ наказанія и съ него могутъ требоваться „убытки“, т. е. онъ изувѣчитъ ребенка, а родители будутъ требовать съ него на леченье! О, легка!

Итакъ, карцеры и розги вредны для здоровья и вліяютъ на нравственность самымъ гибельнымъ образомъ. Но не лучше и всѣ другія наказанія, процвѣтающія то тутъ, то тамъ. Оплеухи, удары въ голову и въ шею, дранье за уши, удары линейкой по рукамъ, ставка на колѣни и въ уголь, ставка на колѣни на горохъ, на остроконечные и твердые предметы, оставленіе безъ обѣда—все это такъ дико съ гигиенической точки зрѣнія, что нужно-бы удивляться, какъ могли дойти до такихъ абсурдовъ педагоги, если-бы мы не знали, что наказанія суть остатки тѣхъ временъ варварства, когда каждый проступокъ ученика считался выраженіемъ его злой и преступной воли и когда противъ преступной воли считалось возможнымъ бороться только при помощи истязаній тѣла. Иначе было-бы трудно понять, какимъ образомъ

пришли педагоги къ мысли, что, разрушая физическія силы ученика, можно способствовать усиленной дѣятельности его духовныхъ силъ. Скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ тѣлесныхъ наказаній.

„Голова ученика, говорить Кленке, отъ 7 до 14 лѣтъ является очень чувствительною частью тѣла вслѣдствіе своего нѣжнаго строенія и господствующаго въ этотъ періодъ мозгового развитія, вызывающаго усиленные приливы крови, которые дѣлаются еще обильнѣе вслѣдствіе сидячей жизни въ школѣ; она не переноситъ безъ вреда для себя такихъ потрясеній какъ удары по ней и оплеухи, слѣдствіемъ которыхъ нерѣдко бываютъ острия и хроническія головныя боли, а иногда и отупѣніе ученика. Не менѣе вредны удары по затылку, по спинѣ; потрясающіе спинной мозгъ и производящіе и уродства, и опасныя болѣзни“. Едва-ли нужно говорить, какъ вредны и нелѣпы удары по пальцамъ и по рукамъ, т. е. именно по тѣмъ частямъ тѣла, которыя нужны для школьныхъ занятій. Стоянье въ углу главнымъ образомъ вліяетъ на искривленіе позвоночнаго столба: дитя „не можетъ“ долго находиться въ одномъ положеніи, особенно стоя, вслѣдствіе чего оно постоянно опирается то на одну, то на другую ногу и искривляетъ свое туловище. Но если всѣ тѣлесныя наказанія, примѣняемыя даже въ незначительной степени, вредны для здоровья, то еще страшнѣе дѣлается ихъ вліяніе, когда вспомнишь, что они находятся въ полномъ безконтрольномъ распоряженіи педагоговъ, иногда по незрѣлости гораздо меньше цѣнящихъ жизнь воспитанника, чѣмъ жизнь своей собаченки или лошади. Цѣлый рядъ медицинскихъ свидѣтельствъ и процессовъ раскрываетъ передъ нами ту страшную картину пренебреженія къ человѣческой жизни, которая невольно заставляетъ призадуматься о состояніи педагогики.

„Одинъ грубѣйшій поступокъ, случившійся недавно, приходитъ намъ на память теперь, продолжаетъ Кленке. Онъ заслуживаетъ того, чтобы получить извѣстность. Одинъ молодой докторъ филологіи, грубый буршъ съ широкими костлявыми руками, вѣроятно, бывшій въ университетѣ однимъ изъ коноводовъ-бойцовъ, попалъ по протекціи учителемъ въ оберъ-квартиру въ гимназію. Желая возбудить вниманіе 12-13-лѣтнихъ мальчугановъ, онъ билъ ихъ съ размаха плотно-сжатымъ кулакомъ въ шею, въ самую чувствительную часть спинного мозга“. Сколько воспитанниковъ послѣ уда-

ровъ нуждались въ медицинской помощи, Кленке не знаетъ, но ему пришлось лечить двоихъ: одинъ изъ пациентовъ, болѣзненное дитя, упалъ безъ чувствъ на полъ отъ удара и былъ отведенъ домой товарищами; онъ остался слабымъ; неисправность питанія, слабость мускуловъ, блѣдность; слабость зрѣнія и параличъ верхнихъ вѣкъ были слѣдствіями удара; другой пациентъ былъ оглушенъ ударомъ и, повидимому, отдѣлялся отъ потрясенія кровоточеніемъ, но со времени удара у него началась боль въ спинѣ, псевдоревматическая боль мускуловъ и судороги въ ногахъ, кромѣ того онъ постоянно жаловался на боль въ затылкѣ послѣ каждаго умственнаго напряженія или движенія. Другой врачъ рассказываетъ о случаяхъ воспаления легкихъ, произведеннаго битьемъ учителя. Витманъ говоритъ о воспаленіи легкихъ и печени вслѣдствіе той-же причины. Касперъ пользовалъ дѣвочку, временно потерявшую способность говорить послѣ удара кулакомъ учителя. Ротъ приводитъ фактъ смерти 11-лѣтней дѣвочки послѣ сильнаго удара въ високъ. Лангендорфъ и Зибертъ приводятъ цѣлый рядъ подобныхъ-же фактовъ. Вспомните описаніе бурсы Помяловскимъ и вы поймете, къ какимъ результатамъ могутъ привести тѣлесныя наказанія дѣтей, вредныя даже и тогда, когда ими пользуются умѣренно.

Рядомъ съ этими наказаніями, конечно, покажутся ничтожными такія наказанія, какъ задаванье написать двѣсти разъ одно слово „лѣнтай“, или переписать двадцать разъ одну и ту-же строчку, или оставленіе безъ обѣда и т. д. Всѣ эти наказанія, кажущіяся ничтожными, тоже вредны: ребенка нельзя заставлять голодать безъ ущерба его здоровью, ему не слѣдуетъ задавать переписывать что-нибудь въ видѣ наказанія, такъ какъ это увеличиваетъ еще болѣе его дневную работу, отнимаетъ время у приготовленія обязательныхъ уроковъ, т. е. заставляетъ готовить эти уроки небрежно и подвергаться снова наказанію, наконецъ, переписка одного и того-же слова или фразы дѣйствуетъ отупляющимъ образомъ на ребенка.

Мы пишемъ не педагогической, не медицинской трактатъ и потому намъ нечего вдаваться въ подробности и объяснять вредъ каждаго рода наказаній какъ въ педагогическомъ, такъ и въ гигиеническомъ отношеніяхъ. Мы хотимъ только навести читателя на мысль о томъ, что каждая педагогическая мѣра будетъ хороша

только тогда, когда она находитъ себѣ оправданіе и съ точки зрѣнія гигіены, что каждая не гигіеническая мѣра, предпринятая педагогами, не можетъ назваться разумной педагогической мѣрой. Возьмемъ еще примѣръ: не особенно давно педагоги — и очень извѣстные педагоги — устраивали закрытыя помѣщенія учительскихъ семинарій въ Пруссіи, и говорили, что воспитанниковъ этихъ заведеній нужно кормить грубою пищею, одѣвать въ холодную одежду и въ холодное время помѣщать въ тѣсное училище, класть спать на неособенно удобныя постели, поднимать до зари, утомлять усиленною работою и дѣлать все это во имя того, что „эти люди и въ будущемъ должны вести суровую, полную лишений жизнь, къ которой ихъ нужно приучить заранее“? Повидимому, разсужденіе очень логичное: человѣка нужно приучить заранее съ дѣтства къ суровой жизни, къ жизни полной лишеній, такъ какъ неподготовленный иѣженка будетъ сломенъ ею. Но что-же говорить гигіена? Человѣческій организмъ имѣетъ извѣстныя потребности, говоритъ она, и ни одна изъ этихъ потребностей не можетъ остаться безнаказанно безъ удовлетворенія: если одна кака-нибудь потребность человѣка не будетъ удовлетворена, то это отзовется такъ или иначе на весь организмъ, въ видѣ физическихъ недостатковъ. Убить въ человѣкѣ какую-нибудь изъ его естественныхъ потребностей невозможно: дайте человѣку столько воздуха, сколько нужно его легкимъ, или эти легкія будутъ плохо работать и погубятъ весь организмъ; дайте желудку необходимое количество свѣжей, питательной пищи или этотъ желудокъ отмститъ вамъ, сдѣлавъ голову неспособною къ здоровой мысли; дайте мускуламъ необходимое количество физическаго труда, но не утомляйте ихъ до изнеможенія, или эти мускулы сдѣлаются нигуда негодными и на счетъ ихъ разовьется до болѣзненности нервная система; не раздражайте половыхъ органовъ, но дайте имъ въ извѣстное время удовлетворить ихъ потребности, не стараясь бесплодно убить эти потребности, или эти органы будутъ удовлетворять свои потребности неестественнымъ путемъ, губя умственные и физическія силы человѣка. Педагоги не хотѣли знать этихъ требованій гигіены, когда они говорили о необходимости приучить человѣка къ лишеніямъ, и потому ихъ мѣры были не педагогичны, т. е. онѣ вели какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ, чѣмъ тѣ результаты, которыхъ добивается педагогика: вмѣсто вы-

послѣвѣхъ, здоровыхъ, умныхъ и трудолюбивыхъ людей выходили спившіеся съ круга, малокровные и болѣзненные, тупые и сонливые, дѣлающіе кое-какъ свое дѣло и ненавидящіе трудъ субъекты. Но мы до сихъ поръ мало заботимся не только о здоровьѣ дѣтей, но и о нашемъ собственномъ здоровьѣ. Намъ еще недавно пришлось слышать отъ одного очень не глупаго человѣка, что „излишнія“ заботы о своемъ здоровьѣ нѣсколько припахиваютъ „буржуазностью“ и что лучше-бы заботиться о здоровьѣ мысли, чѣмъ о здоровьѣ желудка. Выказывая подобную quasi-серьезную мысль, этотъ господинъ даже и не подумалъ о томъ, что при больномъ желудкѣ онъ никакъ не сохранитъ здороваго ума. Но большинство именно такъ смотритъ на дѣло и какъ будто считаетъ мозгъ чѣмъ-то стоящимъ внѣ организма, безъ всякой связи съ желудкомъ, нервами, кровью. Десять лѣтъ тому назадъ, когда я напечаталъ свой первый романъ, одинъ критикъ упрекалъ меня за то, что я этимъ романомъ стараюсь доказать обществу необходимость утилитарнаго направленія въ воспитаніи. Онъ не ошибся. Именно объ этомъ я заботился тогда; именно объ этомъ я забочусь и теперь. Да, воспитаніе должно быть утилитарнымъ. Оно должно дать возможность юношѣ вполне развить всѣ его тѣлесныя и умственныя силы, чтобы быть полезнымъ и себѣ, и обществу. Многіе еще до сихъ поръ думаютъ, что утилитарное воспитаніе говоритъ человѣку: „воруй, воруй и будешь богатъ“. Это страшная ошибка. Утилитарное воспитаніе говоритъ: „Если ты будешь воровать, то тебя упрячутъ въ тюрьму; если-же ты и избѣгнешь ея, то только потому, что твои ближніе будутъ не развиты, лѣнны и нерадивы, но на это полагаться нельзя. Если-же ты хочешь быть счастливымъ, то развивай свои умственныя и физическія силы, чтобы имѣть возможность жить, независа ни отъ кого, своимъ трудомъ. Только будучи вполне здоровымъ физически и умственно, ты можешь быть полезнымъ и себѣ и обществу, иначе ты будешь или дармоедомъ, или воровомъ, или притѣснителемъ другихъ и каждую минуту будешь бояться, что эти другіе, такъ или иначе постараются освободиться отъ тебя, вырвавъ тебѣ яму“. Вотъ что говоритъ утилитарное воспитаніе, при дурной-же гигиенѣ школъ оно не мыслимо, такъ какъ больной человѣкъ не можетъ быть полезенъ ни себѣ, ни другимъ.

Но кому вредитъ своими недѣлостями педагогика?

Однимъ дѣтямъ?

Нѣтъ, она вредить не имъ однимъ: она вредить и мнѣ, и вамъ, всему обществу и всему государству. Каждый тупой человѣкъ, каждый больной человѣкъ—обуза для государства, для общества, для васъ, для меня: онъ не только можетъ дойти до того состоянія, что сдѣлается дармоѣдомъ, но онъ постоянно будетъ парализовать дѣятельность и цѣлаго общества, и отдѣльной личности; тупой и больной человѣкъ не только не можетъ быть человѣкомъ инициативы, но онъ не можетъ даже самостоятельно идти въ заднихъ рядахъ за людьми инициативы—его нужно тащить, ему нужно подавать все готовое. Постарайтесь сдѣлать человѣка умственно и физически здоровымъ человѣкомъ и повѣрьте, что онъ будетъ гораздо болѣе въ состояніи бороться со всѣми невзгодами и лишеніями, чѣмъ тотъ, кого вы приучали съ дѣтства къ этимъ лишеніямъ и невздамъ. Вы скажете мнѣ, что это неправда, что человѣкъ, пришедшій со свѣжаго воздуха въ угарную комнату, умираетъ быстрѣе, чѣмъ тотъ, кто былъ въ этой комнатѣ съ самаго начала угара. Вы, конечно, вычитали эту истину изъ „Физиологіи обыденной жизни“ Льюиса. И вы думаете, что это возраженіе? Дѣло въ томъ, что жить въ угарной комнатѣ *физически невозможно*; значитъ, весь вопросъ сводится на то, лучше-ли умереть сразу или томиться долго въ параличномъ состояніи, зная неизбежность смерти,—ну, въ этомъ случаѣ я предпочитаю первое, хотя надо вамъ замѣтить еще, что здоровый человѣкъ, входя въ угарную комнату, прежде всего поспѣшитъ открыть двери и окна и очистить воздухъ, а тотъ, который былъ въ угарной комнатѣ съ самаго начала угара, будетъ тихо и мирно спать, не замѣчая, что онъ спитъ предсмертнымъ сномъ, и даже если онъ замѣтитъ это, то у него не станетъ силъ встать и отворить двери и окна. Кто-же будетъ правъ: вы или я?

Мы коснулись главнымъ образомъ только школъ, не распространяясь объ условіяхъ, которыми окружають дѣтей дома. Да не подумаетъ читатель, что это мы сдѣлали потому, что мы думаемъ, будто въ семьѣ ребенокъ обставленъ лучше и его здоровье подвергается меньшимъ опасностямъ. Нѣтъ. Дома, въ семьѣ ребенку грозятъ гораздо худшія условія. Но мы не коснулись ихъ потому, что мы желали показать, какъ плохо заботятся о дѣтяхъ даже тамъ, гдѣ люди, повидимому, должны-бы были предусмотрѣть

все нужное для развитія ребенка, предотвратить отъ него все вредное для его физическаго и умственнаго процвѣтанія. Если въ заведеніяхъ, спеціально предназначенныхъ для спасенія дѣтей отъ нравственной и физической гибели, такъ мало заботятся о требованіяхъ гигиены, о требованіяхъ человѣческаго организма, то, конечно, объ этотъ еще менѣе заботятся тѣ люди, которые часто лишены должной подготовки для роли воспитателей. Бѣдные, невѣжественные, неразвитые родители губятъ еще чаще, чѣмъ педагоги, тѣхъ, кому они дали жизнь. Въ школу нерѣдко поступаютъ дѣти уже испорченныя, изуренныя, притупленныя и забитыя дома, и школь и педагогамъ нужно стоять на очень высокой ступени развитія, чтобы исправить этихъ дѣтей. Къ несчастію, школа въ теперешнемъ ея состояніи совершенно не имѣетъ силъ исполнить эту святую обязанность.

Изъ всего сказаннаго выше вполне уясняется задача педагоговъ и докторовъ: они должны тѣснѣе сплотиться вмѣстѣ и дѣйствовать сообща. Только это сближеніе дастъ возможность выяснять всѣ тѣ вопросы, касающіеся здоровья подрастающаго поколѣнія, которые теперь остаются смутными и нерѣшенными. Общества или кружки докторовъ и педагоговъ, ихъ съѣзды, ихъ рефераты, обшнѣ наблюденій, осмотры школь докторами, планы школьныхъ зданій, утвержденіе закономъ моделей школь, все это можетъ двинуть впередъ дѣло, имѣющее громадное значеніе для общества. Но этого мало: само общество въ лицѣ людей, слѣдящихъ за дѣломъ образованія, должно принимать участіе въ обществѣ докторовъ и педагоговъ, должно представлять свои соображенія, должно предлагать свои практическія замѣтки и наблюденія. Подобное общество, основанное, какъ всякія другія ученныя общества, можетъ имѣть двойную пользу; оно кромѣ непосредственной пользы, приносимой имъ публикѣ и правительству выясненіемъ педагогическихъ и гигиеническихъ вопросовъ, можетъ изъ членскихъ взносов основать кассу для вдовъ и сиротъ учителей и для вспомоществованія бѣднѣйшимъ изъ учениковъ. Намъ скажутъ, что у насъ уже существуетъ одно педагогическое общество: но во-первыхъ, въ этомъ обществѣ находятся членами только педагоги, ни докторовъ, ни частныхъ лицъ тамъ нѣтъ въ числѣ членовъ; во-вторыхъ, вопросы занимающіе это общество, касаются очень узкаго круга, почти не задѣвая ни школьной гигиены, ни архитектуры школь,

что и понятно, такъ какъ въ числѣ членовъ нѣтъ ни врачей, ни архитекторовъ; въ-третьихъ, даже тѣ рефераты, которые читаются въ этомъ обществѣ, доходятъ до публики въ отрывочныхъ статьяхъ газетныхъ репортеровъ и забываются на другой-же день, а иногда и вовсе не читаются публикой, такъ какъ общество даже не считаетъ нужнымъ издавать журналъ или сборники, гдѣ помѣщались-бы всѣ рефераты и отчеты его засѣданій; впрочемъ, можетъ быть, оно само не считаетъ свои засѣданія на-столько серьезными, чтобы придавать имъ общую извѣстность, и потому ограничивается тѣмъ, что поговорить, поговорить въ своемъ кружкѣ, напѣется чайку и мирно разоидется, забывъ на-завтра, о чемъ говорилось вчера; въ-четвертыхъ, это общество не устраиваетъ кассы для вспомошествованія вдовамъ и сиротамъ учителей, для помощи нуждающимся воспитанникамъ, для выдачи премій за лучшіе планы школьныхъ домовъ, скамеекъ, столовъ и т. п.; въ пятыхъ — и это чрезвычайно важно — оно не умѣетъ сдѣлаться на-столько серьезнымъ и авторитетнымъ, чтобы хотя что-нибудь изъ обсуждаемаго и рѣшаемаго имъ входило въ жизнь, принималось и правительствомъ, и земствами, и частными лицами: это просто говорильня, пускающая на воздухъ мыльные пузыри громкихъ фразъ, лопающіеся въ одну минуту и неоставляющіе никакого слѣда. Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ основаніе другого „общепользнаго педагогическаго“ общества, на совершенно иныхъ основаніяхъ. До тѣхъ-же поръ, покуда врачи, педагоги и общество будутъ идти врознь, будутъ враждовать другъ съ другомъ, — здоровье подростящихъ поколѣній будетъ гибнуть и отъ болѣзненныхъ отцовъ будутъ рождаться болѣзненные дѣти.

А. Михайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РАЗБОЙНИКЪ.

(Изъ А. Петѣфи.)

Свѣтитъ мѣсяцъ блѣдный, лѣсъ стоитъ угрюмый,
На травѣ разбойникъ думаетъ въ немъ думу;
Все росю свѣжей ночька обливаетъ,
Но еще обильнѣй слезы онъ роняетъ.

Сжавъ топоръ, онъ плачетъ въ думахъ безотвѣтныхъ:
„Для чего мечталъ я о плодахъ запретныхъ?
Матушка! всегда ты мнѣ добра молила;
Для чего-жь забылъ я, что ты мнѣ твердила?

Домъ твой я оставилъ, сдѣлался бродягой,
Другомъ тѣхъ, кто грабить, рѣжетъ, и съ отвагой
Я иду за этой буйною толпою,
Гибель неповинныхъ принося съ собою.

Прочь отъ ихъ разгула, вонъ изъ ихъ берлоги!
Только нѣтъ возвратной для меня дороги:
Спать въ гробу родная... срыть нашъ домъ укромный...
Замѣненъ онъ нынче висѣлицей темной.

А. Ш.

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПОВОЛЖЬЯ.

ХІ.

Въ нижней половинѣ волжской трапеціи до настоящаго времени, можно сказать, продолжается борьба колонизаціонныхъ элементовъ, борьба изъ-за земли, которая здѣсь еще не потеряла своего обаянія для производителя. Конечно, борьба изъ-за обладанія землею имѣеть уже не примитивный характеръ: она ведется на капиталъ, на деньгахъ. Такъ въ Заволжьѣ въ послѣдніе годы частными предпринимателями и капиталистами скуплены цѣлыя сотни тысячъ десятинъ земли, и борьба уже возникаетъ за обладаніе башенскими землями; на нагорной сторонѣ Волги купечество, при помощи капитала, захватываетъ также у обѣднѣвшаго дворянства сотни тысячъ десятинъ: обширныя имѣнія вк. Васильчиковыхъ, Панчулидзевыхъ, Ершовыхъ, Гурьевыхъ и множества другихъ переходятъ въ руки купцовъ. Крестьяне, послѣ реформы 19 февраля, особенно малоземельные, также стали прихватывать себѣ дворянскія земли. Весьма важно было-бы собрать подробныя свѣдѣнія о количествѣ перешедшихъ къ недворянамъ земель со времени 1861 года; по крайней мѣрѣ, въ Поволжьѣ произошла не малая экономическая перетасовка въ этомъ отношеніи; но мы имѣемъ по этому предмету цифры за нѣсколько лѣтъ только по одной губерніи, а именно пензенской, которая только одной половиной входитъ въ районъ волжской трапеціи и экономически нѣсколько тяготеетъ къ Поволжью.

Такъ, втеченіи восьми лѣтъ послѣ крестьянской реформы изъ

общей массы дворянскихъ имѣній въ пензенской губерніи перешло къ *недворянамъ*, по купчимъ крѣпостямъ, около 42,000 дес. земли, на сумму болѣе 1,000,000 р.

Между отдѣльными годами эта цифра распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Въ 1861	приобрѣтено <i>недворянами</i>	дворян. зем.	1,629 д.	сум.	47,607 р.	14 к.
> 1862	"	"	>	2,250	>	78,333 > 50
> 1863	"	"	>	3,043	>	99,378 > 15
> 1864	"	"	>	3,034	>	73,521 > 1
> 1865	"	"	>	8,116	>	173,389 > 16
> 1866	"	"	>	3,303	>	81,612 > 93
> 1867	"	"	>	7,604	>	189,326 > 51
> 1868	"	"	>	12,868	>	303,261 > 60

Повидимому, чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ болѣе возвышалась цифра приобретения земель недворянами. Но при этомъ нѣльзя не замѣтить, что по-уѣздно всего больше этихъ приобретений досталось на долю мѣстностей, тяготящихся экономически скорѣе къ волжской трапеціи, чѣмъ за ея предѣлы.

Такъ, по-уѣздно перешло земли къ недворянамъ:

По пензенскому	6,540 д.	на	132,281 р.	— к.
" городищенскому . .	7,370	"	176,143	50 "
" мокшанскому	4,675	"	127,196	7 "
" саранскому	4,761	"	140,946	— "
" чембарскому	2,079	"	66,716	50 "
" керенскому	5,896	"	126,766	14 ¹ / ₂ "
" нижнеломовскому . .	1,515	"	38,790	— "
" инсарскому	3,771	"	114,700	47 "
" наровчатскому	2,099	"	54,187	50 "
" краснослободскому .	3,142	"	64,002	81 "

Выдаются, слѣдовательно, уѣзды пензенскій, городищенскій, мокшанскій и саранскій, именно входящіе своими частями и цѣликомъ въ волжскую трапецію.

По сословіямъ, изъ недворянъ, воспользовавшихся реформою 19 февраля, приобрѣли земли слѣдующія группы:

Чиновники	6,842 д.	на	171,408 р.	34 ¹ / ₂ к.
Купцы и мѣщане	23,121	"	559,617	46 "
Государственные крестьяне.	5,534	"	136,544	68 "
Бывшіе крѣпостные	5,231	"	146,458	35 "
Духовенство	664	"	16,304	17 "

Отставные солдаты	73	„ „	2,300	„ — „
Иностранцы	381	„ „	2,797	„ — „

Собственно крестьянами куплено у помѣщиковъ, въ дополненіе къ полученнымъ отъ послѣднихъ недостаточнымъ земельнымъ надѣламъ, 10,765 д., на сумму до 283,000 р. Общее-же число земель, перешедшихъ въ недворянскія руки втеченіи 8-ми лѣтъ (не говоря о земляхъ, отошедшихъ къ крестьянамъ по уставнымъ грамотамъ), по отношенію къ общей массѣ дворянскихъ имѣній въ пензенской губерніи, въ количествѣ 1,165,150 д., составляетъ только 3,5⁰/₀.

Г. Суринъ, изъ статьи котораго *) мы извлекли вышеприведенныя любопытныя свѣденія, говоря о переходѣ земель изъ дворянскихъ рукъ въ недворянскія, какъ о борьбѣ новыхъ экономическихъ силъ съ старыми, между прочимъ реформу 19 февраля выставяетъ причиною того, что „увидѣла свѣтъ давно и глубоко запрятанная крестьянская кубышка съ деньгами, и помѣщичьи имѣнія, болѣе или менѣе крупными частями, стали переходить въ собственность городскихъ или сельскихъ обывателей, т. е. купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ всѣхъ наименованій“ (Сборн. о пенз. губ., 24); а въ заключеніе своей статьи, приводя цифры о земляхъ, купленныхъ собственно крестьянами, изъ которыхъ, напр., одинъ чембарскій мужикъ Афонасій Бездѣловъ купилъ имѣніе за 16,200 р., прибавляеть: „На эти цифры, а также и на общее количество земли, приобрѣтенное бывшими крѣпостными крестьянами, обращаемъ вниманіе читателей, знающихъ съ мѣстоимъ извѣстныхъ газетъ, что крестьяне, съ уничтоженіемъ крѣпостного права, разорились окончательно“ (тамъ-же, 55).

Такимъ образомъ, восьмилѣтняя борьба изъ-за владѣнія землею, по одной губерніи, кончилась, можно сказать, ничтожною побѣдою, выразившеюся только 3¹/₂ процентами. Жаль только, что мы не можемъ привести такихъ-же цифръ, извлеченныхъ изъ документовъ, о результатахъ этой борьбы въ другихъ мѣстностяхъ,

*) Помѣщенной въ изданномъ пензенскимъ комитетомъ «Сборникѣ историческихъ, географическихъ и статистическихъ матеріаловъ о пензенской губерніи», въ 1870 г., подъ заглавіемъ: «Одинъ изъ результатовъ экономической реформы 19 февраля 1861 года, по отношенію къ пензенской губерніи.»

лежашихъ въ волжской трапеціи. Какъ-бы то ни было, но несомнѣнно, что борьба существуетъ, а это доказываетъ, что броженіе колонизаторскихъ элементовъ въ данномъ районѣ еще не улеглось и экономическая дѣятельность населенія ищетъ приложенія своихъ силъ сообразно условіямъ мѣстности.

Мы сказали, что продолжающаяся до сихъ поръ въ нижней половинѣ волжской трапеціи борьба изъ-за обладанія землею не имѣетъ примитивнаго характера. Въ то-же время она и вызывается обстоятельствами вполне современными, такими, какихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ не могло еще существовать, а именно: нашимъ сближеніемъ съ Европою и нашими реформами. Съ Европою мы стали теперь въ отношенія, такъ-сказать, органической связи, и эта связь, вслѣдствіе весьма сложныхъ экономическихъ комбинацій, почти непосредственно отражается на карманѣ какого-нибудь еланьскаго или балаковскаго крестьянина, который никогда не слыхалъ про Европу, но который чувствуетъ, что чья-то посторонняя рука забирается въ его карманъ, что чей-то чужой глазъ заглядываетъ на гумно, въ амбарушку съ хлѣбомъ, и не ладятся его экономическіе распоряженія...

Вотъ что говорили члену саратовскаго статистическаго комитета, г. Иллюминарскому, одни изъ лучшихъ производителей нижней половины волжской трапеціи, баладинскіе крестьяне: „Прежде мы хлѣбъ мало продавали. Бывало одонь-то стоять лѣтъ пять-десять, а то и дольше, иная ужъ совсѣмъ стнѣтъ — вовсе не годится. А отчего? оттого, что нужды не было. Скотины довольно, и грошей про нужду есть, оброкъ въ барскую контору заплатилъ, да и живешь бариномъ. Ну, а главная-то причина — берегли про голодный годъ: въ случаѣ неурожая у насъ и хлѣбецъ для себя и кормъ для скотины. Ну, а нынѣча совсѣмъ другое дѣло: земля дорога, подати большія, только ты сожнешь, а приказчикъ такъ тутъ и стоитъ, такъ и теребитъ тебя. Знамо дѣло, сейчасъ-же молотишь и везешь на базаръ, да раздѣляешься. А себѣ-то остается только-только на годъ, да и то чуть натягиваешь. Теперь на гумнѣ или въ амбарѣ ужъ незалежится. Вотъ отчего она торговля-то и идетъ“ (О сельск. хозяйствѣ въ Баландѣ, Памят. кн. сарат. губ., 1872, ч. II, отд. II, 263).

Это — частныя послѣдствія нашей непосредственной торговли

связи съ западною Европою: нашъ крестьянинъ, по экономическимъ и финансовымъ рефлексамъ, исходящимъ отъ Запада, нерѣдко покупаетъ и снимаетъ въ аренду землю, съѣтъ гирку или кубанку „по приказамъ“ изъ Лондона и вноситъ въ казначейство подати деньгами изъ конторы Беринга или Ротшильда, полагая, что получаетъ деньги отъ Василія Онисимовича Слюсарева или Ефима Павловича Ротенка, „судскихъ прикащиковъ“. Эта связь съ одной стороны оказываетъ оживляющее начало на нашъ экономическій бытъ и производительныя силы, съ другой—деморализующее и подавляющее. Объ эксплуатирующихъ началахъ этой связи мы не говоримъ: они—послѣдствія весьма сложныхъ экономическихъ и финансовыхъ комбинацій, которымъ производительныя силы волжской трапеціи по-необходимости должны еще покоряться.

XII.

Воздѣйствіе реформъ послѣдняго времени на экономическій бытъ и производительныя силы волжской трапеціи совершается нѣсколько инымъ путемъ. Реформа 19 февраля не могла не имѣть въ этомъ отношеніи громаднаго моральнаго и экономического вліянія на весь строй нашей жизни, хотя въ Поволжьѣ это вліяніе должно было дать, до извѣстной степени, другіе результаты, чѣмъ внѣ нашихъ земледѣльческихъ районовъ. Относительно безпристрастной оцѣнки этого вліянія, однако, разныя партіи не могутъ доселѣ спѣться и найти общія, примиряющія точки соприкосновенія для правильной оцѣнки даннаго историческаго событія, хотя время для правильной оцѣнки безспорно уже настало.

Одинъ, напр., статистическій комитетъ (которымъ, конечно, ближе всего знать экономическое положеніе своихъ мѣстностей) устами своего члена говоритъ, что въ нижней половинѣ волжской трапеціи экономическій переворотъ, совершонный реформой, выразился „въ степени легкости и удобствъ, съ которыми крестьяне пользуются землею“, что „способы обработки земли сохранились тѣ-же, что были и прежде,—тѣ-же соха, плугъ и борова, та-же коса и тотъ-же цѣпъ“, но что „въ этомъ отноше-

ни даже произошла перемена къ худшему, потому что уничтожились во многих имѣніяхъ хозяйства, существовавшія въ крѣпостное время въ огромныхъ размѣрахъ, а вмѣстѣ съ этимъ сложились въ сарай на неминуемое уничтоженіе и истлѣніе и тѣ молотилки, вѣялки и разныя машины, которыя вводились въ этихъ имѣніяхъ“; что въ имѣніяхъ, „въ которыхъ крестьяне пошли на большой надѣлъ, земля стала обходиться крестьянамъ по такой высокой цѣнѣ, что они вовсе обѣднѣли: то и дѣло слышишь, что ихъ имущества продаютъ за недоимки“; что „въ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне пошли на дарственный надѣлъ, положеніе ихъ другое—оно даже лучше въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ неподалеку одинъ отъ другого находятся участки разныхъ владѣльцевъ, которые, въ видахъ сдачи большаго количества земли на своихъ участкахъ, конкурируютъ между собою и сдаютъ землю дешевле“; что, — однако, бросающійся въ глаза фактъ, — „вообще положеніе крестьянъ ухудшилось въ имѣніяхъ небогатыхъ владѣльцевъ“; что въ первыхъ „крестьяне жили только на оброкѣ, по большей части небольшомъ и необременительномъ, за который пользовались всею землею“, а во вторыхъ „небогатые помещики большею частью вели въ своихъ имѣніяхъ собственныя хозяйства, причѣмъ до жестокости мучили своихъ крестьянъ барщиной и разными поборами“; что, наконецъ, вообще, „по освобожденіи на волю, при одинаково установившихся отношеніяхъ между крестьянами богатыхъ и небогатыхъ помещиковъ и между воздѣлываемою ими землею, экономическое положеніе первыхъ, отъ увеличившейся, въ сравненіи съ прежде платимымъ оброкомъ, цѣны на землю и отъ большей строгости и придирчивости ихъ прежнихъ владѣльцевъ, должно было, очевидно, *ухудшиться*, положеніе же вторыхъ, опять то-же въ сравненіи съ ихъ прежнимъ, должно было *улучшиться* уже отъ одного того, что крестьянинъ сталъ представлять собою гражданина, свободно располагающаго собою и своимъ хотя грошовымъ состояніемъ“ (Пам. кн. саратов. губ. 1872, стр. 261 — 262, ч. II, ст. II). Но чего не отрицаютъ ни пессимисты, ни оптимисты въ оцѣнѣ данной реформы, это то, что „свободный трудъ крестьянина сталъ прибыльнѣе“ и „подѣйствовалъ развивающимъ образомъ“ на экономическую жизнь нижней половины волжской трапеціи, что „вывозъ хлѣбовъ за-границу въ послѣдніе годы увеличился значи-

тельно“, что, стало быть, „несмотря на возрастающее населеніе страны, излишекъ отъ внутренняго потребленія таковъ, что превышаетъ излишекъ хлѣбовъ крѣпостного времени“, хотя сами крестьяне и не сознаются въ существованіи этого излишка, какъ, будто-бы, они не сознаются въ существованіи у нихъ исторической „вубышеи“, которою имъ колятъ глаза (тамъ-же, 262 — 263 и Сборн. о пенз. губ. 1870, ст. 24).

Другой о томъ-же предметѣ выражается такъ: „Положеніе 19 февраля 1861 года вызвало народъ изъ тьмы и привело къ новой жизни. Но не такъ-то легко стирается старая грязь, толстымъ слоемъ годъ за годомъ запекавшаяся втеченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Многіе находятъ, что крестьяне стали теперь въ нравственномъ отношеніи хуже, чѣмъ были въ крѣпостномъ состояніи. Я, пожалуй, согласусь съ этимъ, потому что это очень естественно, но выражусь нѣсколько иначе. Всѣ недостатки и дурные инстинкты крестьянъ до преобразованія сдерживались строгою опекою крѣпостного права, но едва дунуль духъ свободы, всѣ эти недостатки выказались во всей ихъ ясной наготѣ. Посмотрите, вотъ дѣти, выпущенныя на улицу изъ тѣсной, душной комнаты, гдѣ строгій учитель сдерживалъ ихъ въ тишинѣ и порядкѣ. Толпа ихъ бросается съ шумомъ въ беспорядкѣ на улицу, и, выйдя на свѣтъ божій, заявляетъ радость свою на свободѣ, проявляя ее всевозможными порывами, отъ вздорной шалости до сумасбродства. Конечно, отъ этого не легче постороннему взрослому при столкновеніи съ шумною ватагою шалуновъ; но не всякій-же путникъ въ безумной ярости подниметъ камень и броситъ его въ толпу. Благоразумный не разсердится, а съумѣетъ предохранить отъ дурныхъ послѣдствій, какъ себя, такъ и всю ватагу шалуновъ. Къ несчастію, общество наше весьма часто смотритъ на крестьянъ иначе, видитъ въ нихъ совершеннолѣтнюю безобразную толпу, готовую на все дурное, а потому многіе при встрѣчѣ съ толпою и упражняются въ фразы „друзья мои“, но при малѣйшемъ противорѣчьи, поднятый камень, нахмуренныя брови и гнѣвный тонъ не гармонируютъ съ словами, и вызываютъ, конечно, въ этой массѣ или упрямство или раздраженіе. Какъ дѣтей нельзя сдѣлать вдругъ взрослыми и нельзя требовать отъ нихъ благоразумія, свойственнаго иному возрасту, такъ и отъ крестьянъ нельзя было ожидать умѣренности и совершенно яснаго понима-

нія совершающихся событій. Надо еще дать имъ хорошія школы, а тамъ, говоря о недостаткахъ крестьянства, говорить и объ его достоинствахъ. Если-же у насъ, болѣе развитыхъ классовъ, не достанетъ терпѣнія и умѣнья, такъ певать будетъ не на кого: „что посѣешь, то и пожнешь“ (Нижегор. сбор., т. II, 36—37). Въ концѣ концовъ, на экономической жизни населенія все это, по словамъ того-же автора (немножко изъ разряда „взрослыхъ опекуновъ“) отразилось такъ: „Развѣ народъ за свое увлеченіе и ребячество въ эти послѣдніе года не заплатился? Что случилось съ нашими стариками-крестьянами, которые не могли-же вдругъ съ реформой измѣниться? Они остались со всѣми своими хорошими и дурными сторонами, но, при своемъ невѣжествѣ, въ виду громаднхъ реформъ и какъ снѣгъ на голову свадившейся самостоятельности, потерпѣли сильное крушеніе. На первой-же сходкѣ они оказались несостоятельными; лучшіе, смиренне и добросовѣстные изъ нихъ на первое время совершенно отстранили себя отъ общественныхъ дѣлъ, а остальные на сходкахъ, на выборахъ подпали подъ вліяніе горячихъ головъ изъ молодежи. Все это не могло не повліять на остальную молодежь, которая, видя несостоятельность старшихъ, окончательно вышла изъ повиновенія и нарушила тѣмъ принципъ патріархальности русской семьи. Старшимъ сталъ тотъ, кто былъ побойчѣе. Пошла дѣлежка имѣнія. Многосемейные дома, краса и сила всего поселка, дѣлились донельзя. Дѣлились братья-двойники. Разъ нарушившійся порядокъ въ семьѣ русской вызвалъ всѣ страсти, сдерживаемыя до сихъ поръ старшимъ въ домѣ. Крѣпостное право, этотъ вѣковой дубъ, валился со всѣми своими корнями. Переворотъ (?) совершился вполне и уцѣлѣли отъ него немногіе дома. Подоспѣла дешевая продажа вина. Пошло пьянство, своеволие; всѣ призывали, кромѣ старость, никто не хотѣлъ исполнять. Трудъ уменьшился наполовину. Базары наполнились хозяевами, подъ предлогомъ нужды домашнихъ; питейные дома кишѣли пьющими и поющими, между которыми стали появляться и женщины. Никто не наживалъ, всѣ проживали. Работы ждали, но не напрашивались. Цѣна на трудъ возросла, но выгодъ отъ этого никто не ощущалъ. Такъ протекло нѣсколько лѣтъ, и хотя нынѣ все это начинаетъ улаживаться и успокаиваться, но жертвъ безумно прожитаго прошлаго оказалось не мало во всякомъ селѣ, во всякой деревнѣ; хотя есть и раз-

богатѣвшіе подѣ-шумокъ, но обѣднѣвшихъ гораздо больше (ст. 37—39, тамъ-же).“ Поэтично, но, кажется, ошибочно это оплакиваніе чего-то. Панадеею предлагается, конечно, всенепременно школа, точно грамота заставитъ ястреба чаще садиться на крыши деревни Могилковъ и тѣмъ дать крестьянамъ способъ больше ловить ястребовъ и больше черезъ нихъ зарабатывать.

Между этими двумя мнѣніями, одинаково крайними, стоитъ третья, превратившаяся въ несомнѣнную истину, которая наглядно подтверждается современнымъ экономическимъ положеніемъ средняго Поволжья и степенью подъема его производительныхъ силъ. Истина эта — несомнѣнно добрыя послѣдствія крестьянской реформы, какъ съ нравственной, такъ и съ экономической стороны, выразившіяся въ подъемѣ края до той степени, что безъ этого подъема онъ не былъ-бы способенъ принять и вынести—буквально вынести—на себѣ послѣдующія затѣмъ реформы—земскую, судебную и ожидаемую нынѣ воинскую.

Крестьянская реформа логически вызвала организованіе особыхъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, которыя, въ свою очередь, потребовали увеличенія бюджетовъ земскихъ расходовъ, т. е. называвшихся тогда еще земскими повинностями, такъ какъ земскихъ учреждений, въ современномъ ихъ значеніи, пока не существовало. Такъ какъ сложный механизмъ введенія въ жизнь крестьянской реформы и вообще приведеніе въ исполненіе положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, требовали не мало работы, то исполнявшія эту слѣдственную работу крестьянскія учрежденія должны были явиться въ усиленномъ составѣ, съ обширными штатами губернскихъ присутствій, ихъ канцелярій и проч. Все это требовало расхода, равне какъ и содержаніе мировыхъ посредниковъ съ ихъ канцеляріями и сѣздовъ посредниковъ тоже съ канцеляріями. Размежеваніе земель, отходившихъ въ надѣлъ крестьянамъ и остававшихся за помѣщиками, составленіе плановъ на земли, введеніе уставныхъ грамотъ, постоянные разъѣзды—по этимъ дѣламъ и по поводу возникавшихъ между крестьянами и помѣщиками недоразумѣній—разныхъ чиновниковъ, членовъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, членовъ отъ правительства при присутствіяхъ и сѣздахъ, разъѣзды самихъ посредниковъ, ихъ письмоводителей и проч.,—все это сводилось

къ извѣстнымъ итогамъ, возвышавшимъ собою цифру земскихъ бюджетовъ, все это требовало денегъ. А деньги извлекались изъ той-же земли, изъ того-же труда, ставшаго, правда, до извѣстной степени свободнымъ тамъ, гдѣ не оставалось издѣльной повинности. Число мировыхъ участковъ нерѣдко увеличивалось непропорціонально потребностямъ, численности и средствамъ населенія: являлись излишніе мировые посредники, которые изъ-за жалованья искали пристроиться къ этимъ должностямъ, увеличивая собою и безъ того обширный контингентъ служащихъ на жалованья все у того-же населенія, судьбу котораго они устраивали какъ факторы правительственной власти и исполнители новыхъ положеній о крестьянахъ.

Само собою разумѣется, что эти усилившіеся расходы требовали относительно большаго обложенія земель налогомъ, вводили новыя графы въ окладные листы и ложились до нѣкоторой степени, хотя и незначительно, отрицательнымъ процентомъ на доходность земли и на крестьянскій заработокъ.

Затѣмъ въ 1866 году Поволжье видѣло у себя введеніе положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Сначала населеніе должно было понести извѣстные расходы на первоначальное организованіе выборныхъ порядковъ, на составленіе избирательныхъ списковъ, на кадастръ земель и прочаго земскаго имущества для опредѣленія избирательныхъ ценовъ, для организованія сѣздовъ избирателей земскихъ гласныхъ и на самый механизмъ земскихъ выборовъ. Организованіе земскихъ исполнительныхъ учреждений — земскихъ управъ и ихъ канцелярій — вызвало новыя расходы. Потому весьма значительныхъ расходовъ потребовало содержаніе лицъ, служащихъ по земскимъ учрежденіямъ, жалованье председателямъ и членамъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ, жалованье чиновникамъ канцелярій, техникамъ. Въ назначеніи окладовъ жалованья земство не стѣснялось, лишь-бы привлечь, какъ оно справедливо рассчитывало, наиболѣе дѣятельныхъ и наиболѣе знающихъ людей къ земскому дѣлу. Такимъ образомъ, на содержаніе крестьянскихъ мировыхъ учреждений и на содержаніе земскихъ учреждений уже сходило по нѣскольку сотъ тысячъ съ каждой губерніи, и все это опять-таки ложилося извѣстнымъ отрицательнымъ процентомъ на доходность земли и на крестьянскій заработокъ. Въ итогѣ выходило: прежняя, а иногда

и уменьшенная доходность съ земли, *плюсъ* свободный трудъ, *минусъ* расходъ на крестьянскія учрежденія и еще большій *минусъ* на содержаніе земскихъ учреждений.

Приступивъ къ дѣлу, т. е. къ выполнению на практикѣ задачъ, указанныхъ земству въ положеніи и земскихъ учрежденіяхъ, оно увидѣло, что вмѣстѣ съ разумною экономіею, вмѣстѣ съ мелочнымъ даже сбереженіемъ всякой земской копейки, охраненіе которой на него возложено закономъ и довѣріемъ всего населенія, оно должно немедленно и непремѣнно прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ расходамъ, чтобъ, съ одной стороны, исполнить требованіе закона, съ другой—оправдать довѣріе населенія. Повсюду раздавались голоса, что дорожная и почтовая часть у насъ требуютъ коренныхъ улучшеній, что дороги у насъ непроѣзжны, мосты, переправы и всѣ дорожныя сооруженія въ самомъ незавидномъ положеніи, мосты приходится объѣзжать, а переправы черезъ рѣки задерживаютъ положительно, такъ-сказать, экономическую циркуляцію соковъ страны, подрываютъ ея торговлю, производимость. Печать справедливо указывала, что народное здоровье требуетъ особенныхъ заботъ, что сельское населеніе теряетъ громадный процентъ рабочихъ и производительныхъ силъ чрезъ повальныя болѣзни, непривитіе младенцамъ предохранительной оспы; что цѣлыя мѣстности поражены сифилисомъ; что ни докторовъ, ни аптекъ, ни медицинской помощи сельское населеніе не знаетъ; что крестьяне болѣютъ и умираютъ безъ леченья, и только въ крайности обращаются къ своимъ знахарямъ и знахаркамъ, которые преждевременно и сводятъ ихъ въ могилу посредствомъ сулемы, мышьяка, ртути, или къ коноваламъ, тоже знахарямъ, которые или истощаютъ народъ излишними кровопусканьями при всякомъ его заболѣваньи, или лечатъ вздорными травами. Никто не сомнѣвался, что народъ нуждается въ грамотѣ, въ разумномъ образованіи, а въ селахъ нѣтъ школъ, нѣтъ учителей, что наставниками и учителями нерѣдко являются отставные безграмотные солдаты или раскольничьи начетники и начетчицы. Несомнѣнно было и то, что народное продовольствіе требовало особенныхъ заботъ, что обезпеченіе населенія, особенно въ неурожайные годы, отъ всѣхъ случайностей голода, также дѣло нетерпящее отлагательства; что запасныя магазины вездѣ въ беспорядкѣ, особенно при отходѣ крестьянъ на

волю, когда никто изъ нихъ не зналъ, чей въ амбарахъ хлѣбъ, барскій или крестьянскій, и хлѣбъ этотъ былъ растаскиваемъ, запасные амбары оставались пустыми. Чувствовалась неотложная нужда въ продовольственныхъ капиталлахъ, въ сберегательныхъ и ссудныхъ банкахъ. Пожары, опустошавшіе дѣльня селенія, требовали заботъ о застрахованіи населенія отъ этого, можно сказать, естественнаго, историческаго бѣдствія, которое все-же возможно предотвращать благоразумными мѣрами. Скотскіе падежи нерѣдко похищали въ одно лѣто все достояніе населенія, заключавшееся въ стадахъ и рабочемъ скотѣ.

Всѣ эти и *многія* и другія заботы администрація возлагала на плечи земства; а чтобы все привести въ возможный порядокъ, требовались расходы и расходы, усиленные въ той мѣрѣ, въ какой каждая часть земскаго дѣла требовала улучшенія. Приведеніе въ возможно лучшее состояніе дорогъ, мостовъ и переправъ черезъ рѣки вызвало усиленные расходы: вмѣсто грунтовыхъ дорогъ, особенно въ топкихъ или овражистыхъ мѣстахъ, съѣдавшихъ каждый годъ значительныя ремонтныя суммы, въ иныхъ мѣстностяхъ признано болѣе полезнымъ, въ интересахъ самого-же населенія, построить дамбы, шоссе, постоянные мосты и проч. — и вотъ чрезвычайный расходъ, упавшій отрицательнымъ процентомъ на доходность все тѣхъ-же земель и той-же заработной платы мѣстнаго населенія. Пришедшіе въ ветхость почтовые станціи требовали или ремонта или новаго устройства почтовыхъ и станціонныхъ приспособленій—опять чрезвычайный расходъ, упавшій на ту-же землю и на тотъ-же заработокъ. Почтовая гоньба не всегда правильно распредѣлялась по часамъ, такъ что не представлялось возможности опредѣлить ни времени прихода почтъ, ни промедленія въ дорогѣ, ни контролировать служащихъ и гонимыхъ, потому что часы на станціяхъ не годились,—и вотъ новый экстренный расходъ на изготовленіе однообразныхъ часовъ, которые-бы имѣли съ собой почтальоны и которые заводились-бы по почтовымъ конторамъ, чтобы время могло контролироваться и земствомъ, и почтовымъ начальствомъ. Для охраненія народнаго здоровья нужно было опредѣленіе во всѣ уѣзды по нѣскольку земскихъ врачей, фельдшеровъ, повивальныхъ бабокъ, устройство земскихъ больницъ, открытіе земскихъ аптекъ въ селеніяхъ, учрежденіе медицинскихъ пунктовъ по уѣздамъ для поданія помощи

заболѣвающему сельскому населенію, — это новыя чрезвычайныя расходы, опять-таки отрицательнымъ процентомъ упавшіе на доходность земли и на бѣдный заработокъ. Устройство народныхъ школъ, жалованье учителямъ, открытіе періодическихъ съѣздовъ сельскихъ наставниковъ, — еще расходъ, упавшій и на земли, и на заработокъ. Устройство запасныхъ магазиновъ, пополненіе ихъ хлѣбомъ, расхищеннымъ или съѣденнымъ до открытія земскаго контроля, — новый расходъ и новое пониженіе чистаго дохода земли и суммы заработка. Устройство пожарныхъ обозовъ, засадеа улицъ въ селахъ деревьями для предохраненія отъ пожаровъ, устройство по селамъ, у воды, вдали отъ жилья, мазанокъ съ печами („казарки“) для лѣтной топки, — новый расходъ. Устройство почти несуществовавшей прежде земской ветеринарной части — опять новый расходъ. Всѣ эти расходы падали на населеніе въ размѣрѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ по каждой изъ губерній волжской трапеціи.

Мало того, земство не остановилось на томъ только, что на его обязанность возложено было положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Саратовское земство, напр., въ видахъ подъема экономическаго уровня и производительности края отъ проведенія къ центру волжской трапеціи желѣзной дороги изъ метропольныхъ центровъ и столицъ, приняло на себя гарантію доходности тамбовско-саратовской желѣзной дороги, назвавъ ее земской и ставъ какъ-бы въ положеніе отвѣтственнаго учредителя. Это было дѣло чисто-коммерческое, рискованное — и оно, какъ скоро оказалось, принесло земству и всему населенію огромный убытокъ, въ видѣ расхода на гарантію, упавшаго неожиданно все на ту-же доходность земли и на заработокъ мѣстнаго населенія. Это уже расходъ не тысячный, не стотысячный, а полумилліонный на первое время и, можетъ быть, милліонный въ ближайшемъ будущемъ.

Далѣе, за крестьянской и за земской реформами послѣдовали почти одновременно реформы по введенію въ Поволжьѣ судебно-мирового института и новыхъ судебныхъ установленій, на основаніи закона 20 ноября 1864 года.

Въ первомъ случаѣ — расходъ на мировыхъ судей и на съѣзды, со всѣмъ, что относится къ судебно-мировому институту. Въ иной губерніи по среднему Поволжью явилось разомъ до 100 мировыхъ судей, на жалованья отъ 2,000 до 2,200 руб. каждому.

Положить только 50 мировыхъ судей на губернію, съ жалованьемъ по 2,000 руб. каждому,—это уже извлекаетъ изъ населенія одной губерніи 100,000 руб., а мы знаемъ, что эти расходы доходятъ до 200,000 руб. на губернію.

Во второмъ случаѣ—расходъ на открытіе новыхъ судебныхъ установленийъ въ полномъ составѣ. Поволжскія земства и города не уклонились отъ этихъ расходовъ, для нихъ не обязательныхъ, а предупредительно предложили свои деньги на скорѣйшее открытіе новыхъ судовъ, на приспособленіе помѣщеній подъ присутственныя мѣста и т. д.

Вотъ какая масса новыхъ неизбѣжныхъ расходовъ, вызванная необходимостью послѣднихъ внутреннихъ реформъ, упала на землю и на доходъ населенія, на весь его экономическій бытъ. Въ эти двѣнадцать лѣтъ, съ 1861 года, Россія сдѣлала громадныя усилія для того, чтобы сбросить съ себя одежду „ветхаго человѣка“, и всѣ эти усилія, всѣ эти улучшенія должны были оплачиваться все тою-же русскою землею и тѣмъ-же трудомъ русскаго человѣка, начиная отъ Державнаго преобразователя и кончая освобожденнымъ имъ крестьяниномъ. Расходъ этотъ и этотъ трудъ несли вся Россія, а потому странно было-бы ожидать, чтобы при такихъ громадныхъ пожертвованіяхъ на всѣ части обновляемаго гражданскаго быта индивидуальныя доходы и помѣщика, и крестьянина, вдругъ, ни съ того, ни съ другого, увеличились на 100% и чтобы видимое матеріальное положеніе всѣхъ улучшилось до того, чтобы бросаться въ глаза.

Такимъ образомъ, констатируя приведенные выше факты и для болѣе яснаго опредѣленія экономическаго положенія данной мѣстности, хотя-бы поволжской трапеціи, подводя оцѣнку этихъ фактовъ подъ доходъ и расходъ, которые для видимости обозначимъ *плюсомъ* и *минусомъ*, мы получимъ въ итогѣ:

Плюсъ — земля съ ея доходностью.

Плюсъ — свободный трудъ крестьянина (обратившійся для помѣщика и для землевладельца вообще въ *минусъ*).

Плюсъ — всѣ наши матеріальныя и интеллектуальныя улуч-

Минусъ — новый расходъ на губернскія и уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія.

Минусъ — содержаніе земскихъ учреждений, управъ, членовъ и проч.

Минусъ — улучшеніе почто-

шенія за послѣднее время, которыя, въ концѣ концовъ, неизбежно выражаются доходомъ, и весьма притомъ значительнымъ, хотя не мгновеннымъ.

выхъ и проселочныхъ дорогъ (новыя дамбы, шоссе, постоянные мосты и проч.).

Минусъ — переустройство почтовыхъ станцій.

Минусъ — земскіе врачи, земскія больницы, аптеки и пр.

Минусъ — народныя школы, учителя, учительскіе съѣзды и проч.

Минусъ — постройка запасныхъ магазиновъ и пополненіе запасовъ.

Минусъ — образованіе продовольственныхъ капиталовъ.

Минусъ — устройство пожарной части въ селахъ.

Минусъ — устройство ветеринарной части.

Минусъ — громадный расходъ на гарантію желѣзныхъ дорогъ (хотя-бы по саратовской губерніи).

Минусъ — расходъ на мировыхъ судей.

Минусъ — на открытіе новыхъ судовъ.

Наглядно взвѣсивая всѣ эти плюсы и минусы и переводя ихъ на рубли, мы неизбежно приходимъ къ убѣжденію, что совершенно не правы тѣ голоса, которые еще продолжаютъ утверждать, на зло логикѣ фактовъ, что освобожденіе крестьянъ не улучшило ихъ экономическаго быта, какъ не правы и тѣ, которые въ излишнемъ усердіи хотятъ увѣрить всѣхъ, тоже на зло логикѣ фактовъ, что крестьянская реформа почти обогатила крестьянъ. Правда, она обогатила крестьянъ свободнымъ трудомъ, а Россію обогатила безспорно, но только опять-таки не рублями, а пробужденіемъ интеллектуальныхъ силъ безъ котораго нынѣшнее положеніе дѣлъ было-бы невысказуемо.

Говоря такъ, мы относимъ все это исключительно лишь къ поволжской трапеціи, чтобы яснѣе уразумѣть, чѣмъ она стала въ настоящее время.

Мы не говоримъ, наконецъ, о тѣхъ, опять-таки новыхъ, небывшихъ прежде расходахъ, которые несетъ на себѣ населеніе со времени реформы 1861 года, какъ-то: со второй половины 1863 года налогъ на недвижимыя имущества (или такъ-называемый „имущественный налогъ“), взаимныя подушной подати съ мѣщанъ, расходы на усиленіе содержанія полиціи, на улучшеніе быта духовенства и т. д. А расходы на замѣну сельскимъ населеніемъ, въ самыхъ даже глухихъ захолустьяхъ, національнаго сарафана, кубилека, понявы, лаптей, изготовлявшихся прежде изъ домашнего матеріала, — одеждою и обувью изъ фабричныхъ издѣлій, и т. п.? Вообще всего, что называется новыми, весьма сложными требованіями жизни, перечислить нельзя, а еще невозможно все это перевести на рубли, высчитать доходъ и приходъ населенія, а потому съ вопросомъ — улучшился или не ухудшился экономическій бытъ вообще поволжской трапеціи и насколько поднялись ея производительныя силы — надо обращаться очень осторожно.

ХІІІ.

Послѣ всего этого, надѣмся понятно станеть, откуда въ Поволжѣ идетъ теперь эта борьба изъ-за земли, изъ-за заработка — борьба за существованіе. Понятнѣе становятся послѣ этого и сѣтованья лучшихъ производителей Поволжья — баландинскихъ и другихъ крестьянъ, которые говорятъ: „Прежде мы хлѣбъ мало продавали, — бывало одонь-то стоять лѣтъ пять-десять, а то и дольше, иная ужъ совсѣмъ сгниеть — вовсе негодится. А отчего? Оттого, что нужды не было. Скотины довольно, и грошей про нужду есть, оброкъ въ барскую контору заплатилъ, да и живешь бариномъ... Ну, а нынче — совсѣмъ другое дѣло: земля дорога, *подати большія*, только ты сожнешь, приказчикъ такъ тутъ и стоитъ, такъ и стережетъ тебя“, и т. д.

„Подати большія“ — это собственно не подати въ тѣсномъ значеніи слова, какъ ошибочно понимаетъ ихъ крестьянинъ: это

тѣ *минусы*, часть которыхъ мы перечислили выше. Крестьянинъ самъ сознаетъ, что онъ теперь, сравнительно съ прежнимъ временемъ, и работаетъ больше, и зарабатываетъ больше, и трудъ его цѣнится дороже, и выручка за добытый имъ продуктъ въ гору идетъ; но все-таки и нужда пропорціонально этому въ гору идетъ. Вотъ какія любопытныя данныя приводитъ крестьянинъ изъ прежняго и нынѣшняго времени:

„До воли“ поденная плата за уборку хлѣба была 20 — 35 к.
 Въ настоящее время 60 к. — 1 р.
 „До воли“ пудъ пшеницы продавали по . . . 15 — 30 к.
 Теперь 50 к. — 1 р.

Слѣдовательно, мускульный трудъ цѣнится втрое дороже; то, что даетъ земля — также втрое. Но — прибавляютъ крестьяне — „бывало у тебя на косякѣ всего-навсего только двѣ бирви, много три, а теперьча, смотри, вонъ косякъ весь въ биркахъ.“

— Что это за бирки?

— А что платить надо.

И показывая пальцемъ на разные кресты, черточки и другіе гіероглифы, начертанные мѣломъ на дверномъ косякѣ, крестьянинъ сталъ перечислять: „Подушныя — это разъ (т. е. вообще подати). На волость — это два. На міръ — это три. На Петръ Федосеича (мировой посредникъ — его содержаніе) — это четыре. На Иванъ Семеныча (мировой судья) — это будетъ пять. На лекаря — шесть. На попа — это семь. Чтобъ баба легче родила (на содержаніе земскихъ акушеровъ) — это восемь. Чтобы скотина не падала (на земскаго ветеринара) — это девять. Кобыла въ тинѣ увязла (содержаніе дорогъ) — это десять. Мостъ снесло на Идомѣ — одиннадцать. Чтобъ Петрунька учился — двѣнадцать. Теперьча на чугуны — это выходитъ ужъ тринадцать.“

Но такое наивное перечисленіе повинностей ведутъ не всѣ крестьяне: большинство-же ихъ говоритъ: „нынѣ не въ примѣръ лучше — только денегъ много сходить.“

Мы видѣли уже, „почему теперь денегъ много сходить“: это сложныя требованія видоизмѣнившіхся условій жизни — реформы крестьянская, земская, судебная и др., а равно оживленіе всего экономического быта, подъемъ торговли, усиленіе вывоза, увеличеніе привоза, большія — сравнительно — дороговизна жизни, увеличеніе арендной платы за землю и т. д.

Вообще рассматриваемая нами половина волжской трапеции пока еще не грозит оскуднѣніемъ или пониженіемъ экономическаго уровня, какъ нѣкоторые совершенно несправедливо опасаются этого. Что не вездѣ по селамъ торчатъ нетронутыя скирды хлѣба—это еще не доказываетъ упадка производительности. За то посмотрите, что дѣлается на базарахъ, на пристаняхъ по всему теченію Волги и на станціяхъ тамбовско-саратовской желѣзной дороги, хотя-бы отъ Жуковки, Екатериновки, Ртищева и до самаго Кирсанова, уже стоящаго за чертой волжской трапеции. Тутъ лежитъ въ куляхъ, въ мѣшкахъ, въ бунтахъ—все избытокъ производительности, и хотя усиленный вывозъ тяжело отражается на дороговизнѣ жизни всего населенія трапеции, но это уже неизбежное зло торговли, которая, такъ-сказать, вырываетъ изъ рукъ у сосѣда, балаковскаго производителя, гарнецъ пшеницы, изъ коей онъ думалъ испечь себѣ хорошей домашній калачъ, чтобы гарнецъ этотъ отдать лондонскому булочнику, потому что этотъ послѣдній за самарскую или саратовскую муку заплатитъ вдвое дороже.

Возьмемъ, напр., поволжскія пристани нагорной только стороны, начиная отъ границъ сибирской губерніи, гдѣ производительность волжской трапеции мѣняетъ свой характеръ, и кончая колонією Сарептою, у границъ астраханской и саратовской губерній.

Хвалынская пристань выражаетъ избытокъ мѣстной производительности въ размѣрѣ 330,000 пудовъ разныхъ продуктовъ, на сумму до 250,000 р. Это излишекъ добытаго тамъ хлѣба и проч.,—излишекъ, который Волга, съ помощью пароходовъ и судовъ, развезетъ по всѣмъ нуждающимся мѣстностямъ. Изъ этого количества одной пшеницы отъ Хвалынска отходитъ до 315,000 пудовъ, на 236,000 рублей.

На вольской пристани излишекъ этотъ выражается, даже не въ особенно урожайные послѣдніе годы, въ размѣрѣ тоже болѣе 300,000 п. на сумму 246,000 р. Муки пшеничной отъ Вольска отходитъ болѣе 80,000 п., подрукавной до 12,000 п., крупчатой до 90,000 п., пшеницы болѣе 32,000 пуд.

Саратовъ высылаетъ отъ себя избытковъ производительности болѣе 5,540,000 п. на сумму 4,150,000 р., и изъ этого количества одной пшеничной муки до милліона пудовъ, сала бо-

лѣе 150,000 п., табаку мѣстнаго производства до 65,000 п., муки ржаной болѣе 120,000 п., крупы гречневой болѣе 450,000 п., льняного семени болѣе 243,000 п., ячменя до 300,000 п., ржи до 12,000 п., пшена до 260,000 п., пшеницы болѣе 1,300,000 п. и т. д.

Всего-же Волга изъ одной саратовской губерніи увозить ежегодно излишковъ мѣстной производительности отъ 10 до 15,000,000 пудовъ.

Гдѣ-же то оскудѣніе производительности волжской трапеціи, котормъ пугаютъ нѣкоторые поборники того, что отошло?

Но это еще не все. На пристаняхъ рѣвъ Хопра и Медвѣдцы, тоже перерѣзывающихъ эту половину волжской трапеціи, въ послѣдніе годы грузилось, для отправки въ Донъ къ Ростову, къ Азовскому морю и за-границу разнаго рода хлѣбовъ: въ Юненахъ до 1,000,000 п. и болѣе, въ Балашовѣ отъ 100,000 п. до полумилліона.

Но и этимъ еще не выражается весь избытокъ, который, такъ сказать, высасываютъ изъ волжской трапеціи другія, нуждающіяся въ ея произведеніяхъ, мѣстности. Изъ одного Саратова за предѣлы волжскаго тяготѣнія—къ центрамъ Россіи, къ Москвѣ, Петербургу и за-границу—отправляется ежегодно излишковъ поволжской производительности въ такомъ солидномъ размѣрѣ:

Соленой рыбы—красной	500,000 п.
Соленой рыбы—чистяковой	2,000,000 „
Соленой рыбы—воблы	300,000 „
Сельди волжской.	500,000 „
Суши разной (рыба сушеная—лещь, судакъ, чухонь)	1,500,000 „
Икры красной рыбы	100,000 „
Икры рыбы чистяковой.	100,000 „
Жиру рыбьяго	316,000 „
Влею рыбьяго	3,000 „
Вязиги	3,000 „
Сала говяжьяго и бараньяго	300,000 „
Поташу	200,000 „
Масла подсолнечнаго	150,000 „
Муки крупчатки.	500,000 „
Табакъ листового	200,000 „

Ячменя	100,000	„
Семѣни льняного.	150,000	„
Пшена.	30,000	„
Крупы.	20,000	„
Пшеницы черероду	3,000,000	„
Пшеницы русской	2,000,000	„
Шерсти русской мытой.	250,000	„
Шерсти верблюжьей (изъ Заволжья) .	50,000	„
Шерсти меринсовой	20,000	„
Разнаго волосу	40,000	„
Кожевенныхъ товаровъ.	500,000	„
Краски разной	50,000	„
Дерева разнаго	200,000	„
Марены	150,000	„
Фотонафтилу и фотогену	100,000	„
Фруктовъ	200,000	„
Соли	4,500,000	„ *)

Это выходитъ болѣе 18,000,000 п. излишковъ, да на Волгѣ, Хопрѣ и Медвѣдицѣ отъ 15 до 17,000,000 п. тоже избытковъ мѣстныхъ богатствъ. А всего, такимъ образомъ, одно среднее Поволжье не въ состояніи потребить до 35,000,000 п. того, что оно производитъ.—Это-ли оскуднѣніе?

Наконецъ, положительно извѣстно, что даже въ неособенно урожайные годы въ одной саратовской губерніи, за удовлетвореніемъ всѣхъ нуждъ мѣстнаго продовольствія и обсемяненія полей, за удовлетвореніемъ нуждъ винокурения, которое одно съѣдаетъ до 15,000,000 пудовъ хлѣба,—въ экономіи производителей почти всегда остается совершенно свободнаго хлѣба, каждый годъ, отъ 20 до 25,000,000 пудовъ (Пам. книж. сар. губ., 1872, ч. II, от. I, 3). Не надо забывать, что въ это-же время, тутъ-же подъ бокомъ, нѣкоторые уѣзды терпятъ отъ недостатка урожая и нужды ихъ удовлетворяются не изъ показаннаго нами излишка, а изъ хлѣбныхъ асигновокъ на продовольствіе жителей и обсемяненіе ихъ полей.

— Отчего-же вы на рынкахъ продаете народу такой дурной

*) Изъ отчетовъ саратовскаго земства.

хлѣбъ, когда вашимъ хорошимъ хлѣбомъ можно было-бы накормить пол-Европы? спрашивалъ въ прошломъ году проѣзжавшій по Поволжью прусскій ученый.

— А потому, господинъ, отвѣчалъ ему старый хлѣбникъ, почему архангельскій поморець кормить своихъ лошадокъ свѣжей рыбкой, а самъ зачастую кушаетъ протухлую.

— И лошади ѣдятъ рыбу?

— Ёдятъ живую; такъ на льду и трепыхается, а конь ее ѣсть.

— Зачѣмъ-же ихъ кормятъ рыбой?

— Корма тамъ дороги--денегъ нѣтъ. А лошадка денегъ добудеть.

— Такъ и у васъ денегъ мало?

— Маловато... А ваша денежка, европейская, на нашъ волжанскій хлѣбецъ больно идетъ. Ну, мы и ѣдимъ сами похуже, а вамъ—лучше.

— Какъ архангельскимъ лошадямъ рыбу?

— Да поди-такъ будетъ.

XIV.

Южнѣшею колоніею во всей волжской трапеціи является астраханско-самарское луговое Заволжье. Собственно производительная полоса начинается много выше Астрахани, на Ахтубѣ, и тянется широкою лентою по всему лѣвому побережью черезъ самарскую губернію, захватывая часть казанской и южный уголъ вятской до Саранула.

Долго Ахтуба была предметомъ мечтаній и кабинетныхъ усилій поднять въ этомъ краѣ такую производительность, которая бы освободила насъ отъ ленной зависимости по отношенію къ Персіи. Персія побѣждала насъ, втеченіи нѣсколькихъ столѣтій, не оружіемъ, а своими шелковыми тканями. Много вѣковъ Россія несла дань персидскимъ шелкамъ, и эта зависимость была до того чувствительна, что русскіе мечтатели вообразили создать на Ахтубѣ свою Персію, искусственно, съ помощью покровительственной и запретительной системы, мечтая создать шелководство въ наиболѣе теплой окраинѣ русскаго царства, когда еще не

принадлежали намъ ни Крымъ, ни Кавказъ. Почти на мѣстѣ столицы бывшихъ золото-ордынскихъ хановъ вздумали развести шелковичныя плантаціи. Плантаціи были заведены; но, высосавъ значительныя суммы изъ государственнаго казначейства втеченіи прошлаго столѣтія, исчезли безслѣдно. Это было время, когда искусственно хотѣли привить въ Россіи древнія названія и даже чужую природу: Хвалынскомъ назвали какую-то деревушку, воображая, что тамъ было море хвалынское; Овидіополемъ наименовали какое-то неизвѣстное урочище, въ полномъ убѣжденіи, что тамъ жилъ въ изгнаніи Овидій; Парнассомъ назвали какую-то горку въ Парголовѣ, а Олимпомъ — какой-то холмикъ въ Павловскѣ; южную природу вмѣстѣ съ шелковичными червями думали перенести на Волгу, на Ахтубу и даже въ Саратовъ, гдѣ тоже основаны были шелковичныя плантаціи. Одного не знали, что на Ахтубѣ нужно было сѣять пшеницу. Только нѣсколько лѣтъ ахтубинская пшеница получила извѣстность, и чѣмъ дальше, тѣмъ шире должна расти эта извѣстность. Теперь тамъ уже закупаются значительныя партіи пшеницы для отправки на заграничныя хлѣбныя рынки, хотя, въ сущности, Ахтуба съ этой стороны почти никому неизвѣстна въ Поволжѣ. Хлѣбные торговцы, особенно изъ Камышина и Саратова, впервые провѣдавшіе объ ахтубинскихъ богатствахъ, не любятъ даже громко говорить объ этомъ предметѣ, какъ рыбаки у воды, „чтобъ не распугать рыбу“, или какъ золотопромышленники, почуявшіе о находеніи новыхъ приисковъ.

— Аль на Ахтубѣ пшеничное золото лопатами загребаи, что долго васъ не видать было?—спрашиваетъ одинъ купеческій приказчикъ другого.

— Типунъ тебѣ на языкъ—не кричи: услышатъ хлѣбники—какъ саранча налетятъ, цѣну собьютъ, мужика отъ ружья отобьютъ, отвѣчаетъ этотъ послѣдній.

Но здѣсь хлѣбная почва спорить еще съ солончакомъ. Ахтуба—это нѣчто вродѣ долины рѣки Нила, который иломъ своимъ обогащаетъ скудную египетскую почву. То-же дѣлаетъ и Волга съ ахтубинскими притоками, только на Ахтубѣ это плодородіе создавалось долгими годами. Дальше-же отъ ахтубинскихъ равнинъ господствуетъ солончакъ, двумя громадными центрами котораго служатъ соленныя озера Васкунчатъ и Елтонъ.

Это—также неизсякаемые производители волжской трапеціи, но только производители соли, которой, при правильной разработкѣ и дешевой доставкѣ, хватило-бы на всю Европу.

Но уже выше, къ слободѣ Николаевкѣ, что противъ Камышина, и вдоль всей самарской губерніи идетъ хлѣбная, преимущественно пшеничная полоса. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ тамъ почти ничего не было: все Заволжье представляло голую степь, въ полномъ смыслѣ слова,—пустыню. Когда правительственныя войска ловили тамъ Пугачова, то они находили тамъ только вольную траву да встрѣчали стада сайгаковъ, и блуждали, какъ по морю, отыскивая „сагмы“—степныя тропинки, протоптанныя тѣми-же сайгаками.

Весь этотъ край подняли колонисты—выходцы изъ Украины („черкасы“, „хохлы“), выходцы изъ Польши—русскіе раскольники и бѣглецы, и выходцы изъ Германіи—нѣмецкіе колонисты, о которыхъ мы говорили выше.

Одна старая малороссіянка изъ Покровской слободы, что за Волгой противъ Саратова, рассказывала намъ поэтическое преданіе о томъ, отчего въ Заволжьѣ возникла такая богатая производительность. „Коли наше діди, говорила она,—мундрували *) сюди на Волгу зъ України одъ панівъ-ляхівъ—бо тяжко було жити підъ панами,—то й узяли зъ собою по персті рідної землі, по персті нашої української пшениченьки, та по кулі **, та й начепили на гайтани до хрестівъ: „зъ рідною землицею, якъ умремо тамъ на чужиніи—казали—насъ поховають діти, пшениченьку свою ми тамъ посіємо та свій хлѣбець українській істимо, а кулею, якъ прийде до насъ панъ-ляхъ, щобъ насъ підъ себе повернути,—кулею ми пана нагодуємо; а коли й ляха москаль вигоне зъ України, та ляхъ прийде до насъ голодний, то ми й его, небогу, нагодуємо“. Отъ вони й прийшли сюди: — степъ такий, що й голосу своего страшно було, що й око боже сюди не назирало, тілько й чути було, якъ трава степова зъ землею сиротою розмовляла та по зоряхъ росюю плавалася. Отъ и посіями вони свою пшениченьку—се, бачъ, не ваша пшениця, не руська, а наша українська дитина. Посіями, та рано й вечіръ

*) Ушли, бѣжали.

***) Куля—пуля.

слезами свою пшениченьку поливали: оттого й виросла вона така висока та повнокоса, оттого й зерно у неї мовъ ладанъ жовтий, що изъ церкви до Господа зъ нашою молитвою піднімається. Ото й пішла вона наша пшениченька усюди, и до Саратова, и до Камішанки, и до Москвы—ажъ до царевого стола доходить, щобъ знавъ вінъ батюшка православний, що ми его-жъ добромъ его дякуемо, за то-що одъ панівъ-ляхівъ насъ боронивъ”.

— Что-жъ, а пани-ляхи не приходили сюда за вами?

— Ні, не приходили, та й не прийдуть, хіба голодні та холодні забредуть до насъ, такъ ми їхъ, забуваючи зло, нагодуемо и обогріемо. Отъ відвіля пішла наша пшениченька — зъ України, та одъ слезъ батьківъ нашихъ така виросла, та добромъ на усю землю пішла,—тільки до України не доходить за-казано.

— Къмъ заказано?

— Богомъ: якъ намъ до України не вертатися, такъ и пше-ниченці до неї не доходити.

Такимъ образомъ, матерью поволжской пшеницы малороссіане-колонисты считаютъ Украину, оттуда пошла эта богатая производи-тельность. Ею оживлены всѣ плоскія продолговатыя между-рѣчья, окаймляемыя сначала Тургуномъ и Ерусланомъ, потомъ, по другую сторону, Ерусланомъ и Волгою, большимъ и малымъ Узеньями, снова Ерусланомъ и Караманомъ, затѣмъ этимъ послѣд-нимъ и Иргизомъ съ Камеликомъ, Иргизомъ-Еланъ и Мочкою, Мочкою и Самарою вмѣстѣ съ Токомъ, затѣмъ снова Самара и Кинель, Мочагай и Черемшанъ, наконецъ, междурѣчье Черемшана и нижней Камы. Естественное, общее тяготѣніе всѣхъ этихъ междурѣчій—опять-таки Волга, особенно у Еватериненштадта (колонокъ Баронскъ), Балакова и Майны. Районъ собственно малороссійскихъ колоній не великъ и почти со всѣхъ сторонъ охваченъ землями нѣмецкихъ колонистовъ, которыя, вперемежку съ землями колони-стовъ-раскольниковъ, вытянулись почти до самой Самары.

Здѣсь, конечно, въ населеніи нѣтъ еще и попытокъ къ ку-старнымъ или отхожимъ промысламъ и почти нѣтъ ничего похо-жаго на жизнь праваго Поволжья, особенно-же верхней половины трапеціи. Это совершенно еще „новый свѣтъ“, и неудивительно, что поселившіеся тамъ нѣмецкіе менониты сравниваютъ самарское заволжье съ Америкой, такъ что въ послѣднее время, въ виду

совершившагося принятія колонистовъ, на основаніи „правиль о поселянахъ-собственникахъ“, въ общій строй административнаго управленія и въ ожиданіи общей военной повинности, менониты уже послали тайно въ Америку своихъ эмиссаровъ, чтобы поискать, не осталось-ли еще на земномъ шарѣ такихъ благодатныхъ земель, гдѣ-бы нечего было опасаться рекрутчины. Здѣсь еще не исчезла хуторская жизнь, потому что поселенія расположены такъ рѣдко, земельныя угодья тянутся на такія пространства, что ихъ нужно и воздѣлывать и оберегать хуторами, подобно тому какъ государство оберегало эти нѣкогда пустынные владѣнія свои острогами, форпостами, городами. Колонисты, особенно-же осѣвшіеся на безлѣсныхъ мѣстахъ, какъ нѣкоторые части, напримѣръ, новоузенскаго уѣзда, прилагаютъ не мало труда, чтобы колоніи ихъ не торчали на голой степи, подъ солнцемъ, безъ зелени и лѣса. Въ нѣсколько лѣтъ они уже оживили пустыни зеленью: тамъ, гдѣ, повидимому, отъ сотворенія міра не было видно ни одного деревца, уже зеленѣютъ живыя изгороди—дворы, загоны для скота и проч. все это вмѣсто заборовъ и плетней обносится только что выкормленными на безлѣсной степи деревцами или колючимъ кустарникомъ, который въ то-же время служитъ и охраной огородовъ и проч. отъ скотины. Какъ малороссіяне перенесли сюда съ собою, на крестахъ, по щепоти родной земли и по щепоти украинской пшеницы вмѣстѣ съ казачкою пулею, такъ и нѣмцы захватили съ собою изъ Германіи по щепоти своей воловьей энергіи и по щепоти германской культуры и цивилизаціи; даже „исторію послѣдней народной войны“ (Volkskrieg) вы найдете въ этомъ новоузенскомъ захолустьѣ вмѣстѣ съ портретами Вильгельма, Бисмарка и Мольтке. Старые дѣтскіе башмачки, въ которыхъ маленькій Карлуша, теперь распахивающій жирныя „цѣлины“ по Еруслану, бѣгалъ еще по германскимъ полямъ и на подошвахъ которыхъ еще остались слѣды родной нѣмецкой земли, и засаленный „гезангбухъ“, по которому бабушка Амалія молилась въ родимой киркѣ „святой“ Вестфалии и который еще пахнетъ тамошнимъ окорокомъ, лежатъ на окнѣ рядомъ съ образцами („пробы“) самарской и саратовской пшеницы. На нотахъ, содержащихъ въ себѣ „Wacht am Rhein“, разложены пробы заволжскихъ золотурскихъ табачковъ, привезенныя изъ Баронска.

Пшеница и табакъ, плантаціи котораго преимущественно входятя въ районъ колоніи Золотурнъ и сосѣднихъ съ нею, — вотъ главные продукты разсматриваемой мѣстности. Точками исхода этой заволжской производительности служатъ нѣкоторыя пристани на Волгѣ, но преимущественно русское село Балаково, бывшее нѣкогда, вмѣстѣ съ иргизскими монастырями и слободой Мечетной, нравственнымъ центромъ всего заволжскаго и средне-поволжскаго раскольниковскаго населенія. Торговля Балакова такъ выросла въ послѣдніе годы, что село это парализуетъ собой торговую дѣятельность двухъ городовъ праваго нагорнаго Поволжья, именно Вольска и Хвалынска, особенно-же перваго. Вольскъ долгое время держалъ въ своихъ рукахъ гегемонію мѣстной торговли и давалъ движеніе огромнымъ капиталамъ. Послѣ извѣстнаго богача екатерининскихъ временъ Злобина, своими милліонами поднавшаго Вольскъ на степень первокласнаго города Поволжья, мѣстность эта оживлялась торговой дѣятельностью такихъ комерсантовъ, какъ Саложниковы, Брюхановы, Плигины, Курсаковы и проч., и Вольскъ былъ центромъ торговаго движенія значительнаго района. Но мало-по-малу торговня силы стали тяготѣть къ Заволжью, и центромъ этого тяготѣнія явилось Балаково, такъ что село это отвлекло много силъ отъ нагорной стороны волжской трапеціи. И капиталы и дѣятели перетянулись въ Балаково. Вольскъ сталъ пустѣть, такъ что построенныя тамъ, богатныя для всякаго уѣзднаго города, зданія остались заброшенными, что и до сихъ поръ еще бросается въ глаза при проѣздѣ черезъ Вольскъ. Пристань пустѣла вмѣстѣ съ городомъ, тогда какъ и торговая дѣятельность Балакова, и самое это село росли съ каждымъ годомъ. Не мало силы оттянуло къ себѣ Балаково и отъ Хвалынска, такъ что почти вся торговая жизнь скоро сосредоточилась около двухъ новыхъ пунктовъ, Балакова и нѣмецкой колоніи Екатериненштадтъ (Баронскъ), гдѣ благодарные нѣмцы поставили памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II, гостеприимно позволившей имъ селиться въ Поволжьѣ „въ пользу свою и всего общества“.

Въ настоящее время, чтобы дать болѣе выгодный исходъ экономическимъ силамъ Балакова и Баронска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и богатствамъ всего ихъ района, предположено провести желѣзную дорогу (это уже будетъ пятая или шестая изъ существующихъ и

проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ въ одной нижней половинѣ волжской трапеціи!—не слишкомъ-ли ужь много?) отъ Вольска до одной изъ станцій, недалеко отъ Пензы, на линіи строящейся моршанско-сызранской желѣзной дороги. Разрѣшеніе на производство изысканій по этому пути уже дано г. Безобразову.

Но вынести-ли волжская трапеція всѣ эти желѣзныя дороги? Не отразятся-ли онѣ на всемъ населеніи этого края и на его экономическихъ населеніяхъ, какъ уже отразилась на немъ тамбовско-саратовская желѣзная дорога съ ея роковою земскою или какъ ее называютъ— „мужицкою гарантіею“?

XV.

Мы остановились на луговой половинѣ волжской трапеціи— самарско-казанской.

Одинъ англичанинъ, въ прошломъ году посѣтившій Поволжье для ознакомленія съ экономическимъ положеніемъ этого края, обратилъ вниманіе на слѣдующія особенности, раздѣлявшія—какъ онъ выражался—поволжское нищенство на двѣ категоріи: на „нищенство ирландское“ и „нищенство британское“, изъ которыхъ первое, къ удивленію, привилось „къ русской Европѣ“, послѣднее къ „русской Азіи“. Русскою Европою онъ называетъ нагорную сторону волжской трапеціи, а луговую— Азією. Въ нижегородской и симбирской губерніяхъ его поразила слѣдующій, вошедшій въ обыкновеніе нищенскій промыселъ: по деревнямъ, зимою, бѣдные крестьяне, особенно нуждающіеся въ хлѣбѣ, запрягаютъ въ сани лошаденку и отправляются въ болѣе богатые села собирать хлѣбъ, т. е. просить милостыню зерновымъ хлѣбомъ и мукою. Къ удивленію, этотъ нищенскій промыселъ имѣетъ, по видимому, древнюю терминологию: ѣздитъ за милостынею—значитъ „ѣздитъ въ вотчину“, т. е. какъ-бы собирать съ міра дань, какъ нѣчто должное. Это—историческое видоизмѣненіе значенія словъ; прежде „ѣздитъ въ вотчину“ могъ, конечно, вотчинникъ, помѣщикъ, котораго и должна была кормить и обогащать вотчина. Теперь это понятіе перешло на нищенство. Равнымъ образомъ, въ старину съ выраженіемъ „посылать на кормленіе“ соединялось понятіе—посылать кого на воеводство, на управленіе краемъ или

городомъ; „кормиться“ значило и управлять и жить насчетъ управляемаго края или города. Теперь „кормиться“ — значитъ жить подаваемъ. Крестьяне, отправляющіеся „въ вотчину“, запасаются мѣшками для разнаго рода хлѣба и для муки. Такъ какъ это въ обычаѣ, то ихъ по возможности и одѣляютъ подачкой, которой они или кормятся сами, или продаютъ для уплаты податей. Это-то нищенство англичанинъ и назвалъ „ирландскимъ“, потому что тутъ нищій исключительно проситъ „хлѣба“, притомъ „отсыпного“.

Совсѣмъ противоположная черта въ нищенствѣ поразила путешественника на луговой сторонѣ Поволжья. Тамъ уже онъ не находилъ этихъ нищихъ побъжанъ; тамъ бѣдные уже не просили хлѣба. Напротивъ, за Волгой нищія просятъ денегъ. „Подайте, Христа ради, копеечку“ — вотъ что отличаетъ наше „британское“ нищенство отъ „ирландскаго“.

Конечно, для насъ это различіе не кажется столь рѣзкимъ, но въ глазахъ иностранца оно имѣетъ цѣну. Мы знаемъ, что строгаго разграниченія для нищаго между „копеечкой“ и „хлѣбцемъ“ не существуетъ, однако и въ нагорной и въ луговой сторонѣ Поволжья бѣднякъ охотнѣе беретъ деньгами, чѣмъ кускомъ хлѣба. Есть болѣе тонкое различіе въ этомъ отношеніи между погорьемъ и луговиной волжской трапеціи, и различіе это болѣе всего говоритъ, что одна половина населенія существенно, что называется въ самомъ корнѣ, бѣднѣе другой. Крестьяне, отправляющіеся „въ вотчину“, не считаются нищими и сами не признаютъ себя за нищихъ: въ свободное отъ лѣтнихъ работъ время они только восполняютъ недостатокъ своего годичнаго бюджета обращеніемъ къ помощи міра, а во всемъ остальномъ они считаются такими-же домохозяевами, какъ и всѣ остальные крестьяне ихъ общины. Но это-то самое явленіе и доказываетъ присутствіе тамъ нищенства органическаго, существеннаго, нищенства въ корнѣ, въ массѣ; это не единичныя явленія, не исключенія — это уже „обычай“, какъ продуктъ исторической жизни и цѣлаго экономическаго строя. „Ѣздить въ вотчину“ иногда почти вся деревня, — Ѣздить, а не ходить — значитъ, имѣетъ лошадь, хозяйство и пр. Это своего рода кустарный промыселъ, „нищенскіе кусты“, какъ кусты жадовскихъ „кошатниковъ“, могилковскихъ „ястребятниковъ“, жемаринскихъ „знахарей-коноваловъ“, вязни-

ковскихъ „коробейниковъ“ и пр. и пр. Кустарный промыселъ нищенства—это такое явленіе, которое едва-ли составляетъ принадлежность исключительно лишь сѣверо-западнаго угла волжской трапеціи. Промыселъ этотъ, сколько намъ извѣстно, существуетъ въ разныхъ мѣстностяхъ и въ особенности за предѣлами волжской трапеціи, хотя и проявляется въ другихъ, своеобразныхъ формахъ. Попадаются даже такіе [отдѣльные, самостоятельныя] кусты нищенскаго промысла, гдѣ специально занимаются искусственнымъ изувѣченіемъ, искалѣченіемъ и изуродованіемъ дѣтей, которыхъ берутъ „на внучку“ и безобразными уродами возвращаютъ матерямъ или постороннимъ опекунамъ, которые этимъ уродствомъ и промышляютъ, какъ это было и въ западной Европѣ („L'homme qui rit“—Гюго).

Но такъ какъ въ земледѣльческой половинѣ волжской трапеціи почти нѣтъ никакихъ кустарныхъ промысловъ, то нѣтъ и нищенскихъ кустовъ, а нищенство составляетъ явленіе спорадическое. За Волгой нищія попадаются преимущественно на базарахъ, напр., на балаковскихъ, гдѣ богатые хлѣбными операціями наживаютъ милліоны, а нищія берутъ извѣстный процентъ въ силу общечеловѣческаго нравственнаго закона. Вообще-же въ балаковско-баронскомъ районѣ, на которомъ мы остановились въ предыдущей главѣ, [нищенство является крайнимъ исключеніемъ по многимъ причинамъ: во-первыхъ, уровень экономического благосостоянія этого района вообще довольно высокъ;— это, слѣдовательно, причина общая; во-вторыхъ, какъ частная причина, это то, что нѣмецкіе колонисты Поволжья, какъ въ нагорной, такъ и въ луговой сторонѣ, не допускаютъ у себя нищенства, на что мы и указали раньше; у нихъ почти нѣтъ даже пролетаріевъ, немѣющихъ своего хозяйства; у нихъ замѣчается вообще самый ничтожный процентъ „убогихъ“, какъ они ихъ называютъ, т. е. увѣчныхъ, умалишенныхъ, глухонѣмыхъ и слѣпыхъ: на 300 человекъ наличнаго населенія приходится одинъ убогій (Памят. кн. сар. губ., 1872, ч. II, отд. II, 135), тогда какъ въ русскомъ населеніи чуть-ли не каждая семья можетъ выставить своего убогаго—или искалѣченнаго свиньей, или упавшаго изъ колыбели или съ полатей и выломившаго себѣ ногу, или окривѣвшаго и ослѣпшаго отъ вдунанья въ глаза знахарками желѣзнаго купоросу, толченаго стекла и пр.; въ-третьихъ, раскольники, которые

составляют весьма крупный процент балаково-баронского и всего самарского района, тоже, по своимъ религіознымъ и общественнымъ принципамъ, не допускаютъ изъ среды своихъ общинъ почти никого до нищенства и вообще живутъ несравненно богаче православныхъ.

Поднятіе уровня экономическаго благосостоянія въ Заволжьѣ раскольники приписываютъ себѣ въ одинаковой мѣрѣ съ колонистами малоросіянами. „Когда наши отцы и дѣды вышли сюда изъ Польши, говорятъ они, тутъ была пустыня прекрасная, а пустынниками были только сайгаки да волки да всякіе звѣри лютые. Отъ Балакова до Уральска куска хлѣба негдѣ было достать, оттого на полпути кормили лошадей и сами ѣли, что у кого было, съ тѣхъ поръ и слыветъ это урочище *Кормежки*. А съ тѣхъ поръ, какъ мы пришли сюда да монастыри сбудовали — и пошла благодать. Пшеница ростомъ — что твой добрый камышъ. А отчего? Оттого, что мы живемъ по писанію, вѣру крѣпко держимъ: мы, стало быть, сами евангельская пшеница, а вы — плевелы (говорятъ они нераскольникамъ)“.

Дѣйствительно, весь этотъ луговой районъ, который по преимуществу можно назвать „пшеничнымъ“, начиная отъ малороссійскихъ и нѣмецкихъ поселковъ по Тарлыку и кончая Самарой, даетъ ежегоднаго избытка для мѣстной и заграничной торговли нѣсколько десятковъ милліоновъ пудовъ разнаго хлѣбнаго товара. Точная цифра отпуска въ этой мѣстности почти неуловима и во всякомъ случаѣ была-бы до нѣкоторой степени цифрой гадательною. Такъ, пять лѣтъ назадъ въ этой мѣстности былъ такой громадный урожай, что, по разнымъ обстоятельствамъ, онъ не могъ быть усчитанъ даже приблизительно. На уборку этого хлѣба перебралось за Волгу почти все рабочее населеніе нагорнаго Поволжья, но не только изъ верхней половины трапеціи, а даже и изъ нижней, саратовской. Нагорные крестьяне нерѣдко бросали свои собственныя поля, чтобы идти къ „хохламъ и нѣмцамъ“, потому что тамъ дневные заработки давали больше, чѣмъ своя земля. Нагорные города на это время остались почти безъ прислуги: кучера, кухарки, горничныя, няньки — все уходило за Волгу, чтобы убрать тамошнія поля. И однако поля оказались неубранными — рабочихъ рукъ не достало: цѣлыя нивы такъ и остались нетронутыми, а подоспѣвшая зима занесла ихъ снѣгомъ.

На этихъ земляхъ, за наше уже время, безвозвратно пропало не мало миллионѣвъ изъ нашей народной экономіи. Въ то время, когда въ метропольныхъ губерніяхъ населеніе начало уже, такъ-сказать, давить и съѣдать само себя, вслѣдствіе того, что жить становилось все тѣснѣе и тѣснѣе, а земля болѣе и болѣе старѣлась и чахла; когда даже нагорное Поволжье стало чувствовать нужду—земля топчала, а населеніе бесплодно порывалось отъ промысла къ промыслу, отъ сидѣнн дегтя къ „кошатничеству“ и отъ бурлачества къ „кустарно-промысловому нищенству“; когда тамъ не къ чему было приложить рабочихъ рукъ, а заработная плата была ничтожна, такъ что отхожіи промыслы приносили на семью отъ 15 до 20 р.;—въ то время, когда пустынное Заволжье крѣпко нуждалось и въ населеніи, и въ рабочихъ рукахъ, а десятки миллионѣвъ нетронутыхъ плугомъ или сохою десятинъ самой богатой земли лежали мертвымъ капиталомъ, переселенія на эти земли или не дозволялись, или сопровождались препятствіями, которыя для населенія казались непобѣдимыми, но которыя извѣстными мѣрами легко было отстранить. Въ крѣпостное время боялись попытокъ помѣщичьихъ крестьянъ въ переселеніяхъ массами за Волгу, и потому Волга была запретнымъ рубежомъ для нагорнаго населенія, постоянно порывавшагося туда (карбулацкіе крестьяне, татары хвалынскаго уѣзда, колонисты нѣкоторыхъ нагорныхъ нѣмецкихъ колоній и проч.). И это было не пятьдесятъ или сорокъ лѣтъ назадъ, а въ пятидесятыхъ и уже шестидесятыхъ годахъ. Земли эти жаловались только иногда въ аренды разнымъ заслуженнымъ лицамъ и по-прежнему лежали нетронутыми. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ явилась даже весьма оригинальная попытка колонизовать часть свободныхъ заволжскихъ земель *отставными чиновниками*. Цѣлая масса этихъ чиновниковъ, преимущественно изъ нагорнаго Поволжья, между которыми былъ не малый процентъ пролетаріевъ, послѣ введенія въ краѣ новыхъ судовъ и гласной защиты, превратившихся въ разныхъ сомнительныхъ адвокатовъ и ходатаевъ по всѣмъ дѣламъ,—адвокатовъ, являющихся теперь истиннымъ бичемъ для неграмотнаго народа, — масса этихъ чиновниковъ, не желая быть въ тягость нагорному населенію и надѣясь еще принести пользу обществу, доходъ государству, а себѣ пропитаніе отъ земли, вошла, въ установленномъ порядкѣ, съ ходатайствомъ о дозволеніи имъ, на

известныхъ условіяхъ, переселиться съ своими семействами за Волгу на свободныя земли, по указанію начальства, образовать тамъ колоніи отставныхъ чиновниковъ, подобно тому, какъ образованы были тамъ колоніи нѣмецкихъ выходцевъ и украинскихъ солевозцевъ, и отбывать передъ казною всѣ необходимыя земскія и государственныя повинности отчасти наравнѣ съ прочимъ населеніемъ, отчасти-же пропорціонально тому долгу, который они какъ-бы принимали на себя вмѣстѣ съ землею. Въ коллективной просьбѣ своей чиновники указывали на тѣ выгоды, которыя должны были послѣдовать для государственной экономіи, какъ результатъ известнаго, условнаго пользованія ими свободными казенными землями. Это былъ своего рода заемъ за весьма высокіе проценты. Дѣйствительно, это было небывалое ходатайство, выходящее изъ ряда всѣхъ подобнаго рода ходатайствъ: можетъ быть, изъ чиновничьихъ колоній за Волгой вышло-бы что-нибудь подобное колоніямъ квакеровъ въ Америкѣ, хотя и трудно было, кажется, этого ожидать. Во всякомъ случаѣ, мысль была самая оригинальная, и жаль, что она была отвергнута.

Намъ приходилось читать проектъ этихъ „чиновничьихъ колоній“ и неоднократно говорить съ самими его составителями, и намъ казалось, что экономическая сторона предположенія имѣла подъ собою твердую почву и положительно могла быть принята какъ въ принципѣ, такъ и на практикѣ, съ допущеніемъ, конечно, нѣкоторыхъ измѣненій при самой реализаціи мысли, сообразно условіямъ мѣста и времени; что-же касается до административной и общественной стороны, то въ этомъ отношеніи могли-бы быть признаны необходимыми и существенныя измѣненія въ проектѣ, но это ни въ какомъ случаѣ не ослабило-бы силы и реальности мысли, положенной въ основу предположенія о чиновничьихъ колоніяхъ. Отставнымъ чиновникамъ не пришлось, однако, быть Цинцинатами, и ихъ воображаемые плуги, которыми они надѣялись пахать за Волгой землю, снова замѣнились для нихъ стальными перьями, нерѣдко прокалывающими насквозь и безъ того дырявые карманы неграмотнаго люда, нуждающагося въ написаніи просьбъ и апелляцій.

Между тѣмъ, въ то время, когда чиновники обнаруживали попытки поднять до известной степени и доходность заволжскихъ земель, и свое собственное экономическое положеніе, граничившее

съ нагорнымъ пролетаріатомъ,—земли эти приносили казнѣ доходу, среднимъ числомъ, отъ пятиалтыннаго до четвертака съ десятины, способной дать чистаго доходу отъ 15 до 25 руб. Земли эти обыкновенно сдавались съ торговъ въ аренду бывшими палатами государственныхъ имуществъ, и такъ-какъ сдавались онѣ крупными участками, по нѣскольку тысячъ десятинъ, то арендаторами и являлись такіе предприниматели, какъ извѣстный въ Поволжьѣ съемщикъ заволжскихъ земель Полеводинъ, платившій казнѣ по пятиалтынному за десятину.

Естественно послѣ этого, что на 5,000,000 дес. заволжской земли, втеченіи только 50 послѣднихъ лѣтъ (съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, тогда какъ попытки къ переселенію „съ горъ на луга“ явились въ правомъ Поволжьѣ и внѣ его трапеціи еще съ прошлаго вѣка), по расчету доходности десятины только въ 5 р., народная экономія потеряла на одномъ Заволжьѣ *миллярдъ девяти пятьдесятъ милліоновъ рублей* (1,250,000,000 р.).

XVI.

За балаково-баронскимъ и самарскимъ районами слѣдуютъ послѣдніе районы этой половины волжской трапеціи: *спасскій, чистопольскій, лаишевскій, мамадышскій* и *казанскій*. Этими районами кончается уже область ближайшаго, непосредственнаго тяготѣнія къ Поволжью, и начинается какъ-бы парализація въ тяготѣнія экономическихъ силъ по направленію къ Уралу, Вяткѣ, Перми, Ирбиту и вообще къ Сибири и обратно. Тутъ-же начало экономического тяготѣнія къ нашимъ средне-азіатскимъ владѣніямъ, къ Туркестану, Ташкенту, затѣмъ къ Хивѣ, и обратно — къ Поволжью и къ центрамъ Россіи.

Спасскій, чистопольскій, лаишевскій и мамадышскій районы и вообще мѣстности ниже Саранула, а равно районъ казанскій даютъ ежегодно *избытка* хлѣба до 22,000,000 пудовъ. Казань является главнымъ центромъ торговыхъ операцій этого угла волжской трапеціи. Казань отчасти служитъ регуляторомъ цѣнъ, регуляторомъ запроса на продукты, насколько это, конечно, соображается съ другими регуляторами — рыбинскимъ, московскимъ и

петербургскимъ. Одна Казань, напр., со времени открытія московско-нижегородской желѣзной дороги, передавала въ ея вагоны хлѣбныхъ владѣй: въ 1865 г. 1,500,000 п., въ 1866 г.—2,800,000 п., въ 1867 г.—4,200,000 п., въ 1868 г.—7,000,000 п. (Зап. о ниж.-каз. жел. дор., Собко и Жербина, 1870, ст. 19—21). Ниже Сарапула, на однихъ камскихъ пристаняхъ, тяготеющихъ къ Волгѣ, ежегодно скопляется до двадцати миллионѣвъ пудовъ разнаго хлѣба (19,680,000 п.), въ томъ числѣ одного льняного сѣмени до 2,000,000 п.; сала, юфти, кожи, щетины, волоса, шерсти, поташа, спирта и прочихъ товаровъ этого разряда—2,000,000 п. (Зам. о сибир.-нижегор. жел. дор., Казань, 1869, 4—6).

Какъ самарская и саратовская крупчатая мука занимает почетное мѣсто на хлѣбныхъ рынкахъ западной Европы и, какъ выразился одинъ саратовскій крупчатникъ, „не разъ кормила Дарвина, Льюиса, Стюарта Милля, Брайта, Диккенса и Текеря, имѣя честь попадать за ихъ обѣденный столъ“, такъ и Казань заработала себѣ своею мукою-крупчаткою и хорошія деньги, и хорошую репутацію въ Европѣ. Тамъ есть крупчатныя мельницы, побѣдившія собою знаменитую и долго считавшуюся первую въ Россіи „брохонятинскую“ мельницу, что въ Ярославлѣ. Муки этой производится въ Казани до 3,200,000 п. изъ 4,000,000 п. пшеницы, или на 4,640,000 руб., полагая, среднею цѣною одинъ мѣшокъ по 7 р. 25 к.

Еще большую европейскую извѣстность получило казанское кожевенное производство. Тутъ уже положительно можно сказать, что ни Дарвинъ, ни Текерей не обошлись безъ казанской кожи: „русская кожа“ и даже ея запахъ очень знакомы Европѣ. Изъ русской кожи выдѣлывается не мало изящныхъ вещей, начиная отъ общераспространенныхъ по Европѣ издѣлій „Middlemore manufacturer“ и кончая сапогами изъ казанской кожи. Это уже не пряме продукты земли, а результаты промышленности заводской, которая замѣтно пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе гражданства въ волжской трапеціи, по мѣрѣ того, какъ вы двигаетесь отъ нижняго ея конца къ верхнему. Въ казанской губерніи насчитывается уже до 90 кожевенныхъ заводовъ, изъ которыхъ въ одной Казани 22 завода съ производствомъ на 1,200,000 р. и въ чистопольскомъ уѣздѣ 63.

Дѣйствительно, когда мы возьмемъ противоположные концы волжской трапеціи по отношенію къ заводской и фабричной промышленности, то опять-таки найдемъ, что на одномъ концѣ трапеціи населеніе еще не додумалось до того, что на другомъ ея концѣ давно передумано, вошло въ жизнь и стало органической принадлежностью этой жизни. Все это—разныя степени историческаго роста. Такъ, напр., населеніе нижняго конца трапеціи и даже далеко за предѣлами ея моется мыломъ, которое почти исключительно видѣлывается на верхнемъ концѣ трапеціи, въ Казани. Это уже чисто-историческая зависимость болѣе молодой мѣстности отъ болѣе возмужалой: одна успѣла додуматься до необходимости извѣстнаго производства, другая не успѣла еще до него додуматься, и потому стала вассаломъ, данникомъ первой. Такую-же дань нижняя половина трапеціи, какъ болѣе юная, платитъ верхней и за освѣщеніе своихъ домовъ: казанскія свѣчи бр. Брестовниковыхъ держать въ зависимости все Поволжье и даже весь Донъ до Азовскаго моря. А, кажется, можно было-бы освободиться отъ этой зависимости, потому что въ рукахъ покореннаго юга есть не менѣе надежное оружіе для того, чтобы свергнуть съ себя экономическое иго сѣвера— и это оружіе— тотъ-же сырой матеріалъ, сало, которымъ болѣе старая историческая мѣстность побѣдила болѣе молодую. Далѣе—во всемъ Поволжьѣ и далеко за предѣлами его вы встрѣтите плотничный топоръ непременно съ клеймомъ или Н. Д. или Т. Ш. И окажется, что какая-нибудь ничтожная деревенька, стоящая въ верхней половинѣ трапеціи, именно Красногорка, заполонила все Поволжье потому только, что тамъ крестьяне давно додумались до полезности топорнаго мастерства, и двое изъ нихъ Николай Дубовъ и Тимофей Шевелевъ, вмѣстѣ съ прочими мастерами своей деревни, поддерживаютъ это какъ-бы исторически-унаслѣдованное дѣло. Одинъ хорошій мастеръ въ недѣлю сработаетъ 84 топора, въ мѣсяць—336; но за то онъ встаетъ на работу въ часъ пополудни, въ 3 часа завтракаетъ, въ 8 обѣдаетъ, въ 2 пополудни „средничаетъ“, въ 6 ужинаетъ, отдавая сну отъ 5 до 6 часовъ. Или-же болѣе осязательный фактъ историческаго роста верхняго угла трапеціи: на Каспійскомъ или на Бѣломъ морѣ изслѣдователи рыболовнаго промысла находятъ у рыбаковъ морскія уды, и на вопросъ: „откуда приобрѣтаются

ими рыболовные уды, где их производство? — не всегда получают удовлетворительный ответ. А оказывается, что именно в верхнем углу волжской трапеции, в волостях восточной, нововишевской и шолоханской, вследствие разных экономических стимулов, развился *удоточильный* промысел, и селения Караулово, Муханово, Толстобино, Подвалиха, Студенец, Лобково и др. готовят уды для этих морей, выставляя для этого дела ребятешек от 10 до 15 лет, на каждое точило по 12 мальчиков, которые в течение суток поочередно обтачивают до 12,000 жеребьев, по 1,000 на каждого, а в полгода — 1,728,000 жеребьев. Как додумались до этого дела карауловцы, толстобинцы и пр. — это другой вопрос, и он может быть решен только с помощью весьма сложных экономических комбинаций, помимо того, что их этому научила близость Волги. Но это еще не все: из этого же уголка, из-под самого Нижнего, взрослые удоточильщики идут на Каспийское море для ловли рыбы. Все это опять-таки признаки известного исторического и экономического роста разных половин волжской трапеции, и без оценки этих признаков немислимо изучение экономического уровня разных местностей России.

Так, богатая сырьем нижняя половина волжской трапеции не переживала еще того периода, когда население чувствует необходимость освободить себя от экономической зависимости от тех местностей, с которыми она могла бы бороться равным оружием, — мало того, что освободить себя, а подчинить своему влиянию эти местности. Напр., в саратовской губернии фабрики и заводы, обрабатывающие растительные продукты, богатством которых губерния эта переросла почти всю губернию России, считают годовые обороты своего производства только в 4 с небольшим миллиона рублей, тогда как одни винокуренные заводы имеют обороты почти на 3,200,000 р. Это доказывает только, что заводская деятельность этой местности обращена пока на самое легкое, самое простое, самое первобытное производство, которое ни особенного ума, ни особенной подготовки, ни знаний и почти никакого экономического развития не требует: тут не нужна ни техника, ни знания, добытые наукой; каждый Сидорка из крепостных может управлять этим заведением. Но уже на другие роды фабричного и заводского производства

остается только каких-нибудь 800—900 тысяч руб., и опять-таки часть из них поглощается оборотами заводов водочных, пиво и медоваренныхъ. Даже паровое мукомольное производство необширно: кажется, только одно подобное заведение существуетъ въ Саратовѣ, на мельницѣ Зейфорта, гдѣ паръ получилъ примѣненіе. Больше самостоятельное развитіе получило производство табачное и горчичное, съ оборотами одно въ 200 съ небольшимъ тысячъ, другое—во сто тысячъ, да и то благодаря тому, что до того и другого производства додумались нѣмцы (Штафъ и пр. въ Саратовѣ и Гличъ въ Сарептѣ). Остальные производства, которыя должны-бы были неизбежно истекать изъ богатствъ растительнаго царства, положительно ничтожны и жалки. До этихъ дѣлъ нижняя половина волжской трапеціи еще не доросла, экономически не дозрѣла.

Равномѣрно нижняя половина трапеціи не дозрѣла до освобожденія себя отъ крѣпостной зависимости въ экономической жизни по отношенію къ самобытному развитію заводской и фабричной промышленности, стоящей въ непосредственной связи съ естественными богатствами мѣстныхъ животныхъ продуктовъ. Тутъ попытки къ этой экономической эманципации до того слабы, что даже и надежды не предвидится, чтобы когда-либо послѣдовало освобожденіе, такъ-сказать, южнаго кармана отъ кармана болѣе сѣвернаго. Здѣсь только умѣютъ перетапливать сало, для чего опять-таки не требуется ни приложенія ума, ни приложенія научныхъ знаній; примитивныя операціи эти ограничиваются оборотомъ въ 300 съ небольшимъ тысячъ рублей. Кожевенное производство, на тѣхъ-же примитивныхъ началахъ и съ тѣми-же примитивными приѣмами, незначительно—съ оборотомъ какихъ-нибудь 300 тысячъ не болѣе. Суконныя фабрики нѣсколько выдвигаются впередъ,—съ оборотомъ въ 600,000 р.; но и это не болѣе, не менѣе какъ попытки эмансипировать себя отъ преобладанія другихъ, болѣе развитыхъ экономически, мѣстностей: одна суконная фабрика Вернова можетъ быть только названа подобіемъ фабрики, а всѣ остальные—ничтожны. Даже свѣчей своихъ и какого-нибудь сыромятнаго ремня эта половина трапеціи не имѣетъ, а ждетъ, когда все это сдѣлаетъ для нея другая половина.

О заводскомъ производствѣ изъ продуктовъ ископаемаго цар-

ства и говорить нечего: тамъ умѣютъ только дѣлать плохой кирпичъ изъ хорошей глины и порядочные изразцы для печей и пр. Но производство всего этого не достигаетъ и 200 тысячъ руб. За то, страннымъ образомъ, въ Саратовѣ получили мѣсто три колокольныхъ завода, выдѣлывающіе колоколовъ болѣе чѣмъ на 100,000 р. и ставящіе отъ себя въ непонятную зависимость, именно только въ этомъ отношеніи, свою старѣйшую и умнѣйшую (экономически) сестру—верхнюю половину волжской трапеціи. Саратовскіе колокола доходятъ до Нижняго и т. д. Есть даже тамъ нѣсколько незначительныхъ чугунно-литейныхъ заведеній, но за то нѣтъ своего стекла, которое даетъ Пенза, нѣтъ писчей, почтовой и оберточной бумаги, которую тоже даетъ Пенза.

Еще что умѣютъ дѣлать въ этой половинѣ трапеціи — это гильзы и спички, но такъ изъ рукъ вонъ плохо, что и въ этомъ отношеніи за сѣверомъ остается полное господство надъ югомъ, можетъ быть, потому, что вообще, говорятъ, болѣе южный чело-вѣкъ неохотно думаетъ.

Д. Мордовцевъ.

(Окончаніе будетъ.)

ИЗЪ МОНОЛОГОВЪ.

I.

Мнѣ говорятъ они:—зачѣмъ томишься ты,
О чемъ ты мучишься, къ чему твои стремленья?
Забудь, о, юноша, тревожныя мечты,
Скорѣй надѣнь ярмо житейской суеты,
Смиренью научись и будь работою терпѣнья...

Узнаетъ кроткій миръ мятежная душа
И будетъ жизнь твоя легка и хороша!

Мнѣ говорятъ они:—съ небесной вышины,
Гдѣ мыслью молодой витаешь горделиво,
Сойди на низъ, смотри: дыханіе весны
Повсюду будить жизнь—и въ ропотѣ волны,
И въ шелестѣ листовъ; вонъ всколыхнулась нива
И ласточка взвилась—тутъ кроткій миръ царить;
Чего-же хочешь ты, о чемъ душа болитъ?

Мнѣ говорятъ они:—пусть въ сердцѣ молодомъ
Цвѣтетъ любовь; она таинственно и нѣжно
Могучихъ силъ порывъ уйметъ своимъ жезломъ;
Красавица сожжетъ очей живыхъ огнемъ
Неукротимый пылъ души твоей мятежной;
Скорѣй-же, юноша, на грудь ея—и тамъ
Блаженство счастья, конецъ твоимъ мечтамъ!

Мнѣ говорятъ они:—широкій путь отцовъ
Открытъ и для тебя, роскошныя картины
Лежатъ по сторонамъ: тамъ ширь родныхъ луговъ,
Тамъ глушь тѣнистыхъ рощъ и ароматъ садовъ,
Тамъ говоръ городовъ, тамъ плющъ заткала руины;
Не труденъ торный путь и цѣль его—покой;
Сойди съ вершинъ своихъ и породнись съ толпой...

II.

Какъ вы, и я люблю блаженную весну,
 Но только за ея божественныя грезы:
 Въ нихъ—пыль творящихъ силъ, въ нихъ—ненависть ко сну;
 Люблю я зимній ледъ сломавшую волну;
 Изъ благотворныхъ тучъ небесъ живыя слезы;
 Весна мнѣ говорить, что только подь грозой
 Цвѣтеть и зрѣть жизнь, сия красотой!..

Не схимникъ я—любить хочу я всей душой,
 Отдаться красотѣ, извѣдать страсть лобзаній.
 Но пусть красавица идетъ впередъ со мной
 По дикой крутизнѣ, надъ бездной роковой,
 Въ сіяющую высь, безъ страха и страданій.
 Я сердца не отдамъ наложницѣ—рабѣ,
 Хочу найти жену—товарища въ борьбѣ.

И не плѣнитъ меня широкій путь отцовъ,—
 Какъ серна, я люблю высокихъ горъ стремнины,
 Люблю вершины ихъ, гдѣ колыбель громовъ;
 Рождаетъ молніи тамъ черныхъ тучъ покровъ,
 Тамъ—волосальный горнь и сыплется въ долины
 Блестящихъ искръ потокъ... И жалокъ съ высоты,
 Толпа, мнѣ торный путь, гдѣ копошишься ты.

Тамъ узокъ горизонтъ, тамъ смрадь и духота,
 А здѣсь, на высотѣ, простору нѣтъ предѣла.
 Быстрѣй орлицы тутъ взвивается мечта,
 Ей открываются иныхъ небесъ врата
 И если-бы толпа отсюда поглядѣла,
 Безумье истиной назвала-бы она,
 Съ моей вершины даль градушаго ясна.

В. И. Славянскій.

ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ХІ.

На пристани.

Отставной каптенармусъ одного изъ мѣстныхъ батальоновъ, крещеный еврей Зимборгъ, пріѣхавъ изъ Ташкента домой въ Чиназъ, первымъ долгомъ распорядился, чтобы его супруга Амелія сама таскала въ погребъ изъ повозки боченки съ водкою и ящички съ бутылками. Лично онъ не могъ ей помочь въ этомъ дѣлѣ, потому что ему надо было по очень спѣшному дѣлу тотчасъ-же навѣстить товарища своего, отставного горниста Александра Вульфсона, тоже изъ евреевъ, содержателя единственной въ Чиназѣ гостиницы съ номерами для пріѣзжающихъ.

— Иди иди, ужъ я безъ тебя управлюсь, говорила ему супруга, тщательно заслоняя своею вертлявою особою темный промежутокъ между угломъ широкой двуспальной кровати и покосившимся шкафомъ съ посудой.

— Только смотри, предостерегалъ ее супругъ, — чтобы у меня ни одна бутылка не оказалась разбитою: всѣ должны быть цѣлы; самъ укладывалъ и ѣхалъ нарочно потихоньку. Смотри!

Слово „разбитою“ было произнесено съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ; очевидно, что это былъ намекъ на какое-нибудь известное обстоятельство; къ тому-же и худошавое, бойкое лицо Амеліи вспыхнуло при этомъ словѣ и она съ досадою произнесла:

— Стану-ли я еще эдакую северность пить! не найду будто лучшаго!—А выждавъ, когда мужъ ея скрылся за поворотомъ въ переулокъ, произнесла болѣе ласково:

— Ну, ступай теперь, Ваня, да скорѣе, а то встрѣтитесь съ мужемъ, опять раздеретесь на всю улицу, какъ въ прошлый разъ... что хорошаго!

— Конечно, что хорошаго! согласился щеголь-фельдшеръ Ваня и, чмокнувъ на походѣ хозяйку въ ея потную щеку, юркнулъ за дверь, оттуда въ калитку на задворокъ, перелѣзъ черезъ заборъ и пошелъ себѣ вольготно по базарной улицѣ, закуривая смятую папиросу.

Александръ Вульфзонъ былъ занятъ наклеиваніемъ заплатъ на бильярдное сукно, прорванное вчера подвыпившими юнкерами, когда къ нему пришелъ его пріятель.

— Здорово, что новаго? произнесъ онъ, завидя входящаго Зимборга.

— А поди сюда! подманилъ его пальцемъ тотъ.

И между ними началось оживленное совѣщаніе.

— Амелія! крикнулъ эскъ-горнистъ своей супругѣ (у него тоже была супруга Амелія),—поди скажи, чтобы ту комнату съ передней, что въ три окна на дворъ, вывели чисто-начисто, коверъ постлали и клоповъ изъ дивана кипяткомъ выпарили!

Это распоряженіе было результатомъ совѣщанія.

— Кого-такое ждешь? протянула откуда-то супруга.

— А тебѣ что? такъ-же протянулъ супругъ.

— А зачѣмъ мнѣ не сказать?

— А зачѣмъ, что не надо, отвѣтили сначала Вульфзонъ, но потомъ подумалъ и произнесъ:—Лопатина, вотъ кого. Ну, теперь ты знаешь? Иди-же, выпаривай клоповъ.

Амелія Вульфзонъ пошла исполнять возложенное на нее порученіе, а Александръ Вульфзонъ прогладилъ еще разъ горячимъ утюгомъ по заплатѣ и сказалъ мальчику Пашкѣ, маркеру:

— Ты, дьяволенокъ, смотри не смѣй шаровъ гонять, пока со-всѣмъ не просохнетъ; и господамъ офицерамъ скажи, что про-сятъ немного подождать,—слышишь?

— Слышу, отозвался мальчикъ Пашка и сталъ изъ сжатаго кулака выпускать мухъ по одной, пришептывая: „первая, вторая, третья...“

Его интересовало, сколько это онъ захватилъ ихъ за-разъ, махнувъ рукою надъ столомъ, пыльная поверхность котораго была покрыта остатками обѣда и пивными лужами, размазанными пальцемъ.

Въ ночь пріѣхалъ изъ Ташкента Иванъ Иларіоновичъ Лопатинъ, въ коляскѣ четверкою, и тотчасъ-же получилъ приглашеніе остановиться въ собственномъ комендантскомъ домѣ. Онъ поспѣшилъ отклонить отъ себя это любезное приглашеніе и предпочелъ расположиться на диванѣ въ гостиницѣ Александра Вульфсона.

— Заѣдятъ, подлецы! сомнительно покачалъ головою Иванъ Иларіоновичъ, нагибаясь со свѣчю къ подозрительнымъ щелямъ мебели.

— Ни, Боже мой! протестовалъ экъ-горнисть,—то есть дай Богъ не сойти мнѣ съ мѣста. Моя жена собственноручно ихъ ошпаривала—такъ ошпаривала, такъ ошпаривала...

— Разбудить меня пораньше завтра. Пароходъ придетъ въ восемь, такъ будите эдакъ часовъ въ семь или даже въ половину седьмого. Своихъ лошадей я вышлю за ночь въ Дзингаты на подставу, а мнѣ послать за почтовыми, распорядился Лопатинъ и грузно заворочался на диванѣ, отъ котораго еще до сихъ поръ струился легонькій паръ и пахивало чѣмъ-то въ родѣ лазаретнаго бульона.

— Желаю вамъ самыхъ хорошихъ, самыхъ превосходныхъ сновъ! на цыпочкахъ попятился къ дверямъ Вульфзонъ.

— Туши свѣчу, промычалъ Иванъ Иларіоновичъ и повернулся носомъ къ стѣнѣ.

Ему хотѣлось спать, ему казалось, что онъ вотъ-вотъ такъ и погрузится въ сонъ, едва только почувствуетъ подъ головою свѣжю наволочку пухлой подушки. Однако, это только казалось.

Свистъ парового свистка, пыхтѣніе паровика и глухой шумъ работающихъ колесъ такъ и поражали его слухъ, хотя пароходъ этотъ, въ данную минуту, находился, по крайней мѣрѣ, въ сорока верстахъ ниже по теченію Сыръ-Дарьи и никто въ Чи-

назѣ, кромѣ Лопатина, не могъ слышать его приближенія. Мало того, съезвъ закрытыя вѣки онъ видѣлъ даже, что дѣлается на этомъ пароходѣ, на его палубѣ, на мостикѣ, подъ мостикомъ и даже въ каютахъ, несмотря на ихъ запертыя двери...

„И какъ это хорошо устроено: ты вотъ тутъ лежишь-себѣ покойно и рулемъ правишь... клопы тебя не кусаютъ... Да, хорошо быть капитаномъ!“ — „По заслугамъ, всякому по заслугамъ“, раздается внушительный генеральскій голосъ. — „Ваше превосходительство!“ захлебывается отъ умиленія Иванъ Иларіоновичъ. — „По заслугамъ!“ еще внушительнѣе говоритъ генераль. — „Владимира“ получили, „Анну“ на шею получили, въ капитаны парохода произвели, — мало!?!.. Еще чего хотите?“

— „Адель“ въ петлицу, если позволите-сь... — „Чего?“ грозно хмурится генераль. — „Конечно, ваше превосходительство, я приложу всѣ старанія, чтобы заслужить; и такъ-какъ при всемъ своемъ капиталѣ...“

„Льва и Солнца пожалуйста!“ вывертывается откуда-то, словно изъ-подъ ногъ, Перловичъ и загоразиваетъ генерала своею ениною. — „Нѣтъ, позвольте“, энергично протестуетъ Иванъ Иларіоновичъ и тянетъ его за полы парусиннаго пальто. И эта бѣлая спина съ своими тремя продольными швами, съ двойными прорѣзами кармановъ пониже, съ перламутровыми пуговицами, такъ аккуратно, прочно пришитыми, никакъ не поддается его усиліямъ. „Что-же это? вѣдь это не то совсѣмъ: мукою пахнетъ!... ха-ха-ха! Вѣдь вотъ не узналъ-то, мѣшка съ мукою не узналъ... хорошъ лабазникъ!“

„Право на бортъ! стопъ машина! Вали все въ кучу, въ бунты складывай!“ громко въ длиннѣйшій рупоръ командуетъ Лопатинъ... И вотъ тысячи невидимыхъ рукъ со всѣхъ сторонъ надвигаютъ безконечныя вереницы бѣлыхъ, пыльныхъ, туго-набитыхъ мукою мѣшковъ. Вотъ эти пузатые мѣшки такъ и смотрятъ въ глаза Лопатина своими красными клеймами „С. П.“. „Что-же это такое? Почему-же все „С. П.“, когда я велѣлъ клеймить „И. Л.“? Позвать Катускина, живо!... Однако, эй вы тамъ, сзади, легче, стойте, задавите!... Да стойте-же, черти! стойте дьяволы!... Не слышутъ!.. Ой, батюшки!.. Господи!...“

Со всѣхъ сторонъ надвигаются цѣлыя мучныя стѣны; выше и выше растутъ онѣ. Вотъ уже чуть видѣтъ высоко вверху малень-

кій кружочекъ голубого неба. Все затихло кругомъ и потемнѣло, словно въ могилѣ; и только за стѣнами этого хлѣбнаго володца глухо, чуть слышно шумятъ пароходныя колеса.

„Да вкдюнетъ-ли?“ спрашиваетъ знакомый голосъ.— „Вкдюнетъ мама, вотъ смотри!“ говоритъ другой голосъ тоже знакомый, — нѣтъ, болѣе чѣмъ знакомый: чудный, дорогой, отъ звука котораго такъ и полилось теплое масло по сердцу Лопатина. Голоса эти несутся сверху. Тамъ, на самыхъ верхнихъ мѣшкахъ сидитъ Адель и граціозно держитъ въ рукѣ длинную удочку; около нея сидитъ Фридерика Казиміровна и держитъ на колѣняхъ коробочку съ червями...

Сильно подскокнулъ къ верху Иванъ Иларіоновичъ. „Эхъ, высоко!“ „Вкдюнуло!“ торжественно произноситъ Адель... И вотъ чувствуетъ онъ, какъ острый, холодный крючекъ щекочетъ его по носу, и какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо, такъ этотъ крючекъ тянетъ его все къ верху, все къ верху. Вытащили.

„Ахъ, мама, не то, совѣмъ не то; мнѣ „его“ не надо; я думала...“ говоритъ капризница Адель.— „Бери, Адочка, бери, дитя мое, уговариваетъ ее Фридерика Казиміровна.— „Не надо! рѣшительно произноситъ Адель.— У него есть жена въ черниговской губерніи“. — „Пожилуйте, она совѣмъ умирающая женщина. Да притомъ черниговская губернія такъ далеко отсюда“, лепечетъ севозь слезы Иванъ Иларіоновичъ и ловитъ ноги красавицы, впивается своими толстыми губами въ банты ея туфель. — „А это что?!“ грозно хмуритъ брови Адель и указываетъ впередъ рукою.

И видитъ Лопатинъ, что снова стоитъ на рулѣ, передъ нимъ высокія, бѣлыя пароходныя трубы, за ними тянутся какія-то веревки, очень много веревокъ; и за этими-то веревками, поверхъ палубнаго навѣса, на облитомъ кипяткомъ диванѣ, лежитъ, какъ на ладони, вся черниговская губернія.

„Я вамъ совѣтовала еще прежде убрать „ее“ куда-нибудь подальше, шепчетъ ему на ухо Фридерика Казиміровна.— Вотъ если бы вы слушались моихъ совѣтовъ, этого-бы и не случилось. Смотрите, какъ важно развалилась!“

„Въ воду ее, за бортъ! кричитъ взбѣшенный капитанъ. — За бортъ ее, подлую, живо!“

Всѣ матросы, они-же и приващики, съ гамомъ и свистомъ

кидаются на несчастную черниговскую губернію, хватаютъ ее вмѣстѣ съ диваномъ, раскачиваютъ... Ухъ!

Какъ хорошо, какъ легко! словно гора свалилась съ усталыхъ, разбитыхъ плечъ. Даже пароходъ пошелъ шибче, избавившись отъ лишняго груза.

„Ну, теперь другое дѣло, ласково произносить Адель и гладить Лопатина по его кругленькой лысинѣ.—Теперь мы можемъ и къ налою...“

„Догонить, догонить, берегитесь!“ шепчетъ ему на ухо шадане Брзе. Обернулся Иванъ Иларіоновичъ, и вотъ видитъ онъ надъ вспѣнною колесами водою, какъ разъ посрединѣ этой волнующейся борозды, блѣдное, исхудалое лицо. Худыя, голыя руки съ угрозою подняты изъ воды; свѣтлый обручекъ сверкаетъ на одномъ изъ этихъ крючковатыхъ пальцевъ; на этомъ обручкѣ онъ ясно читаетъ свое имя...

„Полный ходъ, полный ходъ!“ кричитъ онъ, нагнувшись къ слуховой трубѣ. Онъ боится, что этотъ страшный призракъ догонитъ пароходъ, уцѣпится за него и снова влѣзетъ на бортъ...

„Полный ходъ!“ отчаянно вопитъ Лопатинъ. „Полный ходъ!“ визжитъ съ боку Фридерика Казиміровна... „Какъ хорошо, какъ скоро!“ хлопаетъ въ ладоши и звонко смѣется Адель.

Вракъ! Пароходъ затрещалъ и разомъ остановился.

Холодный потъ проступилъ подъ бѣльемъ Ивана Иларіоновича и мурашки забѣгали у него по спинѣ.

„На мель сѣли!“— „Нѣтъ, на камень напоролись!.. Важно! какъ есть во всемъ акуратъ! Ссаживай, ссаживай!“ со всѣхъ сторонъ кричатъ голоса.

„А пойти посмотрѣть, въ самомъ дѣлѣ, на какого черта мы это нарѣзались,“ прошелъ мимо Бурченко, фамильярно хлопнулъ Лопатина по плечу, даже по животу потрепалъ и со смѣхомъ добавилъ: „ишь ты, тоже въ капитаны суешься...“

Вотъ онъ перегнулся за бортъ, пристально разсматриваетъ что-то. „Ха-ха! Ледоколовъ, это ты? чего это ты на самой дорогѣ разсѣлся, пароходы на полномъ ходу останавливаешь?“

„Золото, братъ, здѣсь промываю“, слышится снизу чей-то голось.

„Золото!“ томно стонетъ Фридерика Казиміровна и хватается за сердце.

„Мама, дочку сюда скорѣе, мою дочку! торопится Адель, прислушиваясь къ звуку этого голоса.—Его-то мнѣ и надо, а этого...“ она презрительно смотритъ черезъ плечо на Лопатина и лихо, какъ наѣздница на сѣдло, бочкомъ садится на бортъ парохода, распутывая послѣшно лѣску своей дочки. Она вся сіяетъ, вся въ восторгѣ; она такъ хищно улыбается и широкимъ размахомъ кидаетъ крючокъ за наживой.

„А, если такъ, то пропадай все... пропадай моя голова! проп... проп... проп...“ захлебывается отъ бѣшенства Лопатинъ и ищетъ глазами чего-нибудь такого... какъ бишь его?.. А, вотъ оно, вотъ...

Желѣзный багоръ торчитъ откуда-то изъ-за бочекъ; остріе у него такое длинное, блестящее; его-то и нужно! Обѣими руками схватываетъ онъ это оружіе, лѣзетъ на бортъ, замахивается что есть мочи...

„Иванъ Иларіоновичъ!“ испуганно говоритъ Адель.

„Иванъ Иларіоновичъ!“ визжитъ Фридерика Казиміровна.

„Иванъ Иларіоновичъ!“ урезониваетъ его Бурченко.

— Иванъ Иларіоновичъ! уже семь часовъ скоро, отчетливѣе прочихъ произноситъ эскъ-горнистъ Вульфзонъ; и такъ какъ первые три облика его остались безъ результата, то теперь уже онъ рѣшается дотронуться до этого пухлага, потнаго плеча, выставленнаго изъ-подъ узорнаго, ярко-цвѣтнаго халата туземнаго покроя.

— А?.. поднялся Лопатинъ, обвелъ вокругъ воспаленными, красноватыми бѣлками и тотчасъ-же потребовалъ себѣ графинъ квасу похолоднѣе: „да нельзя-ли, чтобы съ ледкомъ?“

— За косою отшелью дымъ видѣнъ; такъ разсмотрѣть нельзя, а господинъ поручикъ Скобликовъ въ трубу смотрѣли, такъ, говорятъ, очень явственно замѣтно, доложилъ эскъ-горнистъ, собственноручно устанавливая на табуретѣ большую мѣдную доханъ для умыванья.

Всѣ полуплоскія крыши домиковъ чиназской слободки были заняты любопытными чиназцами, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидавшими прибытія „съ низу“ каждаго парохода. Это прибытіе—

эпоха въ жизни маленькаго городка. Сколько новостей привезетъ пароходъ, сколько новыхъ лицъ появится въ Чиназъ, населеніе котораго, хотя на нѣсколько дней (время стоянки парохода), значительно увеличится! Особенно ждуть этого времени содержатели разныхъ питейныхъ лавочекъ, а ихъ въ Чиназъ тридцать восемь и съ каждымъ днемъ все открываются новыя и новыя. Если обратить вниманіе на то, что число домовъ въ Чиназъ не превышаетъ ста двадцати, то будетъ ясно, что всѣ кабачники рассчитываютъ больше на прїѣзжихъ и проѣзжихъ, чѣмъ на своихъ мѣстныхъ обитателей. Не одинъ Зимборгъ ѣздилъ накануне въ Ташкентъ за подкрѣпленіемъ своихъ складовъ: и Ицко Скуратовъ, и Гамамединъ Истанбуловъ, и даже отставной майоръ Шашиньончиковъ,— всѣ позаботились о томъ, чтобы матросы и пассажиры парохода могли вполне вознаградить себя за свое полторамигическое воздержаніе во время плаванія.

Кромѣ группъ на крысахъ, по пыльной прямой дорогѣ, соединяющей слободку съ мѣстомъ пристани, тянулись группы линейныхъ солдатъ, бѣлыхъ съ головы до ногъ, женщинъ, обитательницъ слободки, такъ и горящихъ на солнцѣ своими яркими, преимущественно красными, платьями; прокатилъ, обдавая всѣхъ пылью, комендантскій тарантасъ со всѣмъ его семействомъ; проскакало нѣсколько офицеровъ и даже пронеслась просто бѣгомъ, подобравъ юбки, вертлявая Амелія Зимборгъ, которой казалось, что именно только одна она опоздаетъ къ интересному моменту прібытія парохода.

Пароходъ „Аралъ“ подходилъ уже близко; онъ подвигался почти у самаго берега. Вся палуба судна была покрыта народомъ; даже двѣ баржи съ мукою и бочками, казеннымъ грузомъ, шедшія за пароходомъ на буксирѣ, кишѣли пассажирами.

Пестрая, разнохарактерная толпа, толкаясь, обгоняя другъ друга, подвигалась по берегу, провожая „Аралъ“, когда онъ, поровнявшись съ базаромъ, замедлилъ ходъ. Съ палубы на берегъ, съ берега на палубу давно уже завязались самые оживленные разговоры. Общее вниманіе привлекала особенно послѣдняя баржа, между тюками которой виднѣлись десятка два веселыхъ, смѣющихся женскихъ лицъ и раздавались плачь маленькихъ ребятъ и убаюкиванье ихъ матерей.

— Бабъ-то, бабъ что везутъ,—страсть! горячился молодой сол-

дать-линеецъ, цѣпляясь по самой окраинѣ песчаного берега рѣки и рискуя каждую минуту оборваться съ кручи, прямо въ пенистую борозду за колесами.

— Это опять жёнъ солдатскихъ на передовую линію вытребовали.—Котораго батальону, тетяа? эй ты, слышь, курносая! сложивъ руки у рта, кричитъ другой солдатъ, изъ фурштатскихъ.

— Теща ты!

— Чего тише?—хочу—кричу, хочу—нѣтъ. Тетяа-а!

— Смотри, смотри, вонъ на кулъ сидитъ, толстая такая, въ лаптяхъ: право, какъ есть деревня!

— Пооперятся маленько, погоди: господамъ офицерамъ бѣлье мыть стануть, живо приодѣнутся.

— Да вотъ такъ какъ-разъ съ вашего мытья и приодѣнешься! отклевывается изъ толпы зрителей молодая бабенка въ шелковомъ платкѣ и кумачномъ платкѣ—значить, уже изъ оперившихся.

— Охъ ты, пава косоглазая!

— Отстань!

— Чего отстань?—я съ лаской.

— Прокофьевъ, легче: капитанъ сюда глядитъ; ишь, усомъ какъ повель.

— Да вотъ онъ тѣ шкуру вздереть! понизивъ голосъ, замѣчаетъ „косоглазая“ и перемигивается съ усатымъ капитаномъ.

— А нѣтъ лучше матросовъ, тихонько замѣчаетъ одна женщина другой, тоже изъ „оперившихся“.

— Странный вкусъ! подернувъ плечомъ, замѣчаетъ та.

— Извѣстно, народъ съ деньгами, не то, что наши голыши.

— Конечно, если кто изъ одного антересу.

— Дура!

«Развеселые ребята энти самые матросы!»

заливается самымъ высокимъ, тамберликовскимъ теноромъ тотъ самый „фурштатъ“, что заявлялъ о своемъ правѣ кричать или не кричать.

— А вотъ у этого самага дерева привязываютъ канатъ; видите, какъ это просто у насъ устроено: съ парохода подадутъ трапъ, сходцы такіе съ перильцами—ну, и все готово. И какъ это удачно, что высота берега совершенно подходитъ къ высотѣ парохода. Хотѣли было прежде строить пристань, да зачѣмъ?—вы

сами видите, что это совершенно лишнее. Вотъ извольте посмотрѣть. Эй ты, красный халатъ, подвинься влѣво!

Угреватый адъютантъ мѣстнаго батальона принялся было усердно показывать Лопатину, какъ незатѣйливо, просто пристають пароходы „у нихъ въ Чиназѣ“.

— Да, да, конечно, очень хорошо... не можетъ быть!.. вы думаете?—больше изъ вѣжливости, вовсе неслушая адъютантскаго разсказа, невпопадъ отвѣчалъ Иванъ Иларіоновичъ.

Онъ теперь уже не спускалъ глазъ съ пароходнаго мостика. Онъ видѣлъ тамъ... онъ ничего тамъ не видѣлъ, потому что проклятый вѣтеръ, какъ будто нарочно, на зло ему, потянулъ въ его сторону и окуталъ чернымъ, вонючимъ дымомъ всю середину судна. И эти горластыя трубы такъ и пыхтятъ, выбрасывая все новыя и новыя густыя клубы. Все затянуло, ничего не видно. А, слава Богу, вѣтеръ мѣняется, дымъ отнесло назадъ. Вотъ мелькнула у самой трубы бѣлая фуражка... вотъ зеленое что-то показалось... Это? Нѣтъ, это ведро виситъ на крючкѣ и сверкаетъ на солнцѣ своимъ полированнымъ бокомъ. А, вотъ оно, вотъ!

— Въ прошедшемъ году, представьте... жужжить на ухо адъютантъ.

Какой-то бородатый стоитъ у перилъ и лорнируетъ берегъ. При взглядѣ на эту фигуру у Лопатина сильно заскребло на сердцѣ и въ его мягкую ладонь впились острые углы фигурнаго серебрянаго наболдашника. Ему вдругъ захотѣлось, чтобы капитанъ (а его высокую фигуру съ рупоромъ въ рукѣ было видно теперь совершенно отчетливо) поддалъ колѣномъ сзади этого бородача,—эхъ, какъ хотѣлось!

Лопатинъ былъ почему-то увѣренъ, что это именно и есть онъ—самъ Ледоколовъ или кто-бы то ни было, но только...

У него захватило духъ и начали подкашиваться колѣни. Говоръ и шумъ толпы словно затихли, словно невидимыя руки разомъ зажали ему уши, и только глухой, неопредѣленный гулъ стоялъ въ его помутившейся, опалѣлой головѣ.

Около мачты мелькнулъ вуаль, закивали звѣздообразныя кружки зонтиковъ; между бѣлыми фигурами матросовъ, кинувшихся устанавливать трапъ, отчетливо колыхнулись два женскихъ платья.

— Легче, ваше степенство, въ угольную яму попадете, предостерегаетъ его какой-то пестрый халатникъ.

— Какія лошади у васъ, почтеннѣйшій Иванъ Иларіоновичъ! кричитъ ему комендантъ, пробираясь впередъ.

— А дочка, дитя мое, смотри, вонъ онъ, вонъ! указываетъ зонтикомъ Фридерика Казиміровна и порывисто устремляется по зыбкимъ доскамъ трапа.

— Я васъ сейчасъ познакомлю съ Лопатинимъ, говоритъ, обращаясь къ Ледоволову, Адель и, опираясь на его руку, граціозно пробуеъ кончикомъ ноги, на-сколько удобно будетъ ступить ей на доски.

— Кто такіе, кто такіе? шепчуть кругомъ.

— Эхъ, хороши барыни! замѣчаетъ громко кто-то сзади.

Сойдя на берегъ, Адель тотчасъ-же освободила свою руку и поспѣшила на выручку мамаша.

Почти безъ чувствъ, испуская изступленныя, истерическія рыданія, Фридерика Казиміровна такъ и замерла на шеѣ Ивана Иларіоновича, обвивъ ее своими руками.

— Должно, хозяйка пріѣхала. То-то обрадовалась! шептали въ толпѣ.

— Сдобная баба. Эхъ ее встряхиваетъ!

— А это, надо полагать, дочка; красивая дѣвка!

— Не дѣвка, а барышня. Дѣвки вонъ Дашка съ Пашкою, а это вишь ты...

— Конечно, уважаемая Фридерика Казиміровна, я это вполне чувствую, задыхаясь и силась освободиться изъ этихъ пламенныхъ объятій, пыхтѣлъ Лопатинъ.

Ему такъ хотѣлось ринуться къ Адели, расцѣловать ея руки, расцѣловать ее всю, не обращая вовсе вниманія на эти сотни постороннихъ глазъ. Какое ему дѣло было до другихъ, когда...

— Ну, вотъ мы и пріѣхали, спокойно, даже нѣсколько холодно, произнесла Адель и церемонно протянула ему кончики пальцевъ.

— Ахъ, чего мы только не натерпѣлись за эту ужасную дорогу! простонала Фридерика Казиміровна, какъ-то особенно выразительно обдернувъ платье на своей дочери.

— Что ты, мама?—напротивъ, мнѣ было ужасно весело! начала Адель.

— Моя коляска ждетъ васъ. За багажемъ я пришлю изъ гостиной. Сюда, сюда, за мною! заторопился Лопатинъ, теперь

только замѣтивъ, что общее вниманіе было обращено на ихъ группу.

Онъ предложилъ руку Фридерикѣ Казиміровнѣ и хотѣлъ предложить другую Адели, даже уже согнулъ ее въ надлежащее положеніе...

— Проклятый! промелькнуло у него въ головѣ.

Адель опять уже стояла подъ руку съ Ледоколовымъ.

— Ахъ кстати, Иванъ Иларіоновичъ, поспѣшила красавица, позвольте вамъ представить: monsieur Ледоколовъ, нашъ дорожный знакомый. Онъ во время пути такъ много оказывалъ намъ услугъ!

— Очень пріятно, пробормоталъ Лопатинъ и вдругъ разсвирѣпѣлъ на своего кучера, неподвижно сидящаго на козлахъ коляски, шагахъ въ двадцати отъ пристани.

— Кузьма! какъ-то захлебываясь, крикнулъ Иванъ Иларіоновичъ, — Кузьма! подавай-же, скот...

— Славныя лошадки, особенно пара дышловыхъ! протянулъ ему руку старичекъ-комендантъ, масляные глазки котораго въ эту минуту разсматривали гораздо внимательнѣе дамъ Лопатина, чѣмъ его лошадей.

Сѣла Фридерика Казиміровна; почти не касаясь подножекъ, на рукахъ Лопатина, вспорхнула Адель. Четверка гнѣдыхъ загоричилась и заплясала на мѣстѣ.

— Ледоколовъ, какъ только пріѣдете въ Ташкентъ, пожалуйста, къ... начала-было Адель.

— Пошелъ! крикнулъ Иванъ Иларіоновичъ.

— У-ухъ! отшатнулся адъютантъ, протирая глаза, залѣпленные пылью, поднятою колесами экипажа.

— Однако! произнесъ старичекъ-комендантъ, тоже вытаскивая цвѣтной фуляръ изъ задняго кармана.

— Видѣла? язвительно произнесла дама въ ситцевомъ капотѣ, здѣшняя казначейша.

— Видѣла! тѣмъ-же тономъ отвѣтила другая дама, здѣшняя попадья.

Запыхавшаяся, покрытая пѣною четверка остановилась передъ воротами почтовой станціи. Лопатинъ вылѣзъ изъ экипажа и пошелъ распорядиться насчетъ лошадей.

— Ты хоть-бы немного теплоты, хоть немного... шептала на ухо Фридерика Казиміровна, когда онѣ остались однѣ въ коляскѣ.

— Отстань, мама! задумчиво произнесла Адель, апатично смотря на суматоху передъ станціонными воротами.

— Жестокое сердце, безжалостная! Въ твои лѣта такая холодность!

— Мама!

— Не замолчу, не замолчу. Наконецъ, ты должна-же понять, что просто изъ одного такта не мѣнало-бы...

— Мама!

Адель сдвинула брови и рванула пуговку у перчатки.

— Ну, не буду, не буду. Адочка, ангель мой, войди-же въ наше положеніе. Вѣдь я для тебя-же...

— Иванъ Иларіоновичъ, я пить хочу! крикнула Адель.

— Сію минуту, сейчасъ. Эй, Кузьма! тамъ, подъ возлами, погребецъ... проворяйе, да не копайся-же!

— Если-бы кусочекъ льду!.. кокетливо улыбнулась дѣвушка.

— Льду, послушайте! ринулся Лопатинъ къ казаку-смотрителю станціи.—Ради Бога, все, что хотите, льду нельзя-ли, хоть немного.

— Льду? улыбнулся казакъ,—ишь ты! да у насъ льду и зимою не скоро отыщешь.

— Э-эхъ! тоскливо посмотрѣлъ кругомъ Иванъ Иларіоновичъ.

Въ эту минуту онъ за одинъ кусочекъ льду готовъ-бы дать отрубить себѣ если не руку, то, по крайней мѣрѣ, половину пальца.

— Подите сюда, поманила его пальчикомъ Адель.—Я вовсе не такая капризная и могу легко обойтись безъ льда, если его невозможно найти. Вы все хлопочите, вы устали?

Она почти ласково взглянула на потное, красное лицо Ивана Иларіоновича. Фридерика Казиміровна даже заерзала отъ удовольствія; рука Лопатина задрожала, наливая изъ бутылки въ стаканъ красное вино.

— Готово! заявилъ казакъ-смотритель.

И снова загудѣли на разные лады голосистые бубенчики почтовой четверки.

А въ тотъ-же вечеръ, сидя на терасѣ ташкентскаго дома Ивана

Иларіоновича, Фридерика Казиміровна самымъ убѣдительнымъ тономъ говорила хозяйну:

— Хотите—вѣрьте мнѣ, хотите—нѣтъ, но только эта холодность, по-моему, одно притворство. Зачѣмъ-бы ей, въ противномъ случаѣ, всю дорогу твердить только одно и то-же: „Ахъ, мама, да скоро-ли мы пріѣдемъ? скоро-ли я увижу добраго, славнаго Ивана Иларіоновича?“ Ну, честное-же слово, влянусь вамъ моею материнскою любовью! послѣшила съ увѣреніями госпожа Брозе, замѣтивъ у своего собесѣдника недовѣрчивое подергиванье плечъ.

— Дай Богъ вашими-бы устами... глубоко вздохнулъ Лопатинъ.

— Терпѣніе и терпѣніе! Однако, какъ вы еще молоды сердцемъ! протекторскимъ тономъ произнесла Фридерика Казиміровна и поцѣловала въ голову Ивана Иларіоновича.

ХП.

За дверями.

Вѣсть о пріѣздѣ госпожи Брозе съ дочерью быстро разнеслась по всему Ташкенту. Въ первый-же день, по шоссе, мимо оконъ лопатинскаго дома, устроилось что-то въ родѣ гулянья. Всѣ проходящіе и проѣзжающіе считали своею непремѣнною обязанностью задержать шагъ и не спускали глазъ съ этого длиннаго ряда оконъ, выжидая, не мелькнетъ-ли хотя въ одномъ изъ нихъ головка необыкновенной, почти сказочной красавицы.

Только-что пріѣхавшій изъ Чиназа поручикъ Скобликовъ говорилъ въ ресторанѣ у Тюльпаненфельда, что онъ и во снѣ не могъ-бы представить себѣ такой красавицы; что это что-то такое, что просто духъ захватываетъ при одномъ только взглядѣ. А товарищъ его, капитанъ Пуговицынъ, завѣрялъ, „какъ честный офицеръ“, что онъ, пріѣдя домой съ пристани, долженъ былъ выпить цѣлую столовую ложку комфарнаго спирта, чтобы только успокоить свои расхолодившіеся нервы.

Марфа Васильевна, взволнованная, смѣющаяся и веселая на видъ, но замѣтно обезкураженная, ровно восемь разъ проѣхала по шоссе въ своемъ кабриолетѣ и два раза верхомъ.

— Наша-то, говорятъ, и въ подметки не годится той... ясно донеслось до ея слуха изъ одной группы гуляющихъ.

Она очень хорошо знала, кто эта *наша*, и ее даже въ жаръ вынуло отъ этого замѣчанія.

Кто-то сообщилъ, что сегодня вечеромъ Лопатинъ и его дамы будутъ на Минурюкѣ, и у рѣшетки этихъ ташкентскихъ „минерашекъ“ столпилось столько экипажей и верховыхъ лошадей, что распорядились прислать десятка полтора конныхъ казаковъ для водворенія хотя-бы какого-нибудь порядка.

Кое-кто пытался, просто подъ видомъ обыкновеннаго посѣщенія или-же по какому-либо дѣловому предлогу, проникнуть въ домъ Ивана Иларіоновича, но и эти маневры не удались окончательно. Однимъ было сказано, что, молъ, господинъ Лопатинъ нездоровъ и принять не могутъ, просятъ, молъ, извинить до другого раза; другимъ было напросто отказано: „дома нѣтъ“, хотя это было слишкомъ уже безцеремонное уклоненіе отъ истины. Одною только отца іерея Громовержцева принялъ Иванъ Иларіоновичъ, и то потому, что когда тотъ, пройдя съ другого подъѣзда, очутился въ столовой, то Лопатинъ, закусывавшій цыпленкомъ въ этой-же комнатѣ, не успѣлъ принять никакихъ мѣръ, и съ самою кислою улыбкою произнесъ:

— А, батюшка, здравствуйте! вотъ спасибо, что посѣтили. Не прикажете-ли?

Иванъ Иларіоновичъ одной рукою сдѣлалъ пригласительный жестъ къ столу, а другою помахалъ какъ-то у себя за спиною, что по мнѣнію прислуживающаго парня означало: убирай со стола проворнѣй.

— Отчего-же, согласился отецъ іерей,—много нельзя, но единую можно; къ тому-же у насъ теперь разрѣшеніе вин... Пстой, братецъ, погоди-же! придержалъ онъ за рукавъ молодца въ поддевкѣ, послѣшившаго-было исполнить мимическое приказаніе своего хозяина.

— Жарко!? не то спросить, не то заявилъ Иванъ Иларіоновичъ, пройдя по комнатѣ и мимоходомъ опустивъ портьеры въ сосѣдніе апартаменты.

— По мнѣнію господина Реомюра, тридцать два—въ тѣни; на солнцѣ-же тридцать восемь и доходило даже до сорока... Тропическая температура! великій жаръ! погладилъ себя по желудку отецъ іерей.

— О-охъ! вздохнулъ Лопатинъ и тоскливо посмотрѣлъ на ярко-зеленую шелковую рясу гостя.

— Здоровье ваше въ какомъ положеніи находится? освѣдомился тотъ.

— Сегодня плоховато. Голова что-то болитъ и такъ вообще не хорошо себя чувствую; я даже думаю сейчасъ прилечь.—Какъ утопающій за соломенку, такъ Лопатинъ ухватился за этотъ вопросъ о его здоровьи.

— И хорошее дѣло, произнесъ отецъ іерей, усаживаясь въ кресло покойниче и, повидимому, вовсе не понимая намека.

— О-охъ! еще разъ, значительно протяжниче, вздохнулъ Лопатинъ.

— Задумали мы... началъ гость и подвинулъ свое кресло немного вправо.

Портьера, опущенная рукою Ивана Иларіоновича, задѣла агрантомъ о боковую розетку и образовала щель, довольно значительную для того, чтобы можно было видѣть большую часть сосѣдней комнаты. Отецъ іерей замѣтилъ это обстоятельство и двинулъ кресло единственно съ цѣлью воспользоваться своимъ открытіемъ.

— Задумали мы, продолжалъ онъ,—выписать для новостроющаго храма живописной работы икону святаго великомученика Георгія, копіемъ змія прободающаго, и пару паникадилъ серебряныхъ—либо изъ Москвы отъ господина Овчинникова, либо изъ Нижняго отъ купца Бляноѣдова; средства-же наши на сія предметы въ должный размѣръ не сложились... э.. ги!..

— Конечно, я съ своей стороны могу... поспѣшить Лопатинъ. „Авось, подумалъ онъ, уберется, какъ получить радужную; все равно не отдѣлаешься меньшимъ“—и полѣзъ въ карманъ за бумажникомъ.

— Не слѣшите, придержалъ его руку отецъ іерей.—По заведенному мною порядку, вамъ придется шнуровая книга, гдѣ вы собственноручно и отмѣтите ваше приношеніе, выразивъ въ цифрахъ размѣры онаго.

— Да, да, хорошо, я готовъ, говорилъ хозяинъ и поднялся со стула.

— Да-съ, мы не то, что другіе: мы не имѣемъ привычки преграждать путь контролю, мы все на чистоту, спокойно разгла-

гольствоваль отецъ іерей, не понимая или не желая понимать и этого намека.

Лопатинъ опять сѣлъ.

— Съ прїѣздомъ родственниковъ вашихъ можно васъ поздравить? произнесъ гость, немного помолчавъ.

— Прїѣхали, благодарю васъ. „Фу, какъ надоѣлъ, каналья!“ отвѣчалъ Иванъ Иларіоновичъ, — послѣднюю половину фразы, впрочемъ, онъ сказалъ про себя.

— Прїятно и радостно должно быть свиданіе съ дорогими сердцу, особенно изъ такого отдаленнаго далека!

— Вы меня ужъ извините, батюшка: я ужъ пойду, не выдержалъ, наконецъ, Лопатинъ.

— Пожалуйста не стѣсняйтесь: что за церемоніи! нехотя поднялся-таки съ кресель отецъ іерей.

„Жаль, не видалъ, а весьма было-бы интересно“, подосадоваль онъ, выходя изъ комнаты и прїятно шелестя своимъ шелковымъ костюмомъ.

— Ну, что, видѣли?

— Какова?

— Ну, что, правда, что говорятъ?

Посыпались на него со всѣхъ сторонъ вопросы, едва онъ только спустился съ ступеней крыльца.

— Особы весьма благовоспитанныя и красотою отъ природы щедро награжденные, совралъ отецъ іерей, плотно усаживаясь въ свой желтенькій тарантасикъ.

Едва только „не въ пору гость“ вышелъ изъ комнаты, Иванъ Иларіоновичъ юркнулъ на дамскую половину. По дорогѣ онъ завернулъ въ свой кабинетъ, вытеръ тщательно руки и лицо одеколономъ съ водою, попрыскалъ чѣмъ-то на бортъ сюртука и взялъ въ ротъ мятнуу лепешку.

„Хорошо-ли это, что я въ клѣтчатыхъ брюкахъ при свѣтлосѣромъ остальномъ?“ подумаль онъ, — подумаль и перемѣнилъ эти клѣтчатые на безукоризненно бѣлые.

— Я никакъ не ожидала, чтобы въ такой глуши, въ такой дикой сторонѣ можно было такъ комфортабельно устроиться! ясно слышенъ былъ голосъ Фридерики Казиміровны.

Вѣроятно, она находилась въ спальнѣ своей дочери, потому что слышно было, какъ переставляли и звякали стекляночками и

баночками на ея туалетѣ, а вѣдь эта спальня была такъ близко отъ кабинета Ивана Иларіоновича!

— Ахъ, мама, скучно... эта проклятая стѣна! доносились голоса Адели, только не такъ отчетливо, значительно глуше.

Лопатинъ сообразилъ, что красавица находилась на терасѣ. Онъ весь сосредоточился въ слухѣ.

— Мама, я готова, а ты?

— Какъ готова, къ чему это?

— Да вѣдь мы собирались кататься! Я-же просила тебя послать спросить о коляскѣ.

— Видишь, дитя мое, экипажъ не совсѣмъ исправенъ... развѣ завтра? соврала Фридерика Казиміровна.

Она еще утромъ говорила Ивану Иларіоновичу о желаніи Адели сегодня-же ознакомиться съ наружностью Ташкента, но Лопатинъ посовѣтовалъ ей отклонить пока Адель отъ этого желанія, находя это необходимымъ по нѣкоторымъ соображеніямъ.

— А, вотъ какъ! холодно произнесла Адель, — хорошо, мы подождемъ до завтра.

— А ты не замѣчаешь, Адочка, какъ интересенъ Иванъ Иларіоновичъ; какъ онъ помолодѣлъ за это время... кто-бы могъ подумать, что ему уже сорокъ два!

У Лопатина сердце запрыгало отъ удовольствія.

„Молодецъ-баба, подумалъ онъ, — непременно подарю пару „внутренняго“, сегодня-же подарю!“

— Какъ, мама, да вѣдь ему уже за пятьдесятъ! ясно послышался голосъ Адели. Вѣроятно, она теперь тожѣ вошла въ свою комнату.

— Какія глупости! Но что я узнала, Ада!—представь, мнѣ говорилъ Павелъ сегодня, что Иванъ Иларіоновичъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ просиживалъ здѣсь и не спускалъ глазъ съ твоего портрета! Даже во снѣ онъ бредилъ только твоимъ именемъ, вралъ госпожа Брозе.—Ахъ, какъ онъ тебя любитъ, ахъ, какъ любить!

— Пересаливаетъ! поскребъ въ затылкѣ Лопатинъ.

— Воображаю, какая это блистательная фигура! захотала Адель.—Вотъ онъ сидитъ тутъ, вѣроятно, на этомъ стулѣ, смотритъ сюда, руки у сердца, вздохи на всю комнату... вотъ такъ!

Должно быть Адель изобразила въ эту минуту Ивана Иларіо-

новича, потому что задвигались кресла и послышалось что-то въ родѣ пыхтѣнія.

— Ты, Ада, вѣчно съ дурачествами! упрекнула ее Фридерика Казиміровна.

— А-ахъ! во весь ротъ зѣвнула Адель и щелкнула дверцею шеашика. Лопатинъ почему-то ослабился.

— А что, мама, „онъ“ прїѣдетъ сегодня? опять начала Адель.

— Не думаю.

— Но вѣдь я его просила навѣщать насъ; онъ обѣщалъ мнѣ быть на другой-же день по прїѣздѣ.

— Ты видѣла сама, какъ Лопатинъ съ нимъ холодно обошелся: онъ даже не протянулъ ему руки, когда ты вздумала представить его на пристани.

— Если онъ будетъ такъ обходиться съ моими друзьями...

— Те!..

— Что ты?

— Я слышала за этою дверью... посмотри, Адочка, тамъ, за трюмо...

Иванъ Иларіоновичъ схватилъ свою фуражку и повѣсилъ ее на ручку двери. Онъ поспѣшилъ на всякій случай замаскировать замочную скважину. Этотъ маневръ оказался какъ нельзя болѣе кстати, потому что Адель шмыгнула за трюмо, прислушалась и приложила глазъ къ скважинѣ.

— Темно... произнесла она,—и я ровно ничего не слышу.

„Друзья... эге... вотъ какъ! борготалъ Иванъ Иларіоновичъ, на цыпочкахъ отходя отъ двери.— Значить, не одинъ этотъ бордатый...“

Сердце у него защемило и во рту стало какъ-то скверно, горько; не помогала даже мятная лепешка, почти истаявшая на горячемъ языкѣ Лопатина.

— Тамъ господинъ васъ спрашиваетъ, остановилъ его на полдорогѣ парень въ поддевкѣ.

— Кто?

— Тотъ самый, что у васъ намедни былъ... Бурченко, сказывалъ; да онъ не одинъ: ихъ двое.

— А!.. протянулъ Иванъ Иларіоновичъ, подумалъ, сообразилъ

и сказалъ:—Ну, проси... въ зеленую комнату проси; я сейчасъ къ нимъ выйду.

— Вотъ этихъ сейчасъ потурятъ, говорилъ Набрюшниковъ, наблюдая съ высоты своего гнѣдого армака за входѣю дверью лопатинскаго дома.

— Нынче уже сколько народу толкалось, всёми отказъ, одного Громовержцева принялъ, а то никого больше, говорилъ другой офицеръ, сидя безъ сюртука на подоконникѣ противоположнаго дома.

— Кто такіе, ты не знаешь?

— Одного знаю, онъ уже недѣли двѣ какъ въ Ташкентѣ, у Тюльпаненфельда встрѣчались; да онъ изъ старыхъ, еще изъ чернаевскихъ; а другого никогда не встрѣчалъ... лицо что-то знакомое.

— На покойника Батогова смахиваетъ сильно.

— Да, есть большое сходство, только ростомъ повыше. Назадъ пойдутъ, ближе разсмотримъ.

Предположеніе разсмотрѣтъ поближе новопріѣзжаго такъ и осталось однимъ предположеніемъ. Прошло десять минутъ, четверть часа, полчаса, наконецъ часъ—Вурченко и его товарища не „протурили“.

— Что-бы это значило? удивился немного офицеръ на подоконникѣ.

— Стало быть, такъ надо, совершенно резонно замѣтилъ Набрюшниковъ и нагнулся съ сѣдла, заглядывая во внутренность комнаты.

— Что это, вы закусывать? спросилъ онъ.

— Да, собираемся; не хочешь-ли?

— А пожалуй, поспѣшилъ согласиться Набрюшниковъ и ловко соскочилъ на землю съ своего цыбатаго гнѣдого.

XIII.

Соперники.

— Если этот баринъ не попытается, сегодня-же порѣшимъ; а тамъ, не откладывая въ долгій ящикъ, и за дѣло. Ну, заждайся-же я васъ! Что такъ долго? говорилъ Бурченко своему товарищу въ лопатинской пріемной.

— Шли очень тихо — безконечныя остановки. Зналъ-бы, не поѣхалъ! отвѣчалъ Ледоколовъ и — совралъ: онъ былъ очень доволенъ своимъ путешествіемъ на пароходѣ и нисколько не раскаивался, что предпочелъ его сухопутному тракту.

— Ну, конечно, согласился Бурченко, — тащились, какъ черепахи! Что, хорошо? Ну, а *то* какъ: благополучно?

— Что такое?

Ледоколовъ слегка покраснѣлъ.

— Да вотъ насчетъ вашего сердца, окончательно разбитаго? Залечили, что-ли?

— А здѣсь живутъ все-таки довольно сносно, уклонился Ледоколовъ, оглядывая обстановку комнаты. — Я составилъ себѣ, признаться, совсѣмъ другое понятіе.

— Съ деньгами вездѣ можно. Вотъ мы съ вами нароемъ ихъ, денегъ-то, — не то заведемъ!

Бурченко посмотрѣлъ на часы и свѣрилъ ихъ съ бронзовыми часами на каминѣ. Ледоколовъ отворилъ дверь на терасу и заглянулъ въ новоразбитый садикъ въ полу-англійскомъ, полу-китайскомъ вкусѣ.

Густые кусты тутовика и бѣлой сирени разрослись почти у самой стѣны дома; на ярко-зеленыхъ клумбахъ виднѣлись вертикальныя черточки цвѣточныхъ штамповъ; красныя и бѣлыя жальвы яркими группами разнообразили темную зелень кустарниковъ; вдоль наружной стѣны тянулась легкая рѣшетка, по которой ползли завитками молодныя, послѣдней посадки, виноградныя лозы.

— Каково! удивился Ледоколовъ.

— Недурно, произнесъ Бурченко, тоже выйдя на терасу; — особенно, принимая въ расчетъ, что года два тому назадъ, я

помню, тутъ былъ заброшенный пустырь да нѣсколько кустовъ...

— А тебѣ что нужно?—обратился онъ къ вошедшему.

— Хозяинъ васъ къ себѣ, на ту половину, просить-съ,—пожалуйте! говорилъ парень въ поддевкѣ.

— Хорошо, пойдемъ къ нему, на его половину. Пойдемте, Ледоколовъ!

— Пожалуйте-съ, сударь... господинъ... настаивалъ парень въ поддевкѣ.

— Чѣмъ-это вы тамъ занялись? А, вонъ оно что!

Бурченко пожалъ плечами и улыбнулся.

— А, куда?

— Пожалуйте-съ...

— Я сейчасъ видѣлъ... Бурченко, вы не замѣтили тамъ, на томъ концѣ сада...

— Видѣлъ, видѣлъ! расхохотался Бурченко и взялъ Ледоколова подъ руку.

Парень въ поддевкѣ проводилъ гостей съ терасы, оглянулся и заперъ дверь на ключъ; онъ даже проводилъ ихъ черезъ комнату и такъ-же акуратно заперъ за ними слѣдующую дверь.

— Вы ужь, господа, извините, что заставилъ себя такъ долго дожидаться! Милости просимъ, милости просимъ! вывернулся откуда-то съ боку Иванъ Иларіоновичъ.

— Ну-съ, господинъ Лопатинъ, началъ Бурченко, когда всѣ трое расположились на креслахъ въ одной изъ комнатъ на другой половинѣ.—Если вы не переимѣнили вашего рѣшенія помочь мнѣ въ извѣстномъ вамъ дѣлѣ...

— Я своихъ словъ никогда не беру назадъ и рѣшеній своихъ никогда не мѣняю, съ достоинствомъ перебилъ хозяинъ, приглядываясь довольно пристально къ фигурѣ Ледоколова.

— Очень хорошо-съ, съ такими людьми и дѣло вести приятно... Вы знакомы ужь? Мнѣ вотъ они говорили, что третьяго дня на пристани чиназской...

— Познакомились, познакомились.

— Господинъ Лопатинъ тогда былъ такъ взволнованъ своею семейною радостью, что, весьма естественно, не удостоилъ меня своимъ вниманіемъ, заявилъ Ледоколовъ.

— Тысячу извиненій!

Иванъ Иларіоновичъ протянулъ Ледоколову свою руку, тотъ

свою; рукопожатіе совершилось весьма холодно; пальцы какъ-то не сжимались.

„Соперники тоже, умора!“ подумалъ Бурченко.—Такъ вотъ-съ, началъ онъ громко,—мы съ нимъ съ завтрашняго дня начнемъ готовить нашу, такъ-сказать, экспедицію. Лошади у меня при-торгованы; людей я нанялъ,—трехъ человѣвъ пока, изъ здѣшнихъ, а тамъ будемъ довольствоваться мѣстными средствами. Надо вамъ замѣтить, что я всё эти приготовления дѣлалъ не то чтобы по секрету, а просто безъ лишняго шума—эдакъ-то лучше; и вы не очень пока распространяйтесь.

— Съ какой-же стати! Я только и говорилъ объ этомъ съ однимъ губернаторомъ, но если-бъ вы меня предупредили...

— У... эхъ! почесалъ за ухомъ Бурченко.

— Вы находите, что и это напрасно?

— Какъ-бы вамъ это сказать?—по-моему... Ну, а что-же вамъ говорилъ губернаторъ-то?

— Весьма одобрительно отнесся, весьма одобрительно, и, знаете-ли...

Лопатинъ съ торжествующимъ видомъ посмотрѣлъ на малоросса и приподнялъ палецъ къверху.

— Обѣщалъ даже, въ случаѣ надобности, вооруженное содѣйствіе.

— Вотъ этого-то я и боялся! вторично принялся чесать за ухомъ Бурченко.

— Но, согласитесь сами, вмѣшался Ледоколовъ,—дѣло можетъ вернуться такъ, что мы будемъ имѣть надобность въ вооруженной силѣ, и это обѣщаніе...

— Цѣль моя такова, что мы должны стараться избѣжать этой надобности, во что-бы то ни стало. Только одинъ путь къ успѣху—это убѣдить туземцевъ въ очевидной выгодѣ для нихъ быть нашими союзниками, заставить ихъ свыкнуться съ тою мыслью, что ихъ денежныя интересы,—а они до нихъ крайне падки,—совершенно зависятъ отъ насъ; тогда они, кромѣ той помощи, которую окажутъ намъ, предложивъ въ наше распоряженіе свои рабочія руки, такъ усердно будутъ оберегать цѣлость нашихъ головъ, что намъ никакого вооруженнаго содѣйствія и не понадобится. Вотъ положеніе, въ которомъ мы должны находиться;

иначе и эта наша попытка подойдет подъ категорію всѣхъ прежнихъ, такъ-называемыхъ казенныхъ, окончившихся большимъ или меньшимъ фіаско.

Бурченко говорилъ рѣзко, съ какимъ-то озлобленіемъ. Ужь очень его взбудоражило это „вооруженное содѣйствіе“!

— Какъ хотите, батюшка, какъ хотите! развелъ руками Иванъ Иларіоновичъ, — я все уже предоставляю вамъ; съ моей-же стороны только полнѣйшая готовность содѣйствовать вамъ деньгами, и для начала...

Онъ поднялся со стула и направился было къ дверямъ.

— Вотъ тутъ подробный счетъ, что мнѣ надо на первый разъ, подай ему Бурченко сложенный листокъ бумаги.

— Прекрасно-съ!

Лопатинъ бѣгло просмотрѣлъ счетъ. „Ужъренно“, подумалъ онъ.

— А какъ скоро полагаете отъѣхать?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; я полагаю, дня черезъ три.

— Они тоже ѣдутъ вмѣстѣ съ вами? Господинъ Ледоколовъ, вы тоже?...

— Вмѣстѣ, произнесъ Бурченко.

— Если что-нибудь не задержитъ, почти одновременно произнесъ Ледоколовъ.

— Что-же можетъ задержать? — я полагаю, ничего задержать не можетъ.

Лопатинъ подозрительно взглянулъ на гостя.

Тотъ прислушивался къ чему-то, къ какому-то странному шелесту въ сосѣдней комнатѣ; Бурченко молча копался въ своемъ портфелѣ.

— Ну-съ, каково вамъ въ дорогѣ показалось? Вы еще въ первый разъ были въ такомъ продолжительномъ пути-съ? ни съ того, ни съ сего спросилъ Лопатинъ, а самъ подумалъ: „дай-ко я поразговорюсь съ нимъ: можетъ быть, еще и нѣтъ особенной опасности“.

— Благодарю васъ! Путешествіемъ своимъ я остался какъ нельзя болѣе доволенъ: оно было такъ интересно и разнообразно, благодаря его спутничеству (Ледоколовъ указалъ на своего товарища). Я видѣлъ такъ много новаго...

— Ну, это, впрочемъ, первая половина дороги, вмѣшался

Бурченко, — а вторая половина, та, я думаю, была еще интереснѣе.

— Что-же такъ-съ? спросилъ Лопатинъ и почувствовалъ себя какъ-то неловко.

— На пароходѣ я тоже встрѣтилъ, случайно, такое прекрасное общество: госпожа Брозе съ дочерью...

— Родственницы мои, очень близкія родственницы, перебилъ Иванъ Иларіоновичъ. — Такъ вы все время находились съ ними?

— Да, всю остальную дорогу.

Ледоколовъ чувствовалъ, какъ краска ударила ему въ лицо.

— Фридерика Казиміровна много говорила мнѣ объ васъ... и я съ своей стороны долженъ поблагодарить васъ за все, — да-съ, за все-съ...

Лопатинъ никакъ не могъ подобрать подходящее слово, за что это ему слѣдовало поблагодарить своего гостя.

„Ишь какъ покраснѣлъ, бестія, подумалъ онъ, пристально глядя ему въ глаза. — Э-эхъ нечисто, кажется, дѣло...“

— Madame Брозе женщина весьма достойная... окончательно смутился Ледоколовъ, и со злостью, которая слишкомъ ужъ замѣтна была въ каждомъ его движеніи, поднялся со стула.

— Ну-съ, такъ не будемъ напрасно отнимать у васъ времени, тоже поспѣшилъ подняться Бурченко.

— Мое почтеніе-съ... началъ-было Лопатинъ, но вдругъ вздрогнулъ и остановился.

— Они уходятъ! ясно послышался за дверями голосъ Адели.

— А дочка! такъ-же послышался умоляющій голосъ Фридерики Казиміровны.

„Здѣсь! да какимъ-же это образомъ? что-же это такое?“ пробѣгало у него въ головѣ.

Онъ совсѣмъ растерялся и не замѣтилъ протянутой къ нему руки Бурченко, которую тотъ, подержавъ минуту на воздухѣ, улыбувшись, спряталъ въ боковой карманъ. Онъ видѣлъ только Ледоколова, стремительно бросившагося къ дверямъ.

Движеніе это, впрочемъ, было весьма естественное: аудіенція кончилась, они попрощались и должны были уходить; другой двери изъ комнаты, гдѣ они сидѣли, не было...

— Иванъ Иларіоновичъ, мы вамъ не мѣшаемъ? кокетливо произнесла Адель, появившись въ отворенныхъ настежь дверяхъ.

За нею видѣлось полное, слегка смущенное лицо Фридерика Казиміровны и ея пухлая рука, бойко дѣлавшая Лопатину какіе-то знаки.

— Мы уже кончили, раскланялся Бурченко и хотѣлъ пройти мимо.

Адель, кошечкою, самую шаловливою, ласковою кошечкою, подбѣжала къ Лопатину и наивно принялась теревить борть его парусиннаго пальто.

— А мы въ саду гуляли, говорила она.—Мы прошли черезъ дворъ, оттуда въ маленькую калиточку, — тамъ есть такая маленькая-маленькая калиточка; я проскочила легко, а мама—ха-ха-ха—мама чуть-чуть не завязла.

— Какая ты болтушка, Ада! бормотала Фридерика Казиміровна.—Въ твои лѣта и такъ шалить!..

— Какъ въ мои лѣта? удивилась Адель.—Вѣдь ты-же говорила, что тебѣ тридцать пять; ты вышла замужъ двадцати—значить, мнѣ только... ха-ха-ха! Колокольчикомъ залилась Адель, сообразивъ результатъ своего вычисленія.

— Ребенокъ! тожно произнесла маменька.

— А мы видѣли васъ въ саду, обратилась Адель къ Бурченко; — ну, какъ вы доѣхали? Вы прежде насъ пріѣхали изъ Козалы? И охота вамъ была ѣхать въ этомъ цоганомъ экипажѣ—ахъ, какъ онъ надоѣлъ намъ! За то на пароходѣ какъ было весело!.. Здравствуйте, Ледоколовъ; мы васъ тоже видѣли... я даже вамъ махнула платкомъ. А вы посмотрѣли, постояли на терасѣ и ушли... Мы вѣдь съ вами уже три дня какъ не видались...

— И эти три долгіе дня... началъ-было Ледоколовъ, но Адель не дала ему кончить.

— Вы уже наговорились о дѣлахъ; мы такъ и думали, когда шли сюда. Вечеръ такой прекрасный! Мы будемъ пить чай всѣ вмѣстѣ, у насъ. Надѣюсь, что я имѣю на это право?

Она посмотрѣла черезъ плечо на Лопатина такимъ задорнымъ, вызывающимъ взглядомъ.

— Гм, гм... и прекрасно! впору спохватился Иванъ Иларіоновичъ,—послѣ сядемъ въ преферансъ или ералашъ. Васъ двое, а и Фридерика Казиміровна...

— Этотъ вечеръ у меня можетъ быть свободнымъ, равнодушно произнесъ Бурченко.

— Мнѣ такъ пріятно... согнулся по направленію къ Адели Ледоколовъ.

— Шалунья! наладила все одно и то-же Фридерика Казиміровна.

— Извините, я распоряжусь, какъ-то глухо произнесъ Лопатинъ, пошатнулся немного, поблѣднѣлъ и быстро вышелъ изъ комнаты.

— О, чтобъ его черти взяли! Чтобъ его тамъ, въ этихъ горахъ, первую глыбою придавило! чтобъ ему шею свернуть на первой кручѣ! причиталъ Иванъ Иларіоновичъ кому-то ему всякія благія пожеланія, допивая третій стаканъ водѣ со льдомъ.

„Скорѣе, скорѣе отправлять ихъ въ горы, подальше, куда-нибудь подальше! Ухъ!..“ вздохнулъ онъ наконецъ и сталъ натирать себѣ виски губкою, намоченною въ туалетный уксусъ.

— Барыня къ себѣ чай пить просятъ... Тамъ уже и гости, доложилъ паренъ въ поддевѣ.

— Къ дьяволу убирайся! захрипѣлъ Лопатинъ и закашлялся. — Скажи, что иду сейчасъ, добавилъ онъ нѣсколько покойнѣе, когда тотъ, изумленно вытаращивъ глаза, задомъ сталъ пятиться къ двери, не понимая, за что это такъ осерчалъ его, смиренный въ обыкновенное время, хозяинъ?

Общество расположилось на терасѣ „дамской половины“. Солнце садилось и густая синеватая тѣнь расплзлась по саду. Чай разливать взялась Фридерика Казиміровна, которая и заняла мѣсто за серебрянымъ самоваромъ.

— А вы сюда, поближе ко мнѣ, пригласила она малоросса, указавъ на ближайшій стулъ.— А дочка!

— Что, мама?..

— Поди сюда... Вы извините, если я на одинъ мигъ отниму у васъ собесѣдницу.

Ледоколовъ, къ которому относилась эта фраза, хотѣлъ что-то сказать, да должно быть раздумалъ.

— Ну, что тебѣ, мама?

Адель оживленно рассказывала что-то Ледоколову; она остановилась на полусловѣ и нехотя подошла къ матери.

— Нагнись сюда; хотя, господа, и не слѣдуетъ секретничать въ обществѣ, однако я позволю себѣ эту неловкость...

Фридерика Казиміровна принялась шептать дочери на ухо, показывая рукою то на столъ, то на ея костюмъ. Она этими жестами маскировала настоящее содержаніе рѣчи...

— Это негодится, горячилась она, — это совсѣмъ безтактно!.. Ты хоть при Иванѣ Иларіоновичѣ не очень-то съ нимъ того — понимаешь? Ты не знаешь Лопатина: онъ мягокъ, какъ воскъ, но если злоупотреблять этою мягкостью, то дѣло можетъ разыгратъ довольно неприятно и для насъ, да, пожалуй, и для него.

Адель прикусила губы.

— А вотъ я посмотрю, чѣмъ это можетъ кончиться! — и брови ея задвигались.

— Адочка, ангель мой! но благоразуміе, благоразуміе! перемѣнила мгновенно тонъ Фридерика Казиміровна. Она очень боялась этой скверной складочки надъ бровями.

— Я знаю, что дѣлаю! отчеканила Адель.

— Тысячу извиненій, что заставилъ себя ждать, развязно вошелъ на терасу Лопатинъ.

— Садитесь, важно показала ему на стулъ красавица.

Она входила въ роль „полновластной хозяйки этого гнѣздушка“.

— Самый крѣпкій и побольше сахару... видите, Иванъ Иларіоновичъ, я помню хорошо вашъ вкусъ! привѣтливо улыбалась Фридерика Казиміровна, протягивая Лопатину стаканъ чаю...

Адель молча пододвинула ему корзинку съ хлѣбомъ. Это большое вниманіе очень благотворно подѣйствовало на Лопатина, но только на одно мгновеніе: эта-же хорошенькая ручка подвинула корзинку и Бурченко, и Ледоколову; послѣднее даже сопровождалось улыбкою, не менѣе привѣтливой, какъ и улыбка мадамъ Брозе.

— ...Въ которомъ, вы говорите, году? неожиданно спросилъ Лопатинъ, рѣзко повернувшись къ Бурченко.

— Я ничего не говорилъ.

— Виновать, мнѣ слышалось...

Нѣсколько минутъ тянулось тяжелое, невыносимое молчаніе: всѣ

чувствовали себя как-то неловко. Даже Бурченко былъ вовсе недоволенъ этимъ чаепитіемъ на свѣжемъ воздухѣ: онъ досадовалъ на себя, что принялъ приглашеніе.

„Чортъ его знаетъ, еще взбѣсится совсѣмъ этотъ самодуръ... дѣло, пожалуй, расклеится“, думалъ онъ и подыскивалъ тему для разговора болѣе удобнаго, имѣющаго болѣе общій, умиротворяющій характеръ.

Ледоколовымъ овладѣло какое-то странное смущеніе; эта тяжелая, неуклюжая фигура Лопатина какъ-то давила его; этотъ упорный, стеклянный взглядъ, почти все время устремленный на него, начиналъ его сердить не на шутку; по временамъ онъ испытывалъ на себѣ то ощущеніе, которое долженъ-бы былъ испытывать человѣкъ, сознательно усѣвшійся въ партеръ на чужое кресло: а ну, какъ подойдутъ сейчасъ и скажутъ: „а позвольте, милостивый государь...“

Фридерика Казиміровна все еще продолжала улыбаться, но эта улыбка становилась все кислѣе и кислѣе... Она тоскливо смотрѣла на свое растянутое изображеніе въ самоварѣ; она боялась чего-то, и эта боязнь формулировалась такъ: а что если у ней отнимутъ вдругъ этотъ хорошенькій, такъ изящно выгнутый, на диво полированный серебряный самоваръ, — мало того, вдругъ скажутъ: а убирайся-ка, матушка, опять туда, откуда пріѣхала, коли не умѣла повліять на дочку, какъ слѣдовало“... „А какъ повліяешь на этого дьявола!“ рѣшила Фридерика Казиміровна и со злостью взглянула на „дьявола“, съ самою невинною миною прихлебывавшаго изъ маленькой китайской чашечки.

— Ахъ, какой ужасный случай былъ съ нами въ дорогѣ! начала Фридерика Казиміровна. — Представьте себѣ, Иванъ Иларіоновичъ... У насъ сломался дормезъ...

— Представляю, буркнулъ Лопатинъ.

Изъ этого тона Фридерика Казиміровна заключила, что ея рассказъ не доставляетъ особаго удовольствія, и отлавировала назадъ.

— Адочка, подвинь мнѣ стаканъ Ивана Иларіоновича: онъ, кажется, кончилъ.

— Нѣтъ, мама, ты налила ему первый, а этотъ я налью сама; посмотримъ, кто лучше... Вы будете безпристрастнымъ судьей, да?

— Я, Адель Александровна, какъ всегда... запутался Лопатинъ, а такъ-какъ ручка Адели, протянутая за стаканомъ, очутилась около него такъ близко, то удержаться и не поцѣловать ее было уже ему не подъ силу.

— Э-хмъ! поперхнулся Ледоколовъ глоткомъ горячаго чаю.

— Вѣдь это „родственный“, не болѣе, какъ „родственный“! утѣшалъ его втихомолку Бурченко.

Фридерика Казимировна бросила на свою дочь взглядъ, исполненный благодарности и признательности.

Стало быстро темнѣть. Зажгли большой китайскій фонарь, висѣвшій какъ-разъ надъ серединою стола. Прозрачная, разрисованная яркими арабесками бумага пропускала самый нѣжный, пріятный свѣтъ; и въ этихъ матовыхъ лучахъ дрогнули тысячи свѣтлыхъ точекъ, замелькали безчисленныя крылушки ночныхъ бабочекъ, налетавшихъ на огонь изъ окружающей тьмы, изъ всѣхъ уголковъ и закоулковъ обширнаго сада.

Адель разболталась одна за все молчаливое общество. Она доставила Лопатину еще два раза случай приложиться къ ея ручкѣ; она даже не отдернула сразу своей ноги, когда почувствовала подъ столомъ прикосновеніе мужского тяжелаго сапога. Положимъ, что она заподозрѣла въ этой неловкости своего vis-a-vis—Ледоколова—и подумала даже: „экій длинноногій!“ но вѣдь Иванъ Иларіоновичъ не могъ-же слышать то, что только подумалось, и почувствовалъ себя необыкновенно хорошо послѣ этого электризующаго прикосновенія.

Предполагаемый вистъ или преферансъ не состоялся: Адель прямо заявила, что не допустить „этой противной, скучной игры“, приличной только дождливому, сѣрому Петербургу.

— Ахъ, какъ хорошо!.. какъ темно!.. такъ вотъ и тянетъ туда, въ эту глушь!

Она стала на крайнюю ступеньку терасы и жадно смотрѣла въ этотъ густой мракъ южной лѣтней ночи.

— Я гулять хочу.—Ай!..

Летучая мышь черкнула въ воздухъ такъ близко, почти у самаго ея лица; въ сыррой, росистой травѣ слышался почти непрерывный тихій шелестъ.

Адель спустилась съ терасы. Ледоколовъ поспѣшилъ предло-

жить ей руку, но Адель не замѣтила этого предупредительнаго движенія и повисла уже на локтѣ Ивана Иларіоновича.

Фридерика Казиміровна поспѣшила овладѣть рукою Ледоколова, Бурченко пошоль „solo“.

„Что-то ужь онъ очень наклонился въ ней, говоритъ какъ-то эдакъ...“ волновался Ледоколовъ, глядя на едва обрисовывающуюся въ темнотѣ массивную спину Лопатина и болѣе замѣтное пятно—бѣлую кружевную косынку его дамы...

Онъ поддалъ ходу,—ему такъ хотѣлось уменьшить это разстояніе, образовавшееся между первою и второю парами.

— Ахъ, какъ, дѣйствительно, ночь прекрасна! вздыхала Фридерика Казиміровна, задерживая шагъ и этимъ осаживая порывы своего кавалера.

— Вотъ такъ полонезъ закатываемъ! выступалъ сзади Бурченко; шагая осмотрительно, дабы не наступить на этотъ безконечный шлейфъ госпожи Броне, загребаящій на ходу все, что только ни попадалось на садовой дорожкѣ.

XIV. XV.

.

XVI.

Гроза на горизонтѣ.

— Желтъ, какъ лимонъ, высохъ, какъ спичка, и смотреть гienною....

— Да, перемѣнился страшно. Эй, что-же салатъ? Вѣчно по цѣлому часу ждать приходится! вотлеть стынеть.

— Вчера я былъ у генерала; завтракали... онъ тоже былъ; то есть до такой степени раздражителенъ сталъ, что даже со стороны смотрѣть странно—шесть сигаръ исковеркалъ прежде, чѣмъ закурилъ одну. Въ вистъ сѣли, такъ генераль говоритъ: „ну нѣтъ, батенька, съ вами играть невозможно: вы, говорить, не въ своемъ...“ и это рукою на лобъ указалъ.

первое письмо, другого я не получалъ“. — Онъ хорошо помнилъ это, — онъ такъ сердился на *него* за медленность — и вотъ... Гм, такъ, значить, было еще первое письмо; это видно ясно, видно изъ содержанія того, что находилось у него въ рукахъ. Въ *томъ* письмѣ, должно быть, всѣ подробности — это тоже ясно, — иначе зачѣмъ-бы эти фразы: „какъ вамъ уже извѣстно... такъ-же, какъ и тотъ разъ“. Значить, онъ не получилъ этого *перваго* письма, значить, оно пропало... Куда-же оно могло пропасть? и какая непростительная неосторожность съ *его* стороны послать *это* письмо по почтѣ!..

Холодный потъ выступилъ на лбу Станислава Матвѣевича. Онъ даже вздрогнулъ и залпомъ выпилъ стаканъ воды съ какимъ-то сиропомъ.

— А что если *это первое* письмо не пропало, если оно теперь находится въ другихъ рукахъ?

У него въ глазахъ потемнѣло и онъ тяжело опустился на диванъ, поспѣшно разстегнувъ жилетъ и развязавъ, почти разорвавъ, бантъ бѣлаго галстука.

— Э, да вздоръ! все пустяки. Ну что-жъ такое? во-первыхъ, это письмо могло пропасть окончательно, не попадаясь вовсе ни въ чьи руки, и тогда... во-вторыхъ...

Маленькій приливъ бодрости такъ-же быстро исчезъ, какъ и появился.

— Во-вторыхъ... нѣтъ, этого „во-вторыхъ“ быть не можетъ! Это письмо — улика, страшная улика, отдающая его цѣликомъ въ руки... ухъ какія северныя, ненавистныя руки!

И вспомнилъ онъ, какъ подозрительно всѣ косились на него, какъ на приговореннаго, когда онъ заѣзжалъ въ ресторанъ. Они уже знали все. Да, это ясно. Сомнѣнія тутъ не могло быть никакого.

— Ну, что тебѣ надо, что?

Со злобою и страхомъ Перловичъ взглянулъ на Шарипа и даже попытался въ уголь, инстинктивно протягивая руку къ стулу.

Старикъ-сартъ стоялъ въ дверяхъ и молча, вопросительно глядѣлъ на своего господина.

— Тюра звалъ? произнесъ онъ наконецъ.

— Повѣрьте вы мнѣ, говорилъ внушительно докторъ (нашъ старый знакомый),— что въ немъ совѣсть шевельнулась: угрызение чувствуетъ, ужъ это вѣрно; всѣ признаки, и къ тому-же...

— Провидѣніе простираетъ свою десницу! изрекъ отецъ іерей Громоверхцевъ, которому, по его сану, и не подобало-бы заходить въ рестораны, но... „на сихъ отдаленныхъ окраинахъ, къ тому-же на единое мгновеніе, для пропущенія малаго стакана допелю и закушенія онаго бутеромъ“...

— Да-съ, провидѣніе! отпрыгнулъ отецъ іерей и потянулся въ уголь, гдѣ стояла его палица съ массивнымъ серебрянымъ наболдашникомъ, а на ней висѣла широкополая шляпа, покрытая тоже бѣлымъ чехломъ, какъ и форменныя офицерскія фуражки.

Дорогою Станиславъ Матвѣевичъ встрѣтилъ двухъ знакомыхъ офицеровъ, проѣзжавшихъ по городскимъ улицамъ своихъ новопріобрѣтенныхъ иноходцевъ. Проносясь по обѣимъ сторонамъ коляски Перловича, офицерѣ усердно раскланялись. Они, словно по командѣ, одновременно приподняли свои фуражки и вслѣдъ за этимъ такъ-же одновременно произнесли:

— Свинья!..

Ихъ уже очень обидѣло то обстоятельство, что Перловичъ даже и не замѣтилъ ихъ салюта. А какъ-же онъ могъ замѣтить это, когда все его вниманіе обращено было на листокъ почтовой бумаги, дрожавшій въ его худыхъ, цѣпкихъ пальцахъ.

Проѣхали улицы, выбрались изъ-подъ остатковъ триумфальной арки хмуровской архитектуры; сады по чимкентской дорогѣ остались сзади. Коляска въѣхала въ ворота дачи и остановилась передъ подъѣздомъ.

Перловичъ все читалъ или, по крайней мѣрѣ, казалось, что читалъ, не замѣчая и остановки экипажа, и намекающее покашливаніе кучера, и вопросительную позу его стараго Шарипа, распахнушаго входную дверь на ея обѣ рѣзныя половинки.

— А! словно проснулся Станиславъ Матвѣевичъ, встряхнулъ головою, потеръ рукою виски и полѣзъ изъ экипажа.

„Въ первомъ моемъ письмѣ я увѣдомилъ васъ...“ вотъ фраза письма, невыходившая у него изъ головы, притянувшая къ себѣ все его вниманіе.

„Въ первомъ письмѣ?.. думалъ онъ, — но вѣдь это и есть

тяжелое дыханіе; красный, покрытый пѣною языкъ, бѣлыя, острые клыки мелькнули такъ близко... Сильно, учащенно колотится сердчишко несчастнаго звѣрка... Онъ весь замеръ: ни одна шерстинка не тронется, даже косые глаза прикрыты и чуть-чуть дергаются вѣки въ смертельномъ, безъисходномъ ужасѣ...

Сопящій, фырчающій носъ раздвигаетъ желтые листья—последнюю преграду.

Вотъ въ такомъ точно или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно близкомъ къ этому положеніи чувствовалъ себя Станиславъ Матвѣвичъ, только съ тою разницею, что хлопанье арапника, фырканье коня, собачьи хвосты и языки,—все это было пока только въ одномъ его воображеніи.

„Развѣ бѣжать?“ какъ и заяцъ подь кустомъ, подумалъ Станиславъ Матвѣвичъ, „но куда?—къ этимъ дикарямъ, въ Бухару, въ Хиву, что-ли? это—та-же смерть, та-же гибель; назадъ въ Россію? А какъ?—черезъ всю эту степь, черезъ рядъ фортовъ и вѣрностей, въ каждой изъ которыхъ его могутъ захватить, скрутить и тогда все пропало? А это все? развѣ это унесешь съ собою?“

Онъ съ невыразимою тоскою поглядѣлъ кругомъ.

Прямо передъ нимъ, въ простѣннѣ между двумя глубокими нишами, плотно, словно прилипши къ плитному полу, стоялъ металлическій несгораемый шкапъ; этотъ шкапъ присланъ былъ ему еще въ прошедшемъ году,—и тогда уже было что въ него прятать, а теперь... А это, что на дворахъ, въ его караванъ-сараяхъ, на пути, въ караванныхъ вьюбахъ, на рынкахъ Кокана и Бухары, наконецъ въ его грандіозныхъ проектахъ, въ одномъ воображеніи его воспламененнаго мозга?.. Все это придется бросить и спасать... что-же?—одну только разбитую, исковерканную жизнь! А, вотъ оно что! значитъ поздно, значитъ все кончено!..

На дворѣ послышался торопливый топотъ коня и звяканье оружія: два казака показались въ отворенныхъ воротахъ; за плечами торчатъ стволы винтовокъ, шашка путается и мѣшаетъ слѣзть съ лошади. Бѣлый четверугольникъ сложенной бумаги затиснуть подъ ременную портупею. Казакъ идетъ сюда, онъ ступилъ на крыльцо. Эвъ какъ звякаютъ шпоры по его ступенямъ! Кто-то пробѣжалъ за стѣною, портьера колышется.

— Къ вашему высокородію! реветъ медвѣжьей голосъ. Какая-

то горилла загородила треугольный просвѣтъ распахнувшейся драпировки.

— Что такое?.. зачѣмъ-же это?.. я и самъ могу... Здравствуй, голубчикъ! самъ не понимая что, несвязно произнесъ Перловичъ и взялъ машинально протянутую ему бумагу.

Больше онъ ничего не слышалъ и не видѣлъ.

— Директоръ, говорилъ своему товарищу казакъ, садясь на лошадь, — взялъ это онъ „повѣстку“, поглядѣвъ, губами что-то пошамкавъ да какъ хлопнется на бокъ, — благо еще у него на полуто мягко — вершка на полтора ковровъ настлано.

— Можетъ, хмѣленъ былъ?

— Нѣтъ, посуды около не видать было. Такъ на водку и не получилъ ничего, а надо-бы. Да ну, не вертись, „поштрели-тѣ пузо“ *)! вытянулъ онъ нагайкой своего чубараго.

А между тѣмъ содержаніе бумаги, полученной Станиславомъ Матвѣвичемъ было самаго невиннаго свойства. Печатный бланкъ со вставнымъ только именемъ и даже за номеромъ, приглашалъ пожаловать на балъ, имѣющій быть такого-то числа, у его превосходительства, и проч., и проч. Въ концѣ-же значилось предувѣдомленіе, что господамъ военнымъ нужно быть въ мундирахъ, а неслужащимъ и купечеству не иначе, какъ во фракахъ; пояснено было даже, что туземные именитые жители, получившіе это приглашеніе, избавлены отъ необходимости надѣвать фракъ, а могутъ явиться въ своихъ парчевыхъ, шелковыхъ, бархатныхъ и всякихъ другихъ халатахъ.

Затѣмъ добавлялось, что балъ этотъ имѣетъ между прочимъ цѣлью сліяніе національностей, побѣдителей и побѣжденныхъ, а посему первые приглашались по-возможности способствовать достиженію этой благой цѣли, занимая туземныхъ гостей и объясняя имъ главнѣйшіе преимущества цивилизованной общественной жизни передъ ихъ полудикимъ, варварскимъ бытомъ.

*) Характерная брань уральскихъ казаковъ.

Послѣднее добавленіе принадлежало соединеннымъ перьямъ офицеровъ мѣстнаго генеральнаго штаба и явилось результатомъ двухъ ночей усиленной умственной дѣятельности.

Бумага эта не то что была-бы запечатана, а такъ, подежена немножко, только чтобы не развертывалась. Такъ, по крайней мѣрѣ, самъ себя увѣрялъ докторъ, приводившій Перловича въ чувство и неутерпѣвшій, чтобы не освѣдомиться насчетъ содержанія этого „пакетца“.

Потомъ докторъ весьма досадовалъ на себя, какъ это онъ сразу, по одному наружному виду, не узналъ, въ чемъ дѣло? Вѣдь и самъ онъ, да и не одинъ онъ, еще съ утра получилъ подобную-же повѣстку.

И помусоливъ языкомъ окраину листка, онъ успѣшилъ привести пакетъ въ его первобытное состояніе.

Н. Карзинъ.

(Продолженіе будетъ.)

ЗАБОТЫ ОБЩЕСТВА О СУДЬБѢ МАЛОЛѢТНИХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

(Raube Haus въ Германіи, Ваechtelen въ Швейцаріи и земледѣльческая колонія и ремесленный пріютъ близъ Петербурга.)

Каждое правильно организованное общество обязано прилагать свои заботы о воспитаніи дѣтей, будущихъ работниковъ на пользу этого общества. Конечно, родители представляютъ собою естественныхъ и первоначальныхъ воспитателей своихъ дѣтей; но бывають случаи, когда родители не могутъ выполнить своей прямой обязанности. Иногда родители умирають, оставляя малолѣтнихъ сиротъ; случается, что родители бросаютъ дѣтей на произволъ судьбы или принадлежать къ категоріи нравственно испорченныхъ, слѣдовательно могутъ привить свои недостатки воспитываемымъ дѣтямъ, могутъ оказать на нихъ разлагающее вліяніе. Въ подобныхъ случаяхъ участіе общества къ дѣтямъ становится безусловно необходимымъ, и для того, чтобъ эти несчастныя дѣти не погибли окончательно, не сдѣлались обществу въ тягость и даже во вредъ, общество обязано устраивать такія учебныя заведенія, въ которыхъ эти дѣти получали-бы нравственно-соціальное здоровое направленіе. Такимъ-же участіемъ общества по справе дивности должны пользоваться и дѣти, совершившія проступки, за которыя, по существующимъ кодексамъ, ихъ подвергаютъ уголовнымъ наказаніямъ, что современная наука давно уже признала и несправедливымъ, и недостигающимъ цѣли, къ которой стремятся юристы въ видахъ будто-бы исправленія испорченнаго субъекта. Сами-же юристы, горячо защищающіе свои теоріи, признаются, что при

«Дѣло», № 7.

разслѣдованіи проступковъ малолѣтнихъ почти нѣтъ возможности опредѣлить побужденія, вызвавшія проступковъ. Они-же признаютъ, что едва-ли возможно допустить въ ребенкѣ присутствіе злой воли, заранѣе обдуманнаго плана и сознанія того, что совершаемое имъ дѣяніе относится къ разряду преступленій. Они сознаются, что карать несчастныхъ дѣтей только въ силу того принципа, что за преступленіемъ неизбѣжно должно слѣдовать наказаніе, крайне несправедливо. Такихъ дѣтей должно брать на свое попеченіе общество и помѣщать ихъ въ особо устроенныя для этой цѣли воспитательныя заведенія.

Предупредить возможность нравственной порчи ребенка, оставшагося безъ добраго вліянія, перевоспитать и направить его къ добру въ томъ случаѣ, когда въ немъ есть порочныя наклонности, приучить его къ разумному и полезному труду, — въ этомъ состоитъ задача такихъ заведеній. Тѣ карательныя мѣры, которыя примѣнялись до сихъ поръ къ провинившимся дѣтямъ, какъ показано уже, не только не достигали цѣли исправленія, но, что еще хуже, служили какъ-бы средствомъ къ совершенной нравственной испорченности дѣтей. Два ужасные вида уголовныхъ наказаній — смертная казнь и каторжная работа — прежде если и примѣнялись къ дѣтямъ, то въ исключительныхъ случаяхъ; теперь-же въ кодексахъ цивилизованныхъ націй они исключены изъ наказаній, примѣняемыхъ къ дѣтямъ. Но даже и теперь въ нѣкоторыхъ странахъ дѣтей присуждаютъ къ ссылкѣ въ отдаленныя мѣстности, нуждающіяся въ рабочихъ, съ цѣлью приучить юныхъ переселенцевъ къ труду. Странно, кажется, доказывать, что такое наказаніе крайне жестоко и несправедливо, но, несмотря на очевидность этого, криминалисты продолжаютъ стоять за этотъ родъ наказанія для обвиненныхъ дѣтей. Рѣзкая переиѣна въ климатѣ и въ образѣ жизни, тоска по родинѣ губятъ множество несчастныхъ дѣтей въ первые-же мѣсяцы ихъ переселенія. Это всѣмъ извѣстно, а между тѣмъ суровое наказаніе постоянно примѣняется и, напримѣръ, Англія ежегодно ссылаетъ сотни дѣтей въ Австралію и Канаду. Какъ англійское правительство, такъ и многочисленныя благотворительныя общества и частныя лица усердно заботятся о переселеніи дѣтей, остающихся безъ пристанища, а также обвиненныхъ судомъ за преступленія. Вѣроятно, этому обстоятельству слѣдуетъ приписать, что исправительныя

заведенія для дѣтей въ Англіи стоятъ много ниже подобныхъ-же учрежденій, существующихъ для этой цѣли въ Швейцаріи, Франціи и Германіи.

Не менѣе суровая мѣра наказанія, примѣняемая къ осужденнымъ дѣтямъ,—тюремное заключеніе. Вредъ одиночнаго заключенія для ребенка, которому онъ можетъ подвергаться въ тюрьмѣ, нечего и доказывать: одиночное заключеніе въ большинствѣ случаевъ доводитъ ребенка до сѣумасшествія или идиотизма. Точно также и помѣщеніе въ одной общей тюрьмѣ многихъ и въ разной степени испорченныхъ дѣтей приносить огромнѣйшій вредъ: дѣти завмствуютъ дурное одинъ отъ другого и не только не исправляются, но портятся. Но вредъ скопленія дѣтей въ одной тюрьмѣ еще ничтоженъ въ сравненіи съ тою порчею, которой подвергаются они въ случаѣ совмѣстнаго помѣщенія ихъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ со взрослыми преступниками. Конечнымъ слѣдствіемъ такого помѣщенія бываетъ совершенная гибель дѣтей, которыя выходятъ изъ тюрьмы вполне сформировавшимися негодьями.

Отвергнутое для взрослыхъ тѣлесное наказаніе во многихъ мѣстахъ довольно усердно примѣняется къ осужденнымъ несовершеннолѣтнимъ и, къ великой скорби людей, любящихъ дѣтей, является чуть-ли не единственною мѣрою, рекомендуемою для искорененія порока. Современная наука давно уже доказала пагубность этой мѣры и мы съ удовольствіемъ заносимъ тотъ фактъ, что розги навсегда изгнаны изъ ряда наказаній, употребляемыхъ въ нашей петербургской земледѣльческой колоніи и ремесленномъ пріютѣ. Къ сожалѣнію, въ домахъ спасенія и исправленія дѣтей въ Германіи, Швейцаріи, а въ особенности въ исправительныхъ заведеніяхъ Англіи употребленіе розогъ, хотя и не частое, до сихъ поръ еще практикуется.

Разъ общество убѣдилось во вредѣ и безцѣльности уголовныхъ наказаній для дѣтей, оно, путемъ логическихъ умозаключеній, пришло къ сознанію важности и необходимости распространенія такихъ учрежденій, которыя, задаваясь цѣлью дѣйствительнаго исправленія малолѣтнихъ помощью труда и воспитанія, въ то-же время были-бы чужды тѣхъ мѣръ и наказаній, которыя имѣютъ приложеніе въ тюрьмахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ карательнаго свойства.

При этомъ естественно явился вопросъ о возрастѣ, въ которомъ дѣти могутъ приниматься въ воспитательныя заведенія, устроенныя для предупрежденія порчи малолѣтнихъ и для исправленія порочныхъ дѣтей. Низшей нормой былъ признанъ восьми-лѣтній возрастъ, на томъ основаніи, что дѣти моложе восьми лѣтъ нигдѣ не подвергаются officialному наказанію, а также и потому, что съ 8 лѣтъ дѣти вступаютъ въ тотъ періодъ жизни, когда мелкое самолюбіе, претензія на самостоятельность и желаніе порисоваться побуждаютъ ихъ къ выходкамъ своенравнымъ и рѣзкимъ; желаніе обладать, хотя-бы на минуту, заманчивымъ предметомъ, часто вызываетъ воровство; въ это время вліаніе учрежденій для исправленія дѣтей является существеннымъ. Достигнувъ 10-лѣтняго возраста, дѣти переходятъ въ новый періодъ и до 16 лѣтъ испытываютъ огромные перевороты въ своей физической и духовной жизни. Вступая въ сопрیکосновеніе съ жизнью общества, они, изъ желанія подражать взрослымъ, въ это время легко увлекаются; бѣдность и нищета побуждаютъ ихъ нерѣдко къ воровству. Съ одной стороны, малое требованіе и спросъ на трудъ рабочихъ въ этомъ возрастѣ и недостаточный заработокъ, съ другой — желаніе тянуться за болѣе богатыми, — вотъ импульсы, по большей части, вызывающіе дѣтей на воровство — поступокъ, который подъ вліаніемъ дурныхъ примѣровъ прививается къ ихъ воспріимчивой натурѣ.

Въ большинство домовъ спасенія и исправленія малолѣтнихъ принимаются дѣти, имѣющія не менѣе 8 и не болѣе 15 лѣтъ.

Сознаніе необходимости учрежденій, въ которыхъ порочныя дѣти могли-бы нравственно переродиться, укрѣпляется еще болѣе при знакомствѣ съ слѣдующими данными: въ Англіи и Франціи около $\frac{1}{9}$ доли всего числа малолѣтнихъ преступниковъ составляютъ дѣти такихъ родителей, которые сами совершали преступления и преслѣдовались закономъ; $\frac{7}{10}$ этого числа составляютъ дѣти — бездомные горемыки, брошенные родителями, и $\frac{2}{10}$ такихъ, матери коихъ были нищими, бродягами и публичными женщинами. Въ отношеніи воспитанія, цифра совершенно невоспитанныхъ, необученныхъ и незнающихъ никакого ремесла дѣтей еще огромнѣе; такихъ несчастныхъ двѣ трети всего числа малолѣтнихъ преступниковъ. Въ Пруссіи присужденныхъ къ тюремному

заключенію дѣтей, недостигшихъ 16-ти лѣтнаго возраста, какъ свидѣтельствуеть Митермайеръ, бываетъ отъ 5 до 6 тысячъ *).

I.

Наша литература еще очень бѣдна сочиненіями по вопросу объ исправленіи малолѣтнихъ; это обстоятельство послужитъ оправданіемъ моей попыткѣ—описаніемъ нѣкоторыхъ учрежденій для исправленія и призрѣнія дѣтей принести посильную пользу дѣлу, совершенно новому у насъ.

Въ концѣ 1871 года мнѣ удалось познакомиться съ порядками, существующими въ двухъ извѣстныхъ заведеніяхъ для призрѣнія дѣтей въ Германіи и Швейцаріи. Исправительно-воспитательныя заведенія „Rauhe Haus“ близъ Гамбурга и „Baechtelen“ близъерна, какъ по своему давнишнему существованію, такъ и по успѣшному веденію дѣла, дѣйствительно могутъ представить большой интересъ въ особенности для насъ, русскихъ, только недавно принявшихъ за устройство колоній для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Только 15-го января 1870 года официальнымъ утвержденіемъ устава „Общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ“, мысль о призрѣніи и исправленіи порочныхъ дѣтей осуществилась у насъ въ Петербургѣ; немного времени спустя послѣдовало открытіе первой петербургской земледѣльческой колоніи и пріюта.

Генриху Песталоцци (1746 — 1827) приписываютъ первоначальную мысль о призрѣніи и перевоспитаніи сиротъ и дѣтей, брошенныхъ родителями. Начиная съ 1783 года, государства западной Европы и Америки начали устраивать у себя воспитательныя заведенія и колоніи съ тою цѣлью, чтобы, путемъ пріученія къ труду и воспитанія, готовить дѣтей къ честной, самостоятельной и трудовой жизни.

Какъ германскій Rauhe-Haus, такъ и Baechtelen въ Швейцаріи созданы по инициативѣ и существуютъ на средства частныхъ лицъ и обществъ, но не правительства. Ближайшую цѣль обоихъ заведеній составляютъ: спасеніе и предупрежденіе возмож-

*) Beiträge zur gerechten Beurtheilung der Zurechnungsfähigkeit jugendlicher Uebertreter. 5. 2.

ной нравственной порчи дѣтей, лишенныхъ родителей, и такихъ дѣтей, родители которыхъ своею нравственною испорченностью оказываютъ на нихъ вредное вліяніе. Это условіе однако не исключаетъ возможности принятія подъ кровъ заведенія дѣтей, которыя, въ свою очередь, не поддались доброму вліянію родителей и оказываются вредными для дѣтей всей общины. Исправленіе такихъ дѣтей значительно облегчается помѣщеніемъ ихъ въ специально для того назначеннаго заведенія, гдѣ дѣти, поступивъ подъ строгій контроль и безотлучное наблюденіе воспитателей, подъ вліяніемъ занятій, мало-по-малу перевоспитываются въ хорошую сторону. При приемѣ такъ-называемыхъ преступныхъ дѣтей, лицамъ, рѣшающимъ принять или не принять ребенка, рекомендуется быть очень осмотрительными, чтобъ отличить дѣйствительно испорченнаго ребенка отъ совершенно здороваго, котораго родители и воспитатели стараются сбыть съ рукъ, рекомендуя его неисправнымъ домашними мѣрами, и, такимъ образомъ, сознательно лгутъ на ребенка.

Что касается такъ-называемыхъ малолѣтнихъ преступниковъ, осужденныхъ закономъ, то очень немногіе изъ нихъ поступаютъ въ Rauhe Haus; это заведеніе принимаетъ ихъ къ себѣ съ большимъ разборомъ: оно беретъ только такихъ, которые, по нравственнымъ задаткамъ и развитію, даютъ надежду на перевоспитаніе. Во время моего пребыванія въ Rauhe-Haus такихъ дѣтей было всего двое. Такимъ образомъ, дѣти съ различными задатками и воспитаніемъ, собранныя въ этомъ исправительномъ заведеніи, неустанно работаютъ, учатся и перевоспитываются. Всего, что только можетъ напомнить ребенку о его прошедшемъ, тщательно избѣгаютъ въ заведеніи; ни одинъ изъ воспитателей, зная біографію ребенка и наблюдая за искорененіемъ тѣхъ недостатковъ, которые привели его сюда, никогда не напоминаетъ ему о нихъ и не показываетъ вида, что ему извѣстно его прошлое. Ребенокъ, занятый почти цѣлый день и невыходящій изъ-подъ зоркаго наблюденія воспитателя ни днемъ ни ночью, мало-по-малу отвываетъ отъ дурныхъ привычекъ и окончательно обновляется.

Обратимся теперь къ описанію обоихъ вышеупомянутыхъ воспитательно-исправительныхъ учрежденій.

Rauhe Haus находится въ предмѣстьи Горня, около города Гамбурга, въ разстояніи часа ходьбы отъ города. Въ 1833 г.

д-ръ Вихернъ, предпочитая скромную долю воспитателя и исправителя порочныхъ дѣтей положенію пастора, со всею энергіею и твердою волею принялся за проповѣдываніе необходимости устройства домовъ спасенія для малолѣтнихъ. Въ Гамбургѣ его воззваніе, произнесенное съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и убѣдительною, было встрѣчено въ богатомъ классѣ общества съ большимъ равнодушіемъ; такого-же успѣха добился Вихернъ и въ другихъ городахъ. Уже онъ терялъ надежду на осуществленіе своей задушевной идеи, за которую боролся, какъ нѣкто Зивекингъ предложилъ Вихерну свой небольшой домикъ, долго уже стоявшій пустынь. Нечего и говорить, что Вихернъ тотчасъ-же воспользовался этимъ предложеніемъ; въ несчастныхъ дѣтяхъ также не пришлось нуждаться — и доброму дѣлу было положено начало. Сперва Вихернъ одинъ занимался съ дѣтьми, но когда число ихъ стало увеличиваться, явилась потребность въ помощникахъ. Тутъ вопросъ значительно усложнился. На наемъ людей, положимъ, и можно было найти средства, такъ-какъ богатый городъ Гамбургъ охотно давалъ ихъ, понявъ, наконецъ, пользу дѣла, затѣяннаго Вихерномъ. Затрудненіе было не въ деньгахъ, а въ томъ, что трудно было найти людей, подготовленныхъ къ такому дѣлу. Какъ въ первомъ трудномъ положеніи, такъ и въ настоящемъ случаѣ Вихерну помогли ремесленники. Изъ ихъ среди явилось къ Вихерну нѣсколько молодыхъ людей и предложило свои услуги. Они стали учиться своему дѣлу подъ руководствомъ Вихерна; они составили изъ себя подготовительный учительскій классъ; этимъ было положено начало братству или институту братьевъ. Съ этихъ поръ воспитатели входили въ составъ братства и назывались братьями. Успѣхъ дѣла привлекъ участіе общества, которое стало давать заведенію матеріальныя средства. Разсылка братствомъ миссіонеровъ по Германіи, а затѣмъ и въ другія земли, популяризировала вездѣ заведеніе. Все это дало возможность Вихерну довести свое воспитательно-исправительное заведеніе до настоящаго его положенія, и оно теперь считается образцовымъ между подобными учрежденіями въ Германіи. Въ настоящее время Rauhe Haus'у принадлежитъ до 20 большихъ и маленькихъ домовъ, расположенныхъ на пространствѣ болѣе 50 моргеновъ земли. Какъ мы упомянули, Rauhe-Haus не есть учрежденіе, специально назначенное для исправленія

малолѣтнихъ преступниковъ, осужденныхъ закономъ. Сюда поступаютъ дѣти, по большей части, прямо отъ родителей; они совершенно свободны и могутъ выйти изъ заведенія во всякое время. Число малолѣтнихъ преступниковъ, во все время существованія заведенія, было весьма ограниченное.

Между воспитанниками этого исправительнаго заведенія находится немалое число сиротъ, безпріютныхъ дѣтей, покинутыхъ родителями или имѣющихъ такихъ отцовъ и матерей, которые своимъ вліяніемъ могутъ только погубить несчастныхъ и приготовить изъ нихъ такихъ-же будущихъ воровъ, пьяницъ и преступниковъ, какъ они сами. Нерѣдко приводятъ сюда дѣтей, признаваемыхъ родителями или обществами несправивыми лгунами, мелкими ворюшками, вышедшими изъ повиненія и даже поднявшихъ руку на родителей. Принимаются также дѣти, переводимыя изъ тюремъ для малолѣтнихъ, которыя признаются мало испорченными.

Такимъ образомъ, Rauhe-Haus является домою спасенія тѣхъ несчастныхъ дѣтей, которыя могли-бы безвозвратно пропасть для общества. Здѣсь, при помощи труда и обученія, смягчаются характеры порочныхъ дѣтей, искореняются дурныя привычки, или уже усвоенныя. Эта задача дополняется сообщеніемъ дѣтямъ извѣстныхъ знаній, пріученіемъ ихъ къ ремесленному труду и полевымъ работамъ.

Rauhe-Haus состоитъ: 1) изъ собственно ремесленной исправительной школы, 2) братства, 3) пансіона и 4) такихъ заведеній, которыя, существуя на отдѣльныя матеріальныя средства, приносятъ извѣстную прибыль школѣ.

Въ этомъ исправительномъ заведеніи въ 1871 г. было 100 дѣтей; изъ нихъ 60 мальчиковъ и 40 дѣвочекъ. По 1-е января 1869 года было принято 690 дѣтей: 504 мальчика и 186 дѣвочекъ. Ежегодно выпускается изъ заведенія и принимается на открывшіяся ваканціи не менѣе 20 дѣтей.

Пожертвованія разныхъ лицъ и обществъ дали возможность устроить новыя помѣщенія и все необходимое для пріема и содержанія еще большаго числа воспитанниковъ. Такъ, по послѣднимъ свѣденіямъ, это исправительное заведеніе можетъ вмѣстить 70 мальчиковъ, 35 дѣвочекъ и до 30 человекъ пансіонеровъ. Вообще-же дѣвочекъ приходилось принимать сверхъ комплекта,

вслѣдствіе огромнаго числа ежегодныхъ заявленій о приѣмѣ ихъ въ заведеніе, а это обстоятельство не позволило ограничивать комплектомъ число мальчиковъ.

По правиламъ заведенія, дѣти принимаются не моложе 8-ми лѣтъ и остаются въ немъ отъ 4-хъ до 5-ти лѣтъ. Это правило, однако, не мѣшаетъ держать дѣтей и до 15-ти-лѣтняго возраста, когда они, послѣ перваго причащенія (конфирмаціи), стараніями директора и лицъ, покровительствующихъ учрежденію, не будутъ помѣщены на мѣста или возвращены родителямъ. Въ основѣ учрежденія исправительнаго заведенія лежитъ цѣль уподобить, по возможности, обстановку и образъ жизни дѣтей въ заведеніи той обстановкѣ, къ которой они привыкли въ родномъ домѣ. Здѣсь нѣтъ спаленъ для многихъ дѣтей, нѣтъ классовъ, вмѣщающихъ большое число учениковъ, нѣтъ той таеь-сказать казенщины, которою отличаются школы, устроенныя на большое число учащихся. Дѣти раздѣлены на отдѣльныя семейства, по 12 человекъ въ каждомъ. Каждая семья живетъ въ отдѣльномъ домикѣ; тамъ-же дѣти и спятъ, и принимаютъ пищу, тамъ-же и проводятъ свободное время. Семейство находится подъ надзоромъ брата или сестры, т. е. воспитателей. Кромѣ того, при каждомъ братѣ-воспитателѣ, какъ его помощникъ, находится молодой человекъ — будущій воспитатель, кандидатъ. Братъ-воспитатель есть какъ-бы отецъ и глава порученной ему семьи: онъ и совѣтникъ, и воспитатель, и учитель, и товарищъ. Каждая семья имѣетъ свой отдѣльный бюджетъ прихода и расхода, существуя на средства жертвователей. Кухня одна на всю школу, для всѣхъ семействъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, а также и для кандидатовъ. Братья продовольствуются изъ той-же кухни, но получаютъ нѣсколько большія порціи. Пищу готовятъ женщины, получающія опредѣленную плату, при чемъ дѣвочки-воспитанницы помогаютъ имъ. Въ кухнѣ царствуетъ необыкновенная чистота и опрятность. Вокругъ всей плиты проведена труба, изъ которой въ каждый котелъ впускается вода.

Въ часы рекреаціи дѣти рѣзвятся и играютъ на лужайкахъ передъ домомъ каждаго семейства, подъ наблюденіемъ брата-воспитателя или смѣняющаго его кандидата. Огромную долю удовольствія и пользы приносятъ дѣтямъ кусочки земли близъ до-

микозъ, отданные въ ихъ распоряженіе: тутъ они устраиваютъ грядки, разводятъ овощи и цвѣты.

Въ играхъ дѣтей замѣтно преобладаютъ такія, которыя способствуютъ развитію физической силы; забавы эти часто сопровождаются пѣніемъ.

Ежедневно изъ каждой семьи часть дѣтей отправляется для занятій въ ремесленные мастерскія, остальные идутъ въ классы или занимаются въ полѣ и въ саду. Классовъ четыре для всѣхъ семействъ; счетъ ведется съ младшаго, четвертаго. Занятія въ классахъ начинаются въ 6 часовъ утра. Во всѣхъ четырехъ классахъ законъ божій преподается три раза въ недѣлю, арифметика тоже три раза, чтеніе и толкованіе евангелія одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ, пѣнію въ каждомъ классѣ обучаютъ отдѣльно два раза въ недѣлю, кромѣ того два раза въ недѣлю всѣ дѣти сходятся для обученія общему, хоровому пѣнію свѣтскихъ и церковныхъ мотивовъ. Въ I и II классахъ преподаютъ географію два раза въ недѣлю, исторію — три раза, ботанику, зоологію, физику и минералогію два раза, остальное время идетъ на изученіе родного языка, чтеніе, грамматику и письмо, рисованіе и черченіе. Въ низшихъ, III и IV, классахъ, кромѣ арифметики, дѣтей обучаютъ чтенію и письму по-нѣмецки.

Таково приблизительное распредѣленіе учебныхъ занятій въ школѣ для мальчиковъ; при чемъ, какъ видно, на изученіе языковъ французскаго и англійскаго не удѣляется ни одного часа; для дѣвочекъ, обучающихся отдѣльно подъ руководствомъ сестеръ, а по нѣкоторымъ предметамъ — братьевъ, существуетъ слѣдующее распредѣленіе занятій: по вторникамъ, пятницамъ и субботамъ читается ветхій завѣтъ, по вторникамъ-же и пятницамъ — общее пѣніе, по средамъ — географія и, одинъ разъ, средняя исторія; затѣмъ по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ — элементарное чтеніе, письмо нѣмецкаго языка и первыя свѣденія по счисленію. Далѣе по средамъ и четвергамъ занятія по нѣмецкому языку, затѣмъ нѣкоторымъ дѣвочкамъ сообщаются поверхностныя свѣденія по естественной исторіи. Объемъ проходимыхъ предметовъ преподаванія припоровленъ къ программѣ, существующей въ каждой хорошо устроенной народной школѣ. Весь понедѣльный занятъ мытьемъ бѣлья для мальчиковъ и дѣвочекъ, воспитывающихся въ исправительномъ заведеніи. Кромѣ того дѣвочки зани-

маются чисткою картофеля и приготовленіемъ пищи на кухнѣ. Лѣтомъ стирка бѣлья производится на вольномъ воздухѣ; въ холодное-же время—въ большомъ помѣщеніи прачечной, гдѣ и находится все необходимое для мытья: котель, печь и двѣ ручныя машины для выжиманія бѣлья. Возлѣ находится сушильня и гладильня. Въ свободное время дѣвочекъ учатъ шитью, кройкѣ, вязанью и вышиванью. Въ 1871 году дѣвочки сшили 89 рубашекъ, 156 полотенецъ, 18 простынь, 16 скатертей, 96 платьевъ, 23 юбки, 20 жилетовъ, 146 передниковъ, 550 платковъ и кофты; связали 340 чулокъ и исполнили до 9,414 работъ починки платьевъ и др. Кромѣ работъ для потребностей самого заведенія исполняются еще и частныя заказы.

Занятія въ полѣ и огородничество составляютъ наиболѣе любимыя дѣтьми работы. Съ ранняго утра расходятся они по своимъ участкамъ, гдѣ, при личномъ участіи братьевъ, исполняются всѣ работы по воздѣлыванію земли, сбору хлѣба, молотбѣ и т. д. Своевременно дѣлается сборъ картофеля и другихъ овощей, заготавливаемыхъ на потребности самого заведенія; излишекъ продается. Муки получается все-таки, сравнительно съ потребностью, мало, и потому приходится прикупать; печеніемъ хлѣба занимается одинъ изъ братьевъ, имѣя трехъ мальчиковъ, какъ помощниковъ. Чтобъ показать, въ какой степени заведеніе обезпечено продуктами, собираемыми съ полей и огородовъ исправительнаго заведенія, приведемъ слѣдующія цифры домашняго хозяйства за послѣдніе года. Заведенію принадлежали: 9 коровъ, 2 лошади, 25 свиней, 26 куръ и 8 утокъ. Получено 16,273 кружки молока, 820 яицъ; зарѣзано 12 свиней, 3 утки, 8 куръ и 1 теленокъ; снято съ полей 35 тысячъ фунтовъ соломы и 50 тысячъ фунтовъ сѣна, 33 мѣшка ржи, 40 мѣшковъ овса, 345—картофеля, до 400 мѣшковъ рѣпы и моркови, затѣмъ до 1,000 мѣшковъ гороху, зелени, салату и т. д. Все это количество продуктовъ частью уничтожается въ самомъ заведеніи, частью-же продается или вымѣнивается у сосѣдей-поселянъ на другіе продукты.

Обученіе ремесламъ идетъ довольно успѣшно. Братья учатъ дѣтей портняжному, сапожному, столярному и кузнечному дѣлу. Находясь подъ постояннымъ надзоромъ обучающаго, дѣти не истребляютъ напрасно матеріалы, такъ что собственно испорченныхъ вещей втеченіи года бываетъ очень мало.

Помѣщеніе для ремесленныхъ занятій не можетъ назваться роскошнымъ и удобнымъ. Низенькій домъ, плохое освѣщеніе и закоптѣлыя, неопратно содержимыя комнаты, разгороженные для различныхъ ремеслъ, не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Конечно, оправданіемъ дурныхъ и неудобныхъ помѣщеній является недостаточность свободныхъ суммъ исправительнаго заведенія. Но умѣнье пользоваться и тѣмъ, что есть, все-таки даетъ въ результатѣ успѣхъ и дѣти выходятъ изъ исправительнаго заведенія въ подмастерья, съ достаточными познаніями въ ремеслѣ.

Воспитанники и воспитанницы исправительнаго заведенія, кончающіе воспитаніе, послѣ окончательнаго экзамена помѣщаются или къ ихъ родителямъ и воспитателямъ, въ томъ случаѣ, если не представляется опасности въ ихъ дурномъ вліяніи на выпущеннаго, или-же, при посредствѣ директора и братьевъ, отдаются, въ качествѣ подмастерьевъ и учениковъ, къ заранѣе избраннымъ мастерамъ; болѣе-же склонные къ полевымъ работамъ отпускаются къ крестьянамъ въ качествѣ работниковъ. Выпускомъ изъ заведенія не кончается та связь между воспитанниками и ихъ пріютомъ, которая соединяла ихъ втеченіи 5 или 4 лѣтъ. Помѣщенные на мѣста, бывшіе питомцы исправительнаго заведенія находятся затѣмъ подъ наблюденіемъ и покровительствомъ учрежденія. Съ хозяевами ведется переписка, и исправительное заведеніе можетъ до нѣкоторой степени судить по ихъ отзывамъ о нравственномъ состояніи своего бывшаго воспитанника, съ которымъ, въ свою очередь, оно устанавливаетъ постоянную корреспонденцію. Кромѣ того, при каждомъ удобномъ случаѣ братья лично посѣщаютъ бывшихъ воспитанниковъ, разспрашиваютъ ихъ объ ихъ нуждахъ, а бѣднѣйшихъ нерѣдко снабжаютъ небольшими суммами денегъ. Живущіе по близости сами приходятъ въ свое родное заведеніе и участвуютъ въ его празднествахъ.

Братья составляютъ существенный элементъ исправительной школы и ея дѣятельности. Въ братья поступаютъ добровольно молодые люди 20—30-лѣтняго возраста, незанятые никакой другой службой и холостые. Непремѣннымъ условіемъ пріема въ братья-кандидаты должно быть безупречное прошлое, хорошее здоровье и способность къ дальнѣйшей подготовкѣ. Въ отношеніи учебной подготовки требованія не особенно велики: общее образованіе, которое получаютъ въ германскихъ народныхъ

школахъ, признается совершенно достаточнымъ, но требуется непременно знаніе какого-нибудь ремесла. Если въ отношеніи учебной подготовки требованія не велики, то на нравственность и честность поступающаго обращается большое вниманіе. Какой строгій выборъ производится при поступленіи молодыхъ людей въ братья, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. За послѣдніе 4 года изъ 227 желающихъ поступить въ исправительное заведеніе принято только 64. Изъ этихъ принятыхъ чрезъ нѣсколько недѣль еще 21 чел. признаны неспособными къ выполненію трудныхъ обязанностей братьевъ, такъ что изъ 227 осталось только 43. Каждый вступившій молодой человекъ признается *братомъ* только чрезъ полгода, оставаясь въ заведеніи шесть мѣсяцевъ въ качествѣ кандидата.

Въ братья поступаютъ преимущественно молодые люди изъ ремесленного сословія и учителей; однакожь есть между ними и купцы, сельскіе хозяева и др. Поступивъ въ заведеніе, молодые люди остаются кандидатами отъ 2 до 3 лѣтъ, практически и теоретически знакомясь въ это время съ дѣломъ воспитанія и обученія и помогая братьямъ-воспитателямъ въ управленіи семействами; въ эти два или три года братья-кандидаты усваиваютъ въ достаточной полнотѣ слѣдующіе предметы, преподаваемые однимъ изъ старшихъ братьевъ: законъ божій, священную и гражданскую исторію, нѣмецкій и англійскій языки, географію и—довольно поверхностно—математику и естественную исторію. Самъ директоръ исправительнаго заведенія, докторъ Вихернъ, читаетъ имъ педагогику, лекціи о значеніи и дѣли домовъ спасенія малолѣтнихъ, объ обязанностяхъ смотрителей тюремъ, госпиталей и т. п. учреждений. Кроме того, каждый изъ братьевъ избираетъ себѣ тотъ музыкальный инструментъ, который ему болѣе по сердцу, и учится играть на немъ настолько, чтобы быть въ состояніи обучать впоследствии дѣтей хоровому пѣнію. Они избираютъ почти исключительно фортепьяно и скрипку. Курсъ преподаванія приуроченъ къ тому, чтобы выработать изъ братьевъ-кандидатовъ будущихъ воспитателей для семей въ Raube-Haus, смотрителей тюремъ и больницъ, учителей и наставниковъ, а также и мастеровъ для преподаванія ремеслъ въ другихъ заведеніяхъ для спасенія и исправленія малолѣтнихъ. Исправительное заведеніе рассылаетъ братьевъ въ разныя мѣста въ качествѣ сво-

ихъ агентовъ. Дѣятельность этихъ агентовъ очень разнообразна: они развѣзжаютъ по Германіи и даже внѣ родины для пропаганды дѣла исправленія малолѣтнихъ, собираютъ пожертвованія въ пользу этого дѣла и пр. Братья уѣзжаютъ, какъ учителя, къ колонистамъ нѣмцамъ, выселившимся изъ Германіи въ Англію, Россію, Австралію, Сербію, Турцію и сѣверную Америку. Въ агенты избираются только тѣ изъ братьевъ, которые пробывъ въ заведеніи нѣсколько лѣтъ и заслужили полное довѣріе. Въ Америку посылаются только знающіе хорошо англійскій языкъ.

Panсионъ въ Rauhe Haus существуетъ съ 1848 г.; въ него для исправленія поступаютъ дѣти высшихъ классовъ и болѣе состоятельныхъ родителей, имѣющихъ возможность платить за содержаніе своихъ дѣтей, но туда-же принимаются и дѣти, прошедшее которыхъ ничѣмъ дурнымъ не отмѣчено. Курсъ ученія въ пансіонѣ не уступаетъ лучшимъ учебнымъ заведеніямъ въ Германіи; поэтому многіе родители охотно отдаютъ туда своихъ дѣтей. Даже англичане привозятъ своихъ малютокъ въ этотъ пансіонъ, имѣя въ виду пріобрѣтеніе ихъ дѣтьми практическаго знанія нѣмецкаго языка. Пансіонъ содержится на особые средства, составляемія изъ платы за обученіе дѣтей, и ведетъ отдѣльно свое хозяйство. Въ пансіонѣ можетъ помѣститься 30 мальчиковъ. Съ 1850 г. по 1 января 1871 г. изъ пансіона выпущено 124 воспитанника. Въ послѣдніе годы число воспитанниковъ пансіона колебалось между 22 и 26-ю.

Отдѣльное 3-хъ-этажное зданіе, окруженное садомъ и цвѣтниками, составляетъ помѣщеніе для пансіона. Внутренніе покои пансіона обставлены сравнительно съ большимъ комфортомъ, чѣмъ въ домахъ семействъ для бѣднѣйшихъ дѣтей. Чистыя, большія комнаты заняты для спальни, классовъ, уборной и столовой. Дѣти убираютъ постели сами, остальное дѣлаетъ прислуга. Въ столовой и гардеробной царствуетъ образцовый порядокъ и чистота. Каждый воспитанникъ имѣетъ свой шкафъ, рукомошникъ, надъ которымъ виситъ чистое полотенце. Въ столовой дѣти и ихъ воспитатели обѣдаютъ вмѣстѣ. Верхній этажъ заключаетъ въ себѣ помѣщеніе для лазарета, состоящаго изъ нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ, съ извѣстною обстановкой, ванну для воспитанниковъ и другія хозяйственныя помѣщенія. И здѣсь каждый воспитанникъ имѣетъ свою собственную грядку, обработку и уходу за которой

посвящаетъ свое свободное время. Число учебныхъ часовъ въ недѣлю для воспитанниковъ пансіона не превосходитъ 36-ти. Ихъ обучаютъ: закону божію, языкамъ: латинскому, греческому и французскому; преподаваніе родного языка ведется съ особымъ вниманіемъ. Затѣмъ преподается полный курсъ географіи, исторіи, математики и физики. Конечно, не забыто и пѣніе. Обученіе англійскому языку и игрѣ на фортепьяно преподается за особую плату.

Изъ числа 34-хъ, выпущенныхъ въ послѣдніе года, пансіонеровъ, 9 продолжали курсъ наукъ въ гимназіяхъ, 7 поступили въ военную сухопутную и морскую службу, какъ волонтеры, 7 нашли себѣ мѣста при торговлѣ, 2 поступили въ обученіе къ техникамъ; сельскимъ хозяйствомъ занялись 4, остальные-же 5 пошли или въ матросы, или нашли себѣ занятія внѣ Германіи.

Переходя затѣмъ къ описанію третьей составной части исправительнаго заведенія, т. е. тѣхъ учреждений, которыя, существуя на отдѣльных средства, служатъ источникомъ доходовъ для этого учрежденія, прежде всего слѣдуетъ указать на типографію и стереотипію.

Въ отдѣльномъ, деревянномъ домикѣ, какъ и другіе, окруженномъ деревьями, помѣщаются типографія, переплетная и стереотипная мастерскія. При нихъ, въ верхнемъ этажѣ, устроено помѣщеніе для агентства или, лучше сказать, собственно конторы, а также для обширной бібліотеки и склада книжной и эстампной торговли. Типографія открыта въ 1842 г., а книжная торговля въ 1844 г. Фондомъ для ихъ открытія послужили средства, добытыя отъ частныхъ лицъ. Нижній этажъ домика занятъ подъ рабочую комнату типографіи. Комната эта довольно плохо освѣщена: черезъ небольшія окна, передъ которыми растутъ деревья, едва пробивается свѣтъ, — это первое впечатлѣніе, которое производитъ помѣщеніе типографіи. Вблизи оконъ стоятъ двѣ печатныя машины, приводимыя въ движеніе воспитанниками, работающими при маховыхъ колесахъ; наборъ и печатаніе, а также и часть корректорскихъ работъ производится ими-же. Тутъ дѣти-воспитанники, руководимые опытными наемными мастерами, успѣшно выучиваются типографскому дѣлу и охотно принимаютъ хозяевами частныхъ типографій въ Гамбургѣ. То-же самое можно сказать про занимающихся въ переплетной, брошюровочной и стерео-

типной мастерскихъ. Какъ типографія, такъ и книжная и эстампная торговля имѣють общую контору и принимаютъ частные заказы по печатанію книгъ.

Книжная и эстампная лавка занимается продажей книгъ и картинъ. Эти послѣднія издаются самимъ заведеніемъ, для чего приобретаются всякаго рода литературные труды и оригиналы картинъ, по преимуществу священно-историческаго содержанія. Кромѣ продажи этихъ изданій исправительное заведеніе имѣетъ въ Гамбургѣ книжную лавку и 80 отдѣленій конторъ книжной торговли, разсѣянныхъ преимущественно въ сѣверной Германіи. Торговля книгами и брошюрами идетъ довольно успѣшно и этотъ видъ вышнятаго заработка приноситъ заведенію достаточный доходъ. Въ числу тѣхъ-же доходныхъ отдѣленій можно было-бы отнести и другія ремесленныя мастерскія, но такъ-какъ онѣ имѣють большую связь, въ финансовомъ отношеніи, съ исправительной школой, то мы о нихъ упомянули уже въ своемъ мѣстѣ.

Обрисовавъ главныя составныя части всего учрежденія, перейдемъ къ обзорѣнню отдѣльныхъ зданій, гдѣ помѣщаются дѣти и хозяйственныя принадлежности.

Начнемъ съ „Стараго Дома“, въ которомъ Вихернъ въ 1833 году помѣстился со своими воспитанниками. Этотъ маленькій, крытый соломою домикъ представляетъ какъ-бы историческую знаменитость. Простая и нехитрая обстановка комнатъ сохраняется въ томъ-же самомъ видѣ, какъ она была при началѣ дѣла. Въ этомъ зданіи живутъ 12 мальчиковъ съ своимъ братомъ-воспитателемъ, а также помѣщаются вновь поступившіе. Передъ домою разстилается небольшая лужайка, окаймленная высокими каштановыми деревьями. Тутъ дѣти рѣзвятся, бѣгаютъ и забравшись на вѣтви стараго каштана, поютъ свои любимыя пѣсни. Рядомъ съ этимъ домою стоитъ молезна, куда сходятся дѣти и слушаютъ толкованіе священнаго писанія, поютъ гимны и молитвы. Здѣсь-же помѣщаются и классныя комнаты, обстановка которыхъ совершенно своеобразная, — тутъ и цвѣты на окнахъ, комоды, кресла и занавѣси. Эти предметы придаютъ классной комнатѣ видъ частнаго жилища, гдѣ однѣ только скамьи и черныя доски на стѣнахъ свидѣтельствуютъ о назначеніи этихъ комнатъ. Корридоръ, соединяющій всѣ эти комнаты, оканчивается дверью въ залу, куда собираются ежедневно всѣ семейства на

молитву. Въ этой залѣ бывають годичные акты, экзамены; сюда же обитатели Rauhe-Haus'a собираются во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Подлѣ этого дома, носящаго названіе Thuringebaeude по пристроенной въ нему небольшой башенкѣ, стоитъ двухъ-этажное зданіе, Mutterhaus, въ которомъ сохраняются свободными нѣсколько комнатъ для пріѣзжихъ посѣтителей, помѣщается директоръ, кладовыя, цейхгаузъ и общая кухня съ особымъ входомъ съ другой стороны; у этого входа собираются въ извѣстный часъ дѣти со всѣхъ семей для пріема кушанья. Нѣсколько поодаль стоятъ два особыхъ дома, въ которыхъ помѣщается складъ запасовъ зернового хлѣба, тутъ-же и пекарня; далѣе хлѣвъ для коровъ и телятъ, конюшня для лошадей, исполняющихъ нѣкоторыя полевыя работы, сельско-хозяйственныя орудія и машины. Кромѣ того въ нихъ живутъ: надзиратель за полевыми работами, пекарь, конюхъ и другія личности, служащія по найму въ исправительномъ заведеніи.

Въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ, съ крышею, далеко выдающеюся надъ стѣнами, такъ что образуется нѣчто въ родѣ крытаго корридора, поддерживаемаго деревянными колоннами съ наружной стороны, помѣщаются ремесленныя мастерскія. Домикъ этотъ называется: „Der Goldene Boden“. Тутъ помѣщаются мастерскія столярныя, слесарныя, башмачная, сапожная, ткацкая и мастерская для портныхъ. По обстановкѣ каждая изъ нихъ немногимъ отличается отъ рабочей комнаты частнаго ремесленника и также, какъ и послѣдняя, не могутъ похвалиться чистотой. При обзорѣ ихъ намъ вспомнилась обстановка помѣщеній мелкихъ ремесленниковъ этихъ специальностей въ Петербургѣ: та-же копоть и засаленность въ сапожной, тѣ-же груды стружекъ и обрубковъ въ столярной. Если къ этому прибавить неудобство въ томъ отношеніи, что для каждой названной мастерской нѣтъ совершенно отдѣльныхъ комнатъ, а существуютъ деревянныя перегородки, а также и тѣсноту, — то тѣмъ болѣе надо удивляться, что при этихъ неудобствахъ исправительное заведеніе даетъ возможность своимъ воспитанникамъ изучать избранныя ими ремесла и приготовляетъ изъ нихъ подмастерьевъ, которыхъ съ нетерпѣньемъ ожидаютъ частные хозяева въ городахъ. Вынеся изъ заведенія знакомство съ извѣстными ремесломъ и привычку работать, дѣти

все-таки окончательно и вполне практически изучают ремесло по выходѣ изъ исправительнаго заведенія, пристроившись у частныхъ мастеровъ. Въ мастерскихъ, гдѣ работаютъ, сложены и матерьялы. Вдоль стѣнъ и подъ потолкомъ развѣшаны бревна, доски, кожи, а въ шкафу—сукно и принадлежности портняжнаго дѣла. Замѣчательно рѣдкѣ терпѣніе и хладнокровіе, съ которыми относятся обучающіе мастера къ частымъ вопросамъ и надобданію дѣтей; мастера вполне знакомы съ способностями и съ степенью знаній своихъ учениковъ, что позволяетъ имъ давать каждому работу по силамъ; отъ этого матерьялъ, на которомъ обучаются дѣти, почти всегда остается пригоднымъ къ употребленію или къ дальнѣйшей обработкѣ, и совершенно испорченныхъ вещей пропорціонально выходитъ весьма немного.

Въ примѣненіи познаній къ дѣлу нѣтъ недостатка. Такъ обувь для дѣтей изготовляется и чинится самими воспитанниками. Втеченіи года сапожная мастерская изготовляетъ до 500 паръ туфель. Нѣкоторые домики и другія постройки возведены руками братьевъ и воспитанниковъ. Внутреннее устройство въ новыхъ домикахъ, какъ-то: оконныя рамы, столы, шкафы и скамейки въ залѣ для молитвы, на 300 человекъ, сдѣланы въ столярной мастерской заведенія. Всѣ желѣзныя кровати, ключи и вѣшечки для печей заведенія изготовляются въ слесарной. Руками воспитанниковъ и братьевъ производится ежегодная окраска масляною краскою крышъ, скамеекъ, лѣстницъ и половъ. Втеченіи года вставлено до 250 стеколъ въ оконныя рамы заведенія, изготовлены матрацы для постелей и т. п.; занимающіеся въ пекарнѣ воспитанники въ годъ пекутъ для потребностей заведенія до 6,000 штукъ чернаго хлѣба и до 5,000 хлѣбовъ изъ просѣянной муки. Въ заведеніи-же плетутся корзины для всѣхъ хозяйственныхъ потребностей. Говоря вообще, это направленіе,—если бы оно было еще болѣе послѣдовательно и очищено отъ разнаго схоластическаго хлама,—могло-бы дать блистательные результаты. Привычка къ труду спасало-бы дѣтей отъ бездѣлья, которое ихъ вывело прежде на дорогу разврата, а знаніе того или другого ремесла давало-бы имъ точку опоры для честнаго добыванія себѣ куска хлѣба.

По другую сторону центрального зданія расположенъ двух-

этажный домъ съ разными постройками, вмѣщающій въ себѣ *девѣ* семьи дѣвочекъ, по 12 въ каждой, и сестеръ-воспитательницъ. Названіе этого домика — Schwalbennest — вполне соотвѣтствуетъ той неутомимой дѣятельности и щебетанію, которыя имѣютъ мѣсто въ гнѣздышкѣ ласточки. Обстановка помѣщеній для дѣвочекъ отличается еще большимъ порядкомъ и чистотою, чѣмъ у мальчиковъ. Для каждой семьи изъ 12 дѣвочекъ есть отдѣльная спальня съ пристройками, гдѣ устроены умывальники, и общая комната, въ которой дѣти занимаются рукодѣльемъ и проводятъ свободное время.

По большей части, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, бывають на воздухѣ и бѣгаютъ по лужайкѣ, непрѣнно находящейся передъ каждымъ домомъ. Здѣсь-же лѣтомъ, на протянутыхъ веревкахъ, сушится стиральное бѣлье. Зимой-же оно сушится въ отдѣльномъ большомъ помѣщеніи.

Прочіе домики, въ которыхъ помѣщаются отдѣльныя семейства, учителя, воспитатели и кандидаты и гдѣ устроена больница для братьевъ, а также временно помѣщаются и вновь поступающіе воспитанники, имѣютъ устройство одинаковое съ вышеописанными.

Исправительное заведеніе имѣетъ свое небольшое кладбище, устроенное посреди лѣса, гдѣ хоронятъ умершихъ братьевъ, служащихъ и воспитанниковъ заведенія. На украшеніе кладбища прилагается особое стараніе. Каждое воскресенье по нѣсколькѣ дѣтей изъ каждой семьи отправляются утромъ на кладбище, садятъ цвѣты, чистятъ дорожки и вообще прихорашивають могилы своихъ умершихъ товарищей и учителей.

Внутренняя обстановка и убранство комнатъ каждой семьи въ каждомъ домѣ почти одинаковы. Семья помѣщается въ двухъ комнатахъ съ необходимыми пристройками. Одна комната служитъ спальнею, другая — столовою, въ которой семья проводитъ свободное время. Для каждого воспитанника отдѣльная кровать, покрытая сѣрымъ байковымъ одѣяломъ; возлѣ кровати шкафикъ для платья; тутъ-же стоитъ и кровать брата-воспитателя. Подлѣ спальни устроена маленькая пристройка, назначенная для запасного платья и для умыванья. Разнообразная мебель, комоды, съ разставленными на нихъ дѣтскими игрушками, склеенными картонными домиками, картины, раскрашенныя дѣтми, зеркала, цвѣ-

ты на окнахъ, украшенныхъ сторами, дѣлають сборную комнату весьма похожую на жилище частнаго семейства. На стѣнѣ виситъ списокъ съ именами и фамиліями дѣтей, ихъ возрастъ и день рожденія каждаго. Обыкновенно дѣти семьи рано утромъ будять своего товарища, въ день его рожденія, поздравленіями, пѣсенками и дарятъ ему каждый по какой-либо мелочи непременно своей работы, напримѣръ, игрушки, картинки, сѣлеенныя вещицы, мячики, ящики съ коллекціей насѣкомыхъ и бабочекъ, а также и засушенныхъ растений. Коллекціи насѣкомыхъ и растений составляются дѣтьми подъ руководствомъ братьевъ, и хотя онѣ не представляютъ строго систематизированныхъ наборовъ, но все-таки доказываютъ, что дѣти получаютъ достаточную подготовку и въ естествознаніи.

Семья составляется изъ дѣтей разныхъ возрастовъ; это дѣлается съ цѣлью уподобить ее обыкновенному семейству; при этомъ, конечно, нѣтъ слишкомъ рѣзкихъ сопоставленій самыхъ младшихъ съ самыми старшими дѣтьми.

Перейдемъ теперь къ ежедневнымъ занятіямъ въ заведеніи. Лѣтомъ около 4, а зимою около 5 часовъ утра колоколь будить дѣтей, послѣ чего братъ-воспитатель или кандидатъ торопятъ ихъ скорѣй покидать постели; затѣмъ дѣти сами убирають постели, моются, одѣваются и сходятся въ сборную для молитвы. Въ жаркіе дни лѣтомъ дѣти купаются утромъ и вечеромъ. Впродолженіи полутора часа дѣти чистятъ и убирають свое жилище, занимаются приготовленіемъ уроковъ; затѣмъ, по звонку, всѣ семейства идутъ въ молельню, гдѣ совершается домашнее богослуженіе. Послѣ общей молитвы дѣти расходятся по домамъ, завтракають и черезъ полчаса отправляются къ своимъ работамъ: одни идутъ въ классы, другіе на работу въ полѣ, въ саду, убирають хлѣбъ, копають картофель и др. овощи; каждая семья выдѣляетъ изъ своей среды нѣсколько человѣкъ для обученія въ ремесленныхъ мастерскихъ. Каждая изъ этихъ отдѣльныхъ партій, по прошествіи извѣстнаго времени, мѣняетъ занятія, уступая мѣсто и работу другой партіи. Такъ продолжается до 12 часовъ; тутъ всѣ дѣти собираются въ своихъ домикахъ; дежурные накрываютъ столъ, идутъ за кушаньями въ общую кухню. Обѣдъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ для бесѣды и

разговоровъ брата-воспитателя съ семьей. Послѣ обѣда дежурные убираютъ со стола, перемываютъ посуду, а остальные играютъ или работаютъ на своихъ грядкахъ. Раздается звонокъ и опять начинается работа и обученіе. Каждая семья раздѣляется на группы, чтобы около 4¹/₂ часовъ собраться на отдыхъ и поѣсть; затѣмъ до 7-ми часовъ опять работа и другія занятія. Послѣ ужина дѣти сходятся для общей молитвы и въ 8¹/₂ часовъ, возвращаясь въ домики, ложатся спать. Вотъ въ общихъ чертахъ распредѣленіе занятій въ будни, исключая субботы и вообще кануна праздника: въ эти дни утро посвящается молитвѣ и занятіямъ по закону Божию. По субботамъ, вечеромъ, въ каждомъ семейномъ домикѣ собираются всѣ его жители и братъ-воспитатель или сестра у дѣвочекъ образуютъ около себя нѣчто въ родѣ семейнаго совѣта. При этомъ каждый членъ семьи высказываетъ брату все, что у него накопилось на душѣ во время недѣли. Всѣ обиды и несправедливости разъясняются и ссоры между дѣтьми оканчиваются примиреніемъ. Дѣти охотно дѣлятся съ братомъ своими радостями и печальми. Тутъ-же составляется планъ занятій и работъ семьи на слѣдующую недѣлю. Утромъ весь домикъ чистится, моется и прибирается.

По воскресеньямъ дѣти съ утра одѣваются въ праздничные костюмы и идутъ въ молитвенный домъ, гдѣ выслушиваютъ толкованіе евангелія. Остальное время праздниковъ проводится въ гуляніи по окрестностямъ; семья вмѣстѣ съ братомъ идетъ въ лѣсъ или въ ближайшее селеніе, гдѣ и проводитъ день. Прогулки эти напоминаютъ дѣтямъ ихъ родную семью и знакомятъ съ потребностями поселенъ. Въ этотъ-же день, одинъ разъ въ мѣсяцъ, посѣщаютъ дѣтей ихъ родители и родственники, при чемъ тѣ, которые не пользуются хорошей репутаціей, допускаются для свиданія въ присутствіи одного изъ братьевъ. Дѣтей хорошаго поведенія отпускаютъ на этотъ день домой, причемъ выборъ также сообразуется съ нравственностью и благонадежностью родныхъ.

Свиданія дѣтей и родителей или родственниковъ допускаются въ помѣщеніяхъ заведенія въ каждое первое воскресенье въ мѣсяцѣ; во время лѣта эти свиданія бывають въ огромномъ саду заведенія. Родители, желающіе навѣрное застать своего ребенка

въ назначенное для свиданія время, предувѣдомляютъ о своемъ посѣщеніи заранѣе, такъ-какъ очень легко можетъ случиться, что предпринятая въ это-же время всѣми дѣтьми исправительнаго заведенія дальняя прогулка лишитъ ихъ возможности видѣть дѣтей. Сношенія эти поддерживаются также при посредствѣ братьевъ, которые посѣщаютъ время отъ времени родныхъ своихъ питомцевъ, сообщаютъ имъ о ребенкѣ и, обратно, приносятъ послѣднимъ всѣ извѣстія о ихъ родителяхъ и домашнихъ. О непосредственныхъ свиданіяхъ родителей съ дѣтьми, отпускаемыми изъ заведенія домой, мы уже упомянули. Для примѣра приведемъ слѣдующія числа, обрисовывающія, насколько связь между дѣтьми и родителями прочно поддерживается заведеніемъ. Втеченіи года, изъ 63 мальчиковъ, среднимъ числомъ бывшихъ въ исправительномъ заведеніи, только 41 могли пользоваться сношеніями съ родными; родители-же остальныхъ или жили очень далеко, или не признавались могущими благотворно повліять на ребенка. У этихъ сорока посѣщаемыхъ питомцевъ братья втеченіи года перебивали 402 раза, родители посѣтили дѣтей 207 разъ и дѣти 364 раза были отпущены къ роднымъ въ г. Гамбургъ или его окрестности.

Наканунѣ Рождества, т. е. вечеромъ 24 декабря, въ помѣщеніи, назначенномъ для сушки бѣлья, какъ самое просторное, устраивается для каждой семьи елка. Къ этому дню поступаютъ изъ города пожертвованія какъ деньгами, такъ и вещами, которыя распределяются поровну между различными семьями. Кромѣ того каждая семья заранѣе приготовляетъ, въ секретѣ отъ другихъ, кое-какія работы; конечно, какъ въ исполненіи этихъ работъ, такъ и въ изобрѣтеніи чего-либо новаго играетъ не малую роль желаніе перещеголять выставленное другою семьею. Такимъ образомъ около елокъ образуется огромный складъ разныхъ игрушекъ, лакомствъ и трудовъ семьи. Дѣти поютъ, играютъ вокругъ елокъ и подъ конецъ дарятъ другъ другу разныя бездѣлки. Вечеръ оканчивается тѣмъ, что разукрашенныя и разсвѣченныя елки каждая семья торжественно несетъ въ свой домикъ, гдѣ елка и водворяется на время праздниковъ. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней Рождества въ каждой семьѣ дѣти дѣлаютъ сладчину, частью изъ подаренныхъ имъ городскими жителями денегъ,

частью изъ вещей и игрушекъ. Все это относится семьею въ одно изъ селеній въ окрестностяхъ исправительнаго заведенія и сами воспитанники дарятъ вещи дѣтямъ бѣднѣйшихъ поселенцевъ.

Имѣя цѣлью развить въ дѣтяхъ привычку откладывать и сберегать деньги, а также умѣнье ими распоряжаться, руководители Rauhe-Haus издавна завели у каждаго питомца его собственную копилку, куда помѣщаются деньги, вырученныя за продажу цвѣтовъ и плодовъ съ собственныхъ грядокъ ребенка. Въ расходованіи этихъ денегъ каждый ребенокъ самъ полный хозяинъ, и дѣтямъ это видимо пришлось по сердцу; при посѣщеніи ихъ родными и родителями, въ числѣ первыхъ объясненій о томъ, какъ живетъ ребенку въ заведеніи, конечно, является и отчетъ о состояніи кассы въ копилкѣ. До какой степени удалось развить эту ифрору въ воспитанникахъ исправительнаго заведенія желаніе сберегать деньги—можно судить по слѣдующему примѣру. Одинъ, давно уже покинувшій заведеніе, бывшій воспитанникъ, уѣхавъ въ Австралію, ежегодно присылаетъ, какъ жертвованіе, въ Rauhe-Haus извѣстную круглую цифру изъ сбереженій отъ своего заработка. Многіе изъ выпущенныхъ уже бывшихъ воспитанниковъ періодически приносятъ въ Rauhe-Haus и отдають на сбереженіе часть своего заработка. Сумма этихъ отданныхъ на сбереженіе денегъ достигала до 620 талеровъ.

Минувшая франко-нѣмецкая война отняла жизнь у многихъ бывшихъ воспитанниковъ Rauhe-Haus. Въ 1871 году, въ день празднованія дня основанія исправительнаго заведенія, между прочимъ были прочтены имена *четырехъ* братьевъ и воспитанниковъ, бывшихъ питомцевъ заведенія. Имена эти принадлежали убитымъ въ сраженіяхъ 16 августа подъ Віонвилемъ и 18 октября подъ Шатоденомъ. Сынъ доктора Вихерна, бывшій воспитанникъ Rauhe-Haus, убитъ въ сраженіи подъ Орлеаномъ.

Какія занятія предпочитаютъ выпускаемые изъ исправительнаго заведенія воспитанники, показываютъ слѣдующія данныя за послѣдніе года. Изъ числа 72 выпущенныхъ мальчиковъ при посредствѣ заведенія нашли себѣ работу у частныхъ ремесленниковъ 12 чел., передано родителямъ и оставшихся въ связи съ заведеніемъ—36. Поступили въ качествѣ матросовъ на частныя корабли—10; вернулись къ родителямъ въ отдаленныя мѣст-

ности—10; нашли мѣста, какъ прислуга, въ лакеи и гучера—3; умеръ—1. Изъ 28 дѣвочекъ 8 нашли мѣста горничныхъ и кухарокъ, 18 вернулись къ родителямъ; отправилась съ матерью, какъ эмигрантка, въ Америку—1 и умерла—1.

Этимъ мы заканчиваемъ краткій очеркъ Rauhe-Haus'a и переходимъ къ описанію подобнаго-же учрежденія въ Швейцаріи— „Ваechtelen'a“.

(Продолженіе будетъ.)

РОМАНТИЗМЪ РУССКІЙ.

I.

Язычество.

Греки и римляне въ тысячу лѣтъ успѣли не только выработать вполне законченную культуру, философію, юриспруденцію, положить твердое начало точнымъ знаніямъ и покорить себѣ весь міръ, но они, сходя со сцены мировой дѣятельности, успѣли оставить богатое наслѣдство Европѣ. А когда народъ умираетъ не безслѣдно для будущаго развитія человѣчества, — значитъ, цивилизація его была не пустоцвѣтомъ. Спрашивается, что могла-бы оставить Россія изъ своего умственнаго капитала въ наслѣдство потомкамъ, если-бъ ей пришлось въ настоящее время сойти со сцены міра? Могла-ли-бы она, подобно Греціи и Риму, сказать съ гордостью: вотъ это русская идея, русское изобрѣтеніе, русское искусство, русское знаніе, русскія формы жизни? Наше запоздалое появленіе на сценѣ исторической дѣятельности, нашъ тысячелѣтній сонъ былъ крѣпокъ, богатырски крѣпокъ, и, увѣковѣчивъ его памятникомъ, мы, — конечно, не безъ задней мысли, — деликатно заявили тѣмъ міру, что просыпаемся. У русской мысли нѣтъ прошлаго, но за то есть будущее.

И дѣйствительно нѣтъ въ Европѣ народа, прошедшее котораго было-бы такъ бѣдно идеями, сознаніемъ и опредѣленными стремленіями, какъ народа русскаго. Европейскіе народы выступили на арену исторіи уже съ готовымъ матеріаломъ. У нихъ была готовая религія, готовое богослуженіе и жрецы, имъ достались готовые зачатки государственныхъ формъ и собственные

впязья, которыхъ они выбирали, у нихъ былъ гласный и открытый судъ, было обычное право. Видно, что европейскіе народы хотя и жили въ лѣсахъ, но занимались въ нихъ не однимъ звѣроловствомъ. Римскія учрежденія и католицизмъ, правда, ложатся тяжелымъ гнетомъ на Европу, но что успѣло уже пустить корни въ народную душу, что выработалось самостоятельно народною мыслію, то остается не только крѣпкимъ, но и является развѣдающимъ ферментомъ, разрушительному вліянію котораго уступаетъ римскій цезаризмъ и католическая идея.

Славяне на исторической пиръ пришли съ пустыми руками. Мы не внесли ни одной идеи, ни одной вполне готовой мысли, которая принадлежала-бы собственно намъ. Если въ насъ и замѣчаются какіе-нибудь процессы мысли, то это лишь зародышныя движенія, такъ и оставшіяся навсегда въ зародышѣ. Славянское народное я, самодѣтельность славянскаго генія, романтическій порывъ славянскаго чувства, стремящагося къ обособленію, къ заявленію своей индивидуальности, къ самостоятельному творчеству, не видѣвъ ни въ чемъ впродолженіи всего историческаго его существованія. Повсюду мы наталкиваемся на незрѣлое сознаніе, на умственное безсиліе, на вѣчное исканіе опоры и поддержки извнѣ, на отсутствіе энергіи, страсти, выдержки, неуклонности. И въ то-же время вся русская историческая жизнь была какимъ-то нескончаемымъ „удѣльнымъ періодомъ“, постояннымъ броженіемъ чего-то ищущей силы, какими-то смутными порывами, какими-то безцѣльнымъ кочеваніемъ съ мѣста на мѣсто, точно мы продолжаемъ періодъ великаго переселенія народовъ и не нашли еще себѣ мѣста въ природѣ.

То, что въ европейской жизни совершилось за глазами исторіи, въ русской жизни совершалось на глазахъ исторіи. Мы не знаемъ, какимъ процессомъ германцы создали себѣ религіозный культъ; но когда ихъ застаютъ европейская исторія, они являются уже съ готовыми религіозными учрежденіями: у нихъ есть храмы и жрецы, имѣющіе большое вліяніе на народъ. Жрецы играютъ политическую роль — возбуждаютъ народный энтузіазмъ въ борьбѣ съ римлянами, организуютъ возстаніе саксовъ противъ самовластиа Карла Великаго.

Ничего подобнаго не встрѣчается у восточныхъ славянъ; ихъ

пантеистическое міровоззрѣніе и календарь ихъ боговъ не отличаются разнообразіемъ. Главнымъ божествомъ славянъ былъ Перунъ—обоготворенная молнія, затѣмъ два его сына—солнце и огонь. Къ божествамъ мѣтѣ важнымъ причислялись воздухъ, вода, мѣсяцъ и звѣзды. Однимъ словомъ, славяне считали богами такія физическія явленія, которыя, по ихъ мнѣнію, давали жизнь природѣ. Божества эти не олицетворялись; они жили внѣ людскихъ дѣлъ, изображая собою всѣ дѣйствующія силы, о существѣ и роли которыхъ въ судьбѣ человѣчества славяне не имѣли никакого представленія. У грековъ, напримѣръ, боги служатъ отвѣтомъ на вопросы ихъ пытливаго духа, ими объясняется судьба человѣческаго существованія, внутреннія побужденія людей, законы чувства и мысли. Славяне нейдутъ такъ далеко; о своихъ психологическихъ процессахъ они не задумываются; для объясненія своей судьбы имъ не нужно прибѣгать къ утопченнымъ измышленіямъ, потому что они живутъ не государственнымъ, а родовымъ бытомъ, въ разбросъ, въ землянкахъ и лѣсахъ. Это еще не социальная жизнь, а социальное прозябаніе, первобытность непробудившейся энергіи мысли, которой незачѣмъ и пробуждаться. У славянъ нѣтъ грандіознаго представленія ни о добромъ, ни о зломъ началѣ. Живутъ себѣ славяне въ своей сѣренькой природѣ, среди лѣсовъ и болотъ, скрывающихся отъ нихъ и небо и землю, точно кроты въ землѣ. Поразительныя явленія природы не подавляютъ ихъ воображенія и всѣ ихъ немногосложные интересы сосредоточены лишь на удовлетвореніи первыхъ матеріальныхъ потребностей. Слѣдовательно ясно, что для славянъ важны только тѣ явленія природы, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ матеріальному изобилію или недостатку, къ неурожаю или урожаю, т. е. солнце, оживляющее природу весной, прогоняющее ненастье и дающее вѣдро; вода, образующая дождь; воздухъ, вѣтеръ, молнія и громъ.

Какъ ни слабо, какъ ни первобытно подобное міровоззрѣніе, но въ основаніи его лежитъ тотъ здравый практическій реализмъ, который во всю послѣдующую исторію не оставляетъ славянъ. Славяне не углубляются внутрь того, чего они не понимаютъ; имъ чуждъ супранатурализмъ и идеализмъ; таинственное и непонятное скользнуть выше ихъ, не представляясь для нихъ во-

просомъ; они ограничиваются однимъ внѣшнимъ наблюденіемъ, не усиливаясь дополнять воображеніемъ того, чего недостаетъ непосредственно чувству. Этотъ недостатокъ философскаго направленія, сжимая, съ одной стороны, кругозоръ мысли и мѣшая ей подняться до широкаго обобщенія, съ другой стороны налагалъ узду на воображеніе и не позволялъ ему отыскивать объясненій непонятнаго въ той области, въ которой изслѣдованія средне-вѣковой европейской мысли не привели къ особенно счастливымъ результатамъ. Славянскій сонъ былъ въ этомъ случаѣ лучше европейскаго лунатизма.

И теперь, тысячу лѣтъ спустя, можно видѣть, какъ, не смотря на вліяніе христіанства, еще сильно въ народѣ его первобытное славянское мировоззрѣніе. Обоготвореніе солнца, грома, вѣтра уже кончилось, обобщающая христіанская мысль свела представленіе объ отдѣльныхъ силахъ природы къ идеѣ единаго Бога; но это представленіе никогда не уносилось въ туманъ мистицизма. Живая сила непосредственнаго чувства держала народъ всегда на землѣ, а вѣчная забота о матеріальномъ существованіи, о прокормленіи себя и семьи, заставляеть крестьянина и нынче, какъ и прежде, радоваться весеннему, обновляющему солнышку, вѣдру и дождю, не дѣлая безплодной попытку своей неразвитой мысли проникнуть въ недоступныя ему сферы.

Въ неразвитой славянской мифологіи, въ томъ видѣ, какъ за- стало ее христіанство, видна какая-то безразличность. Не то, чтобы славяне вовсе не хотѣли рѣшать вопросовъ, касающихся ихъ судьбы, но они и не отдаются имъ съ особенною энергіей настойчивости и больше живутъ какъ живется, пассивно подчиняясь тому, что кажется имъ неустрашимымъ. Поэтому у славянъ главнѣйшіе праздники совпадаютъ съ весенними мѣсяцами, когда природа распускается и весенній обновляющій воздухъ дѣйствуетъ такъ живительно на человѣка. Скучная и холодная зима кончилась, солнце манитъ всѣхъ на воздухъ, являются новыя ощущенія, новыя чувства, сердце отерывається для любви и новыя желанія пробуждаютъ какіе-то невѣдомые восторги. Славяне, не вдаваясь въ оцѣнку своихъ психологическихъ процессовъ, отдаются невѣдомымъ для нихъ восторгамъ, собираются въ хороводы днемъ

и ночью, играютъ въ горѣлки и первобытно, непосредственно празднуютъ своего „Ярилу“, не подозрѣвая, что это очень дурно.

Именно въ этой непосредственности и достоинство славянскаго міровоззрѣнія; въ немъ нѣтъ ничего предвзятаго, ничего выдуманнаго и философскаго. Подъ вліяніемъ силъ природы люди живутъ, какъ живетса, не зная, матеріализмъ-ли это или идеализмъ, и отдаются своимъ добродушнымъ порывамъ и желаніямъ, какъ дѣти, не умѣя понять, почему имъ не слѣдуетъ дѣлать того, что имъ пріятно и чего имъ хочется.

Славянское благодушество обнаружилось и въ представленіи о человѣческой душѣ. О мрачныхъ загробныхъ странствованіяхъ души славяне ничего не знали. Они думали, что души покойниковъ сидятъ въ землѣ и въ извѣстныя времена года выходятъ оттуда, чтобы погулять между живыми людьми. Въ первый разъ мертвые вставали зимой, въ нынѣшнія святки: второй разъ они вставали весной—на масланицѣ. Въ это время обыкновенно пеклись блины; живые ходили на могилы, чтобы поздороваться съ усопшими, и оставляли имъ кушанья. До сихъ поръ есть мѣстами обычай поминать на кладбищахъ родителей и оставлять блины; а въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ заготавливаютъ блины съ разными заеливаніями и первый блинъ кладется на слуховое окно съ такимъ приговоромъ; „честные наши родители! вотъ для вашей души блинокъ“.

Души умершихъ являются въ славянскомъ представленіи свѣтлыми родственными явленіями. Съ ними чувствуется живая жизненная связь. Конечно, неизвѣстное нѣсколько пугаетъ; но въ этомъ страхѣ нѣтъ ничего мрачнаго, подавляющаго, въ образѣ души не видятъ ничего отталкивающаго. Напротивъ, души умершихъ — это свѣтлыя, веселыя, смѣющіяся русалки, выходящія весной изъ воды и изъ земли, чтобы отдохнуть на солнышкѣ, посидѣть на деревьяхъ, поиграть и насладиться вмѣстѣ съ людьми ожившей природой. И живые очень радовались такимъ періодическимъ посѣщеніямъ, хорошо зная, что русалки по своему родственному чувству заботятся о тѣхъ, кто остался на землѣ, и желаютъ имъ всякаго добра.

Вообще свѣтлый жизненный элементъ преобладаетъ въ славянской мифологіи и элементъ противоположный является незакончен-

нымъ и неполнымъ. Мы не находимъ у славянъ никакого представленія о демоническихъ разрушительныхъ силахъ, о геніѣ зла, живущемъ только для зла и радующемся людскою гибелю. Вообще представленіе славянъ о началѣ зла смутно и неопредѣленно и имѣетъ больше земной, чѣмъ отвлеченный характеръ. Конечно, они не сомнѣваются въ томъ, что въ природѣ есть коварныя тайны и секреты, которыми можно пользоваться и для добрыхъ, и для злыхъ дѣяній, но источникъ этихъ дѣяній они приписываютъ не духу тьмы, котораго они не знаютъ, а чело-вѣческому *въднью*, известной мудрости, и отсюда вѣрують въ *въщихъ* людей, въ *въдуновъ* и *въдмъ*.

Для нашей цѣли рѣшительно все равно, какую роль въ славянскомъ богослуженіи играли вѣдуны:—имѣли-ли они богослужебное значеніе или не имѣли его. Допуская только, что это были свѣтскіе люди, знахари, владѣвшіе известнымъ знаніемъ силъ природы, изъ котораго они дѣлали секретъ и которымъ они умѣли пользоваться съ злыми и добрыми цѣлями, мы приходимъ все-таки къ тому, что мрачный элементъ славянской мифологіи сводится къ простому знанію силъ природы, доступному людямъ. Для постиженія этихъ тайнъ вовсе не требуется продавать свою душу чорту, потому что о существованіи чорта славянамъ ничего неизвѣстно. Поэтому роль вѣдуновъ и вѣдуній чисто-земная, преимущественно хозяйственная. Они умѣютъ сдѣлать, чтобы корова или давала или не давала молоко; они знаютъ, какъ открыть пропащее, умѣютъ найти вора, могутъ заговорить кровь, вылечить болѣзнь, напустить засуху. Въ ихъ рукахъ всѣ секреты немногосложной непосредственной жизни славянъ, всего того, что приноситъ счастье и несчастье, изобиліе и бѣдность, здоровье и болѣзнь. Если вѣдуны и напускаютъ на себя, особенно въ послѣдствіи, таинственность, силясь увѣрить, что ихъ знаніе есть нѣчто сверхъестественное, чародѣйское и нечистое, то это уже искаженіе основнаго славянскаго взгляда на вѣдовство, явившееся подъ византійскимъ вліяніемъ. Первоначальныя-же вѣдуны—не больше, какъ несложившійся жреческій элементъ, люди, лучше другихъ понимающіе явленія природы и ихъ религіозный смыслъ.

Въ такомъ нехитромъ отношеніи славянъ къ природѣ видна

только зачаточная религія, указывающая на простоту первобытнаго ихъ дѣснаго быта, чуждаго какого-бы то ни было историческаго движенія и героическихъ воспоминаній. Если-бы историческое движеніе охватило славянъ, у нихъ неизбѣжно явился-бы вопросъ о судьбѣ и о высшемъ существѣ, располагающемъ личнымъ и общественнымъ счастьемъ и несчастьемъ. Если-бы историческое движеніе создало между славянами народныхъ героевъ — они жили-бы въ воспоминаніи народа, какъ предметъ народной гордости, и были-бы обоготворены. Но у славянъ нѣтъ ни героевъ, ни боговъ; они знаютъ только силы природы, создающія урожай и неурожай, посылающія тепло или холодъ, да своихъ роженицъ и русаловъ, олицетворяющихъ для нихъ души ихъ усопшихъ родныхъ и постороннихъ покойниковъ. Такъ и видѣтъ простой бытъ народа, невидѣвшаго еще ничего и никогда непокидавшаго первобытныхъ дѣсовъ и землянокъ.

II.

ВОРЬБА ЯЗЫЧЕСКАГО КУЛЬТА СЪ ХРИСТИАНСКИМЪ МИРОВОЗЗРѢНІЕМЪ.

Христіанство, явившееся на Западѣ, было реакціей противъ древняго матеріализма и римскаго подавленія личности. Христіанскій идеализмъ дался нелегко; это былъ мучительный процессъ чувства и мысли, процессъ наболѣвшей души, искавшей отдыха и успокоенія и возмущенной глубокимъ паденіемъ нравственной природы человѣка. Понятно, что первые представители католицизма отделились всею силою души развитію теоріи христіанскаго идеализма, а практику его довели до фанатизма. Новый Римъ и новая Византія — вотъ основные источники этого новаго движенія мысли. Процессъ, которымъ они выработались, которымъ сложилась христіанская церковь, какъ учрежденіе, — процессъ, которымъ христіанскій идеализмъ купилъ полное торжество надъ языческимъ матеріализмомъ, былъ однимъ изъ громаднѣйшихъ историческихъ движеній мысли, тянувшійся нѣсколько вѣковъ. И вотъ западное человѣчество готово отстаивать свое трудно добытое

убѣжденіе со всѣмъ пыломъ фанатизма и не хотеть видѣть какой-либо другой правды.

Въ то время, какъ на развалинахъ древней римской имперіи шла такая работа мысли, восточные славяне сидѣли въ своихъ землянкахъ, молились своему Перуну, пекли блины для покойниковъ и тѣшили смѣющимися русалками, нисколько не воображая, какую трудную умственную задачу рѣшаетъ передовое чело-вѣчество. Но вотъ Владиміръ крестится, крестить свою дружину и велитъ креститься Россіи. Крещеніе совершилось-бы, вѣроятно, просто и безъ шума, если-бы Владиміръ не поручилъ этого дѣла своимъ богатырямъ. Добрыня былъ несомнѣнно хорошій воинъ, но для крестнаго отца Руси ему не доставало еще многихъ другихъ качествъ. Пройдя съ огнемъ и мечомъ по Россіи, Добрыня добрался наконецъ до Новгорода. Какъ только новгородцы прослышали, что Добрыня приближается къ нимъ съ войсками, они заперлись, вывели камнестрѣльные машины и выставили свое войско. Только послѣ кровопролитія и послѣ того, какъ Добрыня выжегъ двѣ трети города, ему удалось окрестить новгородцевъ. Но какое-же это было крещеніе и насколько христіанская идея могла быть доступна вновь обращеннымъ?

Христіанскій идеализмъ, какъ реакція противъ языческаго матеріализма, былъ идеей слишкомъ возвышенной, чтобы могъ быть воспринятъ во всей его чистотѣ. Это очень хорошо понимали и первые отцы католической церкви, старавшіеся языческимъ праздникамъ и обычаямъ придать христіанское освященіе. Обращеніе ограничивалось преимущественно формою, а не сущностію. У насъ, конечно, дѣло шло проще и въ то-же время труднѣе. Мы не участвовали въ реакціи противъ древняго міра; не нами выработался идеализмъ; мы не успѣли даже и своего язычества сложить въ законченную религію; слѣдовательно, христіанство за-стало насъ въ моментъ такого безразличнаго религіознаго міровозврѣнія, когда всякое ученіе, обращающееся къ непосредственному, простому чувству, проповѣдующее братскую любовь и равенство, могло быть принято очень легко.

Но, съ другой стороны, христіанская церковь являлась къ намъ какъ учрежденіе, для котораго въ странѣ не существовало никакихъ готовыхъ матеріаловъ—ни языческихъ храмовъ, никакого

языческаго священства, ни обрядовъ богослуженія. Христіанству нужно было создать новыя, невиданныя народомъ, церковныя формы, обряды и цѣлый духовный чинъ. А это была задача слишкомъ трудная, потому что кромѣ простой и доступной всякому пониманію христіанской проповѣди о братолюбіи и всепрощеніи, христіанскій идеализмъ требовалъ удаленія отъ міра, келейнаго заключенія и умерщвленія плоти. Славяне никакъ не понимали, почему это нужно... Они не хотѣли разставаться ни съ своими колядами, ни съ горѣлками, ни съ хороводами, ни съ ночными весенними празднествами, считая „Ярилу“ очень веселымъ и пріятнымъ богомъ и находя обычай „умыканія“ дѣвицъ обычаемъ нисколько непротиворѣчащимъ началу братолюбія. Матеріалистическое міровоззрѣніе и сенсуализмъ были гораздо понятнѣе народу, чѣмъ идеализмъ и аскетизмъ, чѣмъ духовная проповѣдь о воздержаніи, о грѣхѣ, о блудѣ. Преслѣдованіе самыхъ невинныхъ удовольствій, которыя старыя книжники назвали „дьявольскимъ измышленіемъ“, вызвало въ народѣ реакцію и протестъ. Народъ туго понималъ, чего отъ него требуютъ и почему его обычаи дурны. Онъ даже думалъ, что христіанство введено только для богачей и знатныхъ и что церковныя обряды, напримѣръ, вѣнчанье, похороны, существуютъ только для князей.

На Западѣ организація церковныхъ учрежденій, духовныхъ конгрегацій, формъ богослуженія совершалась какъ-бы сама собою, силою внутренней реакціи, вызванной древнимъ матеріализмомъ и классицизмомъ. У насъ христіанство явилось чисто-внѣшнимъ дѣйствіемъ, началось инициативой кіевскаго князя, и потому въ охотникахъ вступить въ духовенство встрѣчался постоянный недостатокъ. Первое время не только митрополиты и архіереи, но даже и священники были изъ Греціи. Что же касается священниковъ изъ русскихъ, то въ это званіе привлекали простыхъ людей не возвышенныя идеальныя стремленія, побуждавшія лучшихъ людей быть „пастырями овецъ“ и миссіонерами новой истины, а чисто-житейскіе расчеты.

Извѣстный Геннадій, бывшій при Иванѣ III новгородскимъ митрополитомъ, писалъ къ митрополиту Симону: „Билъ я челомъ государю великому князю, чтобы велѣлъ училища устроить: вѣдь я своему государю напоминаю объ этомъ для его-же чести и спасенія, а намъ-бы просторъ былъ; когда приведутъ ко мнѣ став-

леника грамотнаго, то я велю ему ектенію выучить, да и ставлю его и отпускаю тотчасъ-же, научивъ, какъ божественную службу совершать; и такіе на меня не ропщутъ. Но вотъ приведутъ ко мнѣ мужика: я велю ему апостола дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать псалтырь—онъ и потому едва бредеть; я ему откажу, а онъ кричитъ: земля, господи́нь, такая—не можемъ добыть чело́вѣка, кто-бы грамотъ умѣлъ; но вѣдь это всей землѣ позоръ, будто нѣтъ на землѣ чело́вѣка, кого-бы можно въ попы поставить! Вьютъ мнѣ чело́мъ: пожалу́й, господи́нь, вели учить! Вотъ я прикажу учить его ектеніямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему то, а онъ совсѣмъ другое; велю учить азбуку, а онъ, поучившись немного, да просится прочь, не хочетъ учиться; а иной и учится, но не усердно, и потому живетъ долго. Вотъ такіе-то меня и бранятъ; а мнѣ что же дѣлать? не могу, не учивши, ихъ поставить. Для того-то я и бью чело́мъ государю, чтобъ велѣлъ училища устроить: его разумомъ и *грозю*, а твоимъ благословіемъ это дѣло исправится; ты-бы, господи́нь, отецъ нашъ, государей нашихъ великихъ князей просилъ, чтобъ велѣли училища устроить; а мой совѣтъ таковъ, что учить въ училищѣ сперва азбуку, а потомъ псалтери съ слѣдованіемъ накрѣпко; когда это выучатъ, то могутъ читать всякія книги. А вотъ мужики-невѣжды учатъ ребятъ, только рѣчь имъ портятъ: прежде выучить вечерню и за это мастеру принесетъ кашу да гривну денегъ, за заутреню то-же или еще и больше, за часы особенно, да подарки еще несетъ, кромѣ условной платы; а отъ мастера отойдетъ—ничего не умѣетъ, только бредеть по книгѣ; о церковномъ-же порядкѣ понятія не имѣетъ. Если государь прикажетъ учить и цѣну назначить, что брать за ученье, то учащимся будетъ легко, а противиться никто не посмѣетъ. Да чтобъ и поповъ ставленныхъ велѣлъ учить, потому что нерадѣніе въ землю вошло. Вотъ теперь у меня побѣжали четверо ставленниковъ—Максимка, да Куземка, да Афонаська, да Емельянка мясникъ; этотъ и съ недѣлю не учился—побѣжалъ; православны-ли такіе будутъ! по мнѣ, такихъ нельзя ставить въ попы: о нихъ Богъ сказалъ черезъ пророка: „ты разумъ мой отверже, азъ-же отрину тебя, да не будеши мнѣ служитель“.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ любопытнѣйшимъ документомъ.

Проходить четыреста лѣтъ со времени введенія христіанства и новое міровоззрѣніе не дѣлаеть ни малѣйшаго успѣха въ народной массѣ: „на землѣ нѣтъ человѣка, кого-бы можно въ попп поставить“. Кажется, и самъ Геннадій не понимаетъ, почему мясникъ Емельянка, задумавъ сначала въ священники, убѣждалъ черезъ недѣлю, и въ то-же время приводитъ слова пророка: „ты разумъ мой отверже, азъ-же отрину тебя“. Именно этотъ-то разумъ еще и недоступенъ русскому пониманію. Ни мысль, ни чувство не дозрѣли еще, чтобы покончить съ языческимъ матеріализмомъ и подняться въ облака идеализма. Мы думаемъ, что и самъ Геннадій не доросъ до истинно-христіанскихъ понятій. Онъ совершенно удовлетворяется однимъ наружнымъ, одной грамотой и умѣемъ читать, одной внѣшней способностью исполнять обряды и формы богослуженія. Его идеаль о *достойномъ попп* въполнѣ осуществляется въ человѣкѣ, умѣющемъ „читать всякія книги“, и научись мясникъ Емельянка бѣгло читать, онъ-бы сдѣлалъ его новгородскимъ священникомъ. Народное міровоззрѣніе стоитъ, очевидно, поперегъ христіанскому идеализму; языческое воззрѣніе на природу еще крѣпко привязываетъ человѣка къ землѣ, къ его непосредственнымъ, практическимъ нуждамъ и удовлетвореніямъ. Дѣйствовать на душу страхомъ тоже бесполезно. Воззрѣніе народа слишкомъ свѣтло, въ его настроеніи нѣтъ ничего мистическаго и уносящагося за облака, что мы находимъ, напримѣръ, у германцевъ и романцевъ, выработавшихъ себѣ такую страшную демонологію. Даже въ самомъ славянскомъ суевѣріи недостаетъ глубины, нѣтъ устрашающей силы. Души умершихъ—не страшные призраки, а веселыя русалки, посиживающія на деревьяхъ, какъ птицы, и наслаждающіяся хорошей солнечной погодой и теплыми весенними днями. Западные народы, сложивъ свою мифологію, выработали и понятіе о злѣ, которое они облекли пугающимъ загробнымъ характеромъ; ихъ элементъ чувства уже развился до полной возможности воспріятія суевѣрныхъ страховъ. Славяне, съ своимъ добродушно-беззаботнымъ взглядомъ на жизнь и на природу, не знали еще никакихъ страховъ, владѣли очень скуднымъ запасомъ понятій и были далеко неспособны къ воспріятію идей, коренившихся въ ихъ міровоззрѣніи въ видѣ слабого, едва намѣтившагося зародыша.

Въ этомъ-же причина, что русская христіанская церковь воз-

стаетъ противъ общей безнравственности и безпутства духовенства съ первыхъ своихъ шаговъ. На Западѣ, когда христіанскій идеализмъ является въ видѣ фанатическаго воодушевленія, охватывающаго всѣхъ, аскетизмъ есть естественное слѣдствіе общаго порыва и внутренняя необходимость. Только уже въ послѣдствіи, когда аскетизмъ доходитъ до крайности и грозитъ подавить окончательно физическую природу человѣка, является реакція, выразившаяся въ распущенности монашества. У насъ нѣтъ этого явленія: у насъ никѣмъ не овладѣваетъ энтузіазмъ или, вѣрнѣе, ему отдаются только отдѣльныя, весьма рѣдкія, личности. Воодушевленіе не охватываетъ всѣхъ, не выражается припадкомъ всеобщей горячки, не порождаетъ такихъ явленій, какъ крестовые походы, гдѣ одинъ человѣкъ увлекаетъ всю Европу, отъ послѣдняго земледѣльца до императора, гдѣ даже дѣти вообразили себя христовосцами и больше тридцати тысячъ ихъ погибло въ безумномъ фанатическомъ предпріятіи. Гдѣ у насъ что-нибудь подобное?

Распущенность наша повтому совсѣмъ иное явленіе. Она не реакція противъ аскетизма и идеализма, какъ на Западѣ, а просто дальнѣйшее развитіе той идеи, которую христіанство нашло уже готовой. Здѣсь тотъ-же самый путь, которымъ шелъ древній Римъ, но съ тою разницей, что римскій матеріализмъ есть полное, осмысленное философское ученіе, законченная идея, выразившаяся въ формѣ извѣстной цивилизаціи, русскій-же матеріализмъ, напротивъ, лишень всякой цивилизующей окраски, онъ не заключаетъ въ себѣ никакой сдерживающей головной силы, онъ чуждъ всякой идеи и развивается исключительно въ направленіи несознаннаго инстинкта. Христіанскій облагораживающій идеализмъ скользнулъ выше нашихъ понятій, не дотронулся до нихъ — и славянскій матеріализмъ пошелъ тѣмъ путемъ, который расчистили ему неблагоприятныя историческія условія.

Во всю исторію московской Руси, съ перваго дня ея крещенія, мы встрѣчаемъ безпрестанную борьбу высшаго духовенства — архіепископовъ и митрополитовъ — съ языческимъ міровоззрѣніемъ народа. Напримѣръ, митрополитъ Фотій увѣщаетъ новгородцевъ воздерживаться отъ сквернословія, отъ языческихъ обрядовъ, запрещаетъ духовенству, и червому, и бѣлому, торговать и заниматься ростовщичествомъ. Митрополитъ Іона осуждаетъ тѣхъ-же

новгородцевъ, что они изъ всякихъ пустяковъ впадаютъ въ гнѣвъ и ярость; „отсюда свары, прекословія, съ обѣихъ враждующихъ сторонъ является многонародное собраніе, нанимаютъ сбродней, пьячивыхъ и кровопролитныхъ людей, замышляютъ бой и души христіанскія губять“. Общая распущенность доходитъ до того, что въ 1551 году собирается церковный Соборъ и царь требуетъ содѣйствія святителей къ уничтоженію безпорядковъ. Оказывается, что по церквямъ звонятъ и поютъ не по уставу, что иконы пишутся неприлично, что божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ, и, написавъ, не исправляютъ списковъ, что у владыкъ нѣтъ праваго суда, а только волокиты и взятки; деревенскихъ поповъ утѣсняють безъ милости и берутъ съ нихъ большіе поборы; въ монастыри постригаются многіе только для тѣлеснаго покоя и чтобы свободно бразничать; архимандриты и игумены не ходятъ на службу божію и не посѣщаютъ общей трапезы, и покоятъ себя въ своихъ кельяхъ съ гостями; въ кельи жонки и дѣвки приходятъ; ребята молодые по всѣмъ кельямъ живутъ, „а братія бѣдная алчутъ и жаждутъ и ничѣмъ не успокоены“; все богатство монастырское находится въ рукахъ архимандритовъ и настоятелей, которые проживаютъ его съ боярами, гостями, пріятелями и друзьями; монахи и монахини по міру бродятъ; монахи и попы пьянствуютъ, вдовне попы соблазняютъ своимъ поведеніемъ; въ церквяхъ стоятъ въ тафьяхъ и шапкахъ, съ палками, говоръ и ропоть, и всякое прекословіе, и бесѣды, и срамныя слова; попы и дьяконы поютъ безчинно; церковные причетники всегда пьяны, безъ страху стоятъ и бранятся; попы въ церквяхъ дерутся между собою и въ монастыряхъ тоже; попы и дьяконы безъ ризъ служатъ, пономари и дьячки двоеженцы и троеженцы, въ алтари входятъ и святыни касаются; христіане приносятъ въ церковь кутью, въ канунъ на Великѣ День—пасху, сырн, яйца, рыбы печенныя, въ иные дни—галачи, пироги, блины, караваи и всякія овощи; въ Новгородѣ и Псковѣ устроенъ для этого во всякой церкви кутейникъ, въ Москвѣ-же все это вносится въ жертвенникъ и въ алтарь; въ монастыряхъ монахини и монахи и миряне живутъ вмѣстѣ. Въ 1638 году царь послалъ соловецкому монастырю грамоту, въ которой писалъ, что ему извѣстно, что въ соловецкій монастырь привозятъ съ берегу вино горячее и всякое красное нѣмецкое питье и медъ, и что

вино и питье старцы держать у себя по кельямъ, а не отдаютъ его въ монастырскій погребъ; что келарей и казначеевъ выбираютъ безъ соборныхъ старцевъ; что монахи, которые пьяное вино пьютъ, дѣлаютъ только смуту и всякое безчинство. Въ томъ-же году царь писалъ къ строителю Павлова обнорскаго монастыря: „вѣдомо намъ учинилось, что въ Павловѣ монастырѣ многое нестроенье, пьянство и самовольство; въ монастырѣ держатъ питье пьяное и табакъ; близъ монастыря надѣлали харчевни и въ волости къ крестьянамъ по пирамъ и по братчинамъ къ пиву ходятъ безпрестанно, бражничаютъ и безчинствуютъ, и всякое нестроение чинится“. Патріархъ Іосафъ, преемникъ Филарета Никитича, пишетъ о московскихъ беспорядкахъ, что „въ соборныхъ и приходскихъ церквяхъ чинится мятежъ, соблазнъ и нарушеніе вѣрѣ; служба божія совершается очень скоро, говорятъ голосовъ въ пять и въ шесть и больше, со всякимъ небреженіемъ; а мірскіе люди стоятъ въ церквяхъ съ безстрашіемъ, во время св. пѣнія бесѣды творятъ неподобныя, съ смѣхотвореніемъ, а иные священники и сами бесѣдуютъ, безчинствуютъ и мірскія угодія творятъ, чревоугодію своему послѣдуя и пьянству повинуюсь; пономари по церквямъ молодые безъ женъ, поповы и мірскихъ людей дѣти во время св. службы въ алтарѣ безчинствуютъ; во время-же св. пѣнія ходятъ по церквямъ шпшии, съ безстрашіемъ, человекъ по десятку и больше; отъ нихъ въ церквяхъ великая смута и мятежъ: то они бранятся, то дерутся; другіе, наложивъ на блюда пелены да свѣчи, собираютъ на церковное строеніе; иные притворяются малоумными, а потомъ ихъ видятъ цѣлоумными; иные ходятъ въ образѣ пустынническомъ, въ одеждахъ черныхъ и въ веригахъ, растрепавъ волосы; иные во время св. пѣнія въ церквяхъ ползаютъ, пискъ творятъ и большой соблазнъ возбуждаютъ въ простыхъ людяхъ. Также въ праздники вмѣсто духовнаго торжества и веселія затѣваютъ игры бѣсовскія, приказываютъ медвѣдчикамъ и скоморохамъ на улицахъ, торжищахъ и ратушіяхъ сатанинскія игры творить, въ бубны бить, въ сурны ревѣть, въ ладоши бить и плясать; по праздникамъ сходятся многіе люди, не только молодые, но и старые, въ толпы ставятся и бывають бои кулачныя великіе, до смертнаго убійства; въ этихъ играхъ многіе и безъ покаянія пропадаютъ. Всякія беззаконныя дѣла умножились, еллинскія блядословія, кощунства

и игры бѣсовскія; ѣдятъ удавленину и по торгамъ продають; да еще другъ друга бранятъ позорною бранью, отца и мать блуднымъ позоромъ, и всякою безстыдною нечистотою языки свои и души оскверняютъ“. Патріархъ Филаретъ писалъ сибирскому архіепископу Кипріану: „въ сибирскихъ городахъ многіе русскіе люди пьютъ и ѣдятъ и всякія скверныя дѣла дѣлають съ погаными заодно; иные живутъ съ татарками некрещенными, какъ съ своими женами, и дѣтей съ ними приживаютъ, а иные хуже того дѣлають—женятся на сестрахъ родныхъ, двоюродныхъ, названныхъ и на кумахъ, иные на матерей и дочерей посягають. Многіе служилые люди, которыхъ воеводы и приказные люди посылають въ Мосеву и въ другіе города для дѣлъ, женъ своихъ въ деньгахъ закладываютъ у своей братьи, у служилыхъ-же, и у всякихъ людей на сроки, и тѣ люди, у которыхъ онѣ въ закладѣ, съ ними до выкупу блудъ творять беззастенчиво, а какъ ихъ не выкупятъ въ сроку, то они продають на воровство-же и на работу всякимъ людямъ, а покупщики также съ ними воруяють и замужь выдаютъ, а иныхъ бѣдныхъ вдовъ и дѣвицъ беспомощныхъ для воровства къ себѣ берутъ силою, у мужей убогихъ рабочихъ людей женъ отнимають и держуть у себя для воровства. Многіе люди, мужчины и женщины, въ болѣзняхъ постригаются въ иноческій образъ, а потомъ, выздоровѣвши, живутъ въ домахъ своихъ по-прежнему, а многіе другіе и разстригаются; въ монастыряхъ мужскихъ и женскихъ старцы и старцы живутъ съ мірскими людьми вмѣстѣ, въ однихъ домахъ, и ничѣмъ отъ мірскихъ людей не разнятся“.

Очевидно, идеализмъ, внесенный византійскимъ мировоззрѣніемъ, не коснулся никого—ни свѣтскихъ, ни духовныхъ людей; онъ—не больше, какъ теоретическое, книжное представленіе, доступное на практикѣ только очень немногимъ. И древняя Русь представляетъ, дѣйствительно, очень ограниченное число подвижниковъ, подобныхъ св. Сергію или св. Кириллу. Во всемъ остальномъ населеніи, свѣтскомъ и духовномъ, въ его нравственномъ мировоззрѣніи усматривается лишь незнающій никакой сдержки порывъ личнаго чувства, опредѣляемый еще и нынче формулой: „моему ндраву не препятствуй“.

Въ области нравственныхъ идеаловъ Россія идетъ своимъ старымъ путемъ, извлекая изъ византійскихъ воззрѣній не то, что

можетъ просвѣтитъ мысль, а напротивъ то, что ее затуманиваетъ. На Западѣ аскетизмъ есть общее явленіе, — у насъ этого нѣтъ; на Западѣ религіозное одушевленіе охватываетъ все общество, — у насъ нигдѣ не замѣчается ни порыва, ни одушевленія, ни страстности — все идетъ съ какой-то ровной безразличностью, невоспринимаемое чувствомъ и исполняемое какъ формальное приказаніе; на Западѣ христіанскій идеализмъ есть реакція, выванная самою жизнью и свершающаяся въ самомъ народѣ, у насъ — онъ внѣшняя идея, рѣзко противорѣчащая еще живому, сильному, хотя и несложившемуся въ законченную систему матеріалистическому міровоззрѣнію.

На Западѣ христіанская философія есть цѣлое, законченное ученіе, разработанное и приведенное въ стройную католическую систему интеллигенціей, воспитанной на римскомъ правѣ и унаслѣдованной имъ римской цивилизаціи; намъ новое ученіе достается въ готовомъ видѣ, у насъ нѣтъ никакой интеллигенціи, никто не разрабатывалъ христіанскаго идеализма, никто не додумывался до него собственнымъ умомъ.

На Западѣ духовенство есть высшій образованный слой: всѣ лучшіе и наиболѣе нравственные люди отдаются обѣту смиренія, послушничества, аскетизма, и науки, вмѣстѣ съ этими лучшими людьми, находятъ пріютъ въ монастыряхъ; въ XII столѣтіи Европа славится своими школами, которыя считаются десятками; въ X вѣкѣ уже преподаются повсюду: философія, реальныя науки, математика, физика, механика, — у насъ нѣтъ и слѣдовъ образованія: въ священники идутъ неграмотные люди, для которыхъ даже выучиться читать псалтырь есть трудъ неодолимый; высшая духовная власть считаетъ вполне достаточнымъ, если ставленникъ знаетъ ектенью и внѣшніе обряды богослуженія, потому что и это требованіе кажется всѣмъ неумѣреннымъ.

На Западѣ съ самаго начала рѣзко обозначаются два слоя — интеллигенція, наполняющая монастыри, отдающаяся служенію церкви и быстро формирующая изъ себя громадную силу, которою пользуется католицизмъ, чтобы утвердить повсюду свою власть и господство, — у насъ всѣ мужики: ни по понятіямъ, ни по воспитанію, ни по образу жизни нашъ священникъ не отличается отъ крестьянина; самъ царь указываетъ Собору 1551 г., т. е. спустя почти 600 лѣтъ послѣ введенія христіанства, что архимандриты

и настоятели не дѣлаютъ ничего для устроенія церкви, что повсюду безобразіе, развратъ и пьянство, что въ церквяхъ пьютъ и ѣдятъ, что священники въ церквяхъ ругаются и дерутся. Такимъ образомъ, православная церковь бесплодно истощаетъ свои силы, чтобы организовать себѣ исполнительныя средства, и вмѣсто цѣлыхъ конгрегацій и монашескихъ орденовъ, которые служатъ западному католицизму, у насъ только единичные высшіе представители церкви — архіепископы, митрополиты и патриархи ведутъ постоянную борьбу съ невѣжествомъ народа и съ невѣжествомъ духовенства, неотличающагося ничѣмъ отъ народа. Въ области церкви мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣмъ-же явленіемъ, съ которымъ впоследствии встрѣчаемся въ области внутренняго управленія: Петръ Великій долженъ былъ быть въ одно и то-же время и царемъ, и солдатомъ, и плотникомъ, и законодателемъ.

На Западѣ кромѣ образованнаго духовенства есть еще средній и высшій феодальный слой, культивирующій извѣстныя знанія, образующій изъ себя тоже извѣстную интеллектуальную силу, изъ которой выходитъ послѣдующій романтизмъ въ образѣ трубадуровъ, миннезингеровъ и восторженнаго рыцарства, обоготворяющаго любовь и создающаго вышнюю форму великосвѣтскости. Справедливо, что подъ вышними, мягкими формами не всегда скрываются соответственныя чувства; но реакція противъ грубости нравовъ очевидна, пробужденіе гуманности несомнѣнно; гуманность разрабатывается даже въ цѣлое теоретическое ученіе и создаетъ новое социальное направленіе. У насъ нѣтъ ни образованнаго духовенства, ни средняго, ни высшаго слоя; невѣжество разлито повсюду одинаково, начиная съ верхняго слоя и до низшаго; нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ни мягкости, ни гуманности. Напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ мы наталкиваемся на большую грубость и жестокосердіе; все, что было мягкаго и свѣтлаго въ первобытномъ славянскомъ міровоззрѣніи, послѣ кровопролитныхъ удѣльныхъ распрій и хищническихъ набѣговъ монгольскихъ шаекъ вымираетъ; добродушіе и дѣтская простота отношеній смѣняются подозрительностью и недоувѣріемъ; что-то мрачное, давящее и роковое разливается надъ всею русскою жизнью; косность и застои владутъ свою печать на всѣ частныя и общественныя отношенія и наблюдателя поражаетъ повсюдная неисходная спячка мысли и грубость чувства, лишеннаго всякой искры человѣколюбія.

На Западѣ крайне разившійся идеализмъ порождаетъ злоупотребленія аскетизма, уводитъ въ мистицизмъ, въ царство призраковъ и привидѣній, порождаетъ наконецъ поврежденіе церкви и въ самой ней вызываетъ реакцію, оканчивающуюся рационализмомъ Виклефа, Гусса и Лютеровой реформой;—у насъ нѣтъ ни одного изъ этихъ явленій: у насъ не только нѣтъ злоупотребленій аскетизма, но монашеству недостаетъ и внѣшней чистоты; никакого мистицизма мы не знаемъ, поврежденіе церкви не только намъ неизвѣстно, но при всемъ усердіи святителей и настояніи царской власти мы не можемъ еще установить твердыхъ внѣшнихъ церковныхъ формъ.

На Западѣ романтизмъ является какъ реакція классическому католицизму, связавшему лицо идеализмомъ;—у насъ это лицо еще нельзя ничѣмъ связать и обуздать: идеализмъ оказывается безсильнымъ предъ царящимъ повсюду матеріализмомъ.

III.

ОШИБОЧНОЕ ОБВИНЕНІЕ ВИЗАНТІЙСКАГО ВЛІЯНІЯ.

Говорятъ, что всѣ дурныя вліянія привились къ намъ вслѣдствіе нашего сосѣдства съ Востокомъ. Это, конечно, вѣрно, если только мы допустимъ, что Русь могла-бы ихъ избѣгнуть и была-бы на столько сильна интеллектуальнымъ содержаніемъ, чтобы выработать собственными умственными средствами свою цивилизацію, свою науку, свои формы жизни. Но гдѣ-же такая интеллектуальная сила проявляетъ себя въ русской исторіи? Гдѣ самостоятельность русскаго ума обнаруживается въ томъ творческомъ вліяніи, въ какомъ человѣческій духъ показалъ себя въ исторіи Греціи, Рима, западной Европы? Подъ чьимъ вліяніемъ развивалась Греція, кто создалъ цивилизацію Рима, кто создалъ науку Запада и формы его жизни? Почему мы усвоили только дурныя вліянія и не приняли хорошихъ, почему наконецъ мы сами не создали своего хорошаго и постоянно брали его отъ другихъ?

На эти вопросы можно отвѣтить только рядомъ новыхъ вопросовъ. Почему спартаецъ, живущій въ той-же самой Греціи, гдѣ живетъ и афинянинъ, не похожъ на афинянина? Почему спар-

талець по своему возрѣнію аристократъ, а афинянинъ демократъ? Почему только у афинянъ процвѣтають искусства и науки, почему только они создаютъ философію, а спартанцы годятся лишь для того, чтобы быть храбрыми и желѣзными воинами? Почему римляне не были въ состояніи выработать себѣ полного, законченнаго религіознаго представленія и забирали къ себѣ всѣхъ чужихъ боговъ и въ то-же время создали такую удивительную, законченную юридическую систему? Почему западно-европейскій человѣкъ, обнаруживъ замѣчательную пытливость мысли въ точныхъ знаніяхъ, никогда не могъ сбросить съ себя суевѣрія? Почему нѣмцы, провозгласившіе свободу изслѣдованія, въ то-же время подавили свою собственную мысль, а французы, жившіе подъ гнетущимъ вліяніемъ католицизма, первые въ континентальной Европѣ явились проповѣдниками свободомыслія? Почему идеализмъ и мистицизмъ развились на нѣмецкой почвѣ, а Франція обнаруживала преимущественную наклонность къ трезвой и реальной мысли? Почему только англичане изобрѣли механическаго двигателя, машины и орудія-машины, и только англійскіе пуритане могли создать американскія свободныя учрежденія, тогда какъ Франція, путемъ страшныхъ жертвъ и нравственныхъ напряженій, до сихъ поръ еще не можетъ осуществить своихъ теоретическихъ идеаловъ и романтическихъ стремленій?

Новѣйшая наука совершенно справедливо утверждаетъ, что человѣкъ есть результатъ природы и живетъ въ ней, но не внѣ ея. Но также справедливо, что природа, окружающая чеховъ, ничѣмъ не отличается отъ природы пруссаковъ, что хотя баварцы и саксонцы тѣ-же нѣмцы, но только однимъ пруссакамъ удалось выработать тотъ извѣстный складъ ума, наклонностей и стремлений, которыми нѣмецкая идея превратилась въ прусскую и пруссакъ пересталъ быть нѣмцемъ. Если всякому дѣйствию и всякому поведенію предшествуетъ извѣстная мысль, то, опредѣливъ творческіе законы мысли, мы узнаемъ секретъ, какимъ создаются Байроны, Шекспиры, Стефенсоны, Наполеоны I, Юліи Цезари и Александры Македонскіе, римляне, спартанцы, афиняне; мы узнаемъ, почему славяне, живущіе въ самыхъ благословенныхъ странахъ Европы, не достигли политической самостоятельности и затерлись подъ игомъ турокъ и нѣмцевъ, не проявивъ себя ничѣмъ въ области мысли; мы узнаемъ, почему только у англичанъ были

возможны Байроны, Шекспиры и Стефенсоны; почему только у римлянъ были Юліи Цезари, только въ Греціи Александръ Македонскіе и только у французовъ Наполеоны I. Да, счастливыя времена наступили-бы тогда для всего славянскаго міра и для насъ, русскихъ, въ особенности! Но увъ! наука знаетъ только явленія, но не знаетъ ихъ причинъ, и, обвиняя исламизмъ за то, что онъ испортилъ турокъ, все-таки нельзя не сознаться, что сами-же турки и выдумали исламизмъ. Греки-бы назвали это судьбой. Есть и русская судьба!

Западная Европа получила отъ древняго міра не только все его богатое наслѣдство, но прибавила къ нему и кое-что собственное. Мы стояли внѣ этого наслѣдства и жили своимъ собственнымъ особнякомъ, внѣ всякихъ интеллектуальныхъ и цивилизующихъ вліаній. Но вотъ является къ намъ византійскимъ путемъ христіанство. Что вносится къ намъ вмѣстѣ съ нимъ?—Нѣтъ, мы раньше спросимъ: что такое Византія?—Эта-же Римская имперія, съ той-же римскою наукой, съ тѣми-же риторами, философами и софистами, съ тѣми-же римскимъ правомъ и съ тѣми-же греко-римскимъ искусствомъ. Входитъ-ли къ намъ вмѣстѣ съ византійскимъ христіанствомъ хотя одна изъ византійскихъ гражданскихъ идей, византійская наука, византійское искусство, византійская гражданственность, византійскій обычай жизни? Нѣтъ, не входитъ ничего; не входитъ ни одно изъ тѣхъ знаній и тѣхъ понятій, для принятія которыхъ нужна извѣстная зрѣлость мысли, предварительная ея подготовка. Развитія юридическія понятія Византіи стоятъ настолько недосыгаемо выше славянскихъ родовыхъ понятій и славянскаго родового быта, что въ нихъ еще не чувствуется никакой надобности, и „Русская Правда“ Ярослава оказывается вполне удовлетворительнымъ кодексомъ. О гражданствѣ и государствѣ у насъ не существуетъ никакихъ понятій; понятіе о родѣ пересиливаетъ даже понятіе о семьѣ; языческій матеріализмъ выработалъ нравственныя понятія и отношенія, нисколько не согласныя съ христіанскимъ идеализмомъ, и русское гражданское право совершенно ихъ игнорируетъ. Только идеализируя прошлое, можно впаженію Владиміра I и Ярослава I приписывать чудеса; но въ дѣйствительности цивилизаторскихъ и гражданскихъ чудесъ князья эти не произвели, и золотой вѣкъ просвѣщенія Ярослава—

не больше, какъ патріотическое самообольщеніе. Напротивъ, факты говорятъ, что на громадномъ пространствѣ, на которомъ по лѣсамъ и дебрямъ раскинулись восточные славяне, нельзя было ничего ни предпринять, ни устроить. Тотъ прогрессъ мысли и христіанскаго идеализма, о которомъ говорятъ намъ лѣтописцы, былъ крошечнымъ движеніемъ, охватившимъ лишь княжескій кружокъ, т. е. самый высшій и самый тонкій слой. Первые епископы—*Феодоръ, Иларіонъ, Леонтій*, пытавшіеся вносить христіанскую проповѣдь въ глубь Руси, должны были бѣжать. Поколѣніе, установившееся въ прежнихъ понятіяхъ, и слышать не хотѣло о добровольномъ крещеніи. Чтобы содѣйствовать развитію христіанства, при *Владимірѣ* и *Ярославѣ* отбирали дѣтей лучшихъ гражданъ и приближенныхъ, учили ихъ грамотѣ и воспитывали ихъ въ христіанскихъ понятіяхъ. Монастыри и церкви строились князьями, и монахи и священники привлекались въ нихъ побужденіями, очень мало похожими на христіанскія. „Много монастырей поставлено отъ князей и бояръ, на богатомъ иждивеніи, говорятъ лѣтописецъ,—но не таковы эти монастыри, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ, молитвою, бдѣніемъ“. Конечно, монастырей, поставленныхъ слезами, въ сущности въ началѣ тоже не было, потому что подвижники, подобные *Антонію* или *Феодосію*, жили просто въ пещерахъ. Слѣдовательно, византійская культура была отнюдь не всеобщимъ русскимъ явленіемъ: она коснулась только княжескаго и дружиннаго слоя да немногихъ отдѣльныхъ личностей тѣхъ южныхъ мѣстностей, какъ *Кіевъ*, гдѣ византійское вліяніе находило себѣ ближайшую пищу.

Христіанство, чтобы быть принятымъ, не нуждается въ установившейся и развитой гражданственности; христіанскіе миссіонеры возможны у дикарей *тунгусовъ*, у дикарей *Тихаго Океана*. Но вообразите среди тѣхъ-же дикарей европейскихъ юристовъ, поучающихъ ихъ европейскому уголовному и гражданскому праву! Населеніе, жившее въ тущобахъ, раскинутое почти на томъ-же протяженіи, которое занимаетъ теперешняя *Россія*,—населеніе, имѣвшее почти десять городовъ, изъ которыхъ только одинъ *Кіевъ* имѣлъ городской характеръ, а остальные были небольшими земледѣльческими селами,—населеніе, удовлетворявшее всѣмъ своимъ потребностямъ простымъ, неразработаннымъ сырьемъ и естественными произведеніями,—населеніе, чуждое всякихъ утонченныхъ

потребностей мысли и чувства, полудикое, невыработавшее себя еще никакого ни гражданского, ни религіознаго мировоззрѣнія, невыросшее еще изъ родового быта, — вотъ тогдашняя Русь. Что дѣлать среди такого населенія византійскимъ риторамъ, софистамъ, философамъ и юристамъ? Что дѣлать среди такого населенія греко-римскимъ ученымъ, ремесленникамъ, фабрикантамъ? Гдѣ пристроиться византійскому обычаю, его утонченнымъ, цивилизованнымъ привычкамъ и складу жизни? Только одна сторона византійской цивилизаціи была доступна подобному первобытному народу и въ ней-то именно одной и обнаружилось византійское вліяніе.

Замыслы князей были, конечно, шире. Первые русскіе князья совѣтовались съ греческими архіепископами и о гражданскихъ дѣлахъ, о введеніи новыхъ юридическихъ формъ и понятій. Но подобныя формы и понятія были еще совершенно недоступны для полудикаго лѣснаго населенія, жившаго поселками и починками и совершенно чуждаго всякой идеи государственной гражданственности. Поэтому и гражданское воспитаніе подобнаго народа религіознымъ путемъ должно было получить религіозный характеръ, и оппозиція языческому матеріализму должна была придать своему протесту религіозный характеръ и гражданскія отношенія превратить въ нравственныя. Христіанство начало съ исправленія семейныхъ понятій, съ установленія святости власти родительской, съ установленія нравственныхъ и даже имущественныхъ отношеній между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми. Даже тяжба между дѣтьми умершаго отца о наслѣдствѣ была предметомъ духовнаго разбирательства. Духовному-же суду подлежали всѣ тѣ лица, которыя имѣли хотя самое отдаленное отношеніе къ церкви, напримѣръ, люди, отпущенные на волю господами ради спасенія души, слѣпые, хромые, увѣчные и нищіе, жившіе при церквяхъ.

Это религіозно-нравственное или, вѣрнѣе, церковное воспитаніе шло очень туго и новыя понятія распространялись преимущественно въ томъ верхнемъ слоѣ, который служилъ представителемъ тогдашней русской интеллигенціи. Не годами, а десятками лѣтъ и даже вѣками, шло воспитаніе и, наконецъ, въ XVII столѣтіи достигло своего высшаго развитія. Римскій идеаль родительской власти, съ его незнающимъ уступки абсолютизмомъ, бе-

условное главенство главы семейства надъ женой, дѣтьми, домочадцами осуществился у насъ въ религіозномъ освященіи, какъ божественное право, стоящее вѣдъ всякаго гражданскаго вѣдъшательства. Церковная образованность—эта единственная образованность, бывшая доступной русскому пониманію,—установила своеобразныя формы жизни, понятія о приличіяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ, имѣвшія характеръ вѣдъшняго благочестія и наружной святости. Цари служили высшими представителями этой образованности и своимъ примѣромъ распространяли ее на приближенныхъ, бояръ, служилое сословіе и купечество. Народа эта образованность коснулась слабо и объ его благочестіи исторія умалчиваетъ. Образчикомъ церковной цивилизаціи можетъ служить образъ жизни Ѳедора Ивановича. Царь, какъ извѣстно, хотя былъ и слабоуменъ, но отличался ласковостью и набожностью. Онъ вставалъ около четырехъ часовъ утра и, одѣвшись, принималъ духовника съ крестомъ. Затѣмъ входилъ крестовый дьяконъ съ иконой святаго, день котораго празднуется. Царь молился иконѣ около четверти часа; снова входилъ священникъ съ святой водой, крошилъ ею царя и иконы. Кончивъ утреннюю молитву, царь посылаетъ къ царицѣ спросить, хорошо-ли она почивала, и затѣмъ идетъ къ ней самъ. Потомъ царь и царица идутъ вмѣстѣ въ церковь къ заутрени. Заутреня продолжается около часу. Послѣ заутрени царь принимаетъ ближнихъ бояръ, которые приходятъ къ нему только для того, чтобы ударить челомъ и пожелать благополучія. Послѣ того царь идетъ къ обѣднѣ, которая продолжается два часа. Послѣ обѣдни царь отдыхаетъ, обѣдаетъ и ложится спать. Царь спитъ обыкновенно три часа, но если онъ идетъ въ баню или располагаетъ потѣшиться кудачнымъ боемъ,—то только два. Вечеромъ царь идетъ къ вечернѣ и время до ужина проводитъ съ царицей, забавляясь карлами и шутами. Каждую недѣлю царь отправляется на богомолье въ какой-нибудь изъ ближайшихъ московскихъ монастырей.

Намъ говорятъ о мрачномъ невѣжествѣ московской Руси, которую съ такимъ погромомъ разбилъ Петръ I; намъ говорятъ, что всему причиной византійское вліяніе. Но развѣ это византійское вліяніе, когда изъ всѣхъ элементовъ греко-римской цивилизаціи мы взяли только одинъ — вѣдъшнюю, чисто-догмати-

ческую и формальную ея сторону? Тутъ, очевидно, вопросъ не во вліяніи, а въ односторонности вліянія, въ томъ, что изъ всѣхъ идей мы оказались способными воспринять только одну, да и ту развили съ тѣмъ скучнымъ, апатическимъ своеобразіемъ, которое придало всей московской жизни что-то косно-туное, упрямо-стоячее, консервативно-замкнутое и растительное. Россіи, окруженной съ одной стороны католическими странами, съ другой — Византіей, нельзя было-бы избѣгнуть христіанства. Мы предполагаемъ, что не Византія, а католицизмъ вносить къ намъ первую христіанскую проповѣдь. Значить-ли это, что мы становимся способнѣе къ воспринятію идей тогдашняго цивилизованнаго міра? Развѣ въ Византіи была не та-же образованность, какъ и въ Римѣ? Развѣ не однѣ науки, не одни учрежденія жили и на Западѣ и Востокѣ? Если-бы католическое миссіонерство оказалось усерднѣе византійскаго и выслало-бы полчище францискановъ, доминикановъ, бернардиновъ и впоследствии іезуитовъ — мы не отрицаемъ, что цивилизація Россіи получила-бы иной характеръ, можетъ быть, мы пережили-бы и періодъ религіознаго фанатизма, и ужасы инквизиціи, и поврежденіе церкви, носили-бы рыцарскіе доспѣхи, распѣвали-бы пѣсни трубадуровъ, наконецъ могли-бы даже сдѣлаться и лютеранами. Но все это могло-бы точно также и не быть, да, вѣроятно, и не было-бы.

Если-бы ростъ мысли совершался подъ однимъ внѣшнимъ давленіемъ, то воспитаніе дѣтей не представляло-бы никакихъ затрудненій. Развѣтїе мысли есть процессъ органической и медленной; интеллектуальный ростъ народа совершается вѣками; формы внѣшней жизни соотвѣтствуютъ внутреннимъ процессамъ мысли и ея зрѣлости; наука, цивилизація во всей ихъ многосторонности становятся только достояніемъ тѣхъ, чья мысль живетъ прогрессивной жизнью, кто носитъ въ себѣ извѣстные твердо выработанные идеалы и стремленія, кто располагаетъ силами для ихъ осуществленія и кому обстоятельства помогаютъ ихъ осуществлять. Проявляетъ-ли Русь ту силу мысли, энергіи и прогрессивнаго порыва, примѣръ которой мы видимъ въ древней Греціи, въ древнемъ Римѣ и — въ значительно слабѣйшей степени — у нѣмцевъ и французовъ? Именно этой-то силы мысли мы и не усматриваемъ у славянъ ни въ ихъ языческой періодъ, когда они, не успѣвъ еще сложить своего языческаго религіознаго міровоззрѣнія, были

застигнуты христіанствомъ, подавившимъ ихъ внѣшнимъ величіемъ, но возвышенно-идеальная сторона котораго прошла выше славянскаго чувства; не усматриваемъ силы мысли и въ философско-юридическомъ направленіи, ибо въ тысячу лѣтъ государственнаго существованія Россія была не въ состояніи выработать формъ гражданскихъ и юридическихъ, за которыми она всегда обращалась и теперь обращается къ другимъ.

Если изъ двухъ вліяній, которыя могли на насъ обнаружиться, пришлось-бы дѣлать выборъ, то мы предпочли-бы вліяніе византійской культуры католическому уже только потому, что не усматриваемъ въ ней того подавляющаго деспотизма и настойчивости, которыя повсюду обнаруживалъ католицизмъ. Мы не считаемъ католическую Польшу счастливѣе Россіи и причины высшей цивилизаціи Богеміи и Польши видимъ не во вліяніи католицизма, а, напротивъ, именно въ томъ, что служило ему реакціей. Католицизмъ, сильный разнообразіемъ своихъ интеллектуальныхъ средствъ, начитанностью, внѣшнимъ лоскомъ, риторствомъ, философіей, софистикой, даже на народы передовые обнаруживалъ свое могущественное вліяніе и подчинялъ ихъ совершенно себѣ. Едва ли можно предположить, чтобъ его просвѣтительное вліяніе осталось слабѣе у народа полудикаго, слѣдовательно расположеннаго къ суевѣрію, и гдѣ господство финскихъ племенъ—этого источника чудесничества и волхвованій—представляло такую превосходную почву для развитія самой чудовищной демонологіи.

IV.

СУЕВѢРІЕ.

При полномъ отсутствіи критическаго отношенія къ явленіямъ природы и къ вопросамъ о человѣческой судьбѣ, при глубочайшемъ равнодушіи нашихъ предковъ къ умственной дѣятельности, надо удивляться не тому, что явилось много суевѣрій, а тому, что ихъ явилось мало; по крайней мѣрѣ, они не имѣли того фанатическаго характера, которымъ ознаменовались религіозныя преслѣдованія и знаменитые процессы вѣдьмъ на Западѣ. Слабость философскаго мышленія мѣшала выработкѣ извѣстныхъ точныхъ

представленій, которыя, переходя затѣмъ въ несомнѣнное убѣжденіе, отстаивались-бы съ фанатической самоувѣренностью. Когда чужіе выводы принимаются на вѣру и усваиваются механическимъ путемъ, они лишаются всей силы непосредственности и не могутъ обнаруживать дѣйствительно могущественнаго вліянія на чувство. Только этимъ и объясняется та безразличность, съ какой русскіе относились къ вѣдовству. Мало того, что русскіе преслѣдовали его безъ ненависти и фанатизма: они, не отказываясь отъ своего первоначальнаго языческаго взгляда на вѣдовство, даже эксплуатировали его, какъ извѣстную мудрость и знаніе. Князь Курбскій рассказываетъ, что „Василій съ законопреступною женою, юною сущей, самъ старъ будучи, искалъ черно книжниковъ презлыхъ отовсюду, да помогутъ ему въ плодотворенію... о чаровникахъ-же оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо ажъ до Корелы, и оттуда привожаху ихъ къ нему“. Въ 1581 году въ Москвѣ явилась комета съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ, и Иванъ Грозный, смотря изъ эту комету, сказалъ: „вотъ знаменіе моей смерти“. Царь велѣлъ собирать астрологовъ въ Россіи и Лапландіи, т. е. колдуновъ, и ихъ собралось 60 человекъ; всѣ они предсказали царю смерть.

Тотъ-же Иванъ IV писалъ Курбскому: „наши извѣнники бояре наустиша скудожайшіи умоми народъ, что будто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская, съ своими дѣтьми и людьми сердца человѣческаго вымала и таковыми чародѣйствомъ Москву попала“. Въ 1632 году, во время войны съ Литвою, было запрещено ввозить въ московское государство хмѣль, потому что лазутчики донесли, что какая-то баба-вѣдунья наговариваетъ на хмѣль, чтобы занести съ нимъ въ Москву моровое повѣтріе. Въ 1635 году пріѣхалъ въ Москву силистрійскій митрополитъ Іоакимъ и говорилъ, что константинопольскій патріархъ Кирилъ велѣлъ ему извѣстить царя и приближенныхъ, чтобы оберегали его здоровье и остерегали отъ грамоты турецкаго султана, который на него сердитъ за миръ съ польскимъ королемъ и можетъ послать на царя зло. И такъ думали люди, стоявшіе въ Россіи во главѣ интеллигенціи!

Что касается престоноародья, то оно еще и въ XVI столѣтіи не разставалось съ своими языческими богами. Христолюбецъ пишетъ: „не подобаетъ крестьянамъ игоръ бѣсовскихъ игра-

ти, иже есть плясба, гульба, пѣсни бѣсовскія и жертвы идольскія, иже огневи молятся и виламъ и Мокоши и Симу, Реглу и Перуну и роду и рожаницамъ и всѣмъ тѣмъ, иже суть имъ подобна“. Въ 1673 году Мисаилъ, митрополитъ бѣлогорскій, писалъ къ Никодиму, архимандриту курскому: „да въ городахъ-же и уѣздахъ мужскаго и женскаго пола бывають чародѣи и волхвованіемъ своимъ и чародѣйствомъ многихъ людей прельщаютъ. Многіе люди тѣхъ волхвовъ и чародѣевъ въ домъ къ себѣ къ малымъ дѣтямъ и больнымъ младенцамъ призываютъ, а они всякое волхвованіе чинятъ и отъ правовѣрія православныхъ христіанъ отлучаютъ“. Въ „Стоглавѣ“ читаемъ: „нѣщїи не прямо тяжутся, а поклепавъ крестъ цѣлуютъ, на полѣ бьются и кровь проливаютъ и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ и въ Аристотелевы Враты и въ Рафли смотрятъ и по звѣздамъ и ланитамъ глядятъ и смотрятъ дней и часовъ... И на тѣ чарованія надѣясь поклебца и абединъ не мирятся и крестъ цѣлуютъ и на полѣ бьются и поклепавъ убиваютъ... Злая ереси, кто знаетъ ихъ и держится... Рафли-Шестокрыль, Вороноградъ, Остромиѣ, Задѣи, Альмонахъ, Звѣздохочета, Аристотель, Аристотелевы Враты и инныя кабы бѣсовскія тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя-бы не держали и не чли. По селамъ и деревнямъ ходятъ лживые пророки, мужики и женки и дѣвки и старыя бабы, наги и босы и волосы отроствивъ и распустя; трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются св. Пятница и св. Анастасія и заповѣдуютъ въ среду и пятокъ ручнаго дѣла не дѣлать и женамъ не прасты и платья не мыти и каменїа не разжигати“.

Всеобщее, міровое чернокнижіе не есть греческое изобрѣтеніе, чтобы было справедливо обвинять въ русскомъ суевѣрїи византійское вліяніе. Востокъ—вотъ истинная колыбель отвлеченныхъ человѣческихъ воззрѣній и толкованій, которыми уяснялось невѣдомое и непонятное. На Востокѣ народы создавали идеи мифовъ, думы для тайныхъ сказаній, пользовались былымъ для повѣрій и олицетворяли ихъ видѣніями. Всѣ воззрѣнія глубокаго Востока—семейныя, религіозныя, политическія и гражданскія—выработались изъ этого источника. Но народы Востока давно уже исчезли, а ихъ думы, вѣрованія, представленія остались живы и вошли въ жизнь новыхъ народовъ, нуждавшихся тоже въ об-

ясненіяхъ необъяснимаго и пытавшихся проникнуть въ тайны природы и тайны бытія. Каждый изъ новѣйшихъ народовъ усвоилъ себѣ часть древняго міровоззрѣнія, взявъ то, что подходило къ его быту, къ его понятіямъ, къ его настроенію, къ его умственному развитію. Какимъ путемъ эти вѣрованія и толкованія облетѣли и востокъ, и западъ, и югъ, и сѣверъ Европы, какой народъ передавалъ ихъ одинъ другому—прослѣдить нельзя. Известно только, что восточныя воззрѣнія, выработавшіяся въ Индіи, въ Египтѣ, въ Персіи, зашли въ Грецію и Римъ и затѣмъ распространились по Европѣ. Древній міръ имѣлъ своихъ прорицателей, облеченныхъ жреческимъ религіознымъ характеромъ, знанія которыхъ составляли цѣлое мистическое знаніе. То, что мы называемъ теперь суевѣріемъ, имѣло въ древности религіозный характеръ, было мудростью жрецовъ, источникомъ ихъ прорицаній, служило для опредѣленія человѣческой судьбы, рѣшало даже политическія и государственныя недоразумѣнія.

Многія изъ существующихъ суевѣрій имѣли и въ древности, въ томъ источникѣ, изъ котораго они произошли, тотъ-же смыслъ, какой они имѣютъ и нынче. Крики ворона, вороны, совы считались предвѣстниками бѣдствій; кукованье кукушки опредѣляло число лѣтъ, которое остается прожить человѣку; если запоетъ курица—то предвѣщаніе скорой смерти или другого домашняго несчастія. Падающая звѣзда предсказываетъ близкую смерть. Дымомъ, его формой и направленіемъ, можно опредѣлить погоду и имъ-же можно уничтожить многія болѣзни скота. Появленіе мышей предвѣщаетъ бѣдствіе и неурожай. Если бросить горсть золы на дворъ сосѣда, то можно истребить всю растительность на его землѣ. Многое изъ этихъ тайныхъ знаній имѣло прорицательный характеръ, многое-же было чистымъ вѣдовствомъ, т. е. средствомъ порчи и зла.

Въ древней Россіи самыми знающими вѣдунами и колдунами считались финны, корела, мордва, вообще мудрецы финскаго племени. Русскіе далеко не обладали такими знаніями и отдавали финнамъ пальму первенства. Суевѣріе очень хорошо разрѣшало народу всѣ его недоразумѣнія, давало отвѣты на всѣ его вопросы и имѣло еще то удобство передъ нынѣшней книжной наукой, что не требовало грамотности и распространялось устной передачей. Эта древняя восточная мудрость проникала всѣ слои общества

и такъ-же удобно уживалась въ царскихъ палатахъ, какъ это мы видѣли, какъ въ хоромахъ митрополитовъ, архіепископовъ и въ избѣ простолюдина. Тотъ самый архіепископъ Геннадій, который такъ хлопоталъ о школахъ и не могъ найти настоящихъ грамотѣевъ во всей новгородской землѣ, писалъ къ Нифонту, епископу суздальскому: „уже нынѣ ругаются христіанству: вьжутъ кресты на вѣроны и на воронъ... Воронъ летаетъ, и крестъ на немъ вязанъ дресвянъ; а на воронѣ крестъ мѣдянь. Да привели ко мнѣ попа, да діакона, а они дали крестьянину крестъ тѣльникъ, древо плакунъ, а христіанинъ учалъ съ тѣхъ мѣстъ сохнуть, да немного болѣлъ, да умеръ“. И такъ, даже Геннадій вѣрилъ, во что вѣрили всѣ остальные! Въ „Стоглавѣ“ говорится, что „нѣкоторые-же невеликіе попы въ великій четвергъ соль предъ престолъ кладутъ и до седьмого четверга по велицѣ дни тамъ держать и ту отдають на врачеваніе людямъ и скотамъ“. Лѣтописцы, люди все образованные, весьма серьезно разсказываютъ о чародѣйствахъ. О Годуновѣ они сообщаютъ, что онъ собиралъ волхвовъ и кудесниковъ и съ ихъ помощью привлекъ къ себѣ любовь царя. Волшебники-же предсказали Борису, что онъ хотя и будетъ царствовать, но не болѣе семи лѣтъ.

На Западѣ вѣдовство считается явленіемъ чисто-нравственнаго порядка, источникомъ его—тѣ самыя демоническія, адскія силы, то самое злое начало, которое въ гордомъ ослѣпленіи ведетъ постоянную борьбу съ началомъ истины, благодати и добра; слѣдовательно, вѣдовство есть протестъ ада противъ неба, это его козни, которыми онъ старается уловить слабыя души въ свои сѣти, увеличить свои силы, чтобы взять перевѣсъ надъ силами блага и вмѣсто царства свѣта установить царство тьмы. Русское воззрѣніе на вѣдовство не отличается такою опредѣленностью; въ немъ видно, напротивъ, первоначальное воззрѣніе славянъ и восточное вліяніе, превращающее вѣдовство въ извѣстную мудрость, въ знаніе тайнъ природы. Элементъ таинственности, конечно, играетъ тутъ очень важную роль, но народное міровоззрѣніе не успѣло еще провести такой рѣзкой черты, какую провело католичество, точно разграничившее все языческое отъ христіанскаго. Былой религіозный взглядъ на прорицаніе все еще сопровождаетъ народное представленіе о вѣдовствѣ. Будетъ точнѣе сказать, что народъ рѣшительно не знаетъ, какъ ему смотрѣть на

вѣдовство, и готовъ допускать въ немъ и начало доброе, и начало злое. Онъ меньше думаетъ о томъ, чтобы составить себѣ опредѣленное философское понятіе о вѣдовствѣ; и смотритъ больше на него реальнымъ, земнымъ окомъ, стараюсь пользоваться имъ для своихъ практическихъ цѣлей. И этотъ взглядъ господствуетъ во всемъ древнемъ русскомъ обществѣ. Къ вѣдовству обращаются, въ случаѣ безплодія, не одни простолюдины, но и великіе князья; знахари лечатъ и богатыхъ и бѣдныхъ, и художниковъ и великихъ; кудесники предсказываютъ судьбу и въ царскихъ палатахъ, и въ мужицкихъ землянкахъ. Въ этихъ случаяхъ кудесники и вѣдуны люди почетные и уважаемые: къ нимъ обращаются съ просьбами и за совѣтами, ихъ награждаютъ и одариваютъ. Конечно, если вѣдуны, вмѣсто того, чтобы приносить пользу, напускаютъ икоту, наговариваютъ болѣзни, засуху, неурожай и какія-нибудь частныя народныя бѣдствія, ихъ ждетъ народная месть. Но въ этой мести нѣтъ ничего фанатическаго; преслѣдуется не общее начало, а частный случай; борьба идетъ не съ вѣдовствомъ, а только съ тѣми кудесниками, которые дѣлаютъ дурно. Да и кому преслѣдовать самый принципъ, когда всѣ въ него вѣруютъ, когда каждый знаетъ, что, въ случаѣ бѣды, ему не избѣгнуть помощи знахаря и знающаго человѣка, умѣющаго найти пропажу, умѣющаго заговорить болѣзнь, привлечь милаго человѣка, отвлечь немиллаго, помочь во всякой нуждѣ?

Такое болѣе простое, непосредственное, менѣе выработанное идеалистическое, болѣе матеріалистическое отношеніе къ вѣдовству спасло Россію отъ „процессовъ вѣдьмъ“ и отъ повального инквизиціоннаго преслѣдованія колдовства. Хотя и у насъ сжигали колдуновъ, но не ради спасенія ихъ душъ: сжигали ихъ просто потому, что такое наказаніе колдунамъ и вѣдьмамъ установилось во всемъ свѣтѣ. Сжиганіе колдуновъ не сопровождалось у насъ никакими утѣченными юридическими изслѣдованіями и процессами, не привлекались къ дѣлу сотни оговоренныхъ и вообще генеральный характеръ процессовъ о колдунахъ не придавался. Бывали исключенія только въ тѣхъ случаяхъ, когда колдовство имѣло политическій оттѣнокъ, когда оно касалось высшихъ интересовъ и возбуждало вниманіе подозрительнаго московскаго правительства. Такъ, когда въ Астрахани былъ отравленъ крымскій царевичъ Муратъ-Гирей и докторъ сказалъ, что его

испортили вѣдовствомъ, то отъ царя былъ отправленъ бояринъ Пушкинъ. Боярину велѣно пытать вѣдуновъ, чтобы узнать, по чьему умышленію испорченъ царевичъ, и затѣмъ ихъ сжечь. Народъ поступалъ проще. Судъ и расправа его не отличались процессуальнымъ характеромъ и вѣдуновъ, въ случаѣ подозрѣнія, или жгли безъ дальнихъ судебныхъ околичностей, или-же удовлетворялись принятыми въ католическомъ Западѣ доказательствами. Серапіонъ, епископъ владимірскій, по поводу одного подобнаго случая пишетъ въ своей паствѣ: „я было короткое время порадовался, дѣти, видя вашу любовь и послушаніе къ нашей худости; я сталъ было думать, что вы уже утвердились и съ радостью принимаете божественное писаніе. Но вы еще держитесь поганскаго обычая, волхвованію вѣрите и сожигаете невинныхъ людей. Если кто изъ васъ и самъ не билъ ихъ, но былъ въ сомнѣ съ другими въ одной мысли, и тотъ такой-же убійца: ибо если кто могъ помочь, да не помогъ, все равно, что самъ велѣлъ убивать. Въ какихъ книгахъ, въ какихъ писаніяхъ вы слышали, что голода бываютъ отъ волхвованія и, наоборотъ, волхвованіемъ-же хлѣбъ умножается? Если вы этому вѣрите, то зачѣмъ-же пожигаете волхвовъ? Умоляйте, почитайте ихъ, дары имъ приносите, чтобы устраивали моръ, дождь напускали, тепло приводили, землѣ велѣли быть плодоносною. Теперь вотъ уже три года хлѣбъ не родится не только на Руси, но и въ латинскихъ земляхъ: что-же, все это волхвы надѣлали? Чародѣи и чародѣйки дѣйствуютъ силою бѣсовскою надъ тѣмъ, кто ихъ боится, а кто вѣру твердую держитъ къ Богу, надъ тѣмъ они не имѣютъ власти. Скорблю о вашемъ безуміи; умоляю васъ, отступите отъ дѣлъ поганскихъ. Если хотите очистить городъ отъ незаконныхъ людей, то очищайте, какъ царь Давидъ очистилъ Іерусалимъ: онъ страхомъ Божиимъ судилъ, духомъ святымъ прозрѣвалъ. А вы какъ осуждаете на смерть, будучи сами исполнены страстей,—одинъ губить по враждѣ, другой хочетъ прибытка, а иногда безумному хочется только побить да пограбить, а за что бить и грабить, того самъ не знаетъ. Правила божественныя повелѣваютъ осуждать человѣка на смерть по выслушаніи многихъ свидѣтелей, а вы въ свидѣтели поставили воду, говорите: если начнетъ тонуть — невинна, если-же поплыветъ — то вѣдьма. Но развѣ дьяволъ, видя ваше маловѣріе, не можетъ

поддержать ее, чтобы не тонула, и тѣмъ ввести васъ въ душегубство? Свидѣтельство человѣка отвергаете, а идете къ бездушному естеству, къ водѣ, за свидѣтельствомъ!“

Мысли Серапіона важны по ихъ реальному содержанію, котораго мы не находили въ воззрѣніяхъ католическаго Запада за то-же время. На Западѣ, гдѣ иневиція воздвигла страшныя востры и сжигала вѣдьмъ сотнями, долго ни одинъ голосъ не смѣлъ подняться на защиту несчастныхъ. Ульрихъ Малиторъ, одинъ изъ первыхъ писателей, явившійся съ своимъ протестомъ въ 1489 году, хотя и называетъ колдовство игрой воображенія, но все-таки настаиваетъ на необходимости сжиганія вѣдьмъ за ихъ отступничество и за ослушаніе законамъ. Даже Фридрихъ Шпее, бывшій членомъ іезуцкаго ордена и въ качествѣ духовника проводившій не одну вѣдму на костеръ, только послѣ долгой практики убѣдился, что всѣ эти несчастныя клепали сами на себя, не вынося пытки и истязаній. „Подвергните такимъ-же истязаніямъ, какія вытерпѣли эти несчастныя, главу церкви, судей или меня—и вы признаете всѣхъ насъ колдунами!“ говоритъ Шпее. И это говорилось раньше, чѣмъ „процессы вѣдьмъ“ достигли апогея своего развитія, слѣдовательно, не имѣло никакого вліянія на общественное мнѣніе, которое само поддерживало доминикановъ и было заражено нетерпимостію, фанатизмомъ и мистицизмомъ.

Міросозерцаніе древней Руси не имѣло такого мрачнаго характера и относилось добродушнѣе къ преслѣдованію враговъ господствующихъ вѣрованій, но оно и не было строго-выработанной системой и опиралось болѣе на чувство, чѣмъ на сознаніе; если оно было равнодушно къ своимъ врагамъ, то не особенно ретиво заботилось и о своихъ друзьяхъ.

Н. Радюкинъ.

(Продолженіе будетъ.)

КРЕСТЬЯНСКІЕ ВЫБОРЫ:

(Окончаніе.)

Выборъ старшинъ и прочихъ волостныхъ начальниковъ производится не балотировкой, а открытой подачей голосовъ. По закону, наличное число избирающихъ должно составлять не менѣе двухъ третей всего населенія волости, имѣющихъ право на подачу голоса, т. е. совершеннолѣтнихъ и самостоятельныхъ домохозяевъ. Подобные сходы всегда бываютъ шумны, благодаря партіямъ, предъявляющимъ своихъ кандидатовъ на то или другое званіе. Каждая партія считаетъ себя въ правѣ разбирать при этомъ удобномъ случаѣ достоинства и недостатки кандидата и, конечно, за каждымъ изъ нихъ послѣднихъ качествъ всегда оказывается болѣе, чѣмъ первыхъ. Здѣсь считается умѣстнымъ высказать все, что знаютъ про человѣка, и высказать какъ можно болѣе рѣзко и сильно. Сами кандидаты рѣдко посѣщаютъ эти сходы, — кому-же пріятно выслушивать про себя горькія и всегда почти правдивыя мнѣнія!

Не ранѣе конца апрѣля, по приказанію Клементія Ивановича, съѣхались въ село Т...ъ крестьяне у... волости для выбора старшины. Слатвинскій и не приступалъ къ своей обязанности провѣрить наличное число собравшихся. Напротивъ, его удивило единодушіе, охватившее на этотъ разъ крестьянъ, несмотря на то, что наступило рабочее время, въ которое они дорожатъ не только днемъ, но и часомъ. Въ средѣ ихъ не слышалось оживленныхъ толковъ и предположеній, какіе бываютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда еще неизвѣстно, за чьимъ именемъ останется перевѣсъ. Все было тихо, спокойно; болѣе говорили о своихъ домашнихъ дѣлахъ,

чѣмъ о животрепещущемъ вопросѣ, для рѣшенія котораго собрались они, точно вопросъ этотъ давно уже былъ рѣшенъ всѣми и оставалось только оформить его. Конечно, и за Трофима Кириловича слышалось много голосовъ, принадлежавшихъ не однимъ крестьянамъ, подготовленнымъ антагонистами Бычкова: большинство зажиточныхъ людей, интересы которыхъ вынуждали имѣть въ главѣ своей человѣка своей среды, также стояли за него. Упоминалась отрывками и фамилія кандидата по старшинѣ, правившаго въ настоящее время волостью, и еще двѣ, три фамиліи, но все это были какіе-то неясные, лишенные опредѣленной цѣли звуки, или безслѣдно замиравшіе, не находя себѣ отголосковъ въ большинствѣ, или вызывающіе общій смѣхъ, конфузившіи говорившихъ. Чего никогда не бывало, на сходѣ пріѣхалъ и Данило Иракліевичъ, остановившійся у писаря, около котораго группировались и компаньоны его, кромѣ Трофима Кириловича, уѣхавшаго по дѣламъ подрыда въ Т... Егоръ Семеновичъ не пріѣхалъ, но ко дню пріѣзда посредника, желавшаго присутствовать на сходѣ, за нимъ посланъ былъ нарочный съ приказаніемъ явиться въ волость. Шлепфельдъ остался доволенъ, что Слатвинскій не донесъ официальнымъ рапортомъ о поступкѣ Бычкова. Начать слѣдственное дѣло было-бы неумѣстно: тогда-бы дѣйствительно раскрылись многія темныя стороны дѣйствій волостныхъ чиновъ и дѣло, начавшееся со снѣжинки, по мѣрѣ своего развитія превратилось-бы въ лавину, смявъ и уничтоживъ своимъ стремительнымъ потокомъ все попадающее на пути. Кончить дѣло домашнимъ, велейнымъ образомъ онъ находилъ и выгоднѣе, и безопаснѣе. Вечеромъ наканунѣ дня, назначеннаго для схода, Клементій Ивановичъ пріѣхалъ въ Т... въ щегольской бричкѣ или, правильнѣе, полуколяскѣ. Завидѣвъ издали экипажъ его съ опущеннымъ фордекомъ, красный околышъ на фуражкѣ и сіяющую на груди цѣпь, народъ, тѣснившійся кучками по улицамъ, снимая шапки, низко кланялся ему, не получая на свою почтительную вѣжливость никакого отвѣта. Остановившись на этотъ разъ на земской квартирѣ, Клементій Ивановичъ послалъ за писаремъ и, узнавъ, что пріѣзда Бычкова можно ожидать не ранѣе слѣдующаго дня, остался недоволенъ его медлительными распоряженіями.

На другой день, съ восходомъ солнца, волость постепенно наполнялась собиравшимися въ нее народомъ. Стеченіе его вызвало

оживленіе въ селѣ, напоминавшее что-то праздничное. День былъ тихій, теплый, одинъ изъ тѣхъ, какими часто дарить жителей сѣвера рано начавшаяся весна. Прилегающія къ селу дуга и поля зеленѣли сочными побѣгами свѣжей травы. Холмы напоминали видошъ своимъ шахматную доску: правильными квадратами чернѣли по склонамъ ихъ полосы, вспаханныя подъ яровые хлѣба, перемежаясь то ярко-желтой, прошлогодней, полосой пашни, оставленной на отдыхъ, то зеленѣющими озимами. На озерахъ, оставшихся отъ разлива рѣки, и на самой рѣкѣ, вошедшей въ русло, кипѣли стаи домашнихъ утокъ и гусей, оглашая воздухъ своими радостными криками. Пестрѣющія толпы народа, одѣтаго наряднѣе, чѣмъ въ обычные дни, дополняли эту картину. Онѣ осаждали и длинное одноэтажное зданіе волостного правленія, и крылечко, и рѣшетку, обносившую примыкавшіе къ нему садъ и домъ священника, стоявшіе рядомъ съ волостью, и зеленѣющую лужайку около каменной церкви, стоявшей наискось волости. Примыкавшіе къ этой мѣстности три кабака еще наканунѣ съ утра были закрыты, какъ требуется это закономъ, на время волостныхъ и сельскихъ сходошъ. Въ самой волости была невыносимая духота и давка, несмотря на раскрытыя настежь двери и окна. Красныя лица тѣснившихся, съ крупными каплями пота на лбу и носу, лучше всего говорили о непріятномъ положеніи ихъ, изъ котораго нельзя было и выйдти, чтобъ протолкаться въ толпѣ, тѣмъ болѣе, что густыя массы народа тѣснились и у входа къ двери, и снаружи у оконъ. Въ народѣ мелькали и знакомыя намъ лица: подслѣповатые глазки Макара Васильевича Вешнякова слезились болѣе, чѣмъ когда-либо, — жаръ растревлялъ и безъ того слабыя глазные нервы его. Какъ носимый волною, колыхался сжатый въ толпѣ Анфиногенъ Борисовичъ Прутковъ. Широкое лицо его приняло сине-багровый цвѣтъ и было усѣяно потомъ, какъ передъ утромъ листья лопушника росой, толстыя-же губы вздулись и были полукрѣпы. Изъ дальняго угла тоскливо выглядывалъ прижатый къ стѣнѣ Амвросій Николаевичъ Иволгинъ. По странному-ли стеченію обстоятельствъ или съ предположенной заранѣе цѣлью, передніе ряды толпы, примыкавшіе къ дверямъ, ведущимъ въ волостную присутственную комнату, исключительно состояли изъ бывшихъ мастеровыхъ упраздненнаго т... завода — самаго безпокойнаго элемента населенія, выработаннаго печальными условіями жизни. Всѣ они съ

дѣтства выросли подъ игомъ обязательныхъ работъ и суроваго дисциплинарнаго обращенія, закалившаго ихъ до полной безчувственности къ физическимъ страданіямъ. Тяготѣвшій надъ ними въ былые дни гнетъ не забилъ ихъ, какъ-бы слѣдовало ожидать, но развилъ въ каждомъ изъ нихъ стойкую самостоятельность, готовность оппозировать, и оппозировать не тупо, а во имя убѣжденія, выработаннаго осмысленнымъ пониманіемъ дѣла. Этотъ, за немногими исключеніями, грамотный народъ, озлобленный экономическими условіями, въ какія онъ былъ поставленъ, былъ не безопасенъ. Народъ этотъ говоритъ и говоритъ, какихъ мало; ни къ кому, такъ не подойдетъ пословица: „за слово въ карманъ не полѣзеть“, какъ къ нему. Отъ большинства его отступились и мировые посредники, и земская полиція, и названіе „заводскій“ умаляетъ въ каждомъ изъ начальствующихъ пылъ строптивости и побуждаетъ обходить ихъ, какъ людей „отптыхъ“.

Комната, въ которой происходило свиданіе Егора Семеновича съ писаремъ, на этотъ разъ была чисто вымыта и убрана, на столы было постлано красное сукно и самый орелъ на зеркалѣ стоялъ прямо, прикрѣпленный воскомъ. Въ ней, кромѣ писаря съ помощниками, собрались и волостные чины въ суконныхъ зипунахъ и тиковыхъ халатахъ, съ привѣшенными на груди мѣдными знаками ихъ достоинства. Въ кругу ихъ стоялъ и Данило Иракліевичъ—въ силу почета, придаваемого ему капиталомъ. Чаю въ десятожъ пришелъ и Клементій Ивановичъ, чрезъ особенную дверь, прямо въ присутствіе. Выраженіе лица его было насмѣшливо, какъ и всегда, но въ глазахъ, сверкавшихъ изъ-подъ густой складки нависшихъ надъ ними бровей, выразалось слегка возбужденное состояніе. Съ появленіемъ его все стихло и толпа глухо отозвалась на его привѣтствіе. Болѣе четверти часа прошло среди невозмутимой тишины. Народъ молчалъ, ожидая его слова; молчалъ и Клементій Ивановичъ, приготовляясь къ этому слову. Отъ вниманія его не ускользнула случайность, замѣченная и нами, что въ переднихъ рядахъ стояли одни „заводскіе“, которыхъ онъ ненавидѣлъ болѣе, чѣмъ кто-либо. Но нужно сказать, что чувство это было взаимно и выразалось послѣдними въ каждой мелочи къ нему, даже въ такой мелочи, что когда проѣзжалъ онъ, то ему нарочно подпрягали худыхъ, изнуренныхъ лошадей, останавливавшихся на отдыхъ на каждой верстѣ, что было мучительно

при длинной и гористой дорогѣ и всегда приводило его въ бѣшенство.

— Ну, молодцы, кого-жъ вы надумали въ старшины себѣ? подходя къ дверямъ, у которыхъ стѣснился народъ, спросилъ онъ мягкимъ, насмѣшливо-заигрывающимъ голосомъ.

Въ толпѣ пронесся сначала гулъ, напоминавшій глухіе, сдавленные раскаты грома, какіе всегда предшествуютъ сильнымъ бурямъ, и вслѣдъ за нимъ зашумѣли и раскатились крики: „Бычкова!“ — „Шебалина-а!“ слышался точно оторванный, но не менѣе сильный ударъ расхолодившейся грозы. — „Ащеулова!“ внезапно крикнулъ гдѣ-то дискантъ, заглушонный общимъ хохотомъ массы и новыми криками: „Бычкова-а!“

— Къ лѣшему огуменника Шебалина, еракову подпорку!..

— Медвѣдей пужать, што-ль, Бычкова-то садите? выразилось нѣсколько сильныхъ голосовъ.

— Плутовъ, што не плошъ медвѣдя зорять! Бычкова-а! загудѣло и въ волости, и на улицѣ, подъ окнами вокругъ дома. — Шебалина-а! застонало не менѣе сильно въ ней, снова покрываемое неистовымъ ревомъ и съ улицы, и внутри: — Бычкова-а! Бычкова-а-а!

Въ этой бушующей сценѣ было много и комическаго. Потныя, раскраснѣвшіяся отъ духоты и волненія лица дѣйствовали не однимъ горломъ. Колыхаясь въ тѣснотѣ и напирая то взадъ, то впередъ, сотни рукъ, поднимаясь вверхъ, упирались и въ плечи и въ головы впереди стоящихъ; каждый выкрикивалъ своего кандидата. Среди общаго рева нельзя уже было слышать, но можно было только догадываться по страдающему выраженію нѣкоторыхъ лицъ объ отдѣльныхъ вопляхъ: „о-ой сдавили!“, „а-а-ахъ, штобъ тѣ! ногу отнять... то-о-шнехонько!“ Едва-ли найдется сила, которая бы заставила смолкнуть говоръ и ревъ взволнованнаго народа. Какъ ни горячился, какъ ни топалъ ногами выходившій изъ себя Клементій Ивановичъ, все было напрасно: толпа и не замѣчала его, она и забыла о немъ, увлеченная своимъ дѣломъ, и голосъ его безслѣдно терялся въ этомъ хаосѣ, какъ теряется отдѣльная нота въ волнахъ звуковъ, несущихся изъ оркестра. Крики „Бычкова!“ все болѣе и болѣе подавляли своимъ сильнымъ большинствомъ кандидатуру Шебалина и незамѣтно почти сливались въ одинъ общій голосъ.

Много прошло времени прежде, чѣмъ утихло вызванное волненіе.

— Отъ вашего реву не поймешь, кого вы больше хотите! заговорилъ Клементій Ивановичъ, когда впереди все утихло и только въ заднихъ рядахъ да на улицѣ неся еще говоръ. — Ну, ты кого хочешь? спросилъ онъ стоявшаго впереди крестьянина, угрюмо, въ упоръ смотрѣвшаго на него.

— Бычкова! рѣзко отвѣтилъ тотъ.

— А ты? обратился онъ къ стоявшему рядомъ съ нимъ.

— Бычкова!

— Оно, ваше высокоблагородье, такъ надоть сязать, въ голось заговорили вдругъ въ переднихъ рядахъ, а вслѣдъ за ними и въ заднихъ,—што опричь Бычкова намъ никого не надоть.

— Шебалина, вашскоблагородье: о-обходительнѣй дѣло-то! раздалось вслѣдъ за тѣмъ въ толпѣ.

— Ераково прихвосье галдитъ вѣдъ это, вашскоблагородье! снова подхватили впереди.

— Мо-о-олчало-бъ заводское мѣсиво, бродило-бъ въ своей пустой корчагѣ!..

— Аль березова-то каша не пріѣлась исно? а-а-ахъ-ха-а!..

— Почему съ души Данило-то покупалъ васъ, а? закричали въ отвѣтъ передніе.

— Съ пуда онъ ихъ нонѣ купилъ, а не съ души...

— Нонѣ они въ цѣнѣ, парень, были: по копейкѣ со всеми потрохами и требухой, а-а-ахъ-ха-ха-а!..

— Душу-то продавши и дерете горло за Шебалина: кабы свой голось-то былъ, такъ пожалѣли-бъ, а то чужой теперь, такъ чего жалѣть?— вотъ и натруждаете! неслись въ народѣ похвальныя другъ другу рѣчи, оезъ какихъ, какъ мы и сказали ранѣе, не обходятся подобные сходы.

— Тсс... мо-олчать! Что это за перебранка? кривнулъ на нихъ, топнувъ ногой, Клементій Ивановичъ,—здѣсь сходъ, а не базаръ... мужичье!

Толпа притихла.

— Кто за Шебалина—поднимай вверхъ правую руку!

Болѣе сотни рукъ поднялось въ серединѣ толпы и заторчало въ воздухъ. Остальные стояли неподвижно. По этому, принятому въ крестьянской средѣ, обычаю онъ увидѣлъ, что дѣло желаемого имъ кандидата плохо. Большинство голосовъ оставалось за Бычковымъ.

— Остальные за Бычкова? спросил онъ.

— Бычкова! прогудѣло въ отвѣтъ ему.

— Хорошо! Слушайте-же, молодцы, измѣнять ваше желаніе въ этомъ дѣлѣ никто не имѣетъ права...

— Благодаримъ покорно... дай вамъ Господи!.. пронеслось въ толпѣ.

— Мо-олчать, слушать, что я говорю! крикнулъ онъ. — По смыслу закона, началъ онъ, когда толпа стихла, — волостной сходъ обязанъ постановлять свои рѣшенія и выбирать волостныхъ начальниковъ не иначе, какъ съ согласія и утвержденія мирового посредника; тѣмъ болѣе требуется это въ выборѣ волостныхъ начальниковъ. Въ волостные начальники должны избираться лица съ безупречнымъ поведеніемъ, свободныя отъ всякихъ нареканій, и только тогда они утверждаются начальствомъ въ должностяхъ, въ какія избраны, когда посредникъ аттестуетъ ихъ достойными. Иначе кого-бы сходъ ни выбралъ, но если на утвержденіе его нѣтъ требуемаго закономъ согласія посредника, тогда избранный сходомъ человекъ отстраняется отъ должности, поняли?

— Поняли! пронеслось въ толпѣ!

— Мировой посредникъ обязанъ слѣдить за всѣми дѣйствіями волостныхъ начальниковъ, съ разстановкою продолжалъ онъ послѣ минутной паузы, — слѣдовательно на него должна падать и отвѣтственность за допущеніе къ этимъ должностямъ людей, которые хотя-бы и не бывали подъ судомъ и слѣдствіемъ, но почему-либо могутъ быть неблагонадежны. Поэтому законъ, давая вамъ полную свободу избирать изъ среды себя волостныхъ начальниковъ, какихъ вы сами желаете, въ то-же время требуетъ и согласія мирового посредника на утвержденіе ихъ, какъ лица, непосредственно поставленнаго надъ вами, который, въ видахъ охраненія вашей собственной пользы, долженъ допускать въ волостные начальники людей дѣйствительно благонадежныхъ и достойныхъ этого званія, то-есть людей, которыхъ онъ находитъ достойными и благонадежными, поняли? снова спросилъ онъ.

— По-о-оняли! такъ-же отвѣтила толпа.

— Вы и сами знаете, молодцы, снова началъ онъ, — что до сихъ поръ наши выборы были неудачны; выбирали мы людей, кажись-бы, хорошихъ, а все подъ конецъ они оказывались недобряками...

— Это такъ точно, вавшыскоблагородье, пронеслось въ толпѣ, — справедлива рѣчь ваша!..

— Сами вотъ знаете, слѣдовательно и учить васъ нечего. Выбрали мы Клестерина, — мужикъ былъ прекрасный, честный, а теперь достойно и праведно сидить въ острогѣ; да и рѣдкій кончалъ благополучно: или, не дослуживъ срока, былъ выгоняемъ, или попадалъ подъ судъ. Такъ теперь ужь, молодцы, для вашей-же пользы я не допущу въ старшины человѣка, неблагонадежность котораго напередъ знаю. Мнѣ надоѣли ужь постоянныя ваши жалобы на волостныхъ начальниковъ и жалобы на нихъ полицейскихъ чиновниковъ; мировой съѣздъ заваленъ жалобами да дѣлами о подсудности ихъ — это кладезь черное пятно и на васъ, и на меня: на васъ потому, что какъ-будто по волости дѣйствительно нѣтъ хорошихъ людей, а на меня — что я смотрю сэвзоз пальцы и допускаю выбирать только однихъ негодяевъ. Отнынѣ этого не будетъ! Я Бычкова знаю лучше васъ, знаю, какія онъ заводитъ по волости пакости и кляузы, вооружаетъ васъ противъ властей, прикидывается честнымъ, желающимъ вамъ добра, для того, чтобъ пробраться въ старшины да нажитья на вашъ-же счетъ. Этотъ человѣкъ извѣстенъ былъ за негодяя еще и при горныхъ управителяхъ, и въ мое время успѣлъ уже показать себя. Бычкову не быть вашимъ старшиной, слышите? Мѣсто его не въ старшинахъ, а въ острогѣ, и онъ попадетъ въ него, это я вамъ говорю, — слышите?

— Слышимъ! пронеслось въ толпѣ.

— Ну, такъ и еще повторю вамъ, что онъ не будетъ старшиной: я не допущу этого; вы не пеняйте на меня — я вамъ-же желаю добра; не хотите если Шебалина, хотя мужикъ этотъ, по моему мнѣнію, хороший, умный, честный и вполне достоенъ быть старшиной, — но если ужь не хотите его и не хотите ссориться со мной, а хотите послушать моего добраго слова, такъ выбирайте другого, кого хотите, но только, еще разъ повторяю вамъ, не Бычкова!

Кончивъ свой длинный монологъ, Клементій Ивановичъ вынулъ изъ кармана платокъ и вытеръ имъ засохшія отъ жара губы. Въ толпѣ царила мертвая тишина, ненарушаемая продолжительное время ни звукомъ, ни шелестомъ. Всѣ стояли неподвижно, или склонивъ головы, или переглядываясь другъ съ другомъ. Доводы

Клементія Ивановича были такъ рѣзки, хотя и бездоказательны; но, главное, теперь вполне выяснился передъ народомъ взглядъ его на человѣка, котораго онъ тайно ненавидѣлъ, и ненависть его была извѣстна только какъ слухъ, неподтверждаемый никакими фактическими доказательствами.

— Ну, что-жь, молодцы, кого-жь вы надумываете, а? снова спросилъ онъ, подходя къ нимъ.

Изъ переднихъ рядовъ выдвинулся впередъ, къ двери, крестьянинъ среднихъ лѣтъ, съ серьезнымъ и умнымъ выраженіемъ лица, слегка испорченнаго оспой. Остановившись передъ Клементомъ Ивановичемъ, онъ молча поклонился ему.

— Сказать что-нибудь хочешь, а? ласково спросилъ Клементій Ивановичъ, пристально осматрѣвъ его рваный зипунъ, запачканный дегтемъ, и неказистые, заплатанные бичевками бродни.

— Съ вашего-бы дозволенія, вашвыскоблагородье, слова-бы два перемолвить! съ поклономъ отвѣтилъ тотъ.

— По своему дѣлу или сходи тебѣ поручилъ говорить?

— Какія по нашему-то по хрестьянству порученія, вашска-благородье?—назудить на душѣ-то, такъ и безъ разговоровъ знамъ, о чемъ мѣръ-то думать...

— Ну, говори, произнесъ онъ, снова пристально всмотрѣвшись въ фигуру мужика, — о чемъ мѣръ-то думаетъ, послушаемъ! съ ироніей добавилъ онъ.

— Одна у міра-то дума была, когда ты говорилъ-то намъ, што кабы эти слова-то твои да Богу въ уши, — штобы и взабылъ завсе у насъ волостные-то были честные да правдивые люди и начальство-то-бы завсе сажало намъ такихъ. Да нѣтъ, видно мы ишо не замолили у Господа Бога грѣховъ-то нашихъ, вашвыскоблагородье! со вздохомъ заключилъ онъ.

— Молитесь и отпустятся! съ ироніей отвѣтилъ ему Клементій Ивановичъ.

— Молимся, вашвыскоблагородье Клемень Ивановичъ, и... и... слезно молимся, да все не угодимъ никакъ! Кто вотъ по нашему-то худому уму плутъ, такъ, вишь, тотъ тебѣ нравится, а путные-то изъ насъ тебѣ плутами кажутся, вотъ мы никакъ и не сведемъ концовъ, стало-быть и не терпите Господь грѣхи наши!

Клементій Ивановичъ покраснѣлъ и прикусилъ верхнюю губу.

— Объ этомъ вотъ, вашвыскоблагородье, вся и дума му-
„Дѣло“ № 7.

жичья, снова началъ онъ послѣ короткаго перерыва.—Вотъ мы слушали твои рѣчи про Егора-то Семеныча Бычкова, да по темнотѣ-то нашей никакъ въ толкъ не взяли, пошто онъ мошенникъ-то такой, по-твоему, какіе такіе грѣхи-то за нимъ?..

— Если я говорю, такъ, значить, знаю! сердито отвѣтилъ ему Клементій Ивановичъ.

— Оно извѣстно, ты—начальникъ; кому-же и знать мужичью душу, какъ не начальству? съ смиренной, но худо скрытой ироніей отвѣтилъ крестьянинъ.—Не оставь ужъ ты насъ, вашвыскоблагородье, своей милостью! съ низкимъ поклономъ продолжалъ онъ:—желательно-бы вотъ и міру-то знать, какіе такіе грѣхи-то за нимъ водятся? Міръ-то вотъ говоритъ, что и подь присягу пойдетъ, што окромя путныхъ-то рѣчей ничего отъ него не слыхиваль.

— Вотъ эти-то путныя, по-вашему, рѣчи его и непутны! тѣмъ-же тономъ прервалъ его Клементій Ивановичъ.

— Статся можетъ; а по-нашему, по-мужичья, такъ они-бы ровно и шибко путны, вашвыскоблагородье! Точно, когда Петръ Степанычъ захотѣлъ-было съ міру по лѣсинѣ на домъ сколотить,—говорилъ, что будто ты это наказываль,—ну, такъ Егоръ Семенычъ и поговорилъ съ нимъ тогда, штобъ онъ энту блажь выкинулъ, што у мужиковъ и лошадей нѣтъ даромъ лѣсъ возить на писарскій домъ. Такъ неужъ эта рѣчь и непутна была, вашвыскоблагородье? съ ироніей посмотрѣвъ на него, заключилъ крестьянинъ.—Оно точно, не погань, снова продолжалъ онъ, съ тою-же иронією глядя на покраснѣвшаго и кусавшаго губы Клементія Ивановича,—когда и медокъ стали-было на твою милость съ мужиковъ собирать, ну, такъ онъ сказалъ и тогда, што коли-де кто сладко ѣсть хочеть, такъ пусшай и деньги на то припасаетъ; што пчела коли сладко ѣсть, такъ она и робить досыта, а трутней-то, што даромъ къ меду ея лѣзутъ, убивать! Такъ неужъ и энта рѣчь его непутна была, вашвыскоблагородье?..

Звучный смѣхъ, прокатившійся въ толпѣ, прервалъ его.

— А ужъ опричь его, вашвыскоблагородье, мы и не знамъ челоуѣка-то, снова началъ онъ;—отъ него мы завсе-бы и охрану-то видѣли... Оно точно, мы слыхали, што писарь да мужики-то, што по-богаче, шибко не долюбиваютъ его... Мно-ого тутъ они про него росказней-то пускали въ народъ, только все это,

вашвыскоблагородье, по-нашему фальшь одинъ, а на міру говорить, что на чужой ротокъ не накинешь платокъ... Мы ужъ изъ милости будемъ просить тебя, Клемень Иванычъ, не ломай ты нашей воли—дай намъ его! снова съ низкимъ поклономъ заключилъ онъ.

— Ты заводскій? вмѣсто отвѣта спросилъ Клементій Ивановичъ.

— Оно такъ точно: изъ мастеровыхъ.

— Знаю! Для того-то, вѣрно, и хлопочешь о немъ, что когда проворуешься иль набуйствуешь, такъ чтобъ онъ прикрылъ тебя. Знаю, знаю, что вы по себѣ его выбираете, сверевнувъ глазами и съ сильнымъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ, произнесъ онъ.—Вамъ честнаго не нужно, а мошенника, который-бы потакалъ вамъ да прикрывалъ васъ!

Клементій Ивановичъ, блѣдный отъ безсильной злобы, надѣлъ фуражку и быстро вышелъ изъ волости, сопровождаемый писаремъ. Съ уходомъ его сходъ зашумѣлъ неудержимымъ потокомъ и никто не замѣтилъ, что Клементій Ивановичъ, приказавъ писарю и кандидату по старшинѣ не распускать схода впредь до особаго распоряженія, уѣхалъ обратно въ городъ, миновавъ волость, окольной дорогой.

Похожій на бѣгство отъѣздъ его произвелъ на крестьянъ сильное впечатлѣніе, особенно распоряженіе его не распускать схода. „Какъ-же это, братцы? чего-же будетъ съ нами, чего это дѣется на свѣтѣ-то? Ну, и поря-я-дки!“ говорили они, съ изумленіемъ похлопывая руками по бедрамъ. — „Кто-же теперь старшиной-то будетъ? диво-же это!“ спрашивали они другъ друга. Другіе-же, болѣе положительные, присоединяли къ этому и другой вопросъ: „Докуда-же намъ жить-то? Ъхали на день, а живемъ три, а все испо никакого распорядка нѣтъ! А теперь время такое, что и минута дорога; пропустишь ее, такъ опосля ни за какія деньги не купишь!“ И шолъ у нихъ въ этихъ взаимныхъ вопросахъ да разсужденіяхъ день за днемъ, а распоряженія относительно схода и утвержденія старшины все еще не выходило. Не послѣдовало никакого распоряженія и о Бычковѣ, и на другой день онъ уѣхалъ домой, но послѣ этого столкновенія мрачныя предчувствія о своемъ будущемъ не обманывали его.

Прошло шесть дней въ этомъ съ часу на часъ ожиданіи, что вотъ-де скажутъ-же что нибудь, но все напрасно. Писарь заперся

и не показывался народу. Скучали вмѣстѣ съ народомъ и волостные чины. Погода все время стояла ясная, жаркая—самая благоприятная для работъ. У каждаго оставались вспаханныя, но незасѣянные поля, а кто засѣялъ, тотъ не успѣлъ заборонить, и зерно, оставаясь наверху, дѣлалось добычею птицы. У каждаго было вдоволь работъ; уѣхать-же самовольно удерживалъ страхъ ответственности; конечно, нашлись такіе смѣльчаки, что уѣхали втихомолку, махнувъ рукой и на мірское дѣло: „что, вѣдь міръ не напоить, не накормить, поля засѣять не поможетъ, какъ время-то упустишь!“ Но большинство все-таки ждало, становясь въ тягость своимъ и знакомымъ, у которыхъ нашло пріютъ. „Да куда-жъ это будетъ, чего-жъ это дѣлать-то съ нами, братцы?“ все громче и громче раздавалось среди нихъ и на седьмой день это неудовольствіе перешло въ открытый ропотъ. Собрался сходъ въ волость и послалъ за писаремъ. Писарь не пошелъ, отозвавшись болѣзнью. Послали въ другой разъ—тотъ-же отвѣтъ. Пошло человекъ семь крестьянъ къ нему на домъ.

— Чего-жъ это дѣдете съ нами? докедова-жъ это держать-то насъ будете, скажи ты намъ? спросилъ вышедшаго къ нимъ съ обязанной головой Петра Степановича тотъ самый энергичный говорокъ, слова котораго такъ сильно повліяли на Шлепфельда.

— Я ничего не знаю: вы сами знаете, что вѣдь это не въ моей волѣ, отвѣтилъ онъ.

— Ты не знаешь, другой не знаетъ, такъ кто-жъ знать-то будетъ? Чего-жъ вы держите насъ, вѣдь теперь, ты самъ знаешь, какое время-то: не токма день, а часъ-то дорогъ, а вѣдь ужъ вотъ, слава тѣ Господи, сегодня сею денекъ ни за што проѣдаемся! А што какъ непогодъ ударить, какъ ты робить-то будешь тогда? а упустишь ты время да неурожайно отъ этого будетъ, такъ кто насъ кормить-то опосля станетъ, а?..

— Што-жъ вы ко мнѣ-то пристааете—развѣ это моя вина? оправдывался писарь.

— Ты—писарь?

— Што-жъ, што писарь?

— Какъ, што? Ты заодно съ посредникомъ дѣла-то дѣлаешь, ты и должонъ знать, чего онъ насъ держитъ, чего добиватся-то отъ насъ.

— Спросите его, а я ничего не знаю!

— Такъ энто исшо къ нему въ городъ ѣхать?

— Конечно, ѣхать въ городъ; выберите кого-нибудь да и пошлите къ нему, а я ничего не знаю.

— Энто ты исшо пошлешь къ нему, а онъ возьметъ да въ острогъ посадить... пытливо допрашивали они.

— И этого ничего не знаю, посадить или нѣтъ, сами лучше должны знать.

— Ну и порядки, а-ахъ ты, братецъ, а? Вотъ тѣ и поря-я-ядки! хлопая руками по бедрамъ говорили депутаты, возвратившись на сходъ. Но дѣло отъ этого все-таки не подвинулось впередъ. Много и шумно говорили они, шумно до того, что другой и самъ не слыхалъ своихъ словъ, пока порѣшили послать за спросомъ къ Клементію Ивановичу. Налегъ сначала міръ съ своей просьбой ѣхать на кандидата по старшинѣ, но тотъ, какъ человекъ весьма тактичный, притворился больнымъ до того, что не могъ слѣзть съ печи; на-силу удалось уговорить имъ одного изъ волостныхъ засѣдателей и двухъ выбранныхъ общимъ голосомъ крестьянъ принять на себя эту миссію.

Прошло еще пять дней въ мучительномъ ожиданіи отвѣта. А сходъ, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ замѣтно рѣдѣлъ отъ самовольно отъѣзжавшихъ крестьянъ, махнувшихъ, наконецъ, рукой „на всѣ эти порядки“. Но большинство все еще ждало, тоскливо посиживая съ утра и до ночи у волостного крылечка и у церковной ограды и поглядывая на дорогу, узкой лентой вившуюся въ гору. Заходили другіе и къ мѣстному священнику, отцу Ефиму, поговорить о своемъ мірскомъ дѣлѣ и послушать его совѣта. Но отецъ Ефимъ былъ человекъ осторожный и неподатливый, въ подобныхъ дѣлахъ, на совѣты. Онъ или молчалъ, съ улыбкой поглядывая на волнующихся крестьянъ, или отклонялъ разговоръ на посторонніе предметы. И уходили они отъ него говоря, втихомолку, „што тугой-же на слово человекъ отецъ Ефимъ, ой-ой!“ Ночью на шестые сутки возвратились посланные и на утро передали съ нетерпѣніемъ собравшемуся сходъ немногословное рѣшеніе Клементія Ивановича.

— Когда хотятъ выбрать Шебалина, то пусть выбираютъ и разъѣзжаются, Бычкова-же я не допущу и донесу начальству объ ихъ неповиновеніи.

Молча выслушалъ сходъ эти полновѣсныя слова и задумался.

мался. Да и было надъ чѣмъ. Не обошлось, конечно, и безъ говора, и говора рѣзкаго, желчнаго, не обошлось и безъ аханья, и безъ любимаго, многовыражающаго у крестьянина жеста—похлопыванья себя руками по бедрамъ. Но все это въ концѣ концовъ привело къ тому, что многіе уѣхали молча, другіе-же подали свой голосъ за Трофима Кириловича, и въ вечеру того-же дня шумное село опустѣло и всѣ дороги и тропинки усѣялись народомъ, ѣхавшимъ по домамъ и громко толковавшимъ о наставшихъ порядкахъ.

Не прошло и мѣсяца послѣ выбора старшины, какъ по волости распространилась вѣсть объ арестѣ Бычкова, и снова разлились въ народѣ тѣ-же зловѣщіе слухи и предвѣщанія, на этотъ разъ небезосновательные. Онъ, дѣйствительно, былъ посаженъ въ тюрьму при волости, по приказанію Шлепфельда. Къ нему не допускали для свиданія ни жены, ни сына, не говоря уже о другихъ родныхъ и постороннихъ лицахъ, сохранившихъ къ нему привязанность. Арестъ его поразилъ всю семью, заживо оплакивавшую его, и губительно отразился на хозяйствѣ. Произвелъ онъ впечатлѣніе и на народъ. „Ну-у таперя попалъ въ руки, такъ ужь...“ и не договаривали крестьяне, а только съ сожалѣніемъ покачивали головами. Про себя, втихомолку, другой и прибавлялъ: „сѣѣли-де мужика, ни за што сѣѣли“, но о защитѣ его никто изъ нихъ не смѣлъ и думать. Насколько сильно было въ массѣ участіе къ нему, настолько-же сильна была и радость враговъ его, особенно Слатвинскаго, гордо подпявшаго голову и возвысившаго голосъ послѣ выборовъ. И чего ему было опасаться теперь, когда старшиной сидѣлъ Трофимъ Кириловичъ, человекъ кроткій и податливый на всякіе совѣты, съ которыми онъ и ранѣе находился въ наилучшихъ дружественныхъ отношеніяхъ? Произволъ Слатвинскаго, вытекавшій изъ мщенія Бычкову, простирался до того, что доставляемыя ему родными его пища и бѣлье не доходили по назначенію; ему не передавали даже и ходаяній, какія приносили къ нему крестьяне, помнившіе его плѣбъ-соль и уважавшіе его. Самая стража къ нему была при-

ставлена, по выбору писаря, изъ людей надежныхъ, которые ни въ чемъ не нарушали предѣловъ данной имъ инструкціи. Егоръ Семеновичъ, какъ и всѣ арестанты, питался на мірской счетъ *). Вообще арестанты, содержащіеся при волостныхъ тюрьмахъ, терпятъ чуть-ли не худшую долю, чѣмъ въ острогахъ, не отъ одного недостатка въ пищѣ, но и отъ помѣщеній, — узкихъ, низкихъ, лишенныхъ свѣта, едва проходящаго чрезъ маленькое, загороженное рѣшоткою, отверстіе въ двери. Обыкновенно подъ тюрьму отдѣляется обширная комната, раздѣленная перегородкою на-двое; въ перегородкѣ этой и устраиваются двери, ведущія въ казематы, похожія скорѣе на клѣтки, чѣмъ на комнаты. Арестантъ можетъ только сидѣть въ ней или лежать, потому что отъ наръ, замѣняющихъ ему койку, до двери пространства не болѣе шагу; въ другой половинѣ комнаты помѣщается стража, и часто вся-то эта комната освѣщается однимъ окошкомъ съ двойными рамами, безъ всякихъ признаковъ форточки или другихъ вентиляторовъ, о которыхъ не имѣютъ и понятія сельскіе архитекторы. Вонь, духота отъ махорки, а зимою отъ прѣющей одежды, просушиваемой у печи, и постоянный угарь, — вотъ что вдыхаютъ въ себя несчастные узники. Мы не говоримъ о паразитахъ, массахъ развивающихся отъ нечистотъ, въ какія брошены заключенные **); для пойманныхъ бродягъ, содержащихся иногда мѣсяць, два прежде, чѣмъ произведется слѣдствіе, волостная тюрьма есть чи-

*) Продовольствіе арестантовъ, содержащихся при волостныхъ правленіяхъ, производится двоякимъ образомъ. Иногда, при отдачѣ обществомъ съ торговъ земской гоньбы и земской квартиры для остановокъ чиновниковъ, общество обязываетъ этихъ подрядчиковъ за ту-же сумму продовольствовать волостныхъ сотниковъ, состоящихъ при волости для развозки почты, для разсылки нарочными и для составленія стражи при арестованныхъ, а также продовольствовать и самихъ арестованныхъ. Если-же не существуетъ подобнаго уговора съ подрядчиками, то арестованные въ такихъ случаяхъ продовольствуются всею деревнею по-очередно, т. е. сегодня у одного крестьянина, завтра у другого. Нечего и говорить, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ продовольствіе ихъ бываетъ скудное, состоящее изъ щей съ крупой да капустой, а иногда и просто изъ кваса съ лукомъ да молока. Положеніе этихъ арестантовъ было-бы ужасно, если-бъ всегда добрый, всегда сочувствующій несчастію простолюдинъ не облегчалъ его своими подаяніями.

**), Автору нерѣдко приводилось видѣть на тѣлѣ подсудимыхъ, содержащихся при волостныхъ тюрьмахъ, раны, происходящія отъ скопленія паразитовъ; вся мольба этихъ несчастныхъ съ перваго-же слова заключалась въ дозволеніи сходить въ баню и дать хоть какое-нибудь подобіе рубахи для перемѣны.

стилище, предшествующее переходу его въ рай, т. е. въ острогъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, онъ не лишень свѣта да и представляется возможность ходить; тамъ ему дадутъ рубаху и другое бѣлье, вза-мѣнъ истлѣвшаго на немъ и потерявшаго всякое подобіе бѣлья. И, что всего ужаснѣе, эти тюрьмы лишены всякаго контроля и вниманія: въ нихъ никто и никогда не заглядываетъ!

Напрасно протестовалъ Егоръ Семеновичъ, требуя къ себѣ писаря, чтобъ узнать, наконецъ, въ чемъ его вина, за что онъ содержится, наконецъ, будетъ-ли какое слѣдствіе и судъ, чтобъ прекратить томительную пытку заключенія въ тѣсной и смрадной тюрьмѣ, — томительную тѣмъ болѣе, что онъ ничего не зналъ о своихъ домашнихъ: живы-ли они, здоровы-ли? Какъ идетъ хозяйство? Для домовитаго крестьянина въ этомъ вопросѣ заключается все его насущное, и тѣмъ болѣе для него, для пчеловода, оторваннаго въ дорогую пору роенія пчелъ. Все было напрасно: писарь не шелъ и окружающіе его оставались глухи на всѣ его просьбы и мольбы. Напрасно прибѣгали съ слезной просьбой къ писарю жена его и сынъ, давали ему деньги, чтобъ допустить для свиданія съ нимъ. Онъ не взялъ и денегъ. Ъздили они и въ городъ съ тою-же просьбою къ Шлепфельду, но ихъ и не допустили до него. Нерадостныя-бы вѣсти передали они Егору Семеновичу. Хозяйство падало, лишенное такихъ сильныхъ рабочихъ рукъ, какъ его. Много пчелъ сгибло вслѣдствіе вкравшейся отъ недосмотра неопытнаго въ этомъ дѣлѣ сына болѣзни, среди крестьянъ извѣстной подъ названіемъ „гнилецъ“. Рои удались, но большая часть ихъ, также отъ недосмотра, слетѣла въ тайгу. Одному сыну и невозможно было слѣдить въ одно и то-же время и за пасекой, находившейся въ пятнадцати верстахъ отъ деревни, и заниматься лежавшими на немъ полевыми работами; нанять-же въ помощь работниковъ не было средствъ. Подать просьбу?—но кому и о чемъ—они и не знали еще, да и опасались, чтобы не надѣлать чего-нибудь для него худшаго своими жалобами. Про него-же говорилось такъ много, а почему-же имъ было знать, правъ онъ или виноватъ? Егоръ Семеновичъ не любилъ дѣлиться съ ними своими тайнами.

Болѣе всѣхъ торжествовалъ Данило Иракліевичъ. Самолюбіе его было вполне удовлетворено избраніемъ Шебалина. Радовался онъ и аресту Егора Семеновича, который лично для него не

сдѣлать ничего дурного. Но таково ужъ свойство человѣческой природы—радоваться несчастью людей, въ которыхъ можно предвидѣть своихъ враговъ, радоваться паденію правды и добра, выступающаго еще ярче отъ сознанія въ самомъ себѣ однѣхъ темныхъ сторонъ.

— А-а-ахъ-ха-ха-а-а! говорилъ онъ каждому, навѣщавшему его,— съ кѣмъ выдумалъ тягаться, съ Клеменомъ Иванычемъ, а! Да его што-ись и чиновники-то опасаются, потому съ силой онъ человѣкъ, а то мужикъ, а-а-ахъ-ха-ха-а-а! Посиди-ко вотъ теперь, извѣдай, каково оно супротивъ начальства-то строптивиться!

Добившись своей цѣли, Трофимъ Кириловичъ не выражалъ явно своего удовольствія. По возвращеніи изъ города, узнавъ о своемъ выборѣ, онъ поѣхалъ представиться Шлепфельду и удостоился лестнаго и многоназидательнаго приѣма. Сознавая, что онъ избранъ противъ воли и желанія народа, Трофимъ Кириловичъ употребилъ всю свою тактичность, чтобъ загладить въ немъ это непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что оно родилось противъ него въ виду происковъ Данилы Иракліевича, изъ антагонизма посреднику и писарю и отъ сопоставленія его съ личностью Бычкова, любимаго и желаемаго народомъ. Собственно противъ него, какъ мы видѣли и ранѣе, большинство крестьянъ не имѣло ничего и даже всегда отзывалось о немъ съ хорошей стороны. Людей, какъ Матвѣй Степановичъ Тарасовъ, глубже глядѣвшихъ и вдумывавшихся въ дѣйствія его и, слѣдовательно, составившихъ о немъ должную оцѣнку, было немного, да и народъ-то этотъ былъ несильный, невлиятельный, чтобъ вредить ему своими вѣрными заключеніями. И вотъ Трофимъ Кириловичъ первые шаги своей дѣятельности началъ съ горькихъ жалобъ предъ крестьянами: „что его посадили насильно, что онъ Богъ знаетъ чего-бы не далъ, чтобъ только снять съ себя это иго!“ Слышалъ народъ эти жалобы при всякомъ удобномъ случаѣ, видѣлъ печаль, какою убивается человѣкъ, да и началъ вѣрить: „что, и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ-же виноватъ мужикъ-то, коли насильно посадили?.. вишь вѣдь^{*} порядки-то наши какіе!“ О томъ-же, какъ Данило Иракліевичъ съ компаньонами задавалъ деньги, чтобъ привлечь крестьянъ на его сторону, Трофимъ Кириловичъ молчалъ, какъ-будто все это дѣлалось безъ его вѣдома, народъ-же толковалъ и вкривъ и вкось, никакъ не договари-

ваясь до дѣла. Въ первоначальной дѣятельности его крестьяне также не замѣчали ничего дурного; его внимательность къ каждой мелочи, касающейся ихъ, къ каждой ихъ просьбѣ, обѣщала имъ толковаго, дѣятельнаго и правдиваго старшину, и заговорили крестьяне: „мотри-ко, Трофимъ-то, пожалуй-што, и выровняется, мужикъ-то и добрый будетъ!“ Скоро заговорили съ удивленіемъ про него и зажиточные крестьяне, радовавшіеся старшинѣ изъ своихъ; удивленіе ихъ вызывала изумительная дѣятельность его. Онъ вездѣ поспѣвалъ: во-время велъ и свои дѣла, и дѣла Данилы Иракліевича, и въ то-же время его постоянно можно было встрѣтить въ волости. Въ какой-бы дальней деревнѣ какое-бы ни случилось происшествіе, онъ первый пріѣзжалъ туда, едва узнавалъ о немъ. „Вотъ это старшина!“ говорили они; то-же повторяли и земскіе чиновники. Трофимъ Кириловичъ ловко умѣлъ предугадывать ихъ желанія и, не роняя своего достоинства и достоинства мирового посредника, дѣлалъ все угодное для нихъ. Ихъ лестные отзывы о немъ вызывали на уста Клементія Ивановича самодовольную улыбку. Но болѣе всѣхъ былъ доволенъ новымъ старшиной Данило Иракліевичъ: добившись почетнаго званія, онъ не только не забылся передъ нимъ, но сдѣлался болѣе услужливымъ и почтительнымъ къ нему.

— Ну, Трофимъ, участвовалъ-ли я тебя таперича, а?.. часто спрашивалъ онъ его въ порывѣ самодовольства.

— А-ахъ, Данило Еракычъ, то-ись ты мнѣ такое теперича дѣло сдѣлалъ, што и-и слова-то такого не подберешь, вагъ и чевствовать тебя!

— И чевстуй! а ты ишо не хотѣлъ служить, а?.. Ужъ ты должонъ-бы знать, што коли я чего дѣлаю, тагъ стало-быть хорошо!

— Это ину пору, Данило Еракычъ, пораздумаешься да вспомнишь все-то, всю-то твою милость, снисхожденье-то ко мнѣ, тагъ индѣ сердце взыграеть!.. чѣмъ это, думаю, только заслужить-то мнѣ?

— Будь, говорю, только завсе въ покорствѣ, Трофимъ, почтителенъ, и не такъ ишо участвлю я тебя!

Когда къ Данилѣ Иракліевичу обращался кто-нибудь изъ крестьянъ съ просьбою, то, выслушавъ его, онъ многозначительно произносилъ: „поди къ Трофиму, къ старшинѣ-то вашему, скажи,

што я ему приказалъ сдѣлать это тебѣ!“ Крестьянинъ, конечно, шелъ къ старшинѣ и буквально передавалъ ему эти слова. И Трофимъ Кириловичъ исполнялъ подобныя начальственные приказанія Данилы Иракліевича. Послѣднему льстила болѣе всего такая покорность старшины, выказываемая ему передъ другими. Но какъ-же былъ доволенъ онъ, когда въ одно изъ посѣщеній Шлепфельдъ высказалъ ему: „а твой Трофимъ, братъ, молодець: имъ всѣ довольны!“

— Што не говорилъ-ли я тебѣ, Клеменъ Ивановичъ, што экого мужика поискать да и поиска-ать, а?

— Молодецъ!

— Вотъ ты и долженъ теперь знать, што ужъ коли я чего тебѣ говорю, такъ стало-быть ужъ добро. Добра, говорю, желаю, а ты только слушай меня, въ накладѣ не будешь! хвастливо говорилъ онъ.

Но Клементій Ивановичъ, вмѣсто отвѣта, только съ ироніей посмотрѣлъ на него.

Въ такомъ пріятномъ настроеніи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, кромѣ Вычкова, прошло около пяти мѣсяцевъ. Съ компаньонами Трофимъ Кириловичъ, со времени послѣдняго свиданія съ ними, сближался все тѣснѣе и тѣснѣе, отчасти посвящая ихъ и въ свои дальнѣйшіе планы, особенно Вешнякова. Они поняли другъ друга, обоюдность своихъ интересовъ, и объ условіи болѣе не было и помину. Поставка хлѣба отъ нихъ шла дѣятельно, а осенью и крестьяне, забравшіе деньги, постепенно подвозили его. Были и въ этотъ разъ, какъ всегда, случаи, что иные изъ нихъ поставляли половину, другіе и третью часть, взамѣнъ условленнаго количества и забранныхъ впередъ денегъ, но Трофимъ Кириловичъ не налегалъ на подобныхъ недоимщиковъ и отнесся къ нимъ съ большею снисходительностью, чѣмъ въ былое время. Ему нужно было укрѣпитъ, занесать расположеніе къ себѣ и у этихъ бѣдняковъ.

Только положеніе Егора Семеновича не измѣнилось: несмотря на всѣ его протесты, онъ содержался уже пятый мѣсяцъ и о немъ какъ-будто забыли. Здоровый, крѣпкій организмъ его пошатнулся наконецъ. Онъ похудѣлъ, сгорбился, въ волосы прокралась сѣдина и морщины одна за другой пролегли на лбу его. И, вѣроятно, долго-бы еще содержался онъ, если-бъ не выручилъ его

случай. Тайно, чрезъ какого-то благодѣтельнаго сотника, ему удалось выпросить свиданіе у проѣзжавшаго на слѣдствіе засѣдателя. Тотъ посѣтилъ волость и, къ крайнему удивленію Слатвинскаго, спросилъ: гдѣ и за что содержится крестьянинъ Бычковъ?— и получилъ въ отвѣтъ: по распоряженію мирового посредника. Никогда и никому не кланялся въ ноги Егоръ Семеновичъ, но тутъ поклонился и со слезами на глазахъ просилъ заступничества, рассказавъ свою незамысловатую исторію. Тронула-ли исторія его засѣдателя, или, какъ молодой человѣкъ, неуспѣвшій еще опуститься и не только неподдавшійся вліянію Клементія Ивановича, напавъ при слѣдственныхъ дѣлахъ на слѣды многихъ неблаговидныхъ дѣйствій волостныхъ чиновъ и зная источникъ ихъ, слегка подбиравшійся и къ самому Клементію Ивановичу, засѣдатель обратился къ нему отношеніемъ: „за что именно содержится крестьянинъ Бычковъ подъ строжайшимъ арестомъ, такъ-какъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, находящихся въ производствѣ у него, никакого дѣла о Бычковѣ, влекущаго за собой мѣры лишенія свободы, не имѣется?“ Клементій Ивановичъ, опираясь на свой авторитетъ, отношеніе его оставилъ безъ всякаго отвѣта. Презрительное молчаніе его, длившееся болѣе мѣсяца, затронуло самолюбіе засѣдателя и онъ вошелъ вторично съ тѣмъ-же вопросомъ, только добавивъ, что, въ противномъ случаѣ, имъ, помимо окружного стряпчачаго, будетъ донесено объ этомъ губернскому прокурору и губернатору, такъ-какъ подвергать такому долговременному заключенію безъ суда и слѣдствія въ законѣ нѣтъ указаній. Последняя угроза подѣйствовала на Шлепфельда: онъ струхнулъ и далъ отвѣтъ, достойный своей политики: „что ему ничего неизвѣстно, за что, вѣкъ и когда посаженъ подъ арестъ крестьянинъ Бычковъ“. Возникшія между властями пререканія и спасли его. Его выпустили. Но гоненія этимъ не кончились: не въ характерѣ Клементія Ивановича было забывать и оставлять въ покоѣ человѣка, нанесшаго ему какое-нибудь оскорбленіе. Мы не будемъ говорить о томъ, что почувствовалъ Егоръ Семеновичъ при видѣ своего упавшаго хозяйства, возстановить которое въ прежней полнотѣ нужны были годы усиленнаго труда и сбереженій. Не будемъ говорить и о томъ, какой нравственный переломъ произвелъ на него арестъ. Онъ не лишился уваженія и сочувствія окружающихъ, потому что не въ натурѣ русскаго простолюдина отталки-

ваться отъ несчастія, но боязливость и таинственность, въ какой выражались они изъ опасенія вызвать преслѣдованія и на себя, — большѣ отдавались въ немъ, чѣмъ если-бъ и совсѣмъ ихъ не было. Явно, отъ него сторонились, какъ отъ зараженнаго, не рѣшаясь переступить и порога всегда привѣтливаго дома его. Подобныя отношенія неминуемо развиваютъ въ людяхъ болѣзненную наблюдательность и неизмѣнную съ нею мнительность, гдѣ каждому слову, взгляду, жесту невольно придается особый смыслъ, нерѣдко совершенно ошибочный, въ каждомъ человѣкѣ видится скорѣе врагъ, чѣмъ другъ. Онъ сдѣлался нелюдимымъ, избѣгалъ людей, опасаясь самыхъ ничтожныхъ столкновеній съ ними. Онъ не вступался горячо, какъ прежде, не обращалъ болѣе вниманія на мелкія придирки и притѣсненія, какими преслѣдовали его и волостные чины, и писарь, и вновь избранный сельскій староста, точно сберегая свои силы для того, чтобы вынести послѣдній ударъ, поразившій его въ самое больное мѣсто. Онъ имѣлъ только одного сына и любилъ его, какъ надежную опору своего хозяйства, своей старости, и этого-то сына-одиночку, по настоянію Шлепфельда и писаря, на волостномъ сходѣ ввели въ списокъ рекрутовъ при первомъ-же рекрутскомъ наборѣ, мотивируя свой поступокъ тѣмъ, что отецъ его еще въ порѣ лѣтъ, силенъ и человѣкъ небѣдный, тогда какъ часто зачисляются въ рекрута одиночки изъ семей бѣдныхъ и престарѣлыхъ. Что могъ сказать народъ въ защиту Бычкова при видѣ этой явной несправедливости? Да, подобныя дѣла только и могутъ свершаться въ захолустьяхъ, гдѣ подъ давленіемъ силы губнута люди, ни въ комъ и нигдѣ не встрѣчая защиты. Ударъ былъ силенъ: въ нѣсколько дней онъ состарилъ и сломилъ окончательно эту сильную, энергичную натуру и сломилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднее благосостояніе его. Все было продано имъ, что только можно было продать и выручить хотя копейку. Оказалась необходимой и посторонняя помощь, и человѣкъ, всегда находившій опору только въ собственномъ трудѣ, непрібывавшій въ жизни своей даже къ мелочному займу, пошелъ по роднымъ и знакомымъ, со слезами умаливая о ссудѣ. И никогда ни въ чемъ не выражалась такъ сильно любовь къ нему, какъ при этомъ случаѣ: каждый съ безграничнымъ довѣріемъ отдавалъ ему все, что могъ. Съ вырученными деньгами онъ поѣхалъ въ Т. и тамъ удалось ему пріобрѣ-

сти рекрутскую квитанцію и выручить тѣмъ забритаго уже сына. Послѣ этой катастрофы для него не оставалось иного выхода, какъ выселиться въ другой округъ и снова начать терпкую, трудовую жизнь, чтобъ расплатиться съ долгами и не умереть въ нищетѣ. Но и это оказалось для него дѣломъ нелегкимъ. Больше трудовъ и-усилій стоило ему выхлопотать увольнительный приговоръ для причисленія къ одной изъ деревень Б.... округа. Много времени прошло въ различныхъ оттяжкахъ въ формѣ справокъ: не существуетъ-ли на немъ казенныхъ взысканій, нѣтъ-ли прикосновенности къ какимъ-нибудь дѣламъ и т. п. Клементію Ивановичу не хотѣлось такъ дешево разстаться съ Бычковымъ, выпустить изъ своихъ рукъ убитую, но все еще недобитую жертву своего мщенія. Ему хотѣлось сдержать свое слово, „что онъ будетъ въ острогѣ и въ цѣпяхъ“. Но, къ счастью Вычкова, несмотря на всѣ усилія, не встрѣтилось ни одной уважительной причины, чтобъ задержать его, и Шлепфельдъ, скрѣпя сердце, утвердилъ увольнительный приговоръ.

Много раздалось въ средѣ крестьянъ у... волости чистосердечныхъ напутственныхъ желаній Бычкову при извѣстїи о выселеніи его. Вдоволь поплакала его семья надъ старымъ, родовымъ своимъ пепелищемъ; сверкали слезы и въ глазахъ Егора Семеновича. Все имущество когда-то зажиточнаго семейства уложилось теперь на одну тѣлегу, накрытую холстиннымъ пологомъ. Изъ скота осталась одна лошадь, и бодро везла она свой нетяжелый грузъ. Вѣрный старинному русскому обычаю, онъ не забылъ завязать въ мѣшечекъ земли съ могилъ своего отца, матери и дѣда, и будетъ она висѣть у иконы, напоминая ему его родину и теплое, когда-то зажиточное, гнѣздо. Вся деревня далеко за околицу со слезами провожала этотъ скромный караванъ; каждая семья радушно принесла свою хлѣбъ-соль—послѣдній даръ отъѣзжающему земляку. Не обошлось и безъ горькихъ рыданій при послѣднемъ „прости“ и съ родимыми мѣстами, и съ людьми, съ которыми сжились они съ дѣтства. Когда кибитка скрылась изъ виду за горой, односельчане грустно разошлись по домамъ, вспоминая о Бычковѣ, и долго слышалось еще послѣ того по у... волости: „добрый былъ мужикъ; правды-то въ немъ много было, да такъ вотъ ни за што сгубили человѣка!“

Не погибъ Егоръ Семеновичъ. На мѣстѣ своего новаго жи-

тельства онъ встрѣтилъ себѣ достойную оцѣнку. Черезъ два года послѣ переселенія его крестьяне той волости, въ которой припсался онъ, единодушно выбрали его въ волостные старшины.

Наступило время и выполненія подряда, взятаго Данилой Иракліевичемъ. Въ началѣ декабря Трофимъ Кириловичъ взялъ на мѣсяць увольненіе и уѣхалъ въ Т. принимать отправленные съ хлѣбомъ обозы и сдавать ихъ въ казну. Сдача шла быстро, благодаря подачеѣ тѣмъ лицамъ, которыя завѣдывали приѣмкою. Поставленный хлѣбъ оказался хорошъ и въ томъ количествѣ, какое значилось въ контрактѣ. За три дня до новаго года ему выдали расчетную квитанцію и талонъ на полученіе залога и денегъ, причитающихся съ казны. Подрядъ принесъ значительныя выгоды, хотя и не такія, какими ласкалъ себя Данило Иракліевичъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій возвращенія своего довѣреннаго. Въ успѣшномъ выполненіи дѣла онъ не сомнѣвался. „Не такой парень Трофимъ-то, чтобы сплеховать!“ говорилъ онъ, но его мучило желаніе, знакомое однимъ подрядчикамъ да различнымъ концессионерамъ, — желаніе скорѣе осязать въ рукахъ плоды своихъ предпріятій. Каково-же было изумленіе его, предоставляю судить читателю, когда онъ узналъ, что Трофимъ Кириловичъ, возвратившись ночью въ Ш., на другой день рано утромъ уѣхалъ. Прошелъ день, два самаго мучительнаго ожиданія, а Трофима Кириловича нѣтъ да нѣтъ.

— Чего-жъ-бы это, а?.. Неужъ это онъ... да нѣ-ѣ-ѣтъ, не такой онъ парень, штоба экъ-то сдѣлать, обмануть-то, говорю! успокаивалъ онъ себя предъ своими домашними, не менѣе его удивлявшимися загадочному отсутствію его довѣреннаго. Но удивленіе его возрасло еще болѣе, когда возвратившійся Трофимъ Кириловичъ не пошелъ къ нему, а послалъ за нимъ, прося его къ себѣ.

— Это чего ишо онъ выдумалъ, штобъ я къ нему на поклонъ пошлъ, што-ль? взбѣлѣнился было онъ, но одумался: коммерческій умъ его начинали тревожить серьезныя опасенія, возбужденныя поведеніемъ Трофима Кириловича; онъ понялъ, что на-

ходится теперь въ рукахъ когда-то бывшаго покорнаго его слуги. Первое впечатлѣніе, произведенное на него встрѣчей съ нимъ, успокоило его самолюбіе, и если не разсѣяло, то значительно ослабило родившееся опасеніе. Трофимъ Кириловичъ встрѣтилъ его съ почтительной покорностью, какъ и всегда, въ чисто прибранной горенкѣ его; на столѣ, накрытомъ скатерью, была приготовлена закуска. Жена хлопотала съ самоваромъ.

— Ты чего это, Трофимъ, никакъ дурѣть начинашь, а? строго спросилъ онъ, усаживаясь въ передній уголъ передъ столомъ, — аль ужъ я опостылъ, што ты и заглянуть съ пріѣзда-то не захотѣлъ ко мнѣ, а?

— Э-эхъ, Данило Еракичъ, ты и не думай про меня этого. Дѣла-то, подь они къ Богу: совсѣмъ замотался съ ними, просто ни день, ни ночь вздыху не знаю! жаловался тотъ, оправдывая свое отсутствіе.

— То-то, а я ужъ было и ни вѣсть чего надумалъ! прервалъ онъ.

— И въ помyslѣ ничего не было, што ты это, Господь съ тобою! Да мнѣ-ль супротивъ тебя идти? а што къ тебѣ-то не пошолъ, а тебя теперича тревожилъ, такъ вѣдь и то надоть сказать, Данило Еракичъ, не все твою хлѣбъ-соль вѣсть; слава тѣ Господи пошла, пора и честь знать и къ себѣ звать добрыхъ людей, а такъ-то-бы ты когда-поди собрался, кабы не этотъ случай-то!

— Такъ ты вонъ это съ чего!.. ну, ну, я неспѣсивый! Вотъ, вишь, и у тебя въ гостяхъ, угошай коли такъ! совсѣмъ уже успокоенный, самодовольно говорилъ онъ:—ну что, все ладно сошло, а? Говори скорѣй, не мучь! торопилъ онъ.

— Такъ надоть сказать, што совсѣмъ слава Богу!

— Ну и слава тѣ Господи! И деньги всѣ получилъ?

— Сполна, какъ есть! По моему счету тысячь шесть запибли барыша-то, Данило Еракичъ!

— Шесть тысячь!.. удивленно произнесъ онъ, вперивъ въ него глаза:—да што такъ мало?

— Какъ мало?—вѣдь это ужъ совсѣмъ чистые Богъ послалъ.

— Мало; я болѣ думалъ: я думалъ тысячь десять придетъ! Да ты вѣрно-ль считалъ?

— Не учиться, на этомъ и взросло!

Жена Трофима Кириловича въ это время съ низкимъ поклономъ поднесла Данилѣ Иракліевичу рюмку краснаго вина и чашку чаю.

— Ма-ало! въ раздумѣ произнесъ онъ, принимая съ подноса и чай и рюмку.—Экъ я вдругорядъ и не возьмусь ни за што; хлопочи, убивайся съ утра до ночи, да есть изъ чего—за экое награжденье! съ неудовольствіемъ ворчалъ онъ,—безъ мала почестъ годъ возилса, да я-бъ на эти деньги-то...

— По-моему, и за энто-бы благодаренье Господу! прервалъ его Трофимъ Кириловичъ.

— Это за шесть-то тысячъ?—есть за што!

— Нѣшто не капиталъ?

— По-твоему—такъ, а по-моему—и связываться не стоило! Какъ я ихъ теперь должонъ распредѣлить? Вотъ поди и ты награжденья запросишь, а изъ чего... изъ чего, говорю, мнѣ дать энто-то награжденье? Чего я дамъ изъ шести-то тысячъ? энто и моего-то расходу не покроеть...

Трофимъ Кириловичъ, спрятавъ глаза въ окружающія ихъ морщины, пристально смотрѣлъ на него.

— Да вѣдь я говорю тебѣ, Данило Еракинъ, што вѣдь это барышъ ужъ, барышъ, снова повторилъ онъ,—тѣ, што мы израсходовали, само-собой воротились!

— Все-таки мало, не покроеть! Ты почемъ знашь, какія испо у меня расходы были? можетъ, у меня ихъ на двадцать тысячъ было. Гдѣ они, деньги-то, давай-ко я испо самъ провѣрю,—можетъ, и просчетъ гдѣ ни на есть.

— Вѣрно сосчитаны и провѣрять нечего!

— Твои они што-ль, стоишь-то за нихъ такъ? грубо спросилъ онъ.—Я хозяйнъ-то, коли говорю давай, такъ ты и должонъ безъ слова выложить!

— А по-моему, такъ они не твои, Данило Еракинъ, а общія.

— Съ чего ты взялъ общими-то ихъ считать? изумленно спросилъ онъ,—нѣшто ты клалъ въ нихъ чего?

— По совѣсти-то говоря, такъ не мало и моихъ!

— Твоихъ?

— Такъ точно!

— Трофимъ... ты што-жъ это: никакъ и ты забылся, а?..

— И въ помышленіи не было, Данило Еракычъ, а говорю только, какъ оно на дѣлѣ было. Половина хлѣба почестъ закуплена на мои деньги. Свои деньги я и Вешнякову, и Пруткову, и Иволгину задавалъ; нѣшто каждый изъ нихъ хлѣба-то только на тѣ 200 рублей поставилъ, што ты далъ имъ? Ты вотъ, Данило Еракычъ, говоришь-же, што убивался, убивался съ утра до ночи въ хлопотахъ, а какія твои-то хлопоты были?—только будто съ лежанки на сундукъ перейти, а съ сундука на лежанку. А што я ни день ни ночь покою не зналъ, загонялъ въ развѣздахъ-то всю скотину свою, сколько разъ въ городъ ѣздилъ, проживался все изъ своего кармана, такъ нѣшто-жъ ты этого ничего не считаешь?.. Стало быть, твоего тутъ, Данило Еракычъ, совѣтъ немного, будто залогіи одни... ну и возьми ихъ, они твои! А ужъ эти деньги, Данило Еракычъ, не погнѣви на меня, за все мое утружденіе и какъ, стало быть, за всю мою службу тебѣ... я себѣ возьму, тебѣ и считать ихъ нечего! твердымъ и рѣшительнымъ тономъ, въ которомъ не слышалось и тѣни прежняго подобострастія, отвѣтилъ Трофимъ Кириловичъ.

Данило Иракліевичъ сидѣлъ, какъ оглушонный громомъ. Нѣсколько разъ ротъ его раскрывался, какъ-бы желая произнести что-нибудь, но видно еще парализованный неожиданностью умъ не нашолъ соответствующаго положенію его слова.

— Да што-жъ винца-то не пригубишь, Данило Еракычъ? съ ироніей произнесъ Трофимъ Кириловичъ, — я вѣдь за всю твою хлѣбъ-соль... отъ чистаго сердца... не погнушайся... я то-ись завсегда...

— Такъ ты эвона какъ, за все-то мое довѣріе, за добро-то мое платишь! качая головой и надорваннымъ голосомъ прервалъ Данило Еракліевичъ, — вѣдь это ты што-жъ затѣялъ, грабежъ?

— Зачѣмъ ты экія-то слова, Данило Еракычъ, говоришь? укоризненно отвѣтилъ тотъ, — гдѣ-жъ онъ, грабежъ-то?

— Ты... ты... вѣдь воръ опосля того!

— Оборони Господи!

— Ты... ты што-жъ это со мной-то дѣлаешь? продолжалъ онъ дрожащимъ голосомъ, то блѣднѣя, то краснѣя, — ты въ гробъ меня уложить хошь, а?.. въ гробъ?

— И въ помышленіи не было: живи, Господь съ тобой, што ты это? на свѣтѣ всѣмъ мѣста будетъ, я тѣ не помѣха! снова съ ироніей отвѣтилъ онъ, успокой вая его.

— Трофимъ!

— Чего-съ?

— Погляди ты на меня... въ глаза-то мнѣ!

— Я завсе, Данило Еракычъ, съ моимъ удовольствіемъ... што-жь... особливо, какъ за всю вашу хлѣбъ-соль... отрывисто говорилъ онъ, смотря, повидимому, прямо на него спрятанными въ морщинахъ глазами.

— Ты... ты, можетъ, пошутилъ это, а? тѣмъ надрывающимся отъ слезъ, но занскивающимъ голосомъ спросилъ Данило Ераклеичъ, какимъ часто спрашиваютъ дѣти и женщины, не желая вѣрить печальному извѣстію, хотя въ душѣ они и увѣрены, что это вовсе не шутка, а правда.

— Нѣшто дѣломъ-то шутать, Данило Еракычъ? серьезно спросилъ Трофимъ Кириловичъ:—стало быть и ты пошутилъ, сказавши, што тебѣ и подѣлать не изъ чего за мое утружденье, а?

— Пошутилъ я, Трофимъ, ей-богу, это пошутилъ... дай, моль, чего будетъ! Я съ тобой подѣлю, — только съ тобой, слышь, болѣ ни съ кѣмъ! Вѣдь это, Трофимъ, а-а-ахъ, вѣдь это кровное мое, не обидь ты меня, старый вѣдь я человѣкъ-то!..

— Я и не обижу, а энто, по-моему, ближай обида, што вы таперича видѣли, какъ человѣкъ убивается за вашу прибыль — можно сказать, не токма своихъ крохъ аль животины, души-то не щадилъ: сколько годъ всѣмъ вашимъ дѣломъ орудовалъ, помыкали вы, значить, мной, какъ послѣднимъ батракомъ: и туда поди Трофимъ и въ друго мѣсто съѣзди! Што-жь вѣдь я не рабъ вашъ! Дѣлалъ вамъ все, а жалованья не получалъ. А сколько вы изъ-за меня прибытковъ-то имѣли, во всю-то мою службу, а вѣдь ни разу не сказали, дай-де награжу... и я-то спроста не просилъ, все думалъ: ну, пороблю, пороблю, авось человѣка и совѣсть возьметъ — заплатитъ... ну, вотъ и заплатите!

— Я заплачу, Трофимъ, я тыщу тебѣ дамъ... ну, Богъ ужъ съ тобой, коли ты меня, старика...

— Тыщей-то не стоитъ и руку пачкать! глядя въ сторону отвѣтилъ онъ, — я вамъ почестъ десять лѣтъ служилъ, мыкался; по 600 рублей въ годъ положьте, вотъ и шесть тысячъ, а я, можетъ, каждый годъ прибыли-то приносилъ вамъ не на двѣ, не на три тыщи, — такъ энто и не въ счетъ по-вашему?

— А кто усчастливилъ-то тебя, Трофимъ, а? по чьей ты милости старшиной-то сидишь, о-опомнись!

— Обчество посадило да Клемень Иванычъ, такъ полагаю...

— Обчество-о?.. Посадило-бы тебя обчество, коли-бъ я коня не свелъ!.. Кого обчество-то садило, забылъ развѣ, а? Тебя нѣшто?

— Не мое это дѣло...

— Не твое? Не за тебя-ль я дары-то дарилъ, хлопоталъ, убивался; мало тебѣ, а?

— Свою охоту тѣшили: я не просилъ даровъ-то раздаривать и отъ старшинъ-то крестомъ и пестомъ отмаливался; вы-жъ упранивали—служи, да служи, такъ чѣмъ-же тутъ оно попрекать-то?

— А-а-ахъ, Трофимъ, Трофимъ! забылъ ты нѣшто, какъ руки-то мои цѣловалъ, отцомъ-то кливалъ, а?

— Я и теперь... я и завсе... то-ись... съ моимъ удовольствіемъ. — Да што-жъ вы хоша-бы чайку-то аль винца-бъ...

— Трофимъ, отдай ты мнѣ мое-то... плача говорилъ Данило Еракліевичъ, утирая глаза клѣтчатымъ платкомъ.

— Денежка счетъ любить, Данило Еракычъ.

— Мое... вѣдь... это кровное... не грабь ты меня, есть-ли у тебя Богъ-то?..

— Вы-бы себя спросили наперво, Данило Еракычъ, у васъ-то онъ есть-ли? покраснѣвъ, какъ кумачъ, заговорилъ онъ, — не вы-ль бѣдность-то зорите, да помыкаете ей, да ругаете ее, такъ неужъ вы-то Бога помните? Мало рази вы народу-то пустили по міру, опомнитесь-ка? Што я свое беру отъ васъ за всю свою службу, такъ у меня Бога нѣтъ! А што вы помыкали мной да ругались, да не придержи я этихъ денегъ, такъ стало-быть послѣднія-бы мои крохи отжилили, такъ у васъ и Богъ есть? Не вы-ль таперича, Данило Еракычъ, уговаривали меня обмануть хоша-бы того-же Вешнякова, Пруткова да Иволгина за то, што они объ вашемъ-же дѣлѣ радѣли, такъ энто ничего-о?.. Такъ стало-быть я и себѣ должонъ былъ эту-же участь провидѣть. Ну я только, значить, первѣй всѣхъ опомнился... оно и чище дѣло... оно стало-быть и квитъ... А за вашу хлѣбъ-соль я то-ись и завсѣгды съ моимъ удовольствіемъ!

Данило Иракліевичъ не выдержалъ и заплакалъ горькими слезами, — заплакалъ въ первый разъ въ жизни. Родные не узнали его,

когда онъ возвратился домой отъ Трофима Кириловича. Лицо его осунулось, глаза потускли; шатаясь добрался онъ до лежанки и молча упалъ на нее. Болѣе недѣли хворалъ онъ и, оправившись, поѣхалъ въ городъ съ жалобой и съ просьбой о заступничествѣ къ Шлепфельду. Но не помогъ ему и Шлепфельдъ, какъ ни уговаривалъ Трофима Кириловича честно раздѣлаться съ своимъ патрономъ. Онъ не только остался при своемъ, но совсѣмъ отперся отъ всякаго барыша. Онъ возвратилъ ему только залогов да деньги, причитавшіяся за хлѣбъ, поставленный изъ его запаса; точно такъ-же онъ поступилъ и съ компаньонами, кромѣ Вешнякова, на котораго рассчитывалъ въ будущемъ болѣе всѣхъ. Подаль Данило Иракліевичъ и просьбу, а вслѣдъ за нимъ и Дарья Семеновна Иволгина, обманутая въ своихъ надеждахъ, завела ожесточенную тяжбу, но и ей, и Данилѣ Иракліевичу было отказано по немнѣшнѣ документальныхъ доказательствъ. Много произвела смѣха и говора въ средѣ крестьянъ исторія разсорившихся кулаковъ. Горько жаловался Данило Иракліевичъ на неблагодарность Трофима, поздно вспоминая правдивыя рѣчи Тарасова, умершаго въ тотъ-же годъ, но въ тайнѣ онъ все-таки сожалѣлъ о „своемъ Трофимѣ“. Съ отсутствіемъ этого дѣятельнаго сотрудника дѣла его пошли все хуже и хуже. За то разцвѣлъ и усилилъ свои обороты Трофимъ Кириловичъ. „Плутъ, плутъ, но умный плутъ!“ отзывался о немъ Шлепфельдъ и ничего не могъ сдѣлать съ нимъ, несмотря на громкій, годъ отъ году возвышавшійся, ропотъ и жалобы крестьянъ, поздно почувствовавшихъ на себѣ желѣзную и крайне нечистую руку изворотливаго старшины и съ тяжелыми вздохами вспоминавшихъ честнаго и правдиваго Егора Семеновича.

Н. Наумовъ.

РО НОЙ ГОРОДЪ.

(Изъ А. Петѣфи.)

Прочь отсюда! Этотъ городъ
Я поспѣшно оставляю,
Въ край иной, въ иное царство
Я, какъ птица, улетаю.

Съ каждымъ днемъ сюда я рвался
Все сильнѣе и сильнѣе,
А теперь такое-жъ чувство
Шепчетъ мнѣ: бѣги скорѣе!

Какъ прекрасенъ этотъ городъ!
Пораженный чудесамъ,
На него гляжу я жадно
Изумленными глазами.

Все въ немъ скучено: лачуги
И роскошныя палаты,
Точно всѣхъ вѣковъ прошедшихъ
Здѣсь сошлись депутаты.

Это хроника живая
Дней минувшихъ. Эти зданья,
Эти камни сохраняютъ
Наши старыя преданья.

Въ каждой улицѣ здѣсь льются
Языка родного звуки
И душа имъ внемлетъ жадно
Послѣ долгихъ дней разлуки.

И изъ этого-то рая
Я стремлюся въ путь-дорогу,—
Я боюсь, что очень пошло
Съ нимъ я свыкнулъ понемногу.

Я боюсь, что поблѣднѣютъ
Эти радужныя краски,
Озаряющія свѣтомъ
Этотъ городъ, словно въ сказкѣ!

Пусть-же лучше онъ оставитъ
Въ сердцѣ слѣдъ любви глубокой...
А теперь—теперь скорѣе
Вонъ отсюда въ путь далекій!

А. Ш.

БЕЗЪ ИСХОДА.

РОМАНЪ.

XL.

На бенефисъ молодой актрисы собрался весь грязнопольскій beau monde; молодежь, по подпискѣ, готовилась поднести подарокъ и закидать бенефициантку букетами; грязнопольскія дамы и дѣвицы ѣхали, чтобы взглянуть на торжество, которое готовилось для „худенькой дѣвчонки“, успѣвшей, къ досадѣ маменекъ, прельстить „холостого генерала“. Колосова съ мужемъ и неизбѣжнымъ Айкановымъ сидѣла въ бенуарѣ; сама—бывшая актриса, она была на репетиціи и отъ души давала неопытной еще на сценѣ Ленормъ совѣты, горячилась, побранилась даже съ горячей дѣвушкой и теперь не безъ волненія ждала, какъ справится съ трудной ролью ея новая ученица. Семейство Стрекаловыхъ за пять минутъ до начала явилось въ бель-этажѣ; Настасья Дмитриевна, одѣтая съ необычнымъ вкусомъ и изяществомъ, заранѣе вооружилась полупрезрительной улыбкой, готовясь въ первый разъ увидѣть на сценѣ „эту маленькую сумасбродку, промѣнявшую мѣсто гувернантки въ порядочномъ домѣ богъ знаетъ на что“. Николай Николаевичъ не раздѣлялъ мнѣнія своей жены: онъ видѣлъ Ленормъ нѣсколько разъ на сценѣ и находилъ, что она играетъ недурно и на сценѣ очень пикантна; впрочемъ, при женѣ онъ послѣдняго замѣчанія не дѣлалъ и вообще обходилъ молчаніемъ распросы жены о „маленькой сумасбродкѣ“. Ольга, чуть-чуть похудѣвшая и поблѣднѣвшая за послѣднее время, нетерпѣливо ждала поднятія занавѣса, а пока бѣглымъ взглядомъ

обводила партеръ. Вдругъ на лицѣ ея вспыхнулъ румянецъ, глаза оживились, она взялась за бинокль. Въ креслахъ она замѣтила Черемисова.

— Кого это ты разглядываешь, Ольга? безпокойно промолвила мать, замѣтивъ краску на щекѣ дочери.

— Никого особенно, мама. Рѣчинскій здѣсь! холодно отвѣтила Ольга, опуская бинокль на барьеръ.

— Ты здорова, Оля?

— А что, мама?

— Цѣлый день была блѣдна, а теперь раскраснѣлась—быть можетъ, у тебя жаръ? Хочешь—уѣдемъ; не особенно много потеряемъ.

— Нѣтъ, я здорова. Здѣсь жарко, я и раскраснѣлась.

Послѣ какой-то увертюры, исполненной для удовольствія музыкантовъ и въ особенности капельмейстера, который изгибался, махая палочкой, точно онъ выдѣлывалъ гимнастическія упражненія, поднялся занавѣсъ и всѣ обратили вниманіе на сцену.

Раздались оглушительныя рукоплесканія. Въ изящной, стройной женщинѣ, съ замѣчательно выразительной и красивой фізіономіей, одѣтой со вкусомъ и шикомъ, незнакомыми грязнопольскимъ дамамъ, Стрекаловы не сразу признали свою подвижную, маленькую, скромно одѣтую гувернантку, — такъ сильно измѣнила ее сцена и костюмъ. Она кланялась публикѣ удивительно мило и граціозно, безъ прикладываній руки къ сердцу и безъ особаго присѣданія, и опустилась въ кресло съ такимъ чисто-французскимъ изяществомъ, что даже Настасья Дмитріевна не могла не шепнуть Ольгѣ, что „сумасбродка умѣетъ себя держать на сценѣ“.

Сперва молодая актриса чуть-чуть оробѣла, но робость продолжалась недолго: рѣчь ея сдѣлалась тверже, увѣреннѣе, — она вошла въ роль. Передъ зрителями была красивая великосвѣтская женщина, умная, страстная, лукавая, нѣжная кокетка, тонко обманывающая мужа и унижающая соперницу — наивную, робкую дѣвушку, на которой хотѣлъ жениться любовникъ молодой женщины. Игра ея была тонка, изящна, граціозна и свидѣтельствовала о крупномъ дарованіи. Едва уловимые оттѣнки чувствъ передавались ею художественно; мимика, манеры безукоризненныя. Въ сценѣ объясненія съ дѣвушкой, которой она бранитъ своего любовника, она такъ естественно переходила отъ ненависти къ соперницѣ къ

жалости къ ребенку, такъ трогательно умоляла дѣвушку отказаться отъ молодого человѣка, что грязнопольцы разразились бѣшенными восторгами, а Колосова залилась слезами, бросилась за кулисы и кинулась на шею артистки, осыпая ее похвалами.

Ольга взглянула въ партеръ. Черемисовъ глядѣлъ въ ихъ ложу. Они встрѣтились глазами. Глѣбъ поклонился; Ольга привѣтливо наклонила голову.

— Знаешь, кто въ партерѣ, Федя?

— Кто?

— Черемисовъ! шепнула Ольга.

Федя взглянулъ внизъ и безъ церемоніи закивалъ головой.

Настасья Дмитриевна наклонилась и, увидѣвъ ненавистнаго Глѣба, замѣтила Федѣ:

— Держи себя прилично, Федя, и не кивай головой, какъ мужикъ!

„Неужели румянецъ Ольги отъ этой встрѣчи?“ беспокоилась мать и зорко слѣдила за Ольгой; но Ольга, спокойная, блѣдная, точно статуя, сидѣла на своемъ мѣстѣ и впилась глазами въ сцену. Только нервное подергиваніе сжатыхъ губъ показывало, что она неспокойна: игра Ленормъ произвела на нее сильное впечатлѣніе.

Пьеса кончилась; подарки были поднесены, цвѣты брошены; начался водевиль. Черемисовъ вышелъ изъ театра. Въ подъѣздѣ его сильно толкнула какая-то женщина; онъ посторонился и увидѣлъ Людмилу Николаевну.

— Глѣбъ Петровичъ, торопливо заговорила она, — видѣли вы Володю?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Ахъ, Боже мой, найдите его поскорѣй, прошептала она умоляющимъ голосомъ, откидывая густую вуалетку.

Черемисовъ взглянулъ на Крутовскую и былъ пораженъ блѣдностью и страдальческимъ видомъ ея лица.

— Быть можетъ, его здѣсь нѣтъ?

— Здѣсь, гдѣ ему быть! какъ-то грустно сказала она. — Надо доктора: ребенокъ опять плохъ и, кажется, на этотъ разъ не выживетъ... печально добавила Людмила Николаевна.

— Я позову.

— Я-бы и сама позвала, да... денегъ нѣтъ и... заложить нечего! заикнулась маленькая женщина, слабо улыбаясь.

— У меня есть. Поѣзжайте домой, а я поѣду за докторомъ.

— Спасибо вамъ! Таеъ не беспокойте Володю: пусть веселится. Только скорѣй доктора!

Черезъ нѣсколько минутъ Глѣбъ былъ въ маленькомъ домикѣ вмѣстѣ съ докторомъ. Докторъ прописалъ лекарство, велѣлъ прикладывать ледъ и, успокоивъ бѣдную женщину, уѣхалъ. Черемисовъ остался сидѣть.

Людмила Николаевна нѣсколько приободрилась, и когда ребенокъ, послѣ ледяныхъ компрессовъ, заснулъ, она протянула Глѣбу свою исхудалую руку и тихо замѣтила:

— Спасибо вамъ, Глѣбъ Петровичъ; теперь я молодцомъ стала. Вѣрно, Володя скоро придетъ.

— Давно онъ ушелъ?

— Третій день его нѣтъ. Это съ нимъ часто бываетъ, улыбнулась Людмила Николаевна. — Зайдетъ куда-нибудь, заспоритъ, да и останется. Иногда безпокоишься, ждешь, богъ знаетъ какихъ страстей ни думаешь, а онъ придетъ и смѣется надъ моими страхами. Сегодня онъ, вѣрно, въ театрѣ былъ: бенефисъ... онъ любить театръ. Вѣрно, гдѣ-нибудь ужинаетъ. Теперь онъ скоро будетъ.

Прошло два часа. Людмила Николаевна подошла къ окну, прислушалась. Кругомъ было тихо, только слышалось неровное дыханіе ребенка.

— Вы, Глѣбъ Петровичъ, идите спать — поздно; что вамъ сидѣть?

— Обо мнѣ не безпокойтесь. Вы-бы сами лучше заснули, а я пока посижу.

— Не до сна мнѣ! вдругъ, точно стонъ, вылетѣлъ изъ ея груди беззвучный крикъ и она тихо зарыдала.

Глѣбъ понялъ драму маленькаго домика и молчалъ.

— Глѣбъ Петровичъ, сказала Людмила Николаевна, отирая слезы, — нѣтъ-ли у васъ въ виду какого-нибудь мѣста?

— Пока нѣтъ, но я похлопочу: напишу въ Петербургъ къ пріятелямъ.

— Я, видите-ли...

Ей трудно было продолжать. Наконецъ она не выдержала и продолжала:

— Я-бы не хотѣла стѣснять Володю. Вы только не подумайте, чтобъ я его винила, боже сохрани! Онъ полюбилъ—и правъ, конечно. Она—оригинальная женщина; вѣроятно, и вамъ понравилась, такъ-что полюбить немудрено...

— Да про кого вы говорите? улыбнулся Глѣбъ.

— Главнаго-то я и не сказала, сквозь слезы замѣтила Людмила Николаевна,—я говорю про Ленормъ, вѣдь вы ее знаете?

— Знаю. Она мнѣ не нравится...

— Вамъ, кажется, никто не нравится...—Тсссъ! проснулся... Глѣбъ Петровичъ, послушайте, хорошо онъ дышетъ?

— Онъ не проснулся и дышетъ хорошо, напрасно вы такъ беспокоитесь. Засните-ка лучше.

Она откинулась въ кресло и закрыла глаза. Часы громко пробили четыре; она встрепелась.

— Володя, это ты? Ахъ, что я! приподнялась она, проводя рукою по глазамъ.—Глѣбъ Петровичъ, идите домой. Я посмотрю сама за ребенкомъ.

— Полноте, спите лучше!

— Володя, вѣрно, гдѣ-нибудь заспорилъ... Онъ увлекается... Это время бѣдняга все денегъ искалъ, а редакторъ не шлетъ... Тяжело ему, бѣдному, съ обузой на шеѣ! указала она на себя и на ребенка.

Она опять задремала и не проснулась. Пробило девять часовъ, когда Глѣбъ тихо ушелъ изъ домика, положивъ нѣсколько денегъ на столъ, а Крутовской все еще не возвращался.

XLI.

Въ этотъ день молодая актриса проснулась позже обыкновеннаго и весело зѣвнула. Она припомнила вчерашнее торжество, кучу своихъ поклонниковъ и звонко расхохоталась.

„Для начала недурно, а потомъ въ Петербургъ! Тамъ дорога шире!“ подумала красивая хищница. Она взяла со столика маленькое зеркало и стала разсматривать свое лицо. „Вѣдь ничего особеннаго нѣтъ, а нравлюсь! Съ ними только побольше дерзости

и они будутъ у ногъ!“ не безъ презрѣнія подумала она о своихъ любовникахъ. Она вспомнила о Крутовскомъ и почему-то задумалась.

„Съ этимъ шалить нечего: жаль его!“ шепнула она, вспоминая позавчерашнюю сцену.

— Надя! звонко крикнула она горничную.

Вошла Надя.

— Крутовской былъ вчера?

— Нѣтъ.

— И сегодня не былъ?

— Не были.

„Сердитесь! и въ театрѣ вчера не былъ, но, вѣрно, сегодня будетъ!“ подумала Ленормъ.

— Сегодня былъ одинъ господинъ.

— Кто?

— Не сказался. Такой лохматый, длинноволосый и сердитый на видъ.

— Кажется, такихъ у насъ не бываетъ, Надя? засмѣялась актриса.

— Этотъ ни разу не былъ. Пришелъ и спросилъ: дома? говорю: „почиваютъ“; когда, говорить, почивать перестанутъ?.. И говорить, точно лается.

— Не Черемисовъ-ли? вдругъ радостно крикнула Ленормъ. „Нѣтъ, не можетъ быть: къ чему онъ придетъ?“ подумала она и улыбка быстро сбѣжала съ ея лица.

— Курчавые волосы, Надя, высокій, говорить сердито? губа подымается? допрашивала Ленормъ.

— Курчавый и высокій, а губы не прижѣтила.

— Ахъ, какая ты, Надя! Зачѣмъ ты не попросила его подождать?

— Станетъ онъ ждать! Онъ сейчасъ-же повернулся и сказалъ...

— Это онъ! весело шепнула Ленормъ.—Что сказалъ?

— Приду черезъ два часа.

— Одѣваться, Надя, скорѣй!

Она быстро встала и не безъ намѣренія одѣлась во все черное.

— Хорошо, Надя?

— Очень.

— На монашенку не похожа? говорила она, осматриваясь пе-

редъ зеркаломъ. — Ну, теперь подавай мнѣ кофе въ гостиную.

Черезъ нѣсколько времени раздался звонокъ. Сердце Ленормъ забилося, она поблѣднѣла.

„Господи, какая я еще дурочка! улыбнулась актриса, — точно жениха жду!“

— Тотъ самый, что былъ! прибѣжала доложить Надя.

— Проси и не принимать никого!

— И если генераль пріѣдутъ?

— Если двадцать генераловъ, все равно меня нѣтъ дома!

Въ гостиную вошелъ Черемисовъ. Ленормъ быстро вскочила съ дивана и бросилась къ нему на встрѣчу.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ васъ, Глѣбъ Петровичъ, ко мнѣ? Садитесь, будьте дорогимъ гостемъ. Хотите кофе?

— Нѣтъ.

— Ну, чаю?

— И чаю не хочу.

— Ну, такъ ничего вамъ не будетъ. Садитесь вотъ сюда, въ кресло. Вѣдь я васъ съ лѣта не видала. Что подѣлываютъ Стреловы, что Ольга?

— Кажется, здоровы. Я вѣдь больше не тамъ.

— Распростились? весело промолвила Ленормъ.

— Распротился.

— И свободны, какъ вѣтеръ?

— И свободенъ.

— И сердца нигдѣ не потеряли?

— Нигдѣ.

Она заглянула ему въ лицо съ самой очаровательной улыбкой и тихо сказала:

— Правда-ли?

— Что-же мнѣ врать!

— Тотъ-же медвѣдь, какъ и былъ! весело захохотала она. — Тотъ-же! вотъ только похудѣли и очень похудѣли; что съ вами, здоровы?

— Здоровъ, ничего-себѣ! сказалъ Черемисовъ, оглядывая комнату.

— Что вы такъ разглядываете? перебила его Ленормъ.

— Квартира прекрасная! машинально замѣтилъ Черемисовъ.

Молодая дѣвушка вспыхнула, на глазахъ чуть-было не вернулись слезы.

— Я вѣдь хищникъ! уныло сказала она.

Черемисовъ спохватился, что сдѣлалъ глупое замѣчаніе о квартирѣ, и ему стало неловко. Онъ искоса взглянулъ на Ленормъ; она, опустивъ глаза, перебирала каемку платка. Оба нѣсколько времени помолчали.

— Вы, вѣрно, по дѣлу пришли? сказала дѣвушка, вдругъ перемѣнивъ тонъ. — Вѣдь не для того, чтобы меня видѣть, нѣтъ?

— Я пришелъ къ вамъ съ просьбой.

— Вы ко мнѣ съ просьбой?

— Да. Вы знаете Крутовского?

— Знаю! повраснѣла дѣвушка.

— Это мой бывший пріятель.

— Что-же дальше? сухо замѣтила она.

„Неужели онъ пришелъ отъ Крутовского?“ подумала дѣвушка.

— Вы позволите мнѣ говорить откровенно? мягко спросилъ Глѣбъ.

— Еще-бы, говорите откровенно! недоумѣвала аетриса.

— Такъ будьте откровенны и вы. Скажите, вѣдь вы Крутовского не любите?

— А вамъ какое дѣло? лукаво усмѣхнулась француженка.

— Не лукавьте, бросьте этотъ тонъ: право, онъ лишній и для самой васъ тяжелъ; говорите со мной по-пріятельски! мягко сказалъ Черемисовъ, тихо пожимая руку молодой дѣвушки.

И странно: отъ этого тона, отъ этихъ простыхъ, искреннихъ словъ Ленормъ какъ-то вдругъ измѣнилась, сдѣлалась проще.

— Не люблю.

— А онъ васъ?

— Тоже, я думаю, не любить.

— А просто ухаживаетъ отъ скуки?

— Больше чѣмъ ухаживаетъ: увлекается. Онъ вѣдь меня мало знаетъ... тихо прошептала дѣвушка.

— Значить, все это пустяки?

— Пустяки.

— А изъ-за этихъ пустяковъ жена его наживетъ чахотку.

Ленормъ потупилась и молча перебирала платье.

— Такъ знаете-ли, что? Не пускайте вы къ себѣ Крутовского.

Я его знаю, онъ озлится, но такъ-же скоро васъ забудетъ, какъ скоро и влюбился. Такъ или иначе, а все-бы этимъ кончилось. Онъ жену хоть и мучить, а очень любить. Она вѣдь много съ нимъ бѣдъ видѣла и вмѣстѣ они испытали не мало лишений. Они вѣдь тоже цыгане, но только съ дѣтьми, а это куда какъ трудно!

Ленормъ не подымала глазъ и молчала.

— Что-жъ вы не отвѣтите? Вѣдь вы это сдѣлаете?

Она подняла глаза и взглянула на Глѣба; въ ея взглядѣ было столько доброты, столько хорошаго, ласковаго выраженія, что Черемисовъ вѣжливо пожалъ ей руку и замѣтилъ:

— Я увѣренъ былъ, что вы такъ поступите!

Она тихо высвободила руку и снова опустила голову.

Оба помолчали.

Когда молодая дѣвушка подняла голову, по лицу ея катились горячія слезы.

— Зачѣмъ вы не написали мнѣ объ этомъ, а сами пришли? Знаете-ли, Черемисовъ, послѣ вашего посѣщенія я опять захандрю. Къ чему дѣлать людямъ зло? улыбнулась она сквозь слезы.

— Отъ хандры васъ талантъ выручить. Я вчера васъ видѣлъ и, откровенно скажу, изъ васъ можетъ выдти прекрасная артистка.

— Правда? наивно спросила актриса, польщенная похвалой.

— Разумѣется, правда.

— Вы нарочно въ театръ пришли меня смотреть?

— Нарочно васъ...

— Я очень рада, Глѣбъ Петровичъ, что вамъ понравилась моя игра. Только я вчера оробѣла въ началѣ.

— Но вы не увлекайтесь похвалами: вамъ надо много надѣ собой работать, читать, учиться. Одинъ талантъ еще не все...

— Я много читаю и буду больше читать. Однако, что-жъ это вы? Зачѣмъ берете шляпу?

— Пора уходить.

— Нѣтъ, не уходите. Ужъ если пришли, хоть и по дѣлу, такъ я васъ скоро не выпущу. Вы о себѣ ничего не рассказали. Впрочемъ, быть можетъ, вы не хотите, вы...

Она остановилась и тихо замѣтила:

— Вы не обвиняете меня?

— За что?

— Вы... вы не чувствуете ко мнѣ отвращенія? глухо проговорила Ленормъ.

— Какой вы вздоръ городите! рѣзко замѣтилъ Черемисовъ.— И какъ вамъ не стыдно такъ обо мнѣ думать?..

Она жадно слушала каждое его слово и порывисто пожала его руку.

— Теперь рассказывайте, хорошій мой, ласково шептала дѣвушка, глядя въ глаза Черемисову,—что вы думаете дѣлать?

— Пока ничего не дѣлаю, собираюсь уѣзжать въ деревню.

— Зачѣмъ?

— Поживу тамъ.

— А послѣ?

— Послѣ что Богъ дастъ.

— Какъ птица небесная?

— Почти-что такъ.

— Экій вы какой непосѣда! Вотъ и Крутовской тоже богема. За что-же вы рассорились съ Стрекаловыми? Онъ, кажется, въ васъ души не слышалъ.

Черемисовъ рассказалъ ей всю исторію своего разрыва. Ленормъ внимательно слушала.

— Я давно думала, что этимъ кончится. Вѣдь они, какъ-бы выразиться... добродѣтельны до отвращенія и живутъ по прописи. Впрочемъ, дѣти на нихъ не похожи: Федя—мальчижъ съ сердцемъ, а Ольга — добрая, умная дѣвушка. Знаете-ли, что мнѣ казалось?

— Что?

— Что вы ей нравились.

— Сомнѣваюсь.

— Она скрытна, а мы, женщины, болѣе чутки, чѣмъ вы. Кстати, скоро свадьба?

— Чья? быстро спросилъ Глѣбъ.

Она замѣтила (или ей только показалось), что у Глѣба при ея вопросѣ слегка дрогнула губа.

— Ольги. Она выходитъ за Рѣчинскаго.

— Не можетъ быть...

— Отчего?

— Не пара онъ ей, а впрочемъ...

Глѣбъ поднялся и сталъ прощаться. Ленормъ крѣпко пожала ему руку и замѣтила:

— Зайдите еще разъ ко мнѣ. Зайдете?

— Зайду.

— Смотрите-же, сдержите слово. Я ждать буду съ нетерпѣніемъ. Ну, прощайте.

Она проводила Глѣба до передней; послѣ его ухода всплакнула, и весь день была задумчива и печальна. Вечеромъ, послѣ спектакля, когда пріѣхалъ генераль, она встрѣтила его непривѣтливо.

— Что съ вами, Магіе? освѣдомился онъ, цѣлуя ея руку.— Отчего вы печальны?

— Оттого, что печальна! сухо отвѣтила дѣвушка.

— Нервы, быть можетъ...

— Нервы.

— И на меня сердитесь?

— Къ чему вы пристааете, скажите? Вы думаете, я вѣчно должна быть весела оттого, что имѣю счастье васъ видѣть?..

— Магіе, полно! заговорилъ-было генераль, обнимая ее.

— Оставьте меня... не трогайте!..

Генераль испугался.

— Васъ кто-нибудь разстроилъ? кто-нибудь былъ у васъ? проговорилъ генераль, ревниво осматривая комнату.

На бѣду онъ замѣтилъ на столѣ портъ-сигаръ, забытый Черемисовымъ.

— Это еще что за допросы? вспыхнула Ленормъ. — Ну да, былъ, хорошій человекъ былъ, котораго вы и мизинца не стоите.

— Кто-жъ это совершенство?

— Вамъ и фамилію знать нужно?—извольте скажу: Черемисовъ.

— Бывшій учитель Стрекаловыхъ?

— Онъ самый.

— Я вамъ, Магіе, не совѣтовалъ-бы принимать его у себя! злился генераль.

— Скорѣй я васъ не приму, чѣмъ его,—слышите?

Генераль поблѣднѣлъ.

— Я, Магіе, не къ тому говорю. Онъ,—вы этого не понимаете,—онъ имѣетъ этакія идеи...

— Расскажите все до конца! быстро крикнула Ленормъ.

— Довольно и этого. Я вижу, вы интересуетесь.

— Не говорите такъ: глупо выходить. Я вамъ скажу: я могла-бы его полюбить такъ, какъ никого не любила, но онъ меня не любитъ и... чего вы на стулѣ вертитесь?.. не полюбить никогда: я не изъ его романа... Сегодня онъ былъ въ первый разъ у меня и былъ по дѣлу, даю вамъ слово; значить, ревность ваша неумѣстна.

Генераль пожалъ плечами.

Ленормъ зорко слѣдила за нимъ.

— Вы меня любите? вдругъ спросила она.

— Вы это, Магге, знаете лучше меня, люблю-ли я васъ.

— И очень? нѣжно повторила она, кладя руку на плечо генерала.

— Очень, повторилъ онъ за нею и привлекъ ее къ себѣ.

Она не противилась и позволила осыпаться себѣ поцѣлуями.

Во время ужина она много пила и весело хохотала. Подъ конецъ она опьянѣла.

Когда генераль ушелъ, Ленормъ бросилась на диванъ и горько зарыдала.

— Что съ вами, барышня? спрашивала ее Надя, заботливо укладывая ее въ постель.

— Ахъ, Надя, Надя, если-бъ ты знала, что я за гадкая женщина!..

— Полно вамъ плакать, усните...

— Гадкая... а вѣдь могла-бы быть другой. Счастлива ты: — ты честная, а я... я...

Она не договорила и утонулась въ подушку.

Надя постояла около, тихонько перекрестила „барышню“ и тихонько легла около нея на полу.

XLII.

Крутовской двое сутокъ не былъ дома. Случайно встрѣтился онъ въ гостинницѣ съ двумя помѣщиками-степняками, ѣхавшими въ Петербургъ закладывать имѣнія, разговорился съ ними и получилъ отъ нихъ работу. Работа была спѣшная, надо было въ

два дня снять нѣсколько копій и написать множество бумагъ, такъ что Крутовской на это время поселился поблизости у одного знакомаго; по окончаніи работы онъ отнесъ ее степнякамъ, которые остались очень довольны и оставили Крутовского пить чай. Не прошло и четверти часа, какъ между новыми знакомцами, которыхъ Крутовской видѣлъ первый разъ въ жизни, завязался горячій споръ, тянувшійся за полночь. Споръ былъ весьма оживленный, въ которомъ Крутовской, чуть не съ пѣной у рта, доказывалъ нѣсколько подвыпившимъ, крайне добродушнымъ степнякамъ, что они идіоты, которымъ одно мѣсто—Камчатка.

Добродушные и рыхлые, какъ тѣсто, степняки никакъ не могли съ этимъ согласиться, такъ что Крутовской пуще злился и еще болѣе старался ихъ убѣдить. Дѣло однакожь кончилось тѣмъ, что онъ вмѣстѣ съ степняками напился и бережно былъ уложенъ однимъ изъ своихъ новыхъ знакомцевъ на кровать въ номерѣ.

Крутовской проснулся поздно, съ головной болью, и удивленно озирался кругомъ.

— Вы вчера, знаете-ли, немножко того... поспѣшили замѣтить съ другой кровати добродушный степнякъ.

— И вы меня, вмѣсто Камчатки, уложили въ постель? захотѣлъ Крутовской.

— Да... Я и самъ вчера хватилъ... только вы слабы: многоли выпили, а ужъ не могли лыка вязать, только и повторяли: въ Камчатку, въ Камчатку ихъ! Мы васъ и уложили. А горяченьки-же вы, батюшка, очень горяченьки... Пыль, знаете-ли, самый молодой. Я и самъ прежде горячъ былъ, когда въ гусарахъ служилъ: бывало, чуть солдафонъ провинился—въ морду его. Да и нельзя, я вамъ скажу, иначе: какая тамъ эмансипація не будь, а съ нашимъ муженесомъ,—это у насъ такъ въ губерніи мужлановъ прозвали, смѣялся степнякъ,—одно спасенье—въ морду!

Помѣщикъ говорилъ эти слова съ такимъ мягкимъ, добродушнымъ юморомъ и съ такой наивной увѣренностью, что Крутовской не могъ не улыбнуться.

— Ей-богу, вы этому повѣрьте: это какъ-богъ-святъ!

„Эка меня дернуло вчера состязаться съ ними!“ подумалъ Крутовской, одѣваясь. „Нечего сказать—экземпляры, и по нынѣшнему времени пожалуй-что и рѣдкіе!“

— Я вотъ теперь съ сосѣдомъ въ Питерѣ вѣду закладомъ имѣніе въ поземельный банкъ, а послѣдній разбивалъ стеклакъ, натягивая сапоги на свои, неуклюжія, точно бревна, ноги.

— Прогорѣтъ изволили?

— А почему прогорѣтъ изволил?

— Старая пѣсня—эмансипація?

— Нѣтъ, пѣсенка-съ не та, а прогораемъ мы потому, что норовить тебя мужикъ надуть. Я, скажу вамъ по совѣсти, былъ простъ,—ахъ, какъ простъ! Скажи вы мнѣ: Антонъ Антоничъ, здѣсь, моль, въ жилеткѣ у меня, сто рублей,—я повѣрю; а онъ этой-то простотой и воспользовался.—Отчего не вспахано?—Вспахано, говоритъ.—Врешь!—Вожится.—Врешешь, каналья!—Мужикъ въ ноги. Тутъ-бы ему въ зубы, анъ руки и связаны: мировой институтъ-съ выдумали... Прогонишь его вонъ, а земляца кое-какъ вспахана,— снова отдай денежки за работу... Вотъ-съ мы и прогораемъ за нашу простоту. Спасибо еще банкъ выручаетъ: ссужаетъ деньгами.

Крутовской глядѣлъ на степняка, на его толстое, топоромъ скроенное, загорѣлое лицо, на которомъ добродушіе и какая-то особенная, первобытная наивность, съ оттѣнкомъ лукавства, съвозили въ каждой грубой чертѣ, въ каждой складкѣ жира. „А я его еще вчера въ Камчатку посылалъ,—за что? улыбался Крутовской.—Никакая Камчатка ничего съ нимъ не сдѣлаетъ“.

Крутовской одѣлся и сталъ прощаться.

— А чаю? Такъ безъ чаю на улицу выйдете, что-ли? Нѣтъ, это какъ-же можно!—я васъ не пущу, останавливалъ степнякъ.

— Нужно мнѣ...

— И мнѣ нужно поскорѣй-бы въ Питеръ, да вѣдь нельзя-же не пивши и не ѣвши! хохоталъ помѣщикъ.—Вы останьтесь-ка, выпьемъ чайку, закусимъ, тогда и простимся по-дружески. Очень ужъ вы душевный человѣкъ, хоть и ругаетесь.

Крутовской остался пить чай. Послѣ чаю пошла закуска, кончившаяся только къ четыремъ часамъ.

— Вотъ теперь и собираться по-маленьку можно,—правда, сосѣдъ?

„Сосѣдъ“, вообще мало разговорчивый, замѣтилъ:

— А вотъ погоди: я еще только котлетку съѣмъ.

— Что-жъ, погодишь. Съѣшь. Встати и я закушу.

Оба еще съѣли.

Когда кончился, наконецъ, завтракъ, степняки распрощались съ Крутовскимъ, облобызавъ „душевнаго человѣка“,

Крутовской шелъ домой довольный, что несетъ женѣ заработанныя деньги. Денегъ было довольно на мѣсяць. „А послѣ какъ?“ подумалось Крутовскому. „Послѣ работишка навернется, а то и редакторъ вышлетъ-же, наконецъ!“ О послѣднемъ, впрочемъ, онъ вспомнилъ больше для успокоенія, такъ-какъ надежда эта въ послѣднее время становилась для него какимъ-то призракомъ. „Ну, наконецъ, уроки пайду!“ утѣшалъ себя Крутовской и, кажется, утѣшился, потому что въ мигъ повеселѣлъ и, посвистывая, гоголемъ повернулъ на Московскую улицу. По другой сторонѣ улицы онъ замѣтилъ Ленормъ, возвращавшуюся съ репетиціи, и хотѣлъ-было подойти къ ней, такъ-какъ еще злился на нее за послѣднюю сцену.

„Чортъ съ ней, не подойду!“ шепнулъ онъ и все-таки подошелъ.

— Что давно не видать васъ? замѣтила молодая дѣвушка.

— Да что ходить?..

— Не пускаютъ? посмѣивалась Ленормъ.

— Кто меня смѣетъ не пускать? вспыхнулъ Крутовской.

— Да вы такъ не кричите на улицѣ, а то еще васъ въ полицію возьмутъ. Лучше у меня кричите. Пойдемте.

Онъ машинально пошелъ къ ней на квартиру.

— Пока посидите, злитесь одинъ, а я переодѣнусь!

Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась и улеглась на диванъ.

— Вы извините, что я въ блузѣ и съ ногами на диванъ легла—устала!

— Такъ кто-жъ меня не пускаетъ? злился Крутовской.

— Я почему знаю!

— Такъ и не говорите пустяковъ.

— Да и въ чему вамъ ходить ко мнѣ? улыбалась Ленормъ.—

Матеріалу для статей у меня мало.

— Вы сама—богатый матеріалъ.

— Не особенно... Бываютъ у меня, правда, очень интересные экземпляры, которые доставили-бы вамъ богатую жатву...

— Кто?

— Вамъ вотъ и скажи... къ чему? Вамъ все равно нельзя съ ними встрѣчаться у меня.

Крутовской измѣнился въ лицѣ. „Что-жъ это за женщина?.. неужели она...“ Онъ не посмѣлъ докончить мысли и въ первый разъ обратилъ вниманіе на квартиру, въ которой онъ такъ часто бывалъ. Теперь она его поразила роскошью и богатой обстановкой.

„А вѣдь жалованье ея маленькое!“ досказалъ Крутовской.

Ленормъ поняла, о чемъ думаетъ ея гость.

— Такъ вамъ хочется знать, кто бываетъ у меня? Извольте, скажу: во-первыхъ, генераль...

— Зачѣмъ?

— Для пріятныхъ разговоровъ!.. съ какой-то циничной наглостью проговорила актриса.

Крутовского передернуло отъ этого тона. Онъ взглянулъ на Ленормъ. Она полулежала на диванѣ, закинувъ назадъ обнаженные руки.

— Я вѣдь жить хочу, Крутовской, жить не по-вашему, не по-мѣщански.

— А въ роскоши?

— Да. А роскошь денегъ стоитъ!

— А генераль...

— Ее оплачиваетъ! закончила дѣвушка и захохотала.

— А со мной отчего-же и не пошутить? прошипѣлъ Крутовской, хватаясь за шляпу.

— Отчего-жъ, если сами напрашиваетесь? замѣтила она и нагло поглядѣла ему въ глаза.

Этотъ наглый взглядъ, взглядъ куртизанки, окончательно сразилъ Крутовского и въ головѣ его пронеслась мысль: „И я, дуракъ, чуть-было не втюрился! Бѣдная Люда!“

Онъ раскланялся и ушелъ.

„Быстро-же излечился и скоро всему повѣрилъ этотъ добрый, но сумасбродный повѣса!“ улынулась молодая дѣвушка и грустно опустила хорошенькую головку. „Теперь онъ не придетъ ко мнѣ. Черемисовъ будетъ мною доволенъ!“

Брутовской былъ пораженъ видомъ своей жены—такъ она была истомлена и блѣдна. Онъ тихо подошелъ къ ней и протянулъ руку; она ласково подала свою и не сдѣлала никакого вопроса, не проронила ни одного упрека.

— Люда, другъ мой, ты совсѣмъ больна.

— Нѣтъ, я здорова, улыбнулась она, — а вотъ Володя вчера былъ нехорошъ...

Брутовской вспомнилъ, что въ домѣ не было денегъ и что два дня Людмила Николаевна сидѣла безъ гроша, и ему стало совсѣмъ совѣстно.

— Что съ нимъ?

— Вѣроятно, простудился... Вчера докторъ былъ.

— А деньги?..

— Черемисовъ далъ: я его вчера встрѣтила...

— Ну, слава-богу. Вотъ, Люда, деньги, — досталь-таки.

Онъ подаль ей пятьдесятъ рублей.

— Опять въ долгъ? тихо спросила Людмила Николаевна.

— Нѣтъ, Люда, заработалъ. Случайно встрѣтился съ двумя помѣщиками, которые ѣдутъ въ Петербургъ закладывать имѣнія, и получилъ отъ нихъ работу; два дня чертилъ имъ планы, писалъ бумаги. Работа была спѣшная, отъ этого ты меня и не видала два дня.

— То-то ты блѣдный такой... усталъ?

„Она-же еще и жалѣеть!“ сжалось сердце у Брутовского.

— Люда, милая Люда! порывисто бросился къ ней Брутовской, ты прости меня...

— Полно, Володя, полно, мой другъ, въ чемъ тебя прощать? шептала она, обнимая его.

— Вѣдь я люблю одну тебя и никого болѣе!

Она вздрогнула отъ радости, изъ глазъ ея полились тихія, облегчающія слезы.

Между ними не было никакихъ объясненій, ни съ одной стороны не сказалось ни одного упрека... У обоихъ было легко на сердцѣ, точно послѣ бури наступило затишье.

— Тебѣ, Люда, лечиться надо, говорилъ Брутовской, глядя ея волосы. — Ишь кашляешь...

— Теперь я совсѣмъ здорова! весело отвѣчала молодая женщина. — Гляди, — подвела она мужа къ постели, гдѣ валялся сынишка, — и

онъ поправляется, румянецъ на щечкахъ. Ну, поцѣлуй, дитя мое, папу. цѣлуй его, онъ у насъ славный! весело щебетала Людмила Николаевна.

Крутовской поцѣловаль сына и почему-то задумался...

XLIII.

Невесело жилось обитателямъ стрекаловскаго дома. Тяжело было Николаю Николаевичу съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаться, что сынъ его, любимый Федя, заразился глупыми идеями. Онъ глядѣлъ на своего „мальчика“, какъ на будущего своего помощника, во всемъ съ нимъ согласнаго, и вдругъ этотъ мальчикъ уже теперь нерѣдко молчаніемъ протестуетъ противъ взглядовъ отца. Отецъ чувствовалъ, что какая-то струна порвалась между ними и нѣтъ прежней задушевности и искренности въ отношеніяхъ къ нему сына.

„Это—вліяніе негодяя Черемисова, и я, глупецъ, во всемъ виноватъ: не разглядѣлъ, что за человѣкъ, повѣрилъ словамъ!..“ упрекалъ себя Николай Николаевичъ.

Онъ хандрилъ и на-время забылъ даже и о концессіи, и о Рѣчинскомъ. Одна мысль о томъ, что сынъ можетъ разлюбить его, можетъ сдѣлаться какимъ-нибудь несчастнымъ шатуномъ, фантазеромъ и нищимъ приводила его въ отчаяніе. А онъ такъ любилъ сына и ждалъ отъ него совсѣмъ другого! Николай Николаевичъ похудѣлъ даже за это время и обычные его занятія не развлекали его.

Онъ рѣшилъ поговорить съ сыномъ. Когда Федя пришелъ, отецъ обнялъ его съ какою-то странной горячностью.

— Здоровъ ты, милый мой?

— Здоровъ, папа.

— Что-жъ ты невеселый такой, а? скажи мнѣ...

— Я ничего...

— Ты откровенно, какъ другу, скажи, Федя; что съ тобой? Ты въ послѣднее время не тотъ сталъ... Пойдемъ-ка, погуляемъ и поговоримъ...

Они пошли въ садъ.

— Тебѣ скучно, Федя, да?

Федя молчалъ.

— Я это вижу и знаю, другъ мой, причины... Ты привязался къ Черемисову, съ горечью говорилъ Стрекаловъ,—и грустишь, что его нѣтъ, вѣдь правда? Что-же ты молчишь?

— Правда... тихо отвѣтилъ Федя.

— Ты еще молодъ, очень молодъ, мой другъ, и привязываешься къ первому встрѣчному; помни, что легко ошибиться: принять фольгу за золото, глупыя фантазіи за истину, и стать смѣшнымъ фантазеромъ, неприносящимъ ни себѣ, ни другимъ пользы. Ты вѣрь мнѣ: я не на вѣтеръ говорю; знаешь-ли ты, другъ мой, какими трудами я приобрѣлъ средства, благодаря которымъ мы живемъ хорошо, а ты можешь учиться? Ты думаешь, мнѣ легко было?

И отецъ рассказалъ сыну о томъ, какъ онъ съ молоду самъ работалъ, какъ былъ въ Англіи и какъ, благодаря знаніямъ, труду и энергіи, приобрѣлъ себѣ состояніе.

— Какъ видишь, окончилъ онъ свой рассказъ,—я всего достигъ трудомъ и знаніями и нието не вправѣ сказать, чтобы хоть одинъ грошъ, который лежитъ у меня въ карманѣ, былъ нажитъ нечестно. Слышишь, Федя; все, что у насъ есть, все нажито трудомъ и умѣнемъ. Я никого не грабилъ, я ни одной души не обчиталъ и совѣсть моя покойна.

— Папа, голубчикъ, но отчего-жъ намъ такъ хорошо, а... а... имъ такъ скверно?..

— То-есть какъ скверно? О, имъ вовсе не такъ скверно. Если они живутъ не такъ, какъ мы, то у нихъ и потребности далеко ниже нашихъ... Ему книга не нужна, а тебѣ она необходима; онъ не привыкъ къ тонкому бѣлью, а ты привыкъ; наша пища для него непонятна, какъ его пища намъ. Наконецъ,—и это главное,—міръ, любезный мой скептикъ, созданъ такъ, что всѣмъ одинаково богатыми быть нельзя; какъ ни одинъ человѣкъ не похожъ на другого, такъ невозможно, чтобы всѣ были богаты... И не только въ Россіи, гдѣ народъ еще младенецъ, а и въ Европѣ то-же самое: меньшинство пользуется всѣми благами цивилизаціи, учится въ университетахъ, вноситъ знанія въ жизнь, улучшаетъ ее и, слѣдовательно, получаетъ законное право на лучшее существованіе, а большинство—нѣтъ, но каждый изъ нихъ, исполняя честно свой долгъ, можетъ и долженъ быть счастливъ. Кто во-

ображаетъ, что можно уравнивать всѣхъ, тотъ сумасшедшій или дуракъ, который ни о чемъ не думалъ.

Федя внимательно слушалъ.

— Будешь и ты, Федя, богатъ и передъ тобой будетъ широкая дѣятельность. Богатство тоже обязываетъ человѣка: кто растрачиваетъ его попусту, тотъ упускаетъ изъ рукъ и свое, и чужое счастье. А развѣ не счастье знать, что благодаря тебѣ тысяча рукъ получаетъ работу?..

— Ужъ лучше прямо отказаться отъ богатства! горячо вдругъ воскликнулъ юноша.

Стрекалова ожгло отъ этого неожиданнаго восклицанія. Онъ точно забылъ, что эти горячія слова, продиктованныя горячимъ сердцемъ, остаются только словами; въ страхъ за сына, онъ придалъ имъ большее значеніе и почти-что крикнулъ:

— Ты подъ вліяніемъ черемисовскаго вздора! Онъ говоритъ такъ отъ зависти, потому что самъ—нищій, а дай ему состояніе—посмотрѣлъ-бы ты на него!..

— Неправда! вспыхнулъ юноша.

— Молчи, дуракъ! крикнулъ, всплывъ, Стрекаловъ. Впрочемъ, гнѣвъ быстро прошелъ, онъ опомнился и, глядя на сына, печально опустившаго голову, обнялъ его и сталъ цѣловать.

— Вѣдь я люблю тебя, страстно люблю, родной мой, ты вѣдь одинъ сынъ у меня; пойми-же, голубчикъ, что твой бывший учитель говорилъ вздоръ, и такіе люди, какъ онъ, вредные люди, которые дѣлаютъ большое зло. Чего они достигаютъ?—ничего. Какая ихъ жизнь?—Ихъ гоняютъ, какъ бѣшенную собаку, съ мѣста на мѣсто, и что-жъ за пользу они приносятъ? Такъ, шатуны, ни себѣ, ни другимъ неприносящіе счастья, несчастные люди... Ты глубоко обидишь меня, милый мой, если ты не выбросишь изъ головы этого вздора. А развѣ ты захочешь огорчить отца, которому ты такъ дорогъ? Впрочемъ, что-жъ я говорю?—ты самъ поймешь, когда станешь старше, что я говорю правду, и не отравишь мнѣ жизни, а дашь мнѣ умереть спокойно...

Голосъ Стрекалова дрожалъ; онъ припалъ къ сыну и Федя почувствовалъ на своихъ щекахъ отцовскія слезы.

Тяжелы были эти ласки для юноши: онъ его точно жгли, глубоко растравляя сердце. Ему было жаль отца, а между тѣмъ онъ чувствовалъ, что между нимъ и отцомъ что-то порвано...

Онъ грустно глядѣлъ на отца и, замѣтивъ слезы, обнялъ его и сказалъ:

— Папа, не плачь... Развѣ я тебя не люблю?

Отецъ радостно взглянулъ на сына и не замѣтилъ, что сынъ не договорилъ всего, что лежало камнемъ на его молодой сердцѣ.

Они, обнявшись, вернулись въ комнаты и, казалось, между ними состоялось полное примиреніе.

Ольга положительно поставила въ тупикъ Настасью Дмитріевну. Уже какъ она ни пробовала разгадать, что такое дѣлается съ молодой дѣвушкой, какъ ни выспрашивала и у ней самой, и у Арины Петровны, — никакого толка не выходило. „Влюблена-ли она въ Черемисова или не влюблена?“ — вотъ задача, надъ разрѣшеніемъ которой билась бѣдная мать, и чувствовала, что она очень далека до разгадки. Одно она понимала ясно, что Ольга не любитъ Рѣчинскаго, но, впрочемъ, не сомнѣвалась, что, въ случаѣ предложенія, она выйдетъ замужъ, если отецъ и мать ее попросятъ. „Какая-бы она странная ни была, но она, во всякомъ случаѣ, исполнить долгъ дочери и не захочетъ огорчить мать“. Такъ думала Настасья Дмитріевна, не переставая наблюдать за Ольгой, но наблюденія ея не приводили ее ни къ чему положительному.

Ее нѣсколько смущало, что Ольга въ послѣднее время что-то стала задумчивѣе, старалась уединяться и слишкомъ долго просиживала за книгами, и она не разъ говорила объ этомъ Ольгѣ. Ольга выслушивала спокойно и замѣчала:

— Это не вредитъ моему здоровью, мама, право, не вредитъ, но если вы находите, что я поздно засиживаюсь, я буду раньше ложиться спать...

Что было отвѣчать матери на такіе покорные отвѣты? А между тѣмъ сердце ея било тревогу и ей чудилось что-то страшное, такое, о чемъ она и подумать не смѣла.

„Господи! хоть-бы выслали этого негодяя изъ города!“ не разъ молила мать, призывая на голову Черемисова всевозможныя бѣды.

Такое тяжелое недоумѣніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока не разразилась гроза.

XLIV.

Рѣчинскій, по обыкновенію, бывалъ часто и Ольга, по обыкновенію, была съ нимъ ровна и на-столько любезна, на-сколько требовало приличіе; молодой юристъ удивлялся, что эта дѣвушка имъ не увлекается, тогда какъ имъ увлекался весь городъ, и сталъ внимательнѣе наблюдать молодую дѣвушку. Замѣтивъ ея любознательность, онъ сталъ носить ей книги, спорилъ съ нею, но спорилъ мягко, не безъ ловкости, и подчасъ увлекалъ ее своей диалектикой: слушая его ровную, гладкую (не безъ нѣкотораго краснорѣчія) рѣчь, она подчасъ смягчалась, дѣлалась откровеннѣй, ласковѣй, и молодому дѣльцу иногда казалось, что скажи онъ слово — и она сейчасъ-же сочтетъ за счастье отдать ему сердце, руку и приданое. Она была хороша, воспитана, умѣла держать себя, онъ ее любитъ (она такъ хорошо сложена и у нея такія славныя глаза!) — и значить то счастье, которое возможно въ наше время, почти-что у него въ карманѣ. Правда, есть нѣкоторыя неровности, рѣзкость сужденій, рѣзкіе взгляды, какая-то фанатичность, но все это съ годами пройдетъ, сгладится и изъ нея выйдетъ прекрасная жена, которая будетъ украшеніемъ его блестящаго салона.

Такъ думалъ Рѣчинскій и, наконецъ, задумалъ сдѣлать предложеніе. Прежде, чѣмъ рѣшиться на такой важный шагъ, онъ, какъ человекъ благоразумный, слова взвѣсилъ всѣ шансы за и противъ и пришелъ, наконецъ, къ окончательному заключенію, что онъ не только ничѣмъ не рискуетъ, вступивъ въ бракъ, а, напротивъ, выиграетъ. „Разумѣется, приданое я возьму въ руки!“ подумалъ онъ мимоходомъ.

Однажды, послѣ засѣданія въ судѣ, основательно скушавши свой обѣдъ и подремавъ съ полчаса на отоманѣ, Рѣчинскій одѣлся (безукоризненно, по обыкновенію) и отправился къ Стрекаловымъ дѣлать предложеніе. Какъ это ни странно, но молодой дѣлецъ былъ вполне увѣренъ, что онъ не встрѣтитъ никакого препятствія

и что Ольга непременно согласится быть его женой; за Стрекаловыхъ онъ былъ вполне увѣренъ.

Настасья Дмитриевна сидѣла въ своемъ кабинетѣ, когда ей доложили о Рѣчинскомъ; она попросила его къ себѣ и, по обыкновенію, встрѣтила любезно. Послѣ незначительнаго разговора, Рѣчинскій, наконецъ, сказалъ:

— Я пріѣхалъ къ вамъ, Настасья Дмитриевна, чтобы просить руку вашей дочери. Скажите, васъ не удивляетъ мое предложеніе?

Настасья Дмитриевна ласково протянула свою руку, которую гость почтительно поцѣловалъ.

— Я давно люблю Ольгу Николаевну и смѣю думать, что не сдѣлаю ее несчастной, но прежде, чѣмъ говорить съ нею самой, я счелъ своимъ долгомъ спросить объ этомъ у васъ и у Николая Николаевича...

— Я благодарю васъ, Леонидъ Васильевичъ, за честь, которую вы оказали, и, признаюсь вамъ, какъ я, такъ и мужъ, будемъ очень рады этому браку. Мы васъ давно знаемъ и цѣнимъ, какъ очень хорошаго человѣка, такъ что съ нашей стороны вы не можете встрѣтить никакихъ препятствій.

— А Ольга Николаевна?

— Вы знаете, она еще очень молода и...

— Вы сомнѣваетесь въ ея согласіи?

— Я не это хотѣла сказать... Врядъ-ли она не согласится быть женою человѣка, котораго она не можетъ не уважать, но, чтобы васъ не пугало, если-бы вы замѣтили въ ней ту экзальтированную страсть, которая иногда нравится мужчинамъ, я считаю долгомъ своимъ предупредить васъ, Леонидъ Васильевичъ, объ этомъ и сказать, что она еще очень молода... Во всякомъ случаѣ, мы вамъ дадимъ отвѣтъ на дняхъ...

— Ольга Николаевна дома?

— Нѣтъ, они уѣхали съ отцомъ кататься и будутъ вечеромъ; вы подождите ихъ.

Однакожъ Рѣчинскій не согласился и предпочелъ получить на третій день письменный отвѣтъ. Настасья Дмитриевна проводила его до дверей и ласково замѣтила на прощанье:

— Во всякомъ случаѣ, покаместъ разговоръ нашъ останется тайной?

— Разу́мѣтся.

Рѣчинскій снова поцѣловалъ ея руку и уѣхалъ, а Настасья Дмитриевна въ волненіи заходила по комнатѣ. Какъ она ни рада была предложенію („онъ такой хорошій, основательный молодой человѣкъ и имѣеть такія связи!“), но сердце ея билось неспокойно. Когда мужъ и дочь пріѣхали съ катанья, она какъ-то особенно торжественно поцѣловала Ольгу и немедленно пошла съ Николаемъ Николаевичемъ въ кабинетъ.

— Николай, заговорила она необыкновенно торжественнымъ голосомъ, — сейчасъ у меня былъ Рѣчинскій и сдѣлалъ предложеніе...

— Наконецъ-то! Онъ говорилъ, значить, съ Ольгой и Ольга согласна?

— Съ Ольгой онъ еще не говорилъ...

Николай Николаевичъ какъ-то поморщился.

— Ты думаешь, Оля согласится?

— Такія партіи, Николай, не часто встрѣчаются... Развѣ Оля захочетъ огорчить насъ?

— Расположена-ли она хоть къ нему?

— Я думаю... она его уважаетъ и, слѣдовательно, они будутъ счастливы...

— Дай Богъ, дай Богъ... я такъ желалъ-бы этой свадьбы! Надо позвать сюда Ольгу, поговорить съ ней... или ты одна поговоришь? почему-то испугался Стрекаловъ. — Лучше ты, Настенька, поговори съ ней.

— Нѣтъ, Nicolas, поговоримъ вдвоемъ. Она еще молода, быть можетъ, сердце ея и противъ этого, но, выслушавъ наши доводы, она согласится и потомъ, пользуясь тихимъ, прочнымъ счастьемъ, будетъ благодарить насъ за наши совѣты.

Стрекаловъ покраснѣлъ отъ волненія и, наконецъ, подавилъ пуговку и приказалъ Филату попросить Ольгу Николаевну.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошла Ольга; она вопросительно взглянула на отца и на мать и, замѣтивъ ихъ торжественныя, нѣсколько взволнованныя лица, начинала догадываться, зачѣмъ ее позвали. Сердце ея безпокойно забилося, она нѣсколько поблѣднѣла и тихимъ голосомъ спросила:

— Что вамъ угодно, папа?

Отецъ взглянулъ на нее и опустилъ глаза: ему сдѣлалось неловко передъ дочерью.

— Садись, Ольга; мы хотѣли съ тобой поговорить, замѣтила Настасья Дмитріевна.—Что съ тобой, другъ мой... ты поблѣднѣла? Ты не пугайся: ничего страшнаго нѣтъ!

Ольга молча опустилась на стулъ и приготовилась слушать.

— Ты знаешь, конечно, Ольга, продолжала Настасья Дмитріевна,—какъ мы тебя любимъ, и вполне увѣрена, какъ горячо мы тебѣ желаемъ добра и счастья...

Она остановилась, надѣясь, что Ольга что-нибудь отвѣтитъ, но Ольга молчала и прямо глядѣла въ глаза матери.

— Назначеніе каждой порядочной дѣвушки—быть доброй матерью и вѣрной женой, снова заговорила Настасья Дмитріевна,—и—я въ этомъ вполне увѣрена—ты будешь хорошей женой и матерью...

— Не томи ты Олю, вступился Николай Николаевичъ.—Оля, милая моя, Леонидъ Васильевичъ только-что сдѣлалъ предложеніе... мы были-бы очень рады этому,—скажи, согласна ты? быстро проговорилъ Стрекаловъ, обнимая дочь.

— Онъ человѣкъ безукоризненный, Ольга... онъ тебя очень любить... Счастіе въ твоихъ рукахъ... Признаюсь, я давно объ этомъ молила Бога, дитя мое...

Ольга стала бѣла какъ мраморъ и крѣпче сжала свои тонкія губы. Она тихо провела рукой по волосамъ и, казалось, ждала, что еще скажутъ.

— Ты подумай, Ольга; не рѣшай этого дѣла сейчасъ; если тебя эта новость очень взволновала—поди успокойся, мой другъ! замѣтила Настасья Дмитріевна, цѣлуя ее холодный лобъ.

— Свадьба вѣдь не сейчасъ, Оля: можно подождать, какъ хочешь... Ты успеешь полюбить Леонида Васильевича... Признаюсь, я былъ-бы очень счастливъ, если-бы ты полюбила его.

— Значитъ, и вы, и мамаша очень желали-бы этой свадьбы? тихо спросила Ольга.

— Очень... вѣдь онъ такой хорошій человѣкъ!

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, но я его не люблю!

— Полюбишь, Оля; онъ въ тебѣ души не слышитъ... Если-бы ты только знала, какъ онъ тебя любитъ! сказала мать.

— А развѣ вы, папа, хотѣли-бы, чтобы дочь ваша была несчастлива?

— Что ты, Оля, что ты! пробормоталъ отецъ.

— Такъ я вамъ прямо скажу: я не могу быть счастлива съ тѣмъ человѣкомъ, котораго не люблю и не уважаю!..

Дѣвушка проговорила это такимъ рѣшительнымъ тономъ, что и отецъ, и мать были удивлены. Этотъ самостоятельный тонъ совсѣмъ смутилъ бѣдныхъ родителей.

— Развѣ онъ не достоинъ уваженія, Ольга? рѣзко замѣтила мать. — Если отецъ и мать уважаютъ его, то, кажется, и ты могла-бы уважать такого прекраснаго человѣка.

— Однимъ словомъ, я скажу мое послѣднее слово, твердо сказала Ольга: — я никогда не буду женой Рѣчинскаго.

Стрекаловы остолбенѣли. Боже мой, что они слышатъ? Эта Ольга, тихая, ровная, покорная Ольга, вдругъ заговорила, какъ власть имѣющая!.. И мужъ, и жена переглянулись.

— Откуда этотъ тонъ, Ольга? Что все это значить?

Ольга опять замолчала.

— Ужь не черемисовскія-ли это идеи? допрашивала мать.

Николай Николаевичъ при этомъ имени привскочилъ съ кресла.

— Надѣюсь, что не этотъ негодяй достоинъ твоего уваженія? проговорилъ онъ, съ трепетомъ ожидая отвѣта.

— Я его не считаю негодяемъ и уважаю его! тихо проговорила дѣвушка, нервно подергивая губами отъ волненія.

Николай Николаевичъ откинулся въ кресло и закрылъ лицо руками. Эта новость вольнула его прямо въ сердце. „Господи, что-жъ это такое? За что, за что?“ прошепталъ онъ и готовъ былъ разразиться рыданіями... Настасья Дмитріевна была блѣдна, какъ смерть, и тихо прошептала:

— Ужь не влюблена-ли ты въ этого негодяя? — отъ тебя теперь всего ждать можно...

Ольга не отвѣчала.

— Полюбуйся, что съ отцомъ, гляди! Это отплата за нашу любовь! продолжала мать, тихо выговаривая каждое слово.

Ольгѣ была невыносима эта сцена. Она едва сидѣла.

— Если вы меня любите, отпустите меня... мнѣ тяжело... я нездорова! умоляющимъ голосомъ сказала Ольга. — Не спрашивайте меня болѣе...

— Это еще что?.. Ольга!.. Оля!.. едва проговорила, дико озираясь, мать, — ты... скажи...

Она бросилась къ дочери и подставила ухо, ожидая выслушать какую-нибудь ужасную тайну.

Стрекаловъ отвелъ руки; блѣдное лицо его выражало ужась. Ольга съ изумленіемъ отодвинулась отъ матери.

— Ты, Оля, лучше не скрывай, все скажи, все! шептала умоляющимъ голосомъ Настасья Дмитриевна.

— Да чего-же вы отъ меня хотите, мама? За что вы меня мучаете? Что мнѣ сказать вамъ и въ чемъ вы меня обвиняете? вдругъ вскрикнула Ольга.

И у отца, и у матери сердце забилось ровнѣй.

— Мы не обвиняемъ тебя. Ты, вѣрно, увлеклась этимъ...

— Ольга! перебилъ отецъ, — мнѣ крайне тяжело говорить то, что я скажу, но помни одно: скорѣй ты меня увидишь въ гробу, чѣмъ вырвешь у меня позволеніе выйти замужъ за Черемисова — слышишь? Теперь ступай!

Ольга, шатаясь, вышла изъ кабинета и прошла къ себѣ наверхъ. Она долго сидѣла у окна и точно огаменѣла. Ни одной слезинки не выпало изъ ея глазъ, безцѣльно глядѣвшихъ передъ собой. Только поздно вечеромъ, когда Федя пришелъ къ ней проститься и спросилъ, что съ ней, она не выдержала и, бросившись брату на шею, залилась горячими слезами. Слезы облегчили ее и она рассказала Федѣ бывшую исторію, которую онъ выслушалъ, нахмуривъ брови и злобно сверкая своими быстрыми глазенками.

— Молодецъ ты, Оля! одобрялъ онъ ее: — ты твердаго характера!

Далеко за полночь просидѣли за разговоромъ братъ и сестра.

Ударъ для Стрекаловыхъ былъ нелегкій. Все зданіе благополучія, тишины и порядка, которое съ такой любовью и столько лѣтъ выводили мужъ и жена, оказалось построеннымъ на пескѣ; вмѣсто мира и тишины, вмѣсто спокойной, довольной старости, на ихъ глазахъ, подъ бокомъ, росла новая жизнь, новыя требованія, отрицавшія это благополучіе, тишину и порядокъ. Отецъ и мать недоумѣвали и не могли придти въ себя. На Настасью

Дмитріевну каждый скандалъ, каждое нарушеніе благополучія производили какое-то тяжелое впечатлѣніе и вызывали съ ея стороны суровый отпоръ тому смѣльчаку, кто осмѣлился потревожить ея нервы, нетревожимыя во все время ея жизни. Она вдругъ очутилась въ положеніи человѣка, у котораго отняли самое дорогое сокровище — благополучіе, а она никому этого не могла простить. Стрекаловъ совсѣмъ осунулся и развелъ руками. Онъ, правда, ждалъ отпора, но не такого суроваго, не такого самостоятельнаго. „Что-же это значитъ? повторялъ онъ не разъ въ раздумьѣ. — Или я работалъ всю жизнь, какъ волъ, для того, чтобы видѣть, какъ дѣти своими руками уничтожатъ то, что мнѣ дорого?“ Онъ загрустилъ и рѣдко показывался домашнимъ. Въ домѣ была какая-то странная тишина, хотя порядки оставались тѣ-же, но чувствовалось очень ясно, что между обитателями разыгрывалась тяжелая драма. Ольга замѣтно похудѣла и сходила внизъ только къ столу; Федя былъ сдержанъ и холоденъ. Настасья Дмитріевна хотя и казалась, по-прежнему, той прежней спокойной, ровной и безстрастной хозяйкой, какою была прежде, но въ сердцѣ у нея бушевала буря, про которую знала одна она. Домъ благополучія превратился въ домъ тоски и сомнѣнія.

XLV.

У Александра Андреевича сидѣлъ Рыбаковъ.

— А я слышалъ, замѣтилъ Александръ Андреевичъ, — что Крутовской готовить насчетъ вашихъ подрядовъ новый пасквиль, да такой, что всѣ грязнопольцы пальчики оближутъ отъ удовольствія.

Рыбаковъ сердито крякнулъ и поморщился.

— Что-же нашель этотъ господинъ въ моихъ подрядахъ? Кажется, дѣло чисто.

— Мало-ли что! Этотъ господинъ подо все умѣетъ подкопаться.

— Не худо-бы сообщить объ этомъ генералу, замѣтилъ Рыбаковъ.

— За этимъ дѣло не станетъ, но и вы, Афонасій Яковлевичъ, должны-бы съ своей стороны тоже написать. Нужно на-

помянуть и напоминать. Генераль теперь занятъ этою Ленормъ...
А вѣдь бабочка—деликатесь!

— Недурна! прищурилъ свои глазки Рыбаковъ.

— Гмъ, не дурна! Не то слово—огонь-баба!.. Вы письмо-то потрогательнѣе соорудите...

— Соорудимъ!

И оба джентльмена пошли завтракать.

Въ тотъ-же день генераль получилъ пренепріятное письмо, послѣ котораго онъ поморщился и замѣтилъ:

— Они этого хотятъ... Не моя вина, если сдѣлалось не по-моему!

Вслѣдъ затѣмъ онъ послалъ за правителемъ канцеляріи и долго съ нимъ бесѣдовалъ.

Карета Ленормъ остановилась въ глухой улицѣ, у небольшого домика. Она велѣла кучеру подождать, а сама вошла во дворъ и спросила Черемисова. Ей указали комнату, куда она быстро вошла. Она застала Глѣба за сборами.

— Здравствуйте, Глѣбъ Петровичъ! давно васъ не видала, захотѣла сама провѣдать... не ожидали? проговорила Ленормъ, снимая шляпку и перчатки.

— Нѣтъ. Садитесь, пожалуйста, и извините за беспорядокъ— собираюсь.

— Куда?

— Въ Питеръ.

— Послушайте, Глѣбъ Петровичъ, заговорила она мягкимъ, ласкающимъ голосомъ...

Она съ любовью глядѣла на Черемисова, который въ изумленіи стоялъ посреди комнаты и слушалъ ея безсвязную рѣчь.

— Къ чему ѣхать туда? Не поѣзжайте, а лучше...

Она остановилась и не смѣла договорить.

— Что, лучше?

— Поѣдемте вмѣстѣ... за-границу... совсѣмъ робко, едва слышно проговорила дѣвушка.

— Зачѣмъ? холодно спросилъ Глѣбъ.

— Какъ, зачѣмъ? Развѣ такъ лучше: вѣчно съ мѣста на мѣсто? Вотъ вы хотѣли попасть въ деревню, а ѣдете въ Петербургъ.

— Что-жь? пожалъ плечами Черемисовъ.

Она порывисто бросилась къ Черемисову и, припавъ къ его рукѣ, оросила ее своими слезами. Глѣбъ тихо высвободилъ руку и усадилъ дѣвушку на диванъ.

— Къ чему вѣчно биться, какъ рыба? изъ-за чего надрывать свои силы? Развѣ жизнь и безъ этого не хороша? развѣ вы и полюбить не можете? Развѣ я такъ нелюба вамъ?

Она заглянула ему въ лицо. Онъ молча пожалъ ей руку, но не сказалъ ни слова. На лицѣ его она прочитала отвѣтъ. Ждать было нечего. Она поднялась съ дивана и стала собираться. Когда Глѣбъ прощался съ нею, она какъ-то беззвучно шепнула, заглядывая ему въ глаза: „онъ меня ни капли не любитъ“—горячо обняла его и быстро вышла изъ комнаты.

Глѣбъ поглядѣлъ ей вслѣдъ и въ раздумѣ проговорилъ:

— Славное сердце у этой женщины!

Только-что онъ успокоился отъ этого неожиданнаго посѣщенія и заботливо принялся за прерванную работу, какъ черезъ полчаса постучали въ дверь. Онъ проговорилъ обычное „войдите“ и—протиралъ глаза отъ удивленія. Передъ нимъ была Ольга...

Б. Станюковичъ.

(Продолженіе будетъ.)

Ш И Н К А Р К А.

(Изъ А. Петѣфи).

Сталь шинкаркѣ бойкой любъ бегьярь красивый,
Но бегьярь-то смотреть на нее спѣсиво;
Дѣвушка сиротка у шинкарки этой
Для него милѣе и дороже свѣта.

У шинкарки въ сердцѣ ревность закипѣла,
Выгнала шинкарка сироту за это,
Выгнала сквататься нищею по свѣту,—
А зима мателью на дворѣ шумѣла.

Но въ стени недолго бѣдная бродила:
Сѣла на дорогѣ,—сѣла и застыла...
Вѣсть о томъ къ бегьяру скоро долетѣла
И шинкарки участь порѣшилъ онъ смѣло.

Не уйдетъ теперь онъ отъ судьбы злодѣйки!
Но онъ сталь предъ смертью весель какъ-то странно,
Потому что въ мирѣ безъ своей желанной
Не даль-бы за жизнь онъ сломанной копейки.

А. Ш.

СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССИИ.

V.

Вліяніе племенныхъ особенностей на движеніе народонаселенія.—Даетъ-ли русская статистика достаточно данныхъ для опредѣленія этого вліянія? — Движеніе народонаселенія по исповѣданіямъ. — Сравненіе коэффициентовъ рожденій, браковъ, плодovitости и смертности у православныхъ, лютеранъ, католиковъ, евреевъ, магометанъ и идолопоклонниковъ.—Средній итогъ движенія коэффициентовъ рожденій и смертей въ европейской Россіи и бывшемъ Царствѣ Польскомъ съ 1831 по 1861 г.—Православные и раскольники.—Мнѣніе Вапшеуса о вліяніи племенныхъ особенностей на движеніе народонаселенія.

Мы разсмотрѣли въ предыдущей главѣ вліяніе почвенныхъ и климатическихъ условій, т. е. вліяніе такъ-называемаго *физическаго фактора* на движеніе народонаселенія. Вліяніе національностей представляется какъ-бы переходною ступенью отъ анализа вліянія физическаго фактора къ анализу вліянія общественнаго фактора. Национальность можетъ быть отнесена отчасти къ первому, отчасти къ послѣднему. Если у католиковъ (французы, поляки и нѣмцы изъ южной Германіи) или протестантовъ (шведы, пруссаки, уроженцы Финляндіи и прибалтійскихъ губерній), у евреевъ или магометанъ коэффициентъ браковъ, рожденій и смертей уклоняется, въ томъ или другомъ отношеніи, отъ коэффициента браковъ, смертей и рожденій у православныхъ (великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ), то подобныя уклоненія мы должны объяснить себѣ или совокупностью тѣхъ общественныхъ условій, среди которыхъ живутъ протестанты, католики, евреи и т. п., ихъ занятіями, степенью ихъ благосостоянія, особенностями ихъ религій и т. п., или племенными особенностями различныхъ группъ, принадлежащихъ къ этимъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, или-же и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, вліяніе національно-

сти слагается изъ двухъ элементовъ, — одинъ по своему характеру можетъ быть названъ *общественнымъ*, другой — *физическимъ*.

Къ несчастію, состояніе нашей официальной статистики заставляетъ насъ держаться тѣхъ искусственныхъ рубрикъ, которыхъ держится и она. Въмѣсто дѣленія народонаселенія по національностямъ, у насъ имѣется только дѣленіе его по вѣроисповѣданіямъ. Извѣстно, что границы обоихъ дѣленій нисколько не совпадаютъ между собою. Подъ рубрику, напримѣръ, русскихъ, католиковъ или протестантовъ подходит не одна какая-нибудь опредѣленная національность, а нѣсколько, — иногда цѣлая группа весьма различныхъ національностей. Поэтому изслѣдованіе вліянія вѣроисповѣданій на колебаніе коэффициентовъ браковъ, рожденій и смертей даетъ намъ понятіе не объ отношеніи движенія народонаселенія въ предѣлахъ русской національности къ движенію народонаселенія въ предѣлахъ польской, французской и всякой другой національности, взятой въ отдѣльности, а объ отношеніи движенія народонаселенія въ предѣлахъ русской національности къ движенію народонаселенія въ предѣлахъ *нерусскихъ* національностей вообще. Сдѣлавъ эту весьма существенную оговорку, познакомимся теперь съ тѣми данными (замѣтимъ въ скобкахъ; весьма скудными), которыми располагаетъ на этотъ счетъ наша официальная статистика.

Начнемъ съ статистики рожденій. Мы видѣли уже, какъ высокъ коэффициентъ рожденій въ европейской Россіи. Среднимъ числомъ, на 20 жителей приходилось въ концѣ прошлаго десятилѣтія (1867—1870) *одно* рожденіе. Но у чисто-русскаго, *православнаго* населенія (не считая раскольниковъ) этотъ коэффициентъ былъ еще выше: одно рожденіе у нихъ приходилось на 19 жителей. У всѣхъ-же другихъ національностей, населяющихъ европейскую Россію, онъ былъ гораздо ниже. Ближе всего къ православному стоятъ, въ этомъ случаѣ, католики: у нихъ одно рожденіе приходится, среднимъ числомъ, на 22½ жителя. У поляковъ, т. е. въ губерніяхъ бывшаго Ц. Польскаго, по даннымъ, собраннымъ въ „Географическихъ и статистическихъ очеркахъ Царства Польскаго“, одно рожденіе приходится на 23 жителя *). За католи-

*) Данныя эти, впрочемъ, довольно старыя: они относятся почти ко второй четверти нынѣшняго вѣка и обнимаютъ періодъ лѣтъ съ 1832—1857 г.

ками слѣдуютъ магометане (1 рожд. на 25 жит.); за магометанами—протестанты и евреи (1 рожд. почти на 29 жит.). Въ Финляндіи, по „Матеріаламъ для статистики Финляндіи“, въ періодъ съ 1830—1850 г. приходилось, среднимъ числомъ, 1 рождение на 28 жителей. Въ губерніяхъ прибалтійскихъ: эстляндской, курляндской и лифляндской, коэффициентъ рожденій, сравнительно говоря, весьма низокъ: тамъ одно рождение приходится на 30—32 жителя. Преобладающимъ элементомъ населенія въ этихъ губерніяхъ являются: эсты (721,000), латыши (853,000) и нѣмцы (120,000); вообще число православныхъ въ общему числу лютеранъ относится, какъ 1:9 (Риттихъ: „Матеріалы для этнографіи Россіи. Прибалтійскій край“). Коэффициентъ рожденій у евреевъ и у католиковъ гораздо ниже, какъ мы сейчасъ видѣли, чѣмъ у православныхъ, и этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что въ губерніяхъ витебской, виленской, ковенской, гродненской, минской и моголевской одно рождение приходится на большее число жителей (именно на 21—22 жит.), чѣмъ въ Россіи вообще и въ центральныхъ восточныхъ и нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ въ особенности. Въ этихъ послѣднихъ губерніяхъ (владимірская, воронежская, вятская, кіевская, курская, нижегородская, оренбургская, орловская, пензенская, пермская, рязанская, самарская, симбирская, смоленская, тульская, уфимская и въ южныхъ: землѣ в. донского, екатеринославской губ., таврической, харьковской и черниговской), населенныхъ по преимуществу православными, одно рождение приходится на 18—19 жит., а въ нѣкоторыхъ на 16 (оренбургская) и даже на 14 жит. (таврическая). Наибольшее отклоненіе внизъ отъ средняго уровня представляетъ коэффициентъ рожденій у такъ-называемаго инородческаго, *идолопоклонническаго* населенія. У идолопоклонниковъ одно рождение приходится всего только на 50 чел., т. е. менѣе даже, чѣмъ у французовъ, у которыхъ коэффициентъ рожденій стоитъ на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Но во Франціи низкому коэффициенту рожденій (1 рожд. на 40 жит.) соотвѣтствуетъ, какъ извѣстно, и низкій коэффициентъ плодовитости (на 1 бр. 3,4 рожд.); у нашихъ-же идолопоклонниковъ на 1 бракъ приходится, среднимъ числомъ, болѣе четырехъ дѣтей,—слѣдовательно, немногимъ меньше, чѣмъ въ Россіи вообще. Отсюда нужно заключить, что низкій процентъ рожденій у инородческаго населенія зависитъ не

столько отъ слабосилія и физическаго вырожденія, какъ отъ малаго количества браковъ. И, дѣйствительно, коэффициентъ браковъ у идолопоклонниковъ не только несравненно ниже, чѣмъ въ Россіи вообще, но даже ниже, чѣмъ и въ Европѣ. Въ Россіи, какъ мы знаемъ, 1 бракъ приходится на 99 жит., въ Европѣ—на 133 жит., у идолопоклонниковъ-же только на 212 жит. Причину такого слабаго $\%$ браковъ слѣдуетъ искать, по всей вѣроятности, въ невыгодномъ отношеніи половъ. Въ то время, какъ въ 50 губерніяхъ европейской Россіи на 100 мужчинъ считается 102 женщины, въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго—106, въ Финляндіи—105, у инородцевъ—всего только 90. При подобномъ, сравнительно незначительномъ, числѣ женщинъ, моногамія не должна представлять особенныхъ выгодъ для нашего идолопоклонническаго населенія.

Однако вліяніе идолопоклонниковъ на пониженіе коэффициента рожденій тѣхъ губерній, въ которыхъ они по преимуществу сосредоточены, совершенно незамѣтно. Такъ наибольшій $\%$ идолопоклонническаго населенія замѣчается въ губерніяхъ: вятской, землѣ войска донскаго, казанской, пермской, самарской, сибирской и уфимской; между тѣмъ именно въ этихъ-то губерніяхъ (за исключеніемъ, впрочемъ, казанской) коэффициентъ рожденій не только не ниже, но, напротивъ, значительно выше коэффициента рожденій для всей Россіи. Только въ архангельской губерніи инородцы, повидимому, оказываютъ на него нѣкоторое вліяніе: въ этой губерніи рождается гораздо меньше, чѣмъ во всей Россіи, именно: одно рожденіе приходится не на 20, а на 27 жителей,—хотя, конечно, и тутъ, быть можетъ, дѣйствуютъ другія причины. Идолопоклонническое населеніе въ архангельской губерніи не превышаетъ, по своей численности, идолопоклонническаго населенія въ губерніяхъ вятской, самарской и сибирской, а между тѣмъ въ послѣднихъ оно остается безъ всякаго вліянія на коэффициентъ рожденій.

Относительное число рожденій можетъ зависѣть, какъ мы уже знаемъ, или отъ относительнаго числа браковъ, или отъ ихъ плодovitости. Которой-же изъ этихъ двухъ причинъ мы должны приписать то пониженіе коэффициента рожденій, которое мы замѣчаемъ отчасти у католиковъ и въ особенности у протестантовъ, евреевъ и магометанъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ послужить слѣ-

дующая таблица, составленная по даннымъ Центрального Статистическаго Комитета (Статист. Временникъ, II, вып. V III).

	1 бракъ приходится на число жителей:	На 1 бракъ при- ходится рожденій:
У православныхъ	98	4,8
— католиковъ	102	5,3
— протестантовъ	151	5,0
— евреевъ	114	3,9
— магометанъ	92	3,6
— идолопоклонниковъ	212	4,1

Эта таблица показываетъ намъ, что пониженіе коэффициента рожденій у католиковъ и протестантовъ зависитъ *исключительно* отъ сравнительно (т. е. сравнительно съ православнымъ населеніемъ) меньшаго ежегоднаго числа браковъ, тогда какъ самая плодовитость ихъ не только не ниже, но, напротивъ, выше плодовитости браковъ православныхъ. Пониженіе коэффициента рожденій у язычниковъ и у евреевъ обуславливается, съ одной стороны, уменьшеніемъ числа браковъ, съ другой — ослабленіемъ ихъ плодовитости; уменьшеніе-же рожденій у магометанскаго населенія слѣдуетъ исключительно отнести на счетъ одной второй причины, т. е. на счетъ уменьшенія плодовитости браковъ.

Болѣе высокая плодовитость протестантскихъ и католическихъ браковъ сравнительно съ православными браками зависитъ, быть можетъ, отчасти и отъ возраста брачующихся. У православныхъ большинство брачующихся мужчинъ и женщинъ вступаетъ въ бракъ ранѣе 20 лѣтъ, напротивъ у протестантовъ и католиковъ максимумъ браковъ падаетъ на возрастъ отъ 20—25 лѣтъ. Русская женщина имѣетъ болѣе всего шансовъ вступить въ бракъ между 16—20 годами, католичка и протестантка между 20—25. А такъ какъ до 20 лѣтъ доживаетъ меньшее число женщинъ, чѣмъ до 16, то не можетъ-ли это обстоятельство послужить также и къ объясненію болѣе низкаго коэффициента браковъ между католическимъ и протестантскимъ населеніемъ, сравнительно съ населеніемъ православнымъ?

Впрочемъ, относительно плодовитости браковъ существуетъ мнѣніе, что они бываютъ тѣмъ плодовитѣе, чѣмъ моложе брачующіеся. Судя по даннымъ нашей статистики (даннымъ весьма скуднымъ), мнѣніе это неполнѣе справедливо. Въ этомъ можно от-

части убѣдиться изъ слѣдующаго сопоставленія: изъ 1,000 брачующихся женщинъ до 20 лѣтъ вступаетъ въ бракъ: у католиковъ и протестантовъ около $\frac{1}{3}$; у евреевъ и магометанъ болѣе $\frac{1}{2}$, у армяно-грегоріанъ болѣе $\frac{2}{3}$, плодовитость же браковъ у первыхъ превышаетъ 5 рожденій на 1 бракъ, у вторыхъ она менѣе 4 рожденій на 1 бракъ, у послѣднихъ — 3,6.

На различную плодовитость браковъ различныхъ вѣроисповѣданій оказываетъ вліяніе, по всей вѣроятности, и *отношеніе* возраста жениха къ возрасту невѣсты. Но наша статистика не даетъ такихъ прямыхъ указаній для опредѣленія этого отношенія и мы по необходимости должны ограничиться одними только косвенными указаніями. Ваппеусъ въ своей „Статистикѣ народонаселенія“ (ч. 2, стр. 306, 307) приводитъ нѣсколько интересныхъ статистическихкихъ сопоставленій, доказывающихъ, что разность возрастовъ между брачующимися можетъ быть, до нѣкоторой степени, опредѣлена отношеніемъ рождающихся мальчиковъ къ числу рождающихся дѣвочекъ. Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ въ большинствѣ браковъ возрастъ супруга значительно превышаетъ возрастъ супруги — процентъ мужскихъ рожденій сравнительно съ женскими будетъ выше, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ между возрастaми супруговъ не существуетъ слишкомъ большой разницы. Такъ, всего значительнѣе эта разница во Франціи, напротивъ въ Англіи она всего меньше: въ первой на 100 женскихъ рожденій приходится 105,8 мужскихъ; во второй — только 104,4 муж. рожденій.

Если принять эту гипотезу Ваппеуса (раздѣляемую вмѣстѣ съ нимъ и многими другими статистиками) за вполне достовѣрную, то мы должны думать, что наибольшую разницу въ возрастахъ брачующихся представляютъ браки идолопоклонниковъ, католиковъ и лютеранъ; наименьшую — браки евреевъ и православныхъ. На 100 дѣвочекъ рождается мальчиковъ: у идолопоклонниковъ 107, у католиковъ 106, у лютеранъ 105, у православныхъ 104, у евреевъ 103 *).

*) Другимъ, косвеннымъ доказательствомъ можетъ служить также тотъ фактъ, что у католиковъ и протестантовъ браки вдовцовъ съ дѣвцами болѣе часты, чѣмъ у православныхъ и евреевъ. На 1,000 браковъ у православныхъ приходится 95,2 браковъ вдовцовъ съ дѣвцами; у евреевъ — 108,2; у протестантовъ — 140,; у католиковъ — 144,8.

Судя по этому, можно было-бы предположить, что у католическаго и протестантскаго народонаселенія $\%$ женщинъ менѣе значителенъ, чѣмъ у еврейскаго и православнаго. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Въ католическомъ и протестантскомъ населеніи женщинъ нисколько не меньше, чѣмъ въ православномъ и еврейскомъ: У православныхъ на 100 мужчинъ приходится 102,2 женщинъ; у евреевъ 104; у католиковъ 102,4; у протестантовъ 106. Отсюда можно было-бы заключить, что у протестантовъ и католиковъ смертность между женщинами менѣе значителна, чѣмъ у православныхъ; и дѣйствительно, у послѣднихъ на 28 женщинъ ежегодно умираетъ одна, тогда какъ у первыхъ одна умершая приходится на 40 — 44 женщины. Но за то у первыхъ и смертность мужчинъ также гораздо слабѣе, чѣмъ у послѣднихъ, т. е. православныхъ. У православныхъ разность между смертностью мужчинъ и женщинъ равняется разности 28 — 26; у католиковъ и протестантовъ разности между 40 — 44 и 39 — 40. Конечно, нельзя не согласиться, что отношенія эти не представляютъ слишкомъ существенныхъ различій. Потому болѣе высокой $\%$ женщинъ среди католико-протестантскаго населенія сравнительно съ населеніемъ православнымъ, несмотря на то, что у послѣдняго родится менѣе мальчиковъ, чѣмъ у перваго, не можетъ быть приписанъ тому или другому колебанію относительной (т. е. относительно мужской смертности) смертности женщинъ. Причины, которыя обуславливаютъ его, пока неуловимы для нашей статистики; по всей вѣроятности, ихъ слѣдуетъ искать въ какихъ-нибудь чисто-внѣшнихъ и, такъ-сказать, случайныхъ обстоятельствахъ, наприимѣръ въ *эмиграціонномъ* движеніи иностранцевъ въ Россію.

Однако, даже изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя мы сейчасъ привели, можно предположить, что гигиеническія условія жизни у католиковъ и протестантовъ болѣе удовлетворительны, чѣмъ у православныхъ. Слѣдующая табличка покажетъ намъ, что вообще православные имѣютъ гораздо болѣе шансовъ умереть, чѣмъ лица всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій, не исключая и язычниковъ.

Одинъ умершій приходится:

У православныхъ	на	27,2	жит.
„ магометанъ	„	28,6	„
„ армяно-грегоріанъ	„	31,2	„

У католиковъ	на 40,2 жит.
„ протестантовъ	„ 42,9 „
„ язычниковъ	„ 58,2 „

Изъ этой таблицы читатель видитъ, что высокой $\%$ смертности, такъ невыгодно отличающій Россію отъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ Старога и Новаго Свѣта, падаетъ исключительно на православное населеніе страны; у *нерусскихъ* національностей коэффициентъ смертей нисколько не выше, а у идолопоклонниковъ даже и гораздо ниже, чѣмъ у народовъ западной Европы. Конечно, цифра смертности идолопоклонниковъ, быть можетъ, нѣсколько преувеличена, и вообще она заслуживаетъ мало довѣрія *), но цифры относительно другихъ вѣроисповѣданій если и сомнительны, то ровно на столько-же, на сколько могутъ быть подвергнуты сомнѣнію и всѣ прочія наши свѣденія по части статистики русскаго народонаселенія. Ближе всего къ русскимъ, по коэффициенту своей смертности, стоятъ магометане, дальше всего (не считая язычниковъ) — католики и протестанты. Смертность между ними менѣе значительна, чѣмъ въ Австріи, Пруссіи, Баваріи, Саксоніи, Италіи, Испаніи, и почти одинакова съ смертностью во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи и даже Англіи. Но этого мало: не только численность смертей у нашего неправославнаго населенія гораздо меньше, чѣмъ у православнаго, но и самая смертность распределена по возрастамъ гораздо благоприятѣе. Мы уже знаемъ, что въ Россіи вообще особенно сильна смертность въ дѣтскомъ возрастѣ; изъ сопоставленія-же смертности въ предѣлахъ различныхъ вѣроисповѣданій оказывается, что и тутъ наиболѣе страдательною частью населенія являются православные. По даннымъ Ц. Стат. Комитета, въ 1867 году приходилось изъ 100 умершихъ:

Въ возрастѣ:	Православн.	Католик.	Протест.	Евреевъ.	Магомет.	Язычник.
отъ 0—1 года.	35,2	20,7	29,1	20,4	21,6	19,5
„ 1—5 лѣтъ.	20,7	22,3	16,7	25,3	24,9	22,6

*) Хотя, разсуждая теоретически, такой низкой коэффициентъ смертности довольно правдоподобенъ. Мы уже видѣли, что у язычниковъ коэффициентъ рожденій тоже очень низокъ. Если-бы онъ не сопровождался малою смертностью, то наши инородцы очень скоро должны были-бы совершенно исчезнуть съ лица земли. Однако, нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ, изъ которыхъ мы могли-бы сдѣлать заключеніе о ихъ вырожденіи или уменьшеніи ихъ численности.

Слѣдовательно, въ то время, какъ у православнаго населенія на 100 умершихъ умираетъ въ возрастѣ 1—5 л. 55,9, у неправославныхъ умираетъ всего 44,7. По вычисленіямъ Ваппеуса, на 100 умершихъ приходится въ возрастѣ отъ 0 — 1 года: въ Бельгіи 18,77, въ Голландіи 23,9, во Франціи 17,76, въ Австріи 31,9. Отсюда видно, что только у нашего православнаго населенія въ первый годъ жизни умираетъ дѣтей болѣе, чѣмъ на Западѣ; у населенія-же неправославнаго не только не больше, но скорѣе меньше. Затѣмъ, въ послѣдующіе возрасты съ 5 до 15 л., съ 15 — 40 л., съ 40 — 60 и съ 60 — 80 и больше, коэффициентъ смертности у неправославнаго населенія не представляетъ въ своихъ колебаніяхъ никакихъ существенно-важныхъ отличій отъ колебанія коэффициента смертности у населенія православнаго; поэтому мы и не станемъ утомлять дальнѣйшими сопоставленіями вниманіе читателей.

Таковы, въ наиболѣе общихъ чертахъ, тѣ различія, которыя представляются намъ при сравненіи движенія неправославнаго и православнаго населенія европейской Россіи. Теперь самъ собою возникаетъ вопросъ: обусловливаются-ли эти различія какими-нибудь племенными особенностями или причину ихъ слѣдуетъ искать въ различіи общественныхъ условій, среди которыхъ живутъ у насъ лица сравниваемыхъ вѣроисповѣданій? Условія жизни, напримѣръ, евреевъ, католиковъ и протестантовъ совсѣмъ не одинаковы съ условіями жизни массы кореннаго православнаго населенія. Большинство первыхъ живетъ въ городахъ, занимается торговлею или такъ-называемыми свободными профессіями и по степени своего матеріальнаго благосостоянія можетъ быть отнесено къ среднимъ достаточнымъ классамъ. Особенно это справедливо относительно лютеранъ и католиковъ, живущихъ въ 50-ти губерніяхъ европейской Россіи. Въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго главная масса народонаселенія принадлежитъ къ католическому вѣроисповѣданію; эта масса находится, говоря приблизительно, почти въ такихъ-же условіяхъ, какъ и масса православнаго населенія въ европ. Россіи. Потому изъ сопоставленія коэффициентовъ смертности, рожденій и браковъ въ европ. Россіи и въ Царствѣ Польскомъ можно, повидимому, извлечь нѣкоторыя данныя, если и не для прямого, то, по крайней мѣрѣ, хоть для приблизительнаго разрѣшенія вопроса объ участи племенныхъ осо-

бенностей въ движеніи народонаселенія. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, обнародованнымъ Ц. Стат. Комитетомъ въ прошломъ году, движеніе народонаселенія въ 10 губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго представляется въ такомъ видѣ: 1 рожденіе приходится на 22,5 жит., 1 бракъ на 139 жит., 1 умершій на 37 чел. (цифры относятся къ 1867 г.); въ европейской-же Россіи, какъ мы знаемъ, въ томъ-же году приходилось: 1 рожденіе на 19,7 жит., 1 бракъ на 101 жит., 1 умершій на 27,1 жит. Очевидно, что цифры эти представляютъ значительную разницу. Гдѣ искать причину этой разницы? Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы она заключалась въ племенныхъ особенностяхъ, то замѣченная разница должна была-бы повториться и при сравненіи отдѣльныхъ губерній Царства Польскаго съ губерніями европейской Россіи, особенно губерній, населенныхъ коренными русскими. Но въ дѣйствительности этого нѣтъ. Въ губерніяхъ, напр., варшавской, вѣлецкой и радомской коэффициентъ браковъ, смертей и рожденій не выше коэффициента браковъ, смертей и рожденій нашихъ сѣверныхъ губерній (архангельской, вологодской и олонекской), ниже, чѣмъ въ прабалтійскомъ краѣ (Лифляндія, Курляндія и Эстляндія), и значительно приближается къ нему въ губерніяхъ ярославской, тверской, костромской, новгородской *). Кромѣ того, далеко не все года, за которые имѣются официальные данныя о движеніи народонаселенія, даютъ результаты, подобные тѣмъ, къ которымъ приводитъ сопоставленіе цифръ смертей и рожденій въ европейской Россіи и Царствѣ Польскомъ за 1867 годъ. Чѣмъ болѣе обширные періоды времени мы станемъ брать, тѣмъ ничтожѣе будетъ замѣчаемое нами различіе. Если мы сравнимъ движеніе русскаго и польскаго народонаселенія за 30 лѣтъ (съ 1831 по 1861 годъ), то результаты получатся до того тождественные, что можно усомниться въ какомъ-бы то ни было вліяніи племенныхъ особенностей на человѣческую смертность и рождаемость. Въ Царствѣ Польскомъ съ 1831—1861 г. приходилось 1 рожденіе на 21,4

*) На 100 жителей населенія приходится:

	Въ губ.: варшавской, радомской, вѣлецкой.	Архангельской, воло- годской, олонекской.	Ярославской, тверской, костромской, новгород.
1 рожденіе. . .	4,5	4,3	4,5
1 бракъ. . . .	0,80	0,86	0,86
1 смерть. . . .	3,3	3,3	3,4

жит. и 1 смерть на 30 чел.; за то-же время въ европейской Россіи: 1 рожденіе на 22,0 жит., 1 смерть на 29,8 чел. *).

Къ подобному-же выводу приводитъ насъ и другой фактъ. Сравнимъ движеніе народонаселенія у *расколниковъ* и *православныхъ*. При такомъ сравненіи, само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о какихъ-бы то ни было племенныхъ особенностяхъ. Православные и раскольники разнятся между собою только нѣкоторыми религіозными догматами и обрядами, которые, конечно, не могутъ оказать никакого существеннаго вліянія на смертность или рождаемость; они принадлежатъ къ одной и той-же національности, живутъ среди болѣе или менѣе однородныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій, — слѣдовательно, если въ движеніи народонаселенія у послѣднихъ мы замѣчаемъ уклоненія отъ средней нормы движенія народонаселенія у первыхъ, то мы имѣемъ полное право отнести ихъ насчетъ вліянія чисто-общественныхъ факторовъ: образа жизни, извѣстной степени матеріальнаго благосостоянія и т. п., однимъ словомъ, всей совокупности тѣхъ нравственныхъ и экономическихъ отношеній, которыя характеризуютъ бытъ большинства нашихъ раскольничьихъ сектъ довольно рельефно, отличая его отъ быта массы православнаго населенія. Къ несчастью, однако, наша офиціальная статистика не имѣетъ точныхъ свѣдѣній не только о движеніи народонаселенія среди расколниковъ, но даже и о числѣ ихъ. Въ офиціальныхъ источникахъ помѣщаются обыкновенно только такъ-называемые *явные* раскольники, открыто игнорирующие исполненіе обрядовъ православной церкви и сами заявляющіе о своей принадлежности къ расколу. Эти явные раскольники составляютъ только незначительное меньшинство; большинство-же принадлежитъ къ числу *тайныхъ*, *неявленныхъ* расколниковъ. По вычисленіямъ г. Бушена, общая численность полного раскола доходитъ до 10 мил., а по даннымъ Ц. Статист. Комитета—около 1 мил. (926,639 **). Объ

*) У католиковъ, живущихъ въ 50-ти губерніяхъ европейской Россіи и большинство которыхъ тоже поляки, норма движенія народонаселенія совершенно другая. У нихъ, какъ помнитъ читатель, 1 рожд. приходится на 22 жителя, а 1 смертный случай на 40 жителей.

**) Военно-Статист. Сборникъ, основываясь на отчетахъ духовнаго вѣдомства о числѣ исповѣдававшихся, но непричащавшихся св. тайнъ, и неисповѣдававшихся и непричащавшихся, полагаетъ, что къ числу тайныхъ расколниковъ

этомъ одною миллионъ и только и можемъ говорить. Впрочемъ, если-бы у насъ даже и имѣлись точныя свѣденія о тайныхъ раскольникахъ, то едва-ли-бы они принесли намъ въ данномъ случаѣ существенную пользу: необходимость тщательно скрывать свою принадлежность къ расколу заставляеть ихъ избѣгать всякихъ рѣзкихъ отличій въ образѣ жизни и во взаимныхъ отношеніяхъ. Тайные раскольники стараются, по возможности, ничѣмъ явно не выдѣляться отъ окружающей ихъ среды, а потому особенности ихъ быта не могутъ отлиться въ ту опредѣленную, законченную форму, въ которую онѣ нерѣдко отливаются у раскольниковъ явныхъ; пропорціонально ихъ скрытности и вынужденному лицемерію и вліяніе этихъ особенностей на движеніе народонаселенія должно уменьшаться. Отсюда данныя о явныхъ раскольникахъ должны представлять намъ болѣе цѣлесообразный матеріалъ для сравненія, чѣмъ данныя о тайныхъ раскольникахъ, если-бы даже они и имѣлись. Бѣда только въ томъ, что и о явныхъ-то раскольникахъ сколько-нибудь обстоятельныя свѣденія собраны Ц. Стат. Комит. только за одинъ 1867 годъ. Въ этотъ годъ у раскольниковъ приходилось: 1 рожденіе на 26,4 ч.; 1 смертный случай на 35,5 ч.; 1 бракъ на 247 ч.; на 1 бракъ болѣе 8 дѣтей. Сравнивъ эти цифры съ тѣми, которыя приведены выше относительно рожденій, браковъ, плодовитости и смертей православнаго населенія, мы сейчасъ-же увидимъ, что между движеніемъ перваго и втораго существуетъ весьма существенная разница, болѣе даже существенная, чѣмъ та, какаѣ, на примѣръ, существуетъ между православными и магометанами или евреями. Конечно, значеніе этой разницы не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать. Весьма вѣроятно, что она обусловливается до известной степени самымъ способомъ веденія списковъ рождающихся

принадлежить около 5,000,000 лицъ, считающихся по спискамъ православными. Однако это вычисленіе даетъ цифру едва-ли не ниже дѣйствительной; во-первыхъ, въ отчетахъ, на которыхъ оно основано имѣются свѣденія не о всѣхъ православныхъ; во-вторыхъ, раскольники наиболѣе гонимыхъ сектъ часто видятъ себя вынужденными и исповѣдываться, и причащаться; въ-третьихъ, наконецъ, по нимъ нельзя составить ни малѣйшаго понятія о количествѣ *малолѣтнихъ* раскольниковъ. Въ нихъ просто сказано: неисповѣдывавшихся и непричащавшихся *по малолѣтству* 9,000,000 чел. Вся-ли эти 9,000,000 православные или между ними есть и тайные раскольники? По даннымъ, изъ которыхъ исходить Военно-Статист. Сборникъ, этого никакъ нельзя видѣть.

и умирающих; у православныхъ веденіе этихъ списковъ, главнымъ образомъ, лежитъ на обязанности приходскаго духовенства; у раскольниковъ оно возложено на полицію или находится подъ ея непосредственнымъ контролемъ (см. Св. Зак., т. XIV, ст. 67; Улож. о наказ. ст. 1443). Однако, даже принявъ во вниманіе всё тѣ неправильности, которыя могутъ быть допускаемы при исчисленіи рождающихся и умирающихъ у раскольниковъ, нельзя не сознаться, что они пользуются лучшимъ здоровьемъ и относительно всѣхъ факторовъ движенія народонаселенія поставлены въ несравненно болѣе благопріятныя условія, чѣмъ православные: на каждые сто человекъ у нихъ умираетъ однимъ человекомъ меньше, чѣмъ у послѣднихъ. На 100 умершихъ въ возрастѣ до одного года у православныхъ умираетъ 35,а, у раскольниковъ-же только 24,б; отъ 1 до 5-ти-лѣтняго возраста: у православныхъ около 21 (20,7); у раскольниковъ—19. Хотя число роженій у послѣднихъ ниже, чѣмъ у первыхъ, но за то плодовитость раскольничьихъ браковъ почти вдвое превышаетъ плодовитость православныхъ браковъ. У раскольниковъ въ 1867 г. на каждый бракъ приходилось 8,з роженій. Такая плодовитость не встрѣчается ни въ одной странѣ западной Европы. Очень можетъ быть, что она нѣсколько преувеличена и что часть рожденныхъ *вне брака* фигурируетъ въ спискахъ рожденныхъ въ бракѣ, однако едва-ли эта часть особенно велика, потому что и количество *вне-брачныхъ* роженій довольно значительно. У православныхъ вообще на одно роженіе *вне брака* приходится 28,з брачныхъ роженій, у раскольниковъ только 9,з, т. е. изъ 10 роженій одно незаконное. Это обиліе незаконныхъ роженій легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что значительная часть раскольничьихъ сектъ не признаетъ таинства брака; этимъ долженъ быть объясняемъ и крайне низкій уровень коэффиціента раскольничьихъ браковъ.

Сопоставляя всё эти данныя съ приведенными выше цифрами о движеніи народонаселенія въ предѣлахъ различныхъ вѣроисповѣданій, мы неизбежно должны придти къ такому результату: движеніе народонаселенія у нашихъ раскольниковъ болѣе подходитъ къ той нормѣ его, которую представляютъ католическое, протестантское и іудейское вѣроисповѣданія, чѣмъ къ той, которую находимъ у православнаго. Этотъ выводъ не говоритъ, ко-

нечно, въ пользу того мнѣнія, которое приписываетъ племенным особенностямъ существенное вліяніе на направленіе движенія коэффициентовъ рожденій, браковъ и смертей. Вообще-же говоря, наша статистика въ настоящее время не обладаетъ годными матеріалами ни для прямого опроверженія, ни для прямого подтвержденія этого мнѣнія. Изъ ся данныхъ можно дѣлать пока только чисто-гипотетическіе выводы, хотя разноплеменность состава нашего населенія даетъ, повидимому, возможность для болѣе прямого и точнаго рѣшенія занимающаго насъ вопроса. Но чтобы осуществить эту возможность, для этого официальная статистика должна обратить побольше вниманія, чѣмъ она дѣлаетъ это теперь, на тщательное записываніе и группированіе фактовъ, касающихся движенія народонаселенія различныхъ племенъ, населяющихъ или временно-проживающихъ въ предѣлахъ Россіи, и къ рубрикѣ „движеніе народонаселенія по вѣроисповѣданіямъ“ прибавить рубрику „о движеніи народонаселенія по племенамъ“. Данные послѣдней рубрики во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ большій интересъ и гораздо важнѣе, съ точки зрѣнія общественныхъ наукъ, чѣмъ данные первой рубрики. Пока-же рубрика отсутствуетъ, пока всѣ наши свѣденія о племенномъ составѣ населенія сводятся къ знанію (и то приблизительному) одной *численности* племенъ *), пока у насъ не дѣлается никакихъ серьезныхъ попытокъ не только для сравнительнаго, но даже и для простаго изученія условій ихъ жизненности, ихъ смертности, плодovitости, рождаемости и т. п., до тѣхъ поръ намъ ничего болѣе

*. «Свѣденія объ этнографическомъ составѣ населенія, говорятъ составители Военно-Стат. Сборника (вып. IV, стр. 93, — весьма скудны и при томъ или относятся не ко всему населенію, или-же сами по себѣ не вполне точны. Этнографическая карта и таблица Кеппена, показывающія инородческое населеніе Россіи, въ настоящее время уже устарѣли; новѣйшія-же изслѣдованія, какъ напр., «Карта европейской Россіи съ показаніемъ количества, состава и распределенія инородческихъ племенъ» (1858 г.), этнографическія карты и таблицы Эркерта и этнографическая карта славянскихъ народностей Мирковича заключаютъ въ себѣ свѣденія только приблизительныя». Точно такой-же характеръ имѣютъ и свѣденія Военно-Стат. Сборн. Опъ въ этомъ и самъ сознается. Но если-бы даже они были и совершенно точны, то все-таки, при современномъ состояніи нашей *племенной статистики*, они не имѣли-бы никакого существеннаго значенія и могли-бы служить развѣ только къ простому удовлетворенію празднаго любопытства. Потому мы ихъ здѣсь и не приводимъ, а любопытныхъ читателей отсылаемъ къ 94—96 стр. IV выпуска Военно-Стат. Сборника.

не остается, какъ обратиться за рѣшеніемъ вопроса о вліяніи племенныхъ особенностей на движеніе народонаселенія къ авторитету западно-европейскихъ статистиковъ. Едва-ли не самымъ компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ можетъ служить Ваппеусъ, который искусно сопоставилъ въ своемъ извѣстномъ статистическомъ трудѣ данныя о смертности и рождаемости различныхъ европейскихъ и вѣ-европейскихъ народностей, принадлежащихъ не только къ кавказской расѣ, но и къ расѣ негритянской. Результатъ этого широкаго сопоставленія онъ самъ формулируетъ приблизительно такимъ образомъ: *на коэффициентъ рожденій, плодовитости и смертей расовыя и племенные особенности не оказываютъ никакого существеннаго вліянія* (см. данныя, приводимыя имъ на стр. 157, 158, 192; т. I). Самую выдающуюся роль въ статистикѣ народонаселенія должны играть, по его мнѣнію (мнѣнію, раздѣляемому большинствомъ авторитетныхъ и безпристрастныхъ статистиковъ), факторы общественные. „Число смертей и рожденій данной страны, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 192, т. I),—обуславливается главнымъ образомъ степенью ея благосостоянія и ея культурнаго развитія, а совсѣмъ не тѣми чисто-физическими факторами (климатъ, раса), которые не стоятъ ни въ какой прямой причинной связи съ прогрессомъ человѣческаго общества и его цивилизаціею“. Данныя русской статистики относительно вліянія почвы и климата вполне подтверждаютъ эту мысль; данныхъ относительно вліянія племенныхъ особенностей у насъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ не имѣется; но за то все, что мы знаемъ о движеніи народонаселенія по вѣроисповѣданіямъ, особенно сопоставленіе православныхъ съ раскольниками, католиковъ въ европейской Россіи (большинство ихъ поляки) съ католиками въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ (слѣд. тоже поляками) и послѣднихъ съ русскими, если и не даетъ положительнаго доказательства, то, по крайней мѣрѣ, косвеннымъ образомъ подтверждаетъ выводъ Ваппеуса. Всего этого слишкомъ достаточно, чтобы заставить насъ допустить, что то, что оказалось справедливымъ для всего свѣта, должно быть справедливо и для Россіи, и что въ Россіи, какъ и вездѣ, движеніе народонаселенія опредѣляется не вліяніемъ физическаго, а вліяніемъ соціальнаго фактора, что не почва и климатъ, не племенные особенности, а условія общественной жизни оказываютъ на него самое могуще

ственное и неотразимое вліяніе. Къ анализу этого-то вліянія мы теперь и перейдемъ.

VI.

Что мы подразумѣваемъ подъ выраженіемъ: социальный факторъ?—Методъ нашихъ изслѣдованій.—Распредѣленіе общественныхъ условий, вліяющихъ на движеніе народонаселенія, по группамъ.—Вліяніе густоты населенія на смертность, рожденія и браки.—Вліяніе *средняго* количества хлѣба, производимаго различными мѣстностями, и *средняго* урожая на движеніе народонаселенія.—Вліяніе неурожаевъ на смертность и браки.—Данныя западно-европейской статистики; данныя русской статистики.—Вліяніе урожайныхъ лѣтъ на возвышеніе коэффиціента браковъ и смертей.—Общіе выводы.

Подъ общимъ именемъ социального фактора мы будемъ подразумѣвать всю совокупность разнообразныхъ условий, вліяющихъ на человѣческую жизнь, за исключеніемъ климата, почвы и племенныхъ особенностей. Опредѣлить степень значенія каждаго изъ этихъ условий, даже просто перечислить всѣхъ ихъ, было-бы дѣломъ совершенно невозможнымъ, а можетъ быть, и бесполезнымъ. Мы ограничимся только нѣкоторыми изъ нихъ, причемъ въ выборѣ ихъ мы, по необходимости, должны будемъ соображаться не столько съ дѣйствительною важностью того или другого вліянія, сколько съ количествомъ и качествомъ собранныхъ о немъ официальныхъ данныхъ. Есть много условий, имѣющихъ несомнѣнное и весьма серьезное значеніе въ дѣлѣ движенія народонаселенія, напр., хотъ вліяніе занятій, образа жизни различныхъ классовъ и т. п., но относительно ихъ официальная статистика хранитъ молчаніе, и волей-неволей намъ приходится послѣдовать въ этомъ случаѣ ея примѣру. Конечно, мы не откажемся отъ попытки хотя *косвенно* опредѣлить ихъ значеніе; однако, само собою понятно, такое косвенное опредѣленіе не дастъ намъ вполнѣ точныхъ и достовѣрныхъ результатовъ.

Методъ, которому мы намѣрены слѣдовать при анализѣ социальныхъ вліяній, будетъ состоять въ простомъ сопоставленіи данныхъ, касающихся движенія народонаселенія, съ данными относительно каждаго изъ разсматриваемыхъ условий, взятаго въ отдѣльности. Для удобства сравненія мы раздѣлимъ послѣднія на слѣдующія группы: 1) группу условий, зависящихъ отъ густоты на-

селенія, отъ средняго количества хлѣба, приходящагося на каждаго жителя, и отъ урожая; 2) группу условій, зависящихъ отъ распредѣленія земель между землевладѣльцами, отъ величины ихъ помѣстій, вообще отъ даннаго состоянія поземельной собственности и отъ отношенія числа землевладѣльцевъ изъ высшихъ и среднихъ сословій къ числу землевладѣльцевъ изъ сословія крестьянъ; 3) группу условій, зависящихъ отъ господствующаго образа занятій жителей; 4) группу условій городской и сельской жизни и, наконецъ, 5) группу условій, зависящихъ отъ большаго или меньшаго благосостоянія жителей, на сколько мы можемъ судить о послѣднемъ по даннымъ сельско-хозяйственной, промышленной и финансовой статистики и статистики народнаго образованія, и т. п. Сопоставляя каждую изъ этихъ группъ съ коэффициентами смертей, рожденій, браковъ и плодовитости, какъ во всей Россіи вообще, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ ея, мы выяснимъ себѣ ихъ относительное значеніе, если и не вполне точно, то, по крайней мѣрѣ, вполне рачіонально. Въ первой главѣ мы уже сказали, что цѣль и задача статистическихъ изслѣдованій должна состоять, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы *наводитъ* общественную науку на тѣ или другія сопоставленія, могущія дать ключъ къ опредѣленію причинной связи, существующей между разнообразными явленіями общественной жизни, т. е. къ установленію управляющихъ ею законовъ. Очевидно, что цѣль эта всего удобнѣе можетъ быть достигнута именно при томъ *методѣ исключеній*, котораго мы здѣсь придерживаемся. Извѣстное соціальное явленіе, напримѣръ, извѣстная норма движенія народонаселенія, опредѣляется всею совокупностью различныхъ елимаическихъ, этнографическихъ и общественныхъ условій; каждое изъ этихъ условій болѣе или менѣе участвуетъ въ произведеніи общаго результата, т. е. данной нормы браковъ, рожденій, смертей и т. д., но какъ и на сколько участвуетъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы беремъ сперва одно какое-нибудь условіе и, *исключая* изъ сравненія всѣ остальные, опредѣляемъ величину его изолированнаго вліянія на колебаніе коэффициентовъ движенія народонаселенія; затѣмъ переходимъ къ другому, третьему и т. д. условіямъ и поступаемъ съ ними точно такъ-же, т. е. констатируемъ степень того вліянія, которое каждое изъ нихъ, въ отдѣльности, оказываетъ на прогрессъ или регрессъ разсматриваемыхъ коэффициентовъ. Разумѣется, методъ этотъ далеко

не имѣть той строгой научности, которую онъ получаетъ въ сферѣ „точныхъ наукъ“. Физикъ, напримѣръ, опредѣляя при его посредствѣ величину силъ А и В, давшихъ въ результатъ своей совокупной дѣятельности какое-нибудь явленіе CD, можетъ не только умозрительно, но и въ дѣйствительности, изолировать дѣятельность А отъ дѣятельности В и нагляднымъ образомъ опредѣлить роль каждой изъ нихъ въ произведеніи CD. Статистики же, очевидно само собою, никогда не въ состояніи совершенно удалить какое-бы то ни было изъ данныхъ условій. Все, что онъ можетъ сдѣлать, это—взять для сравненія мѣстности, въ которыхъ болѣе или менѣе одинаковы условія, невведенныя въ сравненіе (напр., анализируя вліяніе климата, онъ можетъ взять для сравненія мѣстности, поставленныя приблизительно въ одинаковыя общественныя условія), или, не обращая на эти условія никакого вниманія, какъ будто-бы ихъ на дѣлѣ совсѣмъ не существуетъ, взять для сравненія мѣстности, въ которыхъ данный социальный фактъ (напр., извѣстная норма коэффициента смертности) измѣняется при неизмѣнчивости и остается неподвижнымъ при измѣнчивости условія, введеннаго въ сравненіе. Конечно, такой способъ *сравненія* и *изолированія* открываетъ довольно широкое поле для гадательныхъ гипотезъ и достигнутые съ его помощью результаты никогда не могутъ имѣть иного значенія, кромя вѣроятнаго. Мы считаемъ нужнымъ снова напомнить объ этомъ нашимъ читателямъ, потому что одна только правильная оцѣнка достоинствъ и недостатковъ принятаго нами метода дастъ имъ возможность отнестись къ нашимъ выводамъ сознательно и разумно, не преувеличивая и не умаляя ихъ истиннаго значенія.

Анализъ вліянія социальнаго фактора на движеніе народонаселенія мы начнемъ съ группы общественныхъ условій, стоящей всего ближе къ группѣ чисто-физическихъ условій, т. е. съ такихъ фактовъ, за которыми хотя и нельзя не признать общественнаго характера, но которые, тѣмъ не менѣе, почти столько же зависятъ отъ даннаго климата, почвы, этнографическихъ особенностей страны, сколько и отъ ея экономическаго строя. Мы говоримъ о вліяніи густоты населенія, относительно количества хлѣба, собираемаго съ полей и вообще урожаевъ, на коэффициенты рожденій, смертей и браковъ.

Займемся прежде всего вопросомъ о движеніи народонаселенія

подъ вліяніемъ отношенія, существующаго между нимъ и занимаемою имъ землею. По мнѣнію большинства экономистовъ и статистиковъ, это отношеніе, т. е. густота населенія, оказываетъ самое рѣшительное вліяніе на его смертность и рождаемость. „Мы можемъ вполне констатировать тотъ фактъ, утверждаетъ профессоръ Шмоллеръ,—что число рожденій постепенно уменьшается вмѣстѣ съ густотою населенія“ (О новѣйшихъ результатахъ статистики, изд. Вишневскаго и Путяты, 1873, стр. 7). Въ репандантъ къ этому экономисты мальтузіанской школы въ увеличеніи народонаселенія (относительно даннаго пространства) видятъ причину возвышенія коэффиціента смертности. Посмотримъ, что говорятъ намъ цифры нашей статистики. Раздѣлимъ 50 губерній европейской Россіи на 6 группъ: къ *первой* отнесемъ губерніи, въ которыхъ на 1 квад. м. приходится отъ 20—200 жит.; къ *второй*—губерніи, въ которыхъ на 1 квад. м. приходится отъ 200 до 500 жит.; къ *третьей*—на 1 квад. м. приходится 500—1,000 жит.; къ *четвертой*—отъ 1,000 до 1,500 жит.; къ *пятой*—отъ 1,500 до 2,000 жит., и, наконецъ, въ губерніяхъ *шестой* группы—на 1 квад. м. приходится болѣе 2,000 жителей. Коэффиціенты рожденій, смертей и браковъ вычислены для каждой группы по даннымъ Военно-Статист. Сборн. (съ 1859—1864 г.), Статист. Врем., вып. VIII, кн. II (1867 г.) и таблицамъ, составленнымъ г. Корачунскимъ для Русскаго Календаря на 1873 г.

На 100 жителей приходится:
 р о д и в ш и х с я .
 1859—1864—1867—1868—1871 г.

Губерніи	первой группы . .	4,63	4,59	3,95
„	второй „ . .	5,31	5,07	5,25
„	третьей „ . .	5,00	4,75	4,62
„	четвертой „ . .	4,70	4,74	4,39
„	пятой „ . .	5,32	5,31	5,13
„	шестой „ . .	4,97	5,14	4,99
у м е р ш и х ъ .				
Губерніи	первой группы . .	3,54	3,18	2,22
„	второй „ . .	3,51	3,75	3,85
„	третьей „ . .	3,24	3,03	3,37
„	четвертой „ . .	3,40	3,46	3,08

„	пятой	„ . .	3,77	3,78	3,93
„	шестой	„ . .	3,77	3,32	3,66
			бракомъ сочetaвшихся.		
Губерніи	первой группы	. .	0,83	0,78	0,92
„	второй	„ . .	1,02	1,02	1,01
„	третьей	„ . .	0,95	0,89	0,87
„	четвертой	„ . .	1,01	0,82	0,92
„	пятой	„ . .	1,09	1,05	1,08
„	шестой	„ . .	1,05	1,10	1,02

Если для большей наглядности мы раздѣлимъ наши 6 группъ на двѣ категоріи, то окажется, что въ первой категоріи (въ которую попадутъ всѣ губерніи съ населеніемъ *меньше* 1,000 жит. на 1 кв. м.) общее среднее число, выведенное изъ данныхъ таблицы; опредѣлится приблизительно: для рождающихся—4,68 на 100 жит., для умирающихъ—3,29 на 100 жит., для браковъ на ту-же единицу народонаселенія приходится—0,92; во второй-же категоріи (губерніи съ населеніемъ, *превышающимъ* 1,000 душъ на 1 кв. м.) на 100 жит. придется около 4,96 рождений, 3,63 смерт. случаевъ и 1,01 бракъ. Итакъ, у насъ густота населенія не только не вліяетъ на пониженіе, но скорѣе даже благоприятствуетъ возвышенію коэффициента рождений. Впрочемъ, если сопоставить губерніи 2-й группы, съ населеніемъ *меньше* 500 д. на 1 кв. м., съ губерніями 6-й группы, въ которыхъ на 1 кв. м. приходится болѣе 2,000 д., то позволительно усомниться въ какомъ-бы то ни было вліяніи густоты населенія на рождаемость. Въ самомъ дѣлѣ, во 2-й группѣ на 100 жит. приходится среднимъ числомъ 5,21 рожд.; въ 6-й—5,03. То-же должно сказать и о бракахъ: съ перваго взгляда можетъ показаться, будто относительная численность браковъ увеличивается пропорціонально густотѣ населенія, но стоитъ только сопоставить ту-же 2-ю группу съ 4-ю, т. е. губерніи, имѣющія отъ 200—500 жит. на 1 кв. м., съ губерніями, имѣющими отъ 1,000—1,500 жит., чтобы убѣдиться въ неосновательности подобнаго заключенія; въ губерніяхъ 2-й группы на 100 жит. приходится среднимъ числомъ 1,02 брака, въ губерніяхъ-же 4-й группы только 0,91. Въ послѣдніе годы (1868—1870) численность браковъ въ губерніяхъ 6-й группы почти равнялась численности ихъ въ губерніяхъ 2-й группы; а численность ихъ въ губерніяхъ 1-й группы (съ населеніемъ отъ

20—200 жит. на 1 кв. м.) равнялась ихъ численности въ губерніяхъ 4-й группы. Колебанія коэффициента смертности точно также не зависятъ, повидимому, отъ давняго отношенія народонаселенія къ землѣ. Правда, въ 3-хъ послѣднихъ группахъ средній коэффициентъ смертности нѣсколько превышаетъ средній коэффициентъ смертности первыхъ 3-хъ группъ. Но сравните за то губерніи 6-й группы (имѣющія болѣе 2,000 жит. на 1 кв. м.) съ губерніями 2-й группы, а послѣднія съ губерніями 4-й и 3-й группы, и окажется, что смертность не только не увеличивается, но скорѣе даже уменьшается по мѣрѣ возрастанія густоты населенія. Такъ въ губерніяхъ, имѣющихъ болѣе 2,000 жит. на 1 кв. м., на 100 ч. приходится ежегодно около 3,58 смертныхъ случаевъ; въ губерніяхъ съ населеніемъ отъ 200—500 жит. на 1 кв. м.—3,70; въ губерніяхъ съ населеніемъ отъ 500—1,000 жит. на 1 кв. м.—3,21; въ губерніяхъ съ населеніемъ отъ 1,000—1,500 жит.—3,49 и, наконецъ, въ губерніяхъ съ населеніемъ отъ 1,500—2,000 жит.—3,82.

Если мы будемъ сравнивать не цѣлыя группы, а отдѣльныя губерніи, то вліяніе густоты населенія на его рождаемость и смертность станетъ еще менѣе уловимымъ. Возьмемъ для примѣра хоть 6 губерній: три, въ которыхъ густота населенія достигаетъ своего максимум'а, и три, въ которыхъ она доходитъ до своего minimum'а.

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІИ.	На 1 кв. м. число жителей.	На 100 ч. рождающ.	На 100 ч. умирающихъ.	Средній итогъ.	
Московская	2,598	5,20	4,74	} рожд.	умир.
Подольская	2,449	4,50	3,02		
Кіевская	2,177	4,45	3,25		
Астраханская	128	5,03	3,13	} 4,63	3,59
Олонеккая	125	4,81	4,76		
Архангельская	20	4,05	2,88		

Всѣ эти сопоставленія приводятъ насъ къ слѣдующему выводу: въ Россіи густота населенія, взятая сама по себѣ, не оказываетъ никакого замѣтнаго вліянія на движеніе коэффициентовъ смертности, рождаемости и браковъ. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что густота нашего населенія вообще крайне незначительна и максимумъ едва можетъ сравняться съ minimum'омъ

западно-европейской населенности. Но всего правдоподобнѣе, отношеніе жителей къ числу квадр. миль занимаемаго ими пространства, несмотря на всѣ увѣренія мальтузіанцевъ, не играетъ никакой существенной роли въ статистику народонаселенія; вліяніе его, по всей вѣроятности, совершенно парализуется и уничтожается другими, болѣе могущественными факторами общественной жизни. Населенность, напримѣръ, Бельгіи и Саксоніи въ $2\frac{1}{2}$ раза превосходитъ населенность Франціи и Австріи, а между тѣмъ нельзя сказать, чтобы двѣ первыя страны были поставлены въ менѣе благоприятныя условія относительно рождаемости и смертности, чѣмъ двѣ послѣднія (см. II главу, „Дѣло“, № 1, стр. 188, 189).

Экономисты, утверждающіе, будто густота населенія вліяетъ на уменьшеніе рождаемости и на увеличеніе смертности, основываются не столько на фактахъ, признанныхъ статистикою, сколько на апіористическихъ соображеніяхъ, измышленныхъ ихъ собственными мозгами. По соображеніямъ этимъ выходитъ, что чѣмъ больше народа живетъ на данномъ пространствѣ, тѣмъ меньшее количество хлѣба приходится на каждого человѣка, а чѣмъ меньше приходится хлѣба, тѣмъ слабѣе становится челоувѣческая воспроизводительность и тѣмъ болѣе усиливается челоувѣческая смертность. Разуждая совершенно абстрактно, такое заключеніе можетъ быть совершенно справедливо, но въ примѣненіи къ реальнымъ фактамъ оно не выдерживаетъ самой поверхностной статистической провѣрки. Въ основѣ его лежитъ совершенно произвольное предположеніе о какой-то *изолированной мѣстности*, жители которой исключительно живутъ производительною однихъ своихъ полей. Въ дѣйствительности этого никогда не бываетъ и не можетъ быть,—по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ странахъ, экономическая жизнь которыхъ вышла изъ условій первобытной, варварской культуры. Въ цивилизованныхъ и даже полувцилизированныхъ государствахъ, какъ-бы ни было неблагоприятно положеніе данной мѣстности относительно сосѣдства и путей сообщенія, рождаемость и смертность жителей всегда гораздо болѣе зависятъ отъ общаго уровня ихъ благосостоянія, отъ развитія ихъ экономическихъ силъ, чѣмъ отъ того или другого количества хлѣба, собираемаго ими со своихъ полей. Даже въ Россіи, при ея дурныхъ путяхъ сообщенія и громадныхъ разстояніяхъ,

при ея низкомъ уровнѣ экономическаго развитія, — даже въ Россіи движеніе народонаселенія, какъ мы это сейчасъ увидимъ, почти нисколько не подчиняется вліянію земельной производительности. По степени своей производительности, всѣ губерніи европейской Россіи (за исключеніемъ польскихъ и финляндскихъ) могутъ быть снова раздѣлены на шесть группъ. Къ первой группѣ мы отнесемъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ на каждаго человѣка приходится среднимъ числомъ менѣе 1 четверти хлѣба (считая въ томъ числѣ и картофель); ко второй отнесемъ губерніи, въ которыхъ изъ общаго годового сбора, т. е. съ озимаго и ярового поля, на каждаго человѣка приходится отъ 1 — 1½ четверт.; къ третьей — губерніи, въ которыхъ на человѣка приходится отъ 1½ — 2 четверт.; къ четвертой — губерніи, дающія на человѣка отъ 2 — 3 четверт.; къ пятой — губерніи, дающія отъ 3 — 4 четверт.; къ шестой — отъ 4 — 5 четверт. и выше ¹⁾. Данныя, на основаніи которыхъ составлена эта группировка, относятся къ половинѣ 60-хъ годовъ и заимствованы изъ Военно-Статистическаго Сборника (вып. IV, стр. 247). А потому, для правильности сравненія, и цифры относительно рождающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ, приводимыя въ нашей табличкѣ, взяты приблизительно за тотъ-же періодъ.

На 100 г. жителей приходится:

ГУБЕРНІИ:	Родившихся.	Умершихъ.	Бракомъ сочѣтавшихся.
Первой группы . . .	4,54	3,04	0,89
Второй „ . . .	5,16	3,68	0,94
Третьей „ . . .	3,97	3,72	0,98

¹⁾ Для нѣкоторыхъ читателей, быть можетъ, интересно будетъ знать, какія именно губерніи входятъ въ каждую изъ шести группъ. *Менѣе 1 четверти хлѣба на жителя приходится въ губерніяхъ:* архангельской и астраханской; *отъ 1 до 1½ четверт.* въ губерніяхъ: екатеринославской, московской, оренбургской, петербургской, херсонской; *отъ 1½ до 2 четверт.* въ губерніяхъ: виленьской, витебской, вологодской, новгородской, олонецкой, пермской, псковской, харьковской и черниговской; *отъ 2 до 3 четверт.* въ губерніяхъ: владимірской, волынской, воронежской, вятской, казанской, калужской, кievской, жовенской, костромской, минской, могилевской, подольской, полтавской, самарской, саратовской, симбирской, смоленской, тверской, эстляндской, ярославской и въ области бессарабской; *отъ 3 до 4 четверт.* въ губерніяхъ: курляндской, курской, лифляндской, нижегородской, пензенской, рязанской и тамбовской; *отъ 4 до 5 четверт. и выше* въ губерніяхъ: орловской, тульской и въ землѣ войска донскаго.

Четвертой „ . . .	4,25	3,41	1,04
Пятой „ . . .	4,72	3,40	1,02
Шестой „ . . .	5,41	3,69	1,14

Слѣдовательно, въ губерніяхъ, производящихъ хлѣба *меньше* 1 четверти на человѣка, коэффициентъ рожденій выше, а коэффициентъ смертей ниже, чѣмъ въ губерніяхъ 3-й и 4-й группы, т. е. въ губерніяхъ, производящихъ на человѣка отъ $1\frac{1}{2}$ —3 четверт. Въ губерніяхъ, производящихъ на человѣка всего только отъ 1— $1\frac{1}{2}$ четверт., и въ губерніяхъ, производящихъ на человѣка болѣе 5 четвертей, оба коэффициента почти равны. Только относительно браковъ мы замѣчаемъ, что ихъ коэффициентъ возрастаетъ пропорціонально возрастанію коэффициента хлѣбной производительности губерній. Однако имѣемъ-ли мы основаніе предполагать, что возрастаніе перваго коэффициента находится въ какой-нибудь причинной связи съ возрастаніемъ втораго? Если-бы это было дѣйствительно такъ, то слѣдовало-бы ожидать, что мы встрѣтимъ подобную-же пропорціональность въ движеніи обоихъ коэффициентовъ и при сравненіи отдѣльныхъ губерній. А между тѣмъ ее-то именно мы и не встрѣчаемъ. Такъ, ко второй группѣ относятся двѣ губерніи—екатеринославская и херсонская, въ которыхъ коэффициентъ браковъ не только не ниже, но даже превышаетъ коэффициентъ браковъ орловской и тульской губерній, входящихъ въ составъ шестой группы. Въ первыхъ двухъ губерніяхъ на 100 жит. приходится 1,14 брачующихся, въ двухъ послѣднихъ—1,10. Въ четвертой и пятой группахъ мы находимъ губерніи (напр. ярославскую, курляндскую, Бессарабію, костромскую, тверскую и др.), въ которыхъ коэффициентъ браковъ ниже, чѣмъ въ астраханской, принадлежащей къ первой группѣ. Наконецъ, въ предѣлахъ одной и той-же группы средняя норма браковъ различныхъ губерній до такой степени различна, что рѣшительно невозможно допустить существованіе какой-бы то ни было зависимости между колебаніями этой нормы съ одной стороны и земельною производительностью съ другой. Вотъ возьмите, напримѣръ, губерніи хоть 2-й группы; ихъ всего пять; всѣ онѣ производятъ очень мало хлѣба—не свыше $1\frac{1}{2}$ четверти на человѣка; въ одной изъ нихъ (петербургской) на 100 жит. приходится всего 0,84 брачующихся; въ двухъ (екатеринославской и

херсонской) — 1,18 и 1,10; еще въ двухъ (московской и оренбургской) — 0,91 и 0,99. То-же явленіе мы замѣчали и во всѣхъ остальныхъ группахъ, даже въ первой, въ составъ которой входятъ всего только двѣ губерніи; и въ этихъ двухъ губерніяхъ разность между коэффициентами ихъ браковъ доходитъ до 0,12.

Итакъ, относительное (т. е. относительно населенія) количество хлѣба, производимаго данною мѣстностью, не оказываетъ существеннаго вліянія на браки, рожденія и смертность ея жителей.

Если относительное количество хлѣба, производимаго данною мѣстностью, не играетъ никакой замѣтной роли въ движеніи народонаселенія, то не слѣдуетъ-ли намъ думать, что и *средняя величина* урожаявъ (т. е. количество хлѣба, производимаго данною мѣстностью, *безъ отношенія* его къ ея населенію) не должна оказывать существеннаго вліянія на среднюю ежегодную норму браковъ, рожденій и смертей?

Всѣ 50 губерній европейской Россіи могутъ быть раздѣлены, по *средней* урожайности своихъ земель, на три категоріи: къ первой относятся губерніи съ среднею урожайностью (всего хлѣба вообще) свыше четырехъ, ко второй—свыше трехъ (отъ 3,01 до 3,92), а къ третьей—свыше двухъ (отъ 2,23 до 2,89). Въ губерніяхъ первой категоріи средній коэффициентъ (выведенный приблизительно за тотъ-же періодъ, за который была вычислена и средняя норма урожаявъ) рожденій равняется 4,5 (т. е. на 100 жителей 4,5 рожд.), смертей—2,8, браковъ—0,98. Въ губерніяхъ второй категоріи коэффициентъ рожденій равняется—4,9, смертей—3,5, браковъ—1,02; въ губерніяхъ третьей категоріи средняя годовая норма рожденій доходитъ до 5,1 на 100 жит., смертей—до 3,5, браковъ—1,03. Сопоставляя эти данныя, можно, пожалуй, придти къ заключенію, что, съ возвышеніемъ средней урожайности полей, съ одной стороны, уменьшаются коэффициенты рожденій и браковъ, съ другой—уменьшается смертность. Однако, одинъ уже тотъ фактъ, что въ губерніяхъ съ высшимъ *среднимъ урожаемъ*, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ смертности, уменьшается число рожденій и браковъ, можетъ заставить усомниться въ существованіи какой-бы то ни было причинной связи между колебаніями коэффициентовъ движенія народонаселенія и средняго урожая. Если низкій процентъ смертности въ губерніяхъ первой

категоріи обуславливается высокой урожайностью ихъ полей, то почему-же, вліяя на смертность, она нисколько не вліяетъ на браки и рожденія? Извѣстно, что обиліе хлѣба всегда влечетъ за собою обиліе браковъ, а обиліе браковъ вызываетъ обиліе рожденій. Наконецъ, почему въ губерніяхъ второй и третьей категоріи средняя норма смертности одинакова, между тѣмъ какъ средній урожай въ губерніяхъ 2-й категоріи относится къ среднему урожаю въ губерніяхъ 3-й категоріи почти какъ 2:1? Но, кромя того, сопоставляя отдѣльныя губерніи, въ предѣлахъ одной и той-же категоріи, мы еще болѣе убѣдимся, что между среднею смертностью, установленною въ данной мѣстности, и среднимъ урожаемъ ея полей не существуетъ ни малѣйшаго соотношенія. Въ составъ первой категоріи входятъ, напримѣръ, двѣ губерніи, вижегородская и тамбовская, въ которыхъ, несмотря на сравнительно довольно высокій уровень средняго урожая, смертность доходитъ до 3,6 и 4,2 на 100. Въ Лифляндіи, которая, по средней урожайности своихъ полей, занимаетъ самое первое мѣсто въ ряду губерній европейской Россіи, средняя смертность выше, чѣмъ въ виленской, занимающей въ этомъ ряду *сороковое* мѣсто; она выше также смертности пяти губерній, входящихъ въ составъ первой категоріи, несмотря на то, въ послѣднихъ средняя норма урожая ниже, чѣмъ въ Лифляндіи. Въ губерніяхъ второй и третьей категоріи, при одинаковомъ среднемъ урожаѣ, смертность колеблется отъ 2,62 на 100 до 4,44 на 100. Въ орловской, напримѣръ, губерніи, при среднемъ урожаѣ 3,92, смертность доходитъ до 4,3 на 100, а въ костромской, при среднемъ урожаѣ 2,66, она равняется только 2,7 на 100. Въ тульской губерніи, при среднемъ урожаѣ 3,19, изъ 100 чел. умираетъ 4,4, въ оренбургской, занимавшей по степени урожайности своихъ полей *последнее* мѣсто въ ряду губерній европейской Россіи (средній урожай=2,2), изъ 100 умираетъ 3,5 чел., и т. п. *).

*) Группировка составлена по даннымъ Воен. Стат. Сборн., IV вып., стр. 249. Средній урожай вычисленъ за три года (1864, 65, 66 гг.). При вычисленіи средняго урожая за болѣе продолжительный срокъ (напр. десятилѣтій) получится нѣсколько иная группировка. Такъ, за десятилѣтіе съ 1857—1867 г. средній урожай нѣсколькихъ губерній, недоходившій съ 1864—1867 г. до 4 зеренъ, доходитъ до этой нормы, и поэтому эти губерніи (напр. черниговская) должны быть отнесены къ первой категоріи; точно также нѣсколько губерній

Это отсутствіе всякаго соотношенія между среднею урожайностью данной мѣстности съ одной стороны и движеніемъ ея народонаселенія съ другой весьма просто объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что благосостояніе жителей не столько зависитъ отъ *средняго урожая*, сколько отъ распредѣленія между ними поземельной собственности, количества платимыхъ ими налоговъ, отъ развитія торговли и промышленности, отъ состоянія путей сообщенія и т. п. Само собою, напримѣръ, понятно, что жители губерній съ высокою нормою средняго урожая будутъ находиться въ неравномерно менѣе выгодныхъ условіяхъ относительно смертей и рожденій, чѣмъ жители губерній съ болѣе слабымъ урожаемъ, если послѣдніе весь свой скудный сборъ хлѣба истребятъ на мѣстѣ, а вторые изъ своего обильнаго запаса оставятъ себѣ ровно столько, сколько нужно для прокормленія $\frac{1}{10}$ населенія. Скажутъ, быть можетъ, что за вывезенный хлѣбъ урожайная губернія получитъ деньги или товары, на счетъ которыхъ и будутъ существовать остальные $\frac{9}{10}$ ея жителей, оставшихся безъ туземнаго хлѣба. Но вопросъ: *имѣ-ли* еще пойдутъ деньги и товары, вырученныя за проданный хлѣбъ? Вѣдь онъ могъ принадлежать совсѣмъ не имъ, а именно той $\frac{1}{10}$ частички всего населенія, для которой и безъ того хлѣба хватить. Такимъ образомъ, все зависитъ отъ того, кому принадлежатъ поля съ высокимъ урожаемъ—большинству или меньшинству населенія. Однако, если даже они и принадлежатъ большинству, но за отсутствіемъ сбыта хлѣбъ приходится продавать по низкимъ цѣнамъ, то едва-ли жизненныя условія жителей урожайныхъ губерній будутъ лучше, чѣмъ жителей менѣе урожайныхъ губерній, пользующихся удобными и дешевыми путями сооб-

изъ третьей перейдутъ во вторую, а двѣ губерніи—изъ первой во вторую. Впрочемъ, сущность дѣла отъ этого не измѣняется: какъ-бы мы ни группировали губерніи по ихъ средней урожайности, мы, во всякомъ случаѣ, не найдемъ никакаго соотношенія между движеніемъ браковъ, смертей и рожденій съ одной стороны и колебаніями средней нормы урожая съ другой. Распредѣливъ губерніи европейской Россіи на 3 категоріи, по среднему урожаю за десятилѣтіе съ 1857—1867 г., получимъ для *первой категоріи* коэффициентъ рожденій—4,„, смертей—2,„; для *второй* коэффициентъ рожденій—5,„, смертей—3,„; для *третьей* средняя норма рожденій 5, смертей—3,„. Следовательно, въ губерніяхъ послѣдней категоріи смертность менѣе значительна, чѣмъ въ губерніяхъ второй, хотя норма средняго урожая въ губерніяхъ третьей категоріи въ нормѣ средняго урожая въ губерніяхъ второй категоріи относится какъ 1:2.

щенія. Весьма вѣроятно, что при равенствѣ всѣхъ другихъ экономическихъ условій и при одинаковой близости различныхъ мѣстностей въ торговому рынку, средній урожай хлѣбовъ долженъ оказать нѣкоторое вліяніе на движеніе народонаселенія; а такъ-какъ подобнаго равенства у насъ не существуетъ, дурные-же пути сообщенія дѣлаютъ весьма чувствительною разность разстоянія отъ мѣста сбыта, то трудно было-бы и ожидать, чтобы *средній урожай* игралъ какую-нибудь роль въ статистикѣ нашего народонаселенія.

Однако, если средняя, установившаяся норма урожая или средняя плодovitость полей не вліяетъ замѣтнымъ образомъ на браки, рожденія и смертность населенія, то этого никакъ нельзя сказать объ *отклоненіяхъ* отъ этой средней нормы, о такъ-называемыхъ урожайныхъ и неурожайныхъ годахъ. Западно-европейская статистика давно уже констатировала тотъ фактъ, что неурожайные годы играютъ весьма важную роль не только въ статистикѣ движенія народонаселенія, но и вообще въ социальной жизни общества; посредственно или непосредственно они вліяютъ почти на всѣ стороны этой жизни, порождаютъ нерѣдко глубокія потрясенія во всея общественномъ организмѣ, измѣняютъ иногда самую исторію страны. Г. Архангельскій, въ своемъ небольшомъ, но весьма основательномъ этюдѣ „О вліяніи неурожайныхъ годовъ на смертность въ Россіи“ (Сборникъ сочин. по судеб. медіц., судеб. психіатр., медицинской полиціи, обществен. гигиены и т. д., т. I), напоминаетъ читателямъ, что крестовые походы совпали съ страшнымъ неурожаемъ 1095 г.; неурожай предшествовалъ возстанію англійскихъ бароновъ въ XIII вѣкѣ; передъ возстаніемъ Америки былъ сильный неурожай въ 1765 году и затѣмъ неурожай въ 1775 году. Извѣстно, что великой французской революціи и революціи 1848 года предшествовали неурожай 1788, 1789 и 1847 годовъ. Мы можемъ, съ своей стороны, прибавить къ этому, что реформаціонное движеніе XVI вѣка и послѣдовавшія за нимъ религиозныя войны, имѣли своими отчасти предшественниками, отчасти спутниками страшные неурожай; іюльской монархіи точно такъ-же предшествовалъ неурожай и дороговизна съѣстныхъ припасовъ. Конечно, въ одномъ голодѣ нельзя видѣть *существенную* причину, вызвавшую всѣ эти событія на свѣтъ божій, но невозможно также отрицать, что и его вліяніе здѣсь не осталось безъ

значенія. Онъ приводитъ въ броженіе массы, дѣлаетъ ихъ болѣе отважными и предприимчивыми, заставляетъ ихъ менѣе дорожить жизнью, иными словами, создаетъ условія, благопріятствующія для всякаго рода общественныхъ движеній.

Что-же касается вліянія голодныхъ лѣтъ или, что все равно, дороговизны хлѣба на статистику народонаселенія, то самыя простыя апіористическія соображенія ставятъ его внѣ всякихъ сомнѣній. Само собою понятно, что при неурожаѣ смертность должна усилиться среди бѣднѣйшихъ классовъ населенія, число браковъ уменьшится и, вслѣдствіе этого, на слѣдующій годъ разность между родившимися и умершими должна опуститься ниже своей средней нормы.

Статистика вполне подтверждаетъ эту, — если можно такъ выразиться, — апіористическую очевидность *). Лагуа въ своемъ этюдѣ „Des chertés en France et de leur influence sur le mouvement de la population“ (La France et L'Etranger, t. I, pp. 17—21) приводитъ слѣдующія интересныя данныя относительно движенія цѣнъ на хлѣбъ и коэффициента смертности во Франціи, начиная съ 1800 по 1860 годъ: средняя цѣнность гектолитра пшеницы въ 1801 и 1807 годахъ съ 20 фран. 34 сент. (цѣна 1801 г.) дошла до 23 фран. 71 сент.; вмѣстѣ съ этимъ средняя цифра умершихъ въ 1800 г. возросла въ двухъ слѣдующихъ съ 731,208 до 840,514. Въ 1811 г. былъ страшный неурожай, такъ что въ слѣдующемъ году цѣна на пшеницу поднялась до 34 фран. 34 сент. за гектолитръ; смертность увеличилась сравнительно съ 1810 г. всего на 41,000 и то только въ 1813 году, хотя въ этомъ году цѣна на хлѣбъ опять упала до 22 фран. 51 сент. Въ 1815 году цѣна на хлѣбъ равнялась 19 фран. 53 сент.,

* Въ Парижѣ (вычислено количество умершихъ за 90 лѣтъ, съ 1694 по 1784 годъ) средняя смертность была: втеченія 10 самыхъ дорогихъ годовъ (цѣна пшеницы 21 ливръ 10 су за сетье) — въ каждый 21,174; втеченія 10 самыхъ дешевыхъ годовъ (цѣна пшеницы за сетье 17 ливровъ 5 су) — въ каждый 17,529. Въ Туринѣ въ 5 дешевыхъ годовъ (1828, 1830, 1834 — 1836) умершихъ было 4,638; въ Туринѣ въ 5 дорогихъ годовъ (1829, 1831, 1835 — 1837) умершихъ было 5,231. Въ Лондонѣ: при цѣнѣ пшеницы 58 ш. 10 д. умерло въ 1802 году 20,508; при цѣнѣ пшеницы въ 113 ш. 7 д. умерло 25,670 (1800 г.). Въ 7 английскихъ графствахъ: въ 1801 г. цѣна пшеницы поднялась до 118 ш. 3 д., умерло 55,965; въ 1804 г. она понизилась до 60 ш. 1 д., цифра-же умершихъ — до 44,794 (Кольбъ, т. II, стр. 286).

число умершихъ простиралось до 690,885; въ 1817 и 1818 гг. первая подвѣлась до 30 фран. 40 сант., второе до 721,610, т. е. всего на 30,725. Между тѣмъ въ слѣдующемъ, 1819 г., не смотря на то, что цѣна на хлѣбъ упала до 18 фр. 42 сант., число умершихъ равнялось 752,551, т. е. увеличилось сравнительно съ 1810 г. на 61,666. Въ 1839—1840 гг. цѣна на хлѣбъ повысилась съ 19 фран. 50 сант. на 21 фран. 88 сант.; хотя это повышеніе немногимъ разнится отъ повышенія 1801 и 1802 годовъ, однако смертность почти нисколько не усилилась, а уменьшилось только среднее число родившихся съ 963,099 (1838 г.) до 955,288 (1839—1840 г.). Въ 1846—1847 годахъ цѣна на хлѣбъ возросла: въ 1846 году до 24 фран. 0,5 сант., въ 1847 году до 29 фран. 0,1 сант.; а вообще въ эти два года она увеличилась, сравнительно съ 1845 г., болѣе чѣмъ на 36⁰/₀; смертность-же возросла на 12⁰/₀. Въ 1816—1817 гг. цѣна на хлѣбъ возросла, какъ мы видѣли, на 55⁰/₀, а смертность всего на 4,4⁰/₀.

Такимъ образомъ, изъ этихъ данныхъ Легуа оказывается: во-первыхъ, что повышеніе смертности всегда слѣдуетъ за повышеніемъ цѣны на хлѣбъ; во-вторыхъ, что между повышеніемъ смертности и повышеніемъ цѣны не существуетъ никакого опредѣленнаго, постояннаго соотношенія; и, наконецъ, въ-третьихъ, что усиленная смертность наступаетъ обыкновенно не въ самые неурожайные года (или года хлѣбной дороговизны), а въ непосредственно за ними слѣдующіе.

Изслѣдованія Ваппеуса относительно Пруссіи и Англіи приводятъ почти къ тѣмъ-же результатамъ *).

*)

Пруссія.

Года.	1 умерш. на чис. жит.	Цѣна на хлѣбъ.
1844	38 ₂₀₆	40 ⁰ / ₁₂ збг. за шефель.
1845	36 ₇₂	51 „
1846	34 ₇₀₅	70 ¹¹ / ₁₂ „
1847	31 ₂₀	86 ² / ₁₂ „
1848	30 ₁₂	88 ² / ₁₂ „
1849	32 ₇₄	31 ⁰ / ₁₂ „
1850	36 ₃₁	86 ⁰ / ₁₂ „
1851	37 ₈₂	49 ¹¹ / ₁₂ „
1852	30 ₂₀	61 ⁰ / ₁₂ „
1853	32 ₇₆	68 „
Среднее число . . .		33 ₂₀

Посмотримъ-же, насколько эти выводы западно-европейскихъ статистиковъ подтверждаются на данныхъ русской статистики.

Едва-ли есть надобность снова дѣлать ту оговорку, которую намъ такъ часто уже приходилось дѣлать выше: какъ относительно этого вопроса, какъ и относительно большей части наиболѣе интересныхъ вопросовъ, касающихся статистики движенія народонаселенія, свѣденія, сообщаемыя нашими официальными и офиціозными источниками, крайне скудны, отрывочны и почти совершенно не разработаны. Мы постарались извлечь изъ нихъ все, что было можно, при чемъ главнымъ базисомъ для вычисленій намъ служили матеріалы, собранные въ „Военно-статистич. сборникѣ“, первая книга Временника (за 1866 г.) и VII вып. 2-й книги.

Въ первую половину текущаго столѣтія у насъ было нѣсколько весьма значительныхъ неурожаевъ, которые по десятилѣтіямъ распредѣлились слѣдующимъ образомъ: съ 1820—1830 г.—три неурожая; съ 1830—1840 г.—четыре; съ 1840—1850 г.—пять. Въ первое десятилѣтіе (съ 1820—1830 г.) средняя ежегодная *разность* между родившимися и умершими равнялась 608,141; во второе десятилѣтіе—524,337 и, наконецъ, въ третье—487,948. Такимъ образомъ, каждый лишній неурожай уменьшалъ среднюю годовую разность, т. е. увеличивалъ отчасти смертность, отчасти понижалъ число рожденій, почти на 60,000. За неурожайными годами слѣдуютъ *по обыкновенію* (хотя и не всегда, какъ мы сейчасъ увидимъ) года наибольшей смертности и наименьшей рождаемости.

Такъ въ 1820 и 1821 году, по официальнымъ документамъ,

Англія.		
Года.	1 умерш. на чис. жит.	Цѣна на хлѣбъ.
1845	47 _{,86}	96 збг. за шэф. (прусскій)
1846	48 _{,36}	103 »
1847	40 _{,47}	182 »
1848	43 _{,37}	96 »
1849	39 _{,82}	84 »
1850	38 _{,13}	76 »
1851	45 _{,18}	78 »
1852	44 _{,72}	77 »
1853	43 _{,70}	101 »
1854	42 _{,82}	137 »

Среднее число . . . 43_{,70}
(Allgem. Bevölkerungsstatistik, Erst. Theil, p. 196).

значится неурожаѣ; въ эти годы разность между родившимися и умершими была: въ 1820 году около 652,000, въ 1821 году 600,000, т. е. не ниже средней нормы, выведенной за 10 лѣтъ. За то въ 1823 году разность внезапно понизилась до 562,000 (т. е. ниже средней нормы). То-же случилось и въ 1827 году: въ неурожайный годъ разность была значительно выше средней нормы; въ 1828 году она не превышала 576,789. При неурожаѣ 1833 и 1835 годовъ разность понизилась сравнительно съ среднею нормою за 10 лѣтъ (съ 1830—1840 г.) до 524,337, въ 1833 г.—до 299,754, въ 1835 г.—до 387,259. Въ 1839 г. неурожаѣ не увеличилъ смертности и не уменьшилъ коэффициента рожденій, но за то въ 1840 и 1841 годахъ она понизилась среднимъ числомъ до 397,985. Въ 1842 г. мѣстный неурожаѣ въ семи губерніяхъ понизилъ разность съ 487,948 ч. (средняя цифра разности за 1840—1850 гг.) до 315,735. При неурожаѣ 1846 г. число умершихъ и родившихся не только не понизилось, но, напротивъ, значительно повысилось сравнительно съ среднею нормою; но въ слѣдующемъ 1847 г. разность между обими числами съ 556,094 (1846 г.) дошла до 494,900; въ 1848 г. число умершихъ *превысило* число родившихся на 332,276.

Такимъ образомъ, при неурожаяхъ 1820, 1821, 1839 и 1846 годовъ, губительное дѣйствіе голода обнаружилось не въ самые голодные года, а въ года, непосредственно за ними слѣдующіе. Напротивъ, въ 1833, 1835 и 1842 годахъ неурожаѣ и усиленная смертность совпадали.

Если отъ этихъ общихъ данныхъ мы перейдемъ къ даннымъ отдѣльныхъ губерній, то найдемъ новое подтвержденіе тѣхъ выводовъ западно-европейской статистики, о которыхъ говорено было выше. Прежде всего, всѣ губерніи европейской Россіи можно раздѣлять на нѣсколько группъ, по количеству неурожаевъ въ данный періодъ времени; возьмемъ хоть десятилѣтіе съ 1857—1867 годъ. Въ это десятилѣтіе въ 13 губерніяхъ было менѣ двухъ неурожаевъ, въ 11-ти болѣе двухъ, въ 15-ти болѣе трехъ, въ 6-ти болѣе четырехъ и, наконецъ, въ 3-хъ болѣе пяти *). Сооб-

*) Въ *первой* группѣ (менѣ 2 неурожаевъ) относятся губерніи: вологодская, новгородская, ливляндская, ковнская, витебская, гродненская, могилевская, минская, смоленская, владимірская, подольская, нижегородская и петербургская.

разно съ этимъ мы раздѣлили ихъ на 5 группъ и вывели (приблизительно за тотъ-же періодъ времени, именно съ 1857 по 1867 г.) среднюю смертность для каждой группы; въ результатѣ нашихъ вычисленій получилась слѣдующая таблица:

Губерніи.	Количество неурожаевъ за 10 лѣтъ.	Средняя смертность на 100 жит. умерш.
Первой группы	менѣе 2	3,1
Второй „	болѣе 2	3,3
Третьей „	болѣе 3	3,6
Четвертой „	болѣе 4	3,59
Пятой „	болѣе 5	4,1

За неурожаемъ почти всегда слѣдуютъ и въ отдѣльныхъ губерніяхъ, какъ и во всей Россіи, года съ усиленной смертностью; въ очень немногихъ случаяхъ усиленная смертность и неурожай совпадаютъ. Такъ, въ казанской губерніи былъ неурожай въ 1859 году,—въ этомъ году коэффициентъ смертности равнялся 3,47 на 100 жителей; въ 1860 г. онъ достигъ до 4 на 100, а средній коэффициентъ, выведенный за 5 лѣтъ (1859—1864 г.), былъ равенъ 3,49. Въ архангельской неурожай озимыхъ хлѣбовъ въ 1859 г.,—коэффициентъ смертности *въ этомъ-же году* съ 3,13 (сред. коэф. за 5 лѣтъ) поднялся до 4,04. Въ Бессарабіи: неурожай въ 1865 году,—цифра умершихъ въ томъ-же году возросла съ 25,985 (средняя цифра умершихъ за 5 лѣтъ, предшествовавшихъ 1865 г.) до 28,201. Въ воронежской губерніи неурожай яровыхъ хлѣбовъ въ 1862 г.,—въ этомъ-же году смертность (3,71 на 100) была ниже средней нормы смертности съ 1859—1864 г. (4 на 100), за то въ 1863 г. она возвысилась до 4,90. Въ костромской губ. послѣ неурожая 1859 г. коэффициентъ смертности въ слѣдующемъ 1860 году равнялся 4,03, тогда какъ средній коэффициентъ за пятилѣтіе не превышалъ 2,72. Въ томъ-же 1859 г. были не-

Ко второй группѣ (болѣе 2 неурожаевъ): архангельская, виленская, курляндская, калужская, костромская, оренбургская, рязанская, симбирская, черниговская, ярославская и тверская. Къ третьей группѣ (болѣе 3 неурожаевъ): олонечская, вятская, эстляндская, кievская, волынская, тульская, орловская, курская, полтавская, харьковская, казанская, саратовская, херсонская, таврическая и З. В. Донского. Къ четвертой группѣ (болѣе 4 неурожаевъ): екатеринославская, пензенская, тамбовская, воронежская, московская и обл. бессарабская. Къ пятой группѣ (болѣе 5 неурожаевъ): астраханская, самарская и пермская.

урожаи въ губерніяхъ: пензенской, симбирской и тамбовской, а въ 1862 году въ губерніяхъ: таврической и харьковской, и вотъ какъ они отразились на движеніи коэффициента смертности:

Губернія.	Сред. смерт. въ годъ неурожая.	Сред. смерт. въ годъ слѣдующій за неурож.	Сред. смерт. за 5-лѣтній періодъ.
Пензенская . . .	3,13	4,00	3,67
Симбирская . . .	3,70	4,47	3,71
Таврическая . . .	2,85	3,15	2,53
Тамбовская . . .	3,32	4,03	3,60
Харьковская . . .	3,62	4,31	3,82

Съ другой стороны, неурожай, бывшій въ 1859 г. въ нижегородской губерніи, повнсилъ смертность въ томъ-же году съ 4,3 до 4,91. Почему-же въ одномъ случаѣ смертность усиливается въ самый годъ неурожаявъ, въ другомъ—въ слѣдующіе года?

Проще всего было-бы объяснить это явленіе *размѣрами* неурожая: чѣмъ сильнѣе неурожай, тѣмъ скорѣе должно обнаружиться его роковое вліяніе на человѣческую жизнь и, наоборотъ, чѣмъ онъ слабѣе, тѣмъ позже наступаетъ голоданье. Однако, статистика не подтверждаетъ такого объясненія: она показываетъ, что нерѣдко самые сильные неурожай вызывали усиленную смертность только въ слѣдующемъ году, а самые слабые усиливали ее въ томъ-же самомъ году. Напримѣръ, неурожай въ таврической губ. въ 1862 г. былъ весьма сильнымъ неурожаемъ; сборъ хлѣба былъ въ 2½ раза ниже средняго, и тѣмъ не менѣе онъ, какъ мы видѣли, усилилъ смертность не въ томъ-же 1862 году, а только на слѣдующій 1863 годъ. Неурожай въ нижегородской губ. въ 1860 г. былъ менѣе значителенъ (сборъ хлѣба въ неурожайный годъ къ *среднему* сбору хлѣба относился какъ 2,75:4,14), и тѣмъ не менѣе его смертоносное вліяніе почувствовалось въ томъ-же самомъ году. То-же самое можно сказать о виленской и витебской губерніяхъ: бывшіе тамъ въ 1865 г. неурожай подняли въ томъ-же году коэффициентъ смертности; однако, своимъ разиѣромъ они уступали неурожаямъ, бывшимъ въ воронежской и таврической губерніяхъ (1862 г.) и вызвавшимъ усиленную смертность только въ слѣдующемъ году.

На основаніи этихъ данныхъ можно предполагать, что различіе во времени обнаруженія послѣдствій голода зависитъ часто отъ мѣстныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ причинъ, отъ количества

хлѣбныхъ запасовъ, оставшихся отъ предъидущаго года, отъ общаго состоянія здоровья населенія въ данной мѣстности, отъ ея близости къ торговому рынку, отъ разведенія такихъ растеній, которыя могутъ на нѣкоторое время служить суррогатомъ хлѣба, отъ большаго или меньшаго достатка ея жителей, отъ большей или меньшей исправности и дешевизны путей сообщенія и т. д., и т. д. Уловить и констатировать степень вліянія каждаго изъ этихъ обстоятельствъ, опредѣлить участіе, принимаемое имъ въ ускореніи или въ замедленіи послѣдствій голода, наша статистика, въ настоящее время, рѣшительно не можетъ, потому и на поставленный выше вопросъ она не въ состояніи дать никакого опредѣленнаго отвѣта.

Неурожайные годы, какъ давно уже извѣстно западно-европейской статистикѣ *), вліяютъ не только на увеличеніе смертности, но и на уменьшеніе браковъ. И замѣчательно, что это вліяніе точно также чаще обнаруживается не въ самый неурожайный годъ, а въ послѣдующій. Предлагаемая табличка, составленная по даннымъ русской статистики, весьма наглядно иллюстрируетъ этотъ фактъ. Она относится къ 28 губерніямъ; относительно остальныхъ у насъ или не имѣлось достаточныхъ свѣденій, или въ нихъ вліяніе неурожаевъ на браки настолько парализировалось другими вліяніями, что и уловить его совершенно невозможно. Впрочемъ, губерніи, въ которыхъ неурожай не вызвали пониженія коэффициента браковъ, составляютъ незначительное меньшинство **).

*) Лега въ цитированной выше статьѣ приводитъ для Франціи слѣдующія интересныя данныя:

Въ періодъ съ 1811—18 г. цѣна на гектолитръ пшеницы возросла до 34 фр. 34 с. (съ 19 фр. 61 с.—цѣна 1810 года)—число браковъ уменьшилось съ 232,943 (цифра браковъ 1810 г.) до 213,147. Во время дороговизны хлѣба, наступившей въ 1817—18 г., число браковъ уменьшилось съ 249,247 (цифра браковъ въ 1816 г.) до 209,610. Во время дороговизны 1846—47 г. число браковъ уменьшилось сравнительно съ 1845 г. (въ этомъ году число браковъ равнялось 283,238) на 24,272 (до 258,966). Наконецъ, дороговизна 1854 года уменьшила, по мнѣнію Лега, число браковъ на 11,000 (ib., стр. 18—21).

**): Изъ 50 губ. европейской Россіи только въ семи /коэффициентъ браковъ нисколько не понизился подъ вліяніемъ неурожая, именно: въ костромской, курляндской, новгородской, олонецкой, подольской, самарской и саратовской.

Губерніи.	Число браковъ въ неурож. г. на 100 жител. ¹⁾	Въ годъ, слѣдующій за неурожаемъ.	Средняя норма браковъ за пять лѣтъ 1859—65.
1) Архангельская	0,79	0,61	0,83
2) Астраханская	1,39	1,01	—
3) <i>Владимірская</i>	0,94	—	0,99
4) Волынская	1,38	0,96	1,10
5) Воронежская	1,19	1,14	1,17 ²⁾
6) Вятская	1,07	0,95	0,98
7) З. В. Донского	1,23	1,12	1,21
8) Казанская	0,98	0,93	1,01
9) Калужская	1,22	1,09	1,05
10) Курская	1,11	1,05	1,14
11) Лифляндская	—	0,96	0,98 ³⁾
12) Минская	—	1,12	1,22
13) Могилевская	0,94	0,87	1,00
14) Московская	1,12	0,95	0,91
15) Нижегородская	0,91	0,93	0,95
16) Орловская	1,00	1,05	1,08
17) Пензенская	0,93	1,06	1,11
18) Пермская	1,12	0,90	0,97 ⁴⁾
19) Полтавская	1,12	1,01	1,06 ⁵⁾
20) <i>Петербургская</i>	0,79	—	0,84
21) Рязанская	—	0,90	1,15
22) Симбирская	0,93	—	1,08

¹⁾ Неурожая относятся къ періоду съ 1859—1865 г. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ эти года было по два неурожая. Въ таблицѣ, для краткости, взяты только *одни неурожайный годъ*; данныя о другомъ неурожаѣ (въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ во взятый намъ періодъ было 2 неурожая) будутъ помѣщаемы въ выноски.

²⁾ Въ воронежской губерніи, кромѣ неурожая 1859 г. (о которомъ помѣщены данныя въ таблицѣ), былъ еще неурожай въ 1862 г. Въ этомъ году коэффициентъ браковъ=1,22, — въ слѣдующемъ—1,04.

³⁾ Въ лифляндской неурожай въ 1861; число браковъ=1,01; въ 1862—0,97.

⁴⁾ Въ пермской неурожай въ 1861 г.; число браковъ=1,10; въ слѣдующемъ 1862 году—0,92.

⁵⁾ Въ полтавской неурожай въ 1862 г.; число браковъ=1,10; въ слѣдующемъ 1863 г.—0,74.

23) Таврическая	1,93	0,84	1,04
24) Тамбовская	0,83	—	0,97
25) Тверская	1,14	1,00	—
26) Тульская	1,42	1,20	1,13
27) Харьковская	1,14	1,07	1,14
28) Ярославская	0,84	0,77	0,82
Среднее число	1,06	0,98	1,03

Изъ этой таблицы естественно вывести такое заключеніе: неурожай почти никогда или очень рѣдко понижаетъ число браковъ въ томъ-же году (только въ 6-ти, подчеркнутыхъ въ таблицѣ, губерніяхъ коэффициентъ браковъ уменьшился въ неурожайный годъ); напротивъ, въ неурожайный годъ браковъ иногда заключается даже болѣе, чѣмъ въ другіе года. Такъ, напримѣръ, въ губерніяхъ волынской, вятской, воронежской, калужской, пермской, полтавской, тульской, ярославской и московской въ годъ неурожая коэффициентъ браковъ превышаетъ на довольно значительную цифру среднюю норму браковъ, выведенную за пять лѣтъ. За то въ слѣдующій за неурожаемъ годъ коэффициентъ браковъ неизмѣнно понижается; и это пониженіе замѣчается гораздо чаще относительно браковъ, чѣмъ относительно смертей. Съ другой стороны, урожай возвышаетъ коэффициентъ браковъ, но опять-таки не въ самый урожайный годъ, а въ послѣдующій. Правда, вліяніе урожайныхъ лѣтъ далеко не такъ сильно отражается на статистикѣ движенія народонаселенія, какъ вліяніе неурожая, однако изъ таблицы, приводимой въ выносѣ *), читатель замѣтитъ, что оно все-

*) Приводимая здѣсь таблица составлена на основаніи тѣхъ-же данныхъ, какъ и таблица о вліяніи неурожая на браки, и относится къ тому-же періоду времени.

Названіе губерній.	Число браковъ въ урожайн. г. на 100 жител.	Число браковъ въ слѣд. годъ на 100 жител.	Среднее число браковъ за пять лѣтъ.
1) Архангельская	—	0,98	0,83
2) Бессарабія	0,73	0,98	0,91
3) Вологодская	—	0,84	0,79
4) Владимирская	1,01	1,09	0,99
5) Воронежская	—	1,19	1,17
6) Вятская	—	1,09	0,98

таки может подлежать статистической оцѣнкѣ и что цифры, въ которыхъ оно выражается, имѣютъ довольно точный и опредѣленный смыслъ. Боясь испещрять текстъ таблицами и цифрами, мы ограничимся здѣсь приведеніемъ лишь общихъ итоговъ; въ 22-хъ губерніяхъ приходилось, среднимъ числомъ, въ урожайный годъ 1,00 бр. на 100 жит., въ слѣдующій за урожайнымъ 1,13; а средній коэффициентъ браковъ за пятилѣтіе (съ 1859 — 65 г.) равняется 1,01. Слѣдовательно, въ урожайный годъ число браковъ было ниже средней нормы; только въ шести губерніяхъ возвышеніе коэффициента браковъ совпадало съ урожаемъ. Конечно, послѣ того, что мы знаемъ о вліяніи неурожая на браки, насъ несколько не можетъ удивлять увеличеніе ихъ не въ самый годъ урожая, а въ слѣдующій за нимъ; гораздо удивительнѣе то обстоятельство, что число браковъ въ урожайный годъ опускается ниже средней нормы. Что это: простая-ли случайность или какой-нибудь общій законъ, причины котораго намъ неизвѣстны? Данные русской статистики не даютъ никакихъ матеріаловъ для рѣшенія этого вопроса; данные западно-европейской статистики рѣшаютъ его въ слишкомъ общей формѣ: изъ нихъ мы узнаемъ только, что въ года дороговизны жизненныхъ припасовъ браки уменьшаются; въ года дешевизны хлѣба, въ года, слѣдующія за войнами, эпидеміями и т. п., — увеличиваются. Но *когда именно* наступаетъ это увеличеніе, но предшествуетъ-ли ему нѣкоторое пониженіе коэффициента браковъ и чѣмъ послѣднее обусловливается—обо всемъ этомъ мы

7) З. В. Донского	—	1,23	1,21
8) Екатеринославская	1,13	1,13	1,13
9) Киевская	0,90	1,13	1,00
10) Курляндская	0,88	0,92	0,88
11) Новгородская	0,92	—	0,85
12) Оренбургская	0,87	1,00	0,89
13) Орловская	1,14	—	1,08
14) Пермская	0,90	1,10	0,97
15) Полтавская	—	1,12	1,06
16) Псковская	1,00	—	0,98
17) Рязанская	1,13	—	1,15
18) Самарская	1,20	1,19	1,12
19) Симбирская	1,03	1,20	1,08
20) Тамбовская	1,02	—	0,97
21) Тверская	0,91	1,14	0,97
22) Херсонская	1,01	1,37	1,10
Среднее число	1,00	1,13	1,01

не можемъ вывести изъ нихъ никакихъ точныхъ заключеній, тѣмъ болѣе, что они имѣютъ въ виду не столько вліяніе урожайныхъ, сколько вліяніе неурожайныхъ лѣтъ; поэтому относительно второго мы находимъ въ западно-европейской статистикѣ весьма много драгоцѣнныхъ и поучительныхъ указаній, относительно-же перваго ея указанія и слишкомъ общи, и слишкомъ неполны.

Если урожай вліяютъ на увеличеніе числа браковъ, то не въ правѣ-ли мы ожидать, что они должны вліять и на уменьшеніе смертности? По всей вѣроятности (судя по даннымъ западно-европейской статистики), они и дѣйствительно имѣютъ это вліяніе, однако у насъ оно парализируется какими-то другими вліяніями и потому во многихъ губерніяхъ мы замѣчаемъ въ урожайные года не уменьшеніе, а, напротивъ, возвышеніе коэффициента смертности. Такъ, напримѣръ, въ архангельской губерніи были большіе урожаи въ 1858 и 1859 гг. *); можно было-бы думать, что цифра смертности понизится, а на самомъ дѣлѣ она возвысилась съ 2,88 (средняя годовая норма смертей въ періодъ 1859—65 г.) до 3,02 на 100 жит. (1859 г.). Въ Бессарабіи въ урожайный 1860 годъ смертность равнялась 2,74 на 100 жит., тогда какъ средняя норма за пять лѣтъ не превышала 2,60. Въ воронежской губерніи урожай въ 1863 г.,—въ томъ-же году на 100 жит. умерло 4,30, а средній коэффициентъ смертности равнялся только 4,00. Въ сибирской урожай въ 1860 г.,—смертность въ этомъ году равнялась 4,47 на 100, а средняя смертность въ періодъ 1859—1865 гг. не превышала 3,80. Въ тотъ-же періодъ были весьма значительныя урожаи въ губерніяхъ астраханской, владимірской, екатеринославской, курляндской, новгородской и пр.; коэффициентъ смертей въ урожайный годъ почти равнялся среднему коэффициенту за все пятилѣтіе. Въ послѣдующій годъ тоже не замѣчалось никакого замѣтнаго уменьшенія смертности.

Весьма трудно сколько-нибудь удовлетворительно объяснить всѣ эти факты; впрочемъ, это и не дѣло статистики: она лишь констатируетъ извѣстныя соотношенія, опредѣляетъ степень ихъ постоянства, а разъясненіе ихъ смысла, вызвавшихъ ихъ причинъ и т. д., она предоставляетъ заботамъ другихъ общественныхъ и антропологическихъ наукъ.

*) Мы беремъ наименьшіе урожаи въ періодъ 1858—65 годовъ.

Въ заключеніе сгруппируемъ тѣ общіе выводы, къ которымъ привелъ насъ анализъ вліяній разсмотрѣнныхъ здѣсь общественныхъ условій на движеніе народонаселенія.

Во-первыхъ, ни густота населенія, ни *среднее*, относительное количество хлѣба, производимаго данною мѣстностью, ни средній урожай ея полей, не оказываютъ никакого осязательнаго вліянія на смертность, браки и рожденія населенія.

Во-вторыхъ, отклоненія отъ средней нормы урожая, какъ вверхъ, такъ и внизъ, вызываютъ измѣненія въ обычномъ, установившемся порядкѣ движенія народонаселенія.

Въ-третьихъ, особенно существенныя и наиболѣе замѣтныя измѣненія вызываются отклоненіями этой средней нормы внизъ: неурожайные годы *постоянно* усиливаютъ смертность и уменьшаютъ число браковъ, а слѣдовательно и число рожденій. Смертность усиливается и браки уменьшаются *обыкновенно* (но не всегда) не въ самый годъ неурожая, а въ послѣдующій.

Въ-четвертыхъ, отклоненіе ея вверхъ *почти постоянно* сопровождается незначительнымъ увеличеніемъ браковъ, при чемъ это увеличеніе *обыкновенно* обнаруживается не въ самый урожайный годъ, а также только въ послѣдующій. Но между урожаемъ съ одной стороны и уменьшеніемъ числа смертей съ другой никакого постояннаго соотношенія не существуетъ и нерѣдко на урожайные годы падаетъ наивысшій коэффициентъ смертности.

Ионовъ.

ВАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Р О М А Н Ъ

Фридриха Герштекера.

I.

ОХОТА НА ЧЕЛОВКА.

— Ату, ату его! Эй вы, псы! За нимъ, за нимъ! Вотъ такъ, Буль! Ищи его, дружище! Хорошо, Ниггеръ! Догоняй его, мой песь! Не выпускай добычи! Каналья, должно быть, недалеко. Дженльтмены, — онъ здѣсь, кажется, бѣжалъ зигзагами, чтобы сбить насъ съ толку. Это хорошій знакъ. Черезъ часъ онъ будетъ въ нашихъ рукахъ.

— Вы такъ полагаете, Шерардъ? воскликнулъ молодой чело-вѣкъ въ широкополой панамѣ, держа въ рукѣ большой бичъ и затѣнувъ за поясъ два револьвера съ рукоятками изъ слоновой кости; онъ подогналъ свою гнѣдую лошадь и поѣхалъ рядомъ съ тѣмъ, кого онъ назвалъ Шерардомъ. — Если вы говорите правду, я готовъ прибавить вамъ еще десять долларовъ.

— Не бойтесь, мистеръ Гарперъ, улыбнулся первый изъ всадниковъ, нисколько непоходившій въ сущности на южнаго плантатора и по своему виду и выговору напоминавшій скорѣе жителя сѣвера. — Я думаю, мы сейчасъ его настигнемъ. Вотъ Ниггеръ появился снова. Божусь, что онъ свернулъ вправо.

— Но собаки, повидимому, снова потеряли слѣдъ! воскликнулъ молодой Гарперъ, пристально всматриваясь въ землю, точно онъ самъ былъ въ состояніи различить на ней слѣды.

— Стойте, дженльтмены, стойте! крикнулъ янки, поднимая

руку и стараясь остановить четверыхъ или пятерыхъ всадниковъ, подѣхавшихъ къ нему и, очевидно, принадлежавшихъ къ одной компаніи.—Мы не должны ѣхать далѣе или мы собьемъ съ толку собакъ. Одна минута терпѣнія и онѣ снова нападутъ на слѣдъ.

Были-ли это охотники? Ни у одного не было ружья или тому подобнаго оружія; самыя собаки не принадлежали собственно къ числу охотничьихъ собакъ, какія употребляются въ этой мѣстности при травлѣ; онѣ скорѣе походили на простыхъ нѣмецкихъ гладкошерстныхъ лягавыхъ собакъ, только съ болѣе густою шерстью, съ болѣе длинными ногами и съ болѣе тупыми мордами, какъ у бульдоговъ. Одна изъ нихъ носила названіе Ниггера—ругательное имя, которымъ называютъ негровъ; она была совершенно черная, съ небольшимъ бѣлымъ пятномъ на лбу и съ бѣлою переднею лапой. Другую собаку звали Буль; она была коричневаго цвѣта съ черными пятнами и, по странной случайности, тоже имѣла отмѣтку на передней ногѣ. Съ перваго взгляда было видно, что это дикія животныя; ихъ налитые кровью глаза сверкали злобой, когда онѣ, нетерпѣливо и жадно отыскивая добычу, встрѣчались одна съ другою на дорогѣ и показывали другъ другу болѣе острые зубы, чѣмъ вьлки волка.

Собаки пробѣжали еще немного въ правую сторону, но все-таки не напали на слѣдъ, который снова повернулъ въ другую сторону. Въ это время раздался голосъ одного изъ самыхъ богатыхъ мѣстныхъ плантаторовъ, присутствовавшего также на травлѣ:

— Эй, мистеръ Шерардъ, посмотрите-ка сюда на висячую вѣтку винограда: мошенникъ пробѣжалъ здѣсь и захватилъ часть виноградной кисти; вѣроятно, онъ бросился отсюда въ другую сторону. Ваши псы совсѣмъ сбились съ толку.

— Помилуй-богъ! Очень можетъ быть, крикнулъ янки, осматривая указанное мѣсто.

— Такъ позовите-же назадъ вашихъ собакъ и направьте ихъ въ ту сторону; мы и такъ теряемъ много времени, а если онъ достигнетъ рѣки, намъ тогда придется спокойно воротиться домой.

Но собаки воротились сами; онѣ обѣ обнюхали всю мѣстность и вполне убѣдились, что въ той сторонѣ не было далѣе никакихъ слѣдовъ; но едва сдѣлали они шаговъ двадцать въ другомъ направленіи, какъ одна изъ нихъ, Ниггеръ, слегка зарычала и уткнулась носомъ въ землю.

— Ату, ату его! Лови его живѣе, мой песь! крикнулъ янки, поднимаясь въ сѣдлѣ.—Ату, ату его! продолжалъ онъ звонкимъ голосомъ, далеко разносившимся по лѣсу.—Теперь онъ у насъ въ рукахъ, джентльмены! Впередь!.. Ату его, мой вѣрные псы!

Онъ пришпорилъ своего коня и, сопровождаемый всей компаніей, понесся быстро за удаляющимися собаками.

А лѣсъ Георгіи, одного изъ южныхъ штатовъ, еще воевавшихъ въ то время съ сѣверной Америкой, дышалъ въ эту пору всей прелестью осенняго освѣщенія и, казалось, былъ такъ тихъ и безмятеженъ, какъ-будто тамъ, на Сѣверѣ, и не свирѣпствовала война, охватившая всю страну и гремѣвшая среди облитыхъ кровью горъ страшнымъ эхомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Мѣстность, гдѣ происходило дѣло, представляла плоскій склонъ, все понижавшійся по мѣрѣ приближенія его къ берегу одной изъ рѣкъ саванны; на юго-востокѣ, близъ моря, этотъ склонъ превращался въ широкое болото, здѣсь-же почва была суха и мѣстность представляла все величіе полутропической природы, несмотря на позднее время года,—дѣло было въ декабрѣ 1863 года,—и лѣсъ, состоявшій изъ вѣчно-зеленыхъ магнолій, сверкалъ всею прелестью весны.

На далекое пространство тянулись эти роскошныя растенія со своими серебристо-сѣрыми стволами, и хотя они теперь не были покрыты величественными, душистыми бѣлыми цвѣтами, за то на ихъ вѣтвяхъ висѣли плоды, похожіе по формѣ на еловые шишки, съ своими выглядывавшими наружу пурпурно-красными зернами; мясистые, блестящіе зеленые листья придавали деревьямъ привлекательный видъ, а между деревьями прихотливыми фестонами висѣлъ серебристо-сѣрый мохъ, извѣстный подъ названіемъ „испанской бороды“, и наполнялъ порою вершины деревьевъ, такъ что между ихъ вѣтвями едва могли проникать на землю лучи утренняго солнца.

Сильныя вьющіяся растенія тянулись до этихъ вершинъ и висѣли разнообразными узорами, перебѣгая отъ одного дерева къ другому; почва была покрыта мелкими кустарниками, среди которыхъ то тутъ, то тамъ, на низменныхъ мѣстахъ ярко вырисовывались, похожіе на опахала, листья небольшихъ пальмъ.

Въ лѣсу царствовала невозмутимая тишина; только порою то тутъ, то тамъ проносилась по сухимъ, разбѣяннымъ по землѣ

сучьямъ небольшая векша или голубоватая соя передразнивала крикъ сокола, высоко промосившагоса въ воздухѣ.

Среди этого затишья внезапно послышались похожіе на скачки, тяжелые шаги и изъ густого лѣса появился исполненный страха и ужаса человѣкъ съ темнымъ лицомъ, принявшимъ теперь цвѣтъ темносѣрой зола, —человѣкъ, котораго травили и который не былъ виноватъ ни въ чемъ, кромѣ того, что у него была черная, а не бѣлая кожа. Это былъ мужчина лѣтъ сорока, не чистокровный негръ съ приплюснутымъ носомъ и толстыми губами, но мулатъ, —дѣйствительно, съ довольно темной кожей, но въ то-же время съ довольно осмысленнымъ выраженіемъ лица, искаженнаго теперь ужасомъ и страхомъ передъ приближающейся смертью.

Повидимому, это былъ сильный, мускулистый человѣкъ, но послѣ сверхъестественныхъ усилій онъ такъ ослабѣлъ, что оперся одною рукою о стволъ одной изъ магнолій, чтобы отдохнуть хоть минуту и перевести духъ. Повуда его мускулы и ноги были въ движеніи, возбужденіе давало ему возможность совершать почти нечеловѣческія усилія и ноги принуждены были дѣлать свое дѣло. Теперь-же, когда имъ былъ данъ на нѣсколько мгновеній отдыхъ, онъ ослабѣли и преслѣдуемый почти безъ сознанія опустился на землю у ствола дерева, въ которому онъ прислонился.

Онъ пролежалъ съ четверть часа; его усталая грудь начала дышать нѣсколько спокойнѣе и онъ смочилъ сухія губы нѣсколькими каплями воды, скопившейся на обломкѣ древесной коры послѣ недавняго дождя. Но вотъ онъ снова вскопчилъ въ испугъ; его налитые кровью глаза съ ужасомъ обратились въ ту сторону, откуда онъ прибѣжалъ; съ минуту въ тягостномъ напряженіи онъ прислушивался въ малѣйшему шуму, потомъ вдругъ быстро и со страхомъ повернулъ голову, услышавъ, что въ сосѣднемъ кустѣ что-то шевельнулось: то была небольшая ящерица, мелькнувшая, какъ молнія, между корнями деревъ и снова скрывшаяся въ зелени. Но вотъ еще пронесся медленный, недалеко раздавшійся звукъ...

— О, Господи! простоналъ несчастный мулатъ и на минуту закрылъ лицо руками, —но только на минуту, такъ-какъ по лѣсу пронесся тотъ-же звукъ, леденившій кровь въ сердцѣ этого человѣка.

Вскочивъ съ земли, бѣглець снова понесся въ дикой тревогѣ въ лѣсную чащу.

Лѣсъ опять утихъ, какъ прежде: сверчокъ чирикалъ въ деревьяхъ, кричала соя и падали на сухую землю съ вершины орѣшника скорлупки орѣховъ, сорванныхъ и разгрызенныхъ векшей. Но среди лѣса все яснѣе и яснѣе становились человѣческіе голоса; уже можно было ясно различить звуки: „ату его!“, издаваемые преслѣдователями; прошло еще нѣсколько минутъ и можно было ясно слышать жадный визгъ пошавшихъ на слѣдъ кровожадныхъ собакъ.

Вдругъ затрещали и начали ломаться сучья кустовъ; соя бросилась куда-то въ сторону и издала свой предостерегательный крикъ; векша перестала грызть орѣхи и съ удивленіемъ прислушивалась къ чуждымъ ей звукамъ; изъ чащи лѣса между тѣмъ выбѣжали собаки, уткнувъ въ землю свои тупыя морды. Онѣ добѣжали до дерева, подъ которымъ лежалъ мулатъ, и внезапно остановились: слѣдъ былъ слишкомъ свѣжъ и горячъ и псы начали рыть землю, точно подъ нею была ихъ жертва.

За ними слѣдомъ скакали всадники.

— Что это, крикнулъ Гарперъ, поднимаясь на сѣдлѣ, — ужъ не влѣзъ-ли мерзавецъ на дерево?

Янки покачалъ головой.

— Нѣтъ, промолвилъ онъ, — онъ только лежалъ здѣсь, въ кустахъ; я думаю, онъ усталъ и только-что успѣлъ вскочить, услышавъ издали, что мы скачемъ. Теперь онъ скоро будетъ въ нашихъ рукахъ, джентльмены: я ручаюсь, что это будетъ черезъ четверть часа. Теперь онъ не въ состояніи достигнуть рѣки прежде, чѣмъ мы схватимъ его за горло. Ату его! Впередъ, мои вѣрные псы! Ату!

Покуда Ниггеръ съ видимой жадностью втягивалъ горячій запахъ, оставленный негромъ, Буль успѣлъ уже обѣжать дерево и быстро снова напалъ на слѣдъ; едва онъ успѣлъ издать первый радостный визгъ, какъ Ниггеръ уже бросился слѣдомъ за нимъ. Онѣ понеслись впередъ, а за ними съ торжествующими, звонкими криками неслись всадники-палачи.

Травля дѣйствительно продолжалась недолго. Человѣкъ, преслѣдуемый какъ дикій звѣрь, не могъ далеко убѣжать отъ быстрыхъ коней преслѣдователей, хотя онъ и старался, при каждомъ

удобномъ случаѣ, дѣлать прыжки въ сторону, чтобы этимъ, хотя на-время, сбить съ толку кровожадныхъ собакъ. Но послѣ двухъ-трехъ ошибокъ тѣ снова нападали на слѣдъ, и чѣмъ горячѣе становился онъ, тѣмъ яростнѣе бросались впередъ разсвирѣпѣвшія животныя.

— Если собаки догонятъ его, промолвилъ молодой Гарперъ, галопировавшій рядомъ съ пожилымъ мистеромъ Тайльгровомъ и Шерардомъ, — то намъ ничего не останется отъ него: собаки разорвутъ его на клочки.

— „Живого или мертваго“, гласить условіе, джентльмень, проговорилъ янки, занимавшійся въ южныхъ штатахъ сначала торговлею неграми, то-есть розничною продажей рабовъ, а теперь, когда дѣла пошли хуже прежняго, державшій съ полдюжины настоящихъ охотничьихъ собакъ. На негровъ теперь нельзя было полагаться и потому было не худо по-возможности скорѣе противодѣйствовать каждой ихъ попыткѣ къ бѣгству.

— „Живого или мертваго“! съ хохотомъ воскликнулъ Гарперъ. — Конечно, Шерардъ, такъ гласить условіе и такъ оно и будетъ; неужели вы думаете, что я забочусь объ этомъ черномазомъ?

— Это свободный негръ, серьезно замѣтилъ Тайльгровъ, — и ему вообще было нечего дѣлать въ нашемъ округѣ; если его не станеть, то отъ этого никому не будетъ убытка, кромѣ его самого. Но что сдѣлалось съ собаками? Не потеряли-ли онѣ снова слѣда?

— Онѣ сдѣлались медѣе самоувѣренными, отвѣчалъ Шерардъ, нагнавшій собакъ. — Что случилось, Ниггеръ? Что съ вами, бестія? Буль, иси! Ищи, ищи, мой вѣрный песъ! Тебѣ тоже достанется лакомый кусокъ.

Но собаки, повидимому, снова потеряли слѣдъ и Шерардъ далъ рукою знакъ своимъ спутникамъ, отставшимъ отъ него, чтобы они не приближались и не помѣшали еще болѣе собакамъ, потерявшимъ прежнюю увѣренность. Вдругъ Ниггеръ поднялся на заднія лапы, уперся передними въ стволъ дерева и потянулъ въ себя воздухъ; въ ту-же минуту раздался крикъ подскакавшихъ всадниковъ.

— Вонъ онъ! Вонъ онъ наверху! Нір, нір, нір, нигга! Каналья у насъ въ рукахъ!

Въ одно мгновеніе всадники осадили лошадей и окружили на

нѣкоторомъ разстояніи дерево, чтобы яснѣе осмотрѣть его вершину. Прошло немного времени, какъ они рассмотрѣли среди верхушки дикаго тутоваго дерева темную, скорчившуюся фигуру мулата. Стволя дерева былъ довольно толстъ и даже молодому, неутомленному человѣку было-бы нелегко настолько влѣзть на него, чтобы добраться до перваго сучка. Но рядомъ съ этимъ деревомъ стояло другое, невысокое деревцо, надъ верхушкой котораго непосредственно простиралась одна изъ вѣтвей тутоваго дерева; но не только при помощи этого деревца легко было забраться на тутовое дерево, — вѣрнымъ пособіемъ могла служить и лоза, тутъ-же спускавшаяся на землю. Этими вспомогательными средствами должно быть воспользовался смертельно утомленный бѣглець, чтобы взобраться на дерево и, по крайней мѣрѣ, избѣжать непосредственной встрѣчи съ страшными псами. О бѣгствѣ отъ самихъ преслѣдователей нечего было уже и думать. Приходилось покориться судьбѣ и — справедливому наказанію. Ему было вполне ясно, что ему, негру, нечего ждать состраданія и пощады отъ бѣлыхъ, озлобленныхъ и бѣшенствующихъ вслѣдствіе войны съ сѣверными штатами и вслѣдствіе недавняго провозглашенія свободы негровъ, грозившаго раззорить все ихъ состояніе и лишить ихъ собственности. Была минута, когда, смертельно измученный, едва имѣющій силы держаться за сучья, онъ подумалъ, не лучше-ли изойти кровью подъ острыми зубами кровожадныхъ животныхъ, чѣмъ допустить этихъ людей медленно протащить его до висѣлицы. Но вѣдь это было, по крайней мѣрѣ, *минутное* спасеніе, а кто-же настолько не привязанъ къ жизни, чтобы не стараться изо всѣхъ силъ какъ можно долѣе отсрочить часъ своей смерти?

— Ага, молодецъ! крикнулъ Тайльгровъ, вытащивъ свой револьверъ и прицѣливаясь въ бѣглеца, — не хочешь-ли, чтобы я тебя сбилъ съ верху, какъ лѣснаго трухтана, или тебѣ угодно будетъ добровольно сойти внизъ и покориться своей судьбѣ? Ты видишь, что тебѣ уже не уйти и что сопротивление бесполезно.

— О, масса, масса! молилъ несчастный съ вершины дерева слабымъ, надорваннымъ голосомъ. — Что-же я сдѣлалъ такого? за что вы меня травите здѣсь въ лѣсу собаками, какъ-будто я убилъ человѣка? Что-же я сдѣлалъ, чѣмъ я согрѣшилъ?

— Чѣмъ ты согрѣшилъ, любезный? крикнулъ молодой Гар-

перъ, стоявшій подъ деревомъ тоже съ поднятымъ револьверомъ. — А развѣ ты не проповѣдывалъ возмущенія среди нашихъ негровъ въ Бельвилѣ? развѣ ты имъ не рассказывалъ, что они свободны и могутъ дѣлать, что имъ угодно, то-есть и убивать ихъ прежнихъ господъ, и грабить господскія плантаціи?

— О, нѣтъ, нѣтъ масса! воскликнулъ въ ужасѣ мулатъ. — Проповѣдывалъ я имъ вчера, въ святое воскресеніе, но проповѣдывалъ только добрыя слова. Я говорилъ имъ, что бѣлые люди на сѣверѣ объявили о томъ, что они должны быть свободны.

— А, вотъ видишь-ли, мошенникъ! крикнулъ Тайльгровъ съ яростью. — И ты еще спрашиваешь, что ты сдѣлалъ!

— Но я убѣждалъ ихъ, масса, чтобы они выжидали спокойно и послушно исполняли свою работу, покуда свобода не сдѣлается законною въ странѣ.

— Ты лжешь это, мерзавецъ! кричалъ молодой Гарперъ. — Ты говорилъ, что ихъ никто не смѣетъ принудить къ даровой работѣ.

— Но я говорилъ, масса, что, несмотря на это, они должны дѣлать эту работу, отвѣчалъ бѣднякъ въ смертельномъ страхѣ; — я говорилъ, что не слѣдуетъ подавать поводовъ къ жалобамъ и нужно жить въ мирѣ съ ихъ бывшими господами.

— Очень намъ нужно тебя, ничтожная дрянь, для того, чтобы возмущать противъ насъ нашихъ людей и чтобы имъ рассказывать разные вздоры и небылицы! проговорилъ одинъ изъ плантаторовъ. — Что намъ за дѣло до того, что приказываютъ тамъ на сѣверѣ мошенники-янки! Да будетъ проклятъ каждый негръ, отказывающійся повиноваться; его повѣсятъ на первомъ попавшемся деревѣ, а такія-то каналы, какъ ты, только того и хотятъ, чтобы возмутить нашихъ людей.

— О, масса, масса! молилъ несчастный. — Я не желалъ зла, я думалъ, что я дѣлаю доброе дѣло. Я говорилъ и вамъ о милосердомъ Творцѣ, столько лѣтъ терпѣвшемъ рабство; я убѣждалъ и васъ не противиться его волѣ и не поднимать преступной руки противъ него.

— Долой, мерзавецъ! крикнулъ Тайльгровъ, снова поднимая револьверъ. — Или я тебя собью оттуда, какъ паршиваго енота.

Какъ только мулатъ издалъ первый звукъ, собаки начали въ дикой, но, конечно, безплодной ярости бросаться на дерево;

теперь онѣ скребли кору, кусали въ бѣшенствѣ корки и вполнѣ ясно показывали, какъ онѣ поступать съ преслѣдуемымъ, когда онѣ попадется имъ на зубы.

— О, масса, молили мулатъ, — я сойду внизъ, я не стану противиться, но уведите сначала этихъ ужасныхъ собакъ.

По лицу Тайльгрова скользнула презрительная усмѣшка; заткнувъ за поясъ револьверъ, онѣ промолвилъ:

— Мы должны доставить молодца въ Бельвилъ живымъ. Привяжите своихъ собакъ, Шерардъ, или они разорвутъ его въ клочья и мы лишимся удовольствія видѣть его повѣшеннымъ.

— Такъ намъ еще придется таскаться съ этой бестіей? воскликнулъ Ургуардъ, одинъ изъ плантаторовъ.

— Уже ради примѣра для прочихъ рабовъ, отвѣтилъ Тайльгровъ: — если они увидятъ его повѣшеннымъ передъ ихъ глазами, то это произведетъ на нихъ гораздо больше впечатлѣнія, чѣмъ наша расправа съ нимъ здѣсь, въ лѣсу, которая совершится безъ нихъ и которой они могутъ не повѣрить.

— Теперь будетъ нелегко сдержатъ собакъ, замѣтилъ Шерардъ: — мы натравили и разгорячили ихъ и если теперь оставить ихъ на волѣ, то въ другой разъ онѣ будутъ еще горячѣе преслѣдовать бѣглецовъ.

— Это не касается насъ, мистеръ Шерардъ, мрачно промолвилъ Тайльгровъ, — мы выѣхали сюда и платимъ вамъ не ради дрессировки вашихъ собакъ, и мы будемъ дѣйствовать такъ, какъ велятъ намъ наши личныя выгоды, а эти выгоды заставляютъ насъ доставить молодца въ Бельвилъ живымъ. Если-бы собаки нагнали его въ открытомъ лѣсу и разорвали на части, тогда, конечно, было-бы нечего толковать и мы удовольствовались-бы однимъ трупомъ, но теперь будетъ лучше взять его живымъ, и потому прошу васъ попридержатъ вашихъ собакъ.

Эта просьба была высказана такимъ повелительнымъ тономъ, что возраженія были невозможны. Шерардъ, со злобой стиснувъ зубы, очень хорошо понималъ, что надменные плантаторы смотрятъ на него съ презрѣніемъ и что никому изъ нихъ не пришло-бы въ голову, напримѣръ, пригласить его въ свой домъ или допустить къ обѣду. Имъ пользовались только тогда, когда онѣ былъ необходимъ, — впрочемъ, и онѣ руководствовался тѣми-же правилами. Что за дѣло было ему до этого гордаго, чваннаго,

„аристократическаго сброда“, какъ онъ называлъ ихъ? Развѣ въ этомъ сбродѣ было хоть на грошъ республиканскаго духа? Они болѣе всего желали себѣ какого-нибудь подходящаго диктатора, который защищалъ-бы ихъ привилегіи. Но Шерардъ пользовался ими для своихъ цѣлей: онъ могъ зарабатывать отъ нихъ деньги, и именно теперь обстоятельства были не настолько благопріятны, чтобы можно было пренебрегать этими людьми.

Правда, онъ помедлилъ еще съ минуту, но повиноваться все-таки было необходимо; наконецъ, онъ медленно слѣзъ со своей покрытой бѣлою пѣной лошади, перебросилъ поводья черезъ вѣтви одного изъ кустовъ, отвязалъ отъ сѣдла веревку и постарался привязать собакъ, что было далеко не легкимъ дѣломъ. Животныя находились въ сильнѣйшемъ возбужденіи и ярости; они видѣли наверху, среди вѣтвей, свою добычу и очень хорошо знали, что она должна спуститься внизъ, такъ-какъ имъ уже не разъ представлялся случай гоняться за подобными несчастными жертвами. Они также очень хорошо знали эти веревки съ ошейниками, и когда Шерардъ попробовалъ приблизиться къ Ниггеру, Ниггеръ обернулся къ хозяину и оскалилъ зубы, принявъ угрожающее положеніе; налившіеся кровью, злые глаза сверкнули на хозяина зловѣщимъ огнемъ.

Шерардъ обратился къ другой собакѣ и ему удалось, наконецъ, крѣпко привязать на веревку нѣсколько флегматичнаго Буля. Но Ниггеръ все еще не поддавался и янки принужденъ былъ сначала сѣсть на лошадь и нѣсколько отъѣхать вмѣстѣ съ Булемъ, за которымъ, наконецъ, послѣдовалъ и Ниггеръ, все еще бросая жадные взгляды на дерево. Только за нѣсколько шаговъ въ лѣсу, вдали отъ добычи, Шерарду удалось привязать и Ниггера, что было крайне небезопасно.

Мулатъ между тѣмъ все еще не рѣшался сойти внизъ, боясь, что собаки могутъ вернуться. Наконецъ Тайлыгровъ потерялъ терпѣніе и принудилъ несчастнаго негра, невидѣвшаго спасенія въ рукахъ безжалостныхъ враговъ, сойти при помощи одной лозы на землю, гдѣ негръ и былъ схваченъ двумя сошедшими съ коней преслѣдователями, которые связали ему за спиной руки и повели его между двухъ лошадей въ обратный путь.

Собаки рвались, почувавъ по вѣтру снова запахъ добычи, и Шерардъ едва-ли-бы усидѣлъ въ сѣдлѣ, сдерживая сильныхъ

животныхъ, если-бы онъ не прикрѣпилъ веревки изъ предосторожности къ своему сѣдлу. Такимъ образомъ, лошади пришлось тоже дѣлать усиліе и собаки не могли отойти ни на шагъ отъ нея.

На-время мулатъ былъ въ безопасности, но только на-время, такъ-какъ онъ зналъ, что ждетъ его въ Бельвилѣ передъ судомъ присяжныхъ изъ рабовладѣльцевъ. Что за дѣло было этимъ господамъ южанамъ до человѣческой жизни, когда въ вопросѣ о невольничествѣ заключалось все ихъ существованіе, когда вся ихъ собственность ставилась на карту, и, въ особенности, что было имъ за дѣло до жизни чернокожаго или происходящаго отъ чернокожихъ человѣка? О немъ не стоило и говорить, о немъ не стоило и думать, тѣмъ болѣе, что у него не было прямого господина, который понесъ-бы съ его смертью денежные убытки,—не даромъ-же у него была вольная и свидѣтельство, что онъ при помощи посторонней прилежной работы успѣлъ откупиться на волю!

II.

Въ Бельвилѣ.

Бельвилъ былъ однимъ изъ привлекательнѣйшихъ, небольшихъ городовъ на югѣ Георгіи и, смотря на него издали, можно было, пожалуй, счесть его за довольно значительный городъ, судя по числу строеній. Но все-таки онъ состоялъ изъ немногихъ жилищъ „бѣлыхъ“ жителей, около которыхъ, конечно, тѣснилось не мало лачугъ негровъ. Эти лачуги, вмѣстѣ съ сахарными заводами, бумагопрядильными фабриками, отелемъ, ратушею, аптекою и нѣсколькими частными домами, занимали немало мѣста.

Зданіе ратуши или такъ-называемаго „куртгауза“ составляло центръ; плотно къ нему прилежала тюрьма и тутъ-же виднѣлся широкій, зеленый, но заброшенный лужокъ, заросшій отдѣльнымъ, высокими кустами ялапы, скорѣе засорявшимися, чѣмъ украшавшими этотъ лужокъ.

Отель былъ довольно приличенъ на видъ и, естественно, посѣщался только исключительно „бѣлыми“; въ сущности, онъ служилъ мѣстомъ сборовъ только для аристократіи города, такъ-

какъ немногіе бѣлые поселенцы, перешедшіе сюда отчасти съ сѣвера, занимали второстепенное мѣсто среди гордыхъ плантаторовъ и встрѣчались недружелюбно или просто отстранялись во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ собирались аристократы. Особенно сильно презирали господа юга рабочій классъ, какого-бы цвѣта ни была его кожа, и признавали между бѣлыми и черными рабочими только то отличіе, что черные рабы были „собственностью“, а бѣлые, къ несчастію, не могли быть собственностью.

Непосредственно къ Бельвилю примыкали три значительныя плантаціи и окружали весь городъ своими полями съ хлопкомъ и сахарнымъ тростникомъ, среди которыхъ находились опять-таки многочисленныя фабрики и машины. Жилыя строенія или, лучше сказать, господскіе дома были построены такъ, что ихъ великолѣпныя и обширныя сады отдѣляли ихъ совершенно отъ крайнихъ строеній города и потому эти дома совершенно терялись въ зелени, представляя возможность обозрѣвать изъ оконъ и поля и хижины негровъ.

Эти дома въ южной части Соединенныхъ Штатовъ почти всегда строятся по одному, очень красивому, образцу и рѣдко бываютъ чрезмѣрно велики; они даютъ возможность удобно помѣститься только одной семьѣ и, кромѣ того, всегда располагаютъ парой свободныхъ комнатъ для пріѣзжихъ, такъ-какъ гостепріимство, конечно, между равными, царствуетъ здѣсь вездѣ.

Работникъ, даже фермеръ, даже изъ бѣлыхъ никогда не былъ-бы принятъ здѣсь до тѣхъ поръ, покуда онъ самъ идетъ за своимъ плугомъ. Если у него были уже рабы—тогда другое дѣло; вообще-же извѣстнаго количества тѣловъ хлопка, находящагося въ распоряженіи человѣка, всегда давало право на входъ въ общество. Эти господа называли себя республиканцами, но въ сущности между ними почти не было республиканцевъ.

Домъ мистера Тайльгрова, одного изъ богатѣйшихъ плантаторовъ мѣстечка, находился при самомъ входѣ въ городъ, если подѣзжать къ городу съ сѣверо-восточной стороны. Прежде всего къ городу вела дорога, лежавшая между двумя плетнями сахарныхъ и хлопчатныхъ полей; болѣе чѣмъ на одну англійскую милю здѣсь не было ни малѣйшей тѣни; первый признакъ тѣни давалъ обширный, находившійся на сѣверной сторонѣ, расадникъ апельсиновыхъ деревьевъ, за которымъ расположилось селеніе негровъ. Здѣсь

помѣщались небольшіе, по наружности довольно удобные для жилья домики; каждый изъ нихъ былъ окруженъ миниатюрнымъ садомъ, хорошо обработаннымъ и имѣвшимъ не только овощи и плоды, но и цвѣты; этихъ домиковъ было до двадцати; всѣ они составляли правильный четырехугольникъ и были раздѣлены тремя правильными улицами.

За жилищами негровъ шла опять узкая полоса сада, принадлежавшаго къ господскому дому; здѣсь были небольшіе боскеты низко-подрѣзанныхъ апельсиновыхъ, гранатовыхъ и персиковыхъ растений; далѣе находилось само господское жилище, примыкавшее почти вплотъ къ главной дорогѣ и отдѣленное отъ нея только четырьмя широко-разросшимися, гигантскими хинными деревьями, сквозь вѣтви которыхъ легко можно было рассмотреть все, что дѣлалось на дорогѣ. Лѣтомъ эти деревья давали сильную тѣнь и украшались лиловыми цвѣтами, висѣвшими кистями и распротранявшими сладкій аромать. Теперь, въ позднюю осень, листья деревьевъ осыпались, ихъ вѣтви стали голы и только кисти круглыхъ, желтоватыхъ ягодъ висѣли на нихъ то тутъ, то тамъ, придавая удивительный видъ вершинамъ деревьевъ, сквозь которыя можно было вполнѣ рассмотреть фасадъ дома. Это было, по обыкновенію, деревянное зданіе, выкрашенное свѣтлою краскою, съ зелеными жалюзи. Направо и налево возвышались трубы отъ каминовъ; передъ домою была галлерей, надъ которой находился балконъ, защищенный выдающейся крышей дома.

Здѣсь были жилья комнаты женщинъ, и трудно было вообразить болѣе привлекательное помѣщеніе.

Несмотря на позднее время года, солнце въ этой южной мѣстности свѣтило еще довольно ярко, но здѣсь, на балконѣ, было достаточно много тѣни, такъ-какъ балконъ былъ уставленъ роскошными комнатными растеніями и, кромѣ того, всѣ его столбы обвивались лианами. Здѣсь были привѣшены двѣ красивыя койки; въ одной изъ нихъ лежала прекрасная, какъ изваяніе, молодая дѣвушка лѣтъ шестнадцати; въ другой помѣщалась ея мать — женщина, выглядѣвшая почти не старше своей дочери и имѣвшая на самомъ дѣлѣ не болѣе тридцати-трехъ лѣтъ. Около каждой изъ женщинъ стояло по одной дѣвчкѣ-негритянкѣ; обѣ дѣвочки, почти еще дѣти, держали по опахалу изъ павлиньихъ перьевъ и махали надъ господами, освѣжая воздухъ. Была, какъ

мы сказали, осень, но солнце палило еще очень сильно, а тамъ, на поляхъ, толпы негровъ собирали нѣсколько позднюю жатву хлопка и, обливаясь потомъ, таскали въ очищающей машинѣ тяжелыя корзины.

Свобода всѣхъ рабовъ была уже провозглашена въ Вашингтонѣ, рабство уничтожалось. Теперь приобрѣтали значеніе закона прекрасныя слова американской конституціи: „Мы считаемъ ясными и нетребующими никакихъ доказательствъ слѣдующія истины: всѣ люди рождаются равными; они надѣлены Творцомъ извѣстными одинаковыми, неоспоримыми правами, къ числу которыхъ принадлежатъ: жизнь, свобода и стремленіе къ счастію“. Но здѣсь, въ глубинѣ возмущившихся штатовъ, на территоріи которыхъ, несмотря на три съ половиной года войны, не было еще ни одного союзнаго солдата, кромѣ военнопленныхъ,—здѣсь глумились надъ изданнымъ на сѣверѣ закономъ и оказывали сопротивление, хотя ихъ армія стѣснялась все болѣе и болѣе, несмотря на попытки генерала Ли, старавшагося то тутъ, то тамъ прорваться съвозъ непріятельское войско и расширить власть южанъ.

Неужели-же имъ нужно было пасть? По мнѣнію этихъ господъ, Югъ не могъ пасть; они уже столько разъ разбивали арміи сѣверянянъ и даже два серьезно угрожали главному городу союза, Вашингтону; теперь они снова надѣялись, что имъ улыбнется судьба, какъ прежде, что терпѣніе непріятеля лопнетъ и война кончится тѣмъ, что признаютъ ихъ права и они будутъ признаны господствующею силою.

Вотъ почему такъ спокойно покачивался въ своихъ койкахъ, въ тѣни душистыхъ растений, эти бѣлыя дамы въ то время, какъ внизу, на полѣ, подъ палящими лучами солнца, мучились такіе-же нѣжныя созданія только съ черной или желтоватой кожей, переходя отъ полосы къ полосѣ и попадаясь подъ плеть надсмотрщика за неграми или погонщика негровъ, какъ справедливо называли его, и эта плеть оставляла широкія полосы на плечахъ этихъ созданій, если они, усталыя, хоть на минуту отвлекались отъ безконечной работы.

По алеѣ, ведущей между полей къ городу, показалось между тѣмъ облако пыли и послышались громкое ржаніе лошадей и топотъ копытъ. Рабы боязливо обратили свои взоры отъ работы на дорогу,—они очень хорошо знали, зачѣмъ выѣхали въ этотъ

день утромъ господа и зачѣмъ ими былъ взятъ этотъ злой „букра“ со своими страшными собаками. Именемъ „букра“ африканцы обозначаютъ каждаго „бѣлаго“. „Цвѣтной“, — негры называютъ такъ другъ друга, — говорившій въ послѣднее воскресенье проповѣдь и сказавшій имъ такъ много „хорошихъ словъ“, былъ обжалованъ передъ бѣлыми однимъ предателемъ изъ ихъ среды и ушелъ отъ тюрьмы только при помощи бѣгства. Но могло-ли пособить бѣгство, когда подъ рукой имѣлись эти страшныя собаки, которыхъ можно было выпустить на травлю? Тутъ не помогутъ никакія человѣческія силы уйти отъ преслѣдователей, и уже одинъ этотъ смѣхъ, раздающійся среди облаковъ поднятой пыли, достаточно ясно говорилъ объ удачной охотѣ.

Но скоро рабы могли убѣдиться собственными глазами въ страшной дѣйствительности, такъ-какъ погонщикъ негровъ, подстрекаемый любопытствомъ, поспѣшилъ уйти къ дому, а рабы, оставивъ работу, устремили глаза на недалекую дорогу. Тамъ тянулась небольшая кавалькада: впереди ѣхалъ самъ ихъ господинъ, мистеръ Тайлгровъ, съ своимъ сосѣдомъ, извѣстнымъ среди рабовъ своею жестокостью, Ургуардомъ; рядомъ съ послѣднимъ бѣжалъ съ открытой головой и покрытымъ потомъ лбомъ, съ завязанными за спиной руками, съ висѣвшею ключьями одеждою, несчастный плѣнникъ; далѣе ѣхали остальные господа, съ удовольствіемъ применувшіе къ охотѣ. Среди нихъ былъ и бельвилевскій докторъ — длинная, сухая особа съ злымъ лицомъ и косыми глазами. Нѣсколько позади, на незначительномъ разстояніи, ѣхалъ янѣи Шерардъ съ своими собаками, все еще привязанными къ сѣдлу для того, чтобы они не напали на свою добычу. Онѣ исполнили въ это утро свой долгъ и заработали своему господину около тридцати-пяти долларовъ, какъ было условлено заранѣе, и теперь человѣческая жизнь была отдана на произволъ высокоумѣрныхъ „хлопчатобумажныхъ бароновъ“.

Тайлгровъ очень хорошо видѣлъ, что его рабы ничего не дѣлаютъ, и въ другое время они сильно заплатились-бы за это; но при настоящихъ обстоятельствахъ онъ остался этимъ вполне доволенъ, такъ-какъ именно они должны были видѣть, что господа бѣлые не любятъ шутить тамъ, гдѣ дѣло идетъ о ихъ собственности, и не оставляютъ безъ наказанія того, кто посмѣетъ сдѣлать попытку нарушить ихъ права.

Кавалькада приблизилась къ дому, на балконѣ котораго уже встрепенулись дамы. Онѣ встали и подошли къ периламъ балкона. Ихъ было теперь три, и трудно было себѣ вообразить что-нибудь болѣе граціозное, чѣмъ эти три привлекательныя женскія фигуры, выглядывавшія изъ-за густой зелени растений.

— Словили вы его? крикнула мистриссъ Тайльгровъ своему мужу, когда онъ нѣсколько приблизился къ дому.

— Конечно, послышался веселый отвѣтъ. — Собаки дѣйствовали отлично!

— Bravo, bravo! воскликнули двѣ молодыя дѣвушки и захлопали отъ радости. — А что съ нимъ будетъ, мама?

— Что съ нимъ будетъ? съ удивленіемъ повторила мистриссъ Тайльгровъ, точно этотъ вопросъ былъ совершенно излишнимъ. — Конечно, его повѣсятъ. Въ настоящее время нужны устрашающіе примѣры или господа „ниггеры“ поднимутъ передъ нами носы.

— Ахъ, если-бы мы могли присутствовать при этомъ! воскликнула Люси, старшая дочь Тайльгрова. — Могу я, мама, приказать осѣдлатъ мою лошадь?

— Въ такомъ случаѣ и я поѣду тоже! проговорила младшая сестра, Дженни.

— Мы еще не знаемъ, дѣти, когда и гдѣ будетъ казнь, отвѣтила мать, — во всякомъ случаѣ, прежде всего они упрячутъ этого человѣка въ тюрьму, иначе они не притащили-бы его сюда; а между тѣмъ и отецъ вернется домой. Узнавъ что-нибудь определенное, я велю запретъ лошадей въ экипажъ и мы поѣдемъ всѣ вмѣстѣ.

Дамы слѣдили глазами за кавалькадой до тѣхъ поръ, покуда не потеряли изъ вида несчастнаго мулата.

Между тѣмъ мужчины, прибывъ въ городъ, призвали вице-шерифа Бельвиля, француза по происхожденію, державшаго въ былое время рабовъ, но потомъ обанкротившагося и павшаго до такой степени вслѣдствіе пьянства, что онъ обрадовался полученію этой должности, очень похожей на должность простого тюремщика. Связанный плѣнникъ былъ отведенъ въ отдѣльную камеру тюрьмы, всадники-же спѣшили у отеля, чтобы выпить здѣсь прохладительнаго напитка — кларета со льдомъ — и обсудить потомъ участь несчастнаго или, по крайней мѣрѣ, соблюсти формальную сторону судебного разбирательства, на счетъ-же приго-

вора никто не думалъ, такъ-какъ онъ былъ извѣстенъ имъ впередъ и не могъ возбудить противорѣчій. Каждый понималъ, что бѣднякъ долженъ быть повѣшенъ, но все-таки нужно было соблюсти извѣстныя формальности, чтобы не подвергнуться послѣ какъ-нибудь обвиненію въ совершеніи убійства. Противъ плѣнника въ сущности не было никакого обвиненія, кромѣ доноса, сдѣланнаго притомъ-же негромъ, и потому нужно было во что-бы то ни стало притянуть бѣлое населеніе мѣстечка къ суду надъ пойманнымъ.

Конечно, нѣкоторую неправильность въ судопроизводствѣ нужно было допустить во всякомъ случаѣ, такъ-какъ судебныя власти не засѣдали въ это время въ городѣ и, согласно съ закономъ, нужно было доставить плѣнника въ настоящій судъ, — но никто не забѣдился о точномъ исполненіи законовъ въ военное время. Положеніе было исключительное, и само собою разумѣется, что плантаторы, раздраженные и озлобленные ходомъ дѣлъ, не могли не пользоваться этою исключительностью.

Отель де-Бельвилъ въ прежнее время много лѣтъ имѣлъ вывѣскою знамя со звѣздами. Но тотчасъ-же послѣ начала революціи, когда мятежники, по взятіи форта Зѣмтера, превратили въ прахъ „лучи и звѣзды“ и воздвигли свой собственный флагъ, хозяинъ отеля нашелъ необходимою перемѣну вывѣски и замѣнилъ ее, конечно, вновь избраннымъ флагомъ южанъ.

Мятежники сдѣлали самую необдуманную глупость, избравъ себѣ новый, чуждый штатамъ флагъ и отказавшись отъ стараго звѣднаго знамени, за которое сражались точно такъ-же и ихъ предки, какъ Сѣверъ, такъ-какъ Георгія принадлежала къ числу тринадцати первыхъ штатовъ, объявившихъ войну Англіи. Тысячи людей не знали-бы, на которую сторону стать имъ, если-бы обѣ воюющія стороны удержали одно и то-же знамя; старыя лучи и звѣзды все еще имѣли притягательную силу, и съ той минуты, когда отказался отъ нихъ Югъ, — его участь была рѣшена, хотя мятежъ и продолжался еще мѣсяцы и годы.

Отель, какъ большинство отелей въ южныхъ штатахъ, былъ устроенъ согласно съ климатомъ. Спереди, у самаго входа былъ большой залъ, занимающій почти весь домъ въ длину; здѣсь былъ каминъ, такъ-какъ въ январѣ и въ февралѣ иногда бываютъ холодные дни и зябкіе южане любятъ огонь. Но высокія окна и

широкія двери показывали, что въ жаркое время года струи свѣжаго воздуха могутъ проходить черезъ весь домъ.

За переднимъ заломъ находилась столовая, направо — контора, налѣво — жилище хозяина и его семьи, тогда-какъ верхніе покои предназначались исключительно для прїѣзжающихъ. Буфетъ находился въ столовой и могъ ночью запирается двойною дверью, тогда-какъ принадлежащее къ нему окно было снабжено желѣзною рѣшеткою. Спиртные напитки въ тѣхъ округахъ, гдѣ находились негры, являлись очень заманчивыми предметами и потому ихъ приходилось особенно сильно охранять отъ нападений.

Знакомая намъ компанія вошла въ столовую, гдѣ былъ буфетъ, и рѣшилась здѣсь обсудить свое дѣло; Шерардъ передалъ слугѣ-ирландцу, стоявшему у отеля, своихъ собакъ, чтобы ихъ накормили и вымыли дома, и тоже присоединился къ джентльменамъ, что было, конечно, неособенно прїятно послѣднимъ, но что должно было считаться неизбѣжнымъ зломъ: этотъ человекъ былъ имъ нуженъ именно въ настоящее время и его нельзя было вытолкать въ шею. Ему старались только показать, насколько позволяла вѣжливость, что безъ него очень можетъ обойтись ихъ компанія, но, къ сожалѣнію, янки этого не замѣчалъ или, можетъ быть, не хотѣлъ замѣчать. „Чѣмъ-бы они себя ни воображали, думалъ онъ, а я все-таки свободный американецъ и долженъ показать имъ, что я не позволю смотрѣть на себя свысока“.

Прежде всего у буфета была выпита „круговая“ за здоровье всѣхъ, причѣмъ и Шерардъ принялъ участіе; потомъ Тайлгровъ обвинялся паркою словъ съ хозяиномъ; послѣдній передалъ ему деньги, которыхъ джентльменъ не имѣлъ при себѣ, и янки былъ отозванъ въ сторону для расплаты.

— Мистеръ Шерардъ, промолвилъ старый важный господинъ, — я не желаю отнимать у васъ болѣе вашего драгоценнаго времени и спѣшу отдать вамъ нашъ долгъ. Вотъ десять долларовъ за вашихъ животныхъ, — они, правда, кончили дѣло въ болѣе короткое время, чѣмъ въ день, но это ужъ наша выгода, — а вотъ пятнадцать долларовъ преміи за поимку и еще десять долларовъ, которые общалъ вамъ мистеръ Гарперъ. Я съ нимъ сосчитаюсь послѣ.

— Прекрасно, мистеръ Тайлгровъ, кивнулъ головой янки, завывая въ шелковый платокъ деньги, отсчитанныя мексиканскими

долларами,—счетъ вѣрнѣе, какъ церковные счеты. Собаки во всякое время готовы къ вашимъ услугамъ.

— Надѣюсь, что онѣ намъ не такъ скоро будутъ нужны.

— Ну, я не желалъ-бы этого, засмѣялся Шерардъ,—вѣдь съ торговыми дѣлами теперь очень плохо. Чортъ возьми этихъ сѣверянъ! Они все двигаются впередъ, и если Ли не покажетъ имъ себя...

— Онъ ужь постарается объ этомъ, сухо замѣтилъ Тайльгровъ, не желая вступать въ длинный разговоръ съ этимъ господиномъ, и подошелъ обратно къ своимъ друзьямъ, чтобы прервать дальнѣйшую бесѣду. Но отъ янки трудно было отстать сразу. Держа въ рукѣ узелокъ съ деньгами, онъ медленно побрелъ за Тайльгровомъ, подвинулъ себѣ стулъ и спокойно занялъ мѣсто среди прочихъ присутствующихъ. Онъ имѣлъ здѣсь равныя права съ другими и хотѣлъ воспользоваться этими правами.

Плантаторы смотрѣли на него искоса, но ни одинъ не могъ и не смѣлъ выпроводить его вонъ, да и настоящій случай слишкомъ сильно интересовалъ ихъ, чтобы заниматься этимъ человѣкомъ. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, былъ вознагражденъ за это и никто не думалъ вступать съ нимъ въ дальнѣйшія сношенія.

Тайльгровъ, Гарперъ, Ургуардъ, докторъ Симмсъ, аптекарь, мистеръ Буль и два другіе плантатора изъ окрестности, вмѣстѣ съ двумя поселившимися здѣсь адвокатами, Лесли и Джонсомъ, съ судьей Роджерсомъ собрались здѣсь, узнавъ объ охотѣ на негра. Это были все „бѣлые люди“, которыхъ могли собрать по сосѣдству, причемъ Буль былъ приглашенъ въ качествѣ почтмейстера; они составляли въ нѣкоторомъ родѣ присяжныхъ; само собою разумѣется, что сюда не былъ приглашенъ никто изъ негровъ или изъ бѣлыхъ надсмотрщиковъ за неграми, никто изъ состоявшихъ въ услуженіи.

— Итакъ, джентльмены, началъ Ургуардъ, открывая засѣданіе,—желтокожій мерзавецъ въ нашихъ рукахъ и я полагаю, что нечего обсуждать вопросъ, что съ нимъ будетъ. Онъ пытался побудить нашихъ рабовъ къ возстанію, и наша собственная безопасность заставляетъ насъ сдѣлать процессъ какъ можно короче. Длинные разсужденія здѣсь ни въ какомъ случаѣ не нужны.

— Мы сами не можемъ придти ни къ какому рѣшенію, замѣтилъ Лесли:—мы должны сохранить формальную сторону суда, а здѣсь

для этого не представляется приличнаго мѣста; мы должны перейдти въ зданіе суда. Не такъ-ли, мистеръ Роджерсъ?

— Да, конечно... не безъ замѣшательства кивнулъ головой мистеръ Роджерсъ, любившій болѣе всего свое спокойствіе, а теперь онъ находился именно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ему было вполнѣ удобно и которое онъ оставилъ-бы несовсѣмъ охотно. — Впрочемъ, мы живемъ теперь при исключительныхъ обстоятельствахъ, среди войны, и такъ-какъ дѣло идетъ о благѣ страны, то, я думаю, что каждое мѣсто будетъ приличнымъ, когда вопросъ касается обсужденія важнаго и безотлагательнаго предмета.

— Мистеръ Роджерсъ, промолвилъ Лесли, — насъ послѣ могутъ упрекнуть, что мы неправильно рѣшили дѣло, и я не знаю, можно-ли будетъ намъ оправдать себя. — я, по крайней мѣрѣ, постараюсь быть осторожнымъ.

Судья нѣсколько нетерпѣливо покачалъ головою, но ничего не возразилъ противнику, зная, что адвокатъ правъ, и уже сталъ размышлять, какъ-бы получше и попроще обдѣлать дѣло, когда въ дверяхъ появился старшій шерифъ, мистеръ Боллингъ, и далъ другое направленіе разговору.

— Джентльмены! началъ онъ, поздоровавшись съ присутствующими и подошедши къ буфету, гдѣ онъ велѣлъ подать себѣ стаканъ бренди съ водою, — откуда дуетъ вѣтеръ? Я сейчасъ встрѣтилъ одного стараго знакомаго изъ верхнихъ поселеній и онъ полагаетъ, что генераль Шерманъ, о которомъ мы такъ долго ничего не слыхали, идетъ прямо на Чарльстонъ и угрожаетъ гавани.

— Глупости, захохоталъ Ургуардъ; — Шерманъ — это пугало, которымъ они втеченіи цѣлыхъ недѣль устрашаютъ дѣтей; онъ будетъ радъ, если ему удастся уйти на сѣверъ изъ Георгіи непощипаннымъ, и вовсе не думаетъ совать свою шею въ такую петлю. Кто вамъ сплелъ такую сказку?

— Мистеръ Ургуардъ, замѣтилъ Боллингъ, опровергая въ ротъ стаканъ, чтобы словить кусочекъ лежавшаго на днѣ сахара, — генераль Шерманъ самый опасный нашъ противникъ и онъ еще не разбитъ. Да, если-бы это былъ Макъ-Клеанъ, тогда я и не сталъ-бы спорить: дѣло было-бы вовсе безопасно; но этому чорту довѣрять нельзя, и населеніе Чарльстона должно держать ухо востро, покуда соберутся туда наши войска, или въ одну прекрасную ночь городу придется увидать очень непріятнаго гостя.

— Ба! слишкомъ много чести для Шермана, воскликнулъ Тайльгровъ: — онъ побойтся зайдти такъ далеко на югъ безъ резерва.

— А если онъ все-таки зайдетъ? выразилъ свое мнѣніе шерифъ. — Есть-ли у насъ здѣсь подъ рукою войска, чтобы противопоставить ихъ ему? Чортъ возьми! Вся эта исторія похожа на спекуляцію городского лавочника, который выставилъ весь свой товаръ на окна и ничего не имѣетъ въ запасѣ, чтобы пополнить проданные предметы. Здѣсь у насъ онъ можетъ пройти съ полнѣйшимъ спокойствіемъ и мы, право, будемъ не въ состояніи помѣшать ему.

— Э, глупости! промолвилъ Буль, аптекарь, — по всей вѣроятности, Шерманъ со всею своею бандою уже вовсе не существуетъ, иначе, по крайней мѣрѣ, на сѣверѣ знали-бы, гдѣ онъ застрялъ. Послѣднія-же газеты, полученныя оттуда, ломаютъ себѣ голову на счетъ вопроса о томъ, гдѣ онъ находится, и стараются успокоить одна другую насчетъ его участи. Я готовъ держать пари одинъ противъ десяти, что мы очень скоро получимъ извѣстіе, что онъ былъ схваченъ и уничтоженъ на дорогѣ, и что если мы кого-нибудь и увидимъ изъ его шайки, то это плѣнныхъ, которыхъ, быть можетъ, перевезутъ наши войска въ саванны.

— Это было-бы желательно, замѣтилъ Лесли, — но я не очень-то вѣрю въ это. Онъ, правда, очень неосмотрительный безумецъ, готовый ни за грошъ рисковать своею жизнью, но пройти здѣсь очень легко даже и просто храброму человѣку.

— Ахъ, оставьте эти глупости, сказалъ Тайльгровъ; — что намъ за дѣло до нелѣпыхъ слуховъ, которые уже втеченіи многихъ недѣль носятъ въ штатахъ и принимаются, быть можетъ, на вѣру тѣми, кому выгодно вѣрить этимъ розказнямъ. Можетъ быть, неграмъ это желательно — съ этимъ я согласенъ, но за то мы должны покрѣпче держать ихъ въ рукахъ, чтобы они не смѣли тронуться съ мѣста, такъ-какъ уже самая ихъ численность опасна для насъ, и нашимъ спасеніемъ до сихъ поръ была одна ихъ неувѣренность въ побѣдѣ Сѣвера. Если мы будемъ сами помогать распространенію этихъ слуховъ, то, конечно, мы не будемъ безопасны ни на минуту и должны ожидать всего худшаго.

— Ба! презрительно воскликнулъ шерифъ, чиркнувъ спичею по своимъ панталонамъ и закуривая сигару, — чего намъ бояться

ихъ? Развѣ у нихъ есть оружіе? Десять, двѣнадцать рѣшительныхъ людей перестрѣляютъ всю ихъ шайку.

— Покорно благодарю, засмѣялся Тайльгровъ,—это будетъ очень невыгодная сдѣлка, такъ-какъ у меня есть негры, стоющіе 1,200—1,400 долларовъ, а кто-же заплатитъ за убытки, если мы должны будемъ ихъ перестрѣлять? Конечно, собственники. Нѣтъ, ужь лучше подавить возможное зло въ зародышѣ, и потому я стою за то, чтобы безъ дальнѣйшихъ разсужденій повѣсить на первомъ деревѣ этого Гилльса, какъ зовутъ мошенника мулата,—кажется, негры зовутъ его даже преподобнымъ Гилльсомъ,—ну, и чортъ возьми его преподобіе! Тогда, по крайней мѣрѣ, каналы будутъ знать, что ожидаетъ ихъ, если они примутъ хотя нѣсколько подозрительное положеніе, а посторонніе бродяги на будущее время дважды подумаютъ прежде, чѣмъ рѣшатся подвергать себя такой опасности. Если нужно, если этого требуетъ форма, то перейдемте въ зданіе суда, чтобы разрѣшить тамъ дѣло. Но, по моему мнѣнію, мы можемъ и здѣсь, за стаканомъ шері, точно такъ-же хорошо покончить это дѣло.

— Да, мистеръ Тайльгровъ, вмѣшался теперь въ разговоръ другой адвокатъ, Джонсъ, креоль, родившійся въ этой мѣстности отъ англичанъ родителей,—все это хорошо, все это прекрасно, но изъ всего, что я до сихъ поръ слышалъ, я вижу только одно, что, кромѣ того, что сказалъ про мулата негръ Веньяминъ, нѣтъ никакихъ доказательствъ его вины, а Веньяминъ такая ничтожная, продувная и злая бестія, какія рѣдко появлялись въ Георгіи. Мошенникъ былъ прежде моею собственностью и былъ недурнымъ, даже очень ловкимъ работникомъ; но я продалъ его именно потому, что опъ заводилъ только безпорядки на моихъ плантаціяхъ, навлекая подозрѣнія то на того, то на другого, и безчисленное множество разъ платясь своею спиною за навѣты. Я лично не повѣрилъ-бы ни одному слову этого негодая.

— Здѣсь дѣло идетъ не объ этомъ, воселикнулъ рѣзко Ургуардъ. — Давали-ли мы ниггеру позволеніе говорить здѣсь на открытомъ мѣстѣ, проповѣди и говорить ихъ передъ нашими рабами? Должны-ли мы наблюдать за подобными попытками отдѣлать отъ насъ нашихъ людей или подвергаться всѣмъ опасностямъ подобныхъ мошенническихъ поступковъ?

— Все это, конечно, правда, замѣтилъ Лесли,—но известное

дѣйствіе, во всякомъ случаѣ, должно быть совершенно, и противъ него должна быть принесена какая-нибудь жалоба, и эта жалоба должна быть доказана; въ противномъ случаѣ не можемъ-же мы повѣсить человѣка только за то, что у него желтая кожа и нѣтъ никакой собственности.

— Мистеръ Лесли, довольно рѣзко возразилъ Ургуардъ, — вы уже раза два въ послѣднее время при подобныхъ-же обстоятельствахъ выражали мнѣнія, которыя въ устахъ южнаго джентльмена, — а вѣдь вы считаетесь такимъ, — звучать довольно странно, чтобы не сказать болѣе.

— Мистеръ Ургуардъ, спокойно отвѣтилъ Лесли, — я — адвокат и смотрю на вещи съ точки зрѣнія законности. Если-бы пойманный поступилъ противозаконно, то, конечно, я былъ-бы послѣднимъ изъ тѣхъ, кто вступился-бы за него; но если вы хотите, безъ всякой основательной причины, показать на немъ только примѣръ другимъ рабамъ, то я приму на себя его защиту и не дамъ возможности лишить его жизни безъ публичнаго засѣданія законнаго суда. Я думаю, господинъ судья Роджерсъ вполне раздѣляетъ мое мнѣніе.

— О, конечно, конечно, нѣсколько смущенно отвѣтилъ судья, имѣвшій значительное число рабовъ и потому неособенно желавшій церемониться съ мулатомъ; но и передъ Лесли онъ не хотѣлъ быть откровеннымъ, такъ-какъ адвокат мѣтилъ занять въ ближайшемъ будущемъ официальное мѣсто. — Если онъ и ниггеръ, то его вина, все-таки, должна быть прежде доказана.

— А между тѣмъ вы уже сочли возможнымъ потравить молодца собаками! засмѣялся Джонсъ.

— Если-бы онъ не чувствовалъ себя виновнымъ, то онъ не обратился-бы въ бѣгство, сердито воскликнулъ Тайльгровъ, отъ котораго не ускользнула иронія послѣдняго замѣчанія. — Ужъ не слѣдовало-ли намъ сначала наводить здѣсь справки и дать ему время скрыться въ безопасное мѣсто? Нѣтъ, чортъ побери! Впрочемъ, я почти увѣренъ, мрачно и съ угрозой добавилъ онъ, — что защита принесетъ очень мало пользы. Если мы, люди имѣющіе здѣсь плантаціи, признаемъ его виновность и осудимъ его, то тутъ ужъ не спасутъ его шею отъ петли соединенныя силы всѣхъ адвокатовъ, живущихъ на востокъ отъ Миссиссипи.

— Вы возбуждены теперь, мистеръ Тайльгровъ, замѣтилъ

Лесли спокойно, — и потому вѣрите тому, что вы думаете; но я полагаю, что самъ разсудокъ долженъ васъ остановить раздражать именно въ настоящее время явною несправедливостью и безъ того беспокойную толпу чернокожихъ и побуждать ее, быть можетъ, къ насиліямъ. Это можетъ быть опаснымъ.

— Въ такомъ случаѣ и вы не должны говорить о защитѣ какого-нибудь ниггера, воскликнулъ Тайльгровъ, сдѣлавшій явное усиліе, чтобы не выразиться болѣе сильно и болѣе обидно. — Вы этимъ только укрѣпляете глухія надежды этихъ черныхъ каналовъ. Теперь можно справляться съ ними только при помощи беспощадной строгости; если-же они только замѣтятъ, что на ихъ сторонѣ стоятъ и бѣлые, то они начнутъ открытую и кровавую революцію.

— Оставьте его, Тайльгровъ, шепнулъ Ургуардъ своему другу съ насмѣшливой улыбкой, — это его призваніе стоять на заднихъ лапкахъ и грозить закономъ и правомъ. Ему это доставляетъ удовольствіе, а намъ не приноситъ вреда; если-же онъ вздумаетъ серьезно противиться намъ, то мы его усмиримъ, ручаюсь вамъ въ этомъ. — Дженгльмены, продолжалъ онъ громко, — мнѣ кажется, мы теряемъ дорогое время въ бесполезныхъ препирательствахъ. Мы поймали ниггера, который сдѣлалъ попытку возмутить нашихъ рабовъ. Я не имѣю ничего противъ того, чтобы онъ былъ предварительно выслушанъ, но мы при этомъ не станемъ вдаваться въ длинныя судебныя разбирательства. Мы въ настоящую минуту находимся на военномъ положеніи. Наглые янки осмѣлились объявить свободными нашихъ негровъ, нашу благопріобрѣтенную собственность, и, не имѣя возможности {побѣдить насъ въ открытой битвѣ, попробовали выпустить противъ насъ и нашихъ семействъ пѣлюю варварскую націю. Но каждый гражданинъ имѣетъ право защищать себя и свой собственный очагъ, и потому я предлагаю составить здѣсь-же на мѣстѣ судебное засѣданіе, не разсуждая о томъ, нарушается-ли этимъ законъ, имѣющій силу въ враждебныхъ и оттолкнутыхъ нами сѣверныхъ штатахъ. Я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ васъ сталъ возражать на мои слова.

— Извините, мистеръ Ургуардъ, воскликнулъ Лесли, — я долженъ самымъ рѣшительнѣйшимъ образомъ...

— Извините, сэръ, рѣзко перебилъ его Ургуардъ: — вы сами не имѣете здѣсь никакой собственности и потому вы не прини-

маются въ расчетъ. Когда наши законы будутъ снова приведены въ порядокъ, мы опять введемъ адвокатскія словоизверженія и поставимъ процессы въ зависимость отъ гибкости языка различныхъ господъ. При настоящихъ-же обстоятельствахъ мы предпочитаемъ лично стоять за свои права и каждый противящійся намъ не можетъ поручиться за свою безопасность.

Лесли закусилъ губы; онъ зналъ очень хорошо, въ какомъ кругу онъ находится, и потому поспѣшилъ только перейти къ судѣ, чтобы уговорить его ради Бога не подавать своего голоса за насиліе. Роджерсъ пожалъ плечами и сталъ уже самъ выражать то мнѣніе, что они находятся въ исключительномъ положеніи, при которомъ они не могутъ связывать себя законами, дѣйствительными для сѣверныхъ, враждебныхъ имъ, штатовъ. Дѣло, конечно, должно быть изслѣдовано, но на форму, по его мнѣнію, не слѣдовало обращать слишкомъ серьезнаго вниманія, и потому онъ предлагаетъ привести сейчасъ-же обвиняемаго и обвинителя. Черные, разумѣется, не могутъ свидѣтельствовать по законамъ Юга противъ бѣлыхъ, но они имѣютъ полное право свидѣтельствовать противъ своихъ собратьевъ, противъ мулатовъ, и чѣмъ скорѣе кончится дѣло, тѣмъ лучше.

Ургуардъ, впрочемъ, даже и не ждалъ слова судьи, но черезъ Боллинга, который тоже не видѣлъ никакихъ затрудненій въ дѣлѣ, послалъ слугу къ вице-шерифу, чтобы послѣдній прислалъ плѣнника и его обвинителя. Дѣло такимъ образомъ могло окончиться скоро и безъ затрудненій.

Покуда посланный исполнялъ данное ему порученіе, господа снова подошли къ буфету, чтобы выпить по стакану вина. На этотъ разъ угощаль мистеръ Ургуардъ и о дѣлѣ болѣе не говорило ни слова. Оно было отложено до засѣданія.

Еще господа стояли у буфета и болтали между собою и даже съ Шерардомъ, который снова стоялъ безъ всякаго приглашенія въ ихъ кружкѣ, когда въ комнату явился бѣлый управляющій или надсмотрщикъ мистера Тайльгрова. У него былъ бичъ въ рукѣ, на головѣ была надѣта шляпа; онъ былъ, очевидно, въ необыкновенно возбужденномъ состояніи. Окинувъ залу глазами, онъ быстро подошелъ къ своему господину.

— А-а, мистеръ Галль! воскликнулъ Тайльгровъ, узнавшій его еще издали и смотрѣвшій съ удивленіемъ на его странное и не-

приличное поведеніе. — Что съ вами? Вы, кажется, настолько разстроены чѣмъ-то, что даже забыли про свою шляпу!

— Извините, мистеръ Тайльгровъ, промолвилъ Галль, неособенно довольный напоминаніемъ, но все-таки снявшій шляпу, — я пришелъ только извѣстить васъ, что здѣсь янки.

— Янки?! спросилъ Тайльгровъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на управителя. — О чемъ вы бредите? Что случилось? Кого вы встрѣтили?

— Янки, сухо отвѣтилъ управляющій, — или, если вамъ угодно, сѣверныхъ солдатъ, передовой отрядъ генерала Шермана.

— Глупости! воселикнулъ недовольнымъ тономъ Тайльгровъ, — что вы мнѣ болтаете! Вы, вѣроятно, видѣли бѣглаго солдата и заключили, что пришла цѣлая армія.

— Я ничего не заключалъ, мистеръ Тайльгровъ, отвѣтилъ управляющій гораздо болѣе рѣзко, чѣмъ онъ осмѣливался обыкновенно говорить со своимъ господиномъ; онъ, кажется, смутно предчувствовалъ теперь, что его обязанности здѣсь кончались сами собою. — Передъ вашими плантаціями остановились до шестидесяти конныхъ солдатъ союзной арміи и я немедленно вскочилъ на лошадь, которая была, по счастливой случайности, уже осѣдлана, чтобы извѣстить васъ.

— Союзная армія?! воскликнулъ Тайльгровъ и сдѣлался смертельно блѣдный; но прочіе присутствующіе уже собрались около вѣстника и приставали къ нему съ испуганными лицами. Только одинъ Ургуардъ воскликнулъ со смѣхомъ:

— Глупости! Это, должно быть, наши солдаты, очищающіе страну отъ враговъ, а вы въ страхѣ и ужасѣ приняли ихъ за союзную армію! Ха, ха, ха! Откуда-бы она могла сюда явиться!

— Да, мистеръ Ургуардъ, промолвилъ Галль, худощавый кентукіецъ съ длинной бородой, съ ироніей взглянувъ на плантатора, — я настолько испуганъ, что въ слѣпомъ ужасѣ рѣшаюсь бѣжать. Но я знаю очень хорошо то, что я слышалъ своими ушами и что я видѣлъ своими глазами. Это передовые Шермана — ихъ знамя я хорошо знаю.

— И гдѣ вы ихъ видѣли, Галль? спросилъ Тайльгровъ, у котораго осунулось лицо.

— Передъ вашимъ домою, мистеръ Тайльгровъ, они слѣзились со своихъ коней, отвѣчалъ управитель; — когда я вскочилъ

на лошадь, они говорили съ дамами и вся шайка негровъ выбѣжала съ поля.

Это слово окончательно поразило слушателей. До сихъ поръ гордость и упрямство этихъ надменныхъ хлопчатобумажныхъ бароновъ не допускали даже и мысли о возможности побѣды со стороны Сѣвера. Теперь дѣйствительность была очевидна, и такъ-же ясны были ея послѣдствія. Чувство самоувѣренности смѣнилось внезапно чувствами страха и ужаса.

Негры! Если союзныя войска дѣйствительно достигли этихъ отдаленныхъ отъ мѣста военныхъ дѣйствій частей Юга, то, значитъ, уже вся остальная страна захвачена неприятелями, и вдругъ освобожденные негры возстанутъ противъ своихъ прежнихъ господъ, — всѣ ужасы исхода трудно было предвидѣть впередъ.

Но болѣе всѣхъ испугался извѣстію именно тотъ, кто не несъ никакой прямой потери, — это былъ Джимъ Шерардъ, хозяинъ страшныхъ собакъ. Онъ зналъ, какъ любили его негры. Но не основаны-ли всѣ эти слухи на простой ошибкѣ? Конечно, ему не удалось поговорить объ этомъ съ плантаторами или какими-нибудь другими подобными господами, такъ-какъ въ эту минуту каждый спѣшилъ домой, чтобы взглянуть, что дѣлается тамъ. Сначала всѣ хотѣли убѣдиться въ истинѣ, а уже потомъ обсудить, какъ защищаться и отвратить отъ себя грозящую бѣду.

III.

Неожиданность.

Приближалось время обѣда и мистрисъ Тайльгровъ уже сошла со своими дочерьми въ обѣденную залу, чтобы подождать тамъ своего мужа. Онъ вообще очень акуратно возвращался домой въ обѣденный часъ и только особенный случай съ поимкою мулата могъ его нѣсколько позадержать сегодня.

Столъ былъ уже накрытъ и за стульями уже стояли съ каждой стороны дѣвочки-негрятянки въ бѣлоснѣжной одеждѣ съ опахалами изъ павлиньихъ перьевъ, чтобы махать надъ дамами, какъ только тѣ сядутъ къ столу. Молодыя дѣвочки были обыкновенно бодры и беззаботно жили изо-дня въ день, ни о чемъ не думая и не разсуждая; но сегодня онѣ стояли нѣсколько сму-

щенными и испуганными на своих мѣстахъ: онѣ видѣли несчастнаго „цвѣтнаго человѣка“ и знали очень хорошо, что его ожидаетъ.

У этихъ молоденькихъ созданий проходили въ головкахъ самыя разнообразныя мысли о явленіяхъ, которыхъ онѣ не понимали или не могли сообразить, но которыя все снова и снова являлись передъ ихъ глазами. Конечно, онѣ принадлежали по роду своей службы къ господскому дому и не входили ни въ какія отношенія съ настоящими работниками-неграми; онѣ даже не смѣли переступить черезъ черту господскихъ владѣній въ то мѣсто, гдѣ жили эти работники; но и въ господскомъ домѣ черная прислуга отлично знала, что происходитъ на свѣтѣ, что происходитъ на плантаціяхъ; она знала, что на Сѣверѣ ведется война, чтобы освободить бѣдныхъ черныхъ рабовъ на Югѣ, и тайно, боязливо обсуждала этотъ вопросъ. Но бѣднымъ чернымъ дѣтямъ съ трудомъ вѣрилось, что тамъ, на Сѣверѣ, бѣлые люди заботятся о нихъ и изъ-за нихъ убиваютъ другъ друга. Вѣдь они сами, эти дѣти, три года тому назадъ были проданы съ отцомъ и матерью однимъ злымъ бѣлымъ человѣкомъ тамъ на Сѣверѣ; потомъ ихъ обвѣхъ, ихъ, бѣдныхъ дѣвочекъ, тайно ночью отдѣлили отъ отца и матери и увезли далеко, далеко, а отецъ и мать остались въ горѣ и даже не знали, что сдѣлалось съ дѣтьми, не знали точно такъ-же, какъ не знали дѣти, что случилось съ родителями, попавшими, быть можетъ, въ руки строгаго и злого господина. И вдругъ все это должно пойти иначе! О, Господи, развѣ люди могутъ иначе смотрѣть на негровъ? Вѣдь вотъ протащили-же снова бѣлые люди бѣднаго цвѣтнаго человѣка, который никого изъ нихъ не обидѣлъ, и травили они его собаками,— потащили связаннаго въ городъ и, можетъ быть, они его даже повѣсятъ, какъ говоритъ старая кухарка Сюзи. Если-же онѣ будутъ свободны и увидятъ снова своихъ родителей, то будутъ-ли такъ-же жестоко поступать бѣлые и тогда? Да нѣтъ, все это неправда, о чемъ теперь толкуютъ. Для нихъ нѣтъ спасенія и онѣ останутся рабынями, какими были всегда до сихъ поръ.

Бѣдныя дѣвочки были сестры; одной было десять, другой одиннадцать лѣтъ; у нихъ была совершенно черная кожа, но онѣ были нѣжно и стройно сложены и имѣли почти привлекательныя лица. Но обѣ выглядѣли очень грустно даже и тогда, когда онѣ

не говорили одна съ другою ни слова, — „миссусъ“, хозяйка дома, сердилась, когда онѣ говорили, — и ихъ мысли постоянно обращались къ одному и тому-же предмету.

— Это очень непріятно да и неприлично, проговорила мистрисъ Тайльгровъ, со вкусомъ одѣтая и нетерпѣливо ожидавшая мужа къ обѣду: — если папа не могъ придти во-время, то ничего не могло быть легче, какъ извѣстить насъ черезъ кого-нибудь объ этомъ, чтобы мы не ждали его.

— Ахъ, мама, промолвила Джени, — если-бы только они не устроили тотчасъ засѣданія и не повѣсили негра — это было-бы досадно.

Лидди, старшая изъ маленькихъ негритянокъ, бросила на сестру испуганный взглядъ и вздрогнула; Полли, младшая сестра, смотрѣла въ полъ и тихо трепетала; по ея длиннымъ рѣсницамъ покатила крупная слеза.

— Нѣтъ, я не думаю этого, отвѣтила мать, качая головою, — папа въ такомъ случаѣ непременно извѣстилъ-бы насъ и, вѣрно, отрядилъ-бы пару изъ нашихъ людей, чтобы показать имъ примѣръ. Такъ таинственно и быстро подобныя дѣла нельзя дѣлать, или они не произведутъ желаннаго дѣйствія.

— Вотъ они ѣдутъ, мама! воскликнула Джени, быстро поднимаясь съ качалки, въ которую она бросилась отъ нетерпѣнья. — Я слышу конскій топотъ. Они, вѣроятно, везутъ и его.

Мать прислушалась и взглянула на дорогу.

— О нѣтъ, мое дитя, замѣтила она, — лошади ѣдутъ съ противоположной стороны; вотъ и облако пыли, поднявшееся вверхъ. Кто-бы это могъ быть?

Твердая почва дороги гремѣла подъ копытами лошадей и изъ облака пыли что-то сверкало и блестяло, точно тамъ были мелкіе лучи солнца.

— Это солдаты! воскликнула Джени, присматриваясь на дорогу, — я вижу блескъ ихъ сабель на солнцѣ. Это цѣлый отрядъ. Но откуда они?

— Да, это точно солдаты! подтвердила мать. — Во всякомъ случаѣ это, должно быть, отрядъ кавалеріи, пробирающійся въ саванны, чтобы помѣшать непріятелю.

— Это хорошій знакъ, мама, засмѣялась Люси, — такъ-какъ, значить, они справились съ этимъ мистеромъ Шерманомъ и его

шайкой. Быть можетъ, они везуть дюжины двѣ плѣнныхъ янки, но я не знаю ихъ формы.

— Вотъ и маленькое знамя развѣвается въ серединѣ, мама, вослѣдствовала Дженни, — но это... Боже мой!... это знамя союзныхъ войскъ!..

— Которое они отняли у враговъ, замѣтила мать съ презрительной усмѣшкой на губахъ. — Ты, конечно, не на столько безразсудна, мое дитя, чтобы предполагать, что здѣсь, внутри страны, можетъ явиться къ намъ непріятель.

— Это союзная кавалерія, мама! закричала Люси въ ужасѣ. — Я знаю ее по изображеніямъ, присланнымъ сюда. Небесныя силы, это враги! Теперь мы погибли!

Мистрисъ Тайльгровъ сдѣлалась блѣдной, какъ полотно, и въ эту минуту казалось, что она окаменѣла отъ страха и просто смотритъ на все, ничего не понимая. Но это продолжалось недолго: она собралась съ силами. Черезъ нѣсколько секундъ раздалась команда и передъ садовой калиткой, шагахъ въ десять отъ балкона, гдѣ стояли дамы, спѣшилось нѣсколько всадниковъ. Одинъ изъ офицеровъ въ запыленной одеждѣ подѣхалъ близко къ калиткѣ и очень вѣжливо, по-военному отдалъ честь.

— Леди, очень радъ, что послѣ долгой горячей ѣзды нахожу опять человѣческое жильё и такія молодыя лица — это хороший знакъ. У меня есть просьба: нельзя-ли здѣсь получить стаканъ свѣжей воды или молока? У насъ совершенно пересохло въ горлѣ.

Мистрисъ Тайльгровъ была поражена внезапнымъ страхомъ, но теперь она уже оправилась. Она была по натурѣ рѣшительною женщиною, привыкшею съ дѣтства повелѣвать многочисленными рабами. При первыхъ словахъ офицера кровь прихлынула ей къ вискамъ. Передъ нею былъ врагъ, наглый врагъ, и онъ смѣлъ говорить съ нею, онъ, отнимающій у нея рабовъ и желающій господствовать въ странѣ?.. Ея большіе черныя глаза засверкали, презрительная, надменная улыбка скользнула по ея прекраснымъ губамъ и, поднявшись во весь ростъ, она рѣзкимъ тономъ отвѣтила непріятелю:

— Отелъ тамъ, въ городѣ, сэръ. Войска съ *этими* знаменемъ не могутъ ожидать гостепрѣимства отъ жителей Юга.

— О? засмѣялся тихо офицеръ. — Такъ мы стоимъ съ вами

въ *такихъ* отношеніяхъ, миледи? Ну, значить дѣло не ограничится стаканомъ молока. Самъ, обратился онъ къ стоявшему позади его негру, — далеко-ли до города и до отеля, о которыхъ говорить госпожа?

— О, масса, воскликнулъ, подгоняя лошадь, босоногій негръ, одѣтый въ рубашку, панталоны и куртку и неимѣвшій даже шляпы на головѣ, — при быстрой ѣздѣ можно доѣхать въ десять минутъ, тогда увидишь и дома, и деревья...

— Хорошо, Самъ. Мистеръ Зайтъ, будьте такъ любезны и отведите свой отрядъ въ городъ, чтобы приготовить тамъ квартиры. Берите квартиры, какія найдутся, а главную квартиру помѣстите въ куртгаузѣ. Вѣдь онъ тамъ есть, Самъ?

— Конечно, капитанъ.

— Хорошо. Вы знаете, что нужно дѣлать; квартира для генерала въ лучшемъ домѣ, какой найдется, — это само собою разумѣется.

— Хорошо, хорошо, сэръ! отвѣтилъ молодой офицеръ, спѣшившій исполнить приказаніе, и черезъ нѣсколько минутъ почти двѣ трети отряда поскакали по дорогѣ по направленію къ Бельвиллю, тогда какъ остальная часть всадниковъ, по командѣ начальника, спѣшилась, отворила садовые ворота и безъ дальнѣйшихъ разсужденій ввела во дворъ или, скорѣе, въ садъ лошадей, расположившись вокругъ дома.

Капитанъ въ сопровожденіи шести или восьми негровъ переждалъ, когда войдетъ во дворъ его свита, и потомъ вошелъ туда и самъ. Какъ только онъ вступилъ во внутренность двора, онъ увидѣлъ передъ собою мистрисъ Тайлгровъ, вышедшую съ гордо поднятой головой на встрѣчу непріятелю.

— Сэръ, начала она, мрачно сдвинувъ брови, — кто далъ вамъ право безъ позволенія и даже безъ присутствія хозяина вступить въ собственныя владѣнія свободнаго гражданина? Если вы джентльменъ, то какъ-же вы осмѣливаетесь занять домъ беззащитныхъ женщинъ и ввести въ него своихъ людей? Я до сихъ поръ была неособенно высокаго мнѣнія о войскахъ янки, но теперь я вижу, что я все-таки преувеличивала ихъ достоинства.

Молодой офицеръ выслушалъ съ улыбкой эту рѣчь, не прерывая ее ни словомъ, ни движеніемъ; когда рѣчь была окончена, онъ съ тою-же ироническою вѣжливостью замѣтилъ:

— Сударыня, я самъ никогда не думалъ встрѣтить на Югѣ вѣжливость и гостепріимство, такъ-какъ мы заняты именно тѣмъ, чтобы сломить гордость и высокомеріе Юга, а это всегда бываетъ неблагодарнымъ ремесломъ. Но я думалъ, что, по крайней мѣрѣ, жители этой мѣстности обладаютъ простой разсудительностью и подчинятся неизбѣжному. Однако, я, вѣжеству, ошибся, и намъ придется учить господъ южанъ не только нашимъ законамъ, но и нашимъ нравамъ.

— Скорѣе вы превратите страну въ пустыню! воскликнула страстнымъ и возбужденнымъ тономъ хозяйка.

— Быть можетъ, вы ошибаетесь, улынулся офицеръ, — но знайте, сударыня, что только опытъ, горькій личный опытъ дѣлаетъ людей благоразумными, и вы должны испытать это на себѣ. Вы сначала могли отдѣлаться отъ меня кружкой молока, нѣсколькими кружками свѣжей воды, если-бы вы дружески предложили мнѣ ихъ и подчинились-бы обстоятельствамъ, — теперь-же я попрошу у васъ двѣ дюжины бутылокъ медаку и закуски для моихъ людей и, кромѣ того, само собой разумѣется, свѣжей воды для себя.

— Ни одного стакана вина не дамъ я вамъ добровольно! воскликнула возмущенная дама.

— И такъ, вы хотите еще болѣе горькаго опыта? засмѣялся офицеръ. — Если бутылки не будутъ принесены въ десять минутъ, я пошлю своихъ людей на поиски; но увѣряю васъ, сударыня, что они отыщутъ неожиданныя сокровища, такъ-какъ они удивительно ловки на это.

Не обращая вниманія на молніеносные взгляды хозяйки, онъ повернулся въ сторону, обошелъ домъ и увидѣлъ, что его команда уже расположилась совершенно по-домашнему, — но не по собственному побужденію, а по приглашенію негровъ съ плантаціи, хлопотавшихъ около солдатъ.

Черные люди, бывшіе въ свитѣ капитана, не только смѣшались съ прислугой дома, но одинъ изъ нихъ уже успѣлъ перебраться черезъ плетень на плантацію къ работавшимъ тамъ неграмъ. Конечно, присутствовавшій тамъ желтовозій управитель поспѣшилъ на встрѣчу перелѣзавшему черезъ плетень негру и готовился поподчивать его своею плетью, но приплецъ набросился на него и далъ ему пару хорошо намѣченныхъ ударовъ булакомъ, чѣмъ и

доказалъ, что владычество управителя здѣсь кончилось и что этому господину не худо подумать о своей безопасности.

Въ первыя минуты негры стояли неподвижными отъ страха, такъ-какъ они знали, что наказаніе не миновало-бы ни одного изъ нихъ, если-бы они вздумали хотя словомъ, не говоря уже о движеніи, выказать сопротивленіе передъ „погонщикомъ негровъ“; но при этой выходкѣ незнакомаго имъ „цвѣтнаго человѣка“ въ ихъ сознаніи снова вспыхнула надежда на свободу, о которой они такъ часто говорили и въ которую все еще не смѣли вѣрить.

Это были солдаты Сѣвера; они несли съ собою имъ свободу. Чужой негръ стоялъ передъ ними, полный сознанія своей силы, свободнымъ, независимымъ человѣкомъ; когда онъ сказалъ имъ, что они болѣе уже не рабы, что генераль Шерманъ подходитъ съ своею арміею, что кто изъ нихъ захочетъ, можетъ слѣдовать за нимъ, не спрашивая на это позволенія у своего барина, такъ-какъ у нихъ нѣтъ болѣе никакого барина, и что ихъ болѣе не смѣютъ ни продавать, ни бить, тогда радость овладѣла этой тѣсной толпой. Они поломали свои корзины, пустили хлопокъ по вѣтру и съ радостными криками закружились по полю, которое прежде орошали своимъ потомъ, а надсмотрщикъ, роль котораго теперь уже кончилась, съ разбитымъ лицомъ, скрежеща зубами, скорѣе улетѣнулъ съ дороги.

Какую необыкновенную картину представлялъ теперь собою собственный дворъ плантатора, на который прежде не допускался ни одинъ изъ негровъ плантаціи иначе, какъ для какой-нибудь работы!

Генераль Шерманъ, доказавшій своимъ смѣлымъ, неподражаемымъ походомъ черезъ Георгію, гдѣ онъ былъ отрѣзанъ отъ всякой помощи и поддержки, что силы Юга окончательно подорваны, такъ-какъ онъ даже у себя внутри не имѣлъ возможности оказать ни малѣйшаго сопротивленія, — генераль Шерманъ отдалъ приказаніе, чтобы войска не занимали домовъ плантаторовъ, которые попадались имъ на дорогѣ. Это приказаніе было весьма основательно, такъ-какъ во всякой арміи, къ какой-бы націи она ни принадлежала, всегда есть грубые, необузданные солдаты, за поведеніе которыхъ потомъ приходится отвѣчать главнокомандующему. Но хотя такое приказаніе и было дано, однако за исполненіемъ его не наблюдалось особенно строго. Да и къ чему это было?

Югъ не заслужилъ того, чтобы относительно обитателей сѣверныхъ областей наблюдать особенную вѣжливость. Какъ омерзительно обращались южане съ своими плѣнными, какъ грубо третировали южные бароны несчастныхъ сѣверянъ, которые попадали въ ихъ лапы! Къ чему-же было наблюдать такую чрезмѣрную щепетильность, когда и безъ того изъ-за нея война затянулась на такіе долгіе годы? Генераль Шерманъ не былъ черезчуръ щепетильнымъ человѣкомъ, и его подчиненные знали это. Южанамъ надо было дать почувствовать, что ихъ сила сломана, что они должны покориться побѣдителю и, если не покорятся добровольно, нести на себѣ всѣ послѣдствія этого.

Генераль Шерманъ былъ очень строгъ во всемъ, что касалось дисциплины; онъ зналъ, что только дисциплина способна сдерживать солдатъ и вести ихъ къ побѣдѣ; на все-же остальное онъ глядѣлъ сквозь пальцы и офицеры пользовались значительной долей свободы.

Фасадъ дома плантатора со стороны двора былъ совершенно такой-же, какъ и со стороны улицы, только не было веранды. Влѣво отъ дома стояли кухня, прачешная и обширный амбаръ, направо—конюшни, а наискосокъ длинное зданіе, занимавшее все заднее пространство двора; въ этомъ зданіи помѣщались рабы, исполнявшіе обязанности домовой прислуги, главнымъ образомъ дѣвушки-невольницы; онѣ были расположены по-двое въ комнатѣ. За кухней и прилегающими къ ней строеніями былъ расположенъ небольшой огородъ.

На гладко-утоптанномъ дворѣ расположилось на нѣсколько минутъ войско сѣверянъ. Посреди двора, съ помощью услужливыхъ негровъ, былъ разведенъ громадный костеръ и, по приказанію офицера, принесенъ домовой прислугой столъ, покрытый бѣлой скатертью; бывшіе рабы устали этотъ столъ стаканами и тарелками для угощенія дорогихъ,—по крайней мѣрѣ, для нихъ,— гостей.

М-съ Тайльгровъ хотѣла съ обычной своей горячностью воспротивиться этому, но Люси, съ удивленіемъ глядѣвшая на рѣшительный и строгій образъ дѣйствій чужеземцевъ и чувствовавшая къ нимъ невольный страхъ, убѣдительно просила мать не сопротивляться пока ничему, по крайней мѣрѣ, до возвращенія отца, и сама велѣла подать потребованное пришельцами вино,

чтобы не дать этимъ „ужаснымъ людямъ“ никакого повода къ неудовольствію.

Молодой офицеръ импонировалъ ее. До сихъ поръ всѣ молодые люди, которые имѣли хоть малѣйшую претензію на образование и занимали какое-нибудь положеніе въ свѣтѣ, всегда относились къ ней съ высочайшимъ благоговѣніемъ и почтеніемъ. Одинъ взглядъ ея былъ для нихъ приказаніемъ, закономъ; едва высказанное желаніе, только-что сорвавшееся съ ея губъ, уже было исполнено. А теперь? Молодой офицеръ, вся внѣшность котораго не оставляла никакого сомнѣнія въ принадлежности его къ высшему кругу, не обращалъ никакого вниманія ни на нее, ни на Женни. Молодые, прелестныя дѣвушки, сами, правда, сначала бросавшія на него презрительныя взгляды, казалось, совершенно для него не существовали; а между тѣмъ онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отдавалъ приказанія прислугѣ, которая исполняла ихъ съ полной готовностью и удивительной быстротою.

На дворѣ, подъ двумя огромными апельсинными деревьями, не только въ одну минуту былъ накрытъ столъ (капитанъ Гельдорфъ — такъ звали офицера — отказался отъ приглашенія войти въ домъ), но и уставленъ всевозможными винами и напитками. Гости собирались уже расположиться вокругъ него, когда мистеръ Тайлгровъ, задержанный на дорогѣ встрѣченнымъ имъ главнымъ отрядомъ войска, въѣхалъ во дворъ. Въ изумленіи онъ остановилъ свою лошадь, увидѣвъ сцену, которая развертывалась передъ его глазами.

Середину двора занимала часть солдатъ, которые устанавливали вокругъ стола скамейки, стулья и все, что могли достать, и видимо не нуждались въ томъ, чтобы ихъ угощали. Нѣсколько солдатъ возвращались съ соседней сахарной плантаціи съ охапками еще зеленого сахарнаго тростника; негры плантаціи такъ усердно помогали имъ въ этомъ, что скоро у лошадей было корму въ изобиліи; другіе солдаты окружали цистерну и добывали изъ нея воду лошадямъ. Налѣво, на внутренней верандѣ, стояла сама леди съ своими двумя дочерьми; онѣ, казалось, не въ состояніи были пошевелиться и даже не замѣчали непріятельскихъ солдатъ, потому что неподалеку отъ нихъ разсѣлся на бочкѣ унтеръ-офицеръ и читалъ столпившимся вокругъ него неграмя какую-то печатную бумагу.

И какъ внимательно слушали они его, какъ блестяли бѣлки ихъ широко раскрытыхъ глазъ! Каждая черта ихъ темныхъ лицъ свидѣтельствовала о страшномъ напряженіи, въ которомъ они находились; они, видимо, съ трудомъ сдерживали восторгъ, готовый прорваться съ необузданной силой.

Въ бумагѣ было напечатано,—напечатано самими бѣлыми, которые прислали къ нимъ своихъ солдатъ,—что негры отнынѣ свободны, какъ бѣлые, что ихъ не смѣютъ болѣе продавать, что они могутъ не исполнять той работы, за которую имъ не платятъ такъ-же, какъ вольнонаемнымъ рабочимъ. Ни одинъ бѣлый не имѣетъ права сѣчь ихъ и сажать въ тюрьму, если они не совершили какого-нибудь преступленія противъ законовъ штата; кто изъ нихъ пожелаетъ примкнуть къ союзной арміи въ качествѣ солдата, чтобы уничтожить послѣднія силы бунтовщиковъ и рабовладѣльцевъ, того не смѣютъ удержать его баринъ. Бумага была подписана самимъ президентомъ Абраамомъ Линкольномъ. Когда унтеръ-офицеръ, окончивъ чтеніе, сложилъ ее, восторгъ негровъ сказался шумнымъ ликованіемъ: мужчины оглашали воздухъ громкими криками веселья и торжества, женщины крѣпче прижимали къ груди своихъ дѣтей, и въ первый разъ въ жизни слезы радости выступали на ихъ глазахъ; ребятинки визжали и хохотали, по всей плантаціи гремѣло „ура“, отъ котораго дрожали листья на деревьяхъ.

Закусивъ губу, устремивъ глаза съ ненавистью и безсильной яростью на своихъ негровъ, сидѣлъ на своей гнѣдой лошади старый плантаторъ Тайльгровъ; то, что онъ считалъ горячечнымъ бредомъ напуганнаго воображенія, совершалось передъ нимъ въ-очію.

Югъ былъ раззоренъ, уничтоженъ, втопанъ въ грязь и передъ нимъ стояли разбойники, которыхъ онъ не въ силахъ былъ выгнать. Что случилось съ Ли и его гигантской арміей, что случилось со всѣми храбрыми генералами Юга, какъ могли они потерпѣть, чтобы горсть наглыхъ янки топтала почву южанъ, оскверняла ихъ дома, уничтожала ихъ священные законы?

Когда первый взрывъ восторга негровъ миновался,—а до тѣхъ поръ они не сознавали ничего вокругъ,—нѣкоторые изъ бывшихъ рабовъ замѣтили „массу“, какъ они все еще называли его, и возлѣ него страшнаго надсмотрщика Галля. Дѣти первыя, кружась по двору, чуть не попали подъ копыта его лошади и робко

отбѣжали къ матерямъ. По всему двору пронесся шопоть: „масса“! и негры, стоявшіе ближе къ нему, невольно попятились назадъ. Они не могли отдѣлаться разомъ отъ страха, который онъ внушалъ имъ до сихъ поръ.

Для негровъ, пришедшихъ съ сѣвернымъ отрядомъ, страхъ этотъ уже не существовалъ. Они скоро узнали, кто такой этотъ бѣлый на лошади; одинъ изъ нихъ взялъ со стола стаканъ съ виномъ и смѣло отправился къ бѣлому, который все еще сидѣлъ на своей лошади, неподвижный, какъ статуя.

— Ну-ка, масса, выпейте съ нами стаканъ вина! закричалъ онъ ему, смѣясь.

Плантаторъ не выдержалъ: съ быстротою молніи поднялъ онъ руку, вооруженную тяжелымъ бичомъ; но негръ не зѣвалъ: онъ отскочилъ, бросилъ стаканъ и, выхвативъ изъ кармана револьверъ, закричалъ:

— Берегитесь, или это будетъ вамъ послѣдній ударъ!

Съ веранды раздался пронзительный крикъ женщинъ. Что мѣшало теперь неграмъ напасть на нихъ и смыть ихъ кровью свое долгое рабство? Но отъ капитана Гельдорна не ускользнула эта сцена: онъ самъ, вѣроятно, опасался того-же, потому что, быстро вскочивъ съ мѣста, оттолкнулъ негра:

— Потихе, любезный! сказалъ онъ строго. — Кто безъ моего приказанія осмѣлится пустить въ дѣло оружіе, тотъ будетъ немедленно разстрѣлянъ. Убирайся по-добру, по-здорову! Ты видѣлъ вчера, какъ мы соблюдаемъ дисциплину! А вы, мистеръ.. съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

— Моя фамилія Тайльгровъ, отвѣчалъ плантаторъ мрачно; — часъ тому назадъ я былъ владѣльцемъ этой плантаціи.

— И остались имъ, мистеръ Тайльгровъ, возразилъ Гельдорнъ, — то-есть плантаціи только, но не негровъ: южане, благодаря своему кровавому возстанію, потеряли право собственности на нихъ.

— А кто далъ Сѣверу право отнимать у насъ нашу собственность? вскричалъ Тайльгровъ съ бѣшенствомъ.

— Многоуважаемый сэръ, отвѣчалъ молодой капитанъ уклончиво, — я не стану вдаваться съ вами въ препирательства о политикѣ: это дѣло вашингтонскаго правительства, къ нему потрудитесь обратиться за разрѣшеніемъ вашихъ недоразумѣній. Я-же

могу дать вамъ только одинъ совѣтъ: будьте какъ можно осторожнѣе въ обращеніи съ неграми; съумѣютъ-ли они умѣреннѣе воспользоваться своею свободой или злоупотребять ею — это будетъ совершенно зависѣть отъ благоразумія ихъ прежнихъ владѣльцевъ.

— Очень вамъ благодаренъ за совѣтъ, замѣтилъ Тайльгровъ извительно.

— Вы сами можете убѣдиться на опытѣ, на-сколько онъ практиченъ, отвѣчалъ капитанъ со смѣхомъ: — если-бы ваши дамы были такъ любезны, что дали-бы мнѣ стаканъ воды, котораго я просилъ, мы-бы не зашли къ вамъ; но мы должны сломить высокомеріе южанъ; потомъ, надѣюсь, мы станемъ добрыми друзьями.

— Не слишкомъ-ли рано вы стали надѣяться, господинъ капитанъ? возразилъ Тайльгровъ рѣзко. — Южане могутъ быть разбиты въ данную минуту, но они никогда не будутъ побѣждены, и сѣверянамъ придется расплатиться за все.

— Посмотримъ, замѣтилъ капитанъ, смѣясь; — но неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что въ состояніи будете превратить опять въ рабство этихъ негровъ? Смотрите, чтобы попытка не обошлась слишкомъ дорого, хотя вообще это народъ безобидный. Посмотрите, они отъ радости, кажется, ничего не помнятъ.

Сцена съ чужимъ негромъ, чуть неимѣвшая кровавой развязки, дѣйствительно прошла почти незамѣтно. Легкомысліе и беззаботность негровъ, — беззаботность, прививаемая имъ воспитаніемъ, привычкой вѣчно имѣть надъ собою опекуна, — заставили ихъ и на этотъ разъ забыть все, чтобы цѣликомъ отдаться радости минуты, которая имъ принесла то, что составляло постоянный предметъ ихъ желаній и надеждъ, — принесла свободу.

Негръ — врожденный музыкантъ; онъ страстно любитъ всякій инструментъ, отъ дудки до скрипки, отъ трубы до гармоніи, и старается при малѣйшей возможности обзавестись тѣмъ или другимъ. Поэтому и на плантаціи мистера Тайльгрова находились двѣ настоящія скрипки, полдюжины дудокъ, барабанъ, труба и гармоника; до сихъ поръ никому изъ негровъ никогда, конечно, и въ голову не приходило пустить въ ходъ всѣ эти инструменты за-разъ, но теперь всякій наперерывъ старался щегольнуть своимъ искусствомъ.

Страсть къ музыкѣ доказываетъ лучше всего, какъ мало кровожадности и мстительности въ характерѣ этихъ людей. Въ пер-

вомъ упоеніи побѣды они хватаются не за ножи или ружья, чтобы отмстить своимъ безжалостнымъ и жестокимъ господамъ, а за гармонику и скрипку, съ которыми они, впрочемъ, въ свою очередь обращаются безжалостно. Впрочемъ, у всякаго негра есть чувство тѣта, и потому какъ ни безобразна была въ данномъ случаѣ самая мелодія, но музыканты, по крайней мѣрѣ, сохраняли вѣрный темпъ, и скоро изъ молодежи выступило нѣсколько паръ плясать обыкновенный негритянской танецъ.

Старухи негритянки также прибрели посмотрѣть на чудо. Какъ, ихъ народу дана свобода? Онѣ слышали „благую вѣсть“, но въ сердцахъ ихъ не было вѣры: то, что имъ говорили, было уже черезчуръ невозможно, невѣроятно. Да, можетъ быть, теперь, пока солдаты „сѣверянъ“ здѣсь на дворѣ, имъ предоставляютъ свободу, но уйдутъ эти солдаты — и „масса“ вѣстѣ съ „массой Галлемъ“ станутъ снова сгонять бѣдныхъ черныхъ бичомъ. И начнутся опять безчеловѣчныя наказанія! Да, для этихъ старухъ праздникъ былъ не въ праздникъ: страхъ отнималъ всю прелесть у веселья и воспоминаніе объ исполосованныхъ спинахъ возставало передъ ними грознымъ призракомъ.

За то тѣмъ необузданнѣе предавалась первому порыву радости молодость. Ей приходилось въ этотъ день испытать столько новыхъ впечатлѣній, увидѣть то, о чемъ она никогда и не мечтала. Передъ нею толпились бѣлые солдаты, вооруженные съ головы до ногъ; они привѣтливо разговаривали съ нею, чокаясь стаканами, а суровый масса Галль молча глядѣлъ на это; былъ буденный день, а ихъ не гнали на работу; всѣ негры плантаціи толпились на дворѣ, куда входъ имъ былъ запрещенъ.

Молодой капитанъ обратился къ одному изъ унтеръ-офицеровъ, чтобы отдать ему нужныя распоряженія, — пора было собираться въ путь, — какъ вдругъ кто-то робко дернулъ его за рукавъ. Повернувъ голову, онъ увидѣлъ маленькую, прелестную негритяночку въ бѣломъ платицѣ; она робко глядѣла на него, трусливо косясь въ бокъ, на свою „миссисъ“, не глядитъ-ли она на нее, не разсердится-ли она, хотя въ томъ, зачѣмъ она подошла къ офицеру, не было ничего дурного.

— Что тебѣ надо, малютка? спросилъ офицеръ ласково. — Что съ тобой, дитя мое?

— Ахъ, сэръ, прошептала Лидди, конфузясь и щипля ленту своего кушака,— правда-ли то, что Бобъ намъ разсказалъ?

— Что-же онъ вамъ разсказалъ?

— Что мы всѣ свободны и можемъ идти, куда хотимъ.

— Правда; но развѣ ты не хочешь остаться съ отцомъ и матерью?

— Какъ не хотѣть, сэръ, произнесла Лидди жалобно, — да только я не знаю, гдѣ они.

— Развѣ они не здѣсь?

— Ахъ нѣтъ, масса; я ихъ видѣла въ послѣдній разъ гдѣ-то далеко, далеко отсюда, на большой рѣкѣ, а потомъ насъ—сестру и меня—привезли сюда и продали.

Молодой капитанъ закусилъ губу.

— Гдѣ-же это было? спросилъ онъ наконецъ.

— На пароходѣ...

— Нѣтъ, въ какомъ штатѣ?

— Не знаю, масса: я никогда прежде тамъ не была; отошлите насъ туда. Мать вѣрно плачетъ по насъ.

— Бѣдное дитя! проговорилъ офицеръ мягко.— Мы вѣдь и деремся за то, чтобы уничтожить такое безобразіе! Чортъ-бы побралъ этихъ мерзавцевъ!

— Вы отвезете насъ туда, масса? приставала дѣвочка.

— Да какъ-же я могу, дружочекъ? При всемъ моемъ желаніи это невозможно. Развѣ я могу бросить своихъ солдатъ? Гдѣ живутъ теперь твой отецъ и мать? У какого они господина? Скажи мнѣ ихъ фамилію, такъ я наведу справки.

— Фамилію?.. растерялась дѣвочка:— меня зовутъ Лидди, сестру Полли, отца звали Сипъ, мать Сара, а никакой фамиліи я не слыхала; жили мы у м-ра Бойда въ Кентукки, но, говорятъ, онъ проигралъ разъ ночью всѣ свои деньги и долженъ былъ продать нѣкоторыхъ изъ насъ; какой-то злой человѣкъ увезъ насъ съ собою и посадилъ на пароходъ, и мы не знаемъ, что сдѣлалось съ матерью и съ отцомъ и гдѣ они теперь.

— Васъ двое?

— Да, сестра и я. Ахъ, если-бы только мы могли узнать, гдѣ теперь мать! На что намъ свобода, когда мы не знаемъ, гдѣ отецъ съ матерью?

Капитанъ Гельдорнъ молча бивнулъ головою, но какъ ни жал-

ко ему было дѣвочку, онъ не въ состояніи былъ помочь ей. Рабо-владѣльцы съ умысломъ не позволяли неграмъ имѣть фамиліи, чтобы не слишкомъ бросалось въ глаза, когда они разрывали семьи. Мужа обыкновенно звали Сципіонъ, Неронъ, Бобъ и т. п., жена также получала кличку: Нелли, Сара, смотря по тому, какъ вздумается ея барынь, и сохраняла эту кличку и послѣ того, какъ выходила замужъ за какого-нибудь негра плантаціи; браки между неграми различныхъ плантацій не допускались, такъ-какъ мужъ и жена теряли-бы слишкомъ много времени на прогулки взадъ и впередъ. Если, поэтому, родители дѣвочки были проданы съ парохода на какой-нибудь другой пристани, то какъ-же можно было ихъ отыскать? Кто зналъ, можетъ быть, они были увезены за сотни миль.

Гельдорнъ не могъ поэтому подать ни малѣйшей надежды дѣвочкѣ. Его отозвали солдаты и Лидди печально вернулась къ сестрѣ. Остальные освобожденные негры радовались и ликовали, но къ чему была свобода ей и сестрѣ? Онѣ были одиноки на свѣтѣ, и въ молодые сердца ихъ въ первый разъ закралась забота, которой онѣ не знали до сихъ поръ,—забота о будущемъ, чувство полного одиночества. Отрядъ сѣлъ на лошадей, чтобы присоединиться къ главному корпусу арміи. Среди негровъ обнаружилось необыкновенное оживленіе. Едва зародилось въ умѣ ихъ смутное опасеніе, что по уходѣ солдатъ ихъ прежній масса употребить противъ нихъ силу, чтобы не лишиться ихъ труда и не потерять своей собственности, какъ они рѣшили забрать свои пожитки и присоединиться къ сѣверной арміи. Сборы были не долги, такъ-какъ у нихъ не было своей собственности; даже куртки ихъ, согласно законамъ южныхъ штатовъ, принадлежали ихъ владѣльцамъ, также какъ и они сами. Но, получивъ свободу сами, негры заявили право на одежду для прикрытія своей наготы,—обувь не входила въ число этой одежды,—и самыя лучшіе, самыя здоровыя работники м-ра Тайльгрова, вся молодежь на его глазахъ поднялась на ноги и покинула его плантацію. Онъ былъ совершенно подломленъ и когда надсмотрщикъ Галль, взбѣшенный дерзостью негровъ, спросилъ его, неужели онъ это потерпитъ, онъ только махнулъ рукою, медленно слѣзъ съ лошади, отвелъ ее—въ первый разъ въ жизни—самъ въ конюшню, вошелъ въ домъ и заперся въ своей комнатѣ.

IV.

ГЕНЕРАЛЬ ШЕРМАНЪ.

Шумное оживленіе царствовало въ Бельвилѣ, когда отрядъ капитана Гельдорна, съ двадцатью неграми Тайльгрова, вступилъ туда и остановился передъ куртгаузомъ.

Негры, находившіеся подъ командою поручика отряда Гельдорна, разсѣялись частью по сосѣднимъ плантаціямъ, частью по самому городу, и какъ бѣглый огонь распространилась повсюду вѣсть: свободны, свободны!

На плантаціи Тайльгрова съ неграми обращались сурово, но безъ преднамѣренной жестокости, такъ-что они не любили своего господина, боялись его, но не питали къ нему ненависти, которая могла-бы вызвать жажду мести. Здѣсь-же было далеко не такъ, особенно послѣ печальной сцены, разыгравшейся утромъ на глазахъ негровъ. Поэтому едва миновалъ первый порывъ шумной радости, охватившей все черное населеніе, какъ достаточно было одного слова, чтобы заставить всю эту массу, подобно потоку, прорвавшему плотину, устремиться къ одной цѣли.

— Ищейки! крикнула какая-то женщина:—они затравили ими нашего богобоязненнаго проповѣдника и онъ теперъ въ оковахъ. Освободите его и убейте собакъ!

— И бѣлаго мерзавца! крикнулъ сѣдой старикъ. Какъ лавина устреилась толпа къ тюрьмѣ; въ одно мгновеніе двери были выломаны и заключенный выведенъ на свободу при громкихъ крикахъ восторга. Когда негры увидали его распростертымъ на полу, въ тѣсномъ, грязномъ казематѣ, покрытаго цѣпями,—его, который не сдѣлалъ ничего дурного, который хотѣлъ облегчить ихъ-же страданія и говорилъ имъ правду и только правду,—гнѣвъ ихъ перешелъ въ бѣшеную ярость.

Они узнали, что выдалъ его бѣлымъ одинъ изъ надсмотрщиковъ негровъ на плантаціи Ургуарда, Веньяминъ или Бэнъ, также мулатъ, который стегалъ бичомъ своихъ черныхъ братьевъ безжалостнѣе, чѣмъ двадцать бѣлыхъ.

Этого было достаточно, чтобы направить толпу мстителей на плантацію Ургуарда. Ургуарда ненавидѣли и боялись болѣе, чѣмъ

кого-либо изъ бѣлыхъ; его обвиняли въ такихъ жестокостяхъ, которыя перо отказывается описывать. Сами бѣлые считали его ужъ черезчуръ жестокимъ и не разъ дѣлали ему по этому поводу замѣчанія. Доведенные до послѣдней крайности, негры нѣсколько разъ грозили ему бунтомъ, а примѣръ ихъ могъ подѣйствовать заразительно на остальныхъ негровъ и повлечь къ страшнымъ бѣдствіямъ. Два раза уже онъ былъ подъ судомъ по обвиненію государственнаго прокурора за безчеловѣчное обращеніе съ неграми, но такъ-какъ свидѣтелями являлись только цвѣтные люди, а по существовавшимъ законамъ свидѣтельство ихъ противъ бѣлаго не принималось, каково-бы ни было преступленіе, совершенное этимъ бѣлымъ, то его оба раза освобождали отъ суда по неимѣнію доказательствъ, несмотря на то, что жертвы его варварскаго обращенія были на-лицо, но эти окровавленные жертвы были негры—и законъ не могъ оказать имъ покровительства, не могъ принять ихъ окровавленные тѣла, какъ вещественныя доказательства.

Итакъ, негры находились въ страшномъ возбужденіи; вооруженные негры изъ отряда прижмули къ нимъ; солдаты были заняты присканіемъ квартиръ для подходившаго главнаго корпуса арміи и никто не обращалъ вниманія на негровъ, оставленныхъ безъ всякаго контроля.

Толпа направилась прямо къ плантаціи Ургуарда, какъ вдругъ освобожденный мулатъ вспомнилъ утреннюю травлю и мучительные часы, пережитые имъ.

— Собаки! закричалъ онъ.—Гдѣ эти бестіи? Покончимъ сперва съ ними, онѣ приучены къ негрятянской крови!

— Собаки, собаки! подхватила толпа въ то время, какъ передніе ряды ея уже свертывали въ первый переулокъ налѣво,—собаки и мерзавецъ, который ихъ держитъ! Впередъ, впередъ, чтобы онъ не улизнулъ отъ насъ!—И она, какъ вихрь, понеслась къ дому янки.

Джимъ Шерардъ уже былъ дома. Онъ отлично понималъ опасность, которая грозила ему въ случаѣ, если негрятянской элементъ одержитъ верхъ, такъ-какъ черные или „цвѣтные“ ненавидѣли его. Но онъ все-таки не предполагалъ, чтобы они осмѣлились такъ скоро произвести на него нападеніе, и, собравъ только свои драгоцѣнности, чтобы быть готовымъ на всякій случай, спустилъ

на дворѣ собакъ. Спустивъ ихъ, онъ былъ увѣренъ, что ни одинъ негръ не осмѣлится войти къ нему во дворъ, потому что негры боялись укушенія собакъ еще болѣе, чѣмъ бича надсмотрщика, — но расчеты его оказались невѣрными. Джимъ Шерардъ собиралъ бѣлье и разныя вещи въ своей комнатѣ, въ верхнемъ этажѣ маленькаго домика, въ которомъ жилъ съ двумя молоденькими невольницами, составлявшими всю его прислугу, и раздумывалъ о томъ, куда ему дѣваться. Если эти солдаты были просто отбившійся отъ главнаго отряда патруль, въ чемъ онъ и до сихъ поръ еще былъ убѣжденъ, въ такомъ случаѣ ему незачѣмъ было уѣзжать далеко—онъ могъ оставаться въ этихъ мѣстахъ. Если-же дѣйствительно Шерманъ шелъ сюда со всею своею арміею, тогда ему лучше немедленно уѣхать на сѣверъ и выжидать тамъ, пока пройдетъ переполохъ,—людей одного съ нимъ взгляда на вещи онъ найдетъ, конечно, и тамъ.

Громкій ревъ на улицѣ заставилъ его подойти къ окну; онъ увидѣлъ темную массу, видимо направлявшуюся къ его дому.

Смертельный страхъ охватилъ его: онъ зналъ какъ нельзя лучше, что ожидало его за его собакъ. Но вѣдь эти собаки могутъ и защитить его: ни одинъ негръ не осмѣлится подойти къ нимъ, потому что будетъ разорванъ въ клочки, слѣдовательно негры не пройдутъ черезъ дворъ, а сзади домъ былъ обнесенъ желѣзною рѣшеткою, слѣдовательно они не могутъ ворваться въ домъ. Къ тому-же у него было ружье и два револьвера, а у негровъ не было оружія, да они и не умѣли съ нимъ обращаться,—такъ думалъ, по крайней мѣрѣ, м-ръ Шерардъ. Онъ не зналъ, что на всякой плантаціи было по крайней мѣрѣ по негру, котораго держали для охоты и который снабжалъ барскую кухню зайцами, утками, бекасами, а подчасъ и оленемъ.

Впрочемъ, Шерарду не пришлось долго раздумывать—толпа уже окружила его заборъ; ищейки его Ниттеръ, Буль и еще четыре собаки, какъ бѣшенныя, кидались на заборъ, чтобъ схватить негровъ; онъ не зналъ, какая опасность грозитъ имъ самимъ, а-то-бы давно разбѣжались.

Шерардъ приписалъ остановку разъяренной толпы страху, который ей внушали собаки; но вдругъ раздалось восемь или десять выстрѣловъ и нѣсколько кровожадныхъ собакъ съ воемъ и визгомъ повалилось на землю; остальные, только раненныя, пыта-

лись доползти до дому. Но раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ— и всѣ собаки лежали, убитыя наповаль. Толпа съ крикомъ торжества перелѣзла черезъ заборъ и, какъ черная лавина, устремилась на домъ.

Шерардъ не видѣлъ ничего болѣе; мысли перепутались у него въ головѣ. „Лошадь, лошадь!“ Но когда-жъ успѣть ее осѣдлать? Онъ схватилъ свой чемоданъ и бросился съ лѣстницы, чтобы выйти заднимъ ходомъ на дорогу, которая вела въ горы. Но едва вышелъ онъ на задворокъ, какъ замѣтилъ уже и тамъ черныя фигуры, подстерегавшія его. Дорога была отрѣзана и съ этой стороны; оставался одинъ исходъ: налѣво лежало еще несрѣзанное поле сахарнаго тростника; поле было невелико, но принычало къ болотистому, глухому лѣсу.

Негры замѣтили его по свѣтлому платью и испустили дикій ревъ, пытаясь выломать ворота. Въ смертельномъ страхѣ Шерардъ сталъ перелѣзать черезъ заборъ; онъ уже перелѣзъ черезъ него, какъ вдругъ чемоданъ зацѣпился и упалъ во дворъ. Шерардъ бросилъ нерѣшительный взглядъ на своихъ преслѣдователей; но въ эту минуту они выломали ворота; единственное спасеніе для него было въ отчаянномъ бѣгствѣ. Ему приходилось разстаться съ своею собственностью, — впрочемъ, деньги были у него при себѣ въ боковомъ карманѣ. Онъ спрыгнулъ съ забора въ поле и исчезъ въ высокому тростникѣ.

Преслѣдователи бросились за нимъ, но онъ уже добрался до лѣсной чащи и безъ собакъ они не могли-бы его тамъ выслѣдить.

Въ то время, какъ часть негровъ осталась грабить домъ ненавистнаго содержателя собакъ и, разграбивъ, подожгла его, остальная толпа направилась къ плантаціи Ургуарда; страшный „масса“ не возбуждалъ въ нихъ болѣе страха. Его рабы, съ которыми онъ обращался подчасъ хуже, чѣмъ съ животными, вдругъ сдѣлались людьми; имъ уже незначѣмъ было, униженно ползая по землѣ, подставлять свои спины подъ удары бича; они пылали ненавистью и жаждой мести за годы униженія; всѣми овладѣло страстное желаніе попробовать на немъ силы, которыя онъ употреблялъ до сихъ поръ для работы на себя.

До плантаціи было не болѣе половины англійской мили; нападеніе на домъ янки заняло нѣкоторое время, такъ что м-ру Ургуарду

успѣли уже дать знать о грозящей ему опасности; съ донесеніемъ къ нему явился надсмотрщикъ надъ неграми, Бэнъ, который шпіонилъ за неграми изъ страха не только потерять выгодное мѣсто, но и лишиться жизни, если негры одержать верхъ. М-ръ Ургуардъ самонадѣянно разсмѣялся, услышавъ донесеніе Бэна. Онъ „вымуштровалъ“ своихъ людей, какъ онъ выражался, и былъ увѣренъ, что ни одинъ изъ его негровъ не осмѣлится сказать ему грубаго слова. Отряду солдатъ, загнанному сюда арміею южанъ, придется убираться по-добру по-здорову, а уйдутъ солдаты, — негры знаютъ, какъ онъ расправится съ бунтовщиками!

Впрочемъ, онъ принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности, зарядилъ все оружіе, которое было у него въ домѣ, и взялъ въ домъ четырехъ негровъ, на которыхъ могъ, какъ ему казалось, вполне положиться, чтобы они защищали его въ случаѣ нужды. Затѣмъ, увѣренный въ своемъ правѣ, онъ ни о чемъ болѣе не тревожился. Негры были его собственностью „передъ Богомъ и закономъ“. Онъ могъ обращаться съ ними, какъ ему вздумается, и никто не смѣлъ вмѣшиваться въ его распоряженія.

Онъ приказалъ Бэну собрать негровъ и на все время пребыванія въ городѣ солдатъ запереть ихъ, чтобы они не могли войти съ ними въ какія-нибудь сношенія. Но куда дѣвались всѣ негры? На полѣ, гдѣ они работали, не оказалось ни одного; только женщины и дѣти, съ врожденною имъ трусливостью, оставались на работѣ; этотъ бѣдный, задавленный людъ не вѣрилъ въ возможность свободы и дрожалъ за послѣдствія послушанія. Можетъ-ли быть, что ихъ сдѣлаютъ свободными, что ихъ господинъ откажется отъ всякихъ притязаній на нихъ? Нѣтъ. Уйдутъ бѣлые, — никто о нихъ и не подумаетъ и имъ придется платиться окровавленными, избѣженными спинами за свою провинность.

Толпа показалась на дорогѣ. Да, мы сидѣли въ залѣ, внизу за кофеемъ. Онѣ слышали, что въ Бельвилъ вступилъ конный отрядъ сѣверянъ, но думали точно также, какъ и м-ръ Ургуардъ, что это какой-нибудь отрядъ, разбитый арміею Ли и вынужденный остановиться здѣсь на короткое время, чтобы дать отдохнуть лошадамъ. Чѣмъ менѣе обращать на нихъ вниманія, тѣмъ лучше; пусть они почувствуютъ, что южане ненавидятъ ихъ и не хотятъ имѣть съ ними никакого дѣла.

— Что это за шумъ? спросила м-съ Ургуардъ у мужа, кото-

рый, сдѣлавъ нужныя распоряженія, входилъ въ комнату.— Неужели это сѣверная шайка? Не понимаю, какъ могутъ наши войска подвергать насъ такимъ нашествіямъ.

Ургуардъ подошелъ къ окну и поблѣднѣлъ какъ полотно, увидѣвъ темную массу, стремившуюся по направленію къ его дому. Это были негры и мулаты; онъ узналъ среди толпы нѣкоторыхъ изъ своихъ рабовъ.

— Двери на замокъ! крикнулъ онъ хриплымъ голосомъ, отскакивая отъ окна и поспѣшно направляясь къ передней.— Запирайте двери и ставни, слышите? Живѣй! Бунтъ!.. Бѣнъ, куда! Гдѣ ты? люди наверху? По мѣстамъ!

— О, масса! вскричалъ Бѣнъ, выбѣгая къ нему на-встрѣчу съ помертвѣвшимъ лицомъ,—съ ними идетъ желтый негръ, котораго вы травили сегодня.

Ургуардъ не отвѣчалъ ни слова. Съ быстротою молніи взлетѣлъ онъ на лѣстницу, схватилъ двухствольное ружье и выстрѣлилъ въ мулата, котораго считалъ и, можетъ быть, не безъ основанія, за коновода. Но выстрѣлъ былъ сдѣланъ черезчуръ поспѣшно; мулатъ, правда, упалъ, но тотчасъ-же вскочилъ на ноги; а сдѣлать другой выстрѣлъ Ургуарду помѣшали его собственные люди. Четыре негра, которыхъ онъ взялъ для защиты себя, поняли, въ чемъ дѣло, и не чувствовали ни малѣйшей охоты защищать своего жестокаго господина теперь, когда его ждала награда за его безобразія, а тѣмъ болѣе позволять ему убивать ихъ-же собратьевъ. Какъ только онъ приложилъ ружье къ щекѣ во второй разъ, они бросились на него и подхватили сзади. Ружье выстрѣлило въ воздухъ; поднятый четырьмя дюжими неграми, Ургуардъ не въ состояніи былъ оказать ни малѣйшаго сопротивленія. Впрочемъ, было уже поздно. Они взмахнули имъ и съ раздрающимъ душу крикомъ онъ вылетѣлъ во дворъ, гдѣ толпа бросилась на него съ крикомъ торжества и въ буквальный смыслъ слова растоптала его ногами.

Бѣнъ хотѣлъ броситься на выручку своему хозяину, забывая объ опасности, которая грозила ему самому, такъ-какъ его ненавидѣли болѣе, чѣмъ кого-либо другого на плантаціи, вслѣдствіе того, что онъ, несмотря на свое происхожденіе, обращался самымъ безчеловѣчнымъ образомъ съ своими собратьями. Бездыханное тѣло его полетѣло на дворъ вслѣдъ за тѣломъ господина и

негры, попробовавъ крови, вѣроятно не остановились-бы на этомъ, если-бы во дворъ не прискакалъ отрядъ солдатъ съ обнаженными саблями и не положилъ предѣла ихъ мести.

Въ Бельвилѣ слышали выстрѣлы, и такъ-какъ Шерманъ уже расположился тамъ, а офицеры знали, что онъ отдалъ наистрожайшее приказаніе не допускать возмущеній негровъ и убійствъ, то они и поспѣшили отправить патруль, чтобы по-возможности затушить дѣло въ самомъ началѣ; солдатамъ удалось спасти отъ насилій, по крайней мѣрѣ, женщинъ. Но самъ плантаторъ уже получилъ заслуженное наказаніе и уходившіеся негры, утоливъ свою ярость на двухъ самыхъ жестокихъ мучителяхъ своихъ, ликуя вернулись въ Бельвилъ, гдѣ большинство ихъ примкнуло къ сѣверной арміи.

Генераль Шерманъ вступилъ въ Бельвилъ по пути въ Саванну, между тѣмъ какъ всѣ полагали, что онъ направится на лежащій болѣе къ сѣверу Чарльстонъ въ южной Каролинѣ. Онъ нагонялъ повсюду страхъ и ужасъ своимъ появленіемъ, такъ-какъ его смѣлый походъ въ сердце непріязненнаго населенія, со всею южною арміею въ тылу, показывалъ, что силы Юга надломлены и что страшная, кровавая революція подходитъ къ концу.

Вслѣдствіе появленія сѣвернаго флота на Атлантическомъ океанѣ и завоеванія сѣверянами всѣхъ крѣпостей на Миссисипи, по которой крейсировали теперь канонерскія лодки сѣверянъ, южная армія должна была ограничить кругъ своихъ дѣйствій весьма небольшимъ количествомъ штатовъ. Теперь предприимчивый сѣверный генераль, съ неустрашимостью и стойкостью, неизмѣнными себѣ ничего подобнаго, перерѣзалъ и эти оставшіеся у нахъ штаты съ сѣвера до юга, прервалъ всѣ сообщенія между ними и убѣдился на опытѣ, что бунтовщики напрягаютъ свои послѣднія силы, что они отброшены къ границамъ, а изнутри штатовъ не могутъ ждать ни помощи, ни резервовъ. Окончательное пораженіе отрѣзанныхъ другъ отъ друга отрядовъ представляло только вопросъ времени, и въ первый разъ плантаторы этой мѣстности, которую война щадила до сихъ поръ, начали сознавать, какую страшную ошибку они сдѣлали, затѣявъ войну съ цѣлью образованія единаго великаго невольническаго государства. Они проиграли игру, и, по мѣрѣ того, какъ довѣріе къ ихъ вождямъ пропадало, малодушіе закрадывалось въ ихъ подлныя душонки.

Какъ только сѣверные офицеры заняли гостиницу, бѣлое населеніе Бельвиля трусливо разбѣжалось по собственнымъ домамъ, чтобы обуздывать своихъ рабовъ и переждать, пока пронесется буря. Можетъ быть, все дѣло кончится пустяками, а между тѣмъ сношенія съ сѣверянами были непріятны для обѣихъ сторонъ, въ особенности для рабовладѣльцевъ.

Вдругъ въ городѣ разнесся слухъ объ убійствѣ Ургуарда; плантаторами и вообще бѣлыми, такъ-какъ у всѣхъ ихъ были рабы, овладѣлъ страхъ, что пролитая кровь послужитъ сигналомъ къ дальнѣйшимъ убійствамъ. Всякій дрожалъ за собственную жизнь. И то уже солдаты, являясь за сѣстными припасами, всюду встрѣчали самую энергическую поддержку въ неграхъ. Поэтому рѣшено было отправиться къ главнокомандующему и обратить его вниманіе на опасность, которой онъ подвергаетъ всю страну. Докторъ Симмсъ взялся устроить все дѣло; онъ разослалъ ко всѣмъ своимъ пріятелямъ гонцовъ съ приглашеніями собраться къ нему на квартиру и написалъ записку генералу Шерману, въ которой отъ своего имени и отъ имени своихъ друзей увѣдомлялъ его о совершенныхъ насиліяхъ.

Ему недолго пришлось ждать отвѣта, — отвѣта, впрочемъ, очень лаконическаго; генералъ писалъ просто: „Приходите съ вашими друзьями въ отель, мнѣ нужно съ вами поговорить“.

Шерманъ.

Это было коротко и ясно. Генералъ приказывалъ бѣлому населенію страны, которое до сихъ поръ всевластно распоряжалось въ ней, явиться къ нему; а что, если они не исполнятъ его приказанія? Докторъ чуть было не послалъ рѣзкаго отвѣта, но благоразуміе одержало верхъ надъ негодованіемъ, овладѣвшимъ въ первую минуту душою стараго аристократа-республиканца. Лучше, во всякомъ случаѣ, сперва выслушать, что скажетъ генералъ, который въ настоящее время имѣетъ на своей сторонѣ силу; послѣ можно всегда будетъ сдѣлать, что захочешь; къ тому же нужно во всякомъ случаѣ дождаться пріятелей.

Они не заставили себя долго ждать; обстоятельства требовали быстроты дѣйствій, и привычка относиться ко всему „спустя рукава“, составляющая отличительную способность американскаго плантатора, оказывалась теперь неудобною. Если имъ не будетъ оказана быстрая помощь, начавшееся возстаніе черныхъ можетъ

распространиться и повлечь за собою страшныя послѣдствія. Всѣ эти господа чувствовали за собою грѣхъ; они знали, что негры имѣютъ полное право мстить за многое и воспользуются этимъ правомъ, если власть будетъ въ ихъ рукахъ. Въ городѣ приходилось по семи негровъ на одного бѣлаго; на плантаціяхъ отношеніе это было еще неблагопріятнѣе для бѣлыхъ: тамъ насчитывалось по двѣнадцати негровъ на одного бѣлаго, а, какъ говоритъ поэтъ, „не предъ свободнымъ челоувѣкомъ трепещи, а предъ рабомъ, когда оковы сброситъ онъ“.

Гордость царьковъ хлопчато-бумажныхъ и сахарныхъ плантацій сначала возмутилась приказаніемъ—приглашеніемъ этого нельзя было назвать—сѣвернаго офицера, хотя-бы даже и генерала. По справедливости, онъ долженъ былъ самъ явиться къ нимъ, но требованіе Шермана было выражено такъ рѣшительно, что невозможно было ослушаться его. Къ тому-же въ его власти было разжечь и безъ того возбужденныя страсти невольниковъ. Поэтому пріятели доктора согласились съ его мнѣніемъ, что необходимо немедленно послѣдовать приглашенію, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ имъ представлялась возможность узнать настоящее положеніе дѣлъ.

Гарперъ, Тайльгровъ, докторъ, оба адвоката Лесли и Джонсъ, аптекарь, судья—всѣ рѣшили идти. Бѣлые управляющіе различными плантаціями по-настоящему также должны-бы были представиться генералу, но они находились въ услуженіи, и гордые рабовладѣльцы, смотрѣвшіе съ презрѣніемъ даже на бѣлыхъ переселенцевъ, которые не стыдились работать, тѣмъ менѣе могли потерпѣть, чтобы слуги ихъ сравнялись хоть въ чемъ-нибудь съ ними.

Улицы города кишѣли солдатами, среди которыхъ мелькали негры обоого пола. Мало того: когда они подошли къ площади, на которую выходилъ отель, они увидѣли отрядъ солдатъ въ сопровожденіи негровъ, гнавшій цѣлое стадо быковъ и лошадей, пастбища которыхъ выдали, по всей вѣроятности, ихъ-же рабы.

Тайльгровъ злобно закусилъ себѣ губы: большая часть скота принадлежала ему, а въ толпѣ негровъ онъ узналъ двухъ изъ своихъ бывшихъ рабовъ. Но въ эту минуту ему нечего было дѣлать: они идутъ къ генералу, который долженъ оказать имъ помощь, или вся страна подымется противъ него и тогда ни онъ,

и ни одинъ изъ его солдатъ не возвратится живымъ въ свое сѣверное отечество.

Достигнувъ отеля, они, понятно, захотѣли проникнуть въ приемную комнату, но передняя была до того наполнена солдатами, что имъ едва-ли бы удалось протискаться, если-бы даже они рѣшились смѣшаться съ этимъ народомъ. Поэтому Тайльгровъ вызвалъ хозяина отеля и спросилъ его, какъ имъ попасть въ комнату генерала, на что Селькиркъ (хозяинъ отеля) отвѣчалъ ему, пожимая плечами, что генераль Шерманъ строго-на-строго запретилъ пускать къ нему кого-бы то ни было, кромѣ его собственныхъ офицеровъ; если-же кто-нибудь будетъ его спрашивать, то хозяинъ долженъ доложить ему и онъ тогда уже распорядится.

Тайльгровъ снова закусилъ нижнюю губу, но, какъ его гордость въ немъ ни возмущалась, бороться противъ настоящаго могущества врага было невозможно; имъ надо ждать своей очереди—тогда они щедро расплатятся.

— Хорошо, Селькиркъ, сказалъ онъ, нахмуривая брови, послѣ небольшого размышленія;—такъ вы скажите генералу, что всѣ бѣлые жители Бельвиля, но только изъ „владѣющаго“ класса, пришли, по его желанію, чтобы поговорить съ нимъ... но, что слѣдуетъ принять во вниманіе, что время для нихъ дорого и они желаютъ, чтобы дѣло было покончено поскорѣе.

Пока Тайльгровъ говорилъ, Селькиркъ глядѣлъ на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ; онъ могъ судить по тому, что видѣлъ, о томъ, какъ приметъ генераль подобное порученіе. Но онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія и черезъ десять минутъ воротился съ отвѣтомъ, что господа должны подождать одну минуту на улицѣ и что генераль сейчасъ спустится къ нимъ.

— Это неслыханная наглость! вскричалъ Симмсъ;—оставлять насъ ждать на улицѣ, когда у него тамъ есть комнаты! Что вы на это скажете, Роджерсъ?

— Что я скажу на это? повторилъ Роджерсъ, пожимая плечами.—Скажу то, что я не хочу терпѣть подобной дерзости и, просто, уйду. Чортъ его возьми—этого янки!

— Самое скверное, ворчалъ одинъ изъ адвокатовъ, Лесли,—самое скверное тутъ то, что онъ совсѣмъ и не янки: у этихъ

мерзавцевъ лучшіе люди изъ нашихъ штатовъ. Но лучше останьтесь, Роджерсъ. Теперь сила въ его рукахъ, но придетъ и нашъ чередъ, тогда мы разсчитаемся съ этими проклятыми шайками. Подумайте только, какой мы имъ счетъ поднесемъ.

— Да, замѣтилъ Тайльгровъ,—если намъ не придется расплачиваться собственными карманами.

— Глупости! воскликнулъ Роджерсъ;—если-бы я могъ подумать, что эти негодяи дѣйствительно останутся побѣдителями, я бы сегодня-же пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Какъ мы задали имъ въ первые годы, когда они еще значительно превосходили насъ силами! Какъ они тогда бѣжали отъ насъ и сколько тысячъ плѣнныхъ и до сихъ поръ еще въ нашихъ походныхъ тюрьмахъ! Правда, генераль Шерманъ добрался сюда и напалъ на самое слабое наше мѣсто; но увидить-ли еще онъ или кто-нибудь изъ его солдатъ свой Сѣверъ—это другой вопросъ; что касается меня, то я думаю, что нѣтъ.

— Однако, генераль долго нейдетъ, замѣтилъ Гарпенъ, не спускавшій глазъ съ дверей.

— Будь я проклятъ, если я стану дольше ждать его! закричалъ Роджерсъ;—если онъ спроситъ обо мнѣ, то скажите ему, что если ему что-нибудь отъ меня нужно, то пусть самъ придетъ ко мнѣ.

И онъ упрямо повернулся къ выходу.

— Роджерсъ, останьтесь здѣсь! закричалъ ему вслѣдъ Тайльгровъ, но старикъ сердито покачалъ головой и, не обернувшись ни разу, вышелъ со двора.

Терпѣніе остальныхъ плантаторовъ тоже было подвергнуто испытанію, такъ-какъ генераль заставилъ ихъ прождать еще полчаса, пока не счелъ нужнымъ сойти къ нимъ. Онъ обѣдалъ и не находилъ необходимымъ прерывать обѣдъ даже для нихъ. Наконецъ онъ показался въ дверяхъ безъ фуражки и еще съ салфеткой въ рукахъ.

Уильямъ Текумзе Шерманъ родился въ 1820 году, въ штатѣ Огіо, и получилъ образованіе въ военной академіи въ Уэстъ-Пойнтѣ. Характеръ Шермана былъ характеръ истинно военный—прямой, грубый, открытый, честный; у Шермана не было враговъ въ Соединенныхъ Штатахъ, кромѣ тѣхъ, которые теперь съ оружіемъ въ рукахъ сражались съ нимъ.

Шерманъ былъ росту немного выше средняго; это былъ человекъ очень плотный, но больше въ востяхъ, чѣмъ мясомъ; тѣло его было какъ-бы нарочно сдѣлано для перенесенія трудовъ и усталости; онъ отличался испытаннымъ мужествомъ, граничившимъ съ безуміемъ, и скорѣе искалъ опасностей, чѣмъ избѣгалъ ихъ.

„Безпокойныя руки его длинны, костлявы, цѣпки, говоритъ о немъ докторъ Эрнестъ Рейнгольдъ Шмидтъ въ своей „Исторіи американской междоусобной войны“. — Походка его торопливая, неровная; онъ ходитъ какъ на пружинахъ. Небрежная манера держать себя, неряшливость въ одеждѣ и безыскусственность разговора—все это показываетъ въ немъ человека, который пренебрегаетъ внѣшностью и не ищетъ популярности. Шермана называли оригиналомъ; было-бы справедливѣе, если-бы въ немъ признали гениальнаго человека. Очень большая голова съ несоразмѣрно сильно развитымъ черепомъ и высокимъ лбомъ заключаетъ въ себѣ могущественный, полный мысли мозгъ, неутомимая дѣятельность котораго свѣтится изъ его беспокойныхъ, пронизательныхъ сѣрыхъ глазъ. Черты лица его обозначены очень рѣзко, въ особенности углы губъ; они придаютъ ему выраженіе строгости и жестокости, что, впрочемъ, не въ характерѣ Шермана. Колочіе, коротко обстриженные усы отдѣляютъ его тонкія губы, всегда сжатые, когда онъ не куритъ сигару или не говоритъ, что, впрочемъ, бываетъ рѣдко“.

Шерманъ былъ въ простомъ генеральскомъ мундирѣ; на груди побѣдителя въ столькихъ сраженіяхъ не было ни одного ордена; высокіе, туго-накрахмаленные воротнички придавали ему даже нѣсколько филистерскій видъ, которому противорѣчили одни глаза.

Онъ не привелъ своего костюма въ порядокъ; волосы, казалось, не были чесаны цѣлую недѣлю; но онъ точно въ такомъ-же видѣ вышелъ-бы къ президенту или главнокомандующему арміей, какъ выходилъ теперь къ возставшимъ плантаторамъ; ему не было никакого дѣла до того, что о немъ скажутъ. Въ данномъ-же случаѣ онъ въ особенности не церемонился, потому что зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ даже не сошелъ къ нимъ, а остановился на каменномъ крыльцѣ съ сигарою во рту и движеніемъ руки пригласилъ къ себѣ ожидавшихъ его плантаторовъ.

Тайлгровъ колебался послѣдовать такому приглашенію, но Лесли,

желавшій во что-бы то ни стало услышать, что может сказать имъ генераль, первый выступилъ (впередъ, а остальные послѣдовали за нимъ; Шерманъ ждалъ, пока всѣ взойдутъ.

— Генераль, началъ Лесли, — вы выразили желаніе повидаться съ нами...

— Джентльмены, заговорилъ Шерманъ, считая лишнимъ отвѣчать на это обращеніе. — Я призвалъ васъ, чтобы изложить вамъ въ нѣсколькихъ словахъ положеніе дѣлъ въ данную минуту. Непріятель побѣжденъ; его силы и дерзость сломаны; остатки вашей арміи раздѣлились на три корпуса и мы теперь добиваемъ эти отряды.

— Генераль, возразилъ Тайльгровъ, чувствуя себя не въ силахъ долѣе сдерживаться. — Армія генерала Ли еще нетронута.

— Я васъ призвалъ не для того, чтобы выслушивать ваши взгляды на ходъ войны, перебилъ его рѣзко генераль, — а для того, чтобы сообщить вамъ факты. Повѣрите вы имъ или нѣтъ — это ваше дѣло. Каждое слово нашей славной конституціи сдѣлалось истиной; всѣ жители Соединенныхъ штатовъ свободны; нѣтъ болѣе рабовъ, и передъ выступленіемъ нашимъ изъ этого города новый законъ будетъ обнародованъ къ свѣденію цвѣтнаго населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ неграмямъ будетъ заявлено, что каждый изъ нихъ можетъ, если пожелаетъ, примкнуть къ нашему войску.

— Но Югъ не призналъ этого закона! вскричалъ Гарперъ запальчиво.

Шерманъ ни слова не отвѣтилъ ему, только устремилъ на него на одно мгновеніе свои сѣрые глаза и затѣмъ продолжалъ спокойно:

— Если послѣ нашего выступленія изъ города вы вздумаете употребить силу противъ вашихъ рабовъ, то будете сами виноваты въ послѣдствіяхъ; вы видѣли уже сегодня на практикѣ, на что способенъ этотъ забытый народъ, сознавъ свою свободу и силу. Послѣдуйте моему совѣту, постарайтесь стать съ нимъ въ хорошія отношенія. Признайте совершившійся фактъ, — вамъ ничего болѣе не остается. Затѣмъ я васъ попрошу устроить ночлеги для моихъ солдатъ; завтра утромъ мы выступаемъ. Если вы добровольно исполните мое желаніе, то вамъ не на что будетъ особенно жаловаться; если-же я буду вынужденъ послать солдатъ на фура-

жировку, то я не отвѣчаю за ихъ благочиніе. Мы ведемъ войну и находимся въ непріятельской странѣ.

— Но, генераль...

— Болѣе мнѣ нечего вамъ сообщать; я пришлю вамъ моего квартирмейстера, съ нимъ вы уговоритесь объ остальномъ. Добраго вечера, господа!

И, махнувъ имъ на прощаніе салфеткой, онъ вошелъ обратно въ отель.

(Продолженіе будетъ.)

ЛИЛЬОМЪ ПЕТИ.

(Изъ А. Петсѣфи.)

Быль нашъ Лильомъ Пети
Истыи молодець;
Съ нимъ не смѣлъ тягаться
Ни одинъ наглець.

Ѣздилъ онъ, какъ будто
Скованный съ конемъ,
Изъ сѣдла не выбить
Молодца копьемъ.

Пьеть въ шинкѣ бывало,—
Хмѣль всѣхъ съ ногъ сшибетъ,
Пети трезвъ, а втрое
Больше всѣхъ онъ пьеть.

Конь его чрезъ села
Вѣтромъ проносилъ.
Дѣвушекъ въ то время
Онъ съ ума сводилъ.

Наконецъ онъ къ петлѣ
Быль приговоренъ,—
Все за то, что душу
Чорту продалъ онъ.

А. Ш.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПУШКИНЪ И ЛЕРМОНТОВЪ.

А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки его произведеній. П. В. Анненкова. Изданіе 2-е. Сиб. 1873.

Сочиненія Лермонтова; съ портретомъ его, двумя снимками съ почерка и статью о Лермонтовѣ А. Н. Пыпина. Два тома. Изданіе 3-е (Глазунова), вновь свѣренное съ рукописями и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова.

Около сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ малооцѣненный до сихъ поръ Надеждинъ и вслѣдъ за нимъ Бѣлинскій, возбуждая негодованіе квасныхъ патріотовъ, доказывали, что у насъ нѣтъ литературы, что намъ еще нужно учиться и учиться, чтобы создать литературу. Въ настоящее время у насъ уже есть литература, въ полномъ значеніи этого слова. Наши поэты и беллетристы, въ родѣ Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Островскаго и др., цѣнятся по достоинству даже иностранцами. Наши критики и публицисты, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ и нѣкоторые другіе, могли-бы занять первостепенное мѣсто въ любой европейской литературѣ. Историки, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Костомаровъ, Пыпинъ, Щаповъ имѣли-бы значеніе и не въ такой странѣ, какъ Россія. Наша журналистика стоитъ не ниже западной, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже выше ея. Возьмите, напр., пользующійся всесвѣтною извѣстностью „Revue des Deux Mondes“ и сравните его съ „Вѣстникомъ Европы“, которому онъ приходится близнецомъ, и результатъ сравненія будетъ въ пользу послѣдняго.

Сравните „Forthnightly Review“ съ „Отечественными Записками“, и вы опять отдадите предпочтеніе послѣднимъ. Даже такіе журнальня еунсткамеры, какъ „Русскій Вѣстникъ“, имѣютъ своихъ почтенныхъ и вполне достойныхъ двойниковъ во Франціи, Англіи, Германіи. Словомъ, у насъ есть литература въ полномъ, европейскомъ значеніи этого слова.

Литература у насъ есть, но исторіи ея нѣтъ; нѣтъ даже біографій первостепенныхъ писателей, нѣтъ даже полныхъ и хорошихъ изданій ихъ сочиненій. Пушкину мы воздвигаемъ „руководный“ памятникъ (хотя до сихъ поръ наши художники не могутъ смастерить ни одной модели, которая была-бы достойна первой преміи), а между тѣмъ до сихъ поръ не имѣется порядочнаго изданія его сочиненій. Первое посмертное изданіе сочиненій Пушкина, сдѣланное его друзьями, представляется курьезомъ, возможнымъ только въ Россіи. „Лица, распорядившіяся посмертнымъ изданіемъ, говоритъ вполне компетентный судья въ этомъ дѣлѣ, — чрезвычайно странно понимали обязанности, лежавшія на нихъ относительно поэта и публики. Они не только выпускали фразы и цѣлыя статьи, которыя въ цензурномъ отношеніи всегда могли быть напечатаны, но даже передѣлывали совершенно произвольно и безъ всякаго основанія стихи и прозу Пушкина, съ рѣшимостью, непонятною ни для одного образованнаго человѣка. Во всѣхъ этихъ поправкахъ и выпускахъ видѣнъ самый узкій взглядъ на значеніе Пушкина, видны какія-то отжившія и отчасти произвольныя требованія относительно нравственности и языка литературныхъ произведеній. Если-бы сочиненія Пушкина были изданы такимъ образомъ по небрежности или по расчету какиибудь спекуляторомъ, это было-бы еще понятно; но изданіемъ завѣдывали лица, близкія поэту, литераторы, и отъ нихъ читатели были въ правѣ требовать большаго уваженія къ писателю и къ русской публикѣ“ (Библ. Зап., 1859, стр. 141 — 142). Только въ пятидесятыхъ годахъ было сдѣлано Анненковымъ первое довольно сносное изданіе, но потомъ Пушкинъ попалъ въ крѣпостную зависимость къ книгопродавцу Исакову, который при пособіи Геннади продолжаетъ издавать его по-прежнему безтолково. Подъ именемъ сочиненій Пушкина до сихъ поръ печатаются, напр., *Камчатскія Дѣла* — выписки изъ извѣстной книги Краше-

нинникова о Камчаткѣ; матеріалы для исторіи Петра—выписки изъ архивовъ, въ настоящее время неимѣющія никакого значенія. Съ біографіей поэта еще хуже: ея вовсе нѣтъ, хотя пушкинскихъ идолопоклонниковъ у насъ до сихъ поръ еще много; но эти идолопоклонники, вмѣсто того, чтобы позаботиться о біографіи Пушкина, только стараются посредствомъ своихъ фразистныхъ измышлений поддерживать въ публикѣ тотъ энтузіазмъ къ поэту, который они питаютъ еще въ себѣ по старой памяти и который давно уже остылъ въ русскомъ обществѣ. Эти поклонники относятся къ Пушкину не лучше его друзей, обезобразившихъ его въ первомъ посмертномъ изданіи его сочиненій, какъ это можно видѣть на примѣрѣ у Анненкова. Двадцать лѣтъ назадъ онъ издалъ матеріалы для біографіи. Съ тѣхъ поръ обнародовано очень много новыхъ свѣденій о жизни поэта и многое выяснено въ ней. Но дѣлая второе изданіе своихъ матеріаловъ, восторженный поклонникъ Пушкина не прибавилъ къ этимъ матеріаламъ ни одной новой іоты, не исправилъ даже ошибокъ и сокращеній. Напр., Мицкевичъ у него и теперь обозначается только буквою М*** (стр. 8 и др.). Даже фразу „чортъ ихъ возьми“ Анненковъ боится напечатать цѣликомъ и печатаетъ „ч... ихъ возьми“ (стр. 187 и др.)! Даже фамилію Бѣлинскаго онъ обозначаетъ лишь буквою В. (стр. 411). Вдобавокъ ко всему, книга наполнена безчисленнымъ множествомъ самыхъ безобразныхъ ошибокъ и опечатокъ, положительно затрудняющихъ чтеніе. Обращаясь къ другому поэту, подававшему такія-же большія надежды, какъ и Пушкинъ, мы видимъ то-же самое. Біографіи Лермонтова до сихъ поръ нѣтъ, и этюдъ о немъ, написанный г. Пыпинимъ вышелъ довольно вялымъ, вслѣдствіе скудости біографическихъ матеріаловъ. Сочиненія его до сихъ поръ издавались съ большими пропусками и „немаловажными искаженіями подлиннаго текста, даже въ нѣкоторыхъ наиболѣе извѣстныхъ пьесахъ Лермонтова“ (т. I, стр. XIII). До сихъ поръ еще остается неизданною и хранится у какой-то „г-жи Л—ой“ цѣлая повѣсть Лермонтова (стр. XIV). Мало этого: нѣкоторыя *лучшія* лирическія пьесы поэта все потеряны, никогда не были напечатаны и извѣстны только по нѣмецкому переводу Боденштедта, переводившему ихъ съ рукописи еще при жизни Лермонтова („Русск. Стар.“ 1873, кн. III)!

Но Пушкинъ и Лермонтовъ еще счастливицы относительно изданія сочиненій и относительно биографій. Свѣденія о жизни и сочиненіяхъ почти всѣхъ безъ исключенія другихъ писателей еще скуднѣе и еще менѣе разработаны. Не будемъ уже говорить о томъ, что у насъ есть первоклассные писатели, вовсе неимѣющіе изданныхъ собраній своихъ сочиненій, но и въ предѣлахъ данныхъ условій сдѣлано далеко не все, что можно и должно. У насъ нѣтъ не только исторіи литературы, но даже ни одной хорошей биографіи хотя кого-нибудь изъ нашихъ писателей. При всей скудости биографическихъ матеріаловъ, ихъ однакожь обнаружено уже въ разныхъ изданіяхъ столько, что, собравъ ихъ, можно составить по нимъ биографіи, хотя и несовсѣмъ полныя. Къ тому-же собственно литературныя биографіи достаточно уже разработаны въ трудахъ Бѣлинскаго, Добролюбова и др. Остается подводить итоги, и наше переходное время положительно требуетъ подобной разработки наличнаго матеріала, относящагося къ былымъ судьбамъ русской литературы, которая ждетъ отъ общественнаго прогресса возможности обновленія и дальнѣйшаго развитія. Въ биографіяхъ писателей общество можетъ увидѣть множество своихъ собственныхъ неустройствъ, пороковъ, недостатковъ, вредно-отзывающихся на личной жизни писателей, а посредствомъ нея на литературѣ и на самомъ обществѣ. Опытъ такихъ биографическихъ характеристикъ мы предлагаемъ теперь читателю. Относительно литературной оцѣнки произведеній мы будемъ ограничиваться самыми общими замѣтками, подводить итоги того, что уже сдѣлано другими, и наше главное вниманіе будетъ обращено на личную жизнь писателей и на ея значеніе въ литературѣ и въ обществѣ.

I.

Карлейль въ своихъ лекціяхъ о герояхъ и героическомъ въ исторіи, доказывая ложную мысль, что исторія творится героями, между прочимъ справедливо замѣчаетъ, что въ жизни народовъ нерѣдко наступаютъ времена, которыя настоятельно требуютъ великихъ людей. Если общественная жизнь богата здоровыми, про-

грессивными элементами, то великіе люди являются, если-же напротивъ, то потребность въ нихъ остается неудовлетворенною или удовлетворяется не вполне. Такимъ временемъ была, напр., въ Германіи первая половина XVIII в., когда страна изнывала въ глубокомъ политическомъ униженіи, наука состояла изъ мертвой схоластики, а литература рабски слѣдовала за пошлыми чужестранными образцами, не обращая никакого вниманія на дѣйствительную нѣмецкую жизнь, и даже нѣмецкій языкъ былъ въ такомъ заговѣ и презрѣннѣи, что сами нѣмцы утверждали, что по-нѣмецки можно объясняться только съ лошадью. Но въ народной жизни въ это время уже начинался поворотъ къ лучшему, а въ нѣмецкой литературѣ развивались элементы, которые должны были вдохнуть въ нее новую, самостоятельную жизнь и сдѣлать ее могучимъ факторомъ народнаго развитія. „Будетъ или не будетъ нѣмецкая литература сильнѣйшею двигательною народной жизни, ускорится-ли ея вмѣшательствомъ развитіе народа или предоставлено будетъ только медленному дѣйствию чистой науки, — разрѣшеніе этого вопроса совершенно зависѣло отъ того, будетъ-ли между нѣмецкими литераторами гениальный человѣкъ, который вѣрно пойметъ положеніе и потребности своего народа, постигнетъ всю важность, которую должна имѣть литература для его жизни, твердо и рѣшительно укажетъ литературѣ, что и какъ должна она дѣлать, — который, руководя дѣятельностью другихъ, самъ гениальными произведеніями доставитъ литературѣ преобладающую важность между предметами, возбуждающими интересъ въ своемъ народѣ, сдѣлаетъ литературу средоточіемъ національной жизни“, говоритъ извѣстный русскій писатель. Жизненные силы нѣмецкаго общества оказались достаточными, чтобы родить, развить и воспитать такого человѣка. То былъ Лессингъ (1729—1781)—писатель со всеобъемлющимъ гениемъ и серьезнымъ, разностороннимъ образованіемъ. Онъ былъ отцомъ нѣмецкой литературы: своими поэтическими произведеніями, критикою въ областяхъ искусства, исторіи, теологіи онъ разрушилъ ветхое зданіе старой литературы и нашелъ достаточно матеріаловъ для возведенія новаго зданія, въ которомъ тотчасъ-же появились Шиллеръ, Гёте и Уландъ.

Русская литература передъ появленіемъ Пушкина находилась

въ такомъ-же положеніи, какъ нѣмецкая передъ Лессингомъ. Собственно говоря, у насъ въ то время еще не было литературы, а были только заготовленные матеріалы, ожидавшіе великаго мастера, который обдѣлалъ-бы ихъ и возвелъ изъ нихъ стройное зданіе. Созданная искусственно вслѣдствіе петровской реформы, литература не имѣла ничего общаго съ жизнью и поэзіей народа. Она состояла изъ заимствованныхъ, чужихъ формъ, наполненныхъ чужимъ, псевдоклассическимъ содержаніемъ. Цѣлыхъ сто лѣтъ, съ Кантемира до Пушкина, всѣ литературныя силы были посвящены исключительно на выработку внѣшнихъ формъ, преимущественно языка, и самая литература была въ полномъ смыслѣ *словесностью*. Это было не живое, для всѣхъ понятное слово, а искусственно созданное, чуждое жизни, сухое и мертвое. Естественный разговорный языкъ считался неприличнымъ для литературы и вплоть до Карамзина и Крылова замѣнялся языкомъ напыщеннымъ, „вышненнымъ“. Сообразно съ этимъ писатель, особенно поэтъ, былъ не простымъ смертнымъ, подверженнымъ всѣмъ радостямъ, печалямъ и заботамъ жизни, а высшею натурою, „жрецомъ музъ“. Но русская жизнь долго съ безпощадной ироніей третировала эту „высшую натуру“ и держала ее въ роли холопа и шута. Въ то-же время „жрецы музъ“, свысока взиравшіе на „чернь непросвѣщенную“, страшно противорѣчили самимъ себѣ, всецѣло погружаясь въ дразги и заботы обывательской жизни и считая „служеніе музамъ“ второстепеннымъ занятіемъ. Бѣлинскій даже въ началѣ сороковыхъ годовъ писалъ, что „литераторство у насъ — дѣло между другими важнѣйшими дѣлами, отдыхъ отъ служебныхъ занятій. Много-ли у насъ литераторовъ, которые посвятили себя одной литературѣ по призванію, по страсти къ ней?“ (т. VIII, 49). До Пушкина литераторовъ по профессіи вовсе не было; являются-же они у насъ только въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Чуждая дѣйствительной жизни по своей формѣ, литература еще болѣе чужда была ей по общественному положенію своихъ дѣятелей. Она держалась покровительствомъ сильныхъ міра сего и служеніе музамъ непрежнѣнно соединялось съ подслуживаньемъ разнымъ моценатамъ. Это-то подслуживанье въ обширномъ смыслѣ слова и составляло тотъ элементъ литературы, который былъ въ извѣстной степени отраженіемъ, хотя и непра-

вильнымъ, дѣйствительною русскою жизни. Оды и панегирики, воспѣвавшіе славу русскаго оружія и доблести potentатовъ, — вотъ было наиболѣе реальное содержаніе литературы. Все остальное было подраженіемъ французскому классицизму, но имѣло основъ не только въ русской, но и ни въ какой жизни, изображало несуществующихъ героевъ, неестественныя чувства, невозможныя страсти и служило средствомъ „для пріятнаго препровожденія времени“, а въ лучшемъ случаѣ—для искусственнаго проведенія сухой, обыденной морали. Для публики литература была средствомъ отъ скуки, и даже въ этомъ отношеніи масса полудивилизованныхъ русскихъ предпочитала ей другія средства: фейерверки и парады — торжественнымъ одамъ; балы, маскарады и оргіи—эротическимъ стихотвореніямъ; охоту—идилліи и нерѣдко зрѣлище тѣлесныхъ наказаній—ужаснымъ трагедіямъ. Подобно крестьянамъ, литература находилась въ вѣрнопостной зависимости у этой массы и выдававшихся изъ среды ея меценатовъ, состоя въ то-же время въ рабствѣ у псевдоклассическихъ авторитетовъ. Много силъ, труда и времени было потрачено, чтобы освободить ее изъ этихъ тисковъ и сблизить съ дѣйствительною жизнью. Радищевъ пытался положить основаніе политической литературѣ, но опытъ ему не удался. Сатира фон-Визина и Новикова могла только карать заднимъ числомъ, могла только существовать „для особыхъ порученій“. Крупный сатирическій талантъ Крылова, по справедливому замѣчанію Вигеля, подвергся общей участи поэтовъ Востока, держащихъ говорить истину только подъ покровомъ фавулы и аллегоріи. Такъ продолжались дѣла до начала XIX вѣка, когда въ русской литературѣ, вслѣдъ за Европой, возникъ романтизмъ, принесшій пользу уже однимъ тѣмъ, что онъ провозгласилъ свободу литературы отъ псевдоклассическихъ традицій. Сентиментальная чувствительность Карамзина и Жуковскаго, идея свободы чувства, болѣзненное стремленіе въ миръ фантазіи отъ пошлости дѣйствительною жизни,—все это имѣло свою долю полезнаго значенія тѣмъ, что возбуждало и развивало чувство, которое до тѣхъ поръ только восторгалось, большею частію искусственно, славою оружія, громомъ побѣдъ да небывалыми доблестями героевъ. Романтическое искусство было такой-же гимнасти-

кой для чувства, какую служить математика для ума. Реальной почвы подъ собой, реального отношенія къ русской жизни романтизмъ не имѣлъ, какъ не имѣло его и то классическое направленіе, которое возникло вслѣдствіе реакціи французскому псевдоклассицизму и представителями котораго были у насъ Батюшковъ и Гнѣдичъ. Романтизмъ развивалъ сентиментальность, любовь къ старинѣ, склонность къ чудесному и мрачному, а классицизмъ — чувственность. Оба эти подражательно-переводныя направленія принесли ту пользу, что возвысили литературу до степени вліятельнаго фактора въ обществѣ, развили потребность въ ней, какъ въ средствѣ высокаго наслажденія, много подвинули впередъ дѣло развитія живого языка, безъ котораго невозможна никакая литература. Они сблизили нашу литературу съ европейскими, въ которыхъ только она и могла получать силы, необходимыя для дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія. Въ борьбѣ классицизма съ романтизмомъ впервые появились зачатки литературной критики. Громадный трудъ Карамзина положилъ фундаментъ для научной разработки русской исторіи и возбудилъ историческую критику. Въ то-же время и въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ шло то оживленное стремленіе къ существеннымъ реформамъ, которымъ ознаменована первая половина александровскаго царствованія. Открывались университеты и гимназіи, императоръ и его друзья замышляли освобожденіе крестьянъ, Сперанскій составлялъ свои государственные проекты, общественная мысль работала съ небывалою до тѣхъ поръ дѣятельностью, а литература нуждалась въ дѣятеляхъ, которые, освободивъ ее отъ старыхъ традицій, дали-бы ей русское жизненное содержаніе, поставили-бы во главѣ этого движенія и тѣмъ ускорили его, довели-бы до совершенства русскій языкъ, создали критику и журналистику. Нужны были дѣятели съ гениемъ Лессинга. Такой человѣкъ явился, и мы посмотримъ, какъ воспитала и приготовила его къ дѣятельности русская жизнь.

Пушкинъ родился (1799 г.) въ аристократическомъ семействѣ, которое было пропитано духомъ либеральнаго барства XVIII вѣка и въ которомъ „всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-

нибудь". Особенною привязанностью Пушкина пользовалась его нянька Родіоновна, развившая въ немъ любовь къ народной поэзіи своими поговорками, пѣснями, сказками, которыхъ она знала множество. Но, съ другой стороны, эта-же нѣжно-любящая поэтю старушка заразила его суевѣріями, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находился всю свою жизнь. Въ семействѣ-же онъ получилъ и зачатки своихъ аристократическихъ предрасудковъ и своей слабости къ великосвѣтской, пустой жизни. Къ счастью, воспитаніемъ его мало занимались, считая его тупицей и увальнемъ. Но въ этомъ увальнѣ рано уже были замѣтны живая фантазія, доброе сердце и страстная любознательность, которой онъ удовлетворялъ, читая безъ всякой системы все, что ему попадалось въ руки. Такимъ образомъ онъ познакомился со всей французской литературой XVII и XVIII вѣковъ. Само собою понятно, что такое бессистемное знакомство не принесло большой пользы умственному развитію мальчика, тѣмъ болѣе, что и по его возрасту, и по неизмѣннѣю руководителей серьезная сторона этой литературы была недоступна для него. Воспитаніе въ лицей могло исправить эти недостатки только отчасти. Аристократическій царскосельскій лицей былъ основанъ для приготовленія молодыхъ людей къ высшимъ сферамъ государственной службы. Снабженныя всеми удобствами роскоши, воспитанники, особенно подъ управленіемъ честнаго и превосходнаго педагога Энгельгардта, не подвергались никакимъ стѣсненіямъ и, составляя изъ себя одну плотную, дружескую семью, развивались въ добрыхъ и честныхъ людей, но не приобрѣтали ни серьезнаго образованія, ни прочныхъ убѣжденій. Образованіе въ лицей было энциклопедическое; кромя самаго широкаго курса общаго образованія, въ лицейскую программу были внесены общественныя и политическія науки. Последнія, особенно въ изложеніи Куницына, оказывали на воспитанниковъ большое вліяніе, развивая въ нихъ гражданское чувство и обращая мысль ихъ на вопросы, которыми волновалось тогда общество и надъ рѣшеніемъ которыхъ работали лучшіе люди того времени, начиная съ Сперанскаго. Но даже лекціи Куницына дѣйствовали больше на чувство, чѣмъ на умъ воспитанниковъ; даже онъ не имѣли характера серьезнаго университетскаго преподаванія, даже этимъ предметамъ воспитанники не посвящали усидчиваго труда

университетскаго студента. Такой характеръ образованія производилъ только диллетантовъ, хотя, съ другой стороны, имѣлъ и тотъ хорошій результатъ, что не заражалъ молодежь педантизмомъ и схоластическою ученостью. Въ лицейстахъ воспитаніе развивало не честныхъ и дѣльныхъ тружениковъ для дѣйствительной жизни, а честныхъ, добрыхъ, веселыхъ юношей, восторженно любившихъ „все истинное, доброе, прекрасное“, по тогдашнему выраженію. Но это была любовь совершенно платоническая, не выражавшаяся въ жизни никакою дѣятельностью. Съ этою любовью лицейсты отворачивались отъ дѣйствительной жизни и вплоть до могилы любили только свою честную и веселую лицейскую юность, и Пушкинъ совершенно справедливо говорилъ, что для насъ „дѣльный міръ чужбина, отечество намъ—Царское Село“. Образованіе лицейское было преимущественно литературное. Читеніе литературныхъ произведеній, литературныя бесѣды, сочиненіе стиховъ, пѣсенъ, эпиграммъ, комедій занимали большую часть времени воспитанниковъ. Пушкинъ учился плохо и умный Куницынъ аттестовалъ его такъ: „весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне непрілеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому успѣхи его очень не велики, особенно по части логики“ (Анненковъ, 15). Впечатлительная, рѣзвая натура мальчишка, недисциплинированная разумнымъ воспитаніемъ дома, не могла быть регулирована наличными средствами лицейской педагогіи. Посредственный ученикъ, Пушкинъ былъ первымъ поэтомъ въ лицейской поэтической семьѣ. Онъ въ особенности славился своими остроумными эпиграммами. Его лицейскія стихотворенія всѣ состоятъ изъ подражаній Державину, Карамзину, Жуковскому и французскимъ поэтамъ анакреонтической школы, послѣдователямъ которой былъ и его отецъ. Вольтеръ также имѣлъ вліяніе на него, но только своими игривыми произведеніями. Всѣ стихотворенія Пушкина въ это время были посвящены эпикурейскимъ наслажденіямъ. Лицейское воспитаніе развило въ немъ тѣ эпикурейскія чувства и мнѣнія, которыя онъ не переставалъ выражать въ прекрасныхъ стихахъ впродолженіи всей своей жизни, доходя подчасъ до пошловатаго цинизма. „Надо удивляться богатству фантазіи, — скажемъ здѣсь словами г. Водовозова, — съ какою

Пушкинъ умѣлъ, въ продолженіи двадцати-лѣтняго творчества, разнообразить столь бѣдныя по содержанию и изношенныя темы, какъ чувственное наслажденіе красотой и виномъ. На десять лицейскихъ стихотвореній едва-едва можно прибрать одно, которое не заключало-бы подобнаго содержанія, да и эти немногія піесы большею частію посвящены третьему изъ классическихъ божествъ, Марсу. Юноша, еще неизвѣдавшій жизни, съ важностью опытнаго гуляки и любезника, проповѣдуетъ анакреонтическую мудрость и въ этомъ ставитъ всю свою удаль и самолюбіе... Но школьная дисциплина, конечно, препятствовала осуществленію подобныхъ мечтаній, и вотъ Пушкинъ создаетъ небывалыя пиры, воспѣваетъ вино „водяными“ стихами, придумываетъ небывалыя отношенія къ женщинамъ, которыхъ мелькомъ удавалось ему видѣть, или просто изображаетъ пастушекъ въ старинномъ французскомъ вкусѣ“ (Новая Русск. Лит., 105). Сущность его лицейскихъ произведеній (подъ которыми разумѣются и нѣкоторыя писанныя уже по выходѣ изъ лица) вполне выражается въ слѣдующихъ его стихахъ:

«Давайте пить и веселиться,
 Давайте жизнь играть;
 Пусть чернь слѣпая суетится,
 Не намъ безумной подражать.
 Пусть наша вѣтряная младость
 Потонетъ въ нѣгѣ и винѣ» и т. д.

Таково было настроеніе всѣхъ лицействъ; оно поддерживалось въ нихъ и литературнымъ воспитаніемъ, и знакомствами, особенно съ тогдашними гусарами, стоявшими въ Царскомъ Селѣ, и наклонностями тогдашняго барства, унаслѣдованными отъ семьи. Съ такими-то понятіями и стремленіями гениальный поэтъ готовился вступить въ жизнь. Прельстившись гусарскою удалью, онъ, подобно большинству баричей своего времени, пламенно желалъ надѣть „узкіе рейтузы, завить въ колечки гордый усъ“. Но родные удержали его отъ поступленія въ военную службу. Отецъ „отговаривался недостаткомъ состоянія и соглашался только на поступленіе сына въ одинъ изъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ“; сынъ-же непремѣнно хотѣлъ быть кавалеристомъ,— такъ дѣло и разстроилось (Анн., 38). Въ іюнѣ 1817 г. Пушкинъ былъ выпущенъ изъ лица и зачисленъ на службу въ кол-

„Дѣло“, № 7.

легію иностранныхъ дѣлъ. Мы уже говорили, съ какими запасомъ знаній и съ какими стремленіями онъ вступалъ въ жизнь. Остается только прибавить, что идеи, волновавшія тогда общество, касались и его, особенно посредствомъ лекцій Буницына. Но во время лицейской жизни эти идеи мало занимали его, и въ стихотвореніяхъ, навѣянныхъ ими, замѣчается нѣчто напускное, подражательное. Увлекаясь, да и то изрѣдка, подобными идеями, онъ, подъ вліяніемъ другихъ впечатлѣній, быстро переходилъ къ совершенно противоположнымъ чувствамъ, даже самъ не замѣчая противорѣчій своихъ мыслей. Такъ, на предложеніе написать стихи въ честь одной особы, онъ отвѣчалъ:

«На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силѣ въ гордости свободной
Кадиломъ лести не кадилъ...»

Но, начавъ за здравіе, Пушкинъ свелъ за упокой и во второй половинѣ стихотворенія „похвалилъ“ и „покадилъ“. И такой внезапный переходъ былъ у него совершенно естественнымъ и искреннимъ, такъ-какъ зависѣлъ отъ непосредственнаго чувства, возбужденнаго различными впечатлѣніями и неподчиненнаго контролю принципа, убѣжденія. Избавиться отъ такой двойственности, покорить ее единству разумнаго убѣжденія онъ не могъ въ продолженіи всей своей жизни, что было для него источникомъ частыхъ и сильныхъ нравственныхъ страданій. Эта способность крайне впечатлительной натуры попеременно и совершенно искренне служить то Богу, то мамонѣ была результатомъ „проклятаго“, по его собственному выраженію, воспитанія въ семействѣ, лицей и жизненной школѣ. По выходѣ изъ лицей Пушкинъ попалъ подъ нѣсколько противоположныхъ вліяній, и каждое изъ нихъ оставило на немъ свои прочныя слѣды. Онъ неудержимо предался вихрю свѣтскихъ удовольствій и безшабашной жизни аристократической молодежи. Свѣтское общество, подъ наружнымъ блескомъ котораго царилъ пустота, сразу увлекло молодого поэта. „Господствующій тонъ въ обществѣ совпадалъ съ его наклонностями. Предпримчивое удачество и молодечество, необыкновенная раздражительность, происходившая отъ ложнаго пониманія своего достоинства и бывшая источникомъ многихъ ссоръ; беззаботная растрата ума, времени и жиз-

ни на знакомства, похождения и связи всякихъ родовъ,—вотъ что составляло основной характеръ жизни Пушкина, какъ и многихъ его современниковъ“, говоритъ поклонникъ и биографъ поэта (Анн., 40). Все, о чемъ мечталъ Пушкинъ въ лицѣ, онъ началъ съ неудержимою страстностью осуществлять по выходѣ изъ него, кромѣ только облаченія въ гусарскіе рейтузы. Онъ хотѣлъ перещеголять всѣхъ своимъ ухарствомъ, и въ послѣднемъ у него было много напусенного. Не будучи пьяницей, онъ нерѣдко старался представиться зѣло подвыпившимъ, хвасталъ, что можетъ выпить шесть стакановъ крѣпчайшаго пунша, и т. д. Не будучи циникомъ, онъ часто писалъ такія вещи, отъ которыхъ покраснѣла бы любой эпикуреецъ. Онъ старался изобразить изъ себя артиста шелопахства, хотя въ сущности всегда оставался добрымъ, честнымъ, хорошимъ человѣкомъ, который и по уму и по гуманному чувству стоялъ неизмѣримо выше всей толпы своихъ соучастниковъ „на играхъ Вакха и Киприды“. Это напусенное ухарство было тѣмъ болѣе странно, что и безъ него Пушкинъ былъ самымъ усерднымъ служителемъ Вакха, Венеры, свѣтской суеты и картъ. „Карты поглотили много трудовъ его, унесли добрую часть доходовъ, полученныхъ имъ съ сочиненій, и, случалось, брали въ залогъ будущія, еще неродившіяся произведенія“ (ib., 111). Благодаря своему барскому мотовству, Пушкинъ постоянно нуждался въ деньгахъ, и это причиняло ему большія непріятности, какъ отъ кредиторовъ, такъ и отъ семейства (ib., 182, 308, 353). Въ этомъ отношеніи онъ былъ вполне сыномъ своей помѣщичьей среды. „Однажды ему случилось кататься на лодкѣ въ обществѣ, въ которомъ находился и отецъ его. Погода стояла тихая, а вода была такъ прозрачна, что виднѣлось самое дно. Пушкинъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ и одну за другою сталъ бросать въ воду, любуясь паденіемъ и отраженіемъ ихъ въ чистой влагѣ. Гдѣ-же было наготовиться денегъ для такого проказника?“ (Р. Архивъ, 1866, 1095). Съ этимъ мотовствомъ въ Пушкинѣ соединялась извѣстная доля скупости и наклонность къ бережливости; но послѣднія уступали его увлеченіямъ и пасовали передъ его страстью водиться съ знатью. Пушкинъ стыдился въ обществѣ своего званія поэта, выходилъ изъ себя, когда его называли „сочинителемъ“ и болѣе всего гордился своимъ шестисотлѣтнимъ дворянствомъ (Анн., 79, 228

и др.). „Пушкинъ—разсказываетъ о немъ одинъ изъ его лицейскихъ друзей—либеральный по своимъ воззрѣнiямъ, часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напр., вертѣться у оркестра около знати, которая съ покровительственною улыбкою выслушивала его шутки и остроты. Случалось изъ кресель сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжить. Говорить бывало: „что тебѣ за охота возиться съ этимъ народомъ: ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствiя“. Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ шекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется; потомъ, смотришь, Пушкинъ опять съ тогдашними львами“ (Р. Арх. 1866, 1096). „Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ“, писалъ Пушкину Р***. „На тебя устремлены глаза Россiи, тебя любить, тебѣ вѣрять, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ“ (Девятнадц. Вѣкъ, т. I, стр. 376). Но всѣ подобныя совѣты друзей были не въ силахъ исцѣлить поэта отъ слабости къ большимъ господамъ, которая, наконецъ, погубила его. Онъ не только не бросалъ этой слабости и своей дворянской спѣси, такъ противорѣчившей его доброму сердцу и его человѣчнымъ отношенiямъ ко всѣмъ людямъ, но даже старался оправдать ихъ придуманною теорiей. „Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда нашего сердца?.. Образованный французъ или англичанинъ дорожить строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторiи. Только дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго“ (Анн. 140). Пропагандируя аристократическiя идеи въ литературѣ, Пушкинъ распространялъ ихъ и въ своихъ частныхъ отношенiяхъ. Такъ въ своемъ наставленiи младшему брату, писанномъ по-французски, онъ читаетъ ему такую великосвѣтскую мораль, которая была чужда и ему самому, при всѣхъ его слабостяхъ (ib., 228—229). До чего доходили свѣтскiе предразсудки Пушкина и какъ онъ жертвовалъ всѣмъ собой мнѣнiю свѣта, можно еще видѣть изъ одного того, что онъ нѣсколько разъ изъ-за пустяковъ подставлялъ свой гениальный лобъ подъ пулю разныхъ пошляковъ-дуэлистовъ. Вмѣстѣ съ свѣтскими предразсудками Пушкинъ былъ зараженъ множествомъ нелѣпныхъ суевѣрiй, которыя господствовали и надъ умами большинства, со-

ставлявшаго его любимъй кругъ. Свою судьбу онъ связывалъ съ судьбою перстня съ какими-то кабалистическими знаками; вѣрилъ въ серебряную копеечку, какъ въ средство для наживы (XIX вѣкъ, I, 387, 393); ходилъ къ ворожеямъ и безусловно довѣрялъ ихъ предсказаніямъ; заяцъ, перебѣжавшій дорогу, предвѣщалъ ему несчастіе, иногда заставлялъ возвращаться изъ поѣздки и откладывать ее до другого времени, и т. д. (Р. Арх. 1870, 1386; Анн., 41, 171, 313, 363). Въ обществѣ, въ которомъ такъ любилъ вращаться Пушкинъ, подобныя понятія вовсе не казались дикими и это общество восторгалось даже, когда поэтъ начиналъ превосходными стихами рассказывать ему, „какъ суетвѣрныя примѣты согласны съ чувствами души“. Поэтъ былъ рабомъ этого общества и тратилъ свой громадный талантъ преимущественно на воспѣваніе вина, любви, свѣтскихъ удовольствій да на альбомныя стихотворенія. Не одинъ Р*** старался отвлечь Пушкина отъ растраты таланта на подобные сюжеты. Надеждинъ довольно зло издѣвался надъ тѣмъ, что Пушкинъ почти исключительно воспѣвалъ „пуншъ, ай, бордо, дамскія ножки, будуарное удалство, площадное подвижничество“. Одинъ изъ поклонниковъ Пушкина писалъ ему: „когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, раболѣпствующимъ передъ обычаями и привычками толпы, человѣкъ останавливается посреди толпы и спрашиваетъ самого себя: почему преграждаетъ мнѣ дорогу тотъ, который впереди меня и которому-бы слѣдовало сдѣлаться моимъ вожатаемъ? Подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю о васъ, а я думаю о васъ много, даже до усталости. Позвольте же мнѣ идти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія наши, углубитесь въ самого себя и въ собственнѣйшей груди почерпните огонь, который несомнѣнно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша“ (Анн. 80, 200). Даже люди, которые вели почти такую-же жизнь, какъ Пушкинъ, и такъ-же легко смотрѣли на свои отношенія къ обществу, понимали опасность пушкинскаго положенія. Батюшковъ писалъ А. Тургеневу: „Сверчокъ (арзамасское прозвище Пушкина) что дѣлаетъ? Не худо-бы его запереть въ Геттингенъ и кормить года три молочнымъ супомъ и логикой. Изъ него ничего не будетъ путнаго, если самъ не захочетъ. Потомство не отличить его отъ

двухъ его однофамильцевъ, если онъ забудетъ, что для поэта и человѣка должно быть потомство. Кн. А. Голицынъ-московскій промоталъ 20,000 душъ крестьянъ въ 6 мѣсяцевъ. Какъ ни великъ талантъ *Сверчка*, онъ его промотаетъ, если... но да спасутъ его музы и молитвы наши“ (П. Полевой, 540).

Если-бы даже и исполнилось желаніе Батюшкова видѣть Пушкина въ нѣмецкомъ университетѣ, то едва-ли-бы это помогло теперь дѣлу, испорченному всѣмъ предыдущимъ воспитаніемъ. Въ-же аристократическаго круга Пушкинъ находился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ людей, которые хотя и не одобряли его свѣтской разсѣянности, но были не въ состояніи разъяснить ему его призваніе и существенныя потребности тогдашняго общества, которое нуждалось въ вождѣ, а не въ анакреонтическомъ пѣвцѣ. На него имѣли большое вліяніе и Державинъ, и Карамзинъ, и Жуковскій. Привязываясь къ личности человѣка, онъ привязывался въ то-же время къ его идеямъ и преклонялся передъ его умомъ. Бездарнаго Катенина и посредственнаго Дельвига онъ произвелъ въ гении и вообще съ большимъ уваженіемъ относился къ корифеямъ тогдашней литературы. Нерѣдко и въ этомъ отношеніи у него проявлялся либеральный скептицизмъ, но вскорѣ-же онъ подавлялъ его чувствомъ такой-же преданности умственной старинной аристократіи, какую онъ питалъ въ себѣ къ аристократіи политической. Литературное общество *Арзамасъ*, боровшееся со старымъ слогомъ, со старой напыщенно-нелѣпой трагедіей, бывшее ареопагомъ новой литературной школы, проповѣдывавшее, что поэтъ, высшій жрецъ искусства, долженъ свысока относиться къ толпѣ, посвящавшее почти все свое время игрѣ въ остроуміе и шутовству и павшее тотчасъ, какъ нѣкоторые изъ его членовъ потребовали отъ него серьезнаго отношенія къ литературѣ,—это общество имѣло сильное вліяніе на Пушкина, который до конца своей жизни сохранилъ существенныя характеристическія черты члена старыхъ литературныхъ обществъ“ (Анн. 45—50; 54, 56, 294). Засѣданія „Арзамаса“, вечера у Жуковскаго и тому подобныя встрѣчи Пушкина не могли имѣть большого значенія для его умственнаго развитія, тѣмъ болѣе, что эти собранія большею частію были только пирушками сочинителей. Журнальной критики тогда вовсе не было и критическія статьи наполнялись или голословными похвалами друзьямъ или глушю

бранью на литературныхъ враговъ. „Вѣстникъ Европы“, напр., по поводу народныхъ выраженій въ стихахъ Пушкина, замѣчалъ: „если-бы въ московское благородное собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородой, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ звучнымъ голосомъ: „здорово, ребята!“ — неужели стали-бы такимъ проказникомъ любоваться?.. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами?“ (Водовоз. 137; Анн., 59, 62, 119). Пушкину оставалось только образовываться самоучкой; и въ тѣ моменты, когда ему надоѣдала шумная свѣтская жизнь, когда онъ убѣгалъ изъ Петербурга въ деревню, чтобы писать тамъ, особенно во время своей ссылки, въ немъ пробуждалось сильное стремленіе къ самообразованію и онъ старался

Вознаградить въ объятіяхъ свободы
 Мязежной младостью утраченные годы
 И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Пушкинъ, дѣйствительно, читалъ много, но что читалъ?—Тацита, Шекспира, Буало, Данта, русскіе и иностранные журналы, романы и т. п. Въ этомъ самообразованіи было такъ же мало научнаго, какъ и въ лицейскомъ; это самообразованіе было чисто-литературное (Анн., 96, 160, 259, 287 и др.). Философскими и общественными вопросами Пушкинъ не занимался; естественныя науки не интересовали его; онъ не познакомился даже съ нѣмецкой эстетикой. Поклонники поэта, въ родѣ г. Анненкова, напрасно выставляютъ его однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Образованнѣйшими современниками Пушкина были братья Тургеневы, Грибоѣдовъ, Чаадаевъ, Надеждинъ и др., а Пушкинъ далеко не равнялся съ ними серьезностью своего образованія и самъ никогда не считалъ себя „однимъ изъ образованнѣйшихъ людей“. Очевидецъ такъ рассказываетъ о первой встрѣчѣ Пушкина съ Мицкевичемъ, человѣкомъ рѣдкой, энциклопедической учености и громаднѣйшей эрудиціи. „Первыя привѣтствія Мицкевича Пушкинъ принялъ съ довольно сухой, почти надменной вѣжливостью. Но вскорѣ они разговорились о литературѣ и Мицкевичъ спросилъ: „Вы читали Газлита?—Нѣтъ.—А Шлегеля?—Нѣтъ. А Сисмонди?—Нѣтъ“. Тутъ Пушкинъ совершенно оставилъ протекціональный тонъ, съ которымъ сначала всѣхъ насъ трактовалъ, и раз-

говоръ перешелъ на другіе предметы. Затѣмъ Пушкинъ скоро удалился. Мицкевичъ не скрывалъ своихъ впечатлѣній. Онъ удивлялся не столько недостатку образованія въ Пушкинѣ, сколько тому, какъ онъ съ такимъ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и безъ нужныхъ руководствъ могъ произвести то, что произвелъ... На третій день Пушкинъ первый пріѣхалъ въ Мицкевичу и съ полною откровенностью сказалъ: „вы не могли не замѣтить при нашемъ свиданіи третьяго дня моего невѣжества (mon ignoance) къ дѣлѣ теоріи искусства. Чувствую, что мнѣ надо доканчивать свое воспитаніе, но не знаю, съ чего начать, за что взяться,—дайте мнѣ совѣтъ“. За совѣтами, конечно, дѣло не стало“ (Р. Арх., 1872, 1907—1098). Къ концу своей жизни Пушкинъ самоучкою докончилъ свое литературное образованіе и сдѣлался самостоятельнымъ художникомъ, но, выступая въ то-же время въ роли критика, историка и публициста, онъ по этимъ отдѣламъ науки оказался совершенно неподготовленнымъ и принужденъ былъ до всего доходить своимъ умомъ.

Въ эпоху молодости Пушкина на умственное его развитіе и направленіе его мыслей имѣли сильное вліяніе представители тогдашняго общественнаго движенія. Пушкинъ писалъ свои либеральныя стихотворенія и фдкія эпиграммы, которыя производили фуроръ въ обществѣ и, по словамъ современника, „были не только всѣмъ извѣстны, но въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который не зналъ-бы ихъ наизусть“. По свидѣтельству Полевого, имя Пушкина сдѣлалось болѣе всего извѣстнымъ въ Россіи именно по этимъ его стихотвореніямъ, въ которыхъ онъ бичевалъ представителей общественныхъ пороковъ, пѣлъ о рабствѣ крестьянъ и объ ихъ желанной свободѣ и т. д. Освобожденіе крестьянъ въ это время было завѣтною мечтою Пушкина. „Нынѣ желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противъ общаго зла, говоритъ онъ,—и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на-ряду съ просвѣщенными народами Европы“. Въ это время онъ нерѣдко вооружался даже противъ своихъ консервативныхъ авторитетовъ, къ которымъ въ то-же время былъ искренно привязанъ и многія мнѣнія которыхъ раздѣлялъ. Исторію Карамзина, напримѣръ, онъ встрѣтилъ двумя злыми эпиграммами, которыя были отголоскомъ настроенія тогдашней образованной молодежи. Случалось даже,

что въ личныхъ бесѣдахъ съ Карамзинимъ по поводу его исторіи Пушкинъ „опрометчивыми сужденіями—какъ выражается г. Анненковъ—приводилъ въ гнѣвъ всегда яснаго, всегда спокойнаго историка“ (стр. 45). Въ театрѣ, среди своихъ аристократическихъ знакомыхъ, онъ выкидывалъ либеральныя шалости, внималъ, напр., изъ кармана портретъ Лувеля и показывалъ его сосѣдямъ (Р. Арх., 1866, 1097). Безусловные поклонники поэта считаютъ все это юношескими увлеченіями, либеральнымъ ухарствомъ и говорятъ, что Пушкинъ въ сущности былъ консерваторомъ. Но мы уже видѣли и увидимъ еще ниже, что у Пушкина не было цѣлостныхъ, прочныхъ политическихъ убѣжденій, а были только мысли, навѣяныя тѣми или другими впечатлѣніями; вплоть до смерти въ немъ шла борьба между консервативными и либеральными идеями; при этомъ въ первую половину его дѣятельности перевѣсъ имѣли либеральные принципы, а въ послѣднюю—консервативные.

Само собою понятно, что либерализмъ Пушкина возмущалъ многихъ и навлекалъ на него всевозможныя инсинуаціи. Такъ, по поводу его стихотворенія „Мысль о свободѣ“ генералъ-полицмейстеръ 1-й арміи, извѣстный Скобелевъ, представилъ высшему начальству стихотворное возраженіе въ такомъ родѣ:

„Демократія—безумный, что за бредъ?
 Какихъ желаешь ты родному краю бѣдъ?
 Къ покою нашему вездѣ начальство есть
 И каждый каждому являетъ должную честь:
 Чинъ чина почитаетъ

И благо свое въ томъ солдатъ и гражданинъ смекаетъ“ и т. д.

Но подобными виршами Скобелевъ не удовольствовался и сдѣлалъ отъ себя слѣдующее предложеніе: „Если-бы сочинитель вредныхъ пасквилей (Пушкинъ) немедленно въ награду лишился нѣсколькихъ клочковъ шкуры, было-бы лучше. Одинъ примѣръ больше-бы сформировалъ пользы; но сколько-же, напротивъ, водворится вреда неумѣстною къ негодьямъ нѣжностью!“ (Русск. Старина, IV, 672—673). Пушкина хотѣли сослать въ Соловки, но по ходатайству Карамзина и другихъ лицъ перевели на службу въ южную Россію. Здѣсь, сначала въ полуазіатскомъ Кишиневѣ, а потомъ въ европейской Одессѣ, Пушкинъ продолжалъ прежнюю петербургскую жизнь,—шалилъ какъ дитя, волочилъ какъ свѣт-

свѣй левъ, игралъ какъ записной картежникъ, кочевалъ съ цыганами по Бессарабѣ, ѣздилъ на Кавказъ, плавалъ по Черному морю, любовался Крымомъ и всѣ эти разнообразныя впечатлѣнія выражалъ въ прекрасныхъ стихахъ. Попытки обуздать его и заставить дѣйствительно служить не вели ни къ чему. Однажды его командировали для истребленія саранчи. Пушкинъ поѣхалъ и прислалъ донесеніе, въ которомъ докладывалъ, что

Саранча
Летѣла, летѣла
И сѣла;
Сидѣла, сидѣла,
Все сѣла
И вновь улетѣла!

Вернувшись изъ командировки и явившись къ генераль-губернатору, Пушкинъ отвѣчалъ на его вопросы только повтореніемъ послѣднихъ словъ его, въ такомъ родѣ: „Ты самъ саранчу видѣлъ?—Видѣлъ.—Что-жъ, ея много?—Много“, и т. д. (Библи. Зап., 1858 г., 138; 1859 г., 554). Подобныя выходы поэта кончались тѣмъ, что его только отечески журили или подвергали домашнему аресту. Но ему не могли простить его либеральныхъ стихотвореній, его эпиграммъ на мѣстныхъ тузовъ. Въ 1824 г. его уволили изъ службы и сослали въ его деревню. Ближайшимъ поводомъ къ ссылке послужило иллюстрированное письмо его въ Москву къ издателю „Бахчисарайскаго Фонтана“ съ шутивно-похвальнымъ отзывомъ объ англичанинѣ, докторѣ Гутчинсонѣ, *сплпомъ атеъ*. Забавное ханжество лицъ, еще такъ недавно глумившихся надъ святынею, вызвало противодѣйствіе въ душахъ искреннихъ, какою была пылкая душа Пушкина. Онъ былъ что-называется бѣлымъ на глазу, тѣмъ болѣе, что съ выходомъ въ свѣтъ „Бахчисарайскаго Фонтана“ (1824 г.) его имя произносилось повсюду съ восторгомъ. А тутъ еще добавокъ онъ друженъ съ Раевскими и Давыдовыми, онъ ѣздитъ въ Каменку, онъ воленъ духомъ и независимъ въ своемъ творчествѣ... Вскорѣ по пріѣздѣ въ с. Михайловское его вызвали въ Псковъ, гдѣ онъ далъ губернатору подписку „жить безотлучно въ деревнѣ родителя и вести себя благоправно“ (Р. Арх., 1872, 2, 355). Въ Михайловскомъ Пушкинъ состоялъ подъ тройнымъ надзоромъ: губернатора, дворянскаго предводителя и архиман-

дрита сосѣднаго монастыря, который нерѣдко являлся освѣдомляться о нравственномъ состояніи поэта, сосланнаго „за безбожіе“, а Пушкинъ передъ приходомъ его раскрывалъ четь-миней (Р. Арх., 1870, 1,173, 1,179). Даже письменныя сношенія съ изгнанникомъ возбуждали неудовольствія и подозрительность. Шлетневъ получалъ выговоры за то только, что смѣлъ переписываться „съ находящимся подъ гнѣвомъ властей сочинителемъ“ (Р. Арх., 1869, 2,069). Впрочемъ, положеніе Пушкина далеко не было ужаснымъ: среди сосѣднихъ помѣщиковъ онъ имѣлъ друзей (семейство Осиповой), его нерѣдко посѣщали лицейскіе сотоварищи, онъ со всѣмъ страстнымъ увлеченіемъ своей природы предавался наслажденіямъ сельской жизни, хотя удаленность отъ друзей и общества и невыгоды поднадзорнаго положенія часто доводили его до невыносимой хандры, выливавшейся въ нѣсколькихъ звучныхъ стихотвореніяхъ. Приглашая къ себѣ Языкова и говоря, что самъ-бы полетѣлъ къ нему, Пушкинъ продолжаетъ—

«Но злобно мной играетъ счастье,
 Давно я бурями ношусь,
 Куда подуетъ самовластье;
 Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь;
 Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньи
 Влачу закованные дни...
 Услышь, поэтъ, мое призванье,
 Моихъ надеждъ не обмани!»

При всемъ томъ, ссылочное пребываніе Пушкина на югѣ и въ псковской губерніи было не бесполезно для него тѣмъ, что хотя силою отвлекло его отъ сферъ, губившихъ его дарованіе. Замѣчательно, что значительное большинство нашихъ старыхъ первоклассныхъ писателей писали свои лучшія произведенія тогда, когда они удалялись изъ тѣхъ слоевъ русскаго общества, въ которыхъ вращались и они, подобно Пушкину: лучшія произведенія Лермонтова написаны на Кавказѣ, Грибоѣдова въ Персіи, Гоголя въ Италіи, Пушкина въ деревнѣ во время ссылки или во время добровольныхъ поѣздокъ въ нее. Въ ссылкѣ Пушкинъ старался, по собственному своему выраженію, пополнить недостатки своего „проклятаго воспитанія“, выучился по-англійски и по-итальянски, собралъ множество народныхъ пѣсенъ, хорошо

изучилъ народную поэзію и народный языкъ и былъ готовъ уже отъ подражательной перейти къ самостоятельной дѣятельности. Съ первыхъ-же своихъ неліцейскихъ стихотвореній Пушкинъ явился врагомъ и сокрушителемъ искусственнаго литературнаго языка и классическихъ теорій. Онъ завершилъ столѣтнее развитіе формальной стороны литературы и передалъ потомству въ окончательной, превосходной отдѣлкѣ орудіе мысли—литературный языкъ. Онъ, по справедливому выраженію Бѣлинскаго, „завоевалъ, усвоилъ навсегда русской землѣ поэзію, какъ искусство, такъ, чтобы русская поэзія имѣла потомъ возможность быть выраженіемъ всякаго направленія, всякаго созерцанія, не боясь перестать быть поэзіей“ (т. VIII, 369). Самъ Пушкинъ хорошо сознавалъ это свое формальное значеніе, заявляя, что „прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ“. Онъ заходилъ даже слишкомъ далеко въ своихъ формальныхъ взглядахъ на литературу и, будучи горячимъ сторонникомъ романтизма, полагалъ разницу его отъ классицизма только *въ формѣ* (Анн., 105). Далѣе, Пушкинъ ввелъ въ романтическія формы русское реальное содержаніе. Онъ первый началъ изображать дѣйствительно русскимъ языкомъ дѣйствительно русскую жизнь и русскую природу съ ея мѣстными оттѣнками; онъ низвелъ поэзію изъ заоблачныхъ высотъ на землю. Въ особенности его мелкія стихотворенія всѣ писались по поводу и подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь дѣйствительнаго случая, такъ что они служатъ лучшимъ матеріаломъ для біографіи поэта. Даже многія изъ крупныхъ произведеній составлялись такимъ образомъ. Пушкинъ велъ нѣчто въ родѣ поэтическаго дневника, въ который вносилъ свои случайныя мысли и свои самыя незначительныя впечатлѣнія, а потомъ эти отрывки входили въ составъ большихъ произведеній (ib., 94, 335—339 и др.). Даже такая крупная вещь, какъ Онегинъ, вся была написана подъ вдохновеніями минуты и подъ наитіемъ впечатлѣній, слѣдовавшихъ одно за другимъ. Напр., салонная героиня, вн. Голицына, сильно увлеклась Татьяной. „Однажды спросила она Пушкина: „Что думаете вы сдѣлать съ Татьяной? Умоляю васъ, устройте хорошенько ея участь.—Будьте покойны, княгиня, выдамъ ее замужъ за генераль-адъютанта“, отвѣчалъ Пушкинъ и сдержалъ слово“ (Р. Арх., 1873, 1073). Обращая самое серьезное вниманіе на частности, подвергая ихъ самой скрупулезной и

долговременной отдѣлкѣ (Анн. 159 и др.), Пушкинъ почти до послѣднихъ лѣтъ своей жизни не могъ совладать съ идеей и цѣлостно провести ея. Это зависѣло исключительно отъ недоконченности его умственнаго развитія, его образованія. Долго находясь подъ вліяніемъ Байрона, онъ не понималъ его и слѣдовалъ байронизму, передѣланному на тогдашній русскій ладъ. Всѣ его большія произведенія, кромѣ нѣкоторыхъ, написанныхъ въ послѣдніе годы жизни, грѣшатъ несознанностью идеи и въ настоящее время не могутъ имѣть другого значенія, кромѣ историческаго (Русланъ и Людмила, Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій Фонтанъ, Цыгане, Полтава), хотя въ нихъ есть много частныхъ, которыя и теперь читаются съ удовольствіемъ. Самъ Пушкинъ признавалъ несостоятельность многихъ изъ нихъ и даже объяснялъ идеи, которыя онъ такъ неудачно хотѣлъ выразить въ нихъ. Въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, напр., онъ „хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX в.“. Извѣстно, что онъ вовсе не сумѣлъ сдѣлать этого. Въ Овѣгинѣ онъ хотѣлъ изобразить героя своего времени, а вмѣсто того изобразилъ добраго, но пустого малаго, изобразилъ самого себя со всѣми своими недостатками, но безъ своихъ достоинствъ, безъ своего гениальнаго ума. Какъ картина свѣтской жизни, Овѣгинъ хорошъ, но идеи въ немъ нѣтъ никакой и поэтъ относится къ нему то немногу сатирически, то сочувственно, такъ что въ сущности неизвѣстно, какъ относится. Поэтому-то Овѣгинъ и былъ принятъ одними за сатиру, другими за образецъ, достойный подражанія, какъ впоследствии это случилось съ лермонтовскимъ Печориннымъ и тургеневскимъ Базаровымъ. Недостатокъ образованія и привычки къ серьезному мышленію въ этомъ случаѣ тѣмъ ощутительнѣе, что Пушкинъ даже въ первую пору своей дѣятельности проявлялъ по временамъ замѣчательный критическій умъ, который если-бы былъ обработанъ, то мы имѣли-бы въ Пушкинѣ своего Лессинга, далеко превосходившаго своимъ художественнымъ гениемъ нѣмецкаго писателя. Такъ, напр., перечитавъ всего Державина, онъ пишетъ, что „этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка. Онъ не имѣлъ понятія, ни о слогѣ, ни о гармоніи... Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы... У него должно

сохранить одъ восемь да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжегъ (Анн., 149). Такъ Пушкинъ отлично понималъ ничтожность тогдашней нашей переводной литературы; не признавалъ замѣчательнаго таланта въ Богдановичѣ и И. Дмитріевѣ (Анн. 151). Онъ первый превосходно доказалъ недостатки знаменитой комедіи Грибоѣдова, признавая всѣ ея достоинства (ib., 222—223). Онъ сознавалъ односторонность и фальшивость лица, которое пользовалось въ литературѣ и въ обществѣ большимъ авторитетомъ, и, называя его въ письмѣ къ Жуковскому „маркизомъ“, онъ заключаетъ свое сужденіе о немъ такъ: „Нѣтъ, Жуковский,

Веселаго пути

Я Б—у желаю

Къ древнему Дунаю

И.....“ (Р. Арх., 1870, 1171).

Изученіе Шекспира привело Пушкина къ истинному взгляду на поэзію, особенно драматическую. Онъ первый самостоятельно выработалъ этотъ взглядъ и первый внесъ его въ литературу (Анн., 125—132). Но одного изученія Шекспира оказалось недостаточнымъ, когда Пушкинъ началъ прилагать выработанныя имъ идеи къ дѣлу, именно къ Борису Годунову. Составивъ себѣ прочныя эстетическія убѣжденія, Пушкинъ говорилъ: „я знаю, что силы мои развились, и чувствую, что могу творить“. Но „проклятое воспитаніе“ помѣшало и здѣсь. Пушкинъ много занимался исторіей и его бѣглыя критическія замѣтки о Тацитѣ показываютъ его способность къ исторической критикѣ. Но Пушкинъ все-таки не былъ знакомъ съ европейскими работами по части исторической критики и не былъ подготовленъ для того, чтобы самостоятельно выработать себѣ прочныя воззрѣнія на исторію, какъ это онъ успѣлъ сдѣлать относительно эстетики. Его умъ не могъ безъ чужой помощи, безъ знакомства съ европейской наукой, освободиться отъ ложныхъ традицій и достигнуть самостоятельности во всѣхъ главныхъ отрасляхъ знанія. Традиціи вліяли на него даже въ чисто-литературныхъ вопросахъ, напр. въ оцѣнкѣ Катенина и Дельвига или, какъ увидимъ ниже, въ воззрѣніяхъ на критику. Въ то самое время, какъ Пушкинъ, вслѣдствіе изученія Шекспира, освободился изъ-подъ вліянія Байрона и достигъ самостоятельныхъ эстетическихъ воззрѣній, онъ бросилъ свои прежнія воззрѣнія на Карамзина и рабски

подчинился его авторитету. „Пушкинъ до того вошелъ въ духъ Исторіи Государства Россійскаго, говорить Бѣлинскій, — до того проникнулся имъ, что сдѣлался рѣшительнымъ рыцаремъ исторіи Карамзина и оправдывалъ ее не только какъ исторію, но какъ политическій и государственный коранъ, долженствующій быть пригоднымъ какъ нельзя лучше и для нашего времени, и остаться такимъ навсегда“ (т. VIII, 640). Вслѣдствіе этого любимѣйшее произведеніе Пушкина, Годуновъ, вышло совершенно ложнымъ и несостоятельнымъ въ своемъ цѣломъ, составленномъ изъ превосходныхъ частныхъ.

Шесть лѣтъ, проведенныхъ Пушкинымъ въ ссылке, и изъ нихъ два въ деревнѣ, не остались безъ вліянія на охлажденіе его либерализма. Въ одномъ письмѣ, писанномъ еще въ концѣ 1823 г., Пушкинъ заявляетъ, что онъ „сталъ благоразуменъ“; затѣмъ, сообщивъ отрывки изъ своей оды на смерть Наполеона, прибавляетъ: „это мой послѣдній либеральный бредъ“.

Но это стихотвореніе было далеко не „послѣднимъ либеральнымъ бредомъ“. Друзья Пушкина уговаривали его исправиться; Карамзинъ взялъ съ него слово не писать ничего либеральнаго въ продолженіи двухъ лѣтъ; но впечатлительный Пушкинъ не выдерживалъ искушеній и прорывался по-прежнему. Какъ всегда, это былъ либерализмъ не столько мысли, сколько чувства, было увлеченіе, но такое-же искреннее и глубокое, какъ и послѣдующія его консервативныя увлеченія. Одно письмо Пушкина отлично выясняетъ намъ эту черту его характера. Когда въ 1825 году друзья Пушкина начали усиленно хлопотать объ его освобожденіи, то онъ писалъ Жуковскому: „Положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условиваться (буде условія необходимы), но вамъ рѣшительно говорю: не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.“. Далѣе Пушкинъ выставляетъ Жуковскому факты, доказывающіе, что за него дѣйствительно поручиться нельзя, и въ заключеніе, по поводу смерти одной особы, гово-

рить: „я не совѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба“ („Рус. Арх.“, 1870 г., 1170, 1176—1177). Въ этомъ наивномъ признаніи, что и либерализмъ и консерватизмъ поэта зависать главнымъ образомъ отъ его личныхъ впечатлѣній, „отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною etc.“, все дышетъ искренностью, которая не допускаетъ никакой возможности подвѣрять тутъ какіе-нибудь корыстные разсчеты, рассчитанную измѣну однимъ убѣжденіямъ въ пользу другихъ, тогда какъ ни тѣхъ, ни другихъ въ сущности не было, а „все зависѣло отъ обстоятельствъ“.

Хлопоты друзей удались. Въ одну сентябрьскую ночь 1826 г. въ с. Михайловское прискакалъ фельдъегерь и тотчасъ увезъ Пушкина, успѣвшаго только накинуть шинель да взять съ собою немного денегъ. „Фельдъегерь, рассказываетъ Пушкинъ, — изъ моего произвольнаго уединенія привезя по почтѣ въ Москву, прямо въ Кремль, и всего въ пыли, ввелъ меня въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ: „а, здравствуй, Пушкинъ, доволенъ-ли ты, что возвращаешь“? Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало въ подобномъ случаѣ. Императоръ долго бесѣдовалъ со мною. „Ты довольно шалилъ, сказалъ императоръ, — надѣюсь, что теперь образумишься и что размолвки у насъ впередъ не будетъ. Присылай все, что напишешь, ко мнѣ: отнынѣ я буду твоимъ цензоромъ“ (Р. Арх., 1867, 1068). Вскорѣ Пушкинъ получилъ дозволеніе жить въ Петербургѣ. Возвращеніе къ свободной жизни чрезвычайно оживило его и онъ отблагодарилъ за милости своими стансами: „Въ надеждѣ славы и добра“. Цѣлую зиму онъ неистово предавался свѣтскимъ удовольствіямъ и, по выраженію Вяземскаго, „ноговодствовалъ“ на всѣхъ московскихъ балахъ (ib., стр. 1071). Его снова, какъ въ Новороссіи, хотѣли пристроить къ службѣ и высшее начальство на первый разъ поручило ему составить „Записку о народномъ воспитаніи“. Эта мало извѣстная, недавно напечатанная записка (Деяти. Вѣкъ, т. II, стр. 209—215) стоитъ того, чтобы сдѣлать изъ нея нѣсколько выдержекъ, которыя и безъ всякихъ комментарій покажутъ читателю, какъ ясно смотрѣлъ Пушкинъ на предметы, которыми даже никогда не занимался, и какъ его ясные взгляды постоянно перепутывались съ рутинными представленіями. Начавъ свою „Записку“ мнѣніемъ, что событія 1825 г. порождены недостат-

комъ образованія и нравственности, Пушкинъ доказываетъ, что „одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія“... „Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ. Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусныя примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести... Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше...“ Казенныя заведенія тоже несостоятельны. „Кадетскіе корпуса—разсадникъ офицеровъ русской арміи—требуютъ физическаго преобразования, большаго присмотра за нравами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. *Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію... Уничтоженію тѣлесныхъ наказаній необходимо. Надлежитъ заранѣе внушить воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія. Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ. Слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ... Семинаріи находятся въ совершенномъ упадкѣ. Въ гимназіяхъ, лицеехъ и пансіонахъ при университетахъ должно продлить, по крайней мѣрѣ, 3-мя годами кругъ ученія, *по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ*“. Шестилѣтнее преподаваніе французскаго языка и языка классическіе Пушкинъ считаетъ непозволительною роскошью. Особенная склонность воспитанниковъ къ чисто-литературнымъ занятіямъ, по мнѣнію поэта, „пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя“, что, конечно, онъ зналъ по собственному опыту. „Высшія политическія науки займутъ окончательные годы; преподаваніе правъ, политическая экономія, статистика, исторія“. Преподаваніе этихъ наукъ должно быть безпристрастнымъ и честнымъ. Записка эта не понравилась, особенно основная мысль ея, что „просвѣщеніе и геній служатъ единственнымъ основаніемъ совер-*

шенству“. Графъ Бенкендорфъ поставилъ Пушкину на видъ, что „правило, принятое сочинителемъ, есть правило невѣрное, ибо при семъ упущены изъ вида нравственныя качества.“ Самъ Пушкинъ сознавалъ недостатки своего труда, извиняя ихъ малымъ знакомствомъ съ предметомъ, „который дотолѣ никогда не занималъ его мыслей *), и прося позволенія заняться чѣмъ-нибудь болѣе ему близкимъ и полезнымъ“ (ib. 218; Анн., 166).

Неприготовленный къ житейской борьбѣ, Пушкинъ еще во время ссылки началъ удаляться отъ вопросовъ современной жизни и увлекаться стариной, благодаря вліанію Карамзина. Эта любовь къ старинѣ и соединенный съ нею консерватизмъ росли въ немъ до самой смерти. Онъ усердно занимается исторіей, пишетъ историческія повѣсти, превосходные драматическіе отрывки изъ средневѣковой жизни (Скупой Рыцарь и др.), переводитъ Аріосто, подражаетъ Данту, Анакреону, Корану, усердно занимается изученіемъ „Слова о Полку Игоревѣ“ и охотничьяго уложенія царя Алексѣя, готовится быть продолжателемъ Карамзина и собираетъ матеріалы для исторіи Петра Великаго (Анн., 191, 249, 394 и др.). Въ то-же время онъ съ любовью и ревностью изучаетъ народный языкъ, собираетъ произведенія народной поэзіи, передѣлываетъ народныя сказки, пишетъ „Русалку“. Нѣтъ сомнѣнія, что въ чисто-художественномъ отношеніи многія изъ упомянутыхъ его произведеній, напр., „Каменный Гость“, превосходны, а его историческія повѣсти изъ русскаго быта имѣли важное значеніе для развитія нашей беллетристики. Но желаніе Пушкина сдѣлаться историкомъ было положительною ошибкою; онъ не былъ достаточно подготовленъ къ этому и, по всей вѣроятности, его исторія Петра Великаго была-бы такъ-же плоха, какъ и „Исторія пугачевского бунта“, состоящая изъ обработаннаго свода источниковъ и указаній причинъ бунта въ интригѣ уральскихъ казаковъ!.. Историческія занятія все болѣе и болѣе склоняли увлекающагося поэта къ такимъ воззрѣніямъ, отъ которыхъ онъ отвертывался въ молодости. Онъ уже называетъ *кари-*

*) Это признаніе Пушкина показываетъ, что онъ не интересовался даже вопросами, наиболѣе занимавшими и правительство и общество, каковымъ былъ вопросъ о народномъ образованіи при Александрѣ и Николаѣ, особенно при первомъ.

натурами изображенія бѣдственнаго положенія русскаго крестьянина (Библ. Зап., 1859, 176). Онъ доказываетъ, что на Западѣ положеніе народа несравненно хуже, чѣмъ въ Россіи, гдѣ мужикъ благоденствуетъ подъ управленіемъ помѣщиковъ, и, благодаря крѣпостной зависимости, „благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ благосостояніемъ помѣщиновъ“, владычество которыхъ вовсе не тягостно. „Конечно, должны еще произойти великія перемены, но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго“. (!) (Соч., изд. 1859 г., т. V, стр. 416—419). Въ запискахъ Пушкина множество еще болѣе консервативныхъ мнѣній. „Между прочимъ Пушкинъ высказываетъ въ нихъ мысль, что царь не долженъ лично сближаться съ народомъ, — мысль, которая, вѣроятно, нашла-бы въ немъ нѣсколько лѣтъ назадъ самаго горячаго противника“ (Библ. Зап., 1859, 134). Онъ считаетъ какимъ-то священнымъ установленіемъ даже этикетъ и пишетъ, что „предполагать униженіе въ обрядахъ, установленныхъ этикетомъ, есть просто глупость“ (Соч., V, 419). Аристократическія тенденціи все болѣе и болѣе овладѣвали поэтомъ (Анн., 140 и др.), который выѣстъ съ тѣмъ началъ проявлять наклонность къ славянофильству и отыскивать законъ историческаго развитія Россіи иные, чѣмъ законы Запада (ib., 262). Какъ-бы стараясь сдѣлать невозможнымъ себѣ отступленіе съ новаго пути, Пушкинъ написалъ крайне неприличную статью о Радищевѣ, въ которой искажаетъ факты, издѣвается надъ взглядами и сужденіями этого перваго русскаго публициста, старается запятнать его личность. Статья эта достойна не Пушкина, а Булгарина. Пушкинъ измѣнилъ даже свои литературныя мнѣнія, — напр., относительно Державина (Анн., 149, 153). Относительно официальнаго покровительства литературѣ Пушкинъ совершенно разошелся съ тогдашними болѣе передовыми писателями и доказывалъ, что „ободреніе“, чины, награды и т. п. чрезвычайно полезны для процвѣтанія литературы (ib., 153; Девяти. Вѣкъ, I, 382). Даже самъ Пушкинъ, который первый бросилъ всякое заискиванье у меценатовъ и хвалился тѣмъ, что онъ читаетъ свои произведенія не вельможнымъ покровителямъ, а „только старой нянѣ, подругѣ юности своей“, — даже самъ Пушкинъ теперь не прочь былъ польстить (напр., „съ Гомеромъ долго ты

бесѣдовалъ одинъ“). Въ то-же время Пушкинъ писалъ: „Аристократія самая мощная, самая опасная есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предрасудки... Уважайте классъ писателей, но не допускайте-же его овладѣть вами совершенно... Дѣйствіе челоуѣка мгновенно и одно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противъ злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона, не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое“ (Соч., V, 414—416). Даже по поводу выхода глупѣйшихъ книжонокъ, въ родѣ записокъ палача Самсона, Пушкинъ начиналъ бить тревогу и кричать о какой-то опасности, угрожающей обществу (ib., 163, 165). Еще рельефнѣе выступаетъ перемѣна пушкинскихъ мыслей въ его враждебныхъ отношеніяхъ къ европейской жизни, особенно къ парламентскимъ „бригунамъ“. Онъ высказываетъ полное презрѣніе къ политической жизни:

„Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна бружится голова,
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги“, и т. д.

Все это производило непріятное впечатлѣніе въ обществѣ и охлажденіе публики къ своему любимцу. „Причиною этого было отчасти непониманіе романтиками истинно-художественной простоты произведенія, но тутъ играло важную роль и нетерпѣливое желаніе молодой публики видѣть въ созданіяхъ любимаго поэта что-нибудь близкое, современное, выраженіе собственныхъ чувствъ, надеждъ, огорченій. Пушкина объявили отсталымъ... Въ новомъ обществѣ уже сильно заговорило стремленіе къ чему-то лучшему, и оно пыталось ратовать противъ зла, хотя-бы въ томъ духѣ, въ какомъ ратовалъ герой его Чацкій, въ комедіи „Горе отъ ума“, появившейся одновременно съ первою главою Онягина. Такой образецъ, какъ эта комедія, былъ большимъ подрывомъ популярности Пушкина“ (Водозовъ, 148; Анн., 285; Бѣлинскій, VIII, 99). Охлажденіе общества сильно волновало Пушкина и онъ старался найти себѣ утѣшеніе въ старинной теоріи о глупости толпы и о томъ, что художникъ, высшая натура, не долженъ подчиняться мимолетнымъ требованіямъ

жизни. Пушкинъ началъ бранить толпу и варьировать на державинскую тѣму:

Прочь, дерзка чернь непросвѣщенна
И презираемая мной!

Стихотворенія этого рода („Поэтъ“, „Чернь“ и др.), конечно, не могли примирить съ Пушкинымъ публику, которую онъ третировалъ такъ свысока.

Пушкинъ все болѣе и болѣе дѣлался служителемъ чистаго искусства (Соч., V, 280; Анн., 141, 170, 214, 251) и вмѣстѣ съ тѣмъ начиналъ оспаривать и у публики и у критики право цѣнить его произведенія. „Я самъ свой высшій судъ“, я только могу судить и о себѣ и о васъ, — вотъ былъ новѣйшій девизъ его. Онъ презиралъ современную ему критику. Конечно, инсинуаторы и аферисты въ родѣ Булгарина, нападавшіе на него, были достойны всякаго презрѣнія. Но вмѣстѣ съ ними дѣйствовали Полевой и Надеждинъ, а въ послѣдніе годы Пушкина выступилъ на сцену и Бѣлинскій. Критика указывала въ Пушкинѣ нѣсколько серьезныхъ недостатковъ, и это крайне волновало его. „Съ 1832 г. отъ горькаго чувства, оставленнаго ему журналистикой и пересудами публики, онъ уже избавиться не можетъ“ (Анн., 203, 394). Въ немъ развивается такое-же презрѣніе къ журналистикѣ, какъ и къ публикѣ; въ первой, какъ и въ послѣдней, онъ видитъ только „дерзку чернь непросвѣщенну“ и начинаетъ все болѣе и болѣе стремиться къ тому, чтобы по-прежнему подчинить литературу аристократическому ареопагу избранниковъ. Пушкинъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ то время, когда „литература была благородное, аристократическое поприще. Нынче это иначе“ (ib., 204). Съ цѣлью снова возвратить литературѣ ея прежнее „благородство“ Пушкинъ дѣлательно поддерживалъ журналы своихъ друзей, „Московскій Вѣстникъ“, „Литературную Газету“ (ib., 173—176, 242). Онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи много для развитія нашей журналистики и литературы, какъ профессоръ. Со времени Пушкина литературный трудъ впервые началъ оплачиваться у насъ какъ слѣдуетъ. За второе изданіе „Руслана и Людмилы“ авторъ взялъ 7,000 р. асс., за „Бахчисарайскій Фонтанъ“ 3,000; потомъ Пушкину платили по 10 р. за стихъ за пьеску „Гусарь“ онъ получилъ 2,000 р. (ib., 75, 98, 169, 297, 386). Пушкинъ имѣлъ важное вліяніе на развитіе книжной

торговли и журналистики, чѣмъ справедливо гордился; книги и журналы начали приносить доходъ литераторамъ, и выгодность журнальной дѣятельности, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ основанію серьезной критики, заставили Пушкина хлопотать объ изданіи собственнаго журнала (ib., 349). Наконецъ былъ основанъ „Современникъ“, въ которомъ, вмѣстѣ съ интересными и живыми статьями, помѣщались и тѣ, изъ которыхъ мы выше дѣлали выдержки крайне-консервативнаго характера. Пушкинъ издалъ только три нумера „Современника“, и его журнальная дѣятельность была прервана смертью. Но все-таки несомнѣнно, что посредствомъ журнала онъ хотѣлъ поддерживать свои аристократическія идеи о литературѣ. Въ это время, сходясь постоянно съ представителями высшаго свѣта, онъ отдался даже отъ литературныхъ кружковъ. Старааясь поддержать молодые таланты, въ родѣ Кольцова, Губера, Гоголя, онъ въ то-же время боялся компрометировать себя знакомствомъ съ Бѣлинскимъ, а его другъ, Нащокинъ, относился къ послѣднему довольно свысока. Въ 1836 г. Пушкинъ писалъ Нащокину: „Я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра „Современника“. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (*тихонько отъ наблюдателей № 13*) *) и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться“. Нащокинъ-же пишетъ Пушкину, что сотрудничество Бѣлинскаго можно будетъ приобрести для „Современника“; „говорятъ, что онъ будетъ очень счастливъ, если ему придется на тебя работать. Ты мнѣ отпиши, и я его къ тебѣ пришлю“ (Ann., 411; Десят. Вѣкъ, I, 404). Но Пушкинъ все-таки не привлекъ Бѣлинскаго къ „Современнику“ потому, вѣроятно, что цѣли послѣдняго расходились съ новымъ направлениемъ, которое вносилъ въ литературу Бѣлинскій. Пушкинъ самъ хотѣлъ стоять во главѣ критики, но роль Лессинга оказалась ему не по силамъ и цѣлую половину ея выполнилъ за него Бѣлинскій уже послѣ его смерти.

Постепенно возраставшая наклонность Пушкина къ консерватизму и къ примиренію съ *statu quo*, какъ мы уже говорили, далеко не была окончательнымъ торжествомъ консервативныхъ убѣжденій. Консервативныя увлеченія боролись въ немъ вплоть

*) Т. е. отъ издателя и сотрудниковъ «Наблюдателя».

до смерти съ увлеченіями либеральными и переходъ отъ однихъ къ другимъ бывалъ иногда очень быстрымъ. Пишетъ, напр., Пушкинъ извѣстное стихотвореніе „*Даръ напрасный, даръ случайный, жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?*“ Митрополитъ Филаретъ отвѣчаетъ ему недурнымъ въ своемъ родѣ стихотвореніемъ „*Даръ мновенный, даръ прекрасный*“; Пушкинъ тотчасъ приирируется съ жизнью и „внемлетъ арфѣ“ Филарета „въ священномъ ужасѣ“. Доказывая, что поэты сотворены „не для житейскаго волненія, не для корысти, не для битвъ“, онъ въ то-же самое время дѣлаетъ свою поэзію служительницей политики, пишетъ „Бородинскую Годовщину“, „Клеветникамъ Россіи“ и т. д. Въ этихъ запоздалыхъ отголоскахъ державинской поэзіи онъ заходитъ такъ далеко, что высказываетъ явное предпочтеніе господству физической силы надъ силою мысли и слова („*Кому вѣнецъ: мечу иль крику?*“). Но изъ многихъ сочиненій, писанныхъ въ то-же время, видно, что въ сущности онъ „не былъ рѣшительнымъ, слѣпымъ поклонникомъ грубой силы, неоживленной разумностью“ (Добролюбовъ, I, 528). Одновременно со своими статьями о цензурѣ, онъ защищалъ литературу отъ нападковъ обскурантовъ, въ родѣ Лобанова, и доказывалъ необходимость извѣстныхъ льготъ для науки и литературы (Соч., V, 275 — 286). Одновременно съ увлеченіями стариной и художественной объективностью, онъ увлекается русскою дѣйствительною жизнью, пишетъ Дубровскаго и др. подобныя произведенія. „Дубровскийъ написанъ ранѣе произведеній Гоголя изъ русскаго быта, веденъ иначе, чѣмъ они, и совсѣмъ въ другомъ тонѣ; но мысль поставить современную жизнь на главный планъ имъ обща“ (Анн., 358). Пушкинъ хотѣлъ писать комедію „Ревизоръ“ и поэму „Мертвыя души“, но уступилъ эти сюжеты Гоголю (ib. 359). Передъ смертью-же онъ задумалъ романъ изъ жизни русскаго общества двадцатыхъ годовъ, въ которомъ предполагалъ вывести личности кн. Шаховскаго, Истоминой, Грибоѣдова, Заводовскаго, Мордвинова, С. Трубецкаго, Никиту Муравьева и др. Одновременно со стихотвореніями „Чернь“, „Поэтъ“, Пушкинъ собирается заняться сатирой:

„О, муза пламенной сатиры,
 Приди на мой призывный кличъ!..
 О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,

О, сколько лбвъ широко-мѣдныхъ
 Готовы отъ меня принять
 Неизгладимую печать!"

Одновременно съ „Поэтомъ“ Пушкинъ пишетъ совершенно противоположное ему, превосходное стихотвореніе „Пророкъ“. Мицкевичъ видитъ въ этомъ стихотвореніи „начало новой эры въ жизни Пушкина; но, продолжаетъ онъ,—Пушкинъ не имѣлъ въ себѣ достаточно силы, чтобы осуществить это предчувствіе; у него не достало смѣлости, чтобы подчинить внутреннюю жизнь и труды свои этимъ возвышеннымъ понятіямъ“ (Р. Арх., 1873, 1075). И по всей вѣроятности, если-бы онъ прожилъ долго,—а онъ могъ прожить до нашего времени,—эти понятія не только-бы не взяли перевѣса надъ противоположными имъ, но рано или поздно совершенно подчинились-бы послѣднимъ. Пушкинъ превратился-бы въ полнаго консерватора, какъ это сдѣлалось съ нѣкоторыми его друзьями, напр., съ кн. Вяземскимъ. На неизбѣжность такого исхода указываетъ и судьба того литературнаго кружка, къ которому принадлежалъ Пушкинъ и въліянію котораго подчинялся. „Нельзя отвергать, говорить г. Пыпинъ,—чтобы этотъ кружокъ не имѣлъ своихъ достоинствъ; напротивъ, въ немъ было, особенно подѣ въліяніемъ Пушкина, много вкуса и художественнаго пониманія литературы: однимъ изъ самыхъ памятныхъ примѣровъ этого останется вѣрная оцѣнка первыхъ произведеній Гоголя; но нѣсколько высокоумное отношеніе, въ которое кружокъ этотъ ставилъ себя къ позднѣйшей литературѣ, особенно по смерти Пушкина, тѣмъ не менѣе вовсе не оправдывалось сущностью дѣла. Кружокъ пересталъ, наконецъ, понимать движеніе литературы; онъ остановился на сантиментальномъ консерватизмѣ, и опять однимъ изъ самыхъ памятныхъ примѣровъ его страннаго положенія осталось отношеніе этого кружка къ Гоголю въ пору его религіозно-самолюбивой мономаніи, когда онъ самъ сталъ разрушать свое дѣло и когда кружокъ поддерживалъ его въ этомъ. Пушкинъ уже не былъ свидѣтелемъ этого, но подобная роль кружка, вѣрно хранившаго его традиціи, вѣрно показываетъ характеръ и объемъ понятій школы“ (Характеристики лит. мнѣній, I, 288).

Да, Пушкинъ совершенно отсталъ-бы отъ русской жизни, если-бы онъ прожилъ долго. Но, по нашему мнѣнію, онъ все-таки не

могъ примириться съ жизнью, потому что не могъ прожить долго. Его преждевременная смерть кажется намъ не случайностью, а совершенно естественнымъ исходомъ; случаенъ только видъ этой смерти; люди, подобные Пушкину, у насъ не живутъ долго, а или спиваются съ кругу, или кончаютъ самоубійствомъ, или сходятъ съ ума, какъ Гоголь, или, разбитые нравственно, теряютъ послѣднія физическія силы, какъ Грановскій. Чтѣ не было сдѣлано для Пушкина, чтобы примирить его съ жизнью? Любимецъ націи, онъ пріобрѣлъ покровительство двора. Столько тревожившія его денежные дѣла были устроены. Въ 1831 г. ему дали ежегодную пенсію въ 5,000 р. (Анн., 309); въ 1833 г. на изданіе пугачевского бунта 20,000 р. (ib., 382) и пожаловали въ камеръ-юнкеры. Аристократическія связи Пушкина, льстившія его самолюбію, расширились. Въ 1833 г. академія наукъ избрала его своимъ членомъ, и онъ былъ очень доволенъ такимъ почетомъ. Наклонность къ тихой семейной жизни была удовлетворена женитьбой на красавицѣ Гончаровой. Пушкинъ сдѣлался очень набожнымъ и религія могла дать ему душевное успокоеніе (ib., 307, 378). Но, не смотря ни на что, Пушкинъ продолжалъ томиться жизнью и стремиться къ чему-то лучшему. Едва только успѣлъ онъ вернуться изъ ссылки, какъ уже писалъ: „нелѣпость и глупость обѣихъ нашихъ столицъ равносильна, хотя и различна“. Уѣзжалъ онъ въ деревню, но изъ деревни снова тянуло его въ Петербургъ, откуда онъ снова писалъ своимъ деревенскимъ пріятелямъ: „для меня шумъ и суета петербургской жизни дѣлаются все болѣе и болѣе несносными и я съ трудомъ ихъ переношу“. Въ 1828 г. поэтъ просилъ дозволенія участвовать въ кампаніи противъ турокъ, но ему отказали (стр. 194). То онъ хотѣлъ тихонько съѣздить „посмотрѣть Константинополь“ (Библи. Зап., 1858, 43), то въ 1829 г. безъ всякаго разрѣшенія уѣзжаетъ на Кавказъ и пробирается въ армію Паскевича, дѣйствовавшую противъ персовъ (Анн., 208 и слѣд.). Это навлекло на Пушкина неудовольствіе, усиленное еще нѣкоторыми его либеральными стихотвореніями (Р. Арх., 1864, 971). Въ 1830 г. Пушкинъ просилъ позволенія ѣхать за-границу или-же, если это нельзя, то сопровождать нашу миссію въ Китай. Но, говоритъ Анненковъ, „заботливость начальства о судьбѣ его отклонила оба плана съ тѣмъ снисходительнымъ добродушіемъ, съ какимъ оно всегда вело и

сдерживало порывы Пушкина. На поѣздку за-границу, которая разстроила-бы его денежные обстоятельства, всегда запутанная, и отвлекла-бы отъ обыкновенныхъ занятій, не воспослѣдовало согласія, а путешествіе въ Китай отклонено по причинѣ полного комплекта чиновниковъ въ нашей миссіи“ (стр. 241). Китай, конечно, нагналъ-бы на Пушкина одну хандру, но Европа, во всей вѣроятности, повліяла-бы совершенно иначе. Передъ смертію Пушкинъ снова собирался за-границу, но снова не удалось. А между тѣмъ душевныя тревоги поэта усиливались до отчаянія, до полного отвращенія къ жизни, вслѣдствіе сознанія пустоты ея.

«Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ»...

Пушкинъ все больше и больше начинаетъ думать о неизбѣжности преждевременной и насильственной смерти. Онъ боится сойти съ ума. Онъ оплакиваетъ

«Въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Свои утраченные годы»...

Горькаго сознанія испорченной жизни, невыполненной задачи не могутъ заглушить всѣ удовольствія свѣта, который все болѣе и болѣе дѣлается ненавистнымъ Пушкину. Свѣтскія связи, которыя въ послѣднее время онъ расширилъ для своей жены, и разоряли и оскорбляли его. Поэтъ унижался до одного уровня съ окружающими его людьми и въ то-же время презиралъ ихъ. Надъ нимъ смѣялись, о немъ сплетничали, а онъ волновался и выходилъ изъ себя. „Въ праздной и неблагоудной насмѣшкѣ онъ видѣлъ мнѣніе свѣта, а мнѣніе свѣта было въ его глазахъ дѣломъ первой важности. Энергія, неутомимость и сосредоточенный въ себѣ гнѣвъ, съ какими выступилъ онъ противъ первыхъ легкомысленныхъ проявленій злорѣчія, уже предвѣщали неминуемую катастрофу“ (Анненковъ, 419). Враги его воспользовались этимъ и устроили интригу, въ видѣ извѣстныхъ сплетенъ насчетъ его жены, чтобы вызвать Пушкина на крайность. Напечатанныя въ русскихъ журналахъ оправданія эмигрантовъ Гагарина и Долго-

рукова нисколько не разъяснили дѣла и не разсѣяли старыхъ подозрѣній. Но кто-бы ни былъ виновникомъ интриги, интрига несомнѣнно была и результатомъ ея была дуэль, на которой Пушкинъ былъ смертельно раненъ своимъ противникомъ, французомъ Дантесомъ, и умеръ 37 лѣтъ отъ роду. Смерть поэта оживила старый энтузіазмъ къ нему. Особенно молодежь была очень раздражена противъ его враговъ, и похороны его, устроенныя на казенный счетъ, сопровождались строгими предупредительными мѣрами; трупъ Пушкина былъ отправленъ на почтовыхъ въ святогорскій монастырь, псковской губерніи („Рус. Архивъ, 1872 г., 1803—1816).

Такъ преждевременно кончилась бурная, многострадальная жизнь человѣка, который сдѣлалъ только часть того, что онъ въ силахъ былъ сдѣлать при другой подготовкѣ, при другихъ обстоятельствахъ. Онъ былъ рожденъ, чтобы стать во главѣ развитія своего народа, но оставилъ этому народу только выработанное имъ орудіе мысли—языкъ, освободилъ литературу отъ старыхъ оковъ и далъ ей надлежащее мѣсто въ русской жизни. Словомъ, онъ создалъ орудія и формы для развивающейся мысли, но его идеи имѣютъ только историческое значеніе и слава Пушкина, какъ великаго поэта, въ родѣ Шекспира или Шиллера, можетъ поддерживаться только его отживающими поклонниками да псевдопатріотическимъ самолюбіемъ, которому нужны примѣры для доказательства, что и русское общество способно рождать и развивать своихъ Шиллеровъ и Шекспировъ. Да, рождать оно способно, но примѣръ Пушкина и Лермонтова, къ которому мы переходимъ, показываетъ, какъ бессильно это общество для развитія и поддержки появляющихся въ немъ первостепенныхъ дарованій, какъ оно дурно вліяетъ и губитъ ихъ...

С. Шашковъ.

ТЕНДЕНЦІОЗНЫЙ РОМАНЪ.

(Окончаніе.)

ІХ.

Опредѣлить по романамъ г. Михайлова принципы той *новой морали*, которая зародилась подъ вліаніемъ новыхъ условій труда, не представляетъ никакихъ затрудненій. Романистъ, иногда отъ собственного лица, иногда отъ лица своихъ героевъ и героинь, развиваетъ ихъ передъ читателями съ самою предусмотрительною обязательностью. Онъ подробно объясняетъ, какъ слѣдуетъ, съ точки зрѣнія этой морали, относиться къ различнымъ случаямъ частной и общественной жизни, къ родителямъ, дѣтямъ, женѣ, къ окружающимъ насъ ближнимъ, къ собственной дѣятельности и т. п. Поэтому нѣтъ ничего легче, какъ характеризовать ее не только въ общихъ чертахъ, но даже и въ деталяхъ, опираясь на слова, думы и поступки той группы дѣйствующихъ лицъ, которая фигурируетъ въ его романахъ въ качествѣ „представителя идей молодого поколѣнія“. Впрочемъ, деталей мы здѣсь касаться не будемъ, а ограничимся только общими чертами.

Житейскую мораль этихъ героевъ можно опредѣлить словами: „разсудительный эгоизмъ“. Обстановка, окружавшая нашихъ героевъ, если и содѣйствовала до извѣстной степени развитію въ нихъ симпатическихъ чувствъ, то, какъ это было показано выше, еще болѣе содѣйствовала развитію эгоизма. Имъ рано пришлось выступить на арену житейской борьбы и тяжелымъ трудомъ добывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Кругомъ нихъ каждый только и думалъ объ одномъ себѣ; личный интересъ—это былъ единственный интересъ выросившей ихъ среды. Даже лучшіе люди этой среды, тѣ наставники, подъ непосредственнымъ вліаніемъ

которыхъ они развивались, которые первые забросили въ ихъ души „жизни чистой, человѣческой зерно“, даже они проповѣдывали имъ любовь къ своему Я. „Эгоизмъ, поучаетъ юношество „Гнилыхъ Болотъ“ учитель-развиватель, Носовичъ, — эгоизмъ есть главный двигатель всего, совершающагося на землѣ, инстинктъ, присущій всякой твари; *безъ него человекъ дѣлается ниже животнаго*, ибо теряетъ послѣднее оправданіе своихъ поступковъ“. „Если вамъ нечего ѣсть, то вы должны работать, а не красть, иначе васъ накажутъ люди или правительство, физически или нравственно—это все равно, и вамъ будетъ невесело: вы согласитесь, что наказаніе не радуетъ. Если вашъ трудъ не можетъ быть сдѣланъ вдругъ вашими силами, вы его сдѣлаете исподволь, а не скомаете кое-какъ и не бросите совсѣмъ, потому что за бездѣлье платы не полагается“ (т. II, стр. 149, 150) и т. д. Исполнять добросовѣстно принятый на себя трудъ, потому что добросовѣстность лучше оплачивается, чѣмъ недобросовѣстность; не посягать на чужую собственность, не красть, потому что „вора непременно посадятъ въ часть“; всегда и во всѣхъ случаяхъ строго соображать свои поступки съ требованіями своего личнаго интереса, личнаго благополучія, — вотъ та мораль, которую внушали юношамъ „крестные отцы ихъ умственнаго развитія“. Очевидно, что основной принципъ этой морали былъ тотъ-же, что и у отцовъ: всегда думай о себѣ и во всемъ руководствуйся голосомъ своего личнаго интереса. Только отцы, увѣряетъ Носовичъ, — дурно понимали свою выгоду и, стараясь постоянно дѣйствовать въ интересахъ своего благополучія, на самомъ дѣлѣ постоянно дѣйствовали во вредъ ему (ib., стр. 151). Мораль отцовъ упрекается не въ томъ, что принципъ ея недостаточно возвышенъ, недостаточно человѣченъ, а лишь въ томъ, что она дурно примѣнялась на практикѣ. „Крестные отцы умственнаго развитія юношей“ совѣтуютъ имъ быть практичнѣе—и только. Они увѣряли своихъ „крестниковъ“, что „благоразумный эгоистъ“, дѣйствуя въ своемъ личномъ интересѣ, всегда будетъ дѣйствовать и въ интересѣ всѣхъ, и что поэтому „эгоизмъ есть любовь къ ближнимъ, любовь къ честной дѣятельности, эгоизмъ есть справедливость“ (ib., стр. 152). Но почтенные проповѣдники новой житейской мудрости забывали при этомъ объ одномъ весьма существенномъ обстоятельстве: они забывали, что со-

глашеніе личной выгоды съ общей пользой, личнаго блага съ благомъ общественнымъ, зависитъ не столько отъ того, умно или глупо разсчитываетъ эгоистъ, сколько отъ того, существуетъ или нѣтъ въ дѣйствительности какая-нибудь реальная, осязательная солидарность между личными и общественными интересами. Никто не станетъ доказывать, будто подобная солидарность всегда, во всѣхъ случаяхъ, при всякихъ общественныхъ отношеніяхъ должна существовать непремѣнно. Доказывать это — значить не понимать смысла дѣйствительныхъ явленій; мало того — значить защищать, подъ иномъ только формою, ту пресловутую теорію „предустановленной гармоніи“, отъ которой давно уже отказалась даже старая метафизика. Солидарность общественнаго интереса съ личнымъ зависитъ, по преимуществу, отъ тѣхъ условій, въ которыя поставленъ человѣческой трудъ. Мы видѣли, напримѣръ, что условія крѣпостнаго труда не только не благопріятствовали, но, напротивъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ противодействовали установленію этой солидарности. Напрасно утверждаютъ нѣкоторые, слишкомъ абстрактные мыслители, будто *общественная полезность* труда служитъ всегда мѣриломъ его цѣнности; житейская практика идетъ часто въ разрѣзъ съ этимъ якобы „экономическимъ закономъ“. Если-бы даже полезность труда всегда опредѣляла его цѣнность, то и тогда оставался-бы еще открытымъ вопросъ насчетъ значенія этой *полезности*. Какая это полезность? Имѣетъ-ли она характеръ общественный или характеръ частный, т. е. цѣвится-ли трудъ по степени той пользы, которую онъ *посредственно* приноситъ цѣлому обществу, или только той пользы, которую изъ него *непосредственно* извлекаетъ предприниматель? Однако мы показали выше, что полезность труда, каковъ-бы ни былъ ея характеръ, далеко не всегда опредѣляетъ его стоимость; что нерѣдко при оцѣнѣ его принимаются въ соображеніе постороннія обстоятельства, ничего общаго неимѣющія ни съ качествомъ, ни съ количествомъ труда, что иногда онъ вознаграждается не по степени приносимой имъ пользы, не по степени обусловливаемого имъ напряженія рабочей силы, а просто по степени развитія въ работникѣ тѣхъ или другихъ нравственныхъ достоинствъ или недостатковъ, по его большей или меньшей угодливости, по тому, есть-ли у него связи и протекція, пользуется-ли онъ благорасположеніемъ того или другого высокопоставленнаго лица и т. п. Само собою понят-

но, что если человѣческій трудъ оцѣнивается безъ всякаго соотношенія съ его общественной полезностью, если онъ оплачивается тѣмъ дороже, чѣмъ болѣе удовлетворяетъ чисто-постороннимъ обстоятельствамъ, — само собою понятно, что при такихъ условіяхъ дѣятельности не можетъ быть и рѣчи о какомъ-бы то ни было согласованіи частной выгоды съ общественной. Самый умный, самый разсудительный работникъ будетъ именно тотъ, который разовьетъ въ себѣ побольше требуемыхъ качествъ угодливости и который никогда не будетъ {заботиться объ общественной полезности своего труда. Отцы нашихъ героевъ понимали это гораздо лучше г. Носовича, и уже ихъ-то всего менѣе можно было упрекнуть въ недостатѣ практическаго благоразумія. Если нѣкоторымъ изъ нихъ и случалось иногда попадаться подъ судъ, разоряться и т. п., то за то сколько-же изъ нихъ добились и почестей, и богатствъ, заслужили превосходную репутацію и отошли въ вѣчность, окруженные изысканнымъ комфортомъ, подобострастною лестью и раболѣпнымъ угодничествомъ своихъ ближнихъ? Будь ихъ дѣти поставлены въ тѣ-же условія, въ которыя они были поставлены, имъ слѣдовало-бы поступать совершенно согласно этой житейской мудрости. Но наши герои, какъ сказано было выше, не могли дѣйствовать при прежнихъ условіяхъ: судьба, т. е. экономическая реформа 19 февраля, измѣнила ихъ положеніе; къ ихъ труду, къ ихъ рабочимъ силамъ были предъявлены *новыя* требованія, никогда непредъявляемые раньше. Съ точки зрѣнія этихъ новыхъ требованій, практическая мораль не могла, конечно, рекомендовать дѣтямъ образъ жизни отцовъ. Она убѣждала ихъ сдѣлать свой трудъ по-возможности общеплезнымъ и не обращать серьезнаго вниманія на тѣ постороннія соображенія, которыя прежде имѣли самое рѣшительное вліяніе на возвышеніе или пониженіе стоимости труда, а теперь отодвинулись на второй планъ. Но что-бы заговорила эта нравственность, если-бы обстоятельства снова измѣнились, если-бы дѣтямъ снова пришлось очутиться въ положеніи отцовъ? Предохранила-ли-бы она ихъ отъ той фальши, отъ которой она не предохранила послѣднихъ? Жизнь уже отвѣтила за насъ на этотъ вопросъ, и пусть читатель самъ рѣшитъ, кто лучше: старые „дѣльцы“ или новые. Въ романахъ г. Михайлова объ этихъ новыхъ или новѣйшихъ „дѣльцахъ“ нѣтъ еще и помину; выводимые имъ герои, повидимому, совершенно чисты и непорочны въ нравственномъ от-

ношеніи; между ними и ихъ отцами съ одной стороны и современными „дѣльцами“ съ другой—лежитъ цѣлая пропасть. Но взгляните въ эту пропасть, измѣрите ее глазами, и вы сейчасъ-же убѣдитесь, что она не такъ глубока и не такъ непроходима, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Х.

„Каждый человѣкъ долженъ жить на счетъ своего собственнаго труда; трудъ каждаго человѣка долженъ быть *честнымъ трудомъ*; честенъ только тотъ трудъ, который *общеплезенъ*“,—вотъ въ короткой формулѣ *resumé* отношеній человѣка къ обществу, съ точки зрѣнія морали господъ Теплицинныхъ, Рудыхъ, Шуповыхъ, Александровъ Флегонтовичей (см. ром. „Лѣсъ рубятъ — щепки летать“) и т. п. Первая часть этой формулы, обязывающая каждаго человѣка трудиться, есть не болѣе, какъ простое констатированіе экономическаго положенія той среды, изъ которой вышли наши герои. Не трудясь, они были-бы не въ состояніи удовлетворить самымъ настоятельнымъ потребностямъ своего организма; только трудомъ могли они купить право на существованіе. Такимъ образомъ, трудъ становился для нихъ обязательнымъ съ точки зрѣнія инстинкта самосохраненія. А то, что обязательно съ точки зрѣнія инстинкта самосохраненія, всегда бываетъ обязательнымъ и съ точки зрѣнія практической морали. Что касается до второй части формулы, требующей, чтобы человѣкъ не только трудился, но притомъ еще трудился честно, то очевидно, что все ея практическое значеніе будетъ зависѣть отъ того, какъ опредѣлимъ мы слово *честный*. Формула нашихъ героевъ отождествляетъ понятіе о честномъ трудѣ съ понятіемъ о трудѣ общеплезномъ. Но что такое *общеплезный трудъ*? Понятіе общеплезнаго труда — понятіе въ высшей степени эластическое; оно можетъ быть, по произволу, то расширяемо, то суживаемо до послѣдней крайности. Есть люди, которые подъ общеплезнымъ трудомъ подразумѣваютъ только одинъ какой-нибудь строго-опредѣленный родъ дѣятельности: есть люди, которые придаютъ этотъ эпитетъ *не одной* какой-нибудь, а цѣлой группѣ болѣе или менѣе однородныхъ дѣятельностей; наконецъ, есть и

такіе люди, которые всякій производительный трудъ, т. е. трудъ, производящій цѣнности, считаютъ общепользынымъ. И всѣ они вполне убѣждены въ своей правотѣ, и съ гордымъ высокомеріемъ относятся другъ къ другу. Человѣкъ, признающій только одинъ опредѣленный родъ труда общепользынымъ, обзываетъ *филлистеромъ* человѣка, признающаго общепользыный характеръ за всякою производительною дѣятельностью, и издѣвается надъ его благодушнымъ оптимизмомъ и спокойнымъ самодовольствомъ; послѣдній, въ свою очередь, глумится надъ односторонностью перваго, считаетъ его исключительность недомыслиемъ, а его пессимистическое отношеніе ко всякаго рода дѣятельности, за исключеніемъ одной, излюбленной—пустымъ ребячествомъ. Каждый приводитъ болѣе или менѣе всѣякіе аргументы въ защиту своего взгляда, но постороннему наблюдателю, слушающему эти безконечныя и такъ хорошо всѣмъ намъ извѣстныя споры о томъ, какую дѣятельность, по преимуществу, слѣдуетъ наградить эпитетомъ общепользыной,—постороннему наблюдателю, говорю я, очевидно, что у спорящихъ не имѣется никакихъ несомнѣнныхъ критеріевъ для окончательнаго, такъ-сказать безапелляціоннаго, рѣшенія занимающаго ихъ вопроса. Посторонній наблюдатель чувствуетъ, что они пришли къ тѣмъ или другимъ взглядамъ не столько въ силу абстрактнаго, логическаго мышленія, сколько въ силу почти бессознательнаго *предрасположенія*,—предрасположенія, обусловленнаго ихъ общественнымъ положеніемъ, ихъ практическими интересами. И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ измѣнялись общественное положеніе и практическіе интересы нашего юношества, измѣнялись и его воззрѣнія на значеніе *общепользыной дѣятельности*. Сначала, въ первый и самый цвѣтущій періодъ своего развитія, въ періодъ смѣлыхъ увлеченій и широкихъ идеаловъ, оно сдуло понятіе общепользыной дѣятельности до крайняго шіпшима, затѣмъ оно постепенно все расширяло и расширяло его и, наконецъ, дошло до того, что потеряло всякое сознаніе различія дѣятельности общепользыной отъ дѣятельности выгодной съ точки зрѣнія личнаго интереса. Къ этому прогрессивному расширенію понятія *общепользыности* сводится вся умственная и нравственная исторія нашихъ дѣтей за послѣдніе 15—20 лѣтъ; имъ до нѣкоторой степени обусловилося ихъ перерожденіе изъ „рыцарей

идей“ въ практическихъ „дѣльцовъ“. Чѣмъ больше расширялось это понятіе, тѣмъ все глубже опускалось юношество въ водоворотъ практической жизни, тѣмъ все съ меньшею и меньшею безгильвостью хваталось оно за такія профессіи, отъ которыхъ прежде отворачивалось и которыя недавно еще клеймило названіемъ сомнительныхъ профессій. Въ романахъ г. Михайлова этотъ процессъ перерожденія юношей подъ вліяніемъ расширяющагося понятія *общепользой* дѣятельности не доведенъ до своего конца. Его герои или только-что выступаютъ на житейское поприще, или дѣлаютъ одинъ лишь *первый шагъ* на скользкомъ пути перерожденія. Но первый шагъ, какъ извѣстно, всегда—самый трудный шагъ, притомъ онъ всегда дѣлается робко и съ оглядкою, его не легко подмѣтить, но за то если разъ онъ подмѣченъ, мы получаемъ возможность заранѣе предугадать и опредѣлить всѣ тѣ послѣдующіе шаги, которые неизбѣжно должны за нимъ послѣдовать.

Въ двухъ большихъ романахъ— „Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ“ и въ „Въ разбродѣ“—авторъ доводитъ разсказъ о жизни своихъ героевъ, Теплицына и Прохорова, до того момента, когда эти герои, умудренные житейскимъ опытомъ, начинаютъ болѣе или меньше скептически относиться къ увлеченіямъ своей молодости и заводятъ старую пѣсню о томъ, что „каждый сверчокъ долженъ знать свой шестокъ“,—т. е. именно до того момента, когда первый періодъ перерожденія уже совершился. Исторія этихъ двухъ юношей есть исторія едва-ли не большинства юношей, развившихся подъ свѣжими впечатлѣніями только-что зачинавшейся эпохи нашего *renaissance*, и потому она въ высокой степени поучительна. Мы не станемъ воспроизводить ее здѣсь во всѣхъ деталяхъ, но остановимся только на двухъ ея наиболѣе характеристическихъ моментахъ: на томъ моментѣ, когда юноша, преисполненный благородными стремленіями и возвышенными идеалами, вступаетъ въ жизнь, и затѣмъ когда онъ, нѣсколько помятый жизнью, но все еще вѣрный своимъ убѣжденіямъ, все еще имѣющій право считать себя за *честнаго* и *хорошаго* человѣка, начинаетъ мало-по-малу пріурочивать свою мораль къ интересамъ мирнаго, спокойнаго, мѣщанскаго прозябанія.

Посмотрите на Теплицына-юношу: онъ еще не кончилъ курса

въ университетѣ, а уже голова его полна планами о томъ, какъ-бы сдѣлать что-нибудь на пользу общества. Онъ не думаетъ, подобно своимъ *юнкъшамъ* преемникамъ, ни о вакансіяхъ въ судебномъ вѣдомствѣ, ни о величинѣ окладовъ въ томъ или другомъ министерствѣ, ни о профессурѣ и поѣздѣ на казенный счетъ за-границу,—вообще заботы о своей карьерѣ ни мало не смущаютъ его мыслей. Какъ устроятся его *личныя дѣла*—это для него неважно; для него важно только поскорѣе начать *общепользную дѣятельность*. Его товарищи мечтали о томъ-же; никого изъ нихъ не интересовалъ вопросъ о выгодности той или другой профессіи; мысли всѣхъ были исключительно устремлены на опредѣленіе *общепользности* того или другого труда. Объ этомъ они спорили и толковали въ своихъ кружкахъ, спорили и толковали съ такимъ-же задоромъ и увлеченіемъ, съ какииъ *новѣйшіе* юноши спорятъ и толкуютъ объ относительной выгодности адвокатской и желѣзно-дорожной карьеры. Теплицынъ полагалъ, что дѣятельность, направленная къ распространенію народнаго образованія, есть въ данный моментъ наиболѣе общепользная, потому онъ и предложилъ своимъ сотоварищамъ устроить сообща школу на болѣе рациональныхъ началахъ. „Сначала одна подобная школа возникнетъ, мечтали онъ,—потомъ люди, видя ея успѣхи, станутъ подражать намъ. Это дастъ возможность подорвать существованіе разныхъ пошлыхъ школъ, содержимыхъ ничего незнающими промышленниками. Мнѣ кажется, что только распространеніе образованія и можетъ что-нибудь сдѣлать, и потому самое лучшее начать съ этого“ (т. IV, стр. 303). „Эхъ, ты, петербуржец! прерываетъ его мечтанія одинъ изъ его товарищей, нѣкій Палицынъ.—Вы все думаете, что буря начинается въ стаканѣ воды, а я вамъ скажу, что буря начинается въ океанѣ и уже оттуда проходитъ въ ваши протухлыя Фонтанки“.—„Для чего ты это говоришь?“ спрашиваетъ его Теплицынъ.—„А для того, чтобы ты не думалъ, что твоя новая школа повернетъ міръ“ (ib.). Герой нашъ соглашается, что проектируемая имъ школа міра не повернетъ и что онъ предлагаетъ заняться устроеніемъ ее только потому, что никакой иной дѣятельности *пока* не предвидится,—значить, *faute de mieux*. „Встрѣтится болѣе плодотворное дѣло—возьмемъ за него, утѣшаетъ онъ своихъ молодыхъ друзей,—а повуда ограничимся

хоть этимъ“ (ib). Но не всѣхъ друзей это могло утѣшить. Они сомнѣвались въ *общепользности* того дѣла, которое рекомендовалъ имъ Теплицынъ: оно казалось имъ слишкомъ *муравьинымъ*; а они не хотѣли быть муравьями. „Зло меня разбираетъ, говорилъ одинъ изъ нихъ,—что приходится муравемъ быть. Такого-бы мнѣ дѣла хотѣлось, чтобы у меня духъ отъ него занялся, чтобы безъ вина голова опьянѣла,—вотъ такое дѣло покажи мнѣ, ну, тогда я не стану спорить, что изъ него выйдетъ *общая польза*“ (ib., стр. 304). Это дѣло, отъ котораго „духъ занимается“, не было для нихъ простымъ отвлеченнымъ абстрактомъ, какимъ-то фантастическимъ миромъ, о которомъ только говорятъ, но въ реальное существованіе котораго никто не вѣритъ,—нѣтъ: наши герои не только вѣрили въ его существованіе, они даже понимали, въ чемъ оно состоитъ и гдѣ его слѣдуетъ искать; они совсѣмъ не походили на тѣхъ чухлыхъ рыцарей 40-хъ годовъ, которые „по свѣту рыскали“ въ тщетной надеждѣ найти „исполинское дѣло“. Александръ Прохоровъ уже въ концѣ 50-хъ годовъ весьма точно опредѣлилъ его, а его болѣе молодые сверстники опредѣлили его еще точнѣе. „Намъ нужно воевать, писалъ Прохоровъ изъ-подъ Севастополя къ своей невѣстѣ,—не съ французами, не съ англичанами: намъ нужно воевать съ своими недостатками; въ противномъ случаѣ насъ будутъ бить всѣ другіе народы, будутъ бить и найдутъ въ числѣ своихъ союзниковъ всѣхъ тѣхъ, которые носятъ имя русскихъ и грабятъ русскій народъ, русскую казну“ (т. V, стр. 97). Въ этой борьбѣ, и только въ ней одной, видѣли тогдашніе юноши *общепользное* дѣло. И они набросились на него со всѣмъ увлеченіемъ юности. Но практическая дѣйствительность скоро охладилла это увлеченіе. Практическая дѣйствительность не замедлила выяснить передъ ними фактъ, на который они прежде совсѣмъ не обращали вниманія, и который, тѣмъ не менѣе, былъ столько-же очевиденъ, сколько и несомнѣненъ,—фактъ рѣзкаго противорѣчія между ихъ идеальными стремленіями съ одной стороны и требованіями житейской практики—съ другой. А разъ это противорѣчіе обнаружилось и поставило ихъ лицомъ къ лицу съ реальными преградами, наши юные герои уже не могли съ прежнею исключительностью отдаться прежнему дѣлу. Вѣдь и взяли-то они за него не по страсти, не ради без-

корыстной, непреодолимой любви къ идеѣ, — нѣтъ: для нихъ оно было не болѣе, какъ нѣкоторая обязательная повинность, добровольно ими на себя наложенная. Они смотрѣли на него какъ на *долгъ*, не исполнивъ котораго имъ, съ точки зрѣнія ихъ нравственныхъ понятій, невозможно было наслаждаться внутреннимъ благополучіемъ. „Надо-же дѣлать что-нибудь въ жизни, разсуждаетъ Теплицыня въ періодъ юношескихъ увлеченій, — а такъ-какъ *отрадные всего дѣлать честное дѣло и дѣлать его сообща*, то я и предлагаю вамъ заняться устройствомъ школы“ (т. IV, стр. 303). Ихъ совѣсть не была-бы спокойна, они не испытывали-бы отраднаго чувства самодовольства, если-бы ихъ умъ хоть на минуту усомнился въ *честности* того дѣла, которое они дѣлаютъ. Но честность отождествлялась въ ихъ сознаніи съ понятіемъ общепольности, а послѣднее понятіе, какъ мы сказали выше, было до крайности эластично. Они могли по произволу растягивать его и, такимъ образомъ, у нихъ всегда было подъ руками готовое средство успокоить свою совѣсть на какой-бы то ни было дѣятельности. А къ этому-то успокоенію совѣсти и сводилась въ концѣ-концовъ вся ихъ нравственность. Мы видѣли, что эта нравственность учила ихъ не дѣлать ближнему зла потому только, что черезъ это могутъ пострадать интересы ихъ личнаго благополучія. Она говорила имъ: не воруйте, въ противномъ случаѣ вы рискуете попасть въ тюрьму; отдавайте долги, въ противномъ случаѣ вы рискуете потерять весь свой кредитъ, и т. п. Точно также она совѣтовала имъ заниматься *честнымъ трудомъ* только потому, что, въ интересахъ внутренняго спокойствія, это гораздо выгоднѣе, чѣмъ заниматься трудомъ безчестнымъ. Но она предоставила при этомъ ихъ собственному сознанію рѣшать вопросъ о честности или безчестности тѣхъ или другихъ занятій. Такимъ образомъ, налагая на человѣка извѣстныя обязательства, она, въ то-же время, давала ему возможность легко и удобно обходить эти обязательства, вступать ежеминутно въ выгодныя сдѣлки съ собственною совѣстью. Наши герои пользовались этою возможностью весьма умѣренно и тѣмъ не менѣе они дошли до афоризмовъ, въ родѣ слѣдующихъ: не слѣдуетъ гоняться за „великими подвигами; лучше быть скромнымъ муравьемъ, чѣмъ тою лягушкою, которая хотѣла надуться до толщины вола“; каждый дол-

женъ трудиться *по мѣрѣ силъ своихъ*, и нечего стыдиться, если силы эти слишкомъ микроскопичны и т. п. „Нужнѣ всего намъ теперь, пишетъ престарѣлый Теплицынъ своему сыну, — нужнѣ всего намъ теперь *честные, добросовѣстные работники*. Наше измученное поколѣніе не умѣло работать. Наши стремленія были или слишкомъ неясны, или слишкомъ широки, а поле для дѣятельности было слишкомъ узко, а по временамъ его не было и совсѣмъ. Не стыдись, если у тебя не будетъ силъ для широкой дѣятельности и для гениальныхъ трудовъ, не гонись за ними, не имѣя на это силъ, и лучше будь второстепеннымъ, третьестепеннымъ хорошимъ труженникомъ. Правда, найдутся люди, которые станутъ глумиться надъ тобою, стапуть съ пренебреженіемъ относиться къ тебѣ, видя въ тебѣ не генія, но только мелкаго работника, но ты не смущайся насмѣшками такихъ людей и знай, что они сами ничто иное, какъ вороны въ павлиньихъ перьяхъ“, и т. д. (т. IV, стр. 500). Александръ Прохоровъ, достигнувъ тихой и спокойной пристани за-границею, точно также заводитъ пѣсню о томъ, что каждый обязанъ, не заносясь высоко, „отмечевать себѣ скромный и небольшой уголокъ, разсчитавъ напередъ свои склонности, силы и способности“, и изъ этого скромнаго уголочка нигде не выходить, а все время употреблять на его воздѣлываніе, и кромѣ этого воздѣлыванія ничѣмъ другимъ не заниматься (т. V, стр. 284). „Мы, откровенно сознается нашъ герой, — мы (т. е. онъ и подобные ему юноши) сошли со сцены для того, чтобы начать мирную, быть можетъ буржуазную, жизнь съ трудомъ, изъ-за куска хлѣба“ (ib., стр. 282). „Теперь намъ нужно заняться *развитіемъ самихъ себя*“ (ib.).

Нѣтъ сомнѣнія, что все это очень благоразумно, очень разсудительно; нѣтъ сомнѣнія также, что и теперь приходится очень часто выслушивать эти благоразумныя разсужденія. Безчисленное множество „умудренныхъ опытовъ“ Теплицыныхъ и Прохоровыхъ со всѣхъ сторонъ убѣждаетъ насъ *не разбрасываться*, не увлекаться великими подвигами, а скромненько заняться воздѣлываніемъ двухъ-вершковаго пространства, отмежеваннаго на аренѣ общественной дѣятельности; они увѣряютъ насъ, что на каждомъ поприщѣ можно принести посильную пользу обществу, что муравей животное очень полезное и что гораздо лучше быть хо-

рошимъ сапожникомъ, чѣмъ посредственнымъ литераторомъ, и т. д., и т. д. Ну что можно противъ этого возразить? Да притомъ-же этихъ Прохоровыхъ и Теплицыныхъ такъ много и они такъ глубоко убѣждены въ истинности своихъ афоризмовъ, что едва-ли не бесполезно вступать съ ними въ какія-бы то ни было препирательства. Я позволю себѣ сдѣлать одно только замѣчаніе, не касающееся, впрочемъ, сущности прохоровско-теплицынскихъ теорій. Допустимъ, что эти теоріи, дѣйствительно, весьма основательны и благоразумны, но согласитесь, что человекъ, усвоившій ихъ, не внушитъ вамъ большого довѣрія насчетъ безупречности своей практической дѣятельности. Положимъ, сегодня онъ ведетъ „мирную, быть можетъ буржуазную, жизнь“, спокойно занимается саморазвитіемъ, но кто вамъ поручится, что завтра онъ не поступитъ въ разрядъ „дѣльцовъ“, которые еще дальше раздвинуть границы своей житейской мудрости? Вѣдь на каждомъ поприщѣ можно привести обществу посильную пользу и каждый долженъ выбирать себѣ дѣятельность, сообразуясь *единственно* съ своими способностями и силами! Если его силъ и способностей хватаетъ только на то, чтобы таскаться по ресторанамъ, пропивать и проѣдать по наслѣдству доставшееся имущество, то—да не смущается совѣсть его—пусть онъ сдѣлаетъ изъ *мотовства* свою спеціальную профессию; вѣдь нѣкоторые экономисты находятъ-же, что мотовство дѣло весьма полезное и даже необходимое въ интересахъ развитія народной промышленности. Если онъ записался въ разрядъ присяжныхъ повѣренныхъ и его способности предрасполагаютъ его къ защитѣ такъ-называемыхъ *темныхъ дѣлъ*,—и то его совѣсти опять-таки нечего смущаться: его дѣятельность, по мнѣнію самыхъ компетентныхъ въ этомъ случаѣ людей—самихъ адвокатовъ,—въ высокой степени полезна и необходима въ интересахъ выясненія въ народномъ сознаніи идей правды и справедливости, въ интересахъ юридическаго воспитанія общества. Правда, Прохоровъ и Теплицынъ еще не дошли до признанія за каждою отраслью труда, за каждою человѣческою дѣятельностью общепользнаго значенія, но они сдѣлали первый и самый важный шагъ по пути къ этому признанію. Последующіе шаги не замедлили сдѣлать ихъ болѣе молодые сверстники. Гг. Воротилины, Малявскіе etc. (см. ром. Боборыгина „Дѣльцы“) — это не болѣе, какъ цвѣточки, выросшіе на плодородной

почвъ теплицыно-прохоровскихъ нравственныхъ теорій, — теорій, построенныхъ исключительно на началѣ эгоизма и недающихъ никакого точнаго критерія для опредѣленія того, что слѣдуетъ принимать подъ словомъ честный, т. е. общепользительный трудъ.

XI.

Наши герои, достигнувъ зрѣлости, и сами начинаютъ сознавать, что съ ними произошла какая-то пережѣна, что они уже не тѣ, чѣмъ были прежде. Пережѣна эта, разумѣется, нисколько ихъ не смущаетъ, — напротивъ, она ихъ даже радуетъ: имъ вѣжется, что теперь-то именно, когда они отказались отъ широкихъ стремленийъ и возвышенныхъ идеаловъ юности, имъ стало гораздо легче жить на свѣтѣ. Они вполне довольны собою; ихъ совѣсть не только не возмущается, но, напротивъ, даже одобряетъ ихъ благородную рѣшимость зажить „мирною, быть можетъ буржуазною, жизнью изъ-за куска насущнаго хлѣба“. Вѣдь и такая жизнь во многихъ отношеніяхъ можетъ быть признана общепользительною. Значитъ, въ ихъ поведеніи нѣтъ ни малѣйшаго уклоненія отъ ихъ нравственнаго идеала. Расширился только немножко самый идеалъ и больше ничего. Однако, хотя ихъ совѣсть вполне спокойна, хотя они по-прежнему считаютъ себя отиѣнно честными и хорошими людьми, но они все-же чувствуютъ нѣкоторую потребность оправдаться передъ близкими людьми. Съ этою цѣлью Теплицынъ въ заключительномъ словѣ, посвященномъ сыну (т. II, стр. 499 — 502), а Прохоровъ въ письмѣ къ роднымъ жены своей (т. V, стр. 282 — 284) пускаются въ подробное изъясненіе причинъ, сдѣлавшихъ изъ нихъ „умудренныхъ опытомъ мужей“, и высказываютъ свои общія воззрѣнія на то, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать *честнымъ людямъ*. Съ послѣдними мы уже ознакомились: они, какъ мы видѣли, не отличаются большою опредѣленностью и въ концѣ концовъ сходятся къ двумъ, тремъ избитымъ сентенціямъ житейской мудрости. Что-же касается первыхъ, т. е. мнѣній нашихъ героевъ о причинахъ, превратившихъ ихъ изъ увлекающихся юно-

шей въ пропагандистовъ прописныхъ афоризмовъ, то и на этотъ счетъ, какъ и на счетъ афоризмовъ, герои вполне согласны другъ съ другомъ. Прохоровъ повторяетъ Теплицына, Теплицынъ подсказываетъ Прохорову. Первый увѣряетъ, что „намъ прежде всего были нужны честные работники и что именно такихъ-то работниковъ у насъ и не было. Наше измученное поколѣнiе не умѣло работать. Наши стремленiя были или слишкомъ неясны, или слишкомъ широки, а поле дѣятельности узко“ и т. д., и т. д. (т. IV, стр. 499). Второй ту-же мысль варьируетъ такимъ образомъ: „Недостатокъ подготовки, недостатокъ серьезнаго знанiя и строгой опредѣленности въ выборѣ дѣятельности—это былъ общiй недостатокъ. Мы являлись плохими учителями, плохими переводчиками, корректорами, служаками... Новыя идеи и новые порядки произвели наплывъ множества лицъ, почувствовавшихъ необходимость труда. Всю эту массу полуразвитыхъ, шедшихъ къ развитiю и въ то-же время трудившихся изъ-за куска хлѣба пролетарiевъ стали упрекать за неумѣнье хорошо исполнять принятый ею на себя трудъ и за шатанье изъ стороны въ сторону, отъ одной работы къ другой. Но тутъ, конечно, виновата не эта масса и не новыя идеи. Неумѣнье трудиться завѣщено ей прошлымъ; вѣчное хватанье за множество дѣлъ было слѣдствiемъ того-же неумѣнья. Насъ не учили никакому ремеслу и давали намъ только отрывки научныхъ свѣдѣнiй—и мы выходили негодными ни къ чему...“ (т. V, стр. 283). Итакъ, изъ юношескихъ стремленiй ничего не вышло, во-первыхъ, потому, что стремленiя эти были слишкомъ широки, а поле дѣятельности слишкомъ узко, во-вторыхъ, потому, что юноши не умѣли работать, что они „разбрасывались“, за-разъ хватались „за множество дѣлъ“. Отсюда „умудренные жизнью“ герои наши дѣлаютъ слѣдующiй выводъ: нужно съузить стремленiя до предѣловъ того „поля дѣятельности“, которое имъ не возбраняется воздвигать; отмежевавъ себѣ одно какое-нибудь скромненькое дѣло, учиться на немъ работать. Сообразно съ этимъ выводомъ они и поступили. Вотъ какъ объясняютъ они происшедшую съ ними переищу. Вѣрно-ли это объясненiе?

Спору нѣтъ, что стремленiя ихъ были и слишкомъ широки, и слишкомъ неясны, что поле предоставленной имъ дѣятельности было слишкомъ узко и что, быть можетъ, они даже и работать не

умѣли. Но достаточно-ли было всѣхъ этихъ причинъ для превращенія ихъ изъ „лягушекъ, силвившихся раздуться до воловъ“, въ скромныхъ, довольныхъ своею судьбою „муравьевъ“? Лагушка, желавшая во что-бы то ни стало сдѣлаться воломъ, но неимѣвшая достаточно средствъ осуществить свой идеаль, допнула въ напрасныхъ усиліяхъ достигнуть недостижимаго. Та-же участь, какъ извѣстно, часто постигаетъ и людей, задающихся идеалами, далеко превышающими ихъ средства и силы; они, конечно, не допаютъ въ буквальный смыслъ слова, но тѣмъ не менѣе они гибнутъ, подобно мечтательной лягушкѣ: они впадаютъ въ отчаяніе, они налагаютъ на себя руки, они мучатся, страдаютъ и никогда, никогда они не могутъ примириться съ мирнымъ, буржуазнымъ прозябаніемъ самодовольныхъ муравьевъ. Возьмите, напримеръ, старый, избитый, но все еще глубоко жизненный, реальный типъ ламанческаго рыцаря. Донъ-Кихотъ не умѣлъ работать; его стремленія были и неясны, и широки; его идеалы шли въ разрѣзъ съ его микроскопическими средствами; если хотите, онъ былъ смѣшонъ съ своею наивною безтолковостью и съ своими странными притязаніями, — но скажите, могъ-ли онъ когда-нибудь кончить такъ, какъ кончили наши герои? А между тѣмъ тутъ были налицо всѣ тѣ причины, на которыя указываютъ гг. Теплицынн и Прохоровы въ оправданіе своего метаморфоза. Почему-же съ людьми донъ-кихотскаго типа такого превращенія не могло приключиться, а для людей теплицынско-прохоровскаго закала оно логически неизбѣжно? Поставить этотъ вопросъ — значитъ отвѣтить на него. Первыхъ волнуетъ и двигаетъ любовь къ *идеѣ* (какова-бы ни была эта идея), къ идеѣ, вошедшей въ ихъ плоть и кровь, сдѣлавшейся такою неотъемлемою частью ихъ природы, что для нихъ отказаться отъ нея, отказаться жить для нея, — значитъ отказаться отъ самой жизни, отказаться отъ всего своего прошлаго, отказаться отъ *будущаго*. У вторыхъ никакой такой излюбленной идеи нѣтъ; у нихъ есть только извѣстныя нравственныя *правила*, но эти нравственныя правила, какъ и всякія вообще нравственныя правила, имѣютъ характеръ скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный: Ихъ, повидимому, положительная формула: „трудись и будь честенъ“ — сводится въ сущности къ чисто-отрицательному положенію: *не дѣлай* ничего такого, что-бы могло причинить тебѣ

физическую или нравственную непріятность, что-бы могло смутить спокойствіе твоей совѣсти, поколебать чувство довольства самимъ собою. Очевидно, что такая отрицательная мораль только тогда и окажетъ благотворное вліяніе на практическую дѣятельность человѣка, когда рядомъ съ нею въ его умѣ будутъ глубоко вкоренены какіе-нибудь положительные идеалы. Въ противномъ случаѣ она не выработаетъ изъ него *честнаго дѣятеля общества*, а скорѣе превратитъ его въ *честную бесполезность*. Она помѣшаетъ сдѣлать ему что-нибудь дурное, но она и не заставитъ его сдѣлать ничего хорошаго. Были-ли какіе-нибудь *идеалы* у нашихъ героевъ? Въ точномъ смыслѣ этого слова пожалуй-что и не было. У нихъ были нѣкоторые *взгляды* на значеніе той или другой дѣятельности, на тотъ или другой общественный вопросъ, и т. п.; взгляды эти отчасти обуславливались ихъ новымъ экономическимъ положеніемъ, отчасти всеми „вѣяніями“ той эпохи, которая застала ихъ на студенческихъ скамьяхъ. То, что въ возрѣніяхъ юношей было обусловлено требованіями ихъ экономического интереса, то въ нихъ и осталось прочнымъ и неизмѣннымъ; напротивъ, то, что было внесено въ нихъ подъ вліяніемъ „вѣяній“ времени, испарилось и улетучилось само собою, чуть только взмѣнились эти вѣянія. Чего-же требовали отъ нихъ интересы ихъ экономического положенія—производительнаго труда и ничего болѣе; они не указывали имъ на какую-нибудь одну опредѣленную сферу дѣятельности,—напротивъ, передъ юношами жизнь открывала очень много или, по крайней мѣрѣ, *довольно* много весьма разнообразныхъ поприщъ; спросъ на производительный трудъ, какъ мы сказали выше, поднялся. И чѣмъ выше онъ поднимался и чѣмъ больше открывалось сферъ дѣятельности, тѣмъ все шире и шире должны были становиться взгляды юношей на значеніе *общепользнаго труда*. Всякая исключительность въ этомъ вопросѣ прямо противорѣчила интересу ихъ экономического положенія. Если-бы у нихъ былъ какой-нибудь напередъ составленный идеалъ своей будущей дѣятельности, если-бы этотъ идеалъ вошелъ въ ихъ плоть и кровь, если-бы они искренно полюбили его и всецѣло отдались ему,—они уже ради одного спокойствія своей совѣсти никогда не поступились-бы имъ, во имя его они мужественно выдержали-бы борьбу съ интересами своего экономиче-

скаго положенія. Но у нихъ не было никакихъ такихъ идеаловъ, а ихъ мораль не мѣшала имъ расширять, сколько ихъ душѣ было угодно (или, вѣрнѣе, сколько требовалъ ихъ интересъ) понятіе о честномъ и общепольномъ трудѣ; ихъ мораль отдавала ихъ вполне во власть ихъ *интересовъ*, и вотъ они и поплыли въ ту сторону, куда влекли ихъ эти интересы.

Вотъ, по нашему мнѣнію, какъ и чѣмъ слѣдуетъ объяснять метаморфозъ нашихъ героевъ, ихъ логически неизбежное, психически необходимое перерожденіе изъ „увлекающихся“ юношей въ „умудренныхъ опытомъ мужей“. Въ самомъ дѣлѣ, съ какими желаніями, съ какими стремленіями выступали эти юноши на арену общественной жизни? Они мечтали, какъ мы замѣтили выше, посвятить себя всецѣло такой дѣятельности, которая имѣла-бы по преимуществу общепольный характеръ. Зачѣмъ и во имя чего стремились они именно къ такой, а не къ другой дѣятельности? Единственно потому, что этого требовалъ ихъ *нравственный принципъ*, единственно во имя нравственного долга, добровольно на себя наложеннаго. Нравственный вопросъ стоялъ у нихъ на первомъ планѣ, все прочее—на заднемъ. Было-бы удовлетворено требованіе морали, а затѣмъ ни до чего другого имъ не было дѣла. Пусть поприще ихъ дѣятельности сѣзвится до микроскопическихкихъ размѣровъ, пусть ихъ трудъ будетъ трудомъ Сизифа, но если они находятъ, что этотъ трудъ, что эта дѣятельность удовлетворяютъ требованіямъ ихъ морали,—они займутся ими съ самою обстоятельной добросовѣстностью и самодовольно станутъ увѣрять и себя и другихъ, что „они честные люди, что они дѣлаютъ хорошее дѣло“. И если вы скажете этимъ честнымъ людямъ, что ихъ честность слишкомъ пассивна и что ихъ „хорошее дѣло“ яйца выдѣяннаго не стоитъ, они спокойно отвѣтятъ вамъ: „ну такъ что-же?—мы не хотимъ походить на лягушекъ, силащихся раздуться въ воловъ; мы предпочитаемъ лучше оставаться „второстепенными, третъестепенными тружениками“, быть скромными муравьями, чѣмъ гоняться за великими подвигами, которые намъ не подъ силу!“ О, Боже мой, да это-же и хочеть, чтобы наши честные люди гонялись за подвигами, которые имъ не подъ силу? Этого совсѣмъ не надо. Но зачѣмъ-же они усюковываются въ своемъ безсиліи? Зачѣмъ они, вмѣсто того, чтобы раз-

вивать свои силы до возможности *широкой дѣятельности*, стараются широкую дѣятельность приурочить къ своимъ микроскопическимъ силамъ? Всецѣло преданные заботѣ о сохраненіи своей невинности, торопясь поскорѣ заслужить пряжку нравственной безпорочности, они считаютъ высшею честью и высшею доблестью — „не сдѣлать чего-нибудь безчестнаго“. Гордо и самоувѣренно увѣряютъ они насъ: „вы одного не можете сдѣлать съ нами: вы не можете превратить насъ въ подлецовъ“ (Т. II, стр. 315). Очень можетъ быть. Но неужели это и все, чего мы можемъ требовать отъ человѣка? „Не быть подлецомъ“ въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ своихъ ближнихъ — этого совершенно достаточно для того, чтобы всегда жить въ мирѣ съ своею совѣстью, этого совершенно достаточно для удовлетворенія чувства собственного достоинства, но для общественнаго прогресса этого слишкомъ мало.

Общество не можетъ удовлетвориться только тѣмъ, что частное лицо сознаетъ себя, передъ трибуналомъ своей совѣсти, нравственно честною личностью: оно имѣетъ право требовать отъ него извѣстныхъ услугъ, извѣстной дѣятельности, хотя-бы самъ онъ и не считалъ ихъ для себя обязательными. Каждый человѣкъ, выросшій въ данной общественной средѣ, пользующійся въ обществѣ опредѣленными положеніемъ, получившій отъ него всѣ свои хорошія блага — свое умственное развитіе, средства для своего существованія — связанъ съ нимъ, помимо своей воли и желанія, неразрывнымъ *долговымъ* договоромъ. Онъ обязанъ уплатить обществу свой долгъ; величина и цѣнность этого долга опредѣляется не его субъективно-нравственными воззрѣніями, а тѣми совершенно объективными отношеніями, въ которыхъ онъ стоитъ къ обществу, тѣмъ экономическимъ положеніемъ и тою степенью умственнаго развитія, до котораго онъ достигъ благодаря пособію общества. Я знаю, что все это старые-престарые трюизмы, но наши „честные люди“ очень часто забываютъ ихъ. Успокоивъ себя мыслью, что они работаютъ на пользу общества *по мѣрѣ своихъ силъ и способностей* и что больше они ничего не могутъ дѣлать, — они воображаютъ, будто всѣ счеты съ обществомъ кончены. А что-бы они сказали, если-бъ ихъ должники, въ отвѣтъ на ихъ требованіе уплатить имъ долгъ, спокойно отвѣчали-бы: „мы будемъ уплачи-

вать вамъ по мѣрѣ нашихъ средствъ“, т. е. совѣмъ не уплацивать? Едва-ли-бы они назвали ихъ честными людьми!

XII.

Итакъ, съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, житейская мудрость нашихъ „героевъ“ едва-ли можетъ быть признана особенно возвышенною. Она слишкомъ эластична и слишкомъ легко и скоро примираетъ человѣка съ перспективою „мирнаго лежебока“. Кромѣ того, благодаря крайней неопредѣленности своихъ воззрѣній на *честный и общепользныи* трудъ, она можетъ (когда того требуютъ практическіе интересы человѣка) оправдать всякаго рода практическую дѣятельность и отнестись съ большею, чѣмъ слѣдуетъ, снисходительностью ко всякаго рода практической дѣятельности. Мы почти не сомнѣваемся въ томъ, что будь у нашихъ юношей время *galaissance* иная мораль, съ болѣе строгими нравственными принципами, съ болѣе опредѣленными воззрѣніями на значеніе *общепользной* дѣятельности, съ болѣе ясными представленіями границъ, раздѣляющихъ честный трудъ отъ безчестнаго, — они не могли-бы такъ быстро войти въ свою новую роль современныхъ *дѣльцовъ*, они не могли-бы такъ быстро переродиться изъ увлекающихся сторонниковъ „новыхъ идей“ въ пѣвцовъ „мирнаго, быть можетъ буржуазнаго“ прозябанія, въ защитниковъ застоя и узкаго личнаго эгоизма.

Разсмотрѣвъ значеніе житейской мудрости „честныхъ людей“ въ сферѣ общественныхъ отношеній, съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, мы должны теперь опредѣлить ея значеніе въ сферѣ частныхъ интересовъ, въ сферѣ частныхъ отношеній, установившихся подъ ея вліяніемъ въ той средѣ „интеллигентнаго мѣщанства“, изъ которой нашъ романистъ черпаетъ матеріалы для своихъ правоописательныхъ романовъ.

Мы видѣли уже, что условія крѣпостнаго труда были крайне неблагоприятны для развитія въ прошломъ поколѣніи тѣхъ нравственныхъ качествъ, отъ которыхъ зависѣлъ уровень ихъ морали

въ сферѣ ихъ личныхъ отношеній. Мы видѣли, что подъ вліяніемъ этихъ чисто-экономическихъ условій въ нихъ очень рано забивалось всякое чувство собственного достоинства, укоренялась привычка къ лицемерной угодливости и пассивному состоянію. Въ условіяхъ труда ихъ дѣтей (по крайней мѣрѣ, въ первое время) уже не было ничего такого, что-бы могло содѣйствовать укрѣпленію въ нихъ подобныхъ чувствъ и привычекъ. Скорѣе, они могли воспитать въ юношахъ качества совершенно противоположныя: любовь къ независимости, чувство собственного достоинства, способность безгласнаго и пассивнаго подчиненія чужой волѣ и т. п. И дѣйствительно, никто не станетъ отрицать, что эта любовь къ независимости, это чувство собственного достоинства и обусловленное имъ уваженіе къ человѣческой личности вообще и т. п., — никто не станетъ отрицать, что всѣ эти свойства играли весьма существенную роль въ установленіи какъ взаимныхъ отношеній нашихъ героевъ, такъ и ихъ отношеній къ старому поколѣнію. Подъ ихъ вліяніемъ взаимныя отношенія людей юнаго поколѣнія облеклись въ болѣе разумную, человѣческую форму, подъ ихъ-же вліяніемъ отношенія дѣтей къ отцамъ приняли тотъ воинственный, нетерпимый характеръ, который служилъ и до сихъ поръ служить неисчерпаемою темою для всевозможныхъ публицистическихъ и беллетристическихъ обличеній и разъясненій. Въ сущности эта дисгармонія отношеній стараго поколѣнія къ молодому была, какъ кажется, значительно преувеличена въ нашей литературѣ; антагонизмъ принциповъ былъ возведенъ ею въ антагонизмъ личностей. Въ жизни-же, какъ извѣстно, оба эти антагонизма весьма рѣдко идутъ рука объ руку: между людьми самыхъ противоположныхъ нравственныхъ принциповъ сплошь и рядомъ устанавливаются самыя миролюбивыя, пріятельскія отношенія. И здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, практическіе интересы и усвоенныя привычки играютъ болѣе существенную роль, чѣмъ идеи. Потому во всѣхъ тѣхъ семьяхъ, гдѣ чисто-идейный антагонизмъ не осложнился какими-нибудь практическими соображеніями по карманной части или гдѣ родители не извращали характера дѣтей дурнымъ воспитаніемъ и не эксплуатировали ихъ съ слишкомъ безсовѣстнымъ цинизмомъ, — во всѣхъ этихъ семьяхъ отношенія между ними не только не были враждебны, но,

напротивъ, отличались большимъ дружелюбіемъ и большею нѣжностью, чѣмъ въ былое время: развитыя дѣти всегда умѣли относиться съ самою полною снисходительностью не только къ маленькимъ, но даже и къ большимъ слабостямъ своихъ бабушекъ и матушекъ, и подчасъ приносили для нихъ такія жертвы, которыя, конечно, стоили трогательныхъ подвиговъ „дѣтской покорности“, воспѣтыхъ въ свое время романистами двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. И они приносили эти жертвы безъ всякихъ фразъ и горькихъ воздыханій, и, можетъ быть, именно потому-то на ихъ жертвоприношенія никто и не обращалъ вниманія. Колька, на примѣръ („Жизнь Шупова“, т. II, стр. 275), ради матери, которая его въ дѣтствѣ только мучила, и отца — вора, спатившаго съума, — спокойно рѣшается бросить свои любимыя занятія, оставить академію и поступить на службу въ департаментъ, сдѣлаться чиновникомъ. — „Голубчикъ! восклицаетъ умиленная мать: — да вѣдь тебѣ только годъ до выпуска остается!“ — „Ну такъ что-же? возражаетъ онъ ей: — не голодать-же вамъ изъ-за меня на старости!“ И вообще всѣ юные герои, выведенные въ романахъ г. Михайлова, отличаются большимъ избыткомъ семейной любви и матримоніальныхъ чувствъ. Можно сказать, что всѣ ихъ симпатіи, вся нѣжность, на которую они только были способны, исключительно проявлялась въ сферѣ чисто-семейныхъ отношеній. Они весьма почтительныя дѣти, нѣжные, любящіе супруги и прихвѣрные отцы. Люди, упрекавшіе ихъ въ черствости и безсердечіи и пугавшіе гг. Кирсановыхъ *страшнымъ* Базаровымъ, имѣли весьма смутное понятіе о той средѣ, которую они брались живописать. Худо это или хорошо, но никакъ нельзя отрицать, что въ юношахъ „интеллигентнаго мѣщанства“ семейныя добродѣтели въ большинствѣ случаевъ преобладали надъ цивилистскими. Намъ романистъ очень мѣтко подмѣтилъ этотъ фактъ и не только вѣрно воспроизвелъ, но даже и объяснилъ его или, по крайней мѣрѣ, далъ ключъ къ его объясненію. Мы сказали уже выше, что первыя впечатлѣнія дѣтства нашихъ героевъ благопріятствовали развитію симпатической стороны ихъ человѣческой природы. Но затѣмъ слишкомъ рано начавшаяся для нихъ „борьба за существованіе“, удушливая атмосфера эгоизма, окружавшая ихъ, узкіе и мелкіе интересы возраставшей ихъ среды, — все

это не замедлило развить въ нихъ эгоистическія наклонности и наложить на ихъ характеръ отпечатокъ какой-то расчетливой осторожности. Симпатическія чувства, подъ влияніемъ суровыхъ условій ихъ жизни, остановились въ своемъ ростѣ и не пошли далѣе чисто-семейныхъ симпатій. Въ сферы семейныхъ отношеній, за предѣлами узкаго пріятельскаго кружка они уже теряли надъ ними всякую власть и ихъ мѣсто замѣняла нравственная доктрина, резонирующая мораль. Но извѣстная вещь, что у слабыхъ натуръ непосредственное чувство всегда сильнѣе отвлеченной доктрины. Потому наши герои почти никогда не могли устоять предъ соблазнительными прелестями „тихой и спокойной семейной жизни“, и бракъ былъ обыкновенной пристанью всѣхъ ихъ цивилистическихъ пожеланій; идеалы широкой дѣятельности мало-по-малу улетучивались и герои начинали мечтать только о томъ, „чтобы сдѣлать хоть что-нибудь для своихъ дѣтей, чтобы эти дѣти не имѣли горькаго права быть ихъ противниками, чтобы эти дѣти не переживали тѣхъ страшныхъ минутъ, которыя они переживали“, и т. д. („Жизнь Шупова“, т. II, стр. 316). Если на посторонняго наблюдателя они и производили подчасъ впечатлѣніе не слишкомъ нѣжныхъ семьяниновъ и не особенно чувствительныхъ людей, то происходило это главнымъ образомъ оттого, что наши юноши имѣли большую слабость къ резонерству и считали своею священнѣйшею обязанностью облекать въ отвлеченныя, абстрактныя формулы непосредственно-нѣжныя влеченія своихъ сердецъ.

Точно такимъ-же характеромъ нравственнаго резонерства отличались ихъ взаимныя отношенія. Въ предѣлахъ тѣснаго пріятельскаго кружка они были преданными, — даже, если хотите, нѣжными товарищами; ихъ связывала самая искренняя дружба, безспорно выросшая изъ непосредственнаго чувства, опиравшаяся на симпатическія влеченія ихъ натуры. Но они всегда упорно отрицали этотъ фактъ, увѣряя и себя, и другихъ, что источникъ ихъ симпатій совсѣмъ не непосредственное чувство, а хитрообдуманная соображенія „разсчетливаго эгоизма“. — „Ужь вы не цѣлуетесь-ли между собою, когда остаетесь наединѣ?“ спросилъ кто-то Калинина, услышавъ отъ него, что онъ горячо любитъ насъ. — „За чѣмъ цѣловаться? Поцѣлуй одна штука, а любовь другая штука“, отвѣчалъ Калининъ, улыбаясь. — „Все-же это пахнетъ манилов-

щиной. Я кромѣ себя никого не люблю". Господинъ, говорившій это, называлъ себя нигилистомъ. — „Ты, братъ, видно не бывалъ въ передѣлахъ, философствовалъ по этому поводу Калининъ, — когда радъ-бы въ ноги всѣмъ накланяться, только-бы друга-помощника найдти“. — „Такъ, значить, ты друзей за ихъ способность къ услугамъ любишь?“ — „Именно такъ; только замѣни слово „услуга“ словами: „помощь“ и „защита“. Спроси Рудаго и братію, они то-же тебѣ скажутъ“. — „Это какая-то мѣщанская проза!“ — „Не мѣщанская проза и не маниловщина тутъ, а настоящія людскія отношенія. Понадобится кому-нибудь изъ моихъ друзей, чтобы я его поцѣловалъ, — ну, и поцѣлую; понадобится моя защита — защищу. *То-же сдѣлаетъ и для меня каждый изъ нихъ*“ („Гнилыя болота“, т. II, стр. 199). Иными словами, это значитъ: я съ удовольствіемъ дамъ своему пріятелю рубль, потому что вполне увѣренъ, что онъ мнѣ его возвратитъ по первому востребованію. „Поцѣлуй за поцѣлуй, защита за защиту“, — развѣ это не то-же самое, что око за око, зубъ за зубъ? Но подобныя толкованія и сопоставленія не могли-бы смутить нашихъ героевъ: съ точки зрѣнія ихъ морали, исключительно и всецѣло основанной на одномъ началѣ эгоизма, іудейское правило — око за око было самымъ полнымъ выраженіемъ самой возвышенной идеи справедливости. Поэтому они не смущались даже и тогда, когда имъ говорили, что ихъ теорія дружбы и любви слишкомъ отзывается *лавкою*. Людямъ, упрекавшимъ ихъ въ „мѣщанствѣ“, они самоувѣренно отвѣчали: „вы недофланкые люди; вы не понимаете, что въ этой „мѣщанской прозѣ“ заключается квинтъ-эссенція истинно-человѣческихъ отношеній“. Для ихъ узкаго кругозора никакія иныя человѣческія отношенія были немислимы. Повсюду видя людей, дѣйствующихъ исключительно подъ вліяніемъ *личнаго интереса*, повсюду наталкиваясь на тяжелыя сцены ожесточенной борьбы изъ-за куска насущнаго хлѣба, она не могли представить себѣ иного нравственнаго порядка вещей, иныхъ стимуловъ человѣческой дѣятельности, кромѣ соперничества и эгоизма. Само собою понятно, что подобныя доктрины, что эта грубо-эмпирическая мораль должна была крайне невыгодно отразиться на дальнѣйшемъ развитіи ихъ симпатическихъ чувствъ. Она остановила это развитіе и суживала сферу ихъ проявленія все

болѣе и болѣе тѣснымъ кружкомъ. Ко всему-же, что лежало внѣ предѣловъ этого кружка, она заставляла относиться съ холоднымъ резонерствомъ. Они для посторонняго человѣка „пальцемъ не ступнуть о палецъ, не разсчитавъ прежде, можно-ли пособить или нѣтъ“ (Засоренныя дороги, т. III, стр. 100). И если пособить трудно, если для того, чтобы накормить ближняго, нужно отнять кусокъ хлѣба у себя или у семьи, они постараются, подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ, отстраниться отъ этого безпокойнаго нищаго. — „Вы боитесь, что я отниму кусокъ лишняго хлѣба у васъ и вашихъ родныхъ, говорила несчастная героиня „Засоренныхъ дорогъ“ одному изъ юныхъ героевъ, по фамиліи Крючникову. — „Боюсь, отверовенно отвѣчаетъ ей юный герой:—мы не дѣти и не въ воздушныхъ замкахъ живемъ. Будемте судить хладнокровно и твердо. Вы сказали, что я боюсь лишить своихъ родныхъ лишняго куска хлѣба, но знаете-ли вы, что у нихъ нѣтъ лишнихъ кусковъ хлѣба? Я *долженъ* между тѣмъ кормить ихъ; общество не обязано заботиться о нихъ. А у васъ есть куда кусокъ хлѣба“ (т. III, стр. 146, 147).

Мы сказали выше, что тѣ новыя условія, въ которыя былъ поставленъ трудъ дѣтей, благоприятствовали воспитанію въ нихъ чувства собственнаго достоинства, сознанія правъ своей личности. Они понимали, что трудъ ихъ имѣетъ *цѣнность* самъ по себѣ, что они могутъ одними своими личными усиліями пробить себѣ дорогу въ жизни, что они могутъ неутомимо трудиться и если не побѣдить, то, по крайней мѣрѣ, и не погибнуть въ роковой борьбѣ за существованіе, подобно тому, какъ гибли ихъ отцы. Это сознаніе, естественно, должно было преисполнить ихъ сердца само-довольствомъ и развить въ нихъ тотъ духъ независимости и ту благородную гордость, которыхъ совершенно не имѣли и не могли имѣть ихъ родители. „Мы знаемъ только одно, говорили они,— что мы *сами* отворили двери своего будущаго, что никакія бабушки не ворожили намъ, никакія четвероюродныя тетушки „со связями“ не подсылали разныхъ холоповъ общества, чтобы расчистить намъ дорогу, облегчить намъ взобраться по лѣстницѣ и растворить передъ нами двери. Что мы сдѣлали, мы сдѣлали сами!“ (Жизнь Шупова и т. д., Т. II, стр. 316). „Будущность не пугала этихъ юношей, говоритъ авторъ „Гнилыхъ Волотъ“,—

какъ угрожающее привидѣніе, но манила и звала къ себѣ: они ей были нужны, они готовились быть колесами и винтами управляемой ею машины, а не негодными колодами, гніющими на пути“ (т. II, стр. 198). Это-то сознаніе своей полезности, даже своей необходимости, въ качествѣ „колесъ и винтовъ машины“, вызывало ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и заставляло ихъ иначе относиться къ окружающимъ ихъ людямъ, чѣмъ относились ихъ отцы. Послѣдніе въ большинствѣ случаевъ были совершенно свободны отъ всякихъ поползновеній уважать въ человѣкѣ его человѣческое достоинство. Да и какъ-бы могли у нихъ явиться подобныя поползновенія, когда ихъ собственное человѣческое достоинство никогда и никѣмъ не уважалось? Нравственно забытые и приниженыя, обязанныя постоянно трепетать и пресмыкаться передъ высшими и „не давать потачки“ низшимъ, они допускали только двоякаго рода отношенія къ своимъ ближнимъ: или цѣловали ихъ руки, или бѣдили на ихъ спинѣ. Только при болѣе разумныхъ условіяхъ человѣческаго труда ихъ дѣти могли усвоить себѣ и болѣе человѣческій взглядъ на нравственное достоинство личности. Изъ самоуваженія неизбежно развилось и уваженіе къ *человѣку вообще*. И это уваженіе человѣческой личности легло въ основу всѣхъ житейскихъ отношеній нашихъ юныхъ героевъ и придавало имъ тотъ особый характеръ, который въ первое время такъ сильно шокировалъ разныхъ Бубновыхъ, стариковъ-Шуповыхъ, Боголюбовыхъ и имъ подобныхъ. Всѣхъ этихъ господъ и поражали, и смѣшили наивно-робкія, застѣнчиво-деликатныя отношенія нашихъ героевъ къ простому народу, товарищеское, чуждое всякихъ мишталностей обращеніе съ женщиной, снисходительность въ порокамъ и слабостямъ людей, которыхъ они, господа Бубновы и Боголюбовы, съ точки зрѣнія своей формальной, казенной морали клеймили названіемъ *злodeевъ*, считали *падшими*, безвозвратно-погибшими людьми. Да, съ ихъ точки зрѣнія всѣ эти деликатности, вся эта гуманность казались чѣмъ-то до крайности дикимъ и нелѣпымъ. Они осыпали нашихъ героевъ упреками въ потворствѣ негодямъ, въ проповѣдываніи полового разврата и во многомъ множествѣ иныхъ еще менѣе позволительныхъ вещей. Они не могли понять, что первоначальнымъ источникомъ всѣхъ этихъ „странностей“ было уваженіе къ достоинству человѣческой

личности,—уваженіе, которому имъ негдѣ и не у кого было учиться.

Однако, какъ ни прекрасно было это чувство само по себѣ, на практикѣ, благодаря вліянію нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, оно привело къ послѣдствіямъ, далеко несоотвѣтствовавшимъ его внутреннему достоинству. Дѣло въ томъ, что если у человѣка, рядомъ съ широко-развитымъ чувствомъ гуманности, съ снисходительнымъ отношеніемъ къ порокамъ и слабостямъ ближняго, нѣтъ любви къ этому ближнему, если зло и неправда не возбуждаютъ въ немъ энергическаго протеста,—его гуманность и снисходительность почти всегда вырождаются въ родъ нравственнаго индиферентизма. Начиная съ снисхожденія, онъ кончаетъ равнодушіемъ. Онъ незамѣтно примиряется съ окружающимъ его нравственнымъ безобразіемъ и начинаетъ проповѣдывать ту теорію всепрощенія и нравственной невмѣняемости, до которой еще въ школѣ „гнилыхъ болотъ“ додумался преждевременно состарившійся юноша — Воротничкинъ. А тутъ еще эгоизмъ подсказываетъ человѣку: „оставь, отойди въ сторону, не вяжись со всею этою мерзостью, благо тебя не задѣваютъ, а до другихъ что тебѣ за дѣло?“ И въ самомъ дѣлѣ, что ему за дѣло? И изъ чего тутъ волноваться? Вѣдь всѣ эти негодяи, резонируетъ онъ, есть необходимый продуктъ несчастной окружающей ихъ обстановки,—длинный рядъ историческихъ условій и цѣлѣня поколѣнія людей работали надъ ихъ созданіемъ; на нихъ слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на частныя проявленія данныхъ общихъ причинъ, и покуда не устранятся эти причины, невозможно устранить и ихъ. Причины постепенно устраняются по мѣрѣ развитія общества, а *по мѣрѣ моихъ силъ и способностей* содѣйствую этому развитію,—значить, совѣсть моя можетъ быть вполне спокойна: я не мѣрюсь съ подлостью — я только не считаю нужнымъ горячиться и выходить изъ себя, потому что я понимаю *суть дѣла*. А еще тайный совѣтникъ Гёте сказалъ: „кто все понимаетъ, тотъ все прощаетъ“. На практикѣ-же, какъ извѣстно, подобныя воззрѣнія приводятъ къ такой дѣятельности или, лучше сказать, къ такой бездѣятельности, которая формулируется лаконическою поговоркою: „моя хата съ краю, ничего не знаю“. Напрасно человѣкъ увѣряетъ себя, будто это совѣмъ не *примиреніе*, а только

глубокое пониманіе *сущности дѣла*, благоразумная расчетливость, — слово тутъ ничего не значить. Назовите такое отношеніе къ явленіямъ окружающей жизни *примиреніемъ* или *пониманіемъ* или просто *благоразуміемъ* — результатъ его все-таки будетъ одинъ и тотъ-же: вмѣсто активной дѣятельности — *пассивное приспособленіе къ обстоятельствамъ*, вмѣсто энергическаго, страстнаго протеста — *вѣжливое и спокойное*: „что-же дѣлать! конечно, это дурно, но принимая во вниманіе, съ одной стороны... имѣя въ виду, съ другой стороны...“ и т. д.

Наши герои не имѣли въ себѣ тѣхъ нравственныхъ свойствъ, которыя могли-бы помѣшать перерожденію ихъ гуманныхъ воззрѣній на человѣческія слабости и пороки въ нравственный индеферентизмъ; напротивъ, ихъ эгоистическая мораль благопріятствовала такому перерожденію; спокойное, резонерское отношеніе къ безобразіямъ окружающей ихъ жизни обезпечивало ихъ внутреннее благополучіе, гарантировало миръ ихъ совѣсти, освобождало ихъ отъ ежеминутныхъ непріятныхъ волненій и разочарованій. Само собою понятно, что это перерожденіе совершилось не вдругъ: прежде, чѣмъ дѣло дошло до полнаго примиренія, прежде чѣмъ внѣшество, окончательно усвоило себѣ мудрый афоризмъ современныхъ „дѣльцовъ“: „съ волками жить — по волчьи выть“, оно послѣдовательно перешло нѣсколько ступеней нравственнаго развитія. Въ первое время при практическихъ столкновеніяхъ съ нравственными уродствами юноши проявляли скорѣе излишекъ пуританской ревности, чѣмъ снисходительности. Но пуританизмъ весьма мало соотвѣтствовалъ ихъ жиденькимъ, эгоистическимъ натурамъ и не всѣмъ влялся съ тою теоріею *уваженія къ личности*, которую проповѣдывала ихъ мораль. Большинство очень скоро отказалось отъ него и стало придерживаться теоріи *невмѣшательства* въ нравственный міръ своего ближняго; на нравственныя отношенія былъ перенесенъ эластическій принципъ либеральныхъ экономистовъ — принципъ *laissez faire*. Этотъ принципъ и былъ тѣмъ мостикомъ, который привелъ ихъ къ тихой пристани „мирнаго буржуазнаго существованія“. Прежде всего они прижѣнили его къ своей семейной жизни, къ своимъ отношеніямъ къ родителямъ, дѣтямъ, жене. Во имя свободы личности они отказались отъ всего, что хоть сколько-нибудь отзывалось принужденіемъ, насиліемъ, что хоть

сколько-нибудь напоминало старые семейные порядки. Конечно, это было очень хорошо, это было особенно хорошо въ смыслъ реакціи старымъ порядкамъ. Личность впервые сознала свои права и свободно вздохнула; правда, эта свобода не выходила за предѣлы частныхъ, семейныхъ отношеній; она имѣла чисто-нравственный характеръ, но все-таки это была свобода. Однако, нѣтъ свѣта безъ тѣней. А тѣней въ настоящемъ случаѣ оказалось не мало и, можетъ быть, не меньше, чѣмъ свѣту. Дѣло въ томъ, что принципъ невмѣшательства въ нравственную жизнь личности вполне разуменъ и справедливъ только тогда, когда эта личность не нуждается въ *перевоспитаніи*, когда ея нравственное развитіе достигло довольно высокаго уровня, когда ея нравственные силы окрѣпли и возмужали. Большинство нашихъ юношей, сверстниковъ нашихъ героевъ, развивалось при условіяхъ далеко неблагопріятствующихъ выработкѣ сильнаго нравственнаго характера. И семейная обстановка, и школьное воспитаніе, и унаслѣдованныя отъ родителей свойства и предрасположенія, — все было противъ нихъ, все клонилось къ тому, чтобы воспитать ихъ „по образу и подобию“ ихъ отцовъ. Имъ было не легко приспособиться къ новой морали, выработанной новыми условіями труда; они нуждались въ помощи, въ нравственной поддержкѣ или, лучше сказать, въ *перевоспитаніи*. Предоставлять ихъ самимъ себѣ — значило губить ихъ. Вспомните, наприимѣръ, исторію женитьбы и отношеній Теплицына къ Зинѣ („Въ разбродѣ“, т. IV). Зина была именно такимъ существомъ, которое нуждалось въ радикальномъ нравственномъ перевоспитаніи. Очень не глупая, страстная и энергическая, она была въ то-же время до крайности легкомысленна, совершенно свободна отъ всякихъ нравственныхъ идеаловъ и притомъ еще страшная эгоистка. Можетъ быть, передѣлать ее было бы очень трудно, можетъ быть, это было-бы и не по силамъ Теплицыну, но онъ могъ и долженъ-бы былъ, по крайней мѣрѣ, попытаться, — это было не только его право, это была его обязанность. Что-же онъ дѣлаетъ? Онъ слишкомъ, видите-ли, уважаетъ нравственную свободу личности для того, чтобы осмѣлиться посягнуть на самостоятельность своей жены. Онъ предоставилъ ей жить, какъ она хочетъ, онъ строго держался въ своихъ отношеніяхъ къ ней принципа невмѣшательства. Устроивъ свою жизнь

болѣе или менѣе разумно или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе соотвѣтственно съ своими идеалами, онъ съ рыцарской вѣжливостью отдалился отъ Зины на благородную дистанцію. И въ то время, рассказываетъ онъ, какъ „въ одной половинѣ дома шель усиленный трудъ, на другой продолжалось полнѣйшее бездѣйствіе. Зина не дѣлала ничего. Она читала иногда книги, но чаще всего или принимала гостей, или сама дѣлала визиты и ѣздила по магазинамъ“ (ib., стр. 435). Мужъ изрѣдка пытался вступать съ нею въ разговоры съ цѣлю представить ей „пустоту и ничтожность свѣта“, но изъ разговоровъ этихъ, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не выходило, — вѣдь одними разговорами нельзя-же передѣлать человѣка, тѣмъ болѣе, что по части словопреній Зина была гораздо сильнѣе своего мужа: оно ставила его въ тупикъ своею діалектикой и оставляла обыкновенно за собою поле битвы. Мужъ отретировывался въ свой кабинетъ, а жена продолжала дѣлать визиты, принимать гостей и вообще вести жизнь легкомысленной свѣтской барыни. Пустая, безсодержательная жизнь, безъ разумной цѣли впереди, безъ разумной дѣятельности, безъ серьезныхъ интересовъ, въ концѣ-концовъ должна была оказаться и очень скучною, и очень однообразною. Чтобы разогнать скуку, чтобы сколько-нибудь поразнообразить свое бѣдное существованіе, Зина стала искать развлеченій въ любовныхъ интрижкахъ, стала преувеличивать свои минутныя увлеченія и, наконецъ, увѣрила себя, будто она влюбилась въ какого-то шелопаю. Мужъ, узнавъ объ этомъ отъ нея-же самой, поступилъ, разумѣется, такъ, какъ обыкновенно поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ „честные лежебоки“, т. е. выдалъ ей паспортъ и отпустилъ на всѣ четыре стороны. „Если ты любишь другого, сказалъ онъ ей, — то я не хочу съ тобою жить; иди къ своему любовнику, а меня оставь въ покоѣ“. Что можетъ быть гуманнѣе и благороднѣе? Это-ли не уваженіе къ свободѣ человѣческой личности? Теплицинъ сначала вообразилъ себѣ, что онъ стоитъ на дорогѣ счастья своей жены и юнаго шелопаю и, какъ вѣжливый кавалеръ, онъ счелъ своимъ долгомъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій и изслѣдованій „обстоятельствъ дѣла“, поспѣшно посторониться. Вскорѣ, почти тотчасъ-же, она узнаетъ отъ самого шелопаю, что онъ обманывается, что шелопаю не питаетъ ни малѣйшей склонности къ

его женѣ и что все это не болѣе, какъ пустая любовная интрижка, затѣянная отъ скуки и бездѣлья. При такомъ открытіи ему, кажется, слѣдовало-бы подумать, что-же станется съ его легкомысленной женою, брошенной на перепутьи „пустого и ничтожнаго свѣта“ безъ всякой поддержки, безъ всякой помощи? Какая судьба ее ожидаетъ? Въ состояніи-ли она собственными силами побороть всѣ тѣ роковыя опасности, которыми грозитъ ей будущее? Да, онъ и думалъ обо всемъ этомъ, онъ задавалъ себѣ эти-же самые вопросы, и онъ былъ не настолько глупъ, чтобы рѣшать ихъ въ оптимистическомъ смыслѣ; онъ не обманывалъ себя, на этотъ разъ, розовыми иллюзіями; онъ хорошо понималъ, что ждетъ его жену впереди и куда приведетъ ее та дорога, по которой ей вздумалось пойти. Ну, и что-же, неужели и тутъ онъ не вышелъ изъ пассивной роли наблюдателя, неужели и теперь онъ считалъ себя не въ правѣ нарушить принципъ *laissez faire*? „Я, рассказываетъ онъ,—взялся за голову. Я былъ похожъ на сумасшедшаго. Я не могъ придумать, что дѣлать. Мнѣ повезалось, что лучше всего молчать и не вспоминать объ этой исторіи“ (ib., стр. 453). Затѣмъ все случилось именно такъ, какъ и должно было случиться. Жена уѣхала съ любовникомъ (не съ прежнимъ шалопаемъ, а съ другимъ) за-границу. Тамъ она очень скоро прошла всѣ стадіи нравственнаго паденія женщины, и наконецъ, измученная физически, больная, раззоренная и „погибшая“ въ глазахъ *честныхъ* людей, всеми брошенная, потерявшая все, не исключая и чести,—она вернулась съ повинною къ мужу. Мужъ, какъ и подобаетъ справедливому буржуа, оттолкнулъ протянутую ему руку и пригрозилъ ей даже, въ случаѣ какихъ-либо притязаній съ ея стороны, доказать передъ судомъ что она „развратная женщина“. „Развратная женщина“ избавила его отъ этой печальной необходимости,—она бросилась подъ экипажъ; ее подняли съ мостовой полу-живою, отправили въ больницу; тамъ черезъ нѣсколько дней она и умерла. Но прежде, чѣмъ броситься подъ лошадей, она прочла своему *честному* мужу такого рода мораль: „Вы, мужчины, несмотря на свое поведеніе, считаете себя чистыми и святыми, и потому такъ мягко, такъ безразлично относитесь къ пороку. Съ высоты своего величія вы милостиво снимаете съ насъ это клеймо разврата. Но мы-

то имѣемъ право называть вещи ихъ именами. Знаете-ли вы, что вы дѣлаете своими всепрощеніями? — вы насъ-же губите“ (ib., стр. 484). „Мнѣ, рассказываетъ нашъ герой, — была жалка эта женщина, требовавшая *насилія* мужчины“ (ib). Насилія мужчины! О, Боже мой, неужели между *насиліемъ* и нравственнымъ перевоспитаніемъ личности нѣтъ никакой разницы? Неужели у нашихъ героевъ не имѣлось въ запасѣ никакихъ другихъ средствъ спасти человѣка отъ нравственнаго паденія, кромѣ физическаго принужденія? Имъ кажется жалкою, достойною презрѣнія женщина, упрекающая ихъ въ томъ, что они не подали ей своевременно нравственной помощи, что они не поддержали ее, что ничего не сдѣлали для ея спасенія. Скажите-же, чѣмъ эта мораль отличается отъ морали тѣхъ самодовольныхъ буржуа, которые преисполняются благороднымъ негодованіемъ при видѣ нищаго, взывающаго къ нимъ о помощи? „Помогай самъ себѣ, самодовольно поучаютъ они его, — посмотри на насъ: вѣдь мы-же ни у кого не просимъ ни милостыни, ни работы! Какое-же право имѣешь ты насъ беспокоить?“

Зина не могла „помочь сама себѣ“, — пусть-же она гибнетъ. Вѣдь такихъ Зинъ (и въ юбкахъ, и въ сюртукахъ) очень много, нельзя, въ самомъ дѣлѣ, возиться съ каждою изъ нихъ. И какой толкъ изъ этого выйдетъ? „Изъ всѣхъ попытокъ развить по-своему развитыхъ иначе людей ничего не выходитъ, резонируютъ наши герои (Засоренныя дороги, Т. III, стр. 120), — и мы никогда не рискуемъ на эти попытки“. Развѣ это не резонно? Да, это было-бы совершенно резонно, еслибы наши герои и взаправду ставили себѣ какія-нибудь широкія цѣли, если-бы и взаправду у нихъ било слишкомъ мало свободнаго времени. Но вѣдь ничего этого нѣтъ. Вѣдь они сами вѣчно и безустанно толкуютъ о необходимости „вырабатывать сильные нравственные характеры“, о личномъ развитіи, о томъ, что исправленіе *цѣлаго* нужно начать съ *единицъ* и т. д. Вѣдь они сами увѣряютъ, что за „великими подвигами“ гоняться не слѣдуетъ, что каждый долженъ „тихонько и скромненько“ заниматься воздѣлываніемъ отмежеваннаго ему микроскопическаго поприща „честной дѣятельности“. А если это такъ, то и Зинами нечего брезгать. Въ „медовый мѣсяцъ“ своего либерализма наши герои и не брезгали ими, — о,

тогда они были страшными охотниками „развивать“ и „перевоспитывать“, — имъ и кличку дали *развивателей*; и они немножко даже гордились такою кличкою, хотя тогда, въ этотъ „медовый мѣсяцъ“, ихъ взгляды на значеніе общепользительной дѣятельности не были такъ широки, какъ теперь, а ихъ задачи не были сужены до тѣхъ размѣровъ, до которыхъ ихъ сужили современные „дѣльцы“.

Теперь-же они, съ одной стороны, являются проводниками „скромнаго дѣла“, съ другой — считаютъ бесполезнымъ возиться надъ развитіемъ отдѣльныхъ личностей. Такъ-то, конечно, гораздо спокойнѣе. Но вотъ что изъ этого вышло: еще прежде, чѣмъ дѣти Шуповыхъ, Рудыхъ, Вицли-Пуцли, Теплицыныхъ etc. превратились въ „дѣльцовъ“, они начали замѣчать, что въ рядахъ ихъ очутилось безчисленное множество „подлецовъ“ (Засор. дороги. т. III, стр. 135). И эти подлецы, благодаря которымъ бросали грязью въ цѣлое поколѣніе, благодушно терпѣлись въ кружкахъ честныхъ людей, честные люди протягивали имъ руки, считали ихъ *своими* и, внутренно презирая ихъ, не только не рѣшались публично отречься отъ нихъ, но подчасъ даже оправдывали ихъ. Горько, очень горько поплатилось это наивное юношество за своихъ безчестныхъ товарищей; но оно пожало только то, что посѣяло. Зачѣмъ оно такъ индифферентно относилось къ этимъ безчестнымъ товарищамъ? Зачѣмъ оно терпѣливо смотрѣло на ихъ не всегда благовидныя продѣлки? Зачѣмъ дозволило оно плеведамъ разоръ стать среди хлѣба? Зачѣмъ?.. А все затѣмъ, что въ ихъ нравственной теоріи не было ни капли ни послѣдовательности, ни умѣнья согласить ихъ нравственные принципы съ дѣйствительной жизнью... „Новая мораль“ нашего интеллигентнаго мѣщанства опиралась на тѣ-же самыя эгоистическія побужденія человѣческой природы, на которыхъ строила свою догматику и мораль стараго поколѣнія. Она только приспособила ихъ къ условіямъ новой дѣятельности и яснѣе, отчетливѣе опредѣлила свой основной принципъ. „Отцы“ считали болѣе благовиднымъ прикрывать его толстымъ флеромъ мистическаго идеализма, „дѣти“ сорвали этотъ флеръ и обнаружили реальную сущность дѣла. Но этимъ все и ограничилось; идеализмъ первыхъ оказался въ концѣ-концовъ весьма похожимъ на реализмъ вторыхъ. Люди стараго поколѣнія,

подъ вліяніемъ своего идеализма, выродились въ Бубновыхъ, Боголюбовыхъ, Шуповыхъ (отецъ) и т. п., а ихъ дѣти и ближайшіе родственники, подъ вліяніемъ своего реализма, выродились въ разныхъ Воротилиныхъ, Малявскихъ и имъ подобныхъ „дѣлцовъ.“ Что лучше — пусть это рѣшитъ самъ читатель и его здравый смыслъ.

Постыль.

НОВАЯ КНИГА.

Древнее право, его связь съ древнею исторіею общества и его отношеніе къ новѣйшимъ идеямъ. Соч. Г. С. Мэна. Перев. съ англ. П. Бѣлозерской. 1873 г.

Книга Мэна о древнемъ правѣ, вышедшая въ Англіи 11 лѣтъ тому назадъ, приобрѣла своему автору громкую извѣстность и, несмотря на кажущуюся сухость и спеціальность разбираемыхъ въ ней вопросовъ, она выдержала въ этотъ промежутокъ времени четыре изданія. Милль, въ рецензіи, написанной имъ по поводу другой, не менѣе замѣчательной, книги того-же автора (*Village-Communities in the East and West. Six Lectures delivered at Oxford. London, 1871*), называетъ это сочиненіе *классическимъ*,—пользующимся въ настоящее время уже настолько установившеюся репутаціею, что всякія рекомендаціи для него совершенно излишни (*Fortnight. Review, May № 1, 1871*). Если въ кругу юристовъ книга Мэна приобрѣла свою почтенную репутацію благодаря основательной эрудиціи автора, его умѣнью искусно группировать факты и рельефно освѣщать наиболѣе существенныя стороны разбираемыхъ вопросовъ,—то въ кругу публики обыкновенной, — публики, недѣлающей изъ *corpus juris* предметъ своего спеціальнаго изученія и относящейся совершенно равнодушно къ различіямъ между *pactus* и *contractus*, *res mancipii* и *res mancipii* и т. п.,—въ кругу этой публики изслѣдованіе оксфордскаго профессора обязано своею извѣстностью совершенно другимъ обстоятельствамъ. Хотя оно занимается анализомъ «древняго права», хотя оно переноситъ читателя къ первобытнымъ условіямъ человѣческаго общенія, оно, тѣмъ не менѣе, имѣетъ весьма близкое отношеніе къ окружающей насъ современности и къ тѣмъ вопросамъ, которые вол-

нують ее. Въ наше время, какъ замѣчаетъ Милль въ цитированной рецензiи, весьма сильно стремленiе выводить большую часть тѣхъ учрежденiй, среди которыхъ мы живемъ, и даже тѣхъ идей и понятiй, изъ которыхъ слагается нашъ общественный катехизисъ, изъ универсальныхъ требованiй какой-то абстрактной человѣческой природы. Вслѣдствiе этого мы начинаемъ смотрѣть на эти учрежденiя, на эти понятiя, какъ на нѣчто неизбѣжное, непреложное, само по себѣ необходимое и разумное. Прогрессъ будущаго представляется намъ съ этой точки зрѣнiя только какъ дальнѣйшее развитiе принциповъ даннаго *statu quo*. Внѣ круга этихъ принциповъ исторiя человѣчества кажется намъ невысказанной. Нечего и говорить, что подобный взглядъ, составленный подъ гнетомъ окружающей дѣйствительности и метафизическихъ представленiй объ абстрактной человѣческой природѣ, долженъ влiять не только на всѣ наши социальныя теорiи, на наши *виды* на будущее, но и на наши практическiя отношенiя, на нашу практическую дѣятельность: онъ суживаетъ горизонтъ нашихъ мыслей, понижаетъ уровень нашихъ надеждъ и стремленiй, ограничиваетъ наши идеалы и примиряетъ насъ съ рутиню. Благодаря всѣмъ этимъ прекраснымъ свойствамъ подобнаго воззрѣнiя, оно находитъ себѣ массы сторонниковъ и прозелитовъ. И въ жизни, и въ наукѣ у него есть свои защитники, число которыхъ то уменьшается, то увеличивается, смотря по тому, какъ складываются «внѣшнiя обстоятельства», какъ измѣняются «вѣянiя времени». Теперь «вѣянiя времени» благопрiятствуютъ распространенiю теорiи, возводящей историческую рутину къ абсолютнымъ требованiямъ общечеловѣческой природы. Потому теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, должны имѣть значенiя изслѣдованiя, подобныя изслѣдованiямъ Мэна, раскрывающiя передъ нами генезисъ господствующихъ среди насъ общественныхъ учрежденiй и понятiй, показывающiя ихъ временное и чисто-условное значенiе, превращающiя, однимъ словомъ, въ *историческую категорiю* то, въ чемъ многiе готовы видѣть нѣчто *вѣчное* и для всѣхъ людей, во всѣ вѣка одинаково необходимое и непреложное. Но кромѣ этого чисто-практическаго значенiя, такiя изслѣдованiя имѣютъ еще и другое значенiе, важность котораго трудно слишкомъ преувеличить: они даютъ богатый матерiалъ и вносятъ строго-научное, реальное содержанiе въ ту науку, которая, несмотря на свои реальныя цѣли, до сихъ поръ еще бесполезно топчется въ заколдованномъ кругу. Мы говоримъ о *социологiи*, — наукѣ, изучающей законы общественной жизни и социальнаго развитiя. Какъ извѣстно, эта наука находится пока въ младенчествѣ, и ея мла-

денческое состояніе обусловливаетъ младенческое состояніе нашего общественнаго міросозерцанія. Въ сферѣ, такъ-сказать, соціальнаго мышленія, при разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ умъ современнаго человѣка оказывается такимъ-же тупымъ и недалекимъ, какимъ былъ и умъ древнихъ грековъ и римлянъ или даже ихъ индійскихъ прародителей. Кругъ общественныхъ задачъ почти нисколько не расширился, и, что ужаснѣ всего, къ нимъ прискиваются тѣ-же самыя отвѣты, тѣмъ-же самымъ способомъ, какіе и какимъ прискивались тысячи лѣтъ тому назадъ. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ такого неудовлетворительнаго состоянія общественныхъ наукъ является, безъ сомнѣнія, крайняя скудость рационально разработаннаго историко-соціологическаго матеріала. Возможно-большее накопленіе такого матеріала существенно необходимо для того, чтобы эти науки могли стать на свои ноги. Поэтому люди, принимающіе близко къ сердцу прогрессъ соціальной науки, должны съ благодарностью встрѣчать всякую попытку расширить кругъ тѣхъ историческихъ данныхъ, безъ которыхъ она не можетъ утвердиться на строго научной почвѣ. Какъ на одну изъ такихъ попытокъ, мы должны смотрѣть и на изслѣдованія г. Мэна. Хотя въ своемъ первомъ сочиненіи (т. е. въ томъ, которое переведено теперь на русскій языкъ) Мэнъ ограничивается разработкою чисто-юридическихъ данныхъ, исторію развитія *юридическихъ формъ*, не касаясь, или почти не касаясь, исторіи развитія сущности этихъ формъ, т. е. экономическихъ отношеній (что онъ сдѣлалъ во второмъ своемъ сочиненіи: *Village-Communities etc.*), тѣмъ не менѣе его «Древнее Право», какъ по своему содержанію, такъ и въ особенности по своему методу, представляетъ драгоценный матеріалъ для соціолога. До сихъ поръ юристы и метафизики обращали очень мало вниманія на тѣ первоначальныя формы, въ которыхъ выражались правовыя понятія первобытныхъ обществъ. вмѣсто тщательнаго изученія, вмѣсто всесторонняго наблюденія, юриспруденція пробавляется дешевыми гипотезами, быть можетъ, весьма остроумными, но ни на чемъ не основанными предположеніями. «Точно такимъ-же способомъ, справедливо замѣчаетъ авторъ,—занимались въ былое время физикою и физиологію, пока непосредственное наблюденіе не заступило мѣста предположеній. Теоріи довольно правдоподобныя и понятныя, но совершенно непровѣренныя, въ родѣ теоріи естественнаго права или общественнаго договора, предпочитались добросовѣстнымъ изслѣдованіямъ въ области первобытной исторіи общества и права; такія теоріи только затемняютъ истину, отвлекая вниманіе изслѣдователя отъ того единственнаго способа, которымъ эта

истина можетъ быть открыта» (стр. 3). Этотъ «единственный способъ» есть тотъ самый способъ, который въ наше время съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ примѣняется къ изученію органическихъ и неорганическихъ формъ нашей планеты: онъ состоитъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ сведеніи *сложнаго* къ *простѣйшему* и въ изслѣдованіи законовъ развитія и послѣдовательнаго перехода отъ послѣдняго къ первому. Точно также и Мэнъ старается прежде всего отыскать несложныя, первовачальныя формы правовыхъ понятій людей и затѣмъ слѣдитъ за ихъ видоизмѣненіями и осложненіями подъ вліяніемъ видоизмѣняющихся и осложняющихся общественныхъ отношеній. «Явленія, наблюдаемыя нами въ древнѣйшихъ обществахъ, говоритъ онъ,—сначала нелегко даются пониманію, но трудность, какую мы испытываемъ, стараясь постичь ихъ, не можетъ стать въ уровень съ тѣми затрудненіями, которыя смущаютъ насъ при наблюденіи надъ крайнею запутанностью новѣйшей соціальной организаціи. Въ первомъ случаѣ трудность происходитъ оттого только, что эти явленія представляются намъ странными и грубыми, а не потому, чтобы они были многочисленны или сложны. Стоитъ только преодолѣть то удивленіе, какое они возбуждаютъ въ насъ, если смотрѣть на нихъ съ новѣйшей точки зрѣнія, и мы увидимъ, что они довольно малочисленны и очень просты. Но если-бы даже изученіе этихъ явленій представляло еще больше затрудненій, чѣмъ это оказывается на дѣлѣ, то и тогда не слѣдуетъ жалѣть никакихъ трудовъ, чтобы выяснитъ тѣ зародыши, изъ которыхъ развились всѣ формы нравственнаго принужденія, регулирующаго наши дѣйствія и руководящаго нашею жизнью въ настоящій моментъ» (стр. 95). Свѣденія, которыя мы имѣемъ о зачаткахъ общественнаго строя, черпаются нами, во-первыхъ, изъ наблюденій современниковъ надъ жизнью такъ-называемыхъ *дикихъ*, некультурованныхъ расъ; во-вторыхъ, изъ преданій, которыя нѣкоторыя племена сохранили о своей первобытной исторіи; и, наконецъ, въ-третьихъ, изъ дошедшихъ до насъ остатковъ «древняго закона», въ родѣ, напримѣръ, римскихъ XII таблицъ, отчасти законовъ Мэну и т. п. Разумѣется,—и это признаетъ и авторъ «Древняго Права»,—первый изъ этихъ источниковъ долженъ имѣть для насъ наибольшую цѣну. Но Мэнъ имѣетъ однако въ виду исключительно послѣдній источникъ; изслѣдованія новѣйшихъ антропологовъ и этнологовъ не играютъ никакой роли въ его первомъ сочиненіи; это обстоятельство придаетъ его труду слишкомъ односторонній характеръ и дѣлаетъ его исходную точку зрѣнія справедливою и примѣнимою только относительно весьма небольшой част

человѣчества, — относительно той части, которая имѣла уже историческое прошлое, относительно такъ-называемыхъ *прогрессивныхъ* или, по крайней мѣрѣ, *прогрессировавшихъ* обществъ, «малочисленность которыхъ, по словамъ самого Мэна, — неволью поражаетъ насъ». Повидимому, эта точка зрѣнія не отличается новизною, однако Мэнъ сѣумѣлъ такъ искусно воспользоваться ею и сдѣлать изъ нея столько плодотворныхъ выводовъ, что его историческія изслѣдованія въ области развитія юридическихъ формъ далеко превосходятъ по своимъ результатамъ все, что было сдѣлано до него на этомъ поприщѣ. Для того, чтобы читатель самъ могъ вполне убѣдиться въ этомъ, мы познакоимъ его, въ общихъ, конечно, чертахъ, съ нѣкоторыми изъ этихъ изслѣдованій. Наибольшимъ интересомъ и наибольшею общедоступностью отличается его едва-ли не лучший очеркъ во всей книгѣ — изслѣдованіе о «первоначальной исторіи преемства по завѣщанію». Его-то мы и возьмемъ для иллюстрированія нашего взгляда объ общемъ значеніи труда Мэна. Притомъ-же, ознакомившись съ содержаніемъ этого очерка, читатель ознакомится не только съ методомъ автора, съ его исходною точкою, но и съ существеннѣйшею частью всей его книги.

Мы такъ приглядѣлись къ факту, устанавливающему «наслѣдство по завѣщанію», онъ кажется намъ до того естественнымъ и необходимымъ, что намъ и въ голову никогда не приходитъ спрашивать о его *raison d'être*. Что можетъ быть проще права, предоставляемаго въ современномъ обществѣ каждому челоѣку, — права посмертнаго распоряженія своимъ имуществомъ? Неужели когда-нибудь за нимъ не признавали этого права? Юридическая метафизика, исходя изъ той мысли, что существующее всегда существовало и всегда должно существовать, отвѣчала на этотъ вопросъ отрицательно. Она утверждала, что наслѣдство по завѣщанію есть институтъ закона природы, что всѣ народы санкціонируютъ завѣщательный актъ, повинаясь какъ-бы врожденному инстинкту, непреодолимому импульсу. Экономическая метафизика не заходила такъ далеко: по ея мнѣнію, посмертное распоряженіе имуществомъ есть необходимое послѣдствіе самаго права собственности. Всѣ эти теоріи держались, однако, на воздухѣ; онѣ не только не могли выдержать исторической провѣрки, но и прямо противорѣчили наиболѣе достовѣрнымъ фактамъ ранней исторіи права. «Врожденный инстинктъ», очевидно, ничего не объясняетъ, да и самое существованіе его становится весьма сомнительнымъ, если мы вспомнимъ, говоритъ Мэнъ, что во всѣхъ первобытныхъ обществахъ то состояніе правовыхъ отношеній, при которомъ воля завѣщателя

почти не играет никакой роли въ завѣщаніи, предшествовало тому состоянію, при которомъ ей предоставляется нѣкоторая свобода въ распоряженіи имуществомъ. Что-же касается терріи, выводящей право наследства изъ права собственности, то она не рѣшаетъ самаго существеннаго вопроса: почему въ понятіи о правѣ личной собственности непременно должно заключаться понятіе о правѣ посмертнаго распоряженія ею? Почему смерть, прекращающая всѣ земныя отношенія чловѣка, не прекращаетъ права собственности?

Мэнъ, отбрасывая всѣ апіористическія гипотезы юристовъ-метафизиковъ, старается уяснить институтъ завѣщанія путемъ историко-юридическаго анализа. Прежде всего онъ обращаетъ свое вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Какъ въ новѣйшихъ законахъ о завѣщаніяхъ, такъ и въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ, предметомъ первой важности является воля завѣщателя. Въ древнемъ-же римскомъ правѣ предметомъ такой-же заботливости было такъ-называемое *универсальное преемство*. Подъ универсальнымъ преемствомъ подразумѣвалась одновременная передача наследникамъ *всей совокупности правъ и обязательствъ* наследодателя (*universitas juris*); непременно требовалось, чтобы эта передача была *одновременная*, чтобы *въ одинъ и тотъ-же моментъ* всѣ юридическія отношенія завѣщателя, все его *universitas juris* непосредственно перешло къ его преемнику. Безъ соблюденія этого условія универсальное преемство не могло состояться, а слѣдовательно и самое завѣщаніе теряло всю свою силу. Съ современной точки зрѣнія подобное требованіе кажется совершенно бессмысленнымъ и заботливость законодателя объ универсальномъ преемствѣ для насъ совершенно непонятна. Къ чему такое странное и стѣснительное ограниченіе воли завѣщателя? Какой смыслъ имѣетъ это *universitas juris*? Чтобы разрѣшить эти вопросы, Мэнъ обращается къ анализу общественныхъ условій первобытнаго общества. «Доказательства, выведенныя изъ сравнительнаго разсмотрѣнія правовыхъ явленій у различныхъ народовъ, заставляютъ насъ, говоритъ авторъ «Древняго права»,—признать тотъ взглядъ на первоначальное состояніе чловѣческаго рода, который извѣстенъ подъ именемъ теоріи «патріархальнаго быта» (стр. 96). Въ противоположность съ организаціею новѣйшаго государства, государства первобытныхъ временъ могутъ быть представлены, какъ совокупность извѣстнаго числа маленькихъ самостоятельныхъ корпорацій, изъ которыхъ каждая управлялась исключительными прерогативами своего деспотическаго монарха—родоначальника семьи. Хотя патріархъ и имѣлъ весьма обширныя права, однако нельзя сомнѣваться, го-

ворить Мэнъ, что этотъ патриархъ подлежалъ и столь-же обширнымъ обязательствамъ. Если онъ управлялъ семьей, то для ея выгоды. Если онъ былъ владѣльцемъ ея имѣній, то только въ качествѣ до-вѣреннаго за своихъ дѣтей и родственниковъ. Онъ не пользовался никакой привилегіей, кромѣ той, которую давали ему его отношенія къ управляемому имъ маленькому государству. Онъ былъ не болѣе, какъ представителемъ корпораціи или, какъ выражается Мэнъ, ея общественнымъ должностнымъ лицомъ. «Онъ пользовался правами и подлежалъ обязанностямъ, но его права и обязанности, въ понятіяхъ его согражданъ и въ глазахъ закона, были настолько-же правами и обязанностями коллективнаго тѣла, къ которому онъ принадлежалъ, какъ и его собственными» (стр. 145). Посмотримъ-же теперь, какое дѣйствіе можетъ быть произведено смертію подобнаго представителя. Въ глазахъ общества, прекращеніе домашней власти въ его лицѣ не могло, очевидно, имѣть никакого существеннаго значенія. Права и обязанности, связанныя съ умершимъ главою дома, перейдутъ безъ всякаго перерыва къ его преемнику, потому что фактически это—права и обязанности семьи, а семья, какъ юридическое лицо, какъ самостоятельная корпорація, никогда не можетъ умереть. Всѣ права, принадлежащія семьѣ, точно также принадлежали-бы ей послѣ смерти ея главы, какъ и при его жизни, и вся разница только въ томъ, что корпораціи пришлось-бы совершать юридическія дѣйствія подъ нѣскольکو измѣненнымъ именемъ. Точно также смерть главы ни въ чемъ не измѣняетъ и положенія кредиторовъ семьи, потому что ихъ права относились не къ личности умершаго главы, а къ представляемой имъ корпораціи. Такимъ образомъ, въ первобытномъ обществѣ завѣщаніе имѣло значеніе лишь простаго перенесенія домашняго представительства съ одного лица на другое. Имущество, безъ сомнѣнія, тоже переходило къ наследнику, но только потому, что управление семьей было сопряжено при своемъ переходѣ съ властью распоряжаться общимъ достояніемъ. Первобытному обществу было совершенно чуждо представленіе о правѣ отдѣльнаго лица распоряжаться своимъ имуществомъ на случай своей смерти. Все имущество считалось общимъ достояніемъ семьи, а семья, какъ коллективное тѣло, не умирала, слѣдовательно, и имущество могло мѣнять только своихъ официальныхъ представителей, но не выходить изъ-подъ ея власти. Впослѣдствіи, съ постепеннымъ освобожденіемъ личности изъ-подъ семейной власти, на индивида перенесено было посредствомъ юридической фикціи право семьи на юридическое безсмертіе. Законъ началъ разсматривать каждую отдѣльную личность какъ корпорацію, обладаю-

щую извѣстною совокупностью правъ и обязанностей, которыя не могли ни исчезнуть, ни прекратиться, ни измѣниться съ физическою смертiю лица. Эта фикція легла въ основу позднѣйшаго римскаго законодательства о завѣщанiяхъ, а оттуда перешла и въ новѣйшiе кодексы. Не трудно понять, каковы должны были быть практическiя послѣдствiя этой фикцiи. Когда корпорацiя была не простою юридическою фикцiей, а реальнымъ фактомъ, тогда само завѣщанiе имѣло лишь чисто-формальное значенiе: имъ формулировался только переходъ представительства и семейной власти отъ одного лица къ другому. Самое-же имущество оставалось по-прежнему въ рукахъ той-же корпорацiи, въ которыхъ оно было и до смерти завѣщателя. Такимъ образомъ, право свободнаго распоряженiя имуществомъ не имѣло, въ сущности, никакого значенiя въ первобытномъ обществѣ. Но когда на отдѣльнаго индивида были перенесены юридическiя свойства корпорацiи, тогда дѣло существенно измѣнилось. Съ смертiю физическаго лица его имущество, совокупность его правъ и обязательствъ оставались въ дѣйствительности безъ всякаго реального владѣльца. Завѣщателю самому приходилось создавать новый объектъ для своихъ юридическихъ отношенiй. Отсюда въ новѣйшихъ кодексахъ личная воля завѣщателя необходимо должна была получить первенствующее значенiе. Значенiе это, очевидно, должно быть прямо пропорционально прогрессу распаденiя семьи. Чѣмъ болѣе развитiе экономическихъ отношенiй удаляло общество отъ условiй патрiархальнаго быта, чѣмъ болѣе ослабѣвала связь, соединявшая когда-то членовъ одной семьи, и понятiе объ общей семейной собственности, переходя въ разрядъ архаическихъ понятiй, замѣнялось представленiемъ о личной собственности, тѣмъ менѣе юридическая фикцiя, положенная въ основу завѣщательнаго права, соотвѣтствовала реальнымъ отношенiямъ дѣйствительности и, слѣдовательно, тѣмъ шире становилась сфера личнаго произвола завѣщателя. Рядомъ съ имуществомъ корпоративнымъ, т. е. имуществомъ, принадлежавшимъ дѣйствительно существовавшей корпорацiи, имуществомъ родовымъ, возникла новая категорiя имущества—благоприобрѣтеннаго; оно считалось принадлежащимъ исключительно той фиктивной корпорацiи, которую воплощало въ себѣ физическое лицо, и со смертiю этого послѣдняго становилось, въ буквальномъ смыслѣ, никому непринадлежащимъ. Очевидно, что относительно этого имущества произволъ завѣщателя, по смыслу фикцiи закона, не могъ быть ничѣмъ ограниченъ. Дальнѣйшимъ шагомъ въ томъ-же направленiи было установленiе различiя между имуществомъ движимымъ и недвижимымъ. Ограниченiя, налагаемыя на завѣщателя относительно распоряженiя

первыми, стали постепенно совершенно устраняться, когда дѣло шло о второмъ. Такимъ образомъ, римское *universitas juris* хотя еще и сохранилось въ представленіяхъ современной юриспруденціи, какъ воспоминаніе объ отдаленномъ прошломъ, но въ дѣйствительности оно утратило всякое реальное значеніе; оно распалось на самостоятельныя категоріи правъ и обязательствъ, подлежащихъ различному порядку наследованія. Отъ правъ и обязательствъ, принадлежащихъ реальной корпораціи, семьѣ, отдѣлились права и обязательства, принадлежащія фиктивной корпораціи, физическому лицу. Нетрудно, однако, видѣть, что этотъ дуализмъ есть только временное, переходное состояніе западно-европейской цивилизаціи. Вся сущность этой цивилизаціи сводится, какъ справедливо замѣчаетъ Мэнъ, къ движенію отъ *status* къ *contractus*, т. е. отъ такого общественнаго состоянія, при которомъ индивидъ разсматривается только какъ часть *юридическаго лица*, къ такому состоянію, при которомъ онъ становится самъ по себѣ полноправнымъ юридическимъ лицомъ. Въ настоящее время въ современномъ человѣкѣ еще смѣшиваются два элемента: отчасти онъ признается самостоятельною корпораціей (фиктивной), отчасти составною частичкою корпораціи (реальной—семьи). Первый элементъ уже и теперь беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ вторымъ и, судя по общему направленію цивилизаціи, мы должны заключать, что въ будущемъ онъ окончательно вытѣснитъ его изъ нашихъ правовыхъ понятій. Тогда юридическая фикція, переносимая на отдѣльную личность свойства корпораціи, станетъ въ непримиримое противорѣчіе съ дѣйствительностью и произволъ лица въ посмертномъ распоряженіи своимъ имуществомъ не будетъ болѣе стѣсняться ни однимъ изъ тѣхъ ограниченій, которыя «древнее право» завѣщало современному обществу.

Зная историческое происхожденіе института завѣщаній, то значеніе, которое онъ имѣлъ въ архаическомъ обществѣ, и ту юридическую фикцію, на которой онъ основывается въ обществахъ новѣйшихъ, зная, наконецъ, общее направленіе развитія этого института, намъ нѣтъ надобности останавливаться виѣстѣ съ Мэномъ на болѣе или менѣе детальныя подробности его исторіи.

Предѣлы нашей замѣтки не дозволяютъ намъ войти въ анализъ другихъ сторонъ интересныхъ изслѣдованій Мэна, каснуться другихъ вопросовъ, затронутыхъ авторомъ «Древняго Права». Но мы думаемъ, что и сказаннаго нами вполне достаточно для того, чтобы возбудить въ читателяхъ желаніе поближе познакомиться съ этою книгою—капитальнѣйшимъ (не по объему, конечно, а по содержанію) произв-

веденіемъ современной соціально-юридической литературы. Жаль только, что русскій переводъ крайне неудовлетворителенъ: онъ передаетъ мысль подлинника не вездѣ вѣрно, но за то вездѣ тяжелымъ, запутаннымъ и не всегда грамотнымъ языкомъ. Въ послѣднемъ читатель, конечно, и самъ могъ убѣдиться изъ выписокъ, цитированныхъ въ нашей замѣткѣ. Если издатель имѣеть намѣреніе познакомить русскую публику и съ послѣдующимъ, не менѣе замѣчательнымъ сочиненіемъ Мэна, вышедшимъ въ 1871 году, — «Сельскія общины», — то было-бы крайне желательно, чтобъ переводъ попалъ въ болѣе искусныя руки, чѣмъ тѣ, которыя переводили «Древнее Право».

Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—54 гг. Дневникъ Н. В. Буссе. Съ отвѣтомъ г-мъ Невельскому и Рудановскому Ѳ. Буссе. Спб. 1872 г.

Русское правительство, какъ извѣстно, обратило свои взоры на островъ Сахалинъ еще въ то время, когда возникла мысль о присоединеніи къ имперіи амурскаго края. По инициативѣ извѣстнаго графа Муравьева-Амурскаго, оно рѣшилось начать съ занятія Сахалина и для этой цѣли снарядило въ 1852 году военную экспедицію подъ начальствомъ офицера семеновскаго полка Н. Буссе. О ближайшихъ видахъ и намѣреніяхъ правительства не было достовѣрныхъ свѣдѣній, если не придавать, разумѣется, серьезнаго значенія ни на чемъ не основаннымъ догадкамъ тогдашней прессы, что завоеваніе Сахалина предпринято только потому, что оно легко и можетъ совершиться какъ-бы по дорогѣ, въ связи съ завоеваніемъ Амура. Изъ дневника Н. Буссе видно, что завоевать островъ дѣйствительно было легко, ибо стоило только добратся до острова, выбрать на немъ любой пунктъ, водрузить русское знамя и огласить пустынные тундры Сахалина русскимъ «ура». Съ отрядомъ изъ 60 человекъ поручикъ Буссе безпрепятственно овладѣлъ Сахалиномъ, не проливъ ни одной капли крови и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. «Раздалось русское ура, откликнувшееся на кораблѣ, и Сахалинъ сдѣлался русскимъ владѣніемъ», замѣчаетъ Буссе въ своемъ простодушномъ восторгѣ. Почти годъ провелъ Буссе на Сахалинѣ, занявшись преимущественно изученіемъ мѣстности, изысканіемъ удобныхъ гаваней и бухтъ для кораблей и знакомствомъ съ туземнымъ населеніемъ — впрочемъ, вовсе не въ видахъ

Этнографических,—и плодомъ его пребыванія на Сахалинѣ явились настоящія записки, изданныя послѣ его смерти. Записки эти въ высшей степени неполны и односторонни; въ нихъ постоянно идетъ рѣчь о личныхъ соображеніяхъ автора къ удобнѣйшему занятію Сахалина, между тѣмъ какъ главная цѣль, которую, повидимому, прежде всего слѣдовало-бы поставить себѣ при завоеваніи этого острова—естественныя богатства страны и производительность ея почвы—почти оставлены были Буссе безъ вниманія для хитроумныхъ сплетеній дипломатин. Общее впечатлѣніе, которое выносятся изъ чтенія записокъ Буссе, вообще неблагоприятно для природы и естественныхъ богатствъ Сахалина. Пустынная мѣстность съ скудной растительностью, сырью, нездоровый климатъ, располагающій къ цингѣ, нищета туземнаго населенія, которое въ конецъ разорено японцами,—все это, повидимому, не можетъ удовлетворить самымъ невысказаннымъ требованіямъ. Впрочемъ, издатель этихъ записокъ, какой-то г. Е. Б., гуманно замѣтилъ, что намъ-то и нужна негостепріимная природа Сахалина съ его цынгой и золотухой, ибо она представляетъ наиболѣе благоприятныя условія для отдаленной ссылки. Это, конечно, очень остроумно съ канцелярской точки зрѣнія, но вовсе не практично... Какъ-бы то ни было, но теперь намъ не только позволительно, но и повелѣвается въ нѣкоторомъ смыслѣ долгомъ, самой Оемидой, удвоить свои завоевательныя стремленія, ибо отнынѣ не низкіе расчеты будутъ руководить нами, а возвышенныя цѣли правосудія, ибо всѣ каторжники до сихъ поръ ссылались въ Сибирь, гдѣ климатъ, вообще говоря, несравненно лучше петербургскаго, а съ завоеваніемъ Сахалина г. Б. намѣренъ отправлять ихъ въ самую нездоровую, но отдаленную мѣстность.

О сокровищахъ, скрытыхъ будто-бы въ нѣдрахъ Сахалина, какъ предполагала экспедиція, нѣтъ никакихъ свѣденій въ «Дневникѣ» Буссе. До сихъ поръ еще предполагаютъ, что на этомъ островѣ хранятся какіе-то неисчерпаемые залежи каменнаго угля, мѣди, желѣза и даже золота, но изысканія и развѣдки Буссе не подтвердили этихъ ожиданій. Впрочемъ, для этого у него едва-ли хватало времени, такъ-какъ оно тратилось на *подкормы* дипломатическаго свойства или даже на обращеніе туземцевъ въ православіе, что, однако, скоро было воспрещено самимъ высшимъ духовнымъ начальствомъ, къ крайнему удивленію Буссе. «Правительство, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, запретило крестить гиляковъ», наивно недоумѣваетъ онъ, какъ-бы пораженный такой гуманной вѣротерпимостью. Кажется, все богатство Сахалина заключается въ огромномъ количе-

ствѣ рыбы въ заливахъ окружающихъ его морей—Охотскаго и Японскаго. Эта добыча давно прельстила японцевъ и привлекла цѣлыя массы ихъ на Сахалинъ, къ безсильной злобѣ несчастныхъ туземцевъ, которые не видятъ конца эксплуатаціи ихъ со стороны японцевъ и теперь утратили всякую надежду на освобожденіе. Къ тому времени, когда русская экспедиція заняла Сахалинъ, населеніе его уже было ограблено и разорено японскими чиновниками; оно ознакомилось уже съ пьянствомъ; во многихъ селеніяхъ свирѣпствовалъ сифилисъ, а туземныя юрты обратились въ публичные дома японцевъ. По словамъ Буссе, русскіе расположили къ себѣ сахалинцевъ своей «доброготою», но главнымъ образомъ, разумѣется, подарками, на которые была чрезвычайно щедра хитроумная дипломатія Буссе. Вино и табакъ—эти обычные орудія мирнаго распространенія иноземной цивилизаціи въ странѣ дикарей, пущены были въ ходъ и японцами на островѣ Сахалинѣ, населеніе котораго послѣ 10—20 лѣтъ сожительства съ ними уже утратило чувство своей независимости и покорно клало свою голову подъ ярмо, утѣшая себя перспективой удовлетворенія своимъ вновь сформировавшимся, но сильнымъ, страстямъ и привычкамъ. На этомъ основано было безропотное подчиненіе сахалинцевъ деспотизму японцевъ, и, вѣроятно, покойному Буссе долго пришлось-бы ухищряться и лавировать прежде, чѣмъ онъ успѣлъ-бы приобрести довѣріе сахалинцевъ и незамѣтно оттѣснить на задній планъ японцевъ, но крымская война разстроила всѣ планы, связанныя съ сахалинской экспедиціей. Японцы знали, какія грозныя тучи собираются надъ головою Россіи, и, вѣроятно, это заставило-бы ихъ дѣйствовать смѣлѣе относительно русской экспедиціи на Сахалинѣ, морскія силы которой не могли быть увеличены настолько, чтобы вступить въ открытую борьбу съ Японіей. Лѣтомъ 1854 года Буссе снялъ военный постъ на Сахалинѣ и покинулъ этотъ островъ, перенесши свою дѣятельность въ Амурскую область. Здѣсь оканчиваются его записки, которыя, нужно признаться, немного прибавили къ нашимъ свѣденіямъ объ этомъ далекомъ и негостепріимномъ краѣ.

Въ концѣ «Записокъ» приложено неумѣстное и нисколько не интересное для читателей возраженіе брата покойнаго Буссе его сослуживцамъ, которые высказали въ печати весьма нелестное мнѣніе о дѣятельности послѣдняго, благо онъ, съ своей стороны, не совѣмъ одобрительно отнесся къ нимъ въ своихъ запискахъ. Достаточно прочесть скучныя и довольно безтолковыя «Записки» Буссе, чтобы совершенно позабыть объ ихъ авторѣ и не обрезать себя на выслуши-

ваніе препирательствъ по поводу никому неизвѣстной личности и дѣла, неимѣющаго серьезнаго общественнаго значенія.

Наши сосѣди въ средней Азій: Хива и Туркменія. Съ большою картою. Изданіе редакціи журнала „Всемирный Путешественникъ“. Спб. 1873 г.

Когда я пишу эту коротенькую рецензію, Хива уже побѣждена и сдѣланные на случай сдачи золотые ключи отъ города заключаются уже въ рукахъ генерала Кауфмана. Вместе съ покореніемъ хивинскаго ханства будутъ обузданы и туркмены. Военныя операціи кончатся несомнѣнно въ нашу пользу, тѣмъ болѣе, что онѣ предприняты съ надлежащею осмотрительностью и стоимость ихъ выражается въ милліонныхъ цифрахъ. Но что можетъ извлечь Россія изъ присоединенія этого края и не будетъ-ли край этотъ извлекать изъ русскаго казначейства солидныя суммы на свое управленіе? Вотъ вопросы, которые обязана рѣшить литература и за разрѣшеніемъ которыхъ мы обращаемся къ разбираемой книгѣ.

Редакція «Всемирнаго Путешественника» объявляетъ разбираемую нами книжку «замѣчательнымъ сочиненіемъ». Дѣйствительно, эта компиляція замѣчательна, во-первыхъ, по своей цѣнѣ (за 138 страницъ 1 р. 50 к.), а во-вторыхъ, по своей сухости, растянутости и характеру изложенія, напоминающему докладъ, составленный какимъ-нибудь докой, стариннымъ аудиторомъ. Но это—единственная книжка, посвященная новѣйшему фазису среднеазиатскаго вопроса, и поэтому мы считаемъ нелишнимъ познакомить читателя съ ея содержаніемъ.

Туркменская степь представляетъ собою голую и печальную низменность, лежащую мѣстами даже ниже уровня океана. Только въ необширныхъ долинахъ рѣкъ Карасу, Гюргени, Атрека и Таджента мы видимъ хорошую почву и богатую растительность, даже древесную и плодовую, виноградъ, шелковицу и т. п. Есть еще производительныя мѣстности на Каспій. Заливъ Карабугазъ, въ который вода постоянно течетъ изъ моря и, не возвращаясь въ него, испаряется, можетъ быть названъ самымъ богатымъ въ мірѣ солянымъ источникомъ. По вычисленію академика Бѣра, Карабугазъ ежедневно получаетъ изъ моря 350,000 тоннъ соли, т. е. столько, сколько ея

нужно всей Россіи на полугодовое ея потребленіе. На островъ Челекенѣ нѣсколько соляныхъ озеръ и 3,000 нефтяныхъ источниковъ. Вся-же остальная степь годится только для кочевовъ скотоводовъ. Климатъ континентальный; зима хотя и непродолжительна, но сурова, а лѣтомъ африканскіе жары, выжигающіе всю растительность, которая появляется вновь только осенью. Жаръ до 52 R. раскаляетъ почву на цѣлый футъ глубины, и самый дикій житель средней Азіи, считающій обыкновенно излишнею всякую обувь, вынужденъ здѣсь подвязывать подъ свои подошвы по куску кожи. Почти всѣ туркменскія племена ведутъ кочевую жизнь и занимаются разбоемъ. Даже осѣдлые туркмены, имѣющіе пашни по Атреку и Гюргеню, разбойничаютъ и на морѣ, и на сушѣ. Туркмень—это типъ степного хищника; отъ него, по выраженію Вамбери, нельзя ожидать пощады никому; онъ продаль-бы въ неволю самого Магомета, если-бы только тотъ попался ему въ руки. Когда у одного набожнаго туркмена спросили, какъ онъ рѣшается продавать въ рабство своихъ единовѣрцевъ, вопреки запрещенію пророка, то онъ отвѣчалъ: «Коранъ, книга божія, конечно, благороднѣе человѣка, а все-таки покупается за нѣсколько крововъ (монетъ). Да чего лучше—Юсуфъ, сынъ Якуба, былъ пророкъ, а его тоже продали, и что-же—развѣ это повредило ему сколько-нибудь?» Человѣчeskій товаръ туркмены добываютъ преимущественно въ Персіи и хвастаютъ, что «еще ни одинъ персъ не подходилъ къ Атреку (пограничная черта) безъ веревки на шеѣ». Рабовъ сбываютъ въ Бухару, Хиву и другія ханства. Персидскій невольникъ стоитъ на хивинскомъ базарѣ около 25 р. Въ Бухарѣ ежегодно продается до 4,000 рабовъ. Положеніе ихъ ужасное, особенно у туркменовъ; рабу, назначенному въ пастуха, подрѣзываютъ сухожилья у пятокъ, чтобы онъ не могъ убѣжать. На ночь на невольника надѣваютъ желѣзный ошейникъ съ цѣпью и прикрѣпляютъ ее къ колодѣ, чтобы она своимъ бряцаніемъ избличала каждое его движеніе. По словамъ одного раба, ему нѣсколько дней давали вмѣсто хлѣба соленую рыбу и, не давая ни каши воды, заставляли работать въ огородѣ подъ жгучими лучами солнца. По словамъ Блэквилля, бывшаго въ плѣну, нѣтъ ничего легче, какъ найти туркмена, который-бы за извѣстную сумму, уплаченную впередъ, согласился помочь бѣгству невольника. Но едва только удастся ему бѣжать, какъ получившій деньги, подстергши его на дорогѣ, убиваетъ и грабитъ. Если-же рабъ обѣщаетъ своему проводнику заплатить по прибытіи въ назначенное мѣсто, то туркмень укрываетъ его нѣсколько времени гдѣ-нибудь на земляхъ чужого рода, а потомъ

за известную плату берется указать хозяину бѣглеца мѣсто, гдѣ онъ скрывается. Пойманнаго заковываютъ въ двойныя, а иногда и тройныя колодки, наливаютъ замки ихъ свинцомъ и, кромѣ того, накладываютъ на нихъ кусокъ дерева, охватывающаго ногу скованнаго поверхъ щиколки. Число рабовъ громадно. Рѣдко можно встрѣтить тюркменскую кибитку, въ которой не было-бы двухъ или трехъ персовъ, закованныхъ въ цѣпи, а всѣхъ кибитокъ въ Тюркменіи считается до 200,000! Едва-ли русскіе могутъ рассчитывать на скорое уничтоженіе здѣсь рабства: оно служитъ главнымъ промысломъ народа. Хищничество въ крови тюркмена. Безъ грабежа онъ жить не можетъ, и вся система степного воспитанія готовится изъ него вора. «Ребенокъ обкрадываетъ свою мать, жена мужа, братъ сестру» (стр. 47). Народные поэты ихъ постоянно поддерживаютъ въ нихъ разбойничій духъ. «Ихъ пѣсни производятъ такой эффектъ, что юноши, слыша ихъ, приходятъ въ неописанный экстазъ; тяжело дыша, они бросаютъ свои шапки на землю и, схватившись за волосы, остаются неподвижными, какъ-бы прикованными къ одному мѣсту» (стр. 55). У тюркменовъ мало другого скота, кромѣ лошадей; рыболовство на Каспійскомъ морѣ незначительно; внутренняя торговля идетъ плохо, вслѣдствіе постоянныхъ племенныхъ междоусобицъ. Представителями племенъ служатъ старшины или аксакалы, но власть ихъ ничтожна, и тюркмены говорятъ о себѣ, что они «народъ безъ головы, въ которой они и не нуждаются, потому что каждый самъ себѣ господинъ». Много хлопотъ, людей и денегъ потребуется на замиреніе тюркменскихъ степей. За невозможностью колонизировать ихъ, придется усыять ихъ укрѣпленіями и казачьими пикетами, но пока тюркмены не сдѣлаются ослѣдыми, ни укрѣпленія, ни пикеты не въ состояніи окончательно обуздать ихъ.

Замиреніе Тюркменіи невозможно безъ покоренія Хивы. Это ханство было нѣкогда могущественнымъ государствомъ. Въ XII в. ханъ хивинскій владѣлъ китайскимъ Туркестаномъ, Самаркандомъ, Бухарой, Балхомъ, Хорасаномъ, Мазандераномъ, и только курды да глубокіе снѣга спасли отъ него багдадскій калифатъ. Этотъ государь носилъ титулъ «тѣни божіей на землѣ», а его мать, правившая послѣ него, называлась «обладательницей міра». Въ настоящее-же время Хива занимаетъ не болѣе 400 кв. миль и имѣетъ 300,000 жителей, изъ нихъ 40,000 рабовъ. Рѣка Аму — источникъ жизни для всего ханства. Средняя глубина ея 2 сажени; замерзаетъ она только на одинъ мѣсяць, въ январѣ. Послѣ непродолжительной зимы, температура которой, однакожъ, понижается до 15 и даже 18°, въ

половинѣ февраля начинается весна; въ концѣ марта покрываются зеленью виноградныя лозы, гранатовыя и фиговые деревья. Къ июлю жары дѣлаются невыносимыми, а воздухъ наполненнымъ ѣдкою пылью. Дожди изрѣдка бываютъ только весной да осенью. Воспаленіе глазъ, лихорадка, сифилисъ, оспа и чахотка главныя болѣзни въ этомъ краѣ. Господствующее племя—узбеки, происшедшіе отъ помѣси туранскихъ завоевателей съ иранскими туземцами. Узбеки ведутъ оскучную жизнь и занимаются земледѣліемъ, но большею частью не сами, а посредствомъ своихъ женъ и рабовъ. Хивинскіе узбеки—страстные любители музыки и поэзіи. «Хивинскіе артисты на двуструнной гитарѣ и лютиѣ пользуются большою извѣстностью во всемъ Туркестанѣ. Неван, величайшаго узбекскаго поэта, знаютъ вездѣ, но не проходятъ десятилѣтія, чтобы не являлось новаго поэта второго и третьяго разрядовъ» (стр. 108). Интеллигенцію края составляютъ, впрочемъ, не узбеки, а персы изъ плѣнныхъ рабовъ. Далѣе, въ Хивѣ, преимущественно по ея окраинамъ, кочуетъ до 50,000 туркменовъ и столько-же каракалпаковъ, которые несутъ натуральную военную повинность и пользуются репутаціей идиотовъ, между тѣмъ какъ ихъ женщины считаются первыми красавицами во всемъ Туркестанѣ. Впрочемъ, красота по азіятскимъ понятіямъ далеко отличается отъ нашихъ эстетическихъ идеаловъ. По понятіямъ киргизовъ, напр., «монгольское племя представляетъ собою идеаль красоты, потому что Богъ, сотворивъ его съ выдающимися скулами, уподобилъ его лошади; лошадь-же вѣнецъ созданія» (стр. 115). Сельское хозяйство хивинцевъ состоитъ въ хлѣбопашествѣ, садоводствѣ, скотоводствѣ, разведеніи хлопка и шелка. Обработанныхъ и орошаемыхъ искусственно земель считается до 700,000 десятинъ. Значительная часть этихъ земель принадлежитъ хану, его родственникамъ, сановникамъ и духовенству. Самую большую торговлю Хива ведетъ съ Россіей, вывозя въ нее на 1,000,000, и въ томъ числѣ хлопка на 500,000 рублей, и получая изъ нея суконъ и бумажныхъ тканей на 1,000,000 р. да на столько-же другихъ товаровъ. Вообще Хива страна бѣдная; масса ея народонаселенія живетъ въ нищетѣ; жилища состоятъ изъ глиняныхъ мазанокъ; пища—изъ пшеничныхъ лепешекъ да супу изъ гороха или свекольнаго листа съ солью. Шлавы изъ баранины ѣдятъ только во дворцѣ да въ домахъ самыхъ богатыхъ людей. Умственное состояніе народа соответствуетъ его матеріальной бѣдности. Даже духовенство отличается самыми дикими невѣжествомъ, и Вамбери рассказываетъ, что многіе изъ народа и духовенства пользовались всякимъ случаемъ, чтобы задавать ему глу-

пѣйшіе вопросы. Одинъ просилъ религіознаго наставленія, другой спрашивалъ, есть-ли на свѣтѣ еще другія такія чудныя земли, какъ Хива, третій старался разузнать, правда-ли, что султанъ ежедневно получаетъ изъ Мекки свой обѣдъ и ужинъ, которые доставляются ему въ одну минуту и т. д. Правы хивинцевъ отличаются звѣрскою жестокостію. Мучить плѣнниковъ для нихъ наслажденіе. Съ своими женщинами они обращаются какъ съ вьючными животными. «Ны-нѣшній ханъ, желая приобрѣсть славу защитника вѣры, наказываетъ самымъ жестокимъ образомъ за малѣйшій проступокъ противъ религіи. Достаточно взглянуть на женщину, закрытую покрываломъ, чтобы быть казненнымъ. Религія повелѣваетъ мужчину вѣшать, а женщину зарывать до половины тѣла въ землю около висѣлицы и побивать камнями. Но такъ-какъ въ Хивѣ нѣтъ камней, то для этого употребляютъ кизяки, т. е. твердые куски земли. При третьемъ ударѣ несчастная жертва покрывается пылью и ея окровавленное тѣло страшно обезображивается» (стр. 109). Убить невѣрнаго—грѣхъ маловажный, а замазать въ нечистотѣ свои калоши—великій грѣхъ. Своей жестокости ханъ удовлетворяетъ тѣмъ, что каждый день самолично творить судъ и расправу надъ всѣми, желающими судиться у него. «Ему часто приходится выслушивать и улаживать самыя мелочныя семейныя ссоры. Хана очень занимаетъ, когда какая-нибудь раздраженная чета начинаетъ передъ нимъ спорить и кричать; онъ всячески старается еще больше разжечь ихъ и хохочетъ до слезъ, когда нѣжные супруги начинаютъ передъ нимъ драться, валяясь въ пыли» (стр. 130). Анархія и деспотизмъ постепенно усиливають раззореніе страны. Въ 1850 г. весь доходъ ханства простирался до 800,000 р., а нынѣ, при всевозможныхъ азійскихъ способахъ выжиманія, Хива можетъ выплачивать развѣ немногимъ больше половины этой суммы. Поэтому утвержденіе въ ней русскаго вліянія будетъ стоить недешево; что-же касается сластолюбивыхъ ташкентцевъ, отправляющихся въ Азію набивать свои карманы и тѣшить свой мамонъ, то едва-ли Хива будетъ для нихъ обѣтованнымъ краемъ, потому что переходъ тысячевѣрстнаго опаснаго пути немногихъ соблазнить своимъ воображаемымъ золотымъ Эльдorado...

Марко Поло. Путешествіе въ 1286 г. по Татаріи и другимъ странаѣмъ востока. Три части. Спб. 1873 г.

Сочиненіе Марко Поло, написанное шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, стоитъ во многихъ отношеніяхъ несравненно выше книгъ, въ родѣ только-что разобраннаго нами изданія редакціи «Всемирнаго Путешественника». Марко Поло, этотъ Колумбъ Азіи, очень живо рисуетъ ея тогдашнее состояніе и его книга остается до сихъ поръ драгоценнымъ историческимъ матеріаломъ. Но ею можно пользоваться только при помощи ученыхъ комментаріевъ, которые пригоняютъ упоминаемыя Поло названія къ современнымъ географическимъ названіямъ, дополняютъ его историческіе рассказы и т. д. На русскомъ есть хорошій переводъ Марко Поло, снабженный прекрасными дополненіями нѣмецкихъ комментаторовъ, сдѣланный г. Шемякинымъ и помѣщенный въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей» за 1862 годъ, а потомъ вышедшій отдѣльною книгою. Но и въ такомъ видѣ книга Поло, наполненная множествомъ утомительныхъ подробностей, суевѣрныхъ рассказовъ и т. д., пригодна для ученыхъ, а не для большинства публики. Что-же касается изданія, по поводу котораго мы завели рѣчь о Марко Поло, то это курьезъ не послѣдняго сорта. Читатель, можетъ быть, знаетъ, что въ Питерѣ нѣкій предприимчивый мужъ издаетъ черезъ годъ по книгѣ журналъ «Библіотеку», редактируемый какимъ-то отставнымъ исправникомъ или городничимъ и имѣющей около двухъ съ половиною подписчиковъ. Въ этомъ журналѣ есть отдѣлъ «новѣйшихъ путешествій» и въ этомъ-то отдѣлѣ «новѣйшихъ путешествій» печаталось, а потомъ издано отдѣльно «Путешествіе Марко Поло въ 1286 году»!.. Послѣ этого достопроче́нному журналу остается только составлять свою современную хронику по лѣтописямъ Тацита или византійскимъ хронистамъ IX вѣка. Кромѣ того, это не переводъ сочиненія Марко Поло, а сокращенное на цѣлую половину изложеніе его съ немногими примѣчаніями, составленными, вѣроятно, по географіи Ободовскаго. Само собою понятно, что эта жалкая спекуляція не можетъ имѣть никакого значенія послѣ перевода г. Шемякина, и мы даже вовсе не упомянули-бы о ней, если-бы редакція «Библіотеки», съ развязностью еврейскаго торговца, не приподносила ее своимъ подписчикамъ съ ярлыкомъ «новѣйшаго путешествія». Правда, въ отдѣльномъ изданіи Марко Поло не относится къ «новѣйшимъ путешественникамъ», но одна уже

попытка издать подъ новою обложкою вырванныя изъ неразозшедшихся экземпляровъ «Библіотеки» ни для кого и ни для чего непригодныя статьи, стоятъ «новѣйшаго путешествія» и можетъ быть названа «новѣйшимъ» фокусомъ издательской толкучки.

Народное образованіе. Народныя школы, ихъ современное положеніе и относящееся къ нимъ законодательство во всѣхъ государствахъ. Соч. Э. Лавлея. Спб. 1873 г.

Въ ряду многочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ вопросу о народномъ образованіи, книга Лавлея должна занять почетное мѣсто. Она написана умно, съ одушевленіемъ искренняго убѣжденія и основательнымъ знаніемъ дѣла. Обширная масса статистическихъ данныхъ, собранная авторомъ, приведена имъ въ живую, стройную систему и обработана весьма талантливо, хотя, къ сожалѣнію, не всегда безпристрастно. Съ доводами автора можно иногда не соглашаться, нѣкоторыя его положенія проблематичны и ошибочны, но съ ними нельзя не познакомиться, и это тѣмъ большая заслуга его, что большинство пишущихъ о народномъ образованіи обыкновенно нейдетъ дальше общихъ мѣстъ и банальныхъ истинъ о пользѣ ученія и вредѣ невѣжества. Авторъ горячо стоитъ за вмѣшательство государства въ дѣло народнаго образованія, за обязательное и бесплатное обученіе и за свѣтскую школу. Каждый изъ этихъ принциповъ имѣетъ своихъ сторонниковъ и противниковъ, но первые два по преимуществу служатъ предметомъ препирательствъ и споровъ. Имѣетъ ли государство право вмѣшиваться въ народное образованіе или это право остается исключительно за обществомъ и частной инициативой? На этотъ вопросъ Лавлей даетъ утвердительный отвѣтъ. Онъ возражаетъ тѣмъ либераламъ, которые боятся правительственнаго вмѣшательства. Нѣтъ для правительства, по мнѣнію Лавлея, опаснѣе врага, чѣмъ грубое невѣжество низшихъ классовъ. Если оно хочетъ внушить уваженіе къ порядку и облегчить себѣ бремя власти, оно должно распространять образованіе. Оно имѣетъ право издавать законы и, слѣдовательно, имѣетъ право обучать законамъ и дѣлать ихъ общепоязными. Лавлей, очевидно, опирается въ своихъ воззрѣніяхъ на общераспространенное мнѣніе, будто образованіе уменьшаетъ цифру преступленій. Но связь преступленій съ невѣжествомъ—одинъ

изъ тѣхъ нелѣпныхъ призраковъ, которыхъ много лежитъ на совѣсти близорукихъ статистиковъ. Положимъ, что статистика показываетъ, что преступленія во многихъ государствахъ уменьшились: въ тюрьмахъ швейцарскихъ кантоновъ арестантовъ очень мало, часто даже тюрьмы стоятъ пустыми; во Франціи съ 1828—1862 гг. цифра преступленій уменьшилась на 4,387; въ Пруссіи она также падаетъ. Но что отсюда слѣдуетъ? Если то, что съ распространіемъ образованія преступленія уменьшаются, то противъ этого ничего нельзя возразить, но замѣтите, что ничѣмъ нельзя этого и доказать. Допуская даже, что число грамотныхъ возрастаетъ *вмѣстѣ* съ уменьшеніемъ числа преступленій, мы не имѣемъ права ставить эти два факта въ причинную зависимость только потому, что они являются намъ одновременно. Иначе на каждомъ шагу придется имѣть дѣло съ силлогизмами въ родѣ того, для котораго посылкою послужила шипка на носу алжирскаго бей. Развѣ въ государствахъ, гдѣ уменьшалась цифра преступленій, народъ только и дѣлалъ, что учился и посѣщалъ школы, развѣ для школы онъ бросилъ свои поля и фабрики, развѣ, наконецъ, вездѣ преступленія уменьшаются, гдѣ распространяется образованіе? Совсѣмъ нѣтъ, ибо даже Пруссія, на которую ссылается Лавлей, показываетъ, что преступленія могутъ уменьшаться, а образованіе возрастать. Извѣстно, что въ послѣдніе годы въ Германіи число учениковъ, посѣщающихъ школы, несколько не возрастаетъ, а скорѣе даже уменьшается. Такъ на 100 жителей въ 1822 году училось 13,1, въ 1843 году 15,8, а въ 1864 году 15,6. «Такимъ образомъ, говоритъ Лавлей,—съ 1843 года Германія не шла впередъ, а вернулась назадъ. Это печальный признакъ, особенно въ виду постоянного прогресса, замѣчаемаго въ другихъ странахъ» (стр. 123). Между тѣмъ цифра преступленій съ 1843 года почти всегда понижалась въ Германіи въ весьма замѣтной пропорціи.

Но если невѣжество нельзя считать главной причиною преступленій, то все-таки оно настолько опасное зло, что для уничтоженія его необходимо призвать къ содѣйствію какъ общество, такъ и государство. Въ настоящее время, когда сила демократіи растетъ во всѣхъ государствахъ, просвѣщеніе массъ является настоятельной необходимостью.

Съ теоретической точки зрѣнія вопросъ о вмѣшательствѣ государства въ народное образованіе рѣшается трудно. Но если мы обратимся за отвѣтомъ къ практикѣ различныхъ государствъ, то она покажетъ, что важенъ здѣсь не столько самый принципъ, сколько форма его примѣне-

ніа. Во Франціи вмѣшательство государства убило народное образованіе, но оно не знало тамъ никакихъ границъ и носило характеръ политической агитаціи. Правительство не довѣряло даже своимъ официальнымъ органамъ, какъ, напр., министерству народного просвѣщенія, надъ которымъ постоянно тяготѣла опека министерства внутреннихъ дѣлъ. Выборъ учителей—главнѣйшій пунктъ въ дѣлѣ школьной организаціи—зависѣлъ исключительно отъ префекта, но, завладѣвъ школой, правительство жертвовало въ пользу ея гроши, взваливъ все бремя матеріальныхъ тягостей на общины. Государство, которое израсходовало на постройку опернаго зданія 50 мил., а на ремонтъ его ежегодно отпускаетъ по 1 мил., жертвуетъ въ пользу народного образованія 5 мил. франковъ, тогда какъ, по словамъ Лавлея, для полного приведенія въ порядокъ построекъ и учебныхъ матеріаловъ одновременно нужно 212 милліоновъ, а ежегодно 532 мил. фр., вмѣсто 38 мил., которые уплачиваются теперь правительствомъ (5 мил.) вмѣстѣ съ общинами и департаментами. Конечно, такое вмѣшательство государства губительно для народной школы, но есть примѣры, что въ другихъ случаяхъ оно вліяло благотворно, какъ напр., въ Швейцаріи, въ Соединенныхъ Штатахъ, Нидерландахъ, Швеціи. Однако, въ этихъ послѣднихъ государствахъ власть правительства ограничивалась общинами и мѣстными комитетами, которые состояли изъ отцовъ семействъ и почти неограниченно распоряжались ближайшей судьбой школы. Въ Португаліи, въ которой школа организована по принципу вмѣшательства еще съ 1836 г., слѣдовательно ранѣе, чѣмъ въ Пруссіи, большая часть массы живетъ до сихъ поръ среди глубокаго невѣжества, такъ что она даетъ одного учащагося на 40 жителей, превосходя въ этомъ отношеніи только Сербію и Россію (1 учащійся на 116 человекъ). Въ Турціи народная школа представляетъ сколокъ съ германской системы, но тамъ правительство безотчетно управляетъ народнымъ образованіемъ и поощряетъ его всевозможными мѣрами, отъ дорового обученія до штрафовъ и тѣлеснаго наказанія; однако, процентъ учащихся въ Турціи весьма невысокъ (1 учащійся на 73 человекъ), хотя выше все-таки чѣмъ въ Россіи. Въ Греціи народныя школы также организованы по образцу германской, но ихъ очень немного (1 школа на 2,572 жителя, слѣдовательно менѣе, чѣмъ у насъ, гдѣ 1 школа на 2,433 жителя) и наполнены онѣ весьма умѣренно: 1 ученикъ на 120 жителей. Само правительство заботится не столько о народныхъ школахъ, сколько о среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, распложая и безъ

того громадную массу чиновниковъ и кандидатовъ на государственную службу.

Интересующіеся организаціей народныхъ школъ въ Европѣ найдутъ въ сочиненіи Лавлея немало любопытныхъ подробностей, а главное—полноту. Нѣтъ ни одного государства, даже мелкаго, школу котораго Лавлей оставилъ-бы безъ вниманія; онъ не прошелъ молчаніемъ даже Египеть, Японію, Китай, Сандвичевы острова, Австралію. Каждому штату сѣверо-американской республики посвящена особая глава, но особенно замѣчательна по своей обстоятельности—въ нѣкоторомъ *rapport chef d'oeuvre* изслѣдованій Лавлея,—статистическая таблица о сравнительныхъ успѣхахъ народнаго образованія во всемъ Союзѣ (стр. 535). Эта таблица отличается строгостью и полной безупречностью метода, лежащаго въ основаніи вычисленій. Здѣсь кстати замѣтить, что общепринятый способъ опредѣлять прогрессъ образованія цифрой учащихся на опредѣленное число жителей не можетъ быть названъ строгимъ. Если говорятъ, что въ Англіи 1 учащійся приходится на 13 жителей, то это можно понимать въ томъ смыслѣ, что у 13 взрослыхъ человѣкъ только 1 сынъ или 1 дочь, такъ что наиболѣе образованными оказались-бы нація, наиболѣе плодовитыя и съ быстрымъ ростомъ населенія. Во всякомъ случаѣ, эта система сомнительна и не мѣшало-бы нашимъ статистикамъ оставить ее, тѣмъ болѣе, что существуетъ другая, несравненно болѣе точная. По этой системѣ, прогрессъ народнаго образованія измѣряется отношеніемъ числа учащихся къ числу дѣтей, достигшихъ школьнаго возраста.

Довольно тщательно собраны Лавлеемъ свѣденія относительно расходовъ на народное образованіе. Эти данныя поучительны также потому, что изъ нихъ отчасти видно, что однихъ матеріальныхъ затратъ еще недостаточно для просвѣщенія народа. Такъ, напримѣръ, въ Португаліи 1 человѣкъ жертвуетъ на народное образованіе 3,2 фр., а между тѣмъ тамъ приходится 1 учащійся на 40 человѣкъ, тогда какъ Англія платитъ 2 фр., а Баварія и того меньше — 1,50 фр., но 1 учащійся въ Англіи приходится на 13 человѣкъ, а въ Баваріи 1 учащійся на 8,1 чел., Швеція и Норвегія тратятъ менѣе Англіи, а учащихся у нихъ значительно больше.

Въ концѣ своей книги Лавлей помѣстилъ любопытную таблицу развитія журналистики въ 1868 году въ различныхъ государствахъ. А priori таблицу эту никто, разумѣется, не сочтетъ неумѣстной; напротивъ, она должна находиться въ самой тѣсной связи съ главнымъ предметомъ сочиненія. Потребность чтенія есть слѣдствіе развитія образованія, она должна быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше въ данной

странѣ людей грамотныхъ и просвѣщенныхъ. Поэтому можно ожидать, что число газетъ въ различныхъ государствахъ будетъ пропорціонально числу учащихся. Первое мѣсто по числу газетъ и журналовъ занимаютъ Соединенные Штаты (6,325 жителей на 1 журналъ, а всѣхъ журналовъ 6,056) и Швейцарія (1 журналъ на 6,695 жит.); послѣднія мѣста принадлежатъ Россіи (1 журналъ на 229,923 жителя) и Турціи (1 журналъ на 971,428 жителей). Но вообще изъ таблицы Лавлея нельзя заключить, чтобы потребность чтенія проникла въ среду большинства, т. е. низшихъ слоевъ европейскаго населенія. Онъ даетъ только среднія цифры, имѣющія относительное значеніе; но онѣ получили-бы громадную важность, если-бъ Лавлей попытался опредѣлять для каждой страны абсолютное число безграмотныхъ. Тогда, по всѣмъ вѣроятностямъ, изъ 229,923 русскихъ читателей на каждую газету пришлось-бы не болѣе 3,000 дѣйствительныхъ читателей, и число всѣхъ газетъ (328), быть можетъ, было-бы слишкомъ велико для публки, которая въ состояніи ими пользоваться.

Медицина и медики, Э. Литтре. Перев. съ французскаго подъ ред. М. Цебриковой. Спб. 1873 г. Ц. 2 р.

Говоря въ одномъ изъ №№ «Дѣла» о французскомъ изданіи этого сочиненія, мы не рѣшались причислить его къ числу предпріятій неразборчивой спекуляціи отчасти изъ уваженія къ заслугамъ автора въ области современной мысли, отчасти и потому, что уровень медицинскихъ знаній во Франціи такъ низокъ, что очень можетъ быть, что книга Литтре, при всей своей несовременности и пустотѣ, пришла-бы по плечу французской публки. Но въ переводѣ книги Литтре на русскій языкъ мы не можемъ не видѣть неприличной аферы лишь на одну извѣстность имени этого писателя. Не велики медицинскія познанія и въ средѣ нашей публки—это правда, но, по крайней мѣрѣ, та часть ея, которая интересуется медициной, стоитъ далеко выше французской интеллигенціи, такъ-какъ она привыкла черпать свѣденія изъ сочиненій писателей нѣмецкой школы, которая стоитъ неизмѣримо выше школы французскихъ медиковъ, находящейся въ настоящее время въ совершенномъ упадкѣ и переживающей лишь преданія своихъ старыхъ, нѣкогда знаменитыхъ авторитетовъ. Литтре увѣряетъ въ своемъ предисловіи, что онъ изу-

чалъ медицину и теоретически и практически, но онъ изучалъ ее въ то время, когда она была еще слишкомъ далека отъ того переворота, который произвели въ медицинѣ въ послѣдніе 10 или 15 лѣтъ великія открытія нѣмецкихъ естествоиспытателей. Статьи Литтре носятъ вообще весьма поверхностный, больше болтливый, чѣмъ популярный характеръ, и если онѣ немного содержатъ грубыхъ ошибокъ, то потому, что авторъ собственно и не пытается говорить о дѣлѣ, но больше отдѣляется весьма неопредѣленными философскими медитациями съ неизбѣжными ссылками на древнюю медицину вообще и Гиппократу въ особенности. Но и среди этихъ медитацій иногда проскакиваютъ яркіе абсурды, на которые мы считаемъ необходимымъ указать вовсе не изъ желанія усчитывать автора въ случайныхъ ошибкахъ и промахахъ, но потому, что эти абсурды обнаруживаютъ въ авторѣ незнакомство съ цѣлою системой, съ общимъ направленіемъ современнаго естествознанія. На стр. 226 (въ статьѣ объ «Электричествѣ въ примѣненіи къ физиологіи и терапіи») Литтре говоритъ: «Наука о жизни не открываетъ и не должна (?) открывать причину жизни. Каждая наука останавливается на какомъ-нибудь данномъ первичномъ фактѣ, остающемся безъ объясненія и служащемъ къ объясненію остальныхъ. *Жизнь (!), электричество, теплородъ, притяженіе и проч. являются съ этой точки зрѣнія фактами первичными*». Эта тирада переноситъ насъ въ то доброе старое время, когда мыслители и ученые, не мудрствуя лукаво, каждое неизвѣстное имъ явленіе объясняли особой силой и каждый вновь замѣченный фактъ считали, по выраженію Литтре, *первичнымъ*. Каждая болѣзнь имѣла свою силу, своего духа, а сама жизнь объяснялась также особой силой, для которой и не нужно было выдумывать особаго названія. На вопросъ: чѣмъ обуславливается жизнь? слѣдовалъ простодушный отвѣтъ: жизненной силой. Все это было до крайности просто и наивно. Но эти времена безвозвратно миновали и теперь нѣтъ ни одного школьника, который вѣрилъ-бы, подобно Литтре, въ существованіе жизненной силы, какъ первичнаго, неразложимаго факта. Наука доказала, что жизнь не есть сила, но сама есть продуктъ многихъ силъ. Еще яснѣе и осязательнѣе доказала она, что электричество, теплородъ, свѣтъ, звукъ и пр. не суть *первичныя* факты, но все сводятся къ одной силѣ *движенія*. Это важное и капитальное приобрѣтеніе естествознанія составляетъ эпоху въ исторіи его прогресса, но тѣмъ болѣе удивительно, что Литтре, не имѣя, какъ видно, ни малѣйшаго понятія о принципѣ единства физическихъ силъ, этой души современной есте-

ственно-исторической науки, отваживается говорить о ней въ наше время.

Русскій переводъ сочиненія Литтре не вполне удовлетворителенъ: въ немъ весьма часто попадаются несвойственные русскому языку слова и обороты рѣчи, какъ, напр., *нездоровость* атмосферы или: «восколько разъ увеличилось микроскопическое тѣльце, чтобъ превратиться въ *фетуса*?». Слово фетусъ,—буквальный переводъ французскаго *foetus*—выношенный плодъ. Затѣмъ попадаются напр. слова: *насталъя* (!), *ретина*, *контра-пунктура* и т. д. Все это слова, относительно которыхъ можно усомниться, понятны-ли они были самому переводчику; по крайней мѣрѣ, слово *фетусъ* никогда не употребляется даже въ специальныхъ учебникахъ, написанныхъ русскимъ языкомъ. Впрочемъ, тутъ удивляться нечего: безграмотные и полуграмотные переводчики нашего времени пользуются какой-то особенной привилегіей уродовать иностранныя книги, сбывая ихъ такимъ-же полуграмотнымъ издателямъ, какъ и они сами.

Памятная книжка с.-петербургской губерніи, составленная секретаремъ статистическаго комитета А. Ф. Елачичемъ и изданная по распоряженію комитета (съ прилож. карты губерніи). Спб. 1873. Ц. 1 р.

Содержаніемъ для этого полезнаго изданія послужили разнообразныя статистическія матеріалы, относящіяся къ петербургской губерніи. Они обнимаютъ собою земское хозяйство губерніи, ея климатъ, движеніе народонаселенія въ уѣздахъ и городахъ, состояніе земледѣлія, фабричной промышленности и ремеслъ. Полнота, точность и ясность статистическихъ таблицъ не оставляютъ желать ничего лучшаго; иногда лишь онѣ отзываются нѣкоторой сухостью, такъ-какъ составитель ихъ, г. Елачичъ, вообще слишкомъ скупъ на словесныя комментарія, предоставляя все говорить за себя цифрамъ. Это, разумѣется, похвально, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Г. Елачичъ не долженъ былъ забывать, что онъ имѣетъ предъ собою обыкновенныхъ читателей, а не специалистовъ, которые могутъ довольствоваться лишь однимъ сырымъ матеріаломъ. Для читателей обыкновенныхъ нужны система, объясненія и выводы. Вообще статистическія цифры производятъ быстрое и сильное впечатлѣніе на умъ,

но онѣ, однако, столь-же быстро и вылетаютъ изъ памяти, если онѣ сообщаются въ массѣ, безъ указанія ихъ взаимной зависимости и связи. Передъ читателемъ возникаетъ лишь беспорядочная картина самыхъ разнообразныхъ явленій, въ которыхъ онѣ нѣрѣдко не въ состояніи удловить причинной зависимости и различить главнаго отъ побочнаго. Въ примѣръ излишняго лаконизма г. Елачича мы укажемъ, напр., на главу о земледѣліи, наполненную весьма любопытными цифрами и данными. Такъ изъ таблицы г. Елачича видно, что въ петербургской губерніи земельный надѣлъ крестьянъ такъ ограниченъ, что среднимъ числомъ на 1 ревизскую душу приходится только 1,0 десятины (стр. 109), но на обработку идетъ несравненно меньшее количество. На ничтожномъ клочкѣ бесплодной почвы, требующей громаднаго труда и большихъ затратъ для удобренія, получается урожай, неудовлетворяющій, по словамъ г. Елачича, годовой потребности губерніи въ хлѣбѣ, полагая на годовое продовольствіе мужской ревизской души лишь $2\frac{1}{2}$ четверика хлѣба, а женской—2. Сдѣлавъ этотъ расчетъ, г. Елачичъ ни слова не говоритъ о томъ, какъ отражается этотъ дефицитъ въ хлѣбѣ на крестьянскомъ благосостояніи. Скотоводство крестьянину, очевидно, не приносятъ никакой пользы, потому что на крестьянскій дворъ, напр., приходится меньше 2-хъ головъ рогатаго скота (1,0), *меньше одной лошади* (0,0; другими словами, у многихъ нѣтъ лошадей) и по одной штукѣ мелкаго скота (свиней и овецъ). Но если принять во вниманіе скотскіе падежи, свирѣпствующіе преимущественно въ петербургской губерніи (такъ-какъ черезъ нее гонятъ гурты и температура подвергается быстрымъ перемѣнамъ), если, напр., въ одномъ прошломъ году пало отъ чумы 2,406 штукъ скота, то, спрашивается, къ чему-же сводится общій крестьянскій бюджетъ? Чѣмъ живетъ самъ крестьянинъ и его иногда весьма многочисленная семья? Поэтому-то, вслѣдъ за состояніемъ земледѣлія у крестьянъ петербургской губерніи, совершенно естественно говорить о смертности между ними, но г. Елачичъ, сообщивъ свои цифры, обращается къ совершенно другому предмету, такъ-какъ дѣловая рутинна предписываетъ ему говорить о смертности и движеніи народонаселенія въ самомъ началѣ изслѣдованія. Мы вовсе не хотимъ сказать, что г. Елачичъ долженъ былъ разставлять свои таблицы въ такомъ именно, а не въ иномъ порядкѣ; мы говоримъ только о томъ, что между ними вообще долженъ быть порядокъ, чтобы послѣдовательность, въ которой разставлены статистическія таблицы, выражала собою послѣдовательность явленій, которыя въ нихъ изслѣдуются.

Въ таблицахъ смертности г. Елачичъ не показываетъ, насколько она велика между крестьянами и вообще между различными сословіями. Но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ эти таблицы превосходны и отличаются особенной полнотой. Наибольшая смертность между городами петербургской губерніи падаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, на Петербургъ, гдѣ убыль населенія простиралась въ 1871 году до 5,027 человекъ. Въ Петербургѣ ежегодно умираетъ 1 изъ 25 человекъ, а рождается 1 на 30 человекъ. Это неестественное отношеніе смертности къ рождаемости распространяется на многіе города и уѣзды петербургской губерніи. Послѣ Петербурга наибольшая убыль населенія замѣчается въ Кронштадтѣ (—568 ч.), затѣмъ въ петербургскомъ (—535) и ябургскомъ (—338) уѣздахъ, гдѣ ощущается, какъ извѣстно, наибольшій недостатокъ въ хлѣбѣ. Прибыль населенія самая значительная въ гдовскомъ уѣздѣ (+1,210), вѣроятно, благодаря лучшему состоянію земледѣлія. Общая убыль населенія всей губерніи превосходитъ общую прибыль на 3,662 ч.,—цифра далеко не ничтожная. Чтобы объяснить эту убыль населенія, недостаточно указать на смертность; необходимо также принять въ расчетъ число заключаемыхъ браковъ и ихъ плодовитость. Въ городахъ и уѣздахъ смертность, какъ показываютъ таблицы г. Елачича, несомнѣнно зависитъ отъ климатическихъ условій, такъ-какъ она достигаетъ наибольшей степени въ концѣ лѣта и зимы, слѣдовательно когда совершаются чувствительныя и рѣзкія перемены въ температурѣ. Больше всего умираетъ дѣтей въ возрастѣ отъ 1-го дня до 1-го года и взрослыхъ въ возрастѣ отъ 26 — 35 лѣтъ; въ первомъ случаѣ вліяетъ невѣжество въ соединеніи съ бѣдностью, во второмъ—весьма многочисленныя условія, отъ которыхъ зависитъ средняя продолжительность жизни. Навысшій предѣлъ средней продолжительности жизни для жителей петербургской губерніи ограничивается 26 годами. Дольше всего живутъ жители гдовскаго, новолдожскаго и лужскаго уѣздовъ, и это понятно, такъ-какъ климатъ гдовскаго уѣзда считается самымъ благопріятнымъ во всей губерніи, жители-же двухъ остальныхъ уѣздовъ наиболѣе отдалены отъ столицы. Наименьшая продолжительность жизни доходитъ до 13 лѣтъ, въ ябургскомъ уѣздѣ (!) (стр. 106). Эта ничтожная продолжительность жизни не можетъ не отражаться, конечно, на плодовитости браковъ, хотя-бы они и заключались въ нормальномъ и обычномъ количествѣ, чего мы также не замѣчаемъ въ петербургской губерніи. Вообще число браковъ въ петербургской губерніи понижается значительно, а сами браки не отличаются плодовитостью, вслѣд-

ствіе необыкновенно ограниченной продолжительности жизни. Наименѣе плодovitы браки въ шлиссельбургскомъ уѣздѣ, а наиболѣе плодovitы гдовскій и лужскій уѣзды.

Въ рѣзкомъ контрастѣ съ земледѣліемъ стоитъ фабричная промышленность петербургской губерніи. Между тѣмъ, какъ земледѣліе, составляющее въ большинствѣ уѣздовъ главный промыселъ жителей, находится въ весьма жалкомъ положеніи, не удовлетворяя потребностямъ самаго скуднаго, полуголоднаго питанія, промышленность фабричная видимо процвѣтаетъ и увеличиваетъ съ каждымъ годомъ свои обороты; изъ таблицы г. Елачича видно, что въ 1867 году 52,682 рабочихъ петербургской губерніи произвели на сумму 65.165,734 р. сер., а въ 1871 году 72,942 рабочихъ произвели на сумму 120.114,560 р., такъ что, слѣдовательно, 1 рабочій среднимъ числомъ произвелъ на 1,700 р. въ годъ. Статистическія изслѣдованія г. Елачича заканчиваются обзоромъ ремеслъ и промысловъ, которые въ высшей степени разнородны, но все-таки мало оказываютъ пользы населенію. Г. Елачичъ необыкновенно тщательно и подробно перечисляетъ эти ремесла по уѣздамъ и даже по селамъ, но этотъ специальный очеркъ, безъ общаго обзора преобладающихъ промысловъ или численности жителей, занимающихся каждымъ ремесломъ, едва-ли даетъ пищу любознательности обыкновеннаго читателя. Вообще разбросанность и отсутствіе руководящихъ идей въ распредѣленіи статистическаго матеріала низводятъ трудъ г. Елачича скорѣе на степень простаго сборника, чѣмъ самостоятельнаго изслѣдованія. Но все-таки мы не можемъ не выразить желанія видѣть хотя въ формѣ такихъ-же очерковъ статистическія изслѣдованія и относительно другихъ губерній нашей имперіи. Только добросовѣстный анализъ мѣстныхъ условій нашей жизни поможетъ намъ понять свои нужды и вывести насъ изъ обидной неизвѣстности, въ которой мы находимся относительно своего народа.

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОСЪ

НА ЗАПАДЪ И У НАСЪ.

V.

Проницательный читатель, просмотрѣвъ первыя главы моей статьи о квартирномъ вопросѣ, можетъ быть, пришелъ къ тому заключенію, что я являюсь сторонникомъ и защитникомъ образа дѣйствиі домохозяевъ, набавляющихъ цѣны на квартиры, такъ-какъ я сказалъ, что подобный образъ дѣйствиі вполне естественъ. Я этому не удивляюсь, такъ-какъ я привыкъ къ самымъ неожиданнымъ логическимъ выводамъ проницательныхъ читателей. Имъ говоришь: не кладите руки подъ колесо машины, такъ-какъ оно непременно раздробитъ вашу руку,—а они начинаютъ обвинять тебя въ томъ, что ты стоишь за наклонность колесъ машины къ ломанью человѣческихъ рукъ. Имъ говоришь: не браните колесо машины за то, что оно сломало вашу руку, такъ-какъ вы сами въ этомъ виноваты, машина-же не будетъ, не можетъ иначе дѣйствовать,—а они говорятъ, что ты поощряешь машину и къ дальнѣйшему ломанью человѣческихъ рукъ. Это восхитительная логика, но, къ сожалѣнію, мы такъ привыкли къ ней, что насъ даже удивляетъ, когда люди мыслятъ иначе. Мы скорѣе удивились-бы, встрѣтивъ читателя, который, вполне справедливо, замѣтилъ-бы намъ, что мы слишкомъ безпощадно, слишкомъ сурово взглянули въ первыхъ главахъ этой статьи на домохозяевъ, отрицая въ нихъ всякое человѣческое чувство состраданія, заставляющее хотя иногда сокращать свои прибыли въ виду нуждъ своего ближняго, что мы слишкомъ пренебрежительно отнеслись къ этимъ лю-

дямъ, говоря, что ихъ не тронешь, не заставишь покраснѣть никакими сатирами, что мы слишкомъ увлеклись своей антипатіей къ злоупотребленіямъ этихъ господъ, не только сказавъ читателю: бойся Донаевъ и дары приносящихъ, но прямо объяснивъ ему не жди и даровъ отъ доневъ. Читатель, увидавшій все это въ предыдущихъ главахъ нашей статьи, былъ-бы правъ: дѣйствительно, наши отношенія къ домовладѣльцамъ дышатъ холодомъ; мы говоримъ, смотря на злоупотребленія этихъ господъ: оставь всякую надежду, такъ-какъ эти люди руководствуются только однимъ закономъ спроса и предложенія, хотя-бы отъ этого страдали тысячи людей,—но тѣмъ не менѣе мы удивились-бы, встрѣтивъ подобнаго читателя, такъ-какъ насъ судьба не базовала покуда частыми встрѣчами съ людьми, обладающими сильной логикой. Впрочемъ, и немудрено было проницательному читателю придти къ совершенно противоположному логичѣ выводу послѣ чтенія первыхъ главъ этой статьи. Проницательный читатель читаетъ мало тѣхъ иностранныхъ книжекъ и брошюръ, которыя выходятъ сотнями, касаясь жгучихъ общественныхъ вопросовъ, и которыя, можемъ его увѣрить, пишутся очень серьезными, очень свѣдущими людьми. Онъ всего чаще пробавляется своею домашнею проницательностью, съ которой, конечно, не далеко уйдешь. А между тѣмъ въ этихъ-то иностранныхъ книжечкахъ и начинается преобладать въ настоящее время именно то отношеніе къ дѣйствіямъ домохозяевъ и тому подобныхъ людей, которое могло показаться ему „горячей защитой“ (sic!) дѣйствій этихъ господъ. Мы не станемъ объяснять, почему мы считаемъ правильными эти отношенія западно-европейскихъ публицистовъ къ домохозяевамъ и тому подобному люду, но мы должны замѣтить, что мы очень высоко цѣнимъ эти отношенія уже за одно то, что они побуждаютъ человѣка къ самодѣятельности и приучаютъ его видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

Возьмемъ примѣръ.

Положимъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ появляется десятокъ ростовщиковъ. Они берутъ страшные проценты съ людей, закладывающихъ свои вещи. Эти проценты такъ велики, что разные наши господа К—чи даже и во снѣ не видали такихъ процентовъ. Народъ, конечно, плачется на нихъ и скорбитъ. Чуткіе ко всякой народной скорби мѣстные барды настраиваютъ свои

лиры и начинаютъ строчить громовыя сатиры на этихъ ростовщиковъ. Мы вполне сочувствуемъ симпатіямъ этихъ бардовъ, но мы никакъ не можемъ сказать, что эти симпатіи проявляются цѣлесообразно, изливаясь въ пѣсняхъ и только въ пѣсняхъ. Правда, народъ умиляется, рукоплещетъ бардамъ, еще болѣе прокликаетъ ростовщиковъ, но онъ по-прежнему платитъ непомѣрные проценты, неся въ закладъ послѣдніе свои панталоны,—а годы уходятъ, все лучшіе годы! И если пройдутъ еще десятки и десятки лѣтъ, то положеніе останется все то-же: ростовщики будутъ брать по-прежнему страшные проценты, вполне освоившись съ сатирами бардовъ и не обращая на нихъ вниманія; народъ будетъ жаловаться, пожалуй даже будетъ жаловаться больше прежняго, и все-таки будетъ платить эти жидовскіе проценты; барды будутъ гремѣть сатирами—сотнями, тысячами сатиръ—и въ минуты жизни трудныя все-таки будутъ прибѣгать къ тѣмъ-же ростовщикамъ, дѣлая и свои посильные вклады въ ихъ сундуки. Если-бы насъ спросили, почему это происходитъ, мы отвѣтили-бы: потому, что это вполне законное, естественное и нормальное явленіе. Конечно, барды накинулись-бы на насъ и стали-бы кричать, что мы являемся защитниками ростовщичества. Но мы посмѣялись-бы надъ ними и сказали-бы,—какъ мы и говорили въ началѣ этой статьи,—что мы еще удивляемся недомыслію этихъ ростовщиковъ, такъ-какъ они давно могли-бы еще накинуть лишній десятокъ процентовъ; мы сказали-бы, что мы удивляемся великодушію этихъ ростовщиковъ, такъ-какъ они давно могли-бы воспользоваться еще полнѣе своимъ благопріятнымъ положеніемъ и дерзнуть, какъ дерзаютъ другіе; мы сказали-бы, что народъ можетъ еще сильнѣе плакаться на ростовщиковъ, а барды могутъ еще громче гремѣть своими сатирами, дѣла-же будутъ идти все своимъ старымъ порядкомъ; мы сказали-бы снова, что все это будетъ идти такъ, а не иначе, именно потому, что это вполне законно, естественно и нормально.

Сама по себѣ наша рѣчь показала-бы дикую, ретроградную и злоумышленную разсерженнымъ бардамъ; они даже, пожалуй, упрекнули-бы насъ въ томъ, что мы, вѣроятно, сами имѣемъ гласную кассу ссудъ или, по крайней мѣрѣ, получаемъ субсидіи отъ этихъ ростовщиковъ, но еще больше поразило-бы ихъ заключеніе нашей рѣчи. Оно состоитъ въ совѣтъ: „не сердиться на

ростовщиковъ, не ругать ихъ, не писать на нихъ бездарныхъ сатиръ, гнушаться этого времяпрепровожденія, такъ-какъ фактъ ростовщичества общезвѣстенъ и народъ лучше бардовъ чувствуетъ всю его тяжесть по личному опыту, на сатиры-же, — къ сожалѣнію, очень жалкія и неглубокія сатиры, — расходятся нравственныя силы и время, а время тѣ-же деньги“. „Какъ, закричали-бы барды, — такъ не-совѣтуете-ли вы намъ сдѣлаться друзьями ростовщиковъ, не прикажете-ли покровительствовать имъ?“ „Да, отвѣтили-бы мы безъ всякаго смущенія, сдѣлайтесь ихъ друзьями, покровительствуйте имъ. Вы находите, что ростовщичество дурное ремесло? Вы не желали-бы, чтобы вашъ другъ или покровительствуемое вами лицо занималось этимъ дѣломъ? Ну, и сдѣлайте такъ, чтобы эти новые ваши друзья перестали имъ заниматься. Тогда они будутъ такими-же мирными работниками, какъ вы; народъ не будетъ жаловаться на нихъ, вамъ-же не будетъ повода волновать себя, сочиняя никому ненужныя сатиры, въ которыхъ вы не высказываете ничего новаго, въ которыхъ вы повторяете все одно и то-же. Всѣ будутъ жить мирно, какъ братья, и никто не будетъ брать и платить жидовскихъ процентовъ. Правда, ваши новые друзья, посмѣивающіеся теперь надъ вашими сатирами, будутъ тогда скрежетать зубами, — но вѣдь дружба всегда неблагодарна и вы можете утѣшиться въ неблагодарности тѣмъ, что вы совершили великій подвигъ, превративъ ростовщиковъ въ работниковъ“. „Но вѣдь вы называли эти жидовскіе проценты законнымъ, естественнымъ и нормальнымъ явленіемъ, ехидно замѣтили-бы мнѣ барды, — какъ-же это исчезнетъ законное, естественное и нормальное явленіе?“ — На это замѣчаніе мнѣ пришлось-бы, конечно не безъ улыбки, объяснить младенчеству ющимъ бардамъ слѣдующія истины. „Когда порохъ лежитъ гдѣ-нибудь въ закупоренномъ металлическомъ или деревянномъ ящикѣ, то онъ холоденъ и безопасенъ — это вполне законное, естественное и нормальное явленіе; когда къ пороху поднесутъ огонь, то дѣлается взрывъ — это тоже вполне законное, естественное и нормальное явленіе. Когда конь растетъ на волѣ гдѣ-нибудь въ дикихъ степяхъ и лѣсахъ, то онъ является довольно опаснымъ животнымъ и грозитъ смертью неосторожно приблизившемуся къ нему человѣку — это вполне законное, естественное и нормальное явленіе; когда тотъ-же конь вырощенъ въ конюшнѣ, обязанъ опыт-

нымъ берейторомъ, то онъ не только является смиреннымъ животнымъ, но даже осторожно умѣетъ вынимать, по приказанію хозяина, платокъ изъ хозяйскаго кармана и танцовать подъ музыку гдѣ-нибудь въ циркѣ Гинне, трогательно и умиительно принимая за это въ награду крошечный кусочекъ сахара, — это тоже вполне законное, нормальное и естественное явленіе. Когда человѣкъ былъ лишенъ образованія и оказался настолько лѣнивымъ или несчастнымъ, что не потрудился или не могъ потрудиться пополнить свои пробѣлы въ дѣлѣ знанія, то онъ легко дѣлается праздною личностью и не гнушается даже играть роль бездарнаго барда, кропающаго вовсе безполезныя элегіи и сатиры, — это вполне законное, естественное и нормальное явленіе; когда-же человѣкъ получилъ образованіе или постарался, при помощи саморазвитія, стать въ уровень съ ходомъ современнаго знанія, то онъ старается приносить обществу хотя кое-какую, хотя очень небольшую, посильную пользу своимъ трудомъ, *ищуаясь всего, что бесполезно и безцѣльно*, — это тоже законное, естественное и нормальное явленіе. Скажу еще болѣе: когда человѣкъ тупъ, мелочно самолюбивъ и лишенъ всякаго чувства любви къ своему родному обществу, то никакіе совѣты и увѣщанія не могутъ убѣдить его въ его ошибкахъ и въ безполезности толченія воды въ ступѣ — это вполне законное, естественное и нормальное явленіе; когда-же человѣкъ уменъ, когда онъ обладаетъ настоящимъ самолюбіемъ, боящимся справедливыхъ упрековъ и насмѣшекъ, когда онъ цѣнитъ выше всего благо своей родной страны, то онъ принимаетъ безъ злобы, а съ благодарностью, каждое дѣльное замѣчаніе насчетъ своихъ промаховъ и недостатковъ и спѣшитъ сойти съ ложнаго пути и стать на путь полезной, честной и справедливой дѣятельности, сознавая, что до сихъ поръ онъ, по недомыслию, по неразвитости, по недостатку образованія, не зналъ всего того, до чего дошло современное европейское знаніе и общество — это тоже вполне законное, естественное и нормальное явленіе.

Надѣюсь, что послѣ всего сказаннаго не только проницательный читатель, которому — каюсь въ этомъ — я умышленно поставилъ ловушку въ первыхъ главахъ этой статьи, но и барды поймутъ вполне, на какой точкѣ зрѣнія стоялъ я, нападая на бездарныя сатиры противъ домовладѣльцевъ; впрочемъ, проницательный читатель, можетъ быть, даже и не понялъ, что я на-

падалъ именно на бездарныхъ бард овъ, доведшихъ сатиры до того, что онѣ сдѣлались искусствомъ для искусства, простымъ паясничествомъ, утѣшавшимъ берговскую публику, а не на Томасовъ Гудовъ, возбуждавшихъ когда-то дѣйствительно честный гнѣвъ въ честныхъ сердцахъ и заставлявшихъ краснѣть тѣхъ, противъ кого направлялись ихъ стихи, „облитые горечью и злостью“, — и барды поймутъ, почему я называлъ образъ дѣйствій домоладѣльцевъ вполне законнымъ, естественнымъ и нормальнымъ явленіемъ. Да, это явленіе представляется мнѣ именно такимъ, и потому я полагаю, что для борьбы съ нимъ нужно употреблять болѣе рѣшительныя мѣры, чѣмъ жалкія сатиры и элегіи. Нечего и говорить, послѣ всего сказаннаго, о томъ, что мы не должны и думать возложить на господъ домоладѣльцевъ заботы о разрѣшеніи квартирнаго вопроса; нечего и думать о томъ, чтобы эти господа сами стали убавлять цѣны на квартиры. Все это должно сдѣлаться и сдѣлается помимо ихъ воли, и когда квартирный вопросъ разрѣшится окончателно, когда домохозяева будутъ поставлены въ необходимость брать очень умѣренныя цѣны за жилища, — мы, какъ ихъ добрые друзья и попечители, примемъ ихъ въ свои объятія, радуясь, что наконецъ-то они лишились возможности брать неумѣренную дань съ жильцовъ и наклевать на себя этимъ образомъ дѣйствій и брань, и упреки.

Послѣ всего сказаннаго, какъ мы замѣтили выше, нечего и говорить о томъ, что западно-европейскіе публицисты и ученые, начиная съ какого-нибудь доктора Ланге и кончая докторомъ Энгелемъ, тоже не думаютъ возлагать на самихъ домохозяевъ заботы объ удешевленіи квартирныхъ платъ. Они знаютъ, что домохозяева постоянно руководились и будутъ руководиться въ дѣлѣ назначенія квартирныхъ платъ „спросомъ и предложеніемъ“, и, какъ это всегда бываетъ, злоупотреблять, насколько возможно, выгодами своего положенія. Положимъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ есть 1,000 комнатъ и 1,000 людей, желающихъ нанять эти комнаты, но изъ этой тысячи человѣкъ 250 желаютъ имѣть по двѣ комнаты и могутъ оплачивать ихъ довольно высокою цѣною; 250 готовы нанять по одной комнатѣ и могутъ оплачивать свое помѣщеніе тоже довольно дорого, остальные-же 500 человѣкъ имѣютъ очень мало средствъ. Что-же сдѣлаютъ домохозяева? Отдадутъ-ли они 1,000 комнатъ всей тысячѣ человѣкъ за низкую

плату или отдадутъ 750 лучшихъ комнатъ за дорогую плату 500 богатымъ нанимателямъ, а остальные 250 худшихъ комнатъ оставляютъ для остальныхъ 500 бѣдняковъ, стараясь при этомъ отдать эти комнаты какъ можно дороже, хотя-бы при этомъ самымъ бѣднѣйшимъ нанимателямъ пришлось дѣлать складчину и жаться по-трою, по-четверо въ одной комнатѣ? Конечно, они сдѣлаютъ послѣднее, хотя при первомъ способѣ распредѣленія квартиръ и выиграло-бы общество. Но вѣдь при этомъ не выиграли-бы домохозяева. Значитъ, нечего возлагать на нихъ надежды и въ дѣлѣ увеличенія числа домовъ и пониженія квартирныхъ платъ. Иначе и быть не можетъ. Представьте себѣ, что г. К.—чѣ станетъ заботиться только о томъ, какъ-бы уменьшить процентъ, взимаемый имъ съ заемщиковъ. Не покажется-ли это страннымъ? Если онъ можетъ брать съ нихъ большіе проценты, то для чего-же ему хлопотать объ уменьшеніи своихъ доходовъ? Изъ человѣколюбія? Но развѣ его гласная касса ссудъ основана изъ чувства человѣколюбія? Развѣ она не простая коммерческая афера? Развѣ онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ „дураковъ“, которымъ всего дороже благо человечества? Вотъ почему общество, по мнѣнію западно-европейскихъ публицистовъ и ученыхъ, должно само заботиться о томъ, чтобы гг. К.—чи были поставлены въ необходимость сбавлять свои проценты на капиталы, и это главнымъ образомъ можно сдѣлать при помощи внесенія большей соразмѣрности между спросомъ и предложениемъ, а такъ-какъ спросъ почти нельзя уменьшить при постоянномъ возрастаніи населенія, то на обществѣ—въ широкомъ значеніи этого слова—лежитъ обязанность увеличить предложеніе.

Но какія-же мѣры должно принимать общество? „Почти ни одна изъ многихъ книгъ, ни одна изъ многихъ брошюръ и газетныхъ статей, трактующихъ о квартирномъ вопросѣ, пишетъ Энгель—не имѣетъ недостатка въ предложеніяхъ средствъ для улучшенія положенія нанимателей. Конечно, эти мѣры очень разнообразны, такъ-какъ одни писатели обращаютъ вниманіе только на недостатокъ помѣщеній для рабочаго класса и бѣдняковъ, другіе—на положеніе болѣе обеспеченныхъ людей; одни настаиваютъ не только на самопомощи, но и на вмѣшательствѣ государства и общины, другіе-же придерживаются только принципа самопомощи, или, наконецъ, одни видятъ все спасеніе въ постройкѣ

новыхъ жилищъ за чертою города, другіе-же—въ принужденіи застроить тѣ мѣста въ городахъ, которыя стоятъ незастроенныя вслѣдствіе алчности домохозяевъ, заботящихся объ уменьшеніи числа домовъ. Изъ этого ясно видно, что для предотвращенія нужды въ квартирахъ покуда нѣтъ какого-нибудь „одного“ универсальнаго средства; да его и не можетъ быть. Однимъ взмахомъ, одною палліативною мѣрою нельзя разрѣшить квартирнаго вопроса. Никогда не должно забывать, что приливъ народонаселенія къ большимъ городамъ и промышленнымъ центрамъ не удержишь и что все, сдѣланное или дѣлаемое для искусственнаго задержанія этого прилива, является пустымъ и тшетнымъ усиліемъ“. Итакъ, мѣры для устраненія нужды въ хорошихъ и дешевыхъ жилищахъ очень разнообразны. Прежде всего обратились къ мѣрамъ, которыя принимаются, могутъ приниматься или должны приниматься государствомъ, общиною или городскимъ управленіемъ,—однимъ словомъ, общественною властью. Мы вездѣ будемъ придерживаться выраженія „общественная власть“, такъ-какъ размѣры нашихъ статей не позволяютъ намъ входить въ мелочныя подробности и указывать, когда, гдѣ и въ какой странѣ въ томъ или другомъ случаѣ долженъ содѣйствовать разрѣшенію квартирнаго вопроса именно тотъ, а не другой органъ общественной власти, т. е. государство, а не городское управленіе, или наоборотъ: городское управленіе, а не государство. Эти тонкости мало имѣютъ значенія для читателя публицистической статьи.

О роли, которую играетъ общественная власть въ разрѣшеніи квартирнаго вопроса, по вѣрному замѣчанію Энгеля, очень мало говорится у Гнейста, Штейна, Пелца, Гельда, Гольцендорфа и другихъ ученыхъ, которые касались или должны были касаться этого вопроса. А между тѣмъ эта роль далеко не незначительна. Прежде всего общественная власть имѣетъ право прибѣгать къ экспроприаціи тѣхъ пустопорожнихъ мѣстъ, которыя изъ личныхъ видовъ домохозяевъ остаются пустопорожними и незастроенными; къ этой мѣрѣ прибѣгали уже въ 1819 году въ Гессенѣ, въ Виртембергѣ и тому подобныхъ государствахъ. Этотъ способъ даетъ возможность получить въ городахъ довольно значительное количество мѣстъ, годныхъ для возведенія новыхъ домовъ и оставшихся въ настоящее время незастроенными, т. е. бесполезными для городовъ. Особенно много подобныхъ мѣстъ найдется

у насъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ тянутся нерѣдко безконечныя заборы, иногда ограждающіе слишкомъ широкораскинувшіеся дровяныя склады, а порою огораживающіе и просто пустыри. Особенно важною является эта мѣра въ настоящее время, когда цѣны на мѣста въ городахъ, при помощи спекуляторовъ, повышаются съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе и грозятъ дойти до такихъ размѣровъ, что послѣ трудно будетъ воздвигнуть дешевыя квартиры на этихъ мѣстахъ, такъ-какъ одни проценты на капиталъ, затраченный на покупку земли, сильно повысятъ квартирную плату. Но, конечно, прибѣгая къ экспроприаціи, общественная власть должна заботиться, чтобы устранить продѣлки аферистовъ, которые всегда готовы скупить пустопорожня мѣста и продать ихъ за неслыханную цѣну общественной власти. Далѣе, въ Вѣнѣ, гдѣ налогъ на дома очень великъ, прибѣгали къ освобожденію новыхъ домовъ отъ налога. Къ сожалѣнію, эта мѣра оказалась несостоятельною, такъ-какъ хозяева освобожденныхъ отъ налога домовъ, пользуясь сильнымъ спросомъ, нисколько не сбавляли квартирной платы, общественная-же власть, сдѣлавъ имъ снисхожденіе, не сочла нужнымъ установить извѣстную таксу для квартирной платы въ этихъ домахъ, хотя она имѣла на это полное право, такъ-какъ, давая извѣстныя права, она могла возложить и извѣстныя обязанности на этихъ домовладѣльцевъ. Затѣмъ общественная власть имѣетъ право опредѣлить извѣстную форму контрактовъ, которые давали-бы болѣе правъ жильцу и хотя отчасти ограничивали-бы права домохозяевъ,—права, которыя, какъ мы видѣли, дошли въ Берлинѣ до чудовищныхъ размѣровъ. Взгляните и на наши „квартирные расчетныя книжки“. Что вы найдете въ нихъ? На жильца возлагается масса обязанностей, а на хозяина не возлагается ни одной обязанности въ отношеніи жильца. Даже дворнику поручается слѣдить за тѣми или другими дѣйствіями жильца относительно чистоты и огня, а о хозяинѣ не говорится ни слова, хотя его нужно-бы поставить именно въ ту роль, въ которой стоитъ торговецъ, неимѣющій права торговать гнилымъ товаромъ. Хозяинъ-же имѣетъ именно это право и можетъ предлагать гнилой товаръ, т. е. вредную для здоровья квартиру. По мнѣнію нѣкоторыхъ, общественная власть, кромѣ того, можетъ не только содѣйствовать постройкѣ новыхъ домовъ, но и можетъ сама строить эти дома, передавая ихъ нанимателямъ

въ полную собственность при помощи извѣстныхъ ежегодныхъ уплатъ всей той суммы, въ которую оцѣненъ домъ, или, наконецъ, она можетъ содѣйствовать постройкѣ этихъ домовъ, какъ она содѣйствуетъ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Общественная власть всегда можетъ построить дома для лицъ, состоящихъ у нея на службѣ, и, такимъ образомъ, въ значительной мѣрѣ уменьшить спросъ на частныя квартиры. Она всегда имѣетъ возможность съ строгою точностью опредѣлить разъ и навсегда, чтобы дома не имѣли подвальныхъ жилищъ, заливаемыхъ водою, находящихся подъ землею, холодныхъ и сырыхъ, или жилыхъ чердаковъ съ тонкими деревянными перегородками, сквозь которыя проникаетъ вѣтеръ и которыя легче всего воспламеняются во время пожара; она можетъ опредѣлить, изъ какого матерьяла долженъ строиться домъ, какъ толсты должны быть стѣны, какъ должны устраиваться отхожія мѣста и выгребныя ямы, какъ должны быть сдѣланы лѣстницы и корридоры, — однимъ словомъ, она можетъ требовать, чтобы каждый домовладѣлецъ строилъ только такіе дома, которые исключаютъ всѣ вредныя вліянія на жильцовъ въ той мѣрѣ, въ какой можно устранить эти вліянія, сообразно съ новѣйшими свѣденіями архитектуры и согласно съ современными требованіями гигиены. Она можетъ всегда требовать этого такъ-же, какъ она требуетъ теперь, чтобы на чердакахъ не лежало легко воспламеняющагося хлама, чтобы извѣстныя фабрики не строились въ чертѣ города, чтобы быковъ не убивали въ рынкахъ, чтобы люди не стрѣляли на улицахъ и т. д. Она не только можетъ требовать отъ домохозяевъ соблюденія извѣстныхъ условій, но и имѣетъ право наблюдать за соблюденіемъ этихъ условій, прибѣгая къ карательнымъ мѣрамъ. Вѣдь не станеть-же кто-нибудь говорить, что общественная власть не имѣетъ права воспрещать, продажу гнилого мяса, протухлой рыбы, отравленныхъ подмѣсами продуктовъ, или что она не имѣетъ ни права, ни возможности наблюдать за этимъ и карать нарушителей ея постановленій? А развѣ дурныя жилища не та-же отравы? Развѣ между отдачею въ наймы дурного жилища и продажею гнилой рыбы есть разница въ принципѣ? Развѣ постройка сквернаго дома отличается въ принципѣ отъ приготовленія подмѣшанныхъ жизненныхъ припасовъ? Если-же вы не отрицаете внимательства общественной власти въ одномъ случаѣ, то вы не должны отрицать его и въ

другомъ, совершенно подобномъ-же случаѣ. „Общественная власть, говоритъ Саксъ,—является органомъ, черезъ посредство котораго человечество стремится къ достиженію своихъ высшихъ цѣлей, и, стоя въ этомъ высочайшемъ положеніи, общественная власть, конечно, можетъ способствовать разрѣшенію квартирнаго вопроса въ пользу сотенъ, тысячъ и милліоновъ людей; она можетъ поспѣшить исправить законодательнымъ или административнымъ путемъ все то зло, которое закралось втеченіи многихъ сотенъ лѣтъ въ общественную жизнь“. „Она можетъ выступить съ предупредительными или репрессивными мѣрами противъ отдѣльныхъ личностей, которыя, вслѣдствіе своего эгоизма или вслѣдствіе своего невѣжества, являются, въ видѣ производителей или распредѣлителей или потребителей жилищъ, тормазами въ разрѣшеніи квартирнаго вопроса и распространителями недостатка жилищъ“. Это особенно важно теперь, когда спекуляція дошла до того, что дома обваливаются раньше окончанія ихъ постройки. Здѣсь назначеніе самыхъ тяжкихъ наказаній для подобныхъ спекуляторовъ не было бы поставлено въ упрекъ общественной власти. Далѣе Саксъ признаетъ необходимымъ, чтобы общественная власть уничтожила всякія препятствія и всякія привилегіи въ строительномъ дѣлѣ и дала бы возможность строить дома каждому, хотя бы онъ и не былъ архитекторомъ, лишь бы онъ умѣлъ построить домъ по данному, соотвѣтствующему необходимымъ условіямъ, плану. Общественная власть даже можетъ имѣть готовыми подобныя планы домовъ и безвозмездно предоставлять ихъ въ распоряженіе желающихъ строить дома. Особенно важно это тамъ, гдѣ дѣло идетъ о небольшихъ семейныхъ домахъ, при постройкѣ которыхъ плата привилегированному архитектору составляетъ очень чувствительный расходъ.

Эти и тому подобныя мѣры, перечислить которыя не позволяютъ размѣры нашей статьи, могутъ быть примѣнены къ дѣлу общественной властью, желающею улучшить и удешевить жилища.

Но кромѣ этихъ мѣръ, прямо касающихся постройки жилищъ, на общественной власти лежатъ еще другія обязанности, косвенно способствующія удешевленію или улучшенію жилищъ. Такъ самый хорошій домъ можетъ быть построенъ гдѣ-нибудь на болотѣ и вслѣдствіе этого не можетъ представлять хорошихъ гигиеническихъ условій; онъ можетъ быть возведенъ въ тѣсномъ

переулкѣ и недоступенъ солнечному свѣту—значить, опять-таки онъ не будетъ соответствовать требованіямъ гигиены. Вслѣдствіе этого на общественной власти лежитъ обязанность очищать и поднимать почву, составлять цѣлесообразные планы городовъ. Мы видѣли одинъ подобный примѣръ и у себя въ Петербургѣ, когда князь А. А. Суворовъ нашелъ нужнымъ поднять одинъ кварталъ Васильевскаго острова, чтобы хотя отчасти обезопасить его отъ наводненій. Подобныя разумныя мѣры, конечно, въ еще большихъ размѣрахъ, являются неизбѣжными, если мы хотимъ улучшить жилища. Частныя лица не могутъ этого дѣлать или если они сдѣлаютъ это, то повысятъ плату на квартиры, чтобы вернуть затраченныя деньги. Не менѣе важно устройство хорошихъ и дешевыхъ путей сообщенія между центромъ города и его предмѣстьями или окрестностями. Общественная власть должна принимать эту обязанность на себя или содѣйствовать субсидіями устройству подобныхъ путей сообщенія. Когда населеніе городскихъ окраинъ будетъ имѣть возможность очень быстро и очень дешево сообщаться съ центромъ города, тогда оно не будетъ тѣсниться въ центрѣ, что скверно отзывается на здоровьѣ городского населенія и значительно поднимаетъ цѣны въ городѣ. Такъ у насъ въ настоящее время гдѣ-нибудь на Выборгской сторонѣ на 4,260 квартиръ приходится 27,639 человекъ жителей, т. е. по 6,4 человекъ на квартиру; гдѣ-нибудь на Петербургской сторонѣ на 6,545 квартиръ—37,234 жителя, т. е. по 5,6 человекъ на квартиру, а гдѣ-нибудь въ спасской части на 10,393 квартиры приходится 86,612 жителей, т. е. по 8,3 человека на квартиру. Отношенія выйдутъ еще хуже, если мы возьмемъ въ спасской и петербургской частяхъ квартиры въ 1, въ 2, въ 3 и въ 4 комнаты; въ нихъ явится слѣдующее отношеніе населенія:

Квартиры.	Въ спасской части.		
	Число квартиръ.	Число жителей.	
Въ 1 комнату.	725	5,210	7,1 на кв.
„ 2 комнаты.	1,456	12,177	8,3 „ „
„ 3 „ .	1,824	16,087	8,8 „ „
„ 4 „ .	1,476	13,501	9,1 „ „

Квартиры.	Въ петербургской части.		
	Число квартиръ.	Число жителей.	
Въ 1 комнату.	486	1,850	3,8 на кв.
„ 2 комнаты.	897	4,472	4,9 „ „
„ 3 „ .	1,082	5,913	5,4 „ „
„ 4 „ .	874	5,255	5,9 „ „

Но въ этихъ квартирахъ городского центра не только скучено населеніе, — нѣтъ: онѣ и оплачиваются дороже, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

Квартиры.	Число квартиръ.	Сумма рублей.	Въ спасской части:	
			Средняя плата за квартиру.	
Въ 1 комнату . .	725	100,886	139 р.	15 к.
„ 2 комнаты. .	1,456	319,395	219 „	36 „
„ 3 „ . . .	1,824	437,496	239 „	85 „
„ 4 „ . . .	1,476	445,228	301 „	64 „

Квартиры.	Число квартиръ.	Сумма рублей.	Въ петербургской части.	
			Средняя плата за квартиру.	
Въ 1 комнату . .	486	22,700	46 р.	99 к.
„ 2 комнаты. .	897	74,229	82 „	74 „
„ 3 „ . . .	1,082	104,651	96 „	72 „
„ 4 „ . . .	874	107,038	122 „	46 „

Какъ видите, населеніе въ центрѣ скучено чуть не вдвое болѣе, чѣмъ на одной изъ окраинъ, и платитъ оно за свои помѣщенія болѣе, чѣмъ вдвое. Подобное скучиванье населенія и дороговизна квартиръ въ центрѣ могутъ быть устранены только при помощи устройства быстрого, удобнаго и дешеваго сообщенія окраинъ города съ его центромъ. Другія мѣры въ настоящемъ случаѣ не могутъ помочь, такъ-какъ центры городовъ почти вездѣ уже совершенно застроены, если-же гдѣ и найдется пустопорожнее мѣсто въ центрѣ, то оно стоитъ такъ дорого, вслѣдствіе поднятія цѣнъ на такія мѣста спекуляторами, что, построивъ здѣсь новый домъ, нельзя будетъ брать дешевой платы за квартиры, желая получать извѣстный процентъ съ капитала, равняющійся процентамъ, получаемымъ съ желѣзнодорожныхъ и другихъ предпріятій. Хорошее-же, удобное и дешевое сообщеніе съ центромъ города его окраинъ повлечетъ неминуемо отвлеченіе извѣстной части народонаселенія къ окраинамъ. Въ этомъ духѣ былъ вполне разумно составленъ въ 1872 году

приведенный въ брошюрѣ Энгеля докладъ берлинскаго магистрата, требующаго расширенія города и новыхъ удобныхъ и дешевыхъ путей сообщенія, что, конечно, можетъ быть сдѣлано только общественными властями, но никакъ не частными лицами.

Таковы главныя требованія, обращаемыя къ общественной власти людьми, преслѣдовавшими квартирныи вопросъ.

VI.

Перечисливъ часть тѣхъ требованій, которыя предъявляются общественной власти на Западѣ учеными и публицистами, серьезно занимающимися квартирнымъ вопросомъ, я долженъ теперь хотя мелькомъ коснуться тѣхъ мѣръ, которыя осуществляются на Западѣ на практикѣ общественною властью. Къ сожалѣнiю, эти мѣры далеко не полны и постоянно являлись тогда, когда зло принимало уже довольно широкіе размѣры. Поговорка: „русскій мужикъ не перекрестится, пока громъ не грянетъ“ — можетъ быть вообще примѣнена ко всему человѣчеству: оно учится только при помощи страданій и бѣдствій и никогда не умѣетъ предвидѣть и предотвратить ихъ заранѣе.

Болѣе всего сдѣлали въ этомъ отношеніи англійскія общественныя власти, такъ-какъ именно въ этой странѣ квартирныи вопросъ получилъ особенное значеніе при чрезмѣрной скученности всего населенія вообще. Англійское законодательство приняло за принципъ, что дурныя жилища не должны быть терпимы государствомъ. Конечно, нечего и говорить о томъ, что принципъ не всегда осуществляется на дѣлѣ, что масса людей и тамъ живетъ въ подвалахъ, подъ землею, подъ мостами, въ набитыхъ народомъ углахъ, — но хорошо и то, что законъ стараются всѣми мѣрами уничтожить эти слѣды старой квартирной неурядицы. Уже въ 1844 году законодательство сильно заботилось объ улучшеніи жилищъ и издало законъ о постройкахъ въ Лондонѣ.

Этотъ законъ о порядкѣ постройки зданій въ Лондонѣ и его окрестностяхъ расширяетъ границы города, дополняетъ и измѣняетъ предшествующіе законы о постройкахъ. „Такъ-какъ во многихъ частяхъ Лондона и его окрестностяхъ, говорится

въ законѣ,—осушиваніе домовъ такъ несовершенно, что оно грозило опасностью здоровью жителей, то необходимо принять мѣры, способствующія и содѣйствующія улучшенію этого осушиванія“. „Такъ-какъ, вслѣдствіе узкости улицъ и переулковъ и недостатка проходовъ, во многихъ мѣстахъ, въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, часто является недостатокъ должной вентиляціи и этотъ недостатокъ угрожаетъ опасностью здоровью жителей, а сильная смежность домовъ увеличиваетъ опасность и возможность пожара, то необходимо принять такія мѣры, которыя-бы гарантировали достаточную ширину улицъ и дорогъ“. „Такъ-какъ многія зданія и части зданій, непригодныя для жилья, все-таки употребляются для этой цѣли, и этимъ зарождаются, развиваются и распространяются болѣзни, то необходимо воспрепятствовать этому и запретить такое употребленіе, и такъ-какъ посредствомъ производства въ густо-населенныхъ мѣстностяхъ извѣстныхъ работъ, въ которыхъ употребляютъ взрывающіеся и воспламеняемые матеріалы, усиливается опасность, происходящая отъ такихъ работъ, то необходимо не только регулировать постройку зданій, въ которыхъ производятся такія заботы, но и принять мѣры, чтобы эти работы производились въ зданіяхъ, находящихся въ надлежащемъ и безопасномъ разстояніи отъ другихъ зданій, употребляемыхъ для жилья или для торговли въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ. Такъ-какъ производство извѣстныхъ вредныхъ работъ, въ которыхъ употребляютъ вредные матеріалы или производятъ вредные продукты, сильно вліяетъ и вредитъ здоровью жителей, то необходимо принять мѣры, чтобы при этихъ работахъ употребляли всѣ способы, которые были или будутъ изобрѣтены, для того, чтобы сдѣлать эти работы насколько возможно менѣ вредными для здоровья окрестныхъ жителей, а если этихъ способовъ не существуетъ или они не имѣютъ должнаго вліянія, то слѣдуетъ производить такія вредныя работы въ надлежащихъ, безопасныхъ разстояніяхъ отъ жилыхъ зданій“. Съ цѣлью способствовать улучшенію осушиванія домовъ, законъ говоритъ относительно сточныхъ трубъ, помойныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ зданій, выстроенныхъ послѣ обнародованія этого акта, и ихъ устройства, что съ самаго изданія этого акта всѣ условія, указанія и правила, содержащіяся въ статьяхъ, приложенныхъ къ этому акту, должны быть надлежащимъ

образомъ соблюдены и выполнены, и что лицо, нарушившее ихъ, подвергается штрафамъ и наказаніямъ, которыя этотъ законъ налагаетъ за постройку зданій, несоотвѣтствующихъ правиламъ, и за то, что строитель не далъ знать надзирателю, обязанному осматривать такія зданія. Съ цѣлью еще болѣе обезпечить достаточную ширину улицъ и дорогъ столицы, законъ говоритъ, что съ самаго изданія этого акта всѣ указанія и правила, касающіяся этого предмета, тоже должны быть надлежащимъ образомъ соблюдены и выполнены и что каждый, нарушившій эти правила, подвергается штрафамъ и наказаніямъ, въ законѣ указаннымъ. Съ цѣлью воспрепятствовать и запретить употребленіе зданій, непригодныхъ для жилья, или какой-нибудь находящейся подъ землей комнаты или погреба, законъ говоритъ, что съ 1-го іюля 1846 года считается противозаконнымъ отдавать отдѣльно въ наймы такую комнату или погребъ, выстроенные несогласно съ правилами; что считается противозаконнымъ занимать или дозволить занимать такую комнату или погребъ, выстроенные подъ землей для какой-нибудь цѣли (исключая, какъ для кладовой или склада), и что лицо, добровольно отдавшее въ наймы или допустившее занять для жилья такую комнату или погребъ, вопреки статьямъ этого закона, и уличенное въ этомъ проступкѣ передъ двумя мировыми судьями, должно будетъ платить за каждый день, втеченіи котораго такая комната или погребъ будутъ заняты, штрафъ не свыше 20 шиллинговъ; одна половина этого штрафа идетъ въ пользу истца, другая половина въ пользу бѣдныхъ того прихода, гдѣ находится такая незаконно занятая комната или погребъ, и что 1-го января 1845 года или ранѣе попечители бѣдныхъ обязаны сообщать судьямъ о числѣ и расположеніи тѣхъ жилищъ въ ихъ приходахъ, гдѣ находятся выстроенные подъ землей комнаты или погреба незаконно заняты, и что судьи обязаны и имѣютъ право знакомить, какъ хозяевъ, такъ и жильцовъ такихъ жилищъ, съ существованіемъ, сущностью и слѣдствіями этого закона, и что окружные инспекторы обязаны наблюдать за выполненіемъ указаній и правилъ, данныхъ судьями въ этомъ случаѣ.

Въ англійскомъ законѣ о сохраненіи общественнаго здоровья 1848 г. (съ дополненіями слѣдующихъ годовъ) мы находимъ тоже слѣдующія постановленія, относящіяся къ подвальнымъ жи-

лицамъ. Каждый подвалъ, въ которомъ пребываетъ хотя одинъ человѣкъ по ночамъ, должно считать жилищъ и онъ долженъ удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ:

1) Разстояніе отъ пола до потолка не должно быть меньше 2,44 метровъ (7 футовъ).

2) Потолокъ подвала долженъ лежать по крайней мѣрѣ на 3 фута выше уровня улицы.

3) Во всю длину дома, у самыхъ стѣнъ фундамента, должна быть устроена канава, которою-бы стѣна подвала отдѣлялась отъ окружающей ее почвы; эта канава должна быть не менѣе 4¹/₂ футовъ глубиной и 2¹/₂ фута шириной, такъ, чтобы ея дно находилось по крайней мѣрѣ на 6 дюймовъ ниже пола подвала.

4) Эта канава должна быть соединена съ городской водосточною трубой посредствомъ особеннаго канала, который проходилъ-бы подъ уровнемъ пола подвала отнюдь не выше, какъ на одинъ футъ.

Далѣе въ каждомъ подвальномъ жилищѣ должны быть:

5) Хорошее отхожее мѣсто или ватерклозетъ или выгребная яма, усыпаемая золой.

6) Отдѣльная кухня.

7) По крайней мѣрѣ, одно окно, которое-бы выходило на улицу и не было-бы меньше 9 квадратныхъ футовъ, а въ задней комнатѣ, по крайней мѣрѣ, въ 4 квадратные фута; оба окна должны быть снабжены форточками.

Наконецъ, прибавлено, что если будетъ отдано въ наемъ подвальное жилище, неудовлетворяющее этимъ требованіямъ, то за каждый день платится 20 шиллинговъ (приблизительно 7¹/₂ р.) штрафа.

Далѣе мы встрѣчаемъ введеніе санитарно-полицейскаго надзора за public lodginghouses. Такъ-называемый Common Lodging-Houses Act былъ изданъ въ 1851—53 годахъ и касался вентилляціи, чистоты, пространства этихъ помѣщеній, за которыми должна была строго наблюдать полиція. Точно также должно было наблюдать, согласно съ закономъ, за порядкомъ, за раздѣленіемъ половъ. Эти наблюденія не остались мертвою буквою. Но тогда возникъ вопросъ: почему правительство заботится о нищихъ и бродягахъ, тогда какъ сотни другихъ гражданъ помѣщаются тоже неособенно хорошо? Вслѣдствіе этого въ 1855

году было постановлено въ Nuisances Removal Act, что если городской врачъ или, за неимѣніемъ его, два практикующіе частные врача заявятъ власти, что какой-нибудь домъ переполненъ жителями, такъ что грозить или вредить ихъ здоровью, и если жители его состоятъ *болѣе чѣмъ изъ одной семьи*, то власти могутъ для устраненія этого явленія сдѣлать изслѣдованіе и принять мѣры, какія потребуются обстоятельствами. Такимъ образомъ, надзору подвергались почти всѣ дома. Тотъ, кто допускаетъ подобное переполненіе дома жильцами, платитъ до 40 шиллинговъ штрафа. Но такъ-какъ, по нерадѣнію властей и врачей и по алчности домохозяевъ, этотъ законъ оставался почти всегда мертвою буквою, то въ 1858 году былъ изданъ Local Government Act, дававшій право закрывать дома или части домовъ, негодные для жилья. Наконецъ, позволялось, если домохозяинъ не запретъ негодныхъ для жилья домовъ или частей домовъ, продавать насильственно эти зданія на сломъ, на передѣлку или для постройки новыхъ зданій. Artisans' Dwellings Act, касавшійся городовъ съ 10,000 и болѣе жителей, давалъ право властямъ, послѣ заявленія городского врача и осмотра дома городскимъ архитекторомъ и инспекторомъ, сломать домъ безъ дозволѣнца или сдѣлать нужныя передѣлки, затраты на которыя взыскивались съ домохозяина съ 4% надбавки. При сломкѣ дома власти могли продать матеріалы и выручить изъ нихъ затраченныя деньги, отдавъ остатокъ домовладѣльцу. Но не только самъ городской врачъ или инспекторъ могутъ начать судебное дѣло съ хозяиномъ негоднаго дома,—нѣтъ: сосѣди-домохозяева (если ихъ будетъ четверо) могутъ заявить о томъ, что они считаютъ такой-то домъ вреднымъ для здоровья и требуютъ его разрушенія. Этотъ законъ является единственнымъ въ Европѣ и свидѣтельствуетъ въ пользу парламента, согласившагося на его санкцію.

Далѣе Англія положительно способствуетъ разрѣшенію квартирнаго вопроса тѣмъ, что общественная власть даетъ общинамъ, ассоціаціямъ и частнымъ лицамъ, желающимъ улучшить жилища, извѣстныя суммы займы за 4% на 40 лѣтъ. Такимъ образомъ, можетъ осуществиться каждое предпріятіе, имѣющее цѣлью квартирную реформу. На такихъ основаніяхъ получили займы слѣдующія суммы: Metropolitan Association для постройки 30 че-

тырехъ-комнатныхъ коттеджей и 30 пяти-комнатныхъ коттеджей 18,000 ф. ст.; Improved Industrial Dwellings Company для постройки шести-этажныхъ домовъ съ жилищами въ 1—4 комнаты—22,000 ф. ст.; та-же компанія для постройки двухъ домовъ, каждый съ 12-ю двухъ и трехкомнатными жилищами, въ Гренвичѣ—26,000 ф. ст.; ливерпульская корпорація для возведенія 146 коттеджей (84 съ 2, 42 съ 3 и 20 съ 4 комнатами)—13,000 ф. стер.; Highgate Dwellings Improvement Company для основанія 48 маленькихъ семейныхъ домовъ—2,500 фунт. стерл. и т. д. Какъ видите, это уже очень положительная помощь, способствующая въ очень сильной степени разрѣшенію квартирного вопроса. Рядомъ съ этимъ Англія начинаетъ строить казенные дома для своихъ официальныхъ чиновниковъ и служителей; эта мѣра очень полезна, такъ-какъ на тѣ деньги, которыя выдаются служащимъ на квартиру, служащіе не могутъ въ большинствѣ случаевъ нанять квартиру,—мы не говоримъ о получающихъ десятки тысячъ квартирныхъ денегъ, о лицахъ, для которыхъ нечего строить и даже вредно строить казенныя квартиры,—общественная-же власть имѣетъ всегда возможность построить хорошія, со всѣми новѣйшими усовершенствованіями, жилища, чтобы пріютить своихъ мелкихъ служителей. Такъ въ настоящее время въ Англіи имѣютъ казенныя жилища всѣ служащіе въ почтовомъ вѣдомствѣ, вся полиція, всѣ береговыя стражи и т. д.

Канализація городовъ и осушеніе почвы вообще стоили англичанамъ большихъ денегъ и эти деньги были потрачены не даромъ. „Извѣстно, говоритъ докторъ Эрисманъ,—что при хорошемъ дренажѣ почвы верхній слой ея, простирающійся до глубины дренажныхъ трубъ, становится гораздо болѣе сухимъ и что почвенная вода не поднимается выше этихъ трубъ. Поэтому съ полнымъ правомъ можно ожидать, что цѣлесообразная канализація городовъ должна имѣть благотвѣтельное вліяніе на санитарное ихъ состояніе. Вслѣдствіе *продолжительнаго* осушенія почвы, значительно уменьшается цѣлый рядъ процессовъ разложенія и превращенія органическихъ веществъ, тогда какъ *повременное* смачиваніе и высушиваніе ея весьма благопріятны для всѣхъ процессовъ гніенія; кромѣ того, становится чище воздухъ болотистыхъ странъ, воспринимающій иначе всѣ продукты этой подземной лабораторіи, рѣже появляются болѣзни, зародышъ ко-

торыхъ развивается въ почвѣ, должны исчезнуть холера и тифъ, развитію которыхъ благоприятствуютъ колебанія почвенной сырости, временное смачиваніе и высушиваніе почвы, и непремѣнно должна утратить долю своего опустошительнаго дѣйствія чахотка, о зависимости которой отъ сырой почвы и сырыхъ жилищъ мы уже упоминали. Вообще несомнѣнно, что вслѣдствіе разумной канализаціи уничтожатся или значительно ослабнутъ самыя опасныя болѣзни. Въ высшей степени поучительны въ этомъ отношеніи наблюденія д-ра Бьюканана, объѣхавшаго втеченіи 1865 и 1866 годовъ 25 англійскихъ городовъ, въ которыхъ были наиболѣе выполнены санитарныя правила и гдѣ достаточно долгое время существовала цѣлесообразная канализація. Во всѣхъ этихъ городахъ, за очень немногими исключеніями, Бьюкананъ нашелъ значительное уменьшеніе смертности (въ нѣкоторыхъ городахъ даже на одну треть) и въ особенности уменьшеніе числа смертныхъ случаевъ отъ холеры, тифа и чахотки. Въ городѣ Селюсбери, вслѣдствіе канализаціи, уровень почвенной воды во всемъ городѣ понизился, среднимъ числомъ, на 3 или 4 фута и смертность стала приблизительно вполовину меньше прежней. Вообще смертность значительно уменьшилась повсюду, гдѣ посредствомъ канализаціи дѣйствительно осушили почву. Подземные каналы въ изслѣдованныхъ Бьюкананомъ городахъ Англій служатъ, правда, не для одного дренажированія города, а также и для стока нечистотъ изъ домовъ и изъ самаго города. Поэтому невозможно строго опредѣлить, какую долю въ улучшеніи санитарнаго состоянія этихъ городовъ надо приписать собственно дренажированію ихъ почвы и что выпадаетъ на долю очищенія почвы и воздуха отъ вредныхъ испареній и разныхъ отравляющихъ веществъ. Цифры смертности у насъ въ Петербургѣ чрезвычайно велики; онѣ равняются цифрѣ смертности нѣкоторыхъ англійскихъ городовъ до устройства въ нихъ канализаціи, и страшно подумать, сколько людей ежегодно погибаетъ у насъ только отъ полного отсутствія самыхъ необходимыхъ санитарныхъ мѣръ! Если-бы, при помощи цѣлесообразной канализаціи, можно было понизить цифру смертности до той величины, на которой она въ послѣдніе годы держится въ Лондонѣ (между 22,7 и 24,8 promille) *то ежегодно оставались-бы въ живыхъ 8,000 человекъ, которые теперь падаютъ жертвами дурнаго санитар-*

наго состоянія города. Для людей, привыкшихъ къ абсолютной апатіи къ общественнымъ интересамъ, какъ это замѣчается на жителяхъ русскихъ городовъ, должно звучать чрезвычайно странно, если имъ рассказать, какія громадныя деньги затрачиваютъ большіе и маленькіе англійскіе города въ интересъ общественнаго здравія. Естественнымъ и прекраснымъ послѣдствіемъ такого здраваго взгляда на обязанности общества въ интересъ отдѣльныхъ его членовъ является наименьшая цифра смертности въ большинствѣ англійскихъ городовъ, равнявшаяся среднимъ числомъ 20 *pro mille*. Лучшимъ доказательствомъ, что причина тому заключается въ цѣлесообразной канализаціи, можетъ служить Манчестеръ; въ гигиеническомъ отношеніи этотъ городъ отстаетъ отъ другихъ городовъ Англійи и хотя въ немъ существуетъ новый водопроводъ, но въ немъ нѣтъ канализаціи; смертность тамъ осталась почти такою-же, какая была и прежде: въ 1838 году она равнялась 34 *pro mille*, въ періодъ отъ 1848 до 1850 года равнялась 33 *pro mille* и въ періодъ отъ 1851 до 1860 года равнялась 31 *pro mille*. Эти цифры напоминаютъ цифры смертности въ большихъ городахъ европейскаго материка: въ Вѣнѣ она равняется 34 *pro mille*, въ Мюнхенѣ—31 *pro mille*, въ Берлинѣ (1861—1865)—30 *pro mille*, въ Дрезденѣ—29 *pro mille* и т. д. Про Манчестеръ „Times“ говорилъ въ февралѣ 1869 года слѣдующее: „Если-бы цифра смертности въ Лондонѣ была такъ-же велика, какъ въ Манчестерѣ, то этотъ городъ ежегодно терялъ-бы 10,000 чело-вѣкъ болѣе настоящаго. Въ сравненіи съ Лондономъ, въ Манчестерѣ ежегодно 3,000 чело-вѣкъ падаютъ жертвами собственной неопытности, невѣжества городской администраціи и небрежнаго отношенія общества къ социальнымъ нуждамъ“.

Мы уже приводили выше нѣкоторыя благопріятныя цифры смертности въ Англійи, бывшія прямымъ слѣдствіемъ канализаціи и осушенія почвы. Перейдемъ теперь къ путямъ сообщенія.

Особенно рационально распланированъ Лондонъ. Въ этомъ отношеніи онъ является полнѣйшею противоположностью централизованнаго Парижа и Петербурга. У насъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, на протяженіи одной Садовой улицы расположено пять главныхъ рынковъ, что, конечно, невыгодно въ гигиеническомъ отношеніи, такъ-какъ здѣсь на одной улицѣ скопляются самыя мiasmатическія испаренія и самое густое народонаселеніе. Это фак-

тически доказано, такъ-какъ Большая Садовая улица отличается самою большею смертностью. „Если разсматривать процентъ заболѣвшихъ, говорить г. Архангельскій, — въ отношеніи къ одному крестьянскому сословію, по кварталамъ, то рѣзко бросается въ глаза слѣдующій фактъ: всѣ кварталы, по которымъ проходитъ Садовая улица, — эта торговая артерія Петербурга, — представляютъ наиболѣе высокіе проценты заболѣвшихъ, притомъ они тѣмъ выше, чѣмъ кварталы дальше отъ Невскаго проспекта — этого центра чистоты, и чѣмъ ближе къ Сѣнной площади — центру грязи.

Порядокъ этихъ кварталовъ представляется слѣдующимъ:

СПАСКОЙ ЧАСТИ.

	% заболѣвшихъ.
Въ 1-мъ кварталѣ	62
„ 2 „ „	70
„ 3 „ „	79
„ 4 „ „	81
„ 5 „ „	85
„ 6 „ „	83

КОЛОМЕНСКОЙ ЧАСТИ.

	% заболѣвшихъ.
Въ 4-мъ кварталѣ	76
„ 3 „ „	90

Въ ближайшемъ къ Сѣнной площади, 3-мъ кварталѣ казанской части — 75%, потомъ въ трехъ кварталахъ нарвской части въ 1-мъ — 76%, во 2-мъ — 75%, въ 4-мъ — 74% и во 2-мъ коломненской части — 68. Вся мѣстность, занимаемая ими, составляетъ, можно сказать, одну площадь. Другіе кварталы, группирующіеся около нея, представляютъ меньшіе проценты заболѣвшихъ, но и здѣсь замѣтно, что соприкасающіеся съ наиболѣе пораженными кварталами даютъ высшіе проценты заболѣвшихъ“. Но едва-ли выгодно это размѣщеніе рынковъ и въ отношеніи торговцевъ, и въ отношеніи продовольствія города и распредѣленія продуктовъ. Торговцы являются слишкомъ сильными конкурентами, покупатели-же окраины города лишаются возможности имѣть лавки подъ рукою. То-же самое является въ Парижѣ. Совсѣмъ другой видъ представляетъ Лондонъ. Тогда какъ въ Парижѣ 2,000,000 населенія занимали 1½ кв. мили, въ Лондонѣ 3,000,000 занимали 6 кв. миль. Когда въ Парижѣ на из-

вѣстную квадратную площадь приходилось 77 человѣкъ жителей, въ Лондонѣ приходилось на ту-же площадь 32 человѣка. Въ Вѣнѣ на эту-же площадь приходилось 53 человѣка. За то, когда въ Лондонѣ умирали изъ 1,000 человѣкъ 24 человѣка, — въ Вѣнѣ умирали, по словамъ Ратковскаго, 47 человѣкъ. Все дѣло въ томъ, что кредитныя и торговныя дѣла занимають центры Лондона; далеко на западѣ отъ Сити находится мѣстопробываніе двора и аристократіи, тогда какъ на восточной сторонѣ идетъ міровая торговля съ ея гигантскими доками. Такимъ образомъ, городъ имѣетъ три различные центра, которые обезпечивають болѣе равномерное распредѣленіе населенія и не дають возможности той безумной, неутомонной и дикой толкотнѣ, тому безконечному, смутному гаму и шуму, которые происходятъ въ центрѣ Парижа, когда его окраины остаются довольно пустынными и тихими. Такое отчасти сознательное, отчасти бессознательное и вызванное чисто-историческими причинами раздѣленіе столицы Англіи на нѣсколько центровъ должно было непременно повести къ заботамъ объ устройствѣ удобныхъ, скорыхъ и дешевыхъ сообщеній между окраинами города и его главными пунктами. Вслѣдствіе этого вы нигдѣ не встрѣтите такой массы удобныхъ дилижансовъ и желѣзныхъ дорогъ, какъ въ Лондонѣ. Общественныя власти сдѣлали здѣсь все зависящее отъ нихъ, чтобы народонаселеніе имѣло возможность быстро и дешево сообщаться съ различными частями гигантскаго города и въ нѣсколько минутъ могло-бы переправляться откуда-нибудь изъ Кинсингтона къ биржѣ, т. е. дѣлать путь, который можно пройти при самой скорой ходьбѣ въ 1½ или 2 часа.

Но всѣ эти мѣры могутъ удивлять только насъ, привыкшихъ жить спустя рукава. Англичане-же далеко не довольствуются ими и еще недавно въ „Fortnightly Review“ появилась желчная и негодующая статья Сторра „Объ анархіи въ Лондонѣ“.

„Лучшимъ доказательствомъ равнодушія и апатіи общественной власти, пишетъ Сторръ, — ко всѣмъ реальнымъ социальнымъ вопросамъ можетъ служить то пренебреженіе, которое она выказываетъ къ снабженію лондонскихъ бѣдняковъ приличными жилищами. Комитетъ изъ нѣсколькихъ лицъ, заинтересованныхъ этимъ вопросомъ, недавно собрался по внушенію общества организаціи благотворительности, и факты, обнародованные свѣдущими автори-

тетами и собранные самимъ правительствомъ, заслуживаютъ серьезнаго вниманія всѣхъ сочувствующихъ реформѣ и въ то-же время могутъ служить предостереженіемъ тѣмъ, которымъ есть что терять въ каждомъ насильственномъ переворотѣ, къ которому неизбежно ведетъ насъ продолженіе нашей настоящей системы *laissez faire, laissez passer*. Уже нѣсколько разъ лордъ Шефсбери и покойный лордъ Дерби обращали вниманіе на произвольное перемѣщеніе бѣдняковъ, являющееся слѣдствіемъ желѣзныхъ дорогъ, столичныхъ улучшеній и возрастающихъ требованій различныхъ отраслей правительства. Но эти замѣчанія производили только безслѣдныя впечатлѣнія и не имѣли никакихъ практическихъ результатовъ. Правительство соглашалось, что бѣдняки страдаютъ отъ этихъ измѣненій, но оно не ободряло ихъ даже и надеждой на улучшеніе. Лордъ Шефсбери дошелъ до того, что рѣшился публично объявить,—объ его опытности и знакомствѣ съ жизнью бѣдныхъ едва-ли можно сомнѣваться,—что втеченіи послѣднихъ 20 лѣтъ около 1,000,000 были выгнаны изъ своихъ жилищъ и очутились бездомными вслѣдствіе улучшенія Лондона. Эти несчастные изгнанники должны были или искать убѣжища въ предмѣстьяхъ, далеко отъ своей работы и своихъ работодателей, или же поселаться въ уже и безъ того излишне населенныхъ округахъ, которые остались еще неперестроенными. Это выселеніе заставляло бѣдняковъ или совершенно бросать работу, или прибавлять къ своему ежедневному труду тяжесть длиннаго путешествія, или-же подчиняться тягостному переселенію въ уже и безъ того густо населенные округа и этимъ увеличивать эпидемическія болѣзни, господствующія въ извѣстныхъ округахъ Лондона. Мы не преувеличиваемъ, утверждая, что ежегодно тысячи работниковъ умираютъ отъ болѣзней, которыя можно-бы было предупредить. Архіепископъ Манингъ, который лучше другихъ знакомъ съ жизнью и привычками бѣднѣйшихъ классовъ Лондона и котораго нельзя подозрѣвать въ революціонныхъ и радикальныхъ замыслахъ, недавно убѣждалъ меня, что низшіе классы все болѣе и болѣе сознаютъ то равнодушіе, съ которымъ правительство и общество Англіи относятся къ ихъ благосостоянію, что они чувствуютъ, что съ ними поступили несправедливо, выгнавъ ихъ изъ ихъ жилищъ безъ всякаго удовлетворенія, что въ нихъ незаметно покорности и преданности, которыя они выказывали въ

прежніе года. Говоря это, архіепископъ выражалъ боязнь, что въ Англіи совершится насильственный переворотъ, если государство не сдѣлаетъ чего-нибудь существеннаго для противодѣйствія этому быстро распространяющемуся недугу. То-же самое говоритъ Томасъ Райтъ, рабочій и защитникъ рабочаго класса“.

Сторръ и тому подобные люди настаиваютъ на полнѣйшемъ пересмотрѣ законовъ. Заканчивая свою статью, Сторръ говоритъ: „нѣкоторые вліятельные члены медицинской профессіи приготавливаютъ петиціи парламенту, показывая плачевное санитарное состояніе бѣднѣйшихъ классовъ населенія и убѣждая правительство какъ можно скорѣе приняться за дѣло. Доктору Френчу въ Ливерпулѣ, доктору Литльджонъ въ Эдинбургѣ и многимъ другимъ лицамъ изъ медицинской профессіи мы обязаны тѣмъ, что муниципальныя власти обратили такое серьезное вниманіе на санитарныя условія втеченіи этихъ послѣднихъ лѣтъ. Въ реформѣ больницъ при рабочихъ домахъ содѣйствіе нашихъ лондонскихъ докторовъ было въ высшей степени драгоцѣнно и я вполне увѣренъ, что они теперь опять явятся вожаками въ разрѣшеніи квартирнаго вопроса, какъ въ 1865 и 1866 годахъ въ реформѣ больничнаго вопроса“. По мнѣнію Сторра, „особенно замѣчательенъ только законъ объ улучшеніи города Глесгау, изданный въ 1865 году; онъ произвелъ благотворные соціальныя, санитарныя и нравственныя результаты. До изданія этого акта народонаселеніе Глесгау жило скученнымъ массаи; 50,000 человекъ тѣснились на пространствѣ 80 акровъ. Многіе дома были построены безъ всякаго соблюденія гигиеническихъ условій относительно свѣта, воздуха и чистоты и, конечно, сдѣлались просто гнѣздами воровъ, нищихъ и проституттокъ. Муниципальныя власти пришли къ заключенію, что необходимо искоренить зло. Онѣ обратились къ парламенту въ вышеупомянутомъ актѣ, заняли 1,250,000, отмѣтили дурныя части города и получили право разрушить и перестроить или продать, смотря по обстоятельствамъ, дурныя зданія, чтобы приобрести необходимыя для этихъ улучшеній средства; онѣ получили право взимать налогъ изъ 6 пенсовъ съ фунта дохода. Въ концѣ перваго года этотъ налогъ уменьшился до 4 пенсовъ; по прошествіи двухъ лѣтъ до 3 пенсовъ, а теперь онъ дошелъ почти до 2 пенсовъ. Въмѣсто того, чтобы объявлять, въ какихъ округахъ онѣ намѣрены разрушать зданія, онѣ съ шотландской

хитростью поручали надзирателю скупить втихомолку большую долю собственности прежде, чѣмъ приняться за дѣло, и этии онѣ избѣгли тѣхъ возвышенныхъ цѣнъ, которыхъ отъ нихъ-бы потребовали собственники, если-бы власти принялись улучшать до совершенія покупокъ. Обезпечивъ за собою необходимое пространство земли, онѣ начали разрушать гнѣзда лихорадки и другихъ заразительныхъ болѣзней, расширять старыя улицы и проводить новыя дороги въ ихъ старомъ городѣ. Результаты этихъ перестроекъ въ финансовомъ, санитарномъ и нравственномъ отношеніяхъ были одинаково успѣшны; дома теримости уменьшились на 15%, гнѣзда воровства и хроническихъ болѣзней были разрушены и даже число кабаковъ уменьшилось. Примѣру Глесау, спустя два года, послѣдовалъ Эдинбургъ“.

Таковы главныя мѣры, принимаемыя въ Англіи общественною властью для устраненія нужды въ квартирахъ и эксплуатаціи со стороны квартирныхъ хозяевъ. Эти мѣры, какъ мы видѣли, несмотря на всѣ ихъ хорошія стороны, далеко еще неполны и оставляютъ желать очень многого. Но эти мѣры кажутся очень сильными въ сравненіи съ тѣмъ, что предпринимается общественною властью въ другихъ государствахъ западной Европы.

Обращаясь къ Франціи, мы должны говорить только объ одномъ Парижѣ, такъ-какъ всѣ заботы общественной власти были почти исключительно обращены на него. Послѣ 1848 года Франція заинтересовалась вопросомъ о жилищахъ и 13 апрѣля 1850 г. былъ изданъ законъ о вредныхъ для здоровья помѣщеніяхъ. Этимъ закономъ предписывалось общинамъ и муниципальнымъ совѣтамъ изыскивать средства для улучшенія жилищъ при помощи составленія комиссій изъ 5—9 членовъ съ архитекторомъ, врачомъ, членомъ благотворительнаго бюро и мэромъ во главѣ. Комиссія должны были смѣнять черезъ два года треть членовъ; въ Парижѣ комиссія состояла изъ 12 членовъ. Онѣ должны были представлять свои соображенія насчетъ улучшеній и неподчиняющіеся правиламъ домовладѣльцы должны были штрафоваться 16—100 франками. Комиссія могли запрещать жить въ вредныхъ для здоровья домахъ. Этотъ законъ далъ возможность мировымъ судьямъ не только налагать штрафы на неисправныхъ домохозяевъ, но и побудилъ ихъ заставлять домохозяевъ, впустившихъ жильцовъ въ вредное жилище, платить убытки жильцамъ

за переѣздъ съ квартиры на квартиру. Но въ провинціяхъ законъ примѣнялся довольно слабо и въ 1858 году пришлось снова указать общинамъ на необходимость заботы о вредныхъ жилищахъ и сдѣлать изслѣдованіе этихъ жилищъ, согласно съ планомъ, составленнымъ правительствомъ. Отчеты префектовъ были представлены, но измѣненій было сдѣлано очень немного. Между тѣмъ въ Парижѣ уже предполагалась та гигантская реформа, которую одинъ изъ героевъ романа Золя называлъ золотнымъ дождемъ и которая осуществилась при помощи Османа или Гаусмана и стоила Парижу милліоновъ. Реформа сама по себѣ, по видимому, должна была имѣть своимъ результатомъ благо народонаселенія города и разрѣшеніе квартирнаго вопроса, такъ-какъ ею предполагалось улучшить планъ Парижа, уничтожить негодные дома и возвести новыя постройки со всѣми удобствами, на которыя можно разсчитывать при новѣйшихъ усовершенствованіяхъ архитектуры. Но, Боже мой, что изъ нея вышло при помощи мошенничества, спекуляціи и игры въ повышеніе цѣнностей земли и домовъ! Въ мартѣ 1852 года президентъ республики издалъ декретъ о расширеніи улицъ Парижа и объ экспропріаціи тѣхъ мѣстъ и зданій, которыя лежатъ на дорогѣ проектируемыхъ улицъ. Перестройка Парижа началась, но къ чему вела она? Городъ дѣлалъ страшныя затраты; его бюджетъ равнялся въ 1868 году: на обыкновенныя расходы 102,655,697 фр., на экстраординарныя — 61,412,623 фр., на добавочныя — 20,000,000 фр., на спеціальныя—61,127,740 фр. Самая значительная часть денегъ шла на постройку домовъ и проведеніе улицъ. Правда, улицы стали шире и лучше. Но дома? По свѣденіямъ за 1851 годъ, въ Парижѣ было 30,770 домовъ. Съ 1852 по 1859 годъ было разрушено 4,349 домовъ. Далѣе было разрушено:

въ 1860 г.	1,171 д.	въ 1863 г.	993 д.	въ 1866 г.	2,256 д.
„ 1861 „	1,144 „	„ 1864 „	1,383 „	„ 1867 „	2,325 „
„ 1862 „	763 „	„ 1865 „	1,942 „	„ 1868 „	1,764 „

Такимъ образомъ въ девять лѣтъ былъ разрушенъ 13,741 домъ; а вмѣстѣ съ 4,349 домами, разрушенными прежде, это составляло 18,090 домовъ, стоимостью въ 3 милліарда 600 милліоновъ фр. Но что-же изъ этого вышло? Въ первомъ, напримѣръ, округѣ было уничтожено 6,205 жилищъ въ 517 домахъ; создано-же было 2,525 жилищъ въ 239 домахъ, т. е. исчезло

278 домовъ и при этомъ въ новыхъ домахъ процентное содержаніе жилищъ было меньше, чѣмъ въ старыхъ. Въ третьемъ округѣ было уничтожено 457 домовъ, имѣющихъ 12,6 жилищъ на домъ, и вмѣсто нихъ воздвиглось 398 домовъ съ 10 жилищами на домъ. Въ кварталѣ ратуши разрушено 452 дома съ 10,8 жилищами на домъ, а воздвигнуто 439 домовъ съ 7 жилищами на домъ. Въ кварталѣ Пантеона разрушено 943 дома съ 11,5 жилищами на домъ, а воздвигнуто 397 домовъ съ 7 жилищами на домъ. Такимъ образомъ, квартиры стали больше, дома лучше, но они обошлись дороже, и домохозяева, конечно, стали брать больше за квартиры. Но этого мало: число домовъ и квартиръ уменьшилось, а значитъ конкуренція жильцовъ усилилась, и потому хозяева домовъ могли брать жидовскіе проценты на капиталъ. Размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ входить въ подробности этой пошлой спекуляціи, предпринятой съ одной стороны съ цѣлью дать поживу клеветамъ декабрьскаго правительства въ спекуляціи продажи, разрушенія и постройки Парижа, а съ другой стороны съ цѣлью отбросить къ уврѣпленіямъ рабочее населеніе и провести прямыя, широкія улицы, замѣнутыя вооруженными казармами, доступныя для стрѣльбы изъ пушекъ и негодныя для устройства баррикадъ. Мы должны только замѣтить, что эта спекуляція разстроила финансы города, втянула его въ неоплатные долги и подняла еще болѣе цѣны на жилища, запутавъ еще болѣе квартирный вопросъ. Стараясь выказать свои заботы о помѣщеніяхъ рабочихъ, Наполеонъ давалъ иногда жалкія субсидіи строительнымъ обществамъ; такъ 1853 г., наприимѣръ, онъ далъ субсидію въ 300,000 франковъ мюльгаузенскому строительному обществу, чтобы оно могло устроить улицы, водосточныя трубы, фонтаны, рѣшетки и тому подобныя предметы, не возвышая квартирной платы въ своихъ домахъ. Но подобныя субсидіи всегда являются чистою случайностью и милостынею, на которую не долженъ рассчитывать народъ. Одна изъ самыхъ лучшихъ сторонъ, способствовавшихъ улучшенію жилищъ въ Парижѣ, это—парижскія подземныя водосточныя трубы, протянувшіяся на сотни тысячъ метровъ и дающія возможность содержать чистоту въ этомъ густонаселенномъ городѣ. Общественная власть затратила на этотъ предметъ большія суммы, и эти суммы, конечно, нельзя считать брошенными безъ цѣли и безъ пользы.

Далѣе, въ другихъ странахъ мы встрѣчаемъ, что въ Бельгiи, на примѣръ, правительство даетъ въ 1849 году Гоммару безъ процентовъ на десять лѣтъ значительную сумму денегъ для постройки рабочаго квартала; лютрихскому строительному обществу оно выдаетъ тоже субсидiю. Въ Бременѣ вводится полная свобода строительнаго ремесла и это производитъ то, что тамъ, не смотря на значительное увеличеніе населенiя, квартирнѣй вопросъ находится въ весьма удовлетворительномъ положенiи. Въ Берлинѣ, по полицейско-строительному уставу, дозволяется жить въ подвальныхъ этажахъ только тогда, если ихъ полъ лежитъ по крайней мѣрѣ на одинъ футъ выше наивысшаго уровня почвенной воды и если ихъ потолокъ не менѣе какъ на 3 фута выше уровня улицы. Въ силу положенiй того-же устава, полы и стѣны такихъ жилищъ должны быть защищены отъ сырости почвы; далѣе имъ-же предписывается, что во всѣхъ жилищахъ, служащихъ для ежедневнаго помѣщенiя людей, слѣдовательно и въ подвалахъ новыхъ зданiй, высота ихъ должна быть не меньше 8 футовъ (2,4 метра) и всѣ жилыя комнаты, которыя ниже 9 футовъ (2,7 метровъ), должны быть снабжены сарядомъ для достаточнаго освѣщенiя воздуха или, по крайней мѣрѣ, достаточнымъ числомъ форточекъ. Нѣкоторые города начинаютъ являться довольно щедрыми, сознавая всю необходимость канализаціи. Такъ инженеръ Бюрели опредѣляетъ всю сумму расходовъ на проектированную имъ канализацію Цюриха въ 1,520,000 франковъ, т. е., при народонаселенiи Цюриха въ 50,000 чел. (съ предмѣстiями), 30 франковъ (около 8¹/₂ р.) на человѣка. Канализація Данцига стоитъ 557,000 талеровъ (въ эту сумму она сдана подрядчикамъ), слѣдовательно 8 талеровъ (приблизительно 9 р.) на человѣка. Проектъ канализаціи Берлина архитектора Вибе требовалъ въ то время, когда въ этомъ городѣ считалось только 450,000 жителей, 4¹/₂ милліона талеровъ, т. е. 10 талеровъ на человѣка. Съ тѣхъ поръ народонаселеніе Берлина увеличилось до 750,000 чел., но такъ-какъ пространство, занимаемое городомъ, не увеличилось пропорціонально увеличенію числа жителей, то канализація Берлина по тому-же проекту обойдется не въ 7¹/₂ милліоновъ талеровъ, а, вѣроятно, не больше 6 мил., т. е. придется 8 талеровъ на человѣка.

Но все это покуда отдѣльныя и далеко не полныя, очень жалкія мѣры, тогда какъ квартирный вопросъ можетъ разрѣшиться именно только тогда, когда подъ него подкпоаются со всѣхъ сторонъ, когда будутъ приняты всѣ косвенныя и прямыя мѣры, такъ или иначе вліяющія на улучшение, удешевленіе и умноженіе домовъ и жилищъ.

VII.

Указавъ на ничтожность содѣйствія разрѣшенію квартирнаго вопроса со стороны общественной власти, я долженъ перейти къ самопомощи въ дѣлѣ разрѣшенія этого вопроса. Конечно, читатель помнитъ, что я выставляю главною причиною дороговизны жилищъ недостатокъ предложенія и сильный спросъ на квартиры. Нечего и говорить о томъ, что при такомъ состояніи дѣла тысячи спекуляторовъ, пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ, имѣютъ полную возможность играть въ повышеніе квартирныхъ платъ и пользуются этою возможностью до цинизма, при чемъ законъ не имѣетъ никакой возможности прямо прекратить ихъ злоупотребленія. Таксы и тому подобныя мѣры оказывались всегда, начиная съ дней французской революціи и кончая нашею таксою для извозчиковъ, стоящихъ у желѣзныхъ дорогъ, — несостоятельными и безплодными. При излишнемъ спросѣ сами потребители являются первыми-же нарушителями таксы. Значить, мы должны прежде всего увеличить предложеніе, такъ-какъ уменьшить спросъ не въ нашей власти. Говоря другими словами, мы должны сами построить дома, — построить столько домовъ, чтобы населеніе не нуждалось въ дешевыхъ и удобныхъ квартирахъ. Только этимъ, только однимъ этимъ способомъ, при существующемъ порядкѣ дѣлъ, мы можемъ понизить квартирную плату при помощи самодѣтельности. Когда искатели квартиръ будутъ находить себѣ дешевыя и удобныя жилища въ нашихъ домахъ, тогда дома эксплуататорствующихъ домовладѣльцевъ станутъ опустошаться и эти господа по неволѣ станутъ понижать цѣны на квартиры, такъ-какъ извѣстно, что стоитъ нѣсколькимъ предпринимателямъ понизить цѣны на извѣстный предметъ и предложить его

въ достаточномъ количествѣ—и этотъ предметъ подешевѣетъ и у другихъ предпринимателей. Но откуда-же мы возьмемъ средства построить дома, когда мы едва можемъ оплачивать свои квартиры? Средства эти находятся оцень просто при помощи основанія строительныхъ обществъ и выпуска акцій. Подобныя общества при хорошей организаціи могутъ, какъ и всѣ другія акціонерныя общества и компаніи, давать пять процентовъ, а значитъ нельзя и думать, что акціи останутся неразобранными или что компаніи разворятся. Разсчитливо построенные дома, особенно когда они строятся en masse, когда есть возможность построить ихъ по одному плану, не тратясь на составленіе многихъ плановъ, когда можно закупать матеріалъ въ большомъ количествѣ, когда можно примѣнить къ дѣлу всѣ новѣйшія усовершенствованія архитектурнаго искусства, когда можно за-разъ скупить всѣ выгодно продающіяся мѣста въ городѣ,—такіе дома, говоримъ мы, обойдутся обществу гораздо дешевле домовъ, построенныхъ спекуляторами, строящими иногда домъ изъ послѣднихъ грошей, въ долгъ, т. е. переплачивая за все—за матеріалъ, за работу, за планъ архитектору, за взятые займы капитала. Укажу на одинъ примѣръ. Въ Петербургѣ недавно началъ строить домъ одинъ господинъ, неимѣющій никакихъ средствъ; онъ забралъ все въ долгъ, заложилъ домъ и когда къ нему пришли получать деньги его поставщики, онъ объявилъ, что денегъ у него нѣтъ. Поставщики, конечно, разругали его и пригрозили Тарасовой. Господинъ не смутился и отвѣтилъ: „сажайте“. Это хладнокровіе заставило призадуматься поставщиковъ и обсудить вопросъ: выгодно-ли сажать господина въ Тарасовку? У него ни за собой, ни за женой нѣтъ ничего; мѣсто, избранное для постройки дома, оплачено отчасти векселями и заложено въ городское кредитное общество; матеріалъ уже отчасти потраченъ на постройку; на сторонѣ есть кое-какіе долги,—если господина посадить въ Тарасовку, то что-же получится? Получится по пяти копеекъ за рубль, да кромѣ того нужно будетъ вносить за него-же кормовья. Не лучше-ли дать ему средства достроить домъ и заставить его выплатить долги, хотя въ нѣсколько лѣтъ, изъ собираемыхъ съ дома денегъ, изъ денегъ, которыя получатся при закладѣ дома въ городское кредитное общество? Потолковали, потолковали поставщики и стали достраивать домъ.

Не думайте, что эта исторія плодъ моей фантазіи — это фактъ. Но взгляните теперь на послѣдствія. Домъ достроится. Что-же станетъ дѣлать домовладѣлецъ-спекуляторъ? Онъ будетъ стараться какъ можно скорѣе выплатить долги и проценты на долги и потому будетъ брать какъ можно болѣе съ жильцовъ. Но онъ самъ почти нищій, ему хочется ѣсть, и потому онъ будетъ брать еще болѣе съ жильцовъ себѣ на прокормленіе. И, конечно, жильцы найдутся. Всѣ подобныя условія, страшно повышающія квартирную плату, будутъ устранимы въ томъ случаѣ, если строить дома будетъ общество. Имѣя нужду въ громадномъ запасѣ матерьяловъ, оно станетъ ихъ выписывать изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ эти матерьялы настолько дешевы, что ихъ выгодно перевезти сюда. Такимъ образомъ сбереженія могутъ сдѣлаться на каждой мелочи. Мы видѣли, на примѣръ, нѣкоторыя вещи, необходимыя для постройки дома, вывезенныя изъ-за границы, и оказывается, что эти вещи, купленныя даже не въ большомъ количествѣ, съ провозомъ и пошлиной обошлись дешевле, чѣмъ здѣсь на мѣстѣ. Кроме того, большое общество можетъ всегда вступить въ условія съ компаніями желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ и добиться пониженія платы за провозъ необходимыхъ ему матерьяловъ. Общество можетъ строить дома на окраинахъ города, гдѣ земля дешевле, проситъ общественную власть о поднятій почвы, объ осушеніи ея, о канализаціи, объ устройствѣ дешевыхъ и удобныхъ сообщеній этихъ окраинъ съ центромъ. Возьмемъ хоть, на примѣръ, Петербургскую сторону. Она расположена лучше, чѣмъ Васильевскій островъ, такъ-какъ здѣсь нѣтъ кладбища, такъ-какъ она сама по себѣ находится ближе къ центру города, чѣмъ Васильевскій островъ. Но что-же мы видимъ? Здѣсь мѣста дешевле, здѣсь дома очень рѣдки, здѣсь постройки плохи, здѣсь населеніе рѣдко, здѣсь тянутся необозримые пустыри. Отчего это происходитъ? Оттого, что Петербургская сторона находится въ примитивномъ состояніи: она недостаточно освѣщена, она не поднята, не осушена, не вымощена; съ нею нѣтъ удобнаго сообщенія, такъ-какъ до сихъ поръ даже не построено постоянного моста, хотя этотъ мостъ ровно ничего не стоилъ-бы городу, если-бы его построить со вниманіемъ съ проходящихъ и проѣзжающихъ извѣстной платы втеченіи извѣстнаго числа лѣтъ. Конечно, при такихъ дурныхъ условіяхъ эта

часть города, несмотря на ея выгодное естественное положеніе, остается малозаселенною и представляетъ массу невыносимо дурныхъ домовъ и жилищъ, которые стыдно видѣть въ одной изъ большихъ столицъ Европы. Но что-же вы станете дѣлать, если городское управленіе такъ апатично, такъ мало понимаетъ свои задачи, такъ мало заботится объ интересахъ города, такъ страдаетъ отсутствіемъ всякой предприимчивости? Развѣ гдѣ-нибудь въ Европѣ—не говоримъ уже въ Америкѣ—какая-нибудь столица задумалась-бы хоть на минуту надъ устройствомъ постоянного моста въ такомъ важномъ пунктѣ города? А исторія съ освѣщеніемъ газомъ Петербургской стороны? Развѣ это не комическая и въ то-же время не прискорбная исторія? Иванъ Ивановичъ берется устроить газовое освѣщеніе и, ничего не дѣлая, передаетъ свое право Петру Петровичу черезъ извѣстный срокъ времени. Петръ Петровичъ тоже ничего не дѣлаетъ и передаетъ свое право опять-таки черезъ нѣсколько времени компаніи разныхъ Джоновъ. Эти Джоны хлопчутъ, чтобы не пропалъ ихъ залогъ, и получаютъ согласіе на сохраненіе этого залога, а дѣло все еще не подвигается впередъ. А что-же городское управленіе? Да ничего, сидитъ сложа руки, думаетъ какую-то думу и молчитъ. Когда положится этому конецъ, тогда начнутъ процвѣтать и такіе углы, какъ Петербургская сторона.

Но возвратимся къ строительнымъ обществамъ.

Имѣя возможность построить дома болѣе хозяйственнымъ и экономическимъ образомъ, эти общества могутъ отдавать ихъ въ наемъ за болѣе дешевую плату, чѣмъ квартирная плата въ частныхъ домахъ. Но это не все. Въ настоящее время въ Европѣ, а въ особенности въ Англій, раздается все большее и большее число голосовъ за постройку „собственныхъ домовъ“, т. е. за постройку односемейныхъ домовъ, которые продавались-бы обществами въ разсрочку всѣмъ желающимъ. Это возможно дѣлать, взимая съ жильцовъ извѣстный процентъ съ капитала, въ который оцѣнивается домъ и который уплачивается по частямъ. Въ 20, въ 15, въ 10 лѣтъ, смотря по состоянію покупщика, домъ поступаетъ въ его вѣчную собственность. Эта мѣра признана удобною и полезною во всѣхъ отношеніяхъ: она нравственно и физически поднимаетъ массу, вводитъ ее въ составъ людей, имѣю-

щихъ извѣстныхъ права, связанныхъ съ обладаніемъ недвижимою собственностью, заставляетъ ее дѣлаться членомъ извѣстной городской общины и интересоваться дѣлами этой общины, спасаетъ ее отъ гнета и эксплуатаціи ближнихъ хотя въ отношеніи квартирнаго вопроса и избавляетъ отъ опасности частой перемѣны квартиры, приучая къ осѣдлости, къ любви къ родному гнѣзду и ко всему, что связано съ этимъ роднымъ гнѣздомъ.

Н. Н.

(Продолженіе будетъ.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Положеніе главнѣйшихъ государствъ.—Слабость средневѣковой Германіи.— Господствующая тенденція въ жизни нѣмецкой націи.—Давность идеи объединенія Германіи.—Смутныя и сбивчивыя желанія и надежды революціонеровъ 1848 года.—Реакція въ Германіи.—Неудачная попытка императора Франца-Иосифа возстановить средневѣковую священную германскую имперію.—Связь Бисмарка съ Морни.—Война съ Даніей.—Геніальное коварство Бисмарка.—Пораженіе Австріи.—Восторгъ приверженцевъ идеи объединенія Германіи.—Раздѣленіе Германіи на сѣверный и южный союзы.—Соединенный парламентъ.—Наполеонъ III попадаетъ въ западню, разставленную для него Бисмаркомъ. — Переговоры его съ Виртембергомъ.—Призрачное увеличеніе территоріи Германіи.—Всѣ выгоды достались на долю Пруссіи.—Отношенія къ побѣдителямъ присоединенныхъ провинцій.—Ходъ дѣла медиатизированія владѣтелей мелкихъ государствъ Германіи.—Военное объединеніе.—Призрачная автономія южно-германскихъ государствъ.—Оппозиція южныхъ государствъ судебной централизаціи.—Партикуляризмъ сельскаго населенія.—Значеніе рейхстага.—Затрудненія, встрѣчаемыя Пруссіей на пути къ своему объединенію. — Агитація феодаловъ противъ закона объ округахъ. — Борьба прусской аристократіи съ либеральной буржуазіей. — Въ этой борьбѣ плодами побѣды постоянно пользовались побѣжденные.

Дипломатія переселилась на дачу; ея главнѣйшіе представители отдыхаютъ по деревнямъ и лечатся водами; самъ князь Бисмаркъ, ежедневными прогулками въ паркѣ и роцѣ своего имѣнія, Вардинъ, успокаиваетъ свои возбужденные нервы и предается отдыху отъ одолевшей его усталости. Теперь настала мертвая пора для журналистовъ, которымъ, волей-неволей, приходится на-время распротираться съ текущей политикой. Событія, конечно, не останавливаютъ своего хода, но ихъ движеніе становится медленнѣе. Руководители политической поручаютъ управленіе дѣлами лицамъ второстепеннымъ съ непремѣнной инструкціей: «поменьше ретивости, побольше осторожности и—Боже упаси—не начинать ничего новаго».

За невмѣніемъ новостей, обратимся къ старому, и прежде, чѣмъ приступимъ къ главному предмету настоящей хроники, бросимъ взглядъ на положеніе главнѣйшихъ государствъ.

Султанъ чувствуетъ себя серьезно нездоровымъ; болѣзнь его является въ различныхъ причудахъ и капризахъ, которые можно-бы было принять за опасные симптомы, если-бы дѣло шло о простомъ смертномъ; но совѣтники повелителя правовѣрныхъ не придаютъ имъ важнаго значенія; они слишкомъ привыкли къ нимъ и утѣшаютъ себя тѣмъ, что дѣла, пожалуй, могли-бы идти даже хуже, чѣмъ идутъ теперь, слѣдовательно, и отчаяваться нечего.

Напротивъ, св. отецъ папа располагаетъ отличнымъ здоровьемъ; онъ велѣлъ спрятать свои костыли, въ надеждѣ, что они болѣе ему не понадобятся... о чемъ съ великимъ удовольствіемъ узнали предводители клерикальных партій во всѣхъ католическихъ странахъ Европы, а въ особенности министры духовныхъ дѣлъ, которыхъ сильно озабочивали слухи о близкой кончинѣ папы и о предстоящемъ конклавѣ.

Въ Италіи недавно произошелъ новый министерскій кризисъ. Здѣсь такъ часты министерскіе кризисы, что они перестали уже производить впечатлѣніе въ странѣ. Итальянцы убѣждены, что новые министры будутъ не лучше управлять, чѣмъ ихъ предшественники, управлявшіе далеко не блистательно, т. е. переходившіе отъ одной ошибки къ другой; потому-то итальянцы съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ прочитываютъ декретъ о смѣнѣ министерства. Итальянцы, бывшіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ страстными политиками, теперь махнули на нее рукой. Конечно, такое положеніе вещей продолжаться долго не можетъ; за охлажденіемъ послѣдуетъ реакція, и равнодушіе смѣнится активнымъ неудовольствіемъ.

Испанія переживаетъ теперь періодъ гражданской войны и безпрерывныхъ волненій. Событія послѣдняго времени даютъ право заключить, что этотъ періодъ окончится еще не очень скоро и, пожалуй, теперешнее затруднительное положеніе страны еще болѣе усилится. Впрочемъ, въ Испаніи все совершается такъ своеобразно, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности выводить какія-нибудь заключенія изъ тамошнихъ событій. Одно можно сказать, что жизненная сила еще очень велика въ испанскомъ народѣ и онъ легко оправляется послѣ тяжкихъ потрясеній. Теперь большинство испанскаго народа высказывается за «федеральную республику». Въ кортесахъ эта форма правленія провозглашена почти единогласно. Но какой

видъ должна принять эта федеральная республика?—этого никто не знаетъ въ Испаніи и менѣе всѣхъ знаютъ сами члены кортесовъ, которые должны издать новую конституцію. Принятіемъ «федеральной» формы предрѣшенъ вопросъ о провинціальной автономіи, но не такъ-то легко будетъ рѣшить другой вопросъ—о степени этой автономіи, а также о центральной правительственной власти. Кортесы пытались-было приняться за разрѣшеніе этого вопроса, но ровно ничего не сдѣлали, да едва-ли и сдѣлаютъ что-нибудь, пока страна не успокоится. Правительство, несмотря на его несомнѣнную искренность и желаніе служить на пользу страны, также лишено возможности что-нибудь дѣлать: и въ кортесахъ, и въ странѣ оно постоянно встрѣчаетъ препятствія своей дѣятельности и всюду возбуждаетъ къ себѣ недоброуіе. Партія «непримиримыхъ» считаетъ его недостаточно прогрессивнымъ; буржуазія, напротивъ,—чрезмѣрно прогрессивнымъ. Между тѣмъ карлистское возстаніе продолжается и еще болѣе усложняетъ затруднительное положеніе. Порча желѣзныхъ дорогъ, грабежъ путешественниковъ, разстрѣливаніе массами буржуа и солдатъ, характеризующія дѣйствія карлистовъ, ставятся въ вину правительству, которое не нашло достаточныхъ средствъ и умѣнья, чтобы усмирить мятежъ, приносящій такъ много горя и разоренія мирнымъ гражданамъ. И альфонсисты поднимаютъ голову; они съять мятежъ въ войскахъ; занимая мѣста въ гражданской администраціи, они стараются запутать какъ можно болѣе и безъ того достаточно запутанныя дѣла. Маршалъ Серрано, свергнувшій съ престола свою королеву, съ которой онъ находился въ очень близкихъ отношеніяхъ, теперь, говорятъ, интригуетъ въ ея пользу. Въ Испаніи, кажется, все можетъ случиться, и возстановленіе Изабеллы вовсе не принадлежитъ къ числу такихъ событій, о которыхъ можно-бы было сказать, что они рѣшительно невозможны.

Во Франціи коалиція орлеанистовъ, легитимистовъ и бонапартистовъ, восторжествовавшая надъ Тьеромъ, съ каждымъ днемъ выказываетъ все большую и большую несостоятельность. Объявивъ себя «правительствомъ борьбы», новое французское правительство страстно желало доказать, что оно недаромъ присвоило себѣ такое громкое имя, но, къ его удивленію и, конечно, къ сожалѣнію, оказалось, что ему не съ кѣмъ воевать (въ буквальномъ смыслѣ); республиканская партія ведетъ себя съ большимъ тактомъ и не даетъ повода «правительству борьбы» проявить желанную энергію. Нѣкоторые префекты, доводящіе свою преданность новому правительству до крайнихъ предѣловъ, повидимому, дѣлаютъ все возможное, чтобы

возбудить взрывъ неудовольствія въ населеніи, но оно сидитъ смиреннохонько и выражаетъ свой протестъ наимегальнѣйшимъ способомъ. Самая пресса стала до того терпѣливой, что даже и къ ней нельзя придратъся. Только одинъ «Journal des Débats», тономъ авторитета, на который даетъ ему право его почтенный возрастъ и долгіе годы анти-революціоннаго либерализма, позволяетъ себѣ возвышать голосъ; онъ громко жалуется на безтактность правительства, но дѣлаетъ это холодно, безъ страсти, соблюдая мѣру; онъ доказываетъ, что правительство, постоянно твердящее, что оно учредилось для возстановленія порядка, само намѣренно возбуждаетъ беспорядокъ. Въ тщетномъ ожиданіи, что оно примется за водвореніе порядка крутыми мѣрами, «правительство борьбы», къ своему полному неудовольствію, вынуждено слѣдовать той самой внутренней и вѣшной политикѣ, какой держался Тьеръ, на котораго его члены клеветуютъ и оскорбляютъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Съ извѣстной точки зрѣнія все это крайне комично и курьезно, но для Франціи было-бы, вѣроятно, хуже, если-бъ дѣла шли иначе. Что-бы было, если-бъ «правительство борьбы» дѣйствительно управляло, а не занималось своими личными дѣлами? Конечно, было-бы несравненно хуже. Правда, и теперь положеніе Франціи стало нѣсколько хуже, чѣмъ было во время управленія Тьера, но не настолько, чтобы нужно было отчаяваться, какъ дѣлаютъ многіе либералы. Большинство французовъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что не бываетъ худа безъ добра, и терпѣливо ждетъ предстоящей перемѣны къ лучшему.

Вообще во всѣхъ странахъ, населенныхъ латинскимъ племенемъ, не исключая и валонской Бельгіи, идетъ сильное броженіе; онѣ переживаютъ теперь одну изъ самыхъ тяжелыхъ фазъ своего развитія. Католицизмъ, нѣкогда бывшій душою латинской расы, въ настоящее время находится въ разложеніи; латинская раса начинаетъ мало-помалу эмансипироваться отъ клерикальнаго вліянія и несомнѣнно, что какъ скоро она совершенно освободится отъ него, ея исторія пойдетъ по новому пути.

Въ Соединенныхъ Штатахъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ матеріальное благосостояніе, но тѣмъ не менѣе страна сильно взволнована послѣдними открытіями, которыя сдѣланы слѣдствіями, производимыми надъ администраторами, обвиненными въ мошенничествахъ и злоупотребленіяхъ своею властію. Общество и правительство спѣшатъ принять мѣры, чтобы въ будущемъ не могли повториться подобныя беспорядки.

Въ Англіи полнѣйшее спокойствіе; здѣсь прогрессивное движеніе

совершается мирно и настолько рационально, что удовлетворяет почти всѣхъ. Каждая изъ борющихся партій заявляетъ широкія требованія; наступаетъ борьба и, во время ея разгара, каждая партія умѣетъ во-время сдѣлать необходимыя уступки и споръ оканчивается миромъ до заявленія новыхъ требованій. Споръ здѣсь никогда не переходитъ границъ, за которыми наступаетъ вражда.

Но что-же сказать о Германіи, которую либералы ставятъ образцомъ мудрости, умѣренности и умѣнья распорядиться своими силами,— правда, теперь не такъ настоятельно, какъ годъ или два тому назадъ,—о Германіи, которая желаетъ первенствовать вездѣ и во всемъ?

Настоящую хронику мы посвятимъ Германіи, и она будетъ служить дополненіемъ къ нашимъ хроникамъ, касающимся этой страны и помѣщеннымъ въ предъидущихъ книжкахъ «Дѣла», гдѣ мы говорили объ отношеніи нѣмецкаго отечества къ завоеванному Эльзасу, о развившейся въ Германіи горячкѣ къ ажіотажу и спекуляціи, наконецъ, о ея стремленіи пересадить на нѣмецкую почву политику обѣихъ французскихъ бонапартовскихъ имперій, т. е. ту часть ея, которой эти имперіи были обязаны своимъ поразительнымъ успѣхомъ во Франціи. Въ настоящей хроникѣ мы займемся изслѣдованіемъ вопроса, какимъ образомъ Германія сравнительно чрезвычайно легко преобразилась изъ союза отдѣльныхъ, слабыхъ государствъ въ одно громадное, сильное государство.

I.

Германія, гдѣ феодальныя начала привились болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, долгое время была раздѣлена на множество независимыхъ государствъ,—королевствъ, герцогствъ, маркизатствъ, палатинатствъ, графствъ, сеньерій, баронетствъ, епископствъ и даже аббатствъ,—признающихъ надъ собою, большею частью номинальное, главенство священной римской имперіи. Раздираемая междоусобными и религіозными войнами, она была очень слаба и если играла какую-нибудь роль во всемірной исторіи, то только благодаря своему географическому положенію въ центрѣ Европы и обширности пространства земли, занятаго германскимъ племенемъ. Въ тѣ времена населеніе ея было далеко не такъ многочисленно, какъ теперь, но все-же оно было довольно значительное. Теперь, по вычисленіямъ берлинскаго статистическаго комитета, населеніе новой германской

имперіи, признающей власть императора Вильгельма I, превышает 40 милліоновъ душъ. Если прибавить сюда отъ 12 до 15 милліоновъ, населяющихъ нѣмецкія провинціи Австріи (такую цифру приводятъ австрійскіе статистики, конечно включая сюда и славянское населеніе, проживающее въ нѣмецкихъ областяхъ), то живая сила нѣмецкой имперіи выразится цифрой отъ 50 до 55 милліоновъ душъ. Эту силу нѣмцы считаютъ достаточной для утвержденія своего всемірнаго господства. Въ подкрѣпленіе своего предположенія они приводятъ тотъ фактъ, что и безъ поддержки Австріи нѣмецкія арміи въ шесть недѣль потрясли и разрушили имперію Наполеона III. «Присоединивъ къ германской имперіи, продолжаютъ они, — австрійскія нѣмецкія земли, а также часть не-нѣмецкихъ, входящихъ въ составъ Цислейтаніи, — въ союзъ съ Италіей будетъ не трудно еще разъ разгромить Францію, раздѣлить ее на двѣ или на три части и проглотить ихъ послѣдовательно одну за другой. Затѣмъ, конечно, можно будетъ скушать и самую Италію; потомъ...» потомъ накладываются руки на Италію, Португалію и т. д. Карлейль, большой почитатель Германіи, прославляющій ее на всѣ лады, между прочимъ говоритъ, что всѣ вопросы, раздѣляющіе людей между собою, сводятся къ весьма простому выраженію: которая изъ спорящихъ сторонъ сильнѣе, мѣтнѣе той и справедливѣе. Германія, слѣдуя, по выраженію самого князя Бисмарка, «политикѣ крови и желѣза», долго будетъ мечтать о завоеваніяхъ. «Молчалъникъ» Мольтке, наконецъ отверзшій свои уста въ рейхстагѣ, недаромъ сказалъ, что миръ въ Европѣ установится только тогда, когда Германія окончательно устроится, т. е. войдетъ въ тѣ границы, какія для нея желательны. Такой смыслъ, по крайней мѣрѣ, имѣла рѣчь замѣчательнаго полководца, выраженная, конечно, нѣсколько иными словами.

Германія стремилась къ единству сперва въ видахъ обороны; теперь она желаетъ господствовать надъ другими народами. Стремленія Германіи начались со времени тридцатилѣтней войны, съ эпохи, когда она была чрезмѣрно раздроблена. Съ того времени мечта о единствѣ стала господствующей тенденціей въ жизни нѣмецкой націи. Конечно, эта тенденція сперва сознавалась весьма смутно, но нельзя не замѣтить, что во всѣхъ главнѣйшихъ событіяхъ въ исторіи Германіи она играла довольно видную роль. Самые событія складывались такъ, что они неволью служили на пользу идеи объединенія Германіи. Арміи первой французской республики и Наполеона I, сами того не желая и даже того не предчувствуя, продолжали дѣло Фридриха II. Потомъ наступилъ вѣнскій конгрессъ, медиатизиро-

вавший многих князьковъ и мелкихъ владѣтелей, которые были на столько слабы, что не могли защищать своей независимости; ихъ владѣнія присоединены къ владѣніямъ самыхъ крупныхъ германскихъ государей, т. е. сдѣланъ большой шагъ къ объединенію.

Цѣлыхъ тридцать лѣтъ, послѣдовавшихъ за вѣнскимъ конгрессомъ, Германія, непрерывно перескакивая отъ идей новѣйшей цивилизаціи къ средневѣковому романтизму и смѣшивая ихъ одно съ другимъ, философствовала на всѣхъ парахъ, такъ-какъ она, подобно буридановской ослицѣ, неспособна была ясно понять, что ей слѣдуетъ съ собою дѣлать. Наступилъ 1848 годъ. Нѣмецкіе революціонеры, строго слѣдуя формулѣ Гегеля, приняли за тезу средніе вѣка, за антитезу новѣйшій либерализмъ и составили синтезъ — императора священной германской имперіи, который, въ ихъ представленіи, долженъ былъ воплощать въ себѣ качества Фридриха Барберуссы съ одной стороны и Робеспьера съ другой; но Робеспьера, созданнаго по германскому образцу, — Робеспьера романтическаго, въ которомъ-бы сантиментализмъ и набожность тѣсно соединялись съ сильнымъ реформаторскимъ радикализмомъ, — Робеспьера, который сумѣлъ-бы найти «голубой цвѣтокъ» Новалиса, въ совершенствѣ понималъ-бы Шеллинга и Франца фон-Баадера и безбоязненно предавался изученію темныхъ, мистическихъ философскихъ лекцій Шлейермахера. Знаменитый «парламентъ профессоровъ», собравшійся во Франкфуртѣ и созданный революціей, тщетно искалъ императора священной римской имперіи: ни одинъ изъ государей и принцевъ не хотѣлъ принимать его предложенія, а предлагалъ онъ корону многимъ: и болѣзненному, слабому австрійскому императору Фердинанду, и эрцгерцогу Карлу, и эрцгерцогу Юанну и наконецъ романтику, прусскому королю, Фридриху-Вильгельму IV, другу профессоровъ Неандера, Бунзена, Толена, Шталя, Генгстенберга и Шлейермахера.

Этотъ маневръ франкфуртскихъ профессоровъ-республиканцевъ, производившихъ съ своей парламентской кафедры возстановленіе средневѣковой имперіи, былъ хитрой, чисто-нѣмецкой уловкой, съ помощью которой они надѣялись утвердить германское единство. Сознывая, что 36 германскихъ государей не захотятъ добровольно отречься отъ своихъ владѣтельныхъ правъ, профессора рассчитывали, что, создавъ императорскую корону, они тѣмъ самымъ фактомъ обратятъ владѣтельныхъ государей въ простыхъ напѣстниковъ императора и, такимъ образомъ, Германія въ политическомъ смыслѣ объединится. Ихъ мысль, конечно, имѣла-бы разумное основаніе, если-бъ они рас-

полагали четырехсотъ-тысячной арміей, но, при отсутствіи такой арміи, она осталась пустой фразой, праздною забавой.

Извѣстно, чѣмъ окончились затѣи «франкфуртскихъ профессоровъ». Парламентъ былъ закрытъ; профессора удалились къ своимъ книгамъ и, надѣвъ халаты и туфли, снова засѣли въ своихъ кабинетахъ и бібліотекахъ глотать архивную пыль. Не такъ спокойно кончили ихъ пылкіе приверженцы, посмотрѣвшіе на франкфуртскія затѣи, какъ на дѣло серьезное. Они произвели возстанія въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Баденѣ, результатомъ которыхъ было совершенное пораженіе инсургентовъ, а виѣсть съ ними и революціи 1848 года. Часть революціонеровъ бѣжала за границу, преимущественно въ Америку; часть явилась передъ военной комиссіей, подъ предѣтельствомъ принца прусскаго (тепершняго императора), засѣдавшей въ Раштадтѣ. Комиссія произнесла суровые приговоры. А между тѣмъ большая часть обвиненныхъ были люди невѣдныя, мечтательные идеалисты, желавшіе того-же, что желалъ и осуществлялъ теперь князь Бисмаркъ. Доказательствомъ этому служить возвращеніе въ Германію тогдашнихъ бѣглецовъ, избѣгнувшихъ суда, послѣ того, какъ Бисмаркъ утвердилъ германское единство. По окончаніи французской войны и провозглашеніи германской имперіи, предводители инсургентскаго движенія 1848 г., удалившіеся въ Америку, Гекель, Конъ, Зигль, Кинкель и многіе другіе, воротясь въ Германію, приняли мѣста въ страсбургскомъ университетѣ, явились даже въ качествѣ администраторовъ во вновь завоеванныхъ провинціяхъ. Мало того: сынъ Роберта Блюма, этого мученика за германское дѣло (какъ говорили нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣмецкіе республиканцы и прогрессисты), Гансъ Блюмъ сдѣлался редакторомъ ультра-бисмаркистской газеты и значительнымъ чиновникомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ управленіи по дѣламъ печати. Угрюмые критики, двадцать пять лѣтъ тому назадъ отлично знавшіе, чего они хотятъ, и теперь ни на юту не измѣнившіе своимъ убѣжденіямъ, порицаютъ бывшихъ республиканцевъ за то, что они перешли въ лагерь князя Бисмарка и называютъ ихъ измѣнниками своимъ убѣжденіямъ. Намъ кажется, что угрюмые критики ошибаются, перетолковывая въ дурную сторону весьма естественныя дѣйствія своихъ бывшихъ товарищей. Дѣло въ томъ, что ихъ товарищи никогда не были дѣйствительными республиканцами: они были мечтателями, идеалистами, горячо приверженными идеѣ германскаго единства. Тогда такъ-же, какъ и теперешніе ихъ союзники, они твердили одно: „auf deutsch und deutlich“; тогда, какъ и теперь, они желали одного: преобладанія Германіи надъ другими народами. Что-же

касается того, при каких условіяхъ и какимъ образомъ совершится это объединеніе и это преобладаніе, имъ было рѣшительно все равно; для нихъ было безразлично: осуществятся-ли ихъ мечты при помощи германской республики или средневѣковой священной германской имперіи, лишь-бы только объединилась Германія; они отдавали и отдадутъ себя на службу тому порядку, который, по ихъ предположенію, былъ въ силахъ поднять изъ ничтожества слабую Германію, сдѣлать ее сильнымъ государствомъ, вести ее къ побѣдамъ, завоевать славу и стать грозой для сосѣдей.

II.

Революціонеры 1848 года, помимо германскаго единства, мечтали также и о внѣшнихъ завоеваніяхъ. Для перваго дебюта удобнѣ всего, конечно, было выбрать слабѣйшаго изъ сосѣдей. И вотъ по Германіи раздался крикъ, что Данія притѣсняетъ нѣмецкое населеніе Шлезвигъ и Голштиніи. Нѣмцы поселились въ Данію въ началѣ нынѣшняго столѣтія; они эмигрировали туда отъ конскрипціи, введенной Наполеономъ I въ нѣмецкихъ провинціяхъ, подчиненныхъ Франціи. Известно, какъ плачевно и комично окончилась эта экспедиція нѣмцевъ въ Данію; революціонеры потерпѣли здѣсь такое-же пораженіе, какъ и въ Баденѣ; здѣсь, какъ и тамъ, они покрыли себя стыдомъ.

Послѣ этихъ неудачъ въ Германіи, преимущественно въ Австріи и Пруссіи, наступила реакція, продолжавшаяся 12 лѣтъ. Реакція жестоко отнеслась къ побѣжденнымъ революціонерамъ, чего, повторяемъ, они вовсе не заслуживали; они были-бы во сто разъ безобиднѣе, если-бъ ихъ оставили въ покоѣ предаваться своимъ занятіямъ и собираться въ кофейняхъ и пивныхъ лавочкахъ, чтобы потолковать о германскомъ единствѣ. Но реакція, желая усилить свое значеніе, превеличивала силы и значеніе побѣжденныхъ. Она поступала такъ-же, какъ поступаетъ теперь нѣмецкая пресса, задавшаяся цѣлю реабилитировать седанскаго героя, Наполеона III, и доказывающая, что маршалъ Базэнъ, сдавшій Мэцъ, замѣчательный полководецъ и вполне честный человѣкъ.

Когда реакція добилась того, что на революціонеровъ 1848 года стали смотрѣть, какъ на очень опасныхъ людей, и когда нѣкоторые изъ нихъ, окончивъ срокъ тюремнаго заключенія, къ которому они были приговорены раштатдской комиссіей, явились кандидатами на профессорскія и иныя должности,—реакція стала находить, что революція 1848 года оставила хорошее наслѣдіе, которымъ должно восполь-

зоваться, именно: идею объединенія Германіи посредствомъ созданія германской имперіи.

Принцы габсбургскаго и гогенцоллернскаго домовъ не желали принять императорской короны изъ рукъ революціоннаго парламента. Императоръ Францъ - Іосифъ, которому все удавалось послѣ подавленія венгерскаго возстанія (не силою Австріи, а помощію русскихъ войскъ), задумалъ о принатіи императорской германской короны, конечно измѣнивъ фразу: «избраніемъ народа» на другую, историческую: «избраніемъ нѣмецкихъ государей, моихъ товарищей». Императоръ Францъ-Іосифъ въ то время былъ большимъ романтикомъ и вполне раздѣлялъ идеи профессоровъ и литераторовъ, подобныхъ Раумеру, Тику и Ламоту Фукье *), какъ раздѣляетъ ихъ теперь Людовикъ, король баварскій, находящійся подъ вліяніемъ знаменитаго маэстро Вагнера. Всѣ они мечтали о германскомъ императорѣ, избранномъ подъ открытымъ небомъ, въ кенигстувльской долинѣ, семью государями-избирателями. Избранный императоръ долженъ съ триумфомъ вѣхать во Франкфуртъ; король прусскій несъ-бы за нимъ въ обѣихъ рукахъ мечъ имперіи, герцогъ нассаускій — печать, король баварскій исполнялъ-бы должность великаго хлѣбодара, а король виртембергскій — виночерпій. Все это было-бы великолѣпно „und, ach, so romantisch!“ Все это приводило въ энтузіазмъ старыхъ профессоровъ и юныхъ барышень. Надо было возбудить общественное мнѣніе въ пользу этого дѣла, что поручено было профессору Юліусу Фребелю, экс-рѣшителю демократу, экс-члену бывшаго революціоннаго франкфуртскаго собранія, котораго вызвали изъ центральной Америки, куда онъ удалился въ добровольное изнаніе. Фребель, напечатавъ въ газетахъ нѣсколько подготовительныхъ статей, очинилъ лебяжье перо, сохраняемое въ Клевѣ со временъ „Schwanen Ritter“, и написалъ всѣмъ нѣмецкимъ государямъ приглашеніе прибыть во Франкфуртъ для избранія германскаго императора... Натурально, прусскій король притворился тугимъ на ухо, а отъ него-то именно и зависѣлъ успѣхъ предпріятія. Если-бъ австрійскій императоръ явился во Франкфуртъ въ сопровожденіи огромной арміи, а своимъ фельдмаршаломъ Бенедекку и Радецкому поручилъ-бы отвезти приглашеніе въ Берлинъ, очень можетъ быть, что получился-бы болѣе благоприятный для предпріятія результатъ.

Романтическое предпріятіе Франца-Іосифа потерпѣло такое-же фіаско,

*) Тикъ и Ламоть въ то время уже не были въ живыхъ.

какъ и планъ революціонеровъ 1848 года. Съ этихъ поръ австрійскаго императора стали преслѣдовать неудача за неудачей...

III.

Бисмаркъ внимательно слѣдилъ за всѣми этими событіями. Во время своего долгаго пребыванія въ Парижѣ, въ качествѣ посланника, онъ сошелся съ Морни, въ то время президентомъ законодательнаго собранія, и, весело бесѣдуя съ нимъ за стаканомъ шампанскаго, получался отъ него политической мудрости. Морни съ пафосомъ объяснялъ своему внимательному слушателю, какъ легко управлять народами, дѣйствуя на ихъ тщеславіе; что любовь къ славѣ всегда перевѣшиваетъ любовь къ свободѣ; что пышныя слова очень хороша вещь, но полки драгунъ и стрѣлковъ—еще лучшая. Бисмаркъ легко понялъ уроки своего учителя и вскорѣ превзошелъ его. Недаромъ Бисмарка называютъ прусскимъ Морни. Онъ, правда, не такъ хитеръ, какъ Морни, но за то онъ грубѣе, тверже своего учителя, что составляетъ преимущество; онъ менѣе артистъ, менѣе причудливъ, чѣмъ Морни, но онъ логичнѣе и систематичнѣе его; не такъ блестящъ, но болѣе солиденъ. Какъ только Бисмаркъ вошелъ въ совѣтъ министровъ, онъ не переставалъ твердить: «имѣйте побольше пуль и патроновъ, соберите поболѣе солдатъ и тогда вы можете смѣло рассчитывать на побѣду и успѣхъ».

Когда Бисмаркъ добился, что въ Пруссіи было уже довольно и солдатъ, и пуль, и патроновъ, онъ сталъ продолжать объединеніе Германіи посредствомъ имперіи, съ того самаго пункта, на которомъ остановилась революція 1848 года,—съ экспедиціи противъ Даніи съ цѣлю завоеванія Шлезвига и Голштиніи. Съ безпримѣрной безцеремонностью была объявлена война Даніи; для отысканія предлога перерыли старинныя архивы, уже покрывшіеся толстымъ слоемъ пыли, и выкопали оттуда актъ, по которому можно было предъявить право на Рендсбургъ; выставили неотъемлемыя права герцога аугустенбургскаго на наслѣдство, которыя онъ давно уже продалъ. Затѣмъ послали въ Данію армию и, сражаясь десять противъ одного, одержали побѣду при Дибелѣ и Альзенѣ. Таковы были первые славныя дебюты новой германской имперіи, при воспоминаніи о которыхъ всякое истинно-нѣмецкое сердце бьется горделиво и восторженно.

Бѣдная Данія пострадала еще и за то, что она вздумала ввести у себя слишкомъ либеральныя реформы. Нѣмецкая управляющая партія

сочла, что Данія можетъ послужить опаснымъ примѣромъ для Германіи, и въ этомъ смыслѣ дѣлала представленія датскому правительству, но оно не обратило на нихъ вниманія. «Пока не установится абсолютизмъ въ датской монархіи, писала въ то время весьма вліятельная лейпцигская „*Illustrierte Zeitung*“,—рѣшительно невозможно ожидать, чтобы была оказана должная справедливость нашимъ братьямъ въ Шлезвигѣ и Голштиніи».

При хладнокровномъ изслѣдованіи этой первой кампаніи Бисмарка невольно проникаешься изумленіемъ къ его ловкости и коварству. Это по-истинѣ было гениально—заставить Австрію пособлять Пруссіи громить Данію, въ то время, когда въ Пруссіи втайнѣ дѣлались приготовленія къ тому, чтобы можно было черезъ нѣсколько времени разгромить эту самую Австрію. Союзъ съ Австріей давалъ нападенію на Данію видъ борьбы тевтонской расы противъ расы скандинавской. Веденная одной Пруссіей, эта война не имѣла-бы характера «великой нѣмецкой войны», какой желалъ придать ей Бисмаркъ. Дѣйствуя въ союзѣ съ Австріей, Бисмаркъ этимъ запугивалъ Францію и Англію, обязавшихся защищать цѣлость Даніи. Дѣйствуя въ союзѣ съ Австріей, Пруссія сберегала половину издержекъ, что нисколько не обязывало отдать союзнику половину выгодъ отъ предпріятія, что она и доказала впоследствии. Сражаясь бокъ-о-бокъ съ своими союзниками, прусскіе генералы узнали сильныя и слабыя стороны организаціи австрійскихъ войскъ, а австрійцы, по присущей имъ безопасности, не съумѣли ознакомиться съ тактикой прусской арміи. Такъ что, въ сущности, не подъ Кенигрецомъ и Садовой, а подъ Дибелемъ и Альзенномъ прусскіе генералы разбили австрійскихъ. Ревностные почитатели Бисмарка совершенно справедливо говорятъ, что это первое предпріятіе теперешняго канцлера германской имперіи превосходитъ все его послѣдующіе планы и предпріятія: ловкій государственный чловѣкъ выказалъ въ немъ изумительную предусмотрительность и избѣгъ самой ничтожной ошибки въ своихъ расчетахъ. Австрія оказалась вполне одураченной; она таскала изъ жара каштаны для Пруссіи, которая одна воспользовалась всеми выгодами предпріятія; она взяла себѣ все, оставивъ Австріи остальное.

Умасливая министровъ Франца-Іосифа общаніями и пышными фразами, Бисмаркъ, тотчасъ послѣ окончанія датской войны, принялся, подъ шумокъ переговоровъ и обмѣна учтивостей, увеличивать армію, чтобы сдѣлать ее достаточно сильною для войны съ Австріей. Заручившись словомъ своего короля, онъ, вопреки желаніямъ палаты и страны, тратилъ милліоны талеровъ для сформированія новой сотни

тысячъ войскъ. «Я дѣйствую по высшимъ государственнымъ соображеніямъ, передъ которыми ничто какіе-нибудь мелкіе интересы плательщиковъ податей» — таковъ былъ смыслъ отвѣта, который давалъ Бисмаркъ на все болѣе и болѣе рѣшительныя заявленія прессы и депутатовъ нижней палаты. Къ назначенному моменту Пруссія была вполне готова къ борьбѣ, тогда какъ Австрія почти и не начинала еще вооружаться.

Побѣда Пруссіи подъ Садовой была встрѣчена восторженными заявленіями радости со стороны поборниковъ германскаго единства въ Пруссіи; поборники ея въ Австріи также не выказывали особенной печали. Если-бы побѣдила Австрія, то австрійскіе унитаріи выражали-бы свои восторги, а прусскіе не выказывали-бы особеннаго горя. Это потому, что и для тѣхъ и другихъ не важно, кто именно побѣдитъ, лишь-бы было достигнуто единство, Германія явилась сильной и внушала-бы страхъ своимъ сосѣдямъ. Но если это такъ,—а въ этомъ мы сомнѣваться не имѣемъ права, такъ-какъ это самое утверждаютъ нѣмецкіе авторитеты, инициаторы идеи германскаго единства,—если это такъ, то зачѣмъ-же понадобилась жертва въ нѣсколько десятковъ тысячъ человекъ, принесенная на поляхъ сраженій во имя борьбы за гегемонію между Пруссіей и Австріей? Нѣмецкіе профессора находятъ, что эта жертва все-таки была необходима для пользы дѣла; они совершенно довольны и не имѣютъ причинъ сѣтовать на такой исходъ, слѣдовательно и весь свѣтъ долженъ быть доволенъ; удовольствуемся и мы такимъ объясненіемъ и не станемъ поднимать тревожнаго вопроса.

Побѣдивъ Австрію и поставивъ ее въ невозможность продолжать борьбу, Бисмаркъ сталъ заботиться объ организаціи объединенной Германіи, т. е. той части ея, которая соединилась съ Пруссіей или вступила съ нею въ союзъ. Бисмаркъ началъ съ того, что исключилъ Австрію изъ Германіи, затѣмъ всю остальную Германію раздѣлил на двѣ части: сѣверную и южную, назначивъ границей между ними рѣку Майнъ. Этими, однакожъ, еще далеко не было достигнуто единство, о которомъ мечтали горячіе нѣмецкіе патриоты. «Отъ разгрома Австріи выиграла одна Пруссія, твердили унитаріи,—на долю-же Германіи не досталось ничего и вопросъ о единствѣ остается по-прежнему открытымъ». Бисмаркъ, дѣйствительно, разсчиталъ вѣрно: весь выигрышъ палъ на долю одной Пруссіи; государства, вошедшія въ составъ сѣверо-германскаго союза, хотя продолжали считаться независимыми, но эта независимость была чисто-призрачною и ихъ вѣрнѣе было называть областями прусскаго коро-

левства. Бисмаркъ очень хорошо понималъ, что такая-же участь ожидаетъ и государства южно-германскаго союза, что Пруссія подчинитъ ихъ своему вліянію, когда къ тому представится удобный случай. Планъ Бисмарка былъ простъ, разсудителенъ, практиченъ, но какъ мало походилъ онъ на мечты первыхъ энтузіастовъ, фанатиковъ идеи германскаго единства, поэтовъ Уланда, Рюкерта, Новалиса и другихъ! Думали-ли эти бойцы за передовыя идеи, что придетъ время, когда ихъ смѣшаютъ съ такими личностями, какъ Гейбель, Менцель, Лео, Масманъ, которые будутъ слыть за провозвѣстниковъ идеи германскаго единства!..

Такимъ образомъ, пражскій трактатъ раздѣлилъ Германію на три отдѣльныя части: австрійскія нѣмецкія земли, сѣверный и южный германскіе союзы. Въ этомъ дѣленіи и заключалась возможность скорого объединенія Германіи, но безъ Австріи. Бисмаркъ, конечно, постарался извлечь изъ этого договора все, что только можно было извлечь изъ него.

ГанOVERъ, бывшій въ союзѣ съ Австріей во время войны ея съ Пруссіей, былъ безъ всякой церемоніи присоединенъ къ Пруссіи. Мелкимъ государствамъ, лежащимъ между Пруссіей, ГанOVERомъ и Саксоніей, оставлена номинальная независимость. Имена великихъ герцоговъ и герцоговъ по-прежнему являлись въ «Готскомъ альманахѣ» въ графѣ «государей», они получали определенное содержаніе, но ихъ владѣнія управлялись рейхстагомъ сѣверо-германскаго союза,—лучше сказать, Пруссіей, потому что союзный парламентъ находился въ полной зависимости отъ канцлера сѣверо-германскаго союза, Бисмарка, и собирался только для того, чтобы утвердить налоги, которые постоянно увеличивались, такъ-какъ объединеніе Германіи стоило не дешево.

Что касается южно-германскаго союза, то Бисмаркъ, послѣ долгихъ колебаній, рѣшился, наконецъ, въ 1868 году предложить государствамъ, его составляющимъ, выслать депутатовъ въ рейстагъ, соединенный съ таможеннымъ парламентомъ. Къ несчастію Бисмарка, Виртембергъ, отъ котораго зависѣлъ успѣхъ предпріятія, послалъ въ соединенный парламентъ только противниковъ прусской политики. Парламентъ открылъ свои засѣданія и съ перваго-же дня оказалось, что онъ лишень жизни, что онъ совершенно бесполезенъ. Лѣнливо влачилъ онъ свое жалкое существованіе; никто имъ не интересовался. Наконецъ онъ умеръ, не начавъ жить, но тѣмъ не менѣе показавъ, что южно-германскій союзъ далекъ отъ намѣренія слиться съ Пруссіей и что позволительно предполагать, что онъ можетъ соединиться съ

Австріей, если она вѣдуетъ свести свои счета съ Пруссіей и отместить ей за поражение подъ Садовой. Очень вѣроятно, что въ такомъ случаѣ Ганноверъ и Саксонія послѣдовали-бы за Виртембергомъ, съ которымъ всегда были тѣсно связаны... вся машина, такъ тщательно собранная, могла рассыпаться въ прахъ. Тогда Бисмаркъ рѣшился поставить свою главную карту, которую онъ держалъ въ резервѣ: онъ убѣдилъ короля въ необходимости начать войну съ Франціей.

IV.

Знаменитые игроки играютъ такъ, что ихъ лучшія партіи всегда бываютъ похожи одна на другую. Дипломатическая кампанія Бисмарка противъ Франціи очень похожа на его кампанію противъ Австріи. Задумавъ уже войну съ Австріей, Бисмаркъ вступилъ съ нею въ союзъ для совмѣстнаго нападенія на Данію. Точно также, рѣшивъ въ умѣ войну съ Франціей, канцлеръ сѣверо-германскаго союза предложилъ ей союзъ, — теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что во время войны Австріи съ Пруссіей императоръ Наполеонъ былъ тайнымъ союзникомъ Пруссіи. Всѣмъ извѣстно, что если-бъ французское правительство не заявило, что оно не будетъ вмѣшиваться, Пруссія, по всей вѣроятности, такъ легко не рѣшилась-бы объявить войну Австріи и, можетъ быть, споръ ея съ соперникомъ окончился-бы обоюдными уступками и обиліемъ дипломатическихъ любезностей. Теперь уже не тайна, что во время свиданія въ Біаррицѣ Бисмаркъ предложилъ Наполеону лѣвый берегъ Рейна и соглашался на присоединеніе къ Франціи Бельгіи, если Франція, съ своей стороны, не помѣшаетъ Пруссіи разгромить Австрію и присоединить къ себѣ отъ Германіи все, что Пруссія найдетъ нужнымъ. Эти переговоры велись на словахъ: договаривающіяся стороны знали, что письменныя условія могутъ впоследствии явиться противъ нихъ обвинительнымъ актомъ; они воздержались отъ ошибки, которую впоследствии сдѣлалъ наивный Бенедетти и тѣмъ далъ оружіе въ руки противниковъ своего правительства. Наполеонъ, равно какъ и Бисмаркъ, заключая между собою тайное условіе, конечно, въ то-же самое время думали, что немедленно уничтожатъ его, если увидятъ въ томъ пользу; а письменный договоръ и въ такомъ случаѣ могъ-бы послужить нѣкоторымъ препятствіемъ: при уничтоженіи его потребовалось-бы, по крайней мѣрѣ, соблюсти нѣкоторыя формальности. Къ тому-же Наполеонъ, какъ и большая часть специалистовъ по военной части, былъ убѣжденъ, что

Пруссія при столкновеніи съ Австріей потерпитъ пораженіе, а это заставитъ ее просить прямого союза съ Франціей, слѣдовательно купить его болѣе дорогою цѣною, чѣмъ она купила «благосклонный нейтралитетъ», который, какъ показали послѣдствія, не стоилъ ей ни гроша,—вѣрнѣе, сама Франція заплатила ей за него двумя провинціями и стыдомъ неслыханнаго пораженія. Захѣтимъ здѣсь кстати, что послѣ Седана Пруссія просила и получила отъ Англіи согласіе на «благосклонный нейтралитетъ», подобно тому, какъ она получила его отъ Франціи во время войны съ Австріей. Какой цѣной купила она этотъ нейтралитетъ—неизвѣстно, но надо думать, что очень дешевой, потому что Бисмаркъ умѣетъ пріобрѣтать все за-даромъ.

Бисмаркъ рассчиталъ вѣрнѣе своего союзника, Наполеона. Послѣ пораженія австрійцевъ подъ Садовой, Наполеонъ робко потребовалъ обѣщаннаго вознагражденія. «Что вы говорите? отвѣтилъ съ высокоуміемъ Бисмаркъ.—Неужели вы полагаете, что я способенъ подражать Кавуру, который купилъ вашу поддержку уступкой Савойи и Ниццы? Неужели вы думаете, что я, ревностный работникъ дѣла объединенія Германіи, стану торговать землями, принадлежащими моему отчизнѣ? Наконецъ, съ какой стати предъявляете вы свои требованія, когда вы не имѣете никакого письменнаго документа, удостоверяющаго, что вы вправѣ получить вознагражденіе?»

Съ Наполеономъ Бисмаркъ поступилъ такъ-же, какъ и съ Австріей послѣ датской кампаніи. Снова всѣми выгодами воспользовалась одна Пруссія. Наполеонъ вынужденъ былъ проглотить горькую пилюлю въ виду энтузіазма, которымъ воодушевленъ былъ прусскій народъ послѣ блестящихъ побѣдъ надъ австрійцами. Бисмарку въ то время не трудно было однимъ выстрѣломъ убить двухъ зайцевъ. Онъ могъ послать побѣдоносныя прусскія войска на Францію и, навѣрное, разгромилъ-бы ее: Франція въ 1866 году еще менѣе была готова къ бою, чѣмъ въ 1870.

Бисмаркъ, понимая, что Наполеонъ никогда не проститъ ему своего пораженія, еще болѣе усилилъ вооруженія Пруссіи. Онъ присоединилъ саксонскую армію къ прусской, хотя предоставилъ ей номинальную независимость; онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы гарантировать Пруссіи союзъ Баваріи и Виртемберга въ случаѣ войны съ Франціей. Првготовившись какъ слѣдуетъ, онъ сталъ спокойно ожидать событій.

Императоръ Наполеонъ тоже принялся заботливо готовиться къ предстоявшему столкновенію. Въ Версали и Медонѣ онъ производилъ пробу своей митральезы; найдя, что она превосходна, онъ увѣрилъ

себя, что это новое оружіе, почти дѣтище его, должно наводить панической страхъ на непріятельскую армію. Онъ испыталъ надъ гарибальдійцами подъ Ментаной дѣйствіе ружей Шаспо, и оказалось, что они «производятъ чудеса». Онъ вызвалъ изъ Мексики маршала Баззана, котораго считалъ замѣчательнымъ полководцемъ. Вмѣстѣ съ Фроссаромъ и Мак-Магономъ онъ составилъ планъ будущей кампаніи въ Пруссіи. Наконецъ, военный министръ, маршалъ Лебефъ, торжественно объявилъ ему: «государь! все готово; мы не нуждаемся болѣе ни въ одной мѣдной пуговицѣ!» Мѣдныхъ пуговицъ можетъ быть было и достаточно, но Франціи не хватало пустяковъ: четырехсотъ тысячъ солдатъ.

Для довершенія иллюзіи, наполеоновскіе посланники доносили ему: «Германія, раздѣленная географически на три части, на столько-же частей раздѣлена и политически. Увлеченіе къ Бисмарку, вызванное его успѣхами, смѣнилось теперь полнымъ разочарованіемъ. Его дѣло рухнетъ, въ возведенномъ имъ зданіи обнаружились щели; теперь ясно для всѣхъ, что оно было построено на весьма непрочномъ фундаментѣ».

Разсматривая эти донесенія хладнокровно и безпристрастно, нельзя было не убѣдиться, что они страдаютъ преувеличеніемъ; нѣкоторые легкіе симптомы порчи зданія французскіе посланники принимали за серьезныя поврежденія; вѣроятные результаты, которые могли обнаружиться лѣтъ черезъ 6—8, они признавали уже совершившимися. Нетрудно было понять это непредубѣжденному человѣку, но всегда какъ-то легко вѣрится тому, что намъ пріятно; люди очень часто собственныя мечты и предположенія принимаютъ за дѣйствительность. Наполеонъ повѣрилъ своимъ посланникамъ тѣмъ болѣе, что вѣрила имъ императрица Евгенія, имѣвшая своихъ собственныхъ агентовъ въ Германіи, которые, зная, что нравится ихъ повелительницѣ, представляли положеніе Бисмарка весьма шаткимъ; изъ ихъ донесеній оказывалось, что стоитъ французскимъ войскамъ показаться въ южной Германіи и въ нѣмецкихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Пруссіи въ 1866 году, народъ приметъ ихъ, какъ своихъ избавителей. Выборы въ Виртембергѣ, въ таможенный парламентъ произвели въ Тюльери большее впечатлѣніе, чѣмъ въ самой Германіи. Наполеонъ тотчасъ-же послалъ въ Штутгардъ Лавалета съ порученіемъ къ виртембергскому министру Варнбюлеру. Во Франціи считали Варнбюлера врагомъ Бисмарка и полагали, что его легко будетъ убѣдить въ необходимости союза Виртемберга съ Франціей. Между тѣмъ Варнбюлеръ былъ преданнѣйшимъ союзникомъ Бисмарка; онъ не замедлялъ

сообщить въ Берлинъ о предложеніяхъ Франціи. «Отвѣчайте, что вы согласны на ихъ предложенія, отвѣчалъ Бисмаркъ. — Займите ихъ столько времени, сколько намъ нужно еще для окончанія нашихъ приготовленій. Увѣрьте ихъ, что они могутъ разсчитывать на столысячный вспомогательный корпусъ виртембергцевъ. Это общаніе сдѣлаетъ разницу между разсчетами Наполеона и дѣйствительностію на двѣсти тысячъ человѣкъ!» Варибюлеръ, конечно, въ точности выполнилъ полученную инструкцію.

Хотя французскій посланникъ въ Берлинѣ, Бенедетти, считался весьма неглупымъ человѣкомъ и искуснымъ дипломатомъ, однакожъ Бисмаркъ провелъ его какъ школьника. Все было сдѣлано для того, чтобы увѣрить французскаго посланника, что Пруссія еще неготова къ войнѣ; съ нимъ говорили самымъ скромнымъ, предупредительнымъ тономъ, что привело къ значительному повышенію тона въ Парижѣ, и, наконецъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Грамонъ, сталъ относиться къ Пруссіи высокомерно, почти нагло. «Мы готовы; пора проучить зазнавшуюся Пруссію!» твердили французскіе бонапартисты. всевозможныхъ оттѣнковъ. Знаменитыя бѣлыя блузы расказывали по Парижу съ громкими криками: «въ Берлинъ, въ Берлинъ!» Но дорога отъ Парижа въ Берлинъ оказалась слишкомъ длинной. Французскія арміи дошли до Верта и должны были повернуть назадъ. Седанъ и Мэцъ достойно заключили кампанію французскихъ бонапартистовъ противъ объединенія Германіи.

V.

Мы прослѣдили, какъ, послѣ неудавшихся попытокъ революціи 1848 года и австрійскаго императора Франца-Иосифа основать единую германскую имперію, Бисмарку удалось утвердить германское единство послѣ трехъ побѣдоносныхъ войнъ: противъ Даніи, противъ Австріи и противъ Франціи,—войнъ, результатомъ которыхъ было увеличеніе германскихъ владѣній областями, присоединенными отъ Даніи и Франціи.

Но дѣйствительно-ли увеличилась германская территорія? Мы видимъ только, что Пруссія присоединила къ себѣ королевство Ганноверъ, что она завоевала Шлезвигъ и Голштинію, Эльзасъ и Лотарингію; но ничто не показываетъ, чтобы сама Пруссія присоединилась къ Германіи. Мы знаемъ также, что Австрію исключили изъ гер-

манскаго союза—слѣдовательно. Германія лишилась нѣмецкихъ земель австрійской имперіи, входившихъ въ ея составъ. Пруссія такъ сильна, что она всегда можетъ задавить остальную Германію и обратить ее въ прусскія области. Баварецъ, виртембергецъ, гессенецъ и др., говоря о своей національности, называетъ себя нѣмцемъ; пруссакъ-же, даже и теперь, говоритъ: «я пруссакъ!» и провозносятъ эти слова съ гордостью; о принадлежности-же своей къ нѣмецкой національности онъ упоминаетъ слегка, когда это необходимо для его личныхъ цѣлей. Выходитъ, что увеличеніе германской территоріи призрачное; увеличилась Пруссія, а Германія уменьшилась отдѣленіемъ отъ нея Австріи.

Затѣмъ напрашивается еще другой вопросъ: провинціи, завоеванныя матеріально именовъ Германіи, завоеваны-ли ею также морально?

На этотъ вопросъ развитые и искренніе нѣмцы, даже изъ партій фанатиковъ унитаризма, отвѣчаютъ, хмурия брови: «совершенная правда, что эти провинціи еще не вполне завоеваны. Но, рано или поздно, мы окончательно покоримъ ихъ нашей цивилизаціей, нашей высшей моральной силой, нашей обязательной школой и нашей военной дисциплиной».

Но судить о будущемъ чрезвычайно трудно; поэтому займемся только настоящимъ. Когда дѣло идетъ о провинціяхъ, присоединенныхъ къ Пруссіи, необходимо различать провинціи, всегда принадлежавшія къ составу Германіи, какъ, напримѣръ, ГанOVERъ, отъ провинцій, какъ Эльзасъ, Лотарингія, Шлезвигъ и Голштинія, которыя долгое время были раздѣлены съ Германіей и, хотя большинство ихъ населенія принадлежитъ къ германскому племени, успѣли болѣе или менѣе дегерманизироваться.

При изслѣдованіи событій, совершающихся въ ГанOVERъ, мы увидимъ, что ГанOVERъ сталъ еще болѣе нѣмецкимъ, чѣмъ прежде, и менѣе прусскимъ, чѣмъ въ бывшее время. Однакожъ ганOVERцы матеріально выиграли отъ присоединенія къ Пруссіи. При послѣднемъ ганOVERскомъ королѣ ими управляли очень дурно, но, несмотря на это, ганOVERцы все-таки не хотятъ мириться съ новымъ порядкомъ вещей. Когда новый германскій императоръ, покрытый побѣдными лаврами, нахѣревался войти триумфально въ ГанOVERъ, муниципальный совѣтъ этого города заупрямился и объявилъ, что онъ страдаетъ безденежьемъ и не въ состояніи назначить достаточной суммы для такого торжества. Когда въ слѣдующемъ году императоръ Вильгельмъ и Бисмаркъ посѣтили ГанOVERъ, ихъ встрѣтили только офи-

церы и чиновники, назначенные Пруссіей. Всѣ лавки и окна домовъ были заперты и въ нихъ нельзя было замѣтить ни одного любопытнаго лица; на улицахъ встрѣчались только солдаты. Въ рейхстагѣ, профессоръ Эвальдъ, депутатъ отъ Геттингена, при всякомъ удобномъ случаѣ, именемъ своихъ избирателей, протестуетъ противъ захвата Пруссіей ГанOVERA.

Седьмой годъ уже пошелъ, какъ ГанOVERA присоединенъ къ Пруссіи, но онъ продолжаетъ протестовать. Такой-же протестъ постоянно заявляетъ Кригеръ, депутатъ отъ Шлезвига и Голштиніи. А какой протестъ могъ быть краснорѣчивѣе выселенія тысячъ эльзасцевъ, оставившихъ свои дома, поля и профессіи, и идущихъ въ Алжирію, гдѣ ихъ ждутъ, можетъ быть, горькія лишенія и нищета! Оставшіеся дома эльзасцы и лотарингцы протестуютъ также при каждомъ удобномъ случаѣ противъ намѣренія Пруссіи ихъ отѣмчать, противъ присоединенія ихъ къ Германіи.

Все это неособенно пріятно и лестно для «Das grosse Vaterland», но нѣмцы не унываютъ. «Это только вопросъ времени, твердятъ они. — Мы и не рассчитывали на теперешнюю генерачію. Но когда дѣти пройдутъ черезъ наши школы, черезъ наши казармы, а нѣкоторые и черезъ наши университеты, тогда вы увидите, что они сдѣлаются такими-же добрыми нѣмцами, какъ и мы. Не забывайте, что мы показали міру не мало примѣровъ, какъ мы умѣемъ отѣмчивать!»

Но каково-бы ни было будущее спеціальнаго дѣла пруссификаціи, несомнѣнно, что объединеніе Германіи идетъ очень успѣшно, благодаря энергіи и твердости характера князя Бисмарка. Пруссія отмѣнила мѣстные спеціальныя законодательства, уничтожила мѣстные учрежденія, лишила троновъ нѣсколькихъ государей. Но и тѣ государи, которымъ она оставила номинальную власть, мало-по-малу обратятся въ обыкновенныхъ намѣстниковъ германскаго императора и, можетъ быть, черезъ 20—30 лѣтъ ихъ медиатизируютъ окончательно и они явятся при дворѣ своего повелителя, императора всей Германіи, — конечно, если Пруссія не надѣлаетъ ошибокъ и не потеряетъ блистательныхъ пріобрѣтеній, ею сдѣланныхъ. Изумительная вещь: Бисмаркъ, возвысившійся при пособіи феодальной партіи, видѣвшей въ немъ своего, совершаетъ революціонное дѣло. Побѣдивъ императора австрійскаго, легитимнаго наследника священной римской имперіи, надѣвъ на голову своего короля корону Барберуссы, Бисмаркъ нарушилъ традиціонное право, отвергъ установившійся обычай. Феодалы не осмѣлились ему противиться, понимая, что борь-

ба съ нимъ будетъ имъ не по силамъ; они даже окружили тронъ, но въ душѣ все-таки остались недовольны побѣдами, тѣмъ болѣе, что ими удовлетворилась ненавистная имъ партія безпорядка (Umsturz partei); многіе изъ нихъ на униженіе австрійскаго дома смотрятъ, какъ на величайшее оскорбленіе, нанесенное ихъ партіи; многіе изъ прусскихъ феодаловъ, сравнивая скромность Фридриха-Вильгельма IV съ смѣлостью его наследника, втайнѣ своего сознанія предпочитаютъ стыдъ ольмюцкаго пораженія побѣдъ подъ Садовой.

При всей рѣшительности князя Бисмарка, дѣло постепенной медиатизаціи царствующихъ домовъ въ Германіи идетъ не такъ быстро, какъ-бы ему этого хотѣлось. Дѣло это труднѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Сколько разъ нѣмецкія газеты твердили о скоромъ присоединеніи брауншвейгскаго герцогства къ Пруссіи. Но старый герцогъ царствуетъ до сихъ поръ; онъ не имѣетъ дѣтей и, по праву наследства, престолъ его долженъ перейти къ бывшему ганOVERскому королю, котораго Бисмаркъ безъ всякой церемоніи лишилъ короны. Прусскіе публицисты требуютъ, чтобы правительство при жизни герцога заключило договоръ о присоединеніи Брауншвейга къ Пруссіи. О правахъ бывшаго ганOVERскаго короля они и слышать не хотятъ. Вотъ какъ, напримѣръ, объ этомъ предметѣ пишетъ Трейшке, одинъ изъ главныхъ агентовъ канцлера германской имперіи: «Если послѣ смерти царствующаго брауншвейгскаго герцога ганOVERскій король или его сынъ предъявятъ свои права на наследіе и явятся въ Брауншвейгъ, Пруссія, по народному праву (!), должна захватить претендента и отвезти его въ крѣпость, какъ военнопленнаго. А если жители позволяютъ себѣ признать сказаннаго претендента за своего законнаго герцога, этимъ самымъ фактомъ брауншвейгское герцогство объявитъ войну Пруссіи... и тогда пусть не пеняетъ, если съ нимъ будетъ поступлено, какъ съ побѣжденной страной...»

Трудно выразиться яснѣе и рѣшительнѣе!

Рейхстагъ, какъ извѣстно, недавно порицалъ мекленбургскаго герцога за его реакціонныя стремленія и потребовалъ, чтобы въ герцогствѣ введено было конституціонное правленіе. Это, конечно, было сдѣлано по желанію самого канцлера германской имперіи. Вскорѣ послѣ этого событія явилась въ свѣтъ брошюра, въ которой авторъ, наговоривъ множество комплиментовъ князю Бисмарку, старается доказать слѣдующее положеніе: «такъ-какъ мелкія германскія государства, въ томъ числѣ и Мекленбургъ, объявлены членами союза, то

тѣмъ самымъ признано ихъ несомнѣнное право на самостоятельное существованіе». Вскорѣ явился отвѣтъ на эту брошюру, составленный, какъ говорятъ, по приказанію канцлера и имъ самимъ исправленный и дополненный. Въ этомъ отвѣтѣ вполнѣ ослзательно проведена мысль, что сѣверо-германскій союзъ имѣетъ призракное существованіе и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока это нравится Пруссіи. Искренно, убѣдительно и для всѣхъ понятно! Надо думать, что южно-германцы, прочитывая этотъ отвѣтъ призадумались и невольно вспомнили слѣдующія слова посланія къ нѣмецкой націи, адресованныя правительствомъ скорѣ по окончаніи французской войны: «Условія, на которыхъ южныя государства присоединяются къ общему нѣмецкому союзу, во всѣхъ пунктахъ сходны съ условіями, на которыхъ сѣверныя нѣмецкія государства составили изъ себя сѣверо-германскій союзъ...»

«Я вижу, какъ войти сюда, говоритъ Лисца, приглашенная въ пещеру ко Льву, — но не вижу, какъ отсюда выйти» (Рейнеке-Лисъ).

Прежде всего германскіе государи лишились своихъ армій, — лучше сказать, передали ихъ въ полное распоряженіе Пруссіи. Съ того дня, какъ объединеніе четырехъ южныхъ армій — гессенской, баварской, баденской и виртембергской съ прусскою было рѣшено въ принципѣ, прусскій военный министръ Роонъ не терялъ даромъ времени, и теперь это объединеніе слѣдуетъ считать вполнѣ совершившимся фактомъ; только баварцы стоятъ еще за свою каску и не желаютъ съ ней разставаться. Но «Kladderadatsch» увѣряетъ своихъ читателей, что скоро баварская каска исчезнетъ и замѣнится прусскою. Наслѣдный принцъ виртембергскій, какъ главнокомандующій виртембергской арміей, присягалъ въ вѣрности прусскому королю. Одинъ этотъ фактъ уже позволяетъ вывести заключеніе, что, въ сущности, Виртембергъ пересталъ существовать, какъ независимое государство. По новому военному закону, союзныя войска можно расквартировывать по всей Германіи, не придерживаясь ихъ національности, такъ что баденцы могутъ быть поставлены въ Баваріи и подчинены прусскимъ командирамъ, и т. д. Во всѣхъ арміяхъ союза введены общіе уголовные законы; для солдатъ кара за преступленія и проступки назначена несравненно болѣе суровая, чѣмъ за соотвѣтствующіе преступленія и проступки, совершенные гражданами и судимые по кодексу, дѣйствующему въ гражданскомъ обществѣ. Несмотря на запоздалый протестъ Бадена, Баваріи и Виртемберга, всѣ нѣмецкія желѣзныя дороги въ военномъ отношеніи подчинены имперскому управленію, т. е. Пруссіи. Въ маѣ вышшняго года рейхстагъ узаконилъ, что всѣ

арсеналы, крѣпости, корабли, вообще всё военныя постройки, принадлежащія отдѣльнымъ государствамъ, передаются въ непосредственное завѣдываніе имперскаго управленія. Надо полагать, что теперь Ронъ и Мольте вполнѣ успокоились: большаго они и желать не могли.

VI.

Когда страна лишена военной автономіи, дипломатическое представительство ея при иностранныхъ дворахъ уже не имѣетъ разумнаго основанія. По новой союзной германской конституціи одинъ германскій императоръ имѣетъ право официально защищать интересы нѣмцевъ при иностранныхъ державахъ. Несмотря на это, германскія псевдо-государства все еще продолжаютъ настаивать на своемъ правѣ имѣть посольства при иностранныхъ державахъ: кажущаяся автономія бываетъ иногда нѣлѣ дѣйствительной, когда становится очевиднымъ, что о существенной автономіи нечего и мечтать. Король баварскій недавно послужилъ этому разительнымъ примѣромъ. Во время посѣщенія Берлина императорами русскимъ и австрійскимъ, онъ былъ приглашенъ присутствовать на смотрѣ. Онъ отказался потому, что не желалъ находиться въ свѣтѣ германскаго императора наравнѣ съ генералами, его подданными. Его примѣру послѣдовали короли виртембергскій и саксонскій. Они не захотѣли уступить по вопросу чистовторостепенному, между тѣмъ по главному, по вопросу о военной автономіи, они передали Пруссіи свои права почти безъ всякихъ возраженій.

Точно также великій герцогъ баденскій открылъ сессію баденскаго парламента «тронной рѣчью», въ которой, пояснивъ, что для усиленія могущества германской имперіи онъ счелъ нужнымъ отказаться отъ своихъ существенныхъ правъ: управленія военными силами и высшими сношеніями, — которыми только и опредѣляется независимость государства, — свою рѣчь заключаетъ такими словами: «всѣ мои усилія будутъ направлены къ обезпеченію всевозможными средствами автономіи, свободы и независимости Бадена»... Понятно, что здѣсь дѣло идетъ о кажущейся, а не дѣйствительной государственной автономіи, отъ которой страна отказалась съ той минуты, какъ отдала свои войска въ полное и безотчетное распоряженіе германской имперіи.

Рейхстагъ германской имперіи съ каждымъ днемъ все болѣе и

болѣе ограничиваетъ даже кажущуюся автономію мелкихъ государствъ. Почты, телеграфы, желѣзныя дороги переданы въ вѣденіе имперскаго управленія; распредѣленіе налоговъ идетъ оттуда-же. Наконецъ, онъ уничтожилъ мѣстную монету, замѣнивъ ее общей національной, что, конечно, очень выгодно для нѣмецкой промышленности. Жаль, что рейхстагъ высказался противъ установленія общей международной монеты, хотя она существенно необходима, такъ-какъ международная торговля въ настоящее время своими размѣрами значительно превосходитъ внутреннюю. Мало этого: въ своемъ стремленіи къ объединенію рейхстагъ не забылъ даже аптекарей: съ 1 ноября прошлаго года аптеки подчинены закону, изданному для всей имперіи, которыми уничтожаются всѣ мѣстныя положенія, касающіяся фармакопей.

Но самыми серьезными работами рейхстага былъ проектъ введенія общихъ для всей Германіи законодательствъ: уголовного, гражданского и коммерческаго. Въ нѣкоторыхъ своихъ пунктахъ новые законы значительно измѣняютъ соотвѣтствующія законодательства въ отдѣльныхъ государствахъ; нѣкоторыя даже въ ретроградномъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, Баденъ и Саксонія уничтожили у себя смертную казнь; по германскому-же уголовному кодексу она должна существовать. Подобныя измѣненія даютъ сильное оружіе въ руки противниковъ общаго законодательства для всей имперіи. Представители Баваріи, Саксоніи и Виртемберга съ замѣчательнымъ единодушіемъ высказывались противъ проекта; имъ, конечно, не могло нравиться, что, съ принятіемъ новаго закона, рѣшенія высшихъ судовъ въ Дрезденѣ, Штутгартѣ и Мюнхенѣ будутъ кассироваться высшимъ берлинскимъ судомъ; главнымъ-же ихъ возраженіемъ, повторяемымъ на тысячу ладовъ, было вполнѣ основательное утвержденіе, что прямымъ результатомъ объединенія судебнаго законодательства выйдетъ непремѣнно поглощеніе всѣхъ мелкихъ государствъ могущественною Пруссією. Странное дѣло, этотъ-же самый аргументъ, въ ловко отдѣланныхъ формахъ, представляли ихъ противники, ратующіе за принятіе проекта новыхъ законовъ. Защитники проекта также старались провести ту мысль, что, хотя правительства нѣкоторыхъ мелкихъ государствъ стоятъ за отдѣльныя законодательства, но народъ желаетъ полнаго объединенія, онъ требуетъ введенія общихъ законовъ для всей имперіи.

Народъ!.. но относительно его, очевидно, заблуждается прусская національно-либеральная партія, составляющая большинство въ рейхстагѣ. Народъ въ мелкихъ государствахъ — партикуляристъ отъ головы до пятокъ. Въ Баваріи населеніе деревень и частью мелкая буржуазія

въ полномъ смыслѣ слова баварцы и анти-пруссаки; одно время сильно опасались, что сельское населеніе Баваріи возстанетъ, заявляя свое желаніе, чтобы баварскій король былъ дѣйствительнымъ королемъ, а не вассаломъ Пруссіи; ихъ успокоили только нѣкоторыми, впрочемъ, чисто-внѣшними уступками. То-же самое и въ Виртембергѣ, гдѣ крестьянинъ—чистый швабъ и противникъ пруссаковъ. Такимъ образомъ, противниками уничтоженія мѣстныхъ особенностей въ мелкихъ государствахъ являются не одни мѣстные аристократы (какъ увѣряли ораторы рейхстага, защищавшіе правительственные проекты, внесенные канцлеромъ), но также и большинство сельскаго населенія. За объединеніе стоитъ только городское населеніе—по крайней мѣрѣ, большинство его. Вотъ почему новые законы, принимаемые безъ особыхъ затрудненій рейхстагомъ, очень медленно вводятся и прививаются въ мелкихъ государствахъ. Но буржуазія въ Германіи, какъ почти вездѣ въ западной Европѣ, составляетъ классъ управляющей: она даетъ инициативу всѣмъ правительственнымъ мѣропріятіямъ; за нее стоитъ могущественная прусская армія, ей помогаетъ сильная бюрократія; повятно, что при такомъ порядкѣ вещей она встрѣчаетъ только пассивное, безсильное сопротивленіе своимъ планамъ и легко можетъ энергически подвигать впередъ дѣло объединенія Германіи, дѣло централизаціи. Для красоты слога ея ораторы могутъ ссылаться на народъ, будто-бы желающій того-же, чего желаетъ она, потому что народъ молчитъ. Но если онъ заговоритъ, то, конечно, либеральная буржуазія очутится въ затруднительномъ положеніи...

Пренія объ общемъ германскомъ гражданскомъ законодательствѣ окончились принятіемъ проекта рейхстагомъ, но комиссія союзнаго совѣта его отвергла. Эти пренія произвели сильное впечатлѣніе въ южной Германіи и вызвали постановленія мюнхенскаго и штутгардскаго парламентовъ, которыми рекомендуется правительствамъ энергически защищать права, предоставленныя версальскимъ трактатомъ второстепеннымъ государствамъ. Мюнхенская вторая палата обязала баварскихъ уполномоченныхъ въ союзномъ совѣтѣ соглашаться на измѣненія въ союзной конституціи только въ такомъ случаѣ, если эти измѣненія согласуются съ дѣйствующимъ законодательствомъ баварскаго королевства. Однакожъ подобные протесты оказываются бесполезными. Защитники централизаціоннаго унитаризма напомнили протестантамъ статью версальскаго трактата, гласящую, что «постановленія имперской власти ни въ какомъ случаѣ не могутъ подчиняться случайнымъ вотированіямъ парламентовъ отдѣльныхъ государствъ».

Другими словами рейхстагъ теперь все, а правительства второсте-

пенныхъ государствъ—ничто. Въ старомъ законодательствѣ Луизианы (теперь, конечно, уничтоженномъ) сказано: «негры не имѣютъ такихъ правъ, какія ихъ владѣльцы были-бы обязаны уважать». Точно также парламенты отдѣльныхъ государствъ не имѣютъ такихъ правъ, какія былъ-бы обязанъ уважать рейхстагъ. Каждый разъ, какъ приходится прочитывать отчеты о засѣданіяхъ германскаго рейхстага, невольно припоминается отвѣтъ на мекленбургское посланіе, приведенный нами выше, въ V главѣ.

VII.

Но, подводя Германію подъ прусскій уровень, германизировалась-ли сама Пруссія или-же осталась нетронутою?

Чтобы объединить Германію, Пруссіи нужно было прежде объединиться самой, такъ-какъ она состояла изъ областей, мало похожихъ другъ на друга. Это объединеніе совершалось въ ней медленно и шло успѣшно только въ нѣкоторыхъ частностяхъ. На пути объединенія своей страны прусское правительство встрѣтило множество затрудненій, и ничѣмъ нельзя такъ раздражить представителя національно-либеральной партіи, какъ заговоривъ съ нимъ объ этихъ затрудненіяхъ. Подобно нѣмецкимъ второстепеннымъ государствамъ, противящимся, насколько у нихъ хватаетъ силъ, хотя почти и безуспѣшно, поглощенію ихъ Пруссіей, отдѣльныя прусскія провинціи долго противились, противятся даже и теперь развитію въ странѣ бюрократической централизаціи. Пруссія, съ такой относительной легкостью достигшая объединенія Германіи, сама еще далеко не объединилась. Объединеніе нѣкоторыхъ старыхъ провинцій стоитъ Пруссіи больше труда и заботъ, чѣмъ стоили послѣднія приобрѣтенія новыхъ территорій. Нѣкоторыя изъ этихъ провинцій перешли къ Пруссіи изъ вторыхъ и третьихъ рукъ и до сихъ поръ слѣдуютъ своимъ обычаямъ и всѣми возможными средствами противятся ассимиляціи. Между жителями Помераніи и округовъ, лежащихъ по Рейну, общаго только и есть, что армія чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, между тѣмъ объ эти провинціи не вчера соединились подъ общимъ государственнымъ управленіемъ. Выходить, легче завоевать провинцію, чѣмъ ее ассимилировать.

Какъ мало желаетъ Пруссія германизироваться, лучше всего показываютъ пренія въ обѣихъ палатахъ парламента о преобразованіи

пруссских округовъ. Этотъ вопросъ болѣе года волновалъ всю Пруссію, вызвалъ ссору между палатой депутатовъ и палатой господъ, вооружилъ либераловъ противъ феодаловъ, потребовалъ прямого личного вѣдательства короля въ пользу мнѣнія, имъ самимъ нераздѣляемаго, и, наконецъ, поколебалъ положеніе самого князя Бисмарка. Вся старая Пруссія поднялась на ноги и употребила въ дѣло все свои силы, чтобы помѣшать вторженію въ жизнь новыхъ началъ. Но если Пруссія такъ энергически противилась своимъ административнымъ преобразованіямъ, то какъ-же она можетъ требовать, чтобы Германія съ такой-же энергіей не сопротивлялась-бы юридической перестройкѣ, навязываемой ей Пруссіей?

Надобно знать, что организація округовъ, защиту которой взяла на себя старая Пруссія, имѣла чисто-феодалный характеръ. Къ тому-же она не отличалась однообразиемъ; не только каждая провинція имѣла свои особенности въ окружномъ управленіи, но и въ одной провинціи существовало нѣсколько различныхъ системъ окружного управленія. Можно судить, какая путаница происходила иногда отъ такой разнохарактерности въ управленіи. Отъ прежняго устройства округовъ возникали многія неудобства и недоразумѣнія, какъ въ административномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Въ однихъ округахъ окружные начальники служили по выборамъ землевладѣльцевъ, въ иныхъ получали эту должность по наслѣдству; и тѣ и другіе служили безвозмездно; въ третьихъ округахъ само правительство назначало окружныхъ начальниковъ и платило имъ жалованье. При такой системѣ, конечно, не могло быть единства въ управленіи округами, тѣмъ болѣе, что наслѣдственные и выборные окружные начальники были почти независимы отъ центрального управленія провинціей.

Партія «юнkerовъ», изъ среды которой замѣщались выборные и наслѣдственные должности окружныхъ начальниковъ, мужественно защищала свои старинныя прерогативы. Феодалы съ высокомѣриемъ протестовали «противъ вторженія радикальныхъ принциповъ, противъ духа разрушенія, противъ страсти къ нивелированію», по ихъ словамъ, характеризующихъ прусскую либеральную буржуазію. «Организація округовъ, твердили они, составляетъ основное учрежденіе нашего государства, и если вы отдадите ее въ руки либераловъ, вы тѣмъ самымъ впустите революцію въ прусскія казармы, и когда станете выгонять ее оттуда, то будетъ уже поздно: социализмъ пустить свои корни глубоко въ нашу почву! Отнямая у насъ наши наслѣдственные должности, вы нарушаете право, вы уничтожаете саму наслѣдственность, вы подрываете самый тронъ, священнѣйшее изъ на-

слѣдствъ»... «Поразмыслите хорошенько, сказалъ графъ Брюль,—и вы увидите, что Пруссія держится двумя органическими учрежденіями: монархіей и наследственностью административныхъ и юридическихъ должностей въ нашихъ округахъ»... Клейсть-Ретцовъ и Зенфтъ-Пильзахъ, самые вліятельные члены палаты господъ, обратились лично къ королю и умоляли его спасти монархію. Король и императоръ удостоили ихъ отвѣтомъ, писаннымъ собственною рукою, въ которомъ говорятъ, что ни онъ самъ, ни князь Бисмаркъ, авторъ проекта новаго закона, ни графъ Эйленбургъ, министръ внутрѣнныхъ дѣлъ, настаивавшій на принятіи закона, неособенно симпатизируютъ предложенной мѣрѣ, но считаютъ ее крайне необходимой въ видахъ государственной пользы.

Но Клейсть-Ретцовъ, Зенфтъ-Пильзахъ и Мольтке, за три дня предъ вотированіемъ закона вступившій въ палату господъ,—подали свой голосъ противъ новаго закона. За ними противъ закона вотировало большинство палаты и, такимъ образомъ, этотъ законъ, принятый палатой депутатовъ, былъ отвергнутъ палатой господъ. Такое рѣшеніе палаты возбудило противъ нея общественное мнѣніе страны; въ либеральной печати стали появляться статьи, въ которыхъ заявлялось требованіе «упраздненія палаты господъ, зараженной духомъ мелкаго эгоизма и лишенной пониманія истинныхъ интересовъ страны». Въ палатѣ депутатовъ ораторы либеральной партіи, Ласкеръ, Рейхеншпергеръ, Фелькъ и др. возвысили свой голосъ противъ «эгоистовъ и честолюбцевъ» и просили правительство не обращать вниманія на тупую оппозицію «юнкеровъ» и принять надлежащія мѣры.

Правительство само видѣло необходимость положить конецъ этой неожиданной-негаданной оппозиціи, къ великому огорченію людей, страстно любящихъ зрѣлища, даже и такія, гдѣ актерами являются далеко не замѣчательные артисты, какъ члены прусской палаты господъ. Правительство рѣшилось назначить въ палату столько новыхъ пэровъ, сколько ему было нужно для того, чтобы составилось необходимое большинство.

Феодалы вознегодовали. «Пришелъ конецъ палатѣ господъ, съ плачемъ говорила «Крестовая газета»:—она унижена и оскорблена».

Но правительство не обратило вниманія ни на плачь, ни на негодованіе. Оно назначило 25 новыхъ пэровъ. Министерство снова представило законъ о преобразованіи окружного управленія и на этотъ разъ на его сторонѣ оказалось узаконенное большинство.

Однакожъ такой исходъ дѣла не могъ прекратить борьбу, начав-

шуются между палатой господъ съ одной стороны и правительствомъ и палатой депутатовъ съ другой, между аристократіей, которая считаетъ себя еще очень сильной въ Пруссіи, и либеральной буржуазіей, въ рукахъ которой въ настоящій моментъ находится руководство дѣлами страны.

Борьба между феодальной аристократіей и либеральной буржуазіей въ Пруссіи началась уже давно. Послѣ 1849 года въ Пруссіи, какъ и вездѣ въ Германіи, водворилась реакція, при чемъ обнаружилось сильное тяготѣніе къ феодализму. Сами революціонеры были романтиками, а послѣ ихъ пораженія романтизмъ принялъ размѣры эпидеміи. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, самый романтичный изъ государей того времени (вынѣшній баварскій король Людовикъ въ то время еще былъ ребенкомъ), упразднилъ многія учрежденія, имѣвшія чисто-буржуазный характеръ и введенныя Фридрихомъ II, Штейномъ и Гарденбергомъ. Подъ предлогомъ охранять порядокъ противъ беспорядка возстановлены многія феодальныя учрежденія и права; сама буржуазія встрѣтила эти перемѣны съ радостью; она не понимала, куда онѣ ведутъ. Она сама отняла у себя возможность противиться подобнымъ нововведеніямъ, возстановлявшимъ глубокую старину, противъ которой съ успѣхомъ ратовали ея реформаторы, и вскорѣ феодалы снова захватили власть въ свои руки, указали буржуазіи дверь и посоветовали ей смиренненько уѣзться за прилавокъ и заняться собираніемъ барышей. Буржуазія прежде всего хотѣла мира, почему и рѣшилась на многія уступки; теперь-же она убѣдилась, что ей снова приходится принимать битву и начинать войну.

Но возгорѣвшаяся война вскорѣ привела къ непредвидѣннымъ результатамъ; сильная феодальная аристократія постоянно одерживала побѣды, но плодами побѣдъ обыкновенно пользовалась не она, а ея противники, которыхъ она только-что побила. Такъ что въ концѣ-концовъ всѣ выгоды отъ войны оставались на сторонѣ буржуазіи.

До послѣднихъ внѣшнихъ войнъ, усилившихъ Пруссію, феодалы имѣли свои владѣнія и вліяніе въ шести восточныхъ провинціяхъ. Либеральная буржуазія сосредоточилась въ Берлинѣ и въ городахъ двухъ западныхъ провинцій. Во время своей ожесточенной борьбы съ буржуазіей феодалы мало-по-малу раззорялись и съ тѣмъ вмѣстѣ теряли свое вліяніе; очень многіе изъ нихъ въ пятидесятыхъ годахъ сильно обѣднѣли, такъ что обратились почти въ пролетаріевъ; буржуазія-же въ это время съ каждымъ годомъ богатѣла болѣе и болѣе. Но все-таки между враждующими сторонами сохранялось еще нѣкоторое равновѣсіе: двѣ богатыя провинціи стояли шести обѣднѣ-

шихъ. Повидимому, ни та, ни другая сторона не взяла перевѣса и споръ между ними оставался въ томъ-же положеніи, въ какомъ онъ былъ при началѣ борьбы. Западныя провинціи, находившіяся въ рукахъ буржуазіи, пользовались болѣе современными учрежденіями, восточныя жили по старинѣ.

Но послѣ приобретеній 1866 года равновѣсіе уничтожилось въ пользу буржуазіи. Во вновь присоединенныхъ провинціяхъ неудобно было взводить феодальныя учрежденія; побѣжденныхъ можно было хоть нѣсколько привязать къ побѣдителямъ только реформами либеральнаго свойства. Правительство волей-неволей должно было принять программу національно-либеральной партіи и стѣснить феодализмъ. Бисмаркъ, вышедшій изъ рядовъ «юнкерской» партіи и достигшій власти при дружной помощи «юнкеровъ», сдѣлался теперь героемъ прогрессистовъ, къ которымъ прежде онъ относился не иначе, какъ съ рѣзкой фразой, съ насмѣшкой, ироніей и даже ругательствами. Послѣ этого національные либералы окончательно восторжествовали, а феодалы отступили къ своимъ замкамъ, въ которые засѣли, ожидая, что обстоятельства снова измѣнятся и они опять выступятъ на политическую арену въ качествѣ побѣдителей.

Буржуазія ликуетъ; побѣда, одержанная ею по вопросу объ окружномъ управленіи, считается рѣшительной. Однакожъ и феодалы не унываютъ; они рассчитываютъ, что большая часть мѣстъ начальниковъ окружныхъ совѣтовъ останется за ними. И они правы; они имѣютъ за себя прецедентъ: военныя офицерскія мѣста по закону открыты одинаково для всѣхъ сословій, для феодаловъ равно и для буржуазіи; между тѣмъ огромное большинство офицеровъ прусской арміи носитъ дворянскія фамиліи; исключенія такъ рѣдки, что ихъ почти можно перечестъ по пальцамъ. Не ясно-ли, что теперь роли переѣнились: прежде, когда побѣду одерживали феодалы, выгоды отъ нея доставались буржуазіи, и наоборотъ: побѣдительницей теперь буржуазія, а плодами побѣды пользуются феодалы. Во время послѣдняго столкновенія по вопросу объ окружномъ управленіи палатѣ господъ предсказывали окончательную смерть, но она осталась здоровой и невредимой, и послѣднее ея слово, разумѣется, еще не сказано.

Когда приходится анализировать, повидимому, самыя рѣшительныя побѣды, изумляешься, какъ быстро слѣдуетъ за ними разочарованіе, и обратная сторона медали является во всей своей непривлекательной наготѣ. На самомъ дѣлѣ успѣхъ, вызывающій рукоплесканія толпы, не стоитъ усилій, потраченныхъ для достиженія его. Побѣда для посредственныхъ людей болѣе пагубна, чѣмъ поражение для лич-

ностей, обладающих мужественнымъ сердцемъ. Честный человекъ, идущій по тернистой тропѣ права, справедливости, не боится поражений; слѣдуя отъ неуспѣха къ неуспѣху, онъ и своими поражениями приноситъ пользу людямъ и двигаетъ впередъ защищаемое имъ дѣло. Люди-же сомнительной политической честности, несмотря на свои победы, по большей части кончаютъ рѣшительнымъ поражениемъ и удалениемъ съ арены дѣятельности.

**ЗАВЕСА
ВЪ
ИМБИТЪ.**

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ КНИГИ.

- Здоровье подростящихъ поколѣній. (Окончаніе) *А. Михайлова.*
Разбойникъ. Стихотв. (Изъ А. Петефи). *А. Ш.*
Современное экономическое значеніе Поволжья. (Продолженіе). *Д. Л. Мордовцева.*
Изъ монологовъ. Стихотвореніе. *В. И. Славянскаго.*
Погоня за наживой. Романъ. (Часть вторая. Гл. XI—XVI). *Н. Н. Каразина.*
Заботы общества о судьбѣ малолѣтнихъ преступниковъ. (Ст. первая). *Фонъ-деръ-Ховенъ.*
Романтизмъ русскій (Ст. первая). *Н. Радюкина.*
Крестьянскіе выборы. (Сцены.) (Окончаніе). *Н. Наумова.*
Родной городъ. Стихотвореніе. (Изъ А. Петефи). *А. Ш.*
Безъ исхода. Романъ. (Гл. XL—XLV). *К. М. Станюковича.*
Шинбарка. Стихотв. (Изъ А. Петефи). *А. Ш.*
Статистическіе очерки Россіи. (Продолженіе) *Нюнова.*
Заря новой жизни. Романъ. (Гл. I—IV). *Фр. Герштекера.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Пушкинъ и Лермонтовъ. (Ст. первая). *С. С. Шашкова.*
Тенденціозный романъ. (Окончаніе). *Постнаго.*
Новыя книги
Квартирный вопросъ на Западѣ и у насъ. (Окончаніе) *Н. Н.*
Политическая и общественная хроника.
-

Въ редакціи сборника „ПРИРОДА“ (Москва, Петровна, домъ 'Самариной, противъ Петровскаго монастыря) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ продаются:

1-я и 2-я книги популярнаго естественно-историческаго сборника

ПРИРОДА,

издаваемого подъ редакціею проф. С. А. Усова и Л. П. Сабаньева. Роскошное изданіе на веленовой бумагѣ, съ таблицами и рисунками въ текстѣ.

СОДЕРЖАНІЕ 1-й книги:

(Большой томъ въ 400 стр. (Imper. oct.), съ 8 таблицами и 60 рисунками въ текстѣ).

Публичныя лекціи астрономіи. Проф. Ф. А. Бредихина. Съ 3-мя хромофотографіями и 22 рисунками.—Проростаніе растений. А. Н. Петуникова. Съ 8 рис.—Цератодъ, новооткрытая австраійская рыба. А. Бюнтера. Съ 5 рис.—Арвары (горные бараны Средней Азіи). Н. А. Сьверцова. Съ *олеографіей*, выполненной въ Лейпцигѣ, и 5 рис.—Сиватерій. Проф. С. А. Усова. Съ таблицей и 5 рис.—Поѣздка къ вулканамъ Италіи. Проф. Г. А. Траутмольда. Съ *хромофотографіей* и 5 рис.—Очерки африканской фауны. Орель-секретарь. Д. Н. Анучина. Съ *раскрашеной литографіей*.—Тина. А. Н. Петуникова. Съ 9 рис.—Носорогъ московскаго зоологическаго сада. Съ *олеографіей*, выполненной въ Лейпцигѣ.

СОДЕРЖАНІЕ 2-й книги:

(Большой томъ въ 400 стр. (Imper. oct.) съ 6 таблицами и 100 рисунками въ текстѣ).

Публичныя лекціи астрономіи. Проф. Ф. А. Бредихина. Съ *литографіей* и 16 рис.—Везёрскіе троглодиты (древніе обитатели Везёрскихъ пещеръ). П. Брока. Съ 31 рис.—Г. Р. Кирхгоффъ и его открытія. Проф. А. Н. Столтова. Съ *портретомъ*, гравир. на стали въ Лейпцигѣ, и 3 рис.—Морская трава. Воспоминаніе о поѣздкѣ въ Неаполь. А. Н. Петуникова. Съ 2 *хромофотографіями*, *таблицей* и 5 рис.—Зауральскія озера. Жизнь рыбъ и рыболовство на озерахъ. Л. П. Сабаньева. Съ *картой* и 15 рис.—Прямой путь. Проф. Н. П. Вагнера. Съ 25 рис.—Замѣтка о каспійской ловлѣ. Е. Н. Яковлева. Съ 4 рис.—Очерки африканской

фауны. Орель-скоморохъ. Д. Н. Анучина. Съ раскрашен. литографіей.—Кусокъ мѣла. Публичная лекція Гексли. Съ 10 рпс.

Цѣна каждой книги 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Иногородные, выписывающіе изъ Редакціи обѣ книги, за пересылку не прилагаютъ. Учебныя заведенія и провинціальныя и полковныя бібліотеки могутъ получать обѣ книги за 7 р. съ перес.

Книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

Въ сентябрь будетъ объявлена подписка на 1874 годъ.

Въ редакціи «ПРИРОДЫ» можно получать: Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирскихъ земляхъ. Л. П. Сабантеева. Съ картой. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступили въ продажу новыя изданія
В. ЧЕРНАСОВА:

НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА

для обученія и самообученія грамотѣ, съ 600 рисунками въ текстѣ и листкомъ разръзныхъ буквъ. Спб. 1873 г. 48 стр. большого формата. Цѣна на простой бумагѣ 10 к., на веле-невой 20 к.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ НАГЛЯДНОЙ АЗБУКѢ.

Спб. 1873 г. 45 стр. большого формата, съ 9 пояснительными рисунками. Цѣна 15 к.

Складъ въ книжномъ магазинѣ А. Θ. БАЗУНОВА (Спб., Невскій просп., д. № 30).

ВЫШЕЛЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНІЙ ТОМЪ

ЕВРОПЕЙСКІЯ МИНЫ И КОНТРЪ-МИНЫ.

Романъ Грегора Самарова, служащій продолженіемъ романа того-же автора „Изъ-за скиптра и коронъ“.

Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 80 к.

За оба тома 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ конторѣ редакціи журнала «Дѣло». Подписчики 3 руб. съ пересылкой.

присоединенных провинцій.—Ходъ дѣла медиатизированія владѣтелей мелкихъ государствъ Германіи.—Военное объединеніе.—Призрачная автономія южно-германскихъ государствъ.—Оппозиція южныхъ государствъ судебной централизаціи.—Партикуляризмъ сельскаго населенія.—Значеніе рейхстага.—Затрудненія, встрѣчаемыя Пруссіей на пути къ своему объединенію.—Агитація феодаловъ противъ закона объ округахъ.—Борьба прусской аристократіи съ либеральной буржуазіей.— Въ этой борьбѣ плодами побѣды постоянно пользовались побѣжденные.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Надеждиной ул., д. № 39)

ВЫШЛИ И ПРОДАЮТСЯ:

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ ДЖОНА БРАЙТА

ПО ВОПРОСАМЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ биографическми очерками и портретами автора.

Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ

В. О. ПОРТУГАЛОВА.

Около 40 печатн. листовъ. Цѣна 3 р. с., съ перес. 3 р. 30 к.

Адресоваться въ контору редакціи журнала «Дѣло».

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала *Дѣло* въ 1878 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала *Дѣло*; 3) отъ Редакціи сборника «Природа»; 4) объ изданіяхъ Черкасова и 5) о романѣ Грегора Самарова: «Европейскія мины и контръ-мины».

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1873 ГОДУ

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по
Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа,
на Невскомъ проспектѣ, по Гости-
ному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ
Книжномъ Магазинѣ для Иногород-
ныхъ, на Невскомъ, противъ Думы,
въ д. № 86.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Солов-
ева, на Страстномъ бульварѣ, въ д.
Алексѣева; а также въ книжномъ ма-
газинѣ М. М. Черенина, на Рох-
дественѣ, въ д. Торлецкаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногородн.	16 »
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 » 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р. 50 к. Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княже-
ства — 19 р. 50 к.; Франція и Давія — 20 р. 50 к.; Англія, Швеція, Испанія,
Португалія, Турція и Греція — 21 р. 50 к.; Швейцарія 22 р. 50 к.; Италія—
23 р. 50 к.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручитель-
ствомъ гг. назначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

—

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

CHARGE

Widener Library

3 2044 079 301 933